

**МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ПО ПЕРИМЕТРУ ГРАНИЦ КАВКАЗА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

*Издание осуществлено
при поддержке Афганского Делового Центра,
Представительства Торгово-промышленной
палаты Афганистана в России
и лично президента Центра
Мохаммада Надир Шаха*

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт востоковедения

**МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ПО ПЕРИМЕТРУ ГРАНИЦ КАВКАЗА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

ИВ РАН
Крафт+
Москва
2012

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
М 11

Ответственные редакторы
В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко

Подготовка рукописи к печати
Н.И. Черниченкина

М 11 **Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии/** [Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко]. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012. – 552 с. – ISBN 978-5-89282-499-6

В центре внимания авторов сборника – пояс мусульманских государств вдоль южных границ Кавказа и Центральной Азии, который составляют Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, а также курдские районы Ирака и Сирии. В статьях, подготовленных по преимуществу участниками представительной научной конференции, прошедшей в Институте востоковедения РАН в ноябре 2010 г., рассматриваются особенности современного этапа социально-экономической эволюции государств региона, социально-демографические процессы, культурно-исторические традиции и инновации, этнополитические проблемы, борьба с терроризмом, внешняя политика региональных государств. Особые разделы книги посвящены афгано-пакистанскому конфликтному узлу и внутривосточным процессам в современной Турции.

Книга предназначена для научных сотрудников, экспертов, журналистов, аспирантов, студентов, всех интересующихся происходящим к югу от границ России.

ISBN 978-5-89282-499-6

© Коллектив авторов, 2012
© Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пространственный ареал по периметру границ Кавказа и Центральной Азии состоит из четырех государств Большого Ближнего и Среднего Востока — Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана. К нему непосредственно примыкают курдские районы Ирака и Сирии. Все это преимущественно мусульманские территории, где в Новое время сложились имперские центры суннитского и шиитского ислама. Международное значение ареала в современную эпоху существенно возросло. Причины многообразны — присутствие там (в Афганистане и Ираке) войск США и НАТО, риск терроризма под флагом ислама, этнический (прежде всего курдский) сепаратизм, вызывающая озабоченность слабость ядерной державы (Пакистана), полная неопределенность афганской ситуации, поток наркотиков, исходящих из региона, угроза распространения конфликтов и вынужденной миграции населения в соседние районы.

Рассматриваемый в данном тематическом сборнике обширный ареал закономерно привлекает большое внимание в России. Он находится на ключевом для нее южном направлении. В аналитических целях можно выделить три географических пояса в пространстве к югу от российских рубежей. Первый состоит из новых государств Закавказья, или Южного Кавказа, и Центральной Азии. В него входят шесть постсоветских республик с преимущественно мусульманским населением, а также Армения и Грузия, географически относимые к Азии и долгое время находившиеся в орбите господства и влияния исламских империй — Османской (турецкой) и Каджарской (персидской). С 2008 г. в Кавказском регионе появились два частично признанных государства — Южная Осетия и Абхазия. Первый южный пояс России можно считать частью ее ближнего зарубежья, так как произошедший 20 лет назад разрыв интеграционных отношений не привел к ликвидации тесных торгово-экономических и культурно-гуманитарных контактов. Южный Кавказ и Центральная Азия сохраняют высокую степень зависимости от России как ведущей мировой экономики, крупнейшего евроазиатского государства, цент-

ра русскоязычной культуры и межнационального общения на русском языке.

Второй пояс государств и территорий составляет то самое мусульманское пространство по периметру южных границ Кавказа и Центральной Азии, проблемам и особенностям которого посвящена эта книга. Наконец третий пояс соседствует со вторым и включает преимущественно арабские государства зоны Персидского залива, Аравии, Восточного Средиземноморья и Северо-Восточной Африки.

Данный сборник статей является седьмым по счету изданием, посвященным исламу, политике, экономике и культуре в ареале к югу от России. В 2001 г. в этой серии вышли две книги — «Ислам и политика» и «Мусульманское пространство у границ СНГ». За ними последовали сборники статей «Ислам на современном Востоке» (2004) и «Ислам и общественное развитие в начале XXI века» (2005). В 2010 г. вышла книга «Россия и мусульманский мир», а в 2011 г. при поддержке РГНФ был издан сборник «Исламский фактор в истории и современности». Все эти публикации были подготовлены Центром по изучению стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН (до 2010 г. — Отделом стран БСВ) по итогам проводимых им регулярно (раз в два года) международных и общероссийских научных конференций.

Большинство статей предлагаемого читателю сборника подготовлены на базе докладов, прочитанных на представительной научной конференции, прошедшей в начале ноября 2010 г. в стенах Института востоковедения. Подробный отчет об этой конференции, имевшей название «Культурно-цивилизационные традиции, социальная и политическая трансформация, конфликты и взаимодействие в регионе стран Ближнего и Среднего Востока» представлен в журнале «Восток» (2011, № 3, с. 150–161).

Хотелось бы кратко остановиться на некоторых особенностях нынешнего издания, отличающегося от предшествующих, и подчеркнуть актуальность ряда вопросов, которые освещены в статьях сборника. Обращает на себя внимание, что в отличие от большинства предшествующих книг в «зеленой серии», подготовленных Центром изучения стран БСВ, в этом сборнике анализируются проблемы и ситуации, строго связанные со средним поясом в ареале к югу от российских границ. Даже в наиболее близкой по тематике в этом отношении книге «Мусульманские страны у границ СНГ» в ряде статей рассматривались вопросы, выходящие за рамки изучения Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана и курдского ареала.

Еще одно отличие данного издания состоит в его более четкой структурированности и большем акценте на культурологическую проблематику. Она прямо вытекает из концепции упомянутой выше конференции. Приглашая к участию в ней, Оргкомитет предложил обсудить пять блоков вопросов и проблем.

1. Современный этап социально-экономической эволюции региона: демографическая динамика, экологическая ситуация, аграрная экономика, урбанизация, внутренняя и внешняя миграция, индустриализация и сфера услуг.

2. Культурно-религиозные традиции и инновации: школы и течения в суннитском исламе, ислам шиитского толка, образование и религиозные традиции, женское образование, массовая и элитная культура.

3. Социальные и политические конфликты: трения на конфессиональной почве, межэтнические конфликты, национальные движения, радикальный исламизм, терроризм и диверсионно-террористическая война.

4. Политические процессы: политическая культура и политические системы, автократия и демократия, идеологическая и политическая роль ислама, институциональные и социальные группы интересов, формирование гражданского общества, централизм и федерализм.

5. Взаимодействие внутри региона и между странами региона и его соседями:

внутрирегиональные экономические и политические взаимосвязи, отношения с Европой, Кавказом, Центральной Азией, арабским миром и Индией,

совместная борьба с угрозами политической нестабильности, наркомагией, контрабандой, преступностью,

экономическое сотрудничество,

участие стран региона в международных проектах и программах развития.

Практически все представленные участниками доклады укладывались в намеченную схему, однако далеко не все вопросы получили в них раскрытие и освещение. В то же время выделилось несколько наиболее общих тем и сквозных сюжетов, которые легли в основу семи разделов книги.

Первый раздел (Современный этап социально-экономического развития) включает статьи постановочного и теоретического характера. Связь неравномерной эволюции стран региона с процессами глобализации и ре-

гионализации и соответствующей им геополитической динамикой рассматривает *В. Я. Белокреницкий*. В статье *А. В. Акимова* анализируются демографические перспективы и природные ресурсы четырех стран региона. Сравнительный анализ эффективности различных экономических моделей, которым следовали Турция и Иран в период после окончания Второй мировой войны, представлен в статье *Н. М. Мамедовой*. *С. Н. Каменев* проанализировал влияние постигшей Пакистан небывалой природной катастрофы, разрушительного наводнения 2010 г., на перспективы его экономического развития. В статье *Н. Ю. Ульченко* на примере современной Турции рассмотрена особая политическая экономия исламского типа.

Необходимо подчеркнуть, что, как следует из статей, помещенных в первом разделе сборника, четыре государства региона, которые можно называть Средне-Западной Азией, распадаются на два успешно и быстро развивающихся — Турцию и Иран и два столкнувшихся в своем развитии с большими сложностями и трудноразрешимыми проблемами — Пакистан и Афганистан.

Во втором разделе (Социально-демографические процессы) помещены статьи на более частные темы. *И. В. Жмуйда* рассмотрела важный для экономического положения в Пакистане вопрос о внешней миграции. *Н. М. Мосаки* охарактеризовал динамику и направления перемещений курдского населения в пределах Турецкой Республики. Современные проблемы, связанные с экономической активностью женщин в Турции, в целом достаточно низкой, проанализированы *Ю. В. Хромовой*, а особенности трудовой миграции турок в Западную Европу — *Н. Р. Масумовой*. В последней статье речь идет о хорошо известном явлении, которое рассматривается главным образом под углом зрения экономической целесообразности для Европы.

В третьем разделе собраны статьи, освещающие с разных сторон современную ситуацию в Афганистане и Пакистане. При этом главное внимание авторов привлекает продолжающийся более 10 лет конфликт в Афганистане. Свержение власти талибов, произошедшее осенью 2001 г. в результате вторжения войск США и Великобритании и наступления на Кабул сил афганского «Северного альянса», не привело к установлению прочного мира в одной из наиболее бедных и архаичных стран Азии. Более того, с середины 2000-х годов положение заметно ухудшилось. Несмотря на некоторый прогресс в экономической области, сопротивление талибов и их союзников, имеющих базы для отхода и отдыха в Пакистане, заметно усилилось. Тупиковая ситуация, сложившаяся в конце десятилетия в зоне афгано-пакистанского конфликтного угла, стала предметом рассмотрения в статьях *В. Г. Коргуна* и *М. Р. Аруновой*. В статье первого из названных авторов речь идет о мирных инициативах правительства афганского президента Х. Карзая, а второго — об особенностях курса президента США Б. Обамы в афганском вопросе. В статье *О. Нессара* раскрываются

детали снабжения войск НАТО, воюющих в Афганистане, отмечается роль северного маршрута через Россию и Центральную Азию. *У.В. Окимбеков* рассматривает восстановление электроэнергетики Афганистана после падения талибов, отмечая определенные успехи, достигнутые в этой области, и немалые перспективы. В статье *Ю.Н. Паничкина* (Рязань) прослеживаются сложные и противоречивые взаимоотношения между Пакистаном и Афганистаном на последнем постталибском этапе. Важнейшую сторону конфликтного узла — усиление исламоэкстремизма в Пакистане в конце 2000-х годов — анализирует *Н.А. Замараева*. На взаимодействии США и Пакистана по вопросу борьбы с терроризмом, прежде всего с организацией «Аль-Каида», в Афганистане и афгано-пакистанском приграничье концентрирует внимание в своей статье *А.В. Воробьев* (Казань).

Четвертый раздел посвящен вопросам культурно-религиозных традиций и инноваций. Основное внимание в семи статьях этого раздела уделяется сохранению и преобразованию традиций в исламе, но открывает раздел статья *Х. Омархали* из Германии об исторических предпосылках формирования канонической традиции среди последователей йезидизма — доисламской курдской религии. В статье *С.Ф. Орешковой* освещен своеобразный и поучительный опыт синтеза двух путей цивилизационного развития Турции — исламского и европейского. *С.Б. Дружиловский* посвятил статью эволюции политической мысли в современном Иране, выделив крупные сегменты влияния идеологии на политику. В статье *Е.В. Дунаевой* анализируются нынешняя ситуация с положением женщин в иранском обществе и перспективы преодоления все еще господствующих в нем гендерных стереотипов (мужского шовинизма). Отражение духовно-нравственных устоев иранского общества в современном персидском языке выявлено в статье *М.С. Каменево*. Деятельность и учение современного накшбандийского суфия Гулам Хабиба, чье наследие почитается не только на родине, в Пакистане, но и за ее пределами, в частности в странах Центральной Азии, рассматриваются *И.Ф. Сафаргалиевым*. Затрагивая тему инновации в исламском коммерческом праве, *А.Л. Барковский* выявляет современные подходы к обновлению приемов и принципов предпринимательской деятельности в мусульманском обществе.

Пятый раздел посвящен этнополитическим проблемам и терроризму. В статье *О.И. Жигалиной* рассмотрен курдский вопрос как порождающий конфликты в таких странах Западной Азии, как Ирак, где острой остается проблема контроля над богатой нефтью провинцией Киркук, а также в Турции и Иране. *К.В. Вертяев* сосредоточил внимание на курдском вопросе в Турции, проанализировав подвиги в отношении к нему со стороны нынешнего правительства страны и всего турецкого общества. *И.Н. Серенко* выявила роль современной системы образования в Пакистане, выстроенной с учетом мусульманской культурной традиции и мирового педагогического

опыта, в борьбе с социальными истоками терроризма. В статье *Н. А. Филина* анализируется современная террористическая ситуация в Иране, которую определяют непримиримо оппозиционные этнополитические движения на окраинах страны, в белуджских и курдских районах.

Раздел шестой целиком посвящен политическим процессам в Турции. Открывает его статья *Н. Г. Киреева*, в которой анализируются итоги правления Партии справедливости и развития (ПСР) к концу 2010 г. и отмечаются основные направления ее деятельности на современном этапе. *Н. И. Черниченкина* проанализировала победу ПСР над оппозицией на референдуме 12 сентября 2010 г. и парламентских выборах 2011 г. с учетом регионального фактора. Статья *В. И. Шлыкова* посвящена более общим вопросам взаимоотношения центра и периферии в Турции в условиях господства авторитарных по характеру партийных структур. *П. В. Шлыков* рассмотрел взаимоотношения между военной элитой и правящими политическими силами Турции, поставив вопрос о возможной «смене парадигмы», т. е. наступлении эры преобладания политиков над военными. Те же тенденции на примере «дела Эргенекона» затронуты в статье *В. В. Александрова*.

В заключительном седьмом разделе собраны статьи по внешней политике стран региона, их взаимоотношениям между собой и с соседними государствами. *А. В. Болдырев* проследил роль заключенной в 1936 г. «конвенции Монтрё» (о судоходстве по проливам, соединяющим Черное и Средиземное моря) в прошлом и настоящем российско-турецких отношений. *Е. И. Уразова* посвятила статью перспективам сотрудничества России с Турцией в области атомной энергетики. Новые аспекты в политике Анкары в отношении Израиля и Ирана с точки зрения их воздействия на американо-турецкие взаимосвязи проанализированы *И. И. Ивановой*. Позиция Ирана по ближневосточному (палестинско-израильскому) урегулированию и другим конфликтам в регионе и воздействие иранской внешнеполитической линии на расстановку региональных сил проанализированы в статье *Л. М. Кулагиной* и *В. М. Ахмедова*. Влияние политики США на Ближнем и Среднем Востоке на курс Ирана, который часто является ответной реакцией, прослежено *И. Е. Федоровой*. *В. И. Сажин* продемонстрировал дестабилизирующую роль ядерной программы Ирана для обстановки в регионе в связи с ирано-израильской конфронтационностью. Вопросы стратегического партнерства Китая и Ирана рассмотрены *В. В. Евсеевым*. Проблема мусульманского населения в Болгарии и ее влияние на нынешнее состояние дел в болгаро-турецких официальных взаимосвязях — предмет анализа в статье *О. П. Бибиковой*.

В. Я. Белокреницкий,
Н. Ю. Ульянов

Раздел I

**СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭВОЛЮЦИИ**

В. Я. Белокреницкий

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ
И РАСХОДЯЩИЕСЯ ТРАЕКТОРИИ
РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ
СРЕДНЕ-ЗАПАДНОЙ АЗИИ**

Понятие «глобализация» стало широко использоваться относительно недавно, в 90-х годах прошлого столетия. Обычно под ним подразумевается процесс стяжения и сопряжения мирового экономического, политического и культурного пространства, усложнение и уплотнение гуманитарных связей, рост обмена капиталом, товарами, научно-техническими изобретениями и инновациями, развитие средств связи и коммуникаций. Наряду с процессами, нивелирующими местные особенности глобализации, в современном мире имеют место противоположные тенденции к обособлению, сохранению специфических моделей существования и эволюции. Они находят отражение в явлениях национально-государственной изоляции (полной или частичной, избирательной) и автаркической или полуавтаркической регионализации.

В примыкающей с юга к Кавказу и Центральной Азии Средне-Западной Азии регионализация имеет глубокие исторические корни. Можно считать, что процесс формирования региональной подсистемы начался там после Первой мировой войны с распадом Османской империи и созданием турецкого национального государства, а также с преобразованием Персидской империи в Иран и обретением полной независимости Афганистаном после третьей англо-афганской войны. Накануне Второй мировой войны стремление региональных государств к взаимодействию привело к заключению в Тегеране в 1937 г. т. н. Саадабадского пакта с участием в нем помимо Ирана, Турции, Афганистана также Ирака¹.

Стремление государств региона к обособлению было прямо обусловлено конкуренцией внерегиональных держав за контроль над их пространством. Долгое время существовавшая разделенность этого пространства на северную часть, находящуюся в сфере влияния Российской империи, а затем — на некоторое время — Советской России, и южную, британскую часть во второй половине 1930-х гг. была нарушена проникновением

новых действующих на мировой арене держав, прежде всего нацистской Германии, а также фашистской Италии и милитаристской Японии. Активные действия будущих союзников по мировой войне продолжались в регионе относительно недолго и состояли в укреплении экономических связей, но главное — в деятельности политической агентуры, стремившейся перетянуть на свою сторону правящие в молодых государствах региона элиты или найти союзников среди оппозиции к ним. Деятельность японской агентуры, имевшая как антисоветский, так и антибританский характер, велась главным образом лишь в Афганистане и прекратилась после 1939 г., когда в Токио решили сосредоточить главные усилия на восточном и юго-восточном направлениях экспансии и искать ключи к Британской Индии со стороны моря и региона ЮВА². Действия германской разведки и ее агентуры заняли более продолжительный период времени. Немцам в Афганистане помогали итальянцы. Определенную работу германский абвер и другие специальные службы развернули в Иране и Турции. Им удалось склонить на свою сторону иранского правителя Реза-шаха³.

Вторая мировая война отложила планы формирования региональной подсистемы. Турция долгое время оставалась нейтральной и одно время склонялась к союзу с Германией, но избежала опрометчивого шага, наученная горьким опытом Первой мировой войны. Иран — после короткого сопротивления в августе 1941 г. — позволил войскам СССР и Великобритании, а позднее и США расположиться на своей территории (до окончания войны). После войны сначала Турция, а затем Иран встали на сторону западных держав в начавшемся противостоянии с СССР. Нейтральную позицию в период холодной войны занял Афганистан, у которого появился региональный партнер и соперник в лице Пакистана — возникшего на месте колониальной Индии нового государства. В середине 1950-х гг. Турция, Иран, Пакистан и Ирак образовали при участии США и Англии Багдадский пакт — одно из звеньев в цепи антисоветских военно-политических блоков, протянувшихся от Европы до Дальнего Востока. После переворота в Ираке в 1958 г. и выхода Багдада из пакта он был преобразован в СЕНТО (Организацию Центрального Договора, под «центром» имелся в виду регион Центрального Востока).

Вплоть до 1955 г. Вашингтон не оставлял попыток склонить Афганистан к участию в региональном союзе. Более того, строил планы наведения прочных мостов между Афганистаном и Пакистаном. Американская дипломатия не учла глубину противоречий между соседями по региону. У Афганистана имелись свои приоритеты, он стремился воспользоваться наличием пуштунского (афганского) населения в Пакистане и пуштунским национальным движением для усиления своего влияния на территории к югу от своих границ, вплоть до побережья Аравийского моря.

По существу Кабул поддерживал идею создания на пакистанском северо-западе пуштунской автономии — Пуштунистана⁴.

Вслед за послевоенным восстановлением экономики СССР и стабилизацией сферы его контроля и влияния в Восточной Европе и на Дальнем Востоке началась эра активной политики Москвы на южном направлении. Она позволила Кабулу сбалансировать свой курс развитием контактов с «великим северным соседом». Оставшись вне блоков и региональных пактов, Афганистан занял привычную для себя позицию буфера между геополитическим севером и югом Евразии.

Региональное сходство мусульманских стран по периметру границ Кавказа и Средней Азии было в 50–60-х гг. выражено весьма слабо. Турция связала себя с Западом через задействованность в политике на Балканах и в Восточной Европе. Она вступила в Организацию Североатлантического договора (НАТО) вместе с Грецией, несмотря на наличие между ними спорной кипрской проблемы. Пакистан был «пуговинной» связан с Индией, сразу после образования вступив с ней в спор по поводу принадлежности Кашмира — области на севере индостанского субконтинента. Иран был в чем-то подобен Афганистану, но его отличал выход к Мировому океану через Персидский залив и наличие крупных открытых и разрабатываемых нефтяных месторождений.

Исходный уровень социально-экономического развития

Геополитическая «разбросанность» региона, где явно выделялись западный, срединный и восточный сегменты, сочеталась с близостью уровней его социально-экономического положения. В первые годы после окончания войны у четырех стран региона, так же как и у примыкающего к нему курдского ареала Сирии и Ирака, было много общего. Об этом свидетельствуют, в частности, суммарные данные о показателях национального дохода (см. табл. 1).

Таблица 1

Национальный доход на душу населения в 1950 г.

Страна	По обменному курсу в текущих ценах, долл. США*	По обменному курсу в ценах 1970 г., долл. США**	По обменному курсу в ценах 1975 г., долл. США***
Афганистан	40	-	126
Пакистан	60	105	119
Иран	85	200	408
Турция	105	220	314

Источники:

* Оценки, приводимые в разных изданиях 1950 гг.; о них см. статью автора в: Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана. М., 1997, с. 43, а также статью автора в: Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001, с. 21.

** Ганковский Ю. Предисловие — Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока. М., 1981, с. 3.

*** Болотин Б. М., Шейнис В. Л. Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования. 1950–1985 годы. М., 1988, с. 344–349.

Вместе с тем, по степени развития экономики, сфер образования и культуры они уже тогда несколько отличались друг от друга. Население Турции в 1950 г. равнялось 20–22 млн. человек. Каждый третий житель был грамотным, половина детей школьного возраста посещала школу, насчитывалось 10 высших учебных заведений. В городах проживало 18% жителей (в Стамбуле — менее 1 млн. человек). Турция того времени — это еще в полной мере аграрная страна. Сельское хозяйство давало приблизительно 85% всей продукции (материального производства без услуг). Но политика модернизации, начатая Атаатюрком в 1923–1938 гг., принесла определенные плоды. Сложилась разветвленная сеть железных дорог протяженностью около 7,7 тыс. км, добыча угля превысила 4 млн. т в год, а выплавка чугуна и стали — 200 тыс. т. Имелась крупная пищевая и текстильная промышленность, на фабриках производилось 160–180 млн. м тканей⁵.

Иран по количеству населения несколько уступал Турции — 16–17 млн. человек. В его городах, так же как и в турецких, проживало менее 20% жителей, но грамотность была ниже, равняясь 19–20%. Число учебных заведений высшего типа было вдвое меньше турецких. Модернизационные усилия межвоенного периода (правление Реза-шаха Пехлеви) привели к появлению современной для своего времени пищевой и текстильной промышленности. При скромных объемах добычи угля (200 тыс. т в год) Иран являлся крупным поставщиком нефти и нефтепродуктов на мировом рынке. В 1950 г. добыча сырой нефти достигла пика для первого послевоенного периода — 32,3 млн. т. Она осуществлялась на средства британского капитала (Англо-Иранской нефтяной компании), а ее переработка производилась на крупнейшем в мире нефтеперегонном заводе в Абадане мощностью около 18 млн. т сырой нефти в год⁶. Из-за наличия нефтяного комплекса доля аграрного сектора в производимой продукции была в Иране существенно меньше, чем в Турции — порядка 70%.

Население Пакистана (в современных границах, тогда западного «крыла» государства) на рубеже 40–50-х гг. прошлого столетия было почти вдвое многочисленнее, чем в Иране и Турции, составляя, по разным оценкам, 32–36 млн. человек. Экономика страны носила ярко выраженный аграрный характер. На сельское хозяйство приходилось около 90% произ-

водимой материальной продукции. В городах проживало 18% жителей, а доля грамотных равнялась всего 10%⁷.

Запасы пригодной для орошения пресной воды были у Пакистана больше, чем у его западных соседей, что и дало возможность уже в колониальный период создать там один из самых обширных в мире ареалов ирригационного земледелия. Получил развитие железнодорожный транспорт. К 1947 г., моменту образования страны, имелась разветвленная, хотя и маломощная, предназначенная во многом для военно-стратегических целей, сеть железных дорог протяженностью 8,5 тыс. км⁸.

Афганистан уже в рассматриваемый период в экономическом отношении отставал от соседей. Сказались его замкнутое, не имеющее выходов к морю географическое положение и роль «ничейной земли», заповедной нейтральной зоны, отведенной ему «большой игрой» Британской и Российской империй в Азии. Импульсивная попытка модернизации хозяйства и политической сферы, предпринятая королем Амануллоу в 1920-х гг., закончилась неудачей⁹.

Хозяйство Афганистана отличалось преобладанием чисто аграрной специализации со значительным удельным весом кочевого скотоводства. В городах, главными функциями которых были управление и торговля, проживало 10–12% населения, составлявшего около 10 млн. человек. Плотность населения была чуть выше иранской (650 тыс. кв. км — площадь Афганистана, при иранской территории равной 1630 тыс. кв. км), втрое меньше, чем в Пакистане (800 кв. км), и приблизительно вдвое ниже турецкой (780 тыс. кв. км).

Расходящиеся траектории развития

Как следует из табл. 1, Турция в 1950 г. по величине душевого дохода превосходила Афганистан лишь в 2–2,5 раза, хотя и тогда западные страны региона (Турция и Иран) имели более высокие экономические показатели, чем восточные (Афганистан и Пакистан).

Через 30 лет, в 1980 г., разрыв заметно увеличился. Агрегатные показатели экономического развития Турции и Ирана были уже в 3–5 раз выше, чем у Афганистана и Пакистана (см. табл. 2).

Таблица 2

Национальный доход на душу населения в 1980 г.

(долл. США в ценах 1975 г.)

Страна	Доход по обменному курсу	Доход по паритету покупательной способности
Афганистан	121	423

Пакистан	221	662
Иран	1124	1783
Турция	766	2089

Источник: Болотин Б. М., Шейнис В. Л. Указ. соч., с. 354–357.

Нужно отметить, что развитие всех четырех стран региона в первые два десятилетия после окончания Второй мировой войны носило сходные черты. Утвердилась смешанная многоукладная система форм собственности и хозяйствования. Государство выступало в роли инициатора преобразований в экономике, прежде всего в аграрной сфере, проводя реформы и используя элементы планирования. Основным источником средств для развития индустриальных секторов было собственное сельское хозяйство. За счет разницы в ценах создавались условия для перелива вложений из аграрной в индустриальную сферу, росли государственные ассигнования на цели образования, социального обеспечения, жилищное строительство. Темпы роста экономики на протяжении первых трех десятилетий были достаточно стабильными, хотя и умеренными. Их поддерживал высокий демографический рост, одновременно «съедавший» часть приращения национального дохода.

Влияние внешнего фактора в наибольшей степени отразилось на эволюции Ирана, который как крупный экспортер нефти в 1970-х гг., после «революции цен» на нее, стал обладателем значительных валютных ресурсов. Поражение шахского режима в 1979 г. помогло провести их «стерилизацию» путем самоизоляции исламского Ирана и его вступления в войну с Ираком. Флуктуация цен на энергоносители в 1970–1980 гг. стала подоплекой катаклизмов в политической эволюции Турции, Пакистана и Афганистана.

В те же два десятилетия произошло более активное стягивание стран Средне-Западной Азии во внешний для них процесс через участие в конфронтации двух международно-политических лагерей, условно говоря, Североатлантического и Восточноевропейского. Окончание этой борьбы на рубеже 1980–1990 гг. привело для одних государств региона — Афганистана и Пакистана — к снижению роли внешнего фактора, а для других — Турции, а отчасти и Ирана — к его усилению ввиду большей втянутости в единую рыночную и торговую систему мира. Усиление глобализационных процессов особенно глубоко затронуло страны региона с конца 1990-х и в 2000-е годы, вызвав в целом ускорение экономического роста и социальных перемен, сопровождавшееся одновременно резким внутрорегиональным размежеванием.

В результате по сравнению с первым послевоенным тридцатилетием скорость увеличения разрыва между региональными государствами

за второе тридцатилетие повысилась примерно вдвое. В табл. 3 приведено сравнение показателей четырех государств за 1950, 1980, 2008 и 2009 гг. по валовому национальному продукту (ВНП) или доходу (ВНД) на душу населения в системе подсчета по официальному курсу обмена национальных валют на валюту США. Из нее видно, что в Афганистане за последние 30 лет он возрос менее чем в 3 раза, в Пакистане — в 4,5 раза, в Иране — в 4 раза или даже менее того, в Турции — округленно в 11–12 раз. При этом надо учитывать, что сравниваются данные Всемирного банка в текущих ценах и расчеты Б. М. Болотина и В. Л. Шейниса в долл. 1975 г., что завышает исходную базу. Разрыв между странами региона к исходу первого десятилетия XXI века увеличился существенно по сравнению с 1980 г. Афганистан отстал от Пакистана втрое, от Ирана — в 10 раз, а от Турции — почти в 30 раз. Отставание Пакистана от Ирана уменьшилось, но произошло это, очевидно, из-за особенностей подсчета ВНП в 1980 г., зато разрыв с Турцией у Пакистана вырос с 3,5 до 9 раз.

Таблица 3

Рост душевых показателей за шесть десятилетий
(долл. США, по официальному курсу обмена валют
в ценах 1975 г.)

Страна	1980 г.*	2008 г.**	2009 г.***
Афганистан	121	330	
Пакистан	221	980	1000
Иран	1124	3540	4530
Турция	766	9340	8720

Источники:

* Болотин Б. М., Шейнис Л. М. Указ. соч., с. 344–349, 357–359.

** World Development Report 2010//www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.

*** GNI per capita, Atlas method (current US\$)//http://data/worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD

Если взять за основу сравнения показатели в начальный период (1950 г., см. табл. 1, столбец 2), то увеличение дохода по всем странам за 60 лет будет весьма значительным, но кратность прироста сильно расходится. В Афганистане доход увеличился в 9 раз, в Пакистане — в 16 раз, в Иране — в 42 раза, а в Турции — в 90 раз. Нужно при этом учитывать многократное падение покупательной способности доллара за послевоенный период. Из-за этого динамика роста национального дохода всех государств региона на самом деле была существенно меньше.

Более умеренным по сравнению с ростом номинальных (по обменному курсу) доходов представляется прогресс за шесть десятилетий при рас-

чете национального дохода по паритету покупательной способности валют (см. табл. 4 и график на рис. 1).

Таблица 4

Рост душевых показателей за шесть десятилетий
(долл. США по ППС)

Страна	1950 г.*	1980 г.*	2008 г.**
Афганистан	479	423	1092
Пакистан	382	662	2700
Иран	733	1783	10 840
Турция	701	2089	13 770

Источники:

*Болотин Б. М., Шейнис Л. М. Указ. соч., с. 344–349, 357–359.

** World Development Report 2010//www.worldbank.org. pdf file, p. 378–379.

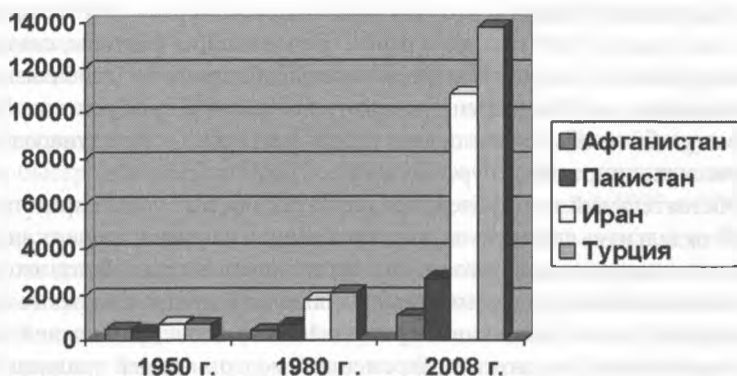

Рис. 1. Рост душевых показателей за шесть десятилетий (долл. США по ППС).

Как следует из используемых данных, в Афганистане доход на душу населения вырос примерно в 2,5 раза, в Пакистане — в 4, в Иране — в 5, в Турции — в 7 раз. Оценки за 1950 и 1980 гг. далеко не идеально сопоставимы с данными за 2008 г. Вместе с тем, душевые показатели дают возможность представить «веер траекторий», все более расходящихся к концу рассматриваемого периода.

Согласно данным Всемирного банка о душевом доходе в системе ППС за 2008 г., четыре страны региона четко распадаются на две группы. Первую составляют Турция и Иран с доходами округленно в 14 тыс. и 11 тыс. долл. в год на человека, а вторую — Пакистан и Афганистан с показателями 3 тыс. и 1 тыс. долл.¹⁰ Если в начальный послевоенный период разрыв составлял максимум 2–2,5 раза, то ныне он увеличился

до 3–4 раз при сравнении с Пакистаном и до 11–14 раз при сопоставлении с Афганистаном.

За счет чего образовались эти ножницы расходящихся траекторий? По всей видимости, главным обстоятельством был уже отмеченный выше внешний фактор. На его значение при анализе моделей экономического роста Ирана, Турции и Египта обратил внимание, в частности, М. Алехин¹¹. Рассматривая быстрое развитие Ирана и Турции в 2000-х гг., он убедительно показал, что основным стимулом роста были внешние факторы. В турецком случае они сводились главным образом к иностранным прямым инвестициям и работе на внешний рынок товаров и услуг, в том числе туристических, а в иранском — к потоку доходов от экспорта нефти. Между тем национальная производительность труда увеличилась ненамного, а внутренние факторы, как двигатели развития, были в Турции и Иране существенно менее значимыми, чем у других растущих экономик (США, Франции, Южной Кореи).

Распространяя подход, основанный на использовании модели Г. Хофстеда, на четыре рассматриваемые в статье государства, следует, видимо, еще раз подчеркнуть, что объединяющим моментом для их прогресса, и не только в 2000-х гг., но и ранее, были внешние факторы, связанные с втянутостью в мировой модернизационный процесс (глобализацию), а различались они по степени достигнутых на этом пути успехов. Различия могут быть объяснены целым рядом факторов — международно-политических, природно-ресурсных и культурно-исторических.

Обстоятельный и углубленный учет этих обстоятельств представляет собой отдельную сложную задачу, выходящую за рамки нашего анализа. Для начала можно лишь указать на достаточно очевидный факт, что более глубинные районы, расположенные дальше от Европы и морских путей, подвергаясь менее интенсивному воздействию извне, в большей степени сохраняли не затронутые современной модернизацией традиционные черты и сферы экономической, социальной и культурной активности и демонстрировали более высокую сопротивляемость внешнему влиянию. Велико в то же время было, очевидно, и значение таких факторов, как эффективность политики правящих кругов, подготовленность населения к переменам, его социально-организационные особенности и политико-психологические черты.

Современный уровень дифференциации

По аналогии с исходными характеристиками по странам посмотрим, как изменились показатели их развития за прошедшие с первого послевоенного периода шесть десятилетий.

Население **Турции** увеличилось за это время вчетверо, до примерно 80 млн. человек в 2011 г. Причем если на первых порах оно росло весьма

быстрыми темпами — около 2,5% в год, то в последнее десятилетие темпы снизились до 1,3–1,5%. Грамотность населения выросла с трети до 87%; у мужчин она достигла 95%, а у женщин (по оценке 2004 г.) — 80%¹². Число государственных университетов увеличилось до 53¹³. Достижением Турции в области образования является стопроцентный охват начальным образованием всех детей соответствующего возраста. Это говорит о том, что даже на крайнем востоке страны (в курдских по преимуществу областях Восточной и Юго-Восточной Анатолии) сельские дети получили возможность посещать школу. Доля городского населения на рубеже первого и второго десятилетия XXI столетия составляла почти 70% против менее одной пятой в середине XX века. Резко снизились такие показатели, как детская и младенческая смертность, увеличилась до 72 лет средняя продолжительность жизни (мужчин — до 70, женщин — до 74). Коэффициент суммарной рождаемости (фертильность) снизился до 2,2 деторождений, рождаемость на 1000 человек упала до 19 в год, при смертности равной шести. Турция вплотную приблизилась, таким образом, к странам, совершившим демографический переход (низкая планка смертности и рождаемости).

Экономический прогресс Турции за 60 лет послевоенного развития был значительным. Турецкая экономика из аграрной по преимуществу превратилась в индустриально-аграрную с развитой сферой услуг. Особенно быстро экономика Турции развивалась в первое десятилетие нынешнего столетия после преодоления кризисных явлений 1999 и 2001 гг. Государство в этот период сумело добиться макроэкономической стабилизации, опираясь на сложившиеся с 1990-х гг. под воздействием последовательно проводившейся политики либерализации сильный частный банковский сектор, крупный фондовый рынок с центром в Стамбуле, приток капитала извне и открытость экономики. Впервые в современной истории страны удалось побороть традиционный бич турецкой экономики — галопирующую инфляцию, ввести и обеспечить устойчивость турецкой лиры, ставшей свободно конвертируемой. Инфляция к концу десятилетия снизилась до менее 5%. Хотя мировой кризис не обошел Турцию стороной и ее ВВП снизился в 2009 г. на 4,7%, экономика быстро преодолела кризисные явления, продемонстрировав в следующем году рост в 7,3%¹⁴.

Изменения в области инфраструктуры коснулись главным образом автодорожного и авиационного сообщения. Суммарная длина автодорог с твердым покрытием превысила 300 тыс. км. Количество аэродромов с бетонированной взлетно-посадочной полосой достигло 90. Железнодорожная сеть за шесть десятилетий по протяженности почти не изменилась, а из 8,7 тыс. км железных дорог только несколько более 2 тыс. электрифицированы. Вместе с тем, в последние годы проложены первые линии скоростного железнодорожного сообщения (Анкара — Эскишехир)

и намечено сооружение новых магистральных путей. Торговый морской транспорт насчитывал, по данным на 2009 г., 645 кораблей, и по этому показателю страна занимала 18-е место в мире. Производство и потребление электроэнергии приблизилось к 200 млрд. кВт/час в год. Весьма большой оставалась зависимость Турции от ввоза сырой нефти: из примерно 32 млн. т потребляемой нефти страна производила только около 3 млн. т. Значительные объемы (около 7,5 млн. т в 2008 г.) Турция реэкспортировала, т. е. пропускала через свою территорию по трубопроводу Баку — Тбилиси — Джейхан. Потребление природного газа составляло в 2009 г. 32 млрд. куб. м; при этом производство составляло лишь 1 млрд, остальная часть импортировалась в значительной степени из России по трубопроводу «Голубой поток» (по дну Черного моря)¹⁵.

Заметный прогресс достигнут в текстильной отрасли, где была сосредоточена примерно треть всех занятых в обрабатывающей промышленности. По-прежнему крупную долю составляли пищевые отрасли, претерпевающие постепенную модернизацию. За последние два десятилетия значительно выросло производство и сборка легковых и грузовых автомашин, другого транспортного оборудования и в целом машинотехнической продукции¹⁶.

Существенная часть товаров турецкого индустриального производства (готовая одежда, продукты питания, текстиль, металлоизделия, автомобили) шла на экспорт, главным образом в Европу, но также и в некоторые соседние страны, в частности Иран. Импорт, однако, преобладал над экспортом. В 2010 г. дефицит сальдо текущего платежного баланса составил почти 40 млрд. долл., увеличившись с 14 млрд. в 2009 г. Виной тому — возросший уровень цен на энергоносители. С торговым дефицитом связан значительный внешний долг 270 млрд. долл. Величина прямых иностранных инвестиций снизилась со 174 млрд. долл. в конце 2008 г. до 85 млрд. долл. на 31 декабря 2010 г. Стоимость золотовалютных резервов равнялась 78 млрд. долл. (17-е место в мире)¹⁷.

Нужно еще раз отметить существенный скачок, совершенный Турцией за послевоенные годы, особенно за последние три десятилетия и в наибольшей степени за первые 10 лет XXI века. Начав с почти такого же низкого старта, что и остальные страны Средне-Западной Азии, Турция построила одну из ведущих экономик мира, находящуюся по объему ВВП в первой двадцатке (17-е место по ВВП в системе ППС и 19-е — по номинальному ВВП) и закономерно вошедшую в Группу 20 экономически наиболее развитых государств.

Сельское хозяйство Турции оставалось слабым звеном. На него приходилось менее 10% ВВП при занятости в 30%. Это означает, что производительность труда в сельской экономике, куда, помимо земледелия, входят скотоводство, рыбное и лесное хозяйства, была втрое ниже, чем общена-

циональная. На треть сельских жителей приходилась основная масса людей, проживающих ниже национальной черты бедности, а к таковым официальная турецкая статистика относила 17% жителей. На 10% самых бедных в Турции людей приходилось менее 2% национального дохода, а коэффициент Джини (неравномерности в распределении доходов) превышал 40.

Несмотря на трудности подсчета, очевидным представляется увеличившийся разрыв между наиболее продвинутыми западными районами страны и ее отсталыми восточными ареалами. Как отмечает Н. Ю. Ульченко, «разброс регионов Турции по уровню социально-экономического развития весьма велик»¹⁸. При этом средние показатели характеризовали два срединных физико-географических района страны, наибольший уровень развития отмечался в двух западных районах (Мраморноморском и Эгейском), наиболее территориально приближенных к Европе, а три региона к северу, востоку и югу от центра относились к отстающим. Особенно велико было отставание Восточной и Юго-Восточной Анатолии, причем за 2000-е годы по среднедушевому доходу оно возросло¹⁹.

В определенном смысле сходные результаты развития имеет еще одна страна региона — **Иран**. Удивительны некоторые совпадения в темпах изменения демографических и ряда экономических показателей двух соседних государств. Число жителей Ирана, отставая немного от показателей Турции в начальный период, выросло более чем в четыре раза — до 77 млн. человек. Причем более ускоренными темпами, по сравнению с турецкими, иранское население увеличивалось в начальные периоды, особенно в 1970–1980-х годах, а в последние десятилетия скорость приращения уменьшилась вдвое и оказалась к концу 2000-х гг. ниже турецких показателей (коэффициент фертильности 1,8 против 2,2). Примерно такие же, что и у Турции, показатели характеризовали соотношение городского и сельского населения. В иранских городах проживали, по оценкам на конец 2000-х гг., примерно 70% населения. При несколько более высоких, чем в Турции, показателях детской смертности средняя продолжительность жизни составляла 70 лет, уступая турецкому показателю два года.

Агрегатные экономические параметры Исламской Республики Иран в конце рассматриваемого периода, как и в его начале и на промежуточных этапах, за редким исключением²⁰, несколько уступали турецким. По данным международной статистики (Всемирного банка, МВФ, ЦРУ США и др.), которые чаще всего опираются на национальные подсчеты, величина ВВП Ирана в системе ППС достигла в 2010 г. 864 млрд. долл., и по нему он занимал 19-е место в мире, следуя почти вплотную за Турцией с ее 958 млрд. Однако номинальный ВВП Ирана (по валютному курсу) равнялся лишь 338 млрд. долл., уступая первому показателю в 2,6 раза

(разница в расчетах между доходом в ППС и доходом по обменному курсу в случае Турции равна всего 0,5 раза). Так как оба показателя — обменно-валютный и покупательный — имеют определенное значение, можно считать, что Иран в целом недотягивает до уровня средневысоких по доходам государств. Его душевой доход по ППС равнялся 11 тыс., а номинальный ВНД на душу населения — лишь 4300 долл. США²¹.

Своеобразной оставалась отраслевая структура иранской экономики. Как и в начальный период, она имела перекося в сторону индустриальных отраслей за счет гипертрофированной роли добычи и экспорта нефти. Добыча нефти увеличилась во второй половине 2000-х гг. вслед за возросшей мировой ценой на «черное золото». В кризисный 2009 г. она равнялась 211 млн. т (4,2 млн. баррелей в день). Экспорт превысил 100 млн. т и давал 80% экспортной выручки. Вслед за сырой нефтью в структуре вывоза следовали нефтехимия и химия. Хотя зависимость от нефти экономики Ирана велика и оставалась таковой на протяжении всех шести десятилетий развития после Второй мировой войны, доказанные нефтяные запасы громадны, составляя около 7 трлн. т²².

По запасам природного газа — 29,6 трлн. куб. м — Иран занимал второе место в мире, тогда как по нефти — третье. Производство газа в 2008 г. оценивалось в 200 млрд. куб. м, хотя экспорт был незначительным. Между тем превышение товарного экспорта над импортом — отличительная черта иранской экономики. По оценкам на 2010 г., экспортная выручка составила 80 млрд. долл., а импортные расходы — 60 млрд. При этом положительное сальдо текущего платежного баланса равнялось 10 млрд., что свидетельствует о значительных объемах перевода средств за границу²³.

В отличие от турецкой, иранская экономика относилась к числу по преимуществу авторитарных, замкнутых на себя и находилась под плотным контролем государства. После исламской революции в Иране 1978–1979 гг. огосударствление высших этажей национального хозяйства было едва ли не абсолютным. С 1990 г. началась частичная либерализация, Иран полуоткрылся для мирового рынка капиталов, так как остро нуждался в обновлении технико-технологической базы. Однако далеко продвинуться по этому пути ему не удалось из-за сопротивления как внутренних сил, заинтересованных в самоизоляции страны, так и внешних, прежде всего США, которые в середине 1990-х гг. ввели эмбарго на торговлю с Ираном, а затем и санкции против компаний, инвестирующих в иранскую нефтегазовую отрасль²⁴.

Сохранение исламского характера режима власти и директивно-административной системы управления экономикой не препятствовало существованию мелкого и среднего частного предпринимательства. Однако наибольшей поддержкой государства пользовались кооперативная и обще-

ственная (не частная) формы собственности. Только в 2001 г. Центральный банк Ирана одобрил создание первого частного банка. Затем были образованы еще два банка с участием государственного капитала. При этом частные банки должны были соблюдать исламские принципы деятельности²⁵.

Несмотря на антилиберализм господствующей в ИРИ идеологии, неравномерность в распределении доходов оказалась там в конце 2000-х гг. не менее выраженной, чем в Турции. На низшие по доходам 10% домохозяйств в 2005 г. приходилось 2,6% национального дохода, а коэффициент Джини равнялся 44,5. С этим показателем Иран оказался на 45-м месте в мире (из примерно 200)²⁶. По доле инвестиций он вышел на 28-е место, что свидетельствует о «рециклировании» государственного дохода в новые капиталовложения. Высокая инфляция в 2009 и 2010 гг. (14 и 11%) явилась следствием роста цен на импортные товары (металл, продукты питания, оборудование и т. п.) в условиях растущего внутреннего спроса и недостаточного предложения. Производство и потребление электроэнергии достигло, как и в Турции, примерно 200 млрд. кВт/час.

Внимание государства к вопросам народного образования привело к увеличению грамотности взрослого населения в Иране за шесть десятилетий примерно втрое. Еще в 1991 г. она составляла 66%, а в 2006 г. выросла до 82%. Неграмотность среди женщин старше 15 лет в начале XXI века была еще близка к четверти, но охват детей школьным обучением достигал 90%.

Сельское хозяйство в Иране хронически отставало, как и в Турции. На него приходилось, по оценкам на 2009 г., 11% ВВП и 25% занятых. На индустриальные сектора выпадало 46% вновь добавленной при переработке стоимости (т. е. ВВП) и 31% занятой рабочей силы. Разница между производительностью труда в сельскохозяйственных и индустриальных отраслях была хоть и значительной, но все же не такой большой, как в Турции. Это отражало, по-видимому, продуктивный характер некоторых аграрных отраслей Ирана, таких как рыболовство (по производству черной икры страна занимала одно из первых мест в мире) и садоводство (первое место по производству фисташковых орехов).

На сферу услуг, неперемногого спутника и побочного продукта развитой экономики, в Иране в отличие от Турции приходилось менее половины ВВП. Значительны, по оценкам, были размеры безработицы. В 2008 г. международная статистика относила к безработным 10, а в 2010 г. — 15% рабочей силы, сосредоточенной главным образом в городах²⁷.

Порайонные различия в Иране были в целом не менее существенны, чем в Турции. Основная масса населения сосредоточена на относительно небольшой площади (300–400 тыс. кв. км, 20–25%) в западной части страны. Наиболее развитыми в индустриальном отношении традиционно являлись западно-центральные районы, вокруг столицы — Тегерана,

а также Исфахана²⁸. Обширная восточная часть заселена весьма редко. За десятилетия, прошедшие после Второй мировой войны, сельское население, резко сократившись относительно (с 82 до 32%), увеличилось абсолютно с 15 до 25 млн. человек. Значительная часть прироста пришлась на отсталые и редконаселенные районы, которые имеются не только на востоке, но и на западе страны, в Курдистане, Луристане, Бахтиарии и некоторых других областях.

Пакистан за годы существования проделал значительную эволюцию от аграрной окраины колониальной Индии до аграрно-индустриальной страны с низким, но не самым низким доходом на душу населения. При этом число жителей увеличивалось быстрее, чем в Иране и Турции, достигнув — по оценкам на 2010 г. — примерно 180 млн. человек (более чем в пять раз за шесть десятилетий)²⁹. Долгое время остававшийся почти рекордным коэффициент фертильности (6–7 деторождений в среднем на женщину) снизился до 4. Темпы прироста в 2000-х гг. сократились до 2% в год. Вместе с тем, ежегодно население увеличивалось более чем на 3 млн. человек (на 10 млн. каждые три года).

При этом большинство жителей (65%) проживало в сельской местности. Таким образом, соотношение между городским и сельским населением в этой стране было обратным по сравнению с Турцией и Ираном. Грамотность оставалась также существенно ниже, даже по официальным данным — всего 54%, а по международным оценкам на 2005 г. — 50%. Особенно низка она среди женщин (около трети). Причем если почти все мальчики (93%) получали начальное образование, то среди девочек доля посещающих начальную школу составляла, по данным на 2005 г., 77%. Среди стран, по которым имеются оценки, Пакистан занимал первое место по числу лиц женского пола, не посещавших школу (свыше 4 млн. 200 тыс.). Его отличал один из самых низких уровней грамотности молодых женщин и девушек в возрасте 15–24 лет: оценки находились в пределах 53–59%³⁰.

Средняя продолжительность жизни в Пакистане, по данным за 2008–2009 гг., была на 5–7 лет ниже, чем в Турции и Иране (65–67 лет), при существенно более высокой младенческой смертности. Значительная часть населения не могла пользоваться чистой питьевой водой и канализацией.

Национальный доход Пакистана за время суверенного развития вырос многократно и достигал, по оценке на 2009 г., 162 млрд. долл. в текущих ценах по обменному курсу. По этому показателю он уступал Ирану в два раза, а Турции — в 5,5 раза. По национальному доходу в системе ППС показатель Пакистана был втрое выше, на 2008 г. оценивался в 450 млрд. долл., что было лишь в 1,7 раза меньше иранского (770 млрд. долл.), и в 2,3 раза — турецкого (1017 млрд. долл.)³¹.

Основой пакистанской экономики оставалась аграрная сфера, хотя на нее приходилось лишь 20% ВВП при 53%, выпадающих на услуги.

Добавленная стоимость в индустриальных секторах (обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, строительстве и инфраструктуре) с рубежа XXI века опережала стоимость в сельском хозяйстве. По данным на 2008 г., она равнялась 27% ВВП. Строго говоря, Пакистан переместился в категорию индустриально-аграрных экономик. Однако основная часть обрабатывающей промышленности (20% ВВП) приходилась на текстильную и пищевую отрасли, которые базируются на производимом в земледелии сырье (хлопке, пшенице, сахарном тростнике, масличных культурах и т. п.).

Производительность сельского хозяйства Пакистана была достаточно высокой, так как примерно 80% обрабатываемых площадей принадлежали к категории орошаемых (иригационная территория равнялась 180 тыс. кв. км, или 18 млн. га). Расширение искусственно орошаемых площадей относится к одному из самых впечатляющих достижений в экономической эволюции Пакистана. Именно оно позволило относительно безболезненное пятикратное увеличение населения, причем число жителей в сельской местности возросло с 30 до 120 млн. человек, т. е. на 90 млн. за шесть десятилетий. В аграрной сфере было занято около 45% рабочей силы, что говорит о вдвое более низкой производительности по сравнению с другими сферами. Но разрыв в этом отношении — по сравнению с ситуацией в Иране и Турции — был существенно меньше.

Увеличивающаяся часть легкой промышленности Пакистана перешла на обработку привозного сырья — шерсти, искусственного волокна и т. п. Зависимость от импорта усиливалась недостаточным прогрессом добывающих отраслей. Производство главного энергетического сырья — природного газа хотя и многократно выросло, превысив в последние годы 30 млрд. куб. м, все же отставало от потребностей и непосредственно в газе как первичном источнике энергии, и в электричестве (на газотурбинных ТЭС производилась наибольшая часть электроэнергии). Добыча своей нефти составляла менее четверти от импорта, превышавшего 15 млн. т в год. Производство электроэнергии приблизилось к 100 млрд. кВт/час в год, но потребности домохозяйств и экономики были много выше. Поэтому в конце 2000-х гг. наблюдались хронические перебои со снабжением электроэнергией крупных городов и промышленных центров.

Транспорт и инфраструктура развивались в период независимости менее быстрыми темпами, чем другие индустриальные сектора. Протяженность железнодорожных путей по сравнению с начальным периодом почти не выросла (8,1 тыс. км), а техническое переоснащение было едва заметным. Быстро развивалось авиационное сообщение и автодорожный транспорт. Невысокими были темпы создания собственного торгового флота. Лишь в 2000-х гг. началось и осталось незавершенным сооружение второго после Карачи порта Гвадар на побережье Аравийского моря³².

Весьма продвинутым можно считать военно-промышленный комплекс Пакистана. Создававшийся в условиях конфронтации с Индией и войны в Афганистане, ВПК был призван удовлетворять постоянно растущие запросы вооруженных сил. Ремонт и сборка самолетов, танков, бронетехники, артиллерии и стрелкового оружия были освоены на ряде оборонных предприятий, сосредоточенных главным образом в северной предгорной части страны. Потребности ВПК вызвали к жизни строительство, главным образом с помощью КНР, заводов тяжелого оборудования, металлургических предприятий и т. п.

Вплоть до начала второго десятилетия нынешнего столетия Пакистан оставался единственным мусульманским государством, обладающим ядерным оружием. Подземные испытания прошли в 1998 г. По оценкам на 2010 г., он располагал 60–110 ядерными боезарядами, а также самолетами и ракетами для их доставки, причем как баллистическими ракетами радиусом действия до 2,5 тыс. км, так и крылатыми самонаводящимися. Создание с опорой на иностранные образцы и секреты ракетно-ядерного комплекса явилось немалым достижением Пакистана. Однако втянутость в вооруженные конфликты против Индии за Кашмир (спорную область на севере индостанского субконтинента) и на стороне дружественных для Пакистана сил в Афганистане привела к тяжелым последствиям для социального и экономического развития страны. Среди них — отягощенная военным фактором структура экономического роста, проблема миллионов афганских беженцев, расширение криминального и полукриминального бизнеса, усугубление коррупции и беззакония, низкая привлекательность местного рынка для иностранных инвестиций и т. п.

За прошедшие шесть десятилетий развития существенно углубились межрегиональные различия. По достигнутому уровню выделяется зона орошаемого земледелия в бассейне реки Инд и ее притоков, северная часть крупнейшей провинции Пенджаб (вокруг столичного Исламабада) и южная область Синда (район главного порта и мегаполиса Карачи). Окраинные районы по границам с Индией, Афганистаном и Ираном остались слаборазвитыми, полуизолированными. Относительно редкое население этих горных и пустынных местностей состоит главным образом из представителей различных пуштунских и белуджских племен.

Вследствие ряда причин Афганистан выпадал из общего ряда государств Средне-Западной Азии, являя собой пример неудавшейся модернизации. Прогресс по сравнению со временем после окончания Второй мировой войны был крайне незначительным. Страна осталась в высшей степени слаборазвитой, отсталой в экономическом и социально-демографическом отношении. Крайне замедленная эволюция объясняется географическими факторами — замкнутостью страны на суше без выходов к морю; топографией — горным и гористым ландшафтом,

преобладанием непригодных к обработке земель; историческими обстоятельствами — идущей с конца 1970-х гг. гражданской междоусобной войны, отягощенной вмешательством внешних сил — региональных и глобальных.

Количество жителей в Афганистане увеличилось примерно в три раза, до 30 млн. человек. Большое число афганцев бежали из страны на том или ином этапе ее недавней истории и осели главным образом в Пакистане и Иране, но также в Индии, Центральной Азии, России, Европе и США. Между тем естественный прирост населения, по последним данным, был еще очень велик — 2,4% в год, при коэффициенте фертильности равном 5,4 и высокой смертности детей (вдвое выше пакистанской). Городское население на конец первого десятилетия XXI века составляло только 23%, грамотность среди женщин была менее 15%, а всего населения — менее 30%. Низким был процент жителей, имеющих доступ к чистой воде и канализации. Средняя продолжительность жизни оценивалась в 45 лет, на 20 лет меньше, чем в Пакистане³³. Образование получали меньшинство детей, особенно мало распространено женское, даже начальное образование. По всем этим параметрам Афганистан находился в группе немногих заповедных стран Азии (сопоставим с Непалом) и целого ряда государств Тропической Африки.

Относясь по классификации ООН к категории наименее развитых государств, валовой национальный продукт Афганистана в системе ППС равнялся, по оценкам на 2008 г., 30 млрд. долл., а на душу населения приходилось чуть более 1000 долл.; ВВП по номиналу оценивался в 9,8 млрд. долл., а душевой доход — в 340 долл. По удельным показателям Афганистан уступал соседнему Пакистану примерно втрое³⁴.

Экономику Афганистана отличало, по данным международной статистики, преобладание аграрного сектора — 31%, хотя доля промышленности достигла 26%. Несогласованно с этими данными выглядят сведения о структуре занятости, содержащиеся в государственном плане развития на 2008/09 г. — 79% в сельском хозяйстве, 6% в промышленности и 16% в сфере услуг³⁵. Незанятое население оценивалось в этом документе в 35%, а доля населения за национальной чертой бедности — в 36%. Согласно другим оценкам, она равнялась 42%³⁶. При достаточно высоких темпах роста экономики в конце 2000-х гг. (в реальном выражении по обменному курсу) сохранялись значительная инфляция и огромный дефицит платежного баланса. Стоимость афганского экспорта в 2009 г. равнялась 547 млн. долл., а импорта — 5,3 млрд. долл.³⁷

Исключительно малопродвинутой оставалась производственная инфраструктура. На протяжении всего рассматриваемого периода Афганистан принадлежал к странам, не имеющим железных дорог, если не считать короткого пути, проложенного в конце 1980-х гг. от границы с Узбекиста-

ном до пограничного Хайратона. Только в последние годы началось железнодорожное строительство, ограниченное, впрочем, продлением ветки от Хайратона до Мазари-Шарифа. Количество аэропортов выросло за период после изгнания талибов в 2001 г. до 46, а протяженность автодорог с твердым покрытием превысила 13 тыс. км. Однако в целом реконструкция сделала только первые шаги.

Слабым местом оставалась энергетика. Производство и импорт электроэнергии вместе составили в 2009 г. лишь 285 млн. кВт/час. К обрабатываемым площадям относилось только 12% общей площади, из них 34% (2,7 млн. га) орошалось. Низкая продуктивность земледелия сочеталась с выращиванием на значительных площадях (на пике в 2007 г. она равнялась почти 200 тыс. га) опиумного мака, неприхотливой и высокодоходной культуры³⁸. Производство из мака опиатов (главным образом героина, а также гашиша) превратило Афганистан в источник огромных доходов для наркодельцов и связанных с ними экстремистских политических сил (талибов и т. п.). Одновременно оно вызвало распространение наркомании. Число наркоманов в Афганистане, по оценкам, увеличилось до 1,5 млн. человек. Незаконный вывоз наркотиков превратился в крупную проблему для соседних стран и регионов, в том числе для России и Европы.

Внутрирегиональные разломы и регионализация

Выделяемый здесь регион Средне-Западной Азии достаточно удален от основных морских путей, занимает срединное, промежуточное положение между Европой на западе, Индией (Южной Азией) на востоке, Центральной Евразией (Кавказом и ЦА) на севере и Юго-Западной Азией в узком смысле (Месопотамия, Восточное Средиземноморье и Аравийский полуостров) на юге.

Внутренним, эндемичным ареалом региона являются топографически возвышенные и высокогорные, аридные и редконаселенные области. Из общей его площади примерно в 3,3 млн. кв. км (с учетом 100 тыс. кв. км курдских районов Ирака и Сирии), сопоставимой, кстати, с территорией Индии, на эту зону приходится, по грубым прикидкам, около 3 млн. кв. км. Остальные приблизительно 300–400 тыс. кв. км представляют собой низменные и равнинные районы повышенной плотности населения, достаточно развитого поливного и орошаемого земледелия, а также городской экономики, связанной с внутренней и внешней торговлей.

Внутреннее ядро региона исторически складывалось как ареал распространения т. н. горской экономики³⁹. В ее основе лежало пастушеское (пасторальное), отгонно-перегонное скотоводство, сочетающееся с анклавным земледелием. В социально-политической сфере этому соответствовало

господство оседло-кочевых племен, в большей или меньшей степени приспособленных для «труда войны» — междоусобиц, грабежа и набегов.

В эндемичной части региона выделяются три крупных ареала распространения такой экономики и соответствующей ей культуры — курдский, белуджский и пуштунский. Все три пересекают государственные границы. Курдский ареал, захватывая значительную часть Турции, а также Ирана, захватывает смежные районы Ирака и Сирии. Белуджский пересекает рубежи трех государств — Пакистана, Афганистана и Ирана, а пуштунский — двух — Афганистана и Пакистана. Кроме этих кроссгосударственных имеется ряд внутригосударственных клано-племенных ареалов, например лурско-бахтиарский в Иране, хазарейский в Афганистане, западнопенджабский в Пакистане⁴⁰.

Внутрирегиональные разломы и образуемые ими смежные пространства создают как проблемы в отношениях между государствами региона, так и стремление к их совместному решению. Последнее служит одной из основ регионального взаимодействия. После Второй мировой войны оно формировалось в условиях противостояния двух политико-идеологических систем и привело к участию трех из четырех государств региона в западном блоке СЕНТО. Ирак в 1955–1958 гг. также принимал участие в блоковой политике США, а Афганистан оказался в стороне от нее. В рамках СЕНТО в 1964 г. оформилась организация Региональное сотрудничество ради развития (РСР) в составе Турции, Ирана и Пакистана. Несмотря на некоторый прогресс в реализации отдельных совместных проектов, РСР оказалась маложизнеспособной организацией. В 1979 г., по инициативе ставшего исламским Ирана, она, как и СЕНТО, прекратила существование, но в 1985 г. возродилась под названием Организация экономического сотрудничества (ОЭС). С 1992 г. в ее состав вошли, помимо трех государств-основателей, Афганистан, а также все шесть постсоветских республик с мусульманским большинством. После активизации в начале 1990-х гг. ОЭС вступила в фазу рутинного существования, ограниченного главным образом регулярными встречами дипломатов и экспертов. Турция и Иран не смогли вдохнуть подлинную жизнь в деятельность организации из-за слабости своей финансовой и материально-технической базы. Исламская Республика Иран к тому же придерживалась политики автаркического регионализма, а планы регионального сотрудничества были более ориентированы на проекты в Каспийско-Черноморском ареале и нацелены на взаимодействие с Европой и Россией⁴¹.

Вместе с тем, тенденции ряда последних лет состояли в усилении мощи и влияния как Турции, так и Ирана. Турция в конце 2000-х гг., после успешного правления умеренно исламской Партии справедливости и развития, стала занимать все более самостоятельную позицию во внешних делах, стараясь дистанцироваться от прямого и безоговорочного

следования в фарватере решений, принимаемых США и другими странами Запада. Она, в частности, заняла благоприятную для Тегерана позицию по вопросу о его ядерной программе и превратилась в одного из важных торгово-экономических партнеров Ирана. Хотя Анкара представлена в Международных силах содействия безопасности в Афганистане, она отказалась участвовать в военных операциях там. Турция старалась играть самостоятельную роль в вопросе афганского урегулирования, проведя ряд трехсторонних встреч на высшем уровне с руководством Афганистана и Пакистана⁴².

В 2011 г. благодаря волне оппозиционных выступлений в ряде арабских государств (Бахрейне, Саудовской Аравии) возросла региональная роль Ирана. Тегеран прилагал усилия в целях восстановления экономики смежных с иранскими районов Афганистана (Герата, Хазараджата и др.). Несмотря на противодействие США, Ирану удалось продвинуться по пути осуществления проекта прокладки трубопровода для экспорта природного газа в Пакистан с возможным в перспективе продлением ветки в Индию. Важным элементом межрегионального взаимодействия может стать сооружение трубопровода из Туркменистана в Афганистан и Пакистан.

Афганистан превратился в эпицентр приложения региональных и глобальных сил, стремящихся к восстановлению его экономики и обеспечению условий для быстрого и стабильного роста. Большое участие в реконструкции Афганистана принял Пакистан. Несмотря на ревнивое отношение к такого рода активности со стороны Индии, Исламабад пошел на заключение договора о коридоре для афгано-индийской торговли через пакистанскую территорию. Пакистан активно снабжал своего северо-западного соседа товарами и продовольствием, предоставляя портово-транспортные пути для провоза основной части ввозимых и вывозимых грузов.

Таким образом, официальные связи государств Средне-Западной Азии приобрели в конце первого десятилетия XXI века достаточно устойчивый и в целом возрастающий характер. Этому способствовал, в числе других факторов, феномен расходящихся траекторий развития.

Заключение

Постулируя эту особенность мусульманского пояса к югу от границ Кавказа и Центральной Азии, нужно иметь в виду, что увеличение межстрановых разрывов наблюдается и в общемировом масштабе, так как рост предполагает неравномерность. В 1960 г. соотношение между душевым доходом пяти самых богатых и пяти самых бедных государств мира составляло 30:1, в 1990 г. — 60:1, к 2000 г. — 74:1⁴³, а в начале 2000-х гг., наверное, 90:1, т. е. разрыв вырос за послевоенный период, гру-

бо говоря, второе. В Средне-Западной Азии расхождение увеличилось тоже приблизительно вдвое, но неравномерность оказалась примерно в 10 раз меньше, чем в мире в целом, главным образом из-за отсутствия в его составе наиболее развитых и богатых государств.

Если тенденция к расхождению траекторий сохранится, то, вероятно, вместе с увеличивающимся перепадом будет возрастать взаимодействие между более и менее развитыми странами региона, и на этой основе произойдет усиление регионализации. Иными словами, экономически и политически более сильные державы — Турция и Иран, но не только они, а и другие, принадлежащие к Западной или Юго-Западной Азии (прежде всего Саудовская Аравия), станут в будущем оказывать еще более заметное воздействие на эволюцию менее развитых государств, прежде всего Афганистана. Уже сегодня это многообразно проявляется в политической области, а в перспективе такое станет ощутимо и в экономической сфере. Произойдет своего рода регионализация глобализации, рост влияния, условно, ближнего зарубежья, соседей и их соседей, государств, принадлежащих к географически смежному, сплошному пространству. К нему, кстати, до определенной степени принадлежит и Россия, соединяясь с ним через Кавказ и Центральную Азию.

В какой-то мере такая тенденция устроила бы дальше зарубежье, разумея под ним Запад (США и ЕС), ибо совпадает с его намерением, не совсем, впрочем, твердым и решительным, сократить масштабы своего военно-политического присутствия в регионе, переложив решение его острых проблем на местные силы.

Примечания

¹ Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений 1918–1939 гг. М., 2006, с. 437–438.

² СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М., 2010, с. 218.

³ См.: Иран и Вторая мировая война. М., 2010.

⁴ Malik H. Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–1992. N. Y., 1994, с. 83–85.

⁵ Новоселов Н. А. Турция и Иран. М., 1952, с. 14, 16–17, 28–34; Новичев А. Д. Турция. Краткая история. М., 1965, с. 246–247.

⁶ Современный Иран. Справочник. М., 1957, с. 182–184; Победина М. П., Цыбульский В. В. Афганистан, Иран, Турция. М., 1961, с. 94.

⁷ Пакистан. Справочник. М., 1966, с. 31, 45.

⁸ Там же, с. 327.

⁹ Black C. E., Dupree L. et. al. The Modernization of Inner Asia. N. Y., 1991, с. 220–222.

¹⁰ World Development Report 2010// www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.

¹¹ См.: Алексин М. Роль производительности труда в обеспечении устойчивости роста ВВП (на примере Ирана, Турции и Египта). — Иран и исламские страны. М., 2009, с. 153–170.

¹² CIA World Factbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tu.html>

¹³ EuroEducation.net // <http://www.euroeducation.net/prof/turkco.htm>

¹⁴ CIA World Factbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tu.html>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Economy of Turkey. From Wikipedia // www.wikipedia.com

¹⁷ CIA World Factbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tu/html>

¹⁸ Ульченко Н. Ю. Экономическая география Турции. М., 2008, с. 149.

¹⁹ Там же, с. 173.

²⁰ См. статью Н. М. Мамедовой в данной книге.

²¹ World Development Report 2010 // www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.

²² Energy Information Administration. Iran. Profile // <http://www/eia.doe.gov/emeu/cabs/Iran/Profile.html>

²³ CIA World Factbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>

²⁴ Ульченко Н. Ю., Мамедова Н. М. Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). М., 2006, с. 213.

²⁵ Там же, с. 241.

²⁶ CIA World Factbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Цуканов В. П. Неравномерность регионального развития Ирана. Экономика и политика (60–70-е годы). М., 1984; Современный Иран. Справочник. М., 1993.

²⁹ CIA World Factbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/pk.html>

³⁰ Salient Features of Pakistan's Economy. Source: Pakistan Economic Survey // http://www.finance.gov.pk/finance_economic_survey.aspx; Literacy rate, youth female Data // <http://www.worldbank.org/indicator/SE.ADT.1524.LT.FE.ZS>; Children out of school, primary, female/Data // <http://www.worldbank.org/indicator/SE.PRM.UNER.FE>

³¹ World Development Report 2010 // www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.

³² «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. М., 2010, с. 222–229.

³³ CIA World Factbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/af/html>

³⁴ World Development Report 2010 // www.worldbank.org, pdf file, с. 378–379.

³⁵ CIA World Factbook // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/af/html>

³⁶ Afghanistan at a Glance // <http://www.data.worldbank.org/country/afghanistan>

³⁷ Окимбеков У. В. Доклад в постпринте.

³⁸ Afghan Opium Survey 2010. UN Office on Drugs and Crime // www.unodc/.../Afghanistan_opium_survey/pdf-file

³⁹ Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005, с. 171–189.

⁴⁰ См.: Жигалина О. И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М., 1996; Западная Азия: этнополитическая ситуация. М., 1993.

⁴¹ См.: Роль и место Ирана в регионе. М., 2007.

⁴² Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. М., 2010, с. 213–227.

⁴³ «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. М., 2008, с. 71.

А. В. Акимов

ТУРЦИЯ, ИРАН, АФГАНИСТАН, ПАКИСТАН: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА И ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Турция, Иран, Афганистан и Пакистан образуют регион, значение которого для будущего России будет только возрастать. Эти страны занимают большую территорию и имеют значительное и быстрорастущее население. Тенденции социально-экономического развития региона противоречивы, так что изменения в этих странах будут оказывать разнонаправленное воздействие на Россию как непосредственно, так и через влияние на страны Закавказья и Центральной Азии.

Ниже рассматривается оценка перспектив развития стран Среднего Востока в соответствии со сложившимися тенденциями и оценка ключевых ресурсов, необходимых для того, чтобы эти тенденции реализовались. Такая оценка призвана дать сведения о направлении и масштабах долгосрочных изменений в регионе, оценить объем ресурсов, который необходим для успешного социально-экономического развития этой группы стран.

Наиболее инерционной тенденцией, позволяющей количественно оценить долгосрочные перспективы, является демографический рост. Для его обеспечения необходимы разного рода природные ресурсы, обеспечивающие социально-экономическое развитие. Среди таких ресурсов можно выделить ключевые, наличие которых обеспечит производство других ресурсов и их вторичное использование, если оно возможно. К ключевым относятся топливно-энергетические ресурсы, без которых невозможно существование современного индустриального и постиндустриального общества, и сельскохозяйственные земли и пресная вода для продовольственного обеспечения населения на любой фазе развития производительных сил.

Топливо-энергетические ресурсы обеспечивают как базу для современного производства во всех сферах хозяйства, так и современный образ жизни, включая бытовое потребление в форме электроэнергии и моторного топлива. Наличие сельскохозяйственных земель и воды является базой для сельско-

го хозяйства любой степени интенсивности, обеспеченности современными средствами механизации, химическими удобрениями и средствами защиты растений, использующего генномодифицированные сорта или нет.

Прогноз численности населения Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана выполнен по методике смены режимов демографического развития¹. Эта методика связывает демографический рост с уровнем социально-экономического развития стран, именно поэтому ресурсы и можно оценить. По этой методике в 1976 г. был дан прогноз численности населения основных регионов и мира в целом на 2000 г. Результаты этого прогноза мало отличались от прогноза ООН, что позволяет использовать эту методику расчетов с достаточной степенью достоверности².

Расчеты проведены до 2110 года (100 лет) для определения перспектив достижения всеми странами региона степени социально-экономического развития, которая обеспечивает уровень жизни, качественно не отличающийся от развитых стран, что обеспечивает стабилизацию численности населения, т. е. прекращение роста населения при высоком уровне социально-экономического развития. Представлены расчеты по «реальному» сценарию, который представляет собой вариант ускоренного демографического перехода для Пакистана и Афганистана и путь развития Турции и Ирана, не отличающийся от средних темпов демографического перехода, наблюдавшихся в странах мира во второй половине XX века.

Результаты прогноза таковы. Население Пакистана и Афганистана до стабилизации более чем удваивается, в Турции и Иране вырастет примерно в 1,5 раза (см. рис. 1). Пакистан даже при оптимистичном сценарии имеет потенциал роста до уровня выше 300 млн. чел. (328 млн. чел. после 2065 г.). Важно отметить, что речь идет о потенциале демографического роста, но вероятен и кризис, который не даст реализоваться этому росту, но вероятность кризиса и его формы — это уже следующий шаг анализа, который в этой статье не рассматривается. В Иране (к 2050 г. 100 млн. чел. и 111 млн. к 2080 г.) и Турции (100 млн. чел. после 2040 г. и 117 млн. к 2080 г.) есть немалый потенциал демографического роста, но увеличение численности населения этих стран не приведет к существенным проблемам жизнеобеспечения, так как экономические возможности этих стран достаточны для поддержания устойчивого развития, чего не скажешь про Афганистан, хотя его население может вырасти меньше — до 75 млн. человек.

Для рассматриваемых стран прогнозируется демографический переход темпами, которые можно считать средними для второй половины XX века. Это означает, что темпы роста населения падают, увеличивается продолжительность жизни, уменьшается рождаемость, но для этого необходимы социально-экономические изменения, которые означают развитие современного индустриального и потребительского общества.

Потребление ТЭР для достижения стандартов развитых стран должно вырасти в Иране примерно в 2 раза, в Турции — примерно в 4 раза, в Пакистане — примерно в 20 раз, в Афганистане — более чем в 550 раз³ (см. рис. 2). Это условие вытекает из обусловленности темпов демографического развития темпами социально-экономических изменений. Страны региона должны создавать современные рабочие места, которые довольно энергоемки, а кроме того, современный быт тоже требует больших затрат ТЭР.

По сельскохозяйственным ресурсам регион не может быть самодостаточным даже при крупных инвестициях: здесь, кроме Турции, очень ограничены земельные ресурсы. Уже сейчас на душу населения Ирана, Афганистана и Пакистана приходится меньше 5 соток пригодных для растениеводства земель. С ростом населения произойдет уменьшение до примерно 2 соток (см. рис. 3). Пресной воды не хватает во всем регионе (см. рис. 4). Достаточное водообеспечение — свыше 4000 куб. м на человека в год. Менее 1700 куб. м на человека — острый дефицит. По сути дела, странам региона нужна специальная сложная отрасль экономики, которая занимается обеспечением пресной водой путем строительства дамб, либо скважин, либо опреснительных установок.

Острота проблемы жизнеобеспечения хорошо видна на примере национальной катастрофы в Пакистане из-за наводнения летом 2010 г.⁴

Вызывающий большие опасения рост производства наркотических веществ в Афганистане на основе выращивания в этой стране растительного сырья имеет под собой экономическую и экологическую основу, поскольку при скудости земельных и водных ресурсов производство дорогостоящей наркотической продукции оказывается экономически наиболее целесообразным бизнесом. На вырученные от продажи наркотиков деньги можно импортировать все необходимое. Таким образом, без вмешательства мирового сообщества ситуация может скатываться как в сторону катастрофы, так и в сторону экономически оправданного, но опасного для мирового сообщества решения проблем хозяйственной жизни этих стран.

Представленная выше оценка перспектив не является прогнозом в том смысле, что это предсказание будущего. Она представляет собой вычислительные эксперименты для понимания перспектив развития этих стран. В их основе лежит методика расчетов, позволяющая любому желающему по его собственным гипотезам рассчитывать прогнозные оценки.

Расчеты приводят к следующим выводам.

1. Регион четко разбивается на две пары стран: благополучные Турцию и Иран и неблагополучные Афганистан и Пакистан. В благополучной группе замедляющийся рост населения будет идти параллельно с достаточно устойчивым экономическим развитием, а в Афганистане и Пакистане механизм демографического перехода еще предстоит налаживать.

2. Региону потребуется большой импорт топлива или мощнейшее развитие новых видов энергетики, чтобы покрыть растущую потребность в ТЭР. Только Иран обеспечивает себя топливом собственного производства, остальные страны нуждаются в импорте. Этот момент является критическим, так как рост потребностей в ТЭР идет параллельно и в других странах. Афганистан и Пакистан должны развить отрасли экономики, которые смогут обеспечить экспорт товаров или услуг, достаточный для генерирования денежного потока, обеспечивающего оплату импорта топлива, энергии и энергетического оборудования.

3. В регионе только Турция имеет потенциал развития сельского хозяйства и самообеспечения продовольствием. Остальные страны — потенциальные импортеры продовольствия, так как земельный и водный голод делают нерациональным его национальное производство.

4. Регион будет генерировать массовую эмиграцию, которая может направляться на север, то есть в Центральную Азию и Россию. В настоящее время Афганистан по численности населения сопоставим с Узбекистаном, но во второй половине XXI века его население будет сопоставимо по численности со всем населением Центральной Азии, то есть поток эмигрантов может быть очень велик.

Количественные оценки можно дополнить качественными характеристиками, среди которых сценарный подход к прогнозированию, позволяющий оценить обобщенное направление изменений соответствующих стран. Поскольку, как мы показали выше, страны региона явно распадаются на две разные группы, целесообразно сформулировать сценарии для каждой отдельно.

Турция, Иран

«Новые исламские индустриальные страны». Промышленное развитие этих стран постепенно превращает их в развитые. Турция и Иран остаются самостоятельными экономическими игроками, сотрудничающими между собой и ведущими экономическую экспансию в соседние регионы.

Пакистан, Афганистан

«Прозябание». Ограниченные ресурсы для развития при быстрорастущем населении не создают возможности для ускорения социально-экономического развития. Политическая нестабильность мешает экономическому росту. Велика опасность экологической катастрофы и голода. Пример — наводнение в 2010 г. в Пакистане.

Что касается первой группы стран, то она достигла той стадии развития, когда самоподдерживающийся экономический рост и социально-экономическое развитие обеспечены в широком диапазоне значений внешних

и внутренних факторов, т. е. при большом разнообразии вариантов политического и экономического развития Турции и Ирана обе страны будут придерживаться общего направления развития — создания современного индустриального и постиндустриального общества.

В отличие от Турции и Ирана Афганистан и Пакистан находятся в зоне неустойчивого развития. Сценарий «прозябание» может перерасти в экологическую катастрофу, особенно в Пакистане. Такого рода развитие может потребовать значительных усилий мирового сообщества для предотвращения гуманитарной катастрофы и массовой гибели людей. Поскольку объем помощи, которая может потребоваться региону, может быть велик, необходимо заранее оценить ресурсы, которые необходимы для решения этой проблемы.

Еще одним нежелательным для России вариантом развития ситуации в Пакистане и Афганистане может стать массовая эмиграция населения, направляющаяся в страны Центральной Азии и Россию. В этом случае вероятны этнические конфликты, связанные с борьбой за ресурсы жизнеобеспечения, в первую очередь землю и воду.

Представляется, что пути развития стран Среднего Востока становятся важной проблемой для нашей страны. Необходимы прогнозные исследования для определения проблем этих стран, а также для последующей выработки программ помощи развитию этого региона.

Международная многосторонняя экономическая помощь Пакистану и Афганистану может предотвратить развитие по нежелательным сценариям. Представляется, что без внешней помощи этим странам не преодолеть отсталости. Соседние государства заинтересованы в стимулировании экономического развития Пакистана и Афганистана для обеспечения своей безопасности.

Условия предоставления такой помощи, ее объем, состав доноров, требования к принимающей стороне, форма предоставления помощи и содействие развитию необходимо анализировать заранее и рассматривать варианты решения этой проблемы. В числе вопросов, которые необходимо учесть при рассмотрении вариантов внешней помощи Афганистану и Пакистану, необходимо выделить как технические аспекты, включая продовольственную помощь и развитие сельского хозяйства, создание инфраструктуры, особенно транспортной, развитие энергетического хозяйства и водоснабжения, развитие промышленного производства и связи, а также социальные и политические, включая институты власти и гражданского общества, взаимодействие с религиозными лидерами, систему образования и здравоохранения, организацию каналов гуманитарной помощи и т. д.

Можно говорить о беспрецедентной трудности задач, поскольку создание такой системы помощи может потребовать ограничения суверенитета властей этих стран. Неизбежны проблемы в установлении отношений сотрудничества между странами, которые могут выступить в качестве доноров. Не обязательно разработка такой программы будет внедрена

в практику в ближайшем будущем, но, как показывают прогнозные оценки, не исключена ситуация, когда такая программа может потребоваться в результате катастрофически складывающихся событий, так что заранее проведенный анализ представляется полезным. Роль востоковедов-специалистов по исследуемому региону в создании проектов программ необходимого содействия Афганистану и Пакистану должна быть велика.

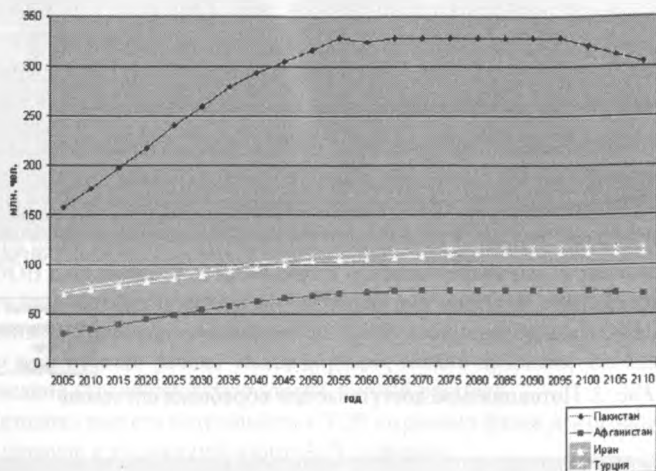

Рис. 1. Прогноз численности населения Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана по «реальному» сценарию демографического прогноза

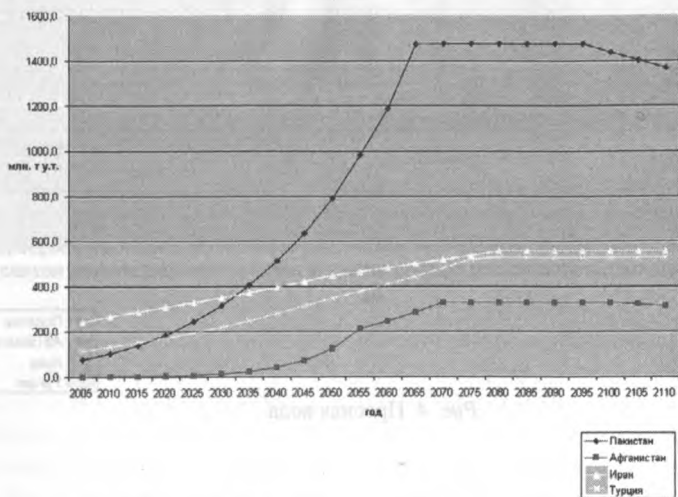

Рис. 2. Потребность в ТЭР в угольном эквиваленте, «реальный» сценарий

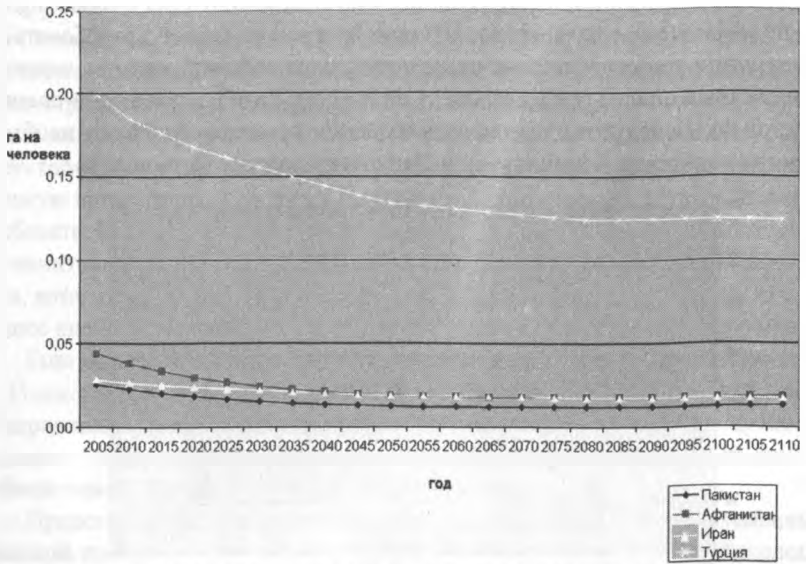

Рис. 3. Потенциально доступные для обработки с/х земли

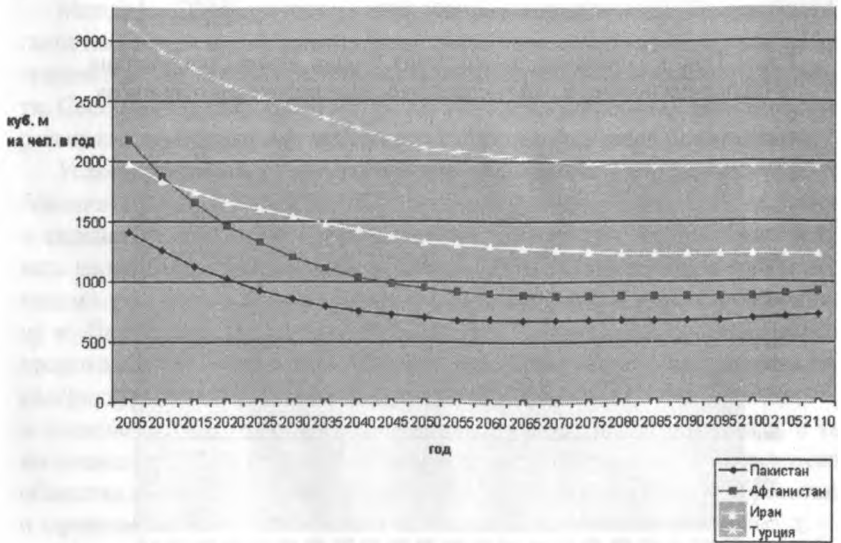

Рис. 4. Пресная вода

Примечания

¹ Методика описана в: Акимов А. В. 2300 год: глобальные проблемы и Россия. М., 2008.

² По методике смены режимов демографического развития в 1976 г. автором был дан прогноз на 2000 г. численности населения по миру в целом и по ряду регионов и стран по данным 1975 г. Численность населения мира в целом предсказана по прогнозу с использованием операционального описания демографического перехода на уровне 6323,3 млн. человек, что на 268,3 млн. человек, или на 4,43%, превышает истинное значение.

В то же время прогноз мирового населения на 2000 г. дан ООН по среднему сценарию на уровне 6254 млн. человек. Ошибка составила 199 млн. человек, или 3,29%, от истинного значения в 2000 г. Таким образом, оба прогноза дали несколько завышенные оценки. Прогноз ООН точнее лишь на 1,14 процентных пункта. По регионам, выделенным для прогноза с использованием операционального описания демографического перехода, абсолютная величина средней ошибки прогноза ООН составила 11,73%, то есть в среднем точнее на 0,1 процентного пункта, а средняя ошибка прогноза по регионам при прогнозе с использованием операционального описания отличалась на 1% от величины ошибки ООН, то есть эти ошибки практически равны. Таким образом, можно признать, что операциональное описание обеспечивает достаточно точный прогноз.

³ Методика расчета потребности в ТЭР на разных фазах демографического перехода описана в упомянутой книге А. В. Акимова

⁴ См.: «Гуманитарная катастрофа в Пакистане: разрушительное наводнение и его последствия в экономике и политике страны». Сайт ИВ РАН <http://www.ivran.ru/publications/sci-works/228>

Н. М. Мамедова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ИРАНА И ТУРЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Главной задачей экономического развития большинства стран Востока в XX веке стало повышение экономического потенциала, который бы смог обеспечить их политическую независимость. Эта задача решалась через комплексную модернизацию различных отраслей экономики путем проведения целенаправленной экономической политики. Для реализации основных целей этой политики каждая из стран использовала различные модели развития, направления и параметры которых зависели как от тенденций мирового развития, так и особенностей национальных экономик. В данной статье сделана попытка сравнить экономические модели, которые стали разрабатывать и реализовывать Иран и Турция, вступив на путь фактически независимого политического развития лишь с начала 20-х гг. XX века. Обе страны исторически занимали особое положение на Среднем Востоке, обладая сопоставимыми территориальными и людскими ресурсами, оказывая наиболее сильное культурное и идеологическое влияние на регион.

После распада Османской империи и образования Турецкой Республики, а в Иране — после установления династии Пехлеви обе страны в своем развитии опробовали разные экономические модели. До конца 70-х гг. XX в. эти модели часто совпадали и по своему характеру, и даже хронологически. При этом Турция представляла собой республику во главе с президентом, а Иран — конституционную монархию. В Конституции Турции в качестве одного из базовых принципов был закреплен светский характер власти, в Конституции Ирана — шиизм как государственная религия. С конца 70-х — начала 80-х гг. модели этих стран диаметрально разошлись, турецкая — ускорила свою эволюцию в сторону европеизации, несмотря на периоды пребывания у власти партий исламского толка, а иранская (после победы революции 1979 г.) — стала развиваться в условиях исламского правления, пытаясь опираться на нормы шариатского права. В современный период развития, когда, с одной стороны, все страны оказались

втянуты в процесс глобализации, имеющий в качестве основной тенденции унифицирование используемых странами экономических инструментов развития, а с другой — все большее распространение получают исламские экономические нормы и формы бизнеса, сравнение особенностей развития этих двух стран может представлять и научный, и практический интерес. Для сравнения эффективности опробованных странами моделей может быть использован различный набор показателей; в рамках данной статьи использованы такие макроэкономические показатели, как объемы и динамика валового внутреннего продукта (ВВП), размеры валового национального дохода (ВНД) на душу населения, индекс человеческой жизни.

Турецкая Республика в первые годы после своего образования в 1923 г. и Иран — после прихода к власти Реза-шаха Пехлеви в 1925 г. — в своей экономической политике попытались сделать основной акцент на усиление роли частного национального капитала. С этой целью в 1920-х гг. в этих странах была создана экономическая правовая база на основе европейского права. И это было не только в Турции, но и в Иране, где при сохранении монархии и конституционно закрепленной роли ислама фактически была избрана светская модель развития; в обеих странах были значительно ограничены экономические позиции духовенства, значительно сокращена (даже в Иране) вакуфная собственность. Немаловажное влияние на попытки выработать эту новую для обеих стран модель оказали и процессы, происходившие в Советской России, где политика «военного коммунизма» сменилась политикой НЭПа как более эффективной. При этом, несмотря на все усилия иранского и турецкого руководства опереться на частный сектор как на локомотив экономического развития, исторически присущая этим странам роль государственного сектора и государственного вмешательства в экономику оказалась не менее важным фактором развития.

Мировой экономической кризис 1929–1933 гг. сделал эту тенденцию преобладающей. С 1929 г. основным направлением экономической политики в Иране и Турции стало внедрение этатистской модели. Основным источником финансирования программ развития стали внутренние ресурсы. Это относится не только к Турции, которая пыталась выкупить у иностранных компаний принадлежавшие им предприятия, но и к Ирану, в котором продолжала функционировать одна из крупнейших в мире нефтяных концессий — Англо-Персидская, а после 1935 г. — Англо-Иранская нефтяная компания (АИНК). Доходы от этой компании вкладывались иранским руководством преимущественно в модернизацию армии, а экономическое развитие осуществлялось за счет внутренних ресурсов.

Интересным был и опыт поиска форм государственного предпринимательства. В Турции они были представлены прежде всего мощными отраслевыми государственными экономическими организациями (ГЭО), представлявшими собой крупные концерны во главе со своими финансовыми

структурами, и более мелкими государственными предприятиями. В Иране ужесточение государственного контроля и расширение непосредственного участия государства в экономике проявилось в создании государственных отраслевых монополий, в которые постепенно стали объединять частные и смешанные компании. В этот период впервые было использовано планирование как инструмент развития. Особенно удачным оно оказалось в Турции, где был реализован план развития промышленности, менее удачным — в Иране, где попытки планирования сельского хозяйства были прерваны начавшейся Второй мировой войной.

Одним из элементов этатистской модели, которая стала формироваться в Иране и Турции практически одновременно, стала система государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. В Турции эту политику осуществлял реорганизованный Сельскохозяйственный банк, ставший государственным, в Иране — созданный в 1930 г. Сельскохозяйственный банк.

И для Турции и для Ирана использование этатистской модели оказалось эффективным. Среднегодовые темпы прироста ВВП Турции с 1930 по 1940 гг. составили 3,9% (в постоянных ценах)¹. ВВП на душу населения вырос почти в два раза (с 55 долл. до 104 долл.)². К сожалению, аналогичных данных по Ирану нет. В определенной мере отражением экономического подъема, который переживал Иран в это время, могут служить данные о приросте капитала действовавших в эти же годы компаний. Их среднегодовой прирост составлял 25%³. Расчеты ВВП, сделанные по данным иранской национальной статистики, работам зарубежных авторов Дж. Бхариера и Р. Луни, позволяют вполне корректно говорить том, что подушевой размер валового национального продукта на душу населения в Иране (в 1936 г. — 85 долл., в 1940 г. — более 90 долл.) не очень сильно отличался от турецкого⁴.

Однако война и особенно первые послевоенные годы значительно снизили экономический потенциал Ирана по сравнению с Турцией. Причинами были: ввод союзных войск в Иран, переключение экономического потенциала страны на обслуживание нужд фронта, образование, а затем разгром (после вывода советских войск) национальных автономий в Иранском Азербайджане и Курдистане. Кроме того, в начале 50-х гг., в период движения за национализацию нефтяной промышленности, Иран впервые стал объектом санкций со стороны стран — покупателей иранской нефти. В 1950 г. размер ВВП на душу населения в Иране оценивался А. Мэддисоном (в ценах 1990 г.) в 1720 долл. В Турции он был выше, но всего на 5,7% (1818 долл.)⁵.

В послевоенные годы в Иране и в Турции предпринимались попытки изменить сложившуюся в этих странах этатистскую модель. После военного переворота 1953 г., свергнувшего правительство М. Мосаддека,

в период деятельности которого была национализирована нефтяная промышленность, в Иране принимаются меры по частичной либерализации экономической модели. Они включали отход от государственного монополизма, поддержку частного предпринимательства, а главное, изменение позиции по использованию иностранного капитала. Аналогичные попытки в Турции начали предприниматься несколько раньше — с начала 50-х гг., после прихода к власти Демократической партии.

В 50-е годы экономические системы двух стран начинают постепенно эволюционировать в сторону децентрализации. Начинают упраздняться созданные ранее в Иране государственные монополии, в Турции трансформируются ГЭО, в которые частные инвесторы не только допускаются, но и получают право участвовать в управлении. Практически одновременно принимаются законы о поощрении иностранного капитала (в Турции в 1951, затем в 1954 г., в Иране — после двухлетних дебатов — в 1955 г.) Но и в Турции и в Иране продолжали сохраняться значительные позиции в экономике за государством. Одним из главных инструментов государственного участия в экономике и элементов используемых экономических моделей вновь становится планирование. Уже с 1949 г. в Иране начинают осуществляться планы социально-экономического характера, через которые перераспределялась значительная часть государственных ресурсов. Особое значение в них придавалось выделению средств на развитие инфраструктуры и промышленности. В Турции возврат к использованию планирования приходится на 60-е годы — после военного переворота 1960 г. Принимаемые парламентами двух стран планы социально-экономического развития имели силу закона и четко коррелировались с бюджетными планами. Используемая в Турции и Иране экономическая модель в эти годы может быть охарактеризована как «смешанная». В первой половине 60-х гг. разница в величине ВНД на душу населения продолжает сохраняться в пользу Турции.

Ускорение в 60–70-х гг. процессов модернизации в Турции (после принятия ее в ассоциированные члены ЕС) и особенно в Иране, где шахским правительством был проведен комплекс реформ «сверху», шло в рамках моделей, характерных для «смешанной экономики». И в Турцию и в Иран начинают активно привлекаться прямые частные инвестиции, благодаря чему в этих странах создаются новые отрасли промышленности — автомобилестроение, металлургия, нефтехимия. К этому времени, помимо приближения экономических моделей к европейским стандартам, для Ирана, в отличие от Турции, все большую роль в экономическом развитии начинает играть такой фактор, как доходы от нефти. Иран стал эффективно использовать возможности ОПЕК для поднятия цен на нефть, приобретая на эти доходы передовые технологии, практически готовые предприятия. Удачно проведенная аграрная реформа значительно расширила внутренний рынок, что также стимулировало рост иранской экономики.

И уже в 1973 г. объем ВВП на душу населения (по данным А. Мэддисона) в Иране составил 5445 долл. (в ценах 1990 г.), в Турции — 3753 долл. Таким образом, он превысил турецкий, и довольно значительно — на 45%. В 1973–1977 гг., после скачка цен на нефть, когда среднегодовые темпы роста экономики Ирана стали превышать 10%, разрыв еще более увеличился в его пользу. В 60–70-х гг. иранская и турецкая модели продолжали, как и раньше, сохранять больше похожих черт, нежели отличий, развиваясь в рамках «смешанной экономики». Пожалуй, наибольшим отличием в направлении эволюции моделей была степень участия государства в экономике. В Турции она в значительной степени зависела от приходивших во власть партий. Так, в периоды, когда во главе правительства находился Б. Эджевит или сторонники его партии (1971, 1977–1979 гг.), усиливался этатистский характер экономической политики, а в период нахождения у власти С. Демиреля (1966–1970 гг., 1975 г., 1980 г.) — более либеральный. В те годы, когда у власти находились коалиционные правительства, экономический курс также зависел от влияния входивших в их состав представителей различных партий.

В Иране же тренд участия государства в экономике был почти прямолинейным, увеличиваясь по мере роста поступления валютных доходов от экспорта нефти. При этом обе страны использовали импортзамещающую стратегию развития.

Ускорение темпов экономической модернизации при сохраняющейся высокой роли государства в экономике, особенно государственного сектора, вызывало нарушение сложившихся социально-политических структур. В обеих странах это привело к политическим потрясениям, а вслед за ними — к изменениям экономических моделей. Исламская революция 1979 г. в Иране установила исламское правление, прервала реализацию светской модели экономического развития и изменила в корне взаимоотношения Ирана с мировым сообществом. Военный переворот в Турции в 1980 г. смог удержать страну в рамках вестернизированной модернизации. После этого Турция приступила к кардинальному изменению своей экономической стратегии, начав внедрение рыночных принципов, а импортзамещающая модель сменилась на экспорториентированную. Пока в 1980-х гг. Турция осваивала новые методы хозяйствования, создавала правовые условия для переориентации экономики на частное предпринимательство, на более полную интеграцию иностранных инвестиций в отечественную экономику, в Иране была вновь сформирована фактически этатистская модель, но уже на основе исламских принципов. Внешние связи были ограничены, использование иностранного капитала было запрещено. Такая полуавтаркическая исламская модель смогла помочь вынести тяготы послереволюционной разрухи и военного времени (восьмилетней войны с Ираком), но не привнесла принципиально нового в факторы экономического роста.

Результаты сравнительного анализа экономического развития Турции и Ирана могут сильно отличаться в зависимости от того, какие статистические показатели взяты для этого анализа. Так, если взять данные А. Мэддисона о ВВП на душу населения, то получается, что к 1990 г., т. е. через 10 лет после перехода к новым моделям, Иран по уровню ВВП на душу населения значительно отстал от Турции (Турция — 5441 долл., Иран — 3586 долл.)⁶. И эти данные дают нам основание считать, что соотношение стало обратным в сравнении с 1973 г. Однако расчеты А. Мэддисона сделаны на базе официального валютного курса риала, при этом не учитывался реальный курс, а также существование нескольких официальных курсов, таких как нефтяной, экспортный, импортный и льготный, для ряда товаров. Поэтому представляется, что для более корректного сравнения эффективности иранской и турецкой экономик целесообразно использовать макроэкономические показатели не по обменному курсу, а по паритетам покупательной способности (ППС). По данным Мирового банка, в 1980 г. ВНД на душу населения по ППС в Иране составлял 3390 долл., а в Турции — 2030 долл.⁷, т. е. всего 0,6% от иранского уровня. И только к концу 80-х гг. эти показатели фактически сравнялись. Но можно ли говорить о том, что иранская модель «тоухидной экономики» оказалась более эффективной? Вряд ли, потому что значительное влияние на экономику оказывал нефтяной фактор, вернее, рост цен на нефть на мировом рынке. Если в 1978 г. цена на нефть находилась на уровне 14 долл. за баррель, то в результате революции 1979 г. в Иране и начала в сентябре 1980 г. ирано-иракской войны в 1981 г. она поднялась до 35 долл., т. е. в 2,5 раза⁸. Падение цен на нефть в 1986–1988 гг. (до 14 долл. за баррель) не только заставило руководство Ирана прекратить войну с Ираком, но и сравняло в 1990 г. размеры ВНД на душу населения с Турцией. Но дальнейшее повышение цен на нефть вновь обеспечило Ирану превышение уровня душевого национального дохода, хотя и незначительного. Турция, не располагая доходами от нефти, активно использовала не только кредиты МВФ и иностранные инвестиции, но и внутренние источники, перестраивая свою экономику на увеличение доли в ней экспортных отраслей. В результате среднегодовые темпы прироста ВНД по ППС за десятилетие — с 1980 по 1989 г. — составили в Иране всего 4,6%, в Турции — почти вдвое выше — 8,2%⁹.

После окончания войны с Ираком руководство Ирана, осознавая необходимость повышения эффективности экономики в условиях изменившихся в мире факторов роста, приступило к трансформации своей экономической модели. Начиная с 1990 г. Иран, оставаясь в рамках исламского строя, начал переход на рыночные основы хозяйствования — очень медленно, осторожно, оставляя за государством не только экономическую и социальную инфраструктуру, как в Турции, но и главные сырьевые отрасли.

В настоящее время обе страны, несмотря на разные политические системы, реализуют модель рыночной экономики как основополагающую. Наиболее продвинулась по пути создания экономики открытого типа Турция, где наиболее быстрыми темпами развиваются отрасли, ориентированные на экспорт. Иран находится пока в стадии становления рыночной экономики, ставя своей главной целью создание социально ориентированной модели.

Процесс экономической либерализации проходил и проходит в Иране и Турции с большими трудностями, сопровождаясь приостановкой темпов экономического роста, финансовыми и экономическими кризисами. Для Турции особенно сильными были кризисы 1994 г., 1998–1999 гг. Тем не менее в целом в 1990-х гг. экономика Турции уверенно набирала темпы, пока Иран осваивал новые рыночные инструменты, сталкиваясь с сопротивлением не только населения (из-за введения свободных цен, увольнения рабочих в связи с приватизацией государственных предприятий), но и части религиозного руководства, воспринимавшего ослабление роли государства в экономике как измену исламским принципам. Среднегодовые темпы роста ВВП по ППС Ирана за десятилетие (1990–1999) составили 5,1%, увеличившись по сравнению с предыдущим десятилетием. В Турции же рост ВВП по ППС, несмотря на кризисы, составил 8,0%.

В 2000-х гг. Турция в целом завершила переходный период к рыночной экономике. Наиболее уязвимым местом в экономике оставалась финансовая сфера, которая и стала основной причиной кризисов конца 2000 г., кризиса 2001–2002 гг. Именно после этих последних кризисов Турция, даже после прихода к власти Партии справедливости и развития, наиболее активно стала проводить экономический курс в рамках рыночных концепций и с целью интеграции в мировую экономику и ЕС. Стремление достичь экономических критериев, необходимых для вступления в члены ЕС, широкое использование кредитов МВФ и прямых иностранных инвестиций стали факторами, способствовавшими ускорению темпов развития. В результате темпы роста ВВП (по обменному курсу) Турции составили в 2000–2008 гг. 5,9%¹⁰, среднегодовые темпы ВВП по ППС в 2000–2009 гг., несмотря на негативное влияние мирового кризиса в 2009 г., остались на уровне 5,9%. Это обеспечило Турции возможность опередить Иран по уровню ВВП на душу населения. Начиная с 1998 г. это опережение, пусть и небольшое, стало постоянным. Если ВВП на душу населения Ирана принять за единицу, то соотношение с аналогичным показателем по Турции в 1998 г. составляло 1:1,3, в 2008 г. — 1:1,23, в 2009 г. — 1:1,2¹¹ (даже в кризисные 2002–2003 гг.).

Для Ирана развитие кризисных ситуаций вплоть до 2010 г. практически напрямую зависело от цен на нефть. Как было отмечено выше, именно падение почти вдвое цен на нефть в 1986–1988 гг. заставило Иран согласиться на мир с Ираком и начать разработку новой экономической

модели. Кризис 1998 г. для Ирана, внешнеторговая квота которого в значительной мере зависит от экспорта нефти, был обусловлен также резким падением (до 12 долл.) цен на нефть. Одновременно это стало стимулом активизировать проведение рыночных реформ, расширить географию внешнеэкономических связей. Недаром именно на этот период пришлось правление реформаторских сил, выдвижение концепции диалога цивилизаций, достаточно позитивный процесс переговоров по ядерной тематике. И уже в 2003 г. Иран фактически догнал Турцию по размерам ВВП по ППС на душу населения (Иран — 8050 долл., Турция — 8320 долл.), а по ВВП по обменному курсу даже обогнал Турцию (Иран — 7190 долл., Турция — 6690 долл.). К этому времени в Иране действовал рыночный валютный курс как официальный, поэтому в 2000-х гг. сравнение экономических показателей по обменному курсу может расцениваться как вполне корректное. В первой половине 2000-х гг. темпы роста ВВП (по обменному курсу) составили в Иране 5,8%, в Турции, пережившей финансовый кризис в 2001–2002 гг., были ниже — 5,2%¹².

Экономическая либерализация в Иране стала стимулировать политическую либерализацию и угрожать позициям духовенства. Оно привело к власти в 2005 г. правительство М. Ахмадинежада. В связи с начавшимся со второй половины 2004 г. повышением цен на нефть (средний уровень цен за 2003 г., когда экономические реформы М. Хатами стали наталкиваться на ограниченность государственных ресурсов, составлял 27 долл., в 2004 г. — 37,4 долл., а в 2005 г. — 50 долл.) это правительство вновь усилило элементы популизма в экономической модели. Рост цен на нефть до 91,5 долл. в 2008 г. позволил обеспечить Ирану в период 2000–2008 гг. темпы роста в 6,0%, т. е. даже несколько выше, чем в Турции, и среднемирового уровня в 3,2%¹³. Однако если взять для сравнения период после повышения цен, т. е. 2005–2008 гг. (т. е. снять влияние фактора всплеска цен с 2005 г.), то темпы роста ВВП Турции опережали темпы роста ВВП Ирана, несмотря на высокие цены на нефть (в 2008 г. — 91 долл.). Таким образом, полученный в результате перестройки экономики импульс ускорения оказался для Турции более стимулирующим фактором, чем цена на нефть для Ирана. Не случайно, что по рейтингу благоприятности условий для предпринимательской деятельности Турция заняла в 2010 г. 73-е место среди 183 стран, а Иран — всего лишь 137-е¹⁴.

Снижение цены на нефть с конца 2008 г. совпало с развертыванием мирового экономического кризиса. Для большинства стран мира характерным стало усиление вмешательства государства в экономику, использование государственных финансовых ресурсов для поддержки банковской системы, т. е. некоторый возврат к этатистским инструментам. Для Турции эта тенденция также не стала исключением. Как явствует из разработанного антикризисного пакета, оглашенного Р. Эрдоганом в марте 2009 г.,

главным в экономической политике стало повышение внутреннего спроса, государственная поддержка мелкого и среднего бизнеса¹⁵, возможность поддержки банков. Однако для Турции соотношение использования рыночных и статистических инструментов в значительной степени зависит от ее соглашений с МВФ, являвшегося долгие годы координатором экономической политики Турции. Попытка Турции самостоятельно определять параметры своего экономического курса, отказавшись от сотрудничества с МВФ, не получила воплощения из-за начавшегося кризиса, и уже в конце 2008 г. правительство приняло решение в пользу нового соглашения с МВФ¹⁶, что свидетельствовало о приверженности к сохранению рыночной модели.

Влияние мирового кризиса на формирование иранской экономической модели было неоднозначным. С одной стороны, были приняты меры протекционистского и нерыночного характера. Так, летом 2009 г. вышло правительственное постановление, согласно которому предприятия государственного сектора должны были заменять импорт сырья и полуфабрикатов аналогичной отечественной продукцией. Для защиты сельскохозяйственного производителя были значительно повышены пошлины на импортное продовольствие. В отношении производственных предприятий была проведена реструктуризация долгов за счет государственных средств¹⁷. Одновременно кризис заставил правительство М. Ахмадинежада усилить внедрение в экономику рыночных механизмов. В последние два года сокращается субсидирование ряда товаров, в первую очередь бензина и хлеба. Фактически выведены из обращения «акции участия» и «акции справедливости» как популистские элементы, которые были призваны смягчить социальное недовольство приватизацией. Поставлен на повестку дня вопрос о необходимости внесения в Конституцию изменений, касающихся государственного сектора, так как конституционные нормы тормозили процесс приватизации. Вновь сделана попытка ввести в налоговую практику НДС. Субсидии стали заменяться с конца 2010 г. адресной помощью малоимущим слоям населения (так называемая «монетизация льгот»). К рыночным механизмам, внедренным в годы кризиса, можно отнести увеличение срока освобождения от налогов предприятий в свободных экономических зонах (СЭЗ). К ним же можно отнести и ряд мер, предпринятых в финансовой сфере. Так, в марте 2008 г. было принято решение о создании в стране электронной банковской системы, начат выпуск пластиковых электронных карт. 28 июня 2009 г. был принят закон «О развитии новых финансовых институтов для реализации 44 статьи Конституции ИРИ», который обеспечивал условия для активизации деятельности инвестиционных фондов, снизил налоги для физических и юридических лиц, принимающих участие в торгах на иностранных фондовых биржах¹⁸. В феврале 2010 г. был принят закон, более либеральный, чем закон 1983 г., о банках в свободных экономических зонах. Были по-

лучены заявки об открытии трех зарубежных банков на острове Кешм — от таджикского банка «Таджик банк», банка с кувейтским капиталом и «Арья Банк», основанного иранской диаспорой за рубежом¹⁹. В период кризиса стало расти число частных банков, в том числе инвестиционных, для ускорения процесса приватизации.

Однако, несмотря на это, темпы роста ВВП в период мирового кризиса замедлились, и общий объем ВВП и ВНД Ирана уступает ВВП и ВНД Турции. В 2009 г. ВНД Ирана по ППС составлял всего 81,6% от ВНД Турции. Особенно заметен разрыв в объемах ВВП Ирана и Турции по обменному курсу. При почти одинаковом населении (Турция — 74,8 млн., Иран — 72,9 млн. в 2009 г.) объем ВВП Турции (617 млрд. долл.) чуть ли не вдвое (на 86%) превосходит ВВП Ирана (331 млрд. долл.)²⁰. По прогнозам МВФ (октябрь 2010 г.), Турция, испытав падение ВВП в 2009 г. на 4,7%, в 2010 г. выйдет с ростом на 7,8%, в 2011 г. — на 3,6% и 2015 г. — на 4,0%²¹. В докладе МВФ, который был опубликован в апреле 2010 г., прогнозировались более низкие показатели, например, для 2010 г. всего 3,1% роста²². Для Ирана, который избежал отрицательных темпов в 2009 г., показатели на перспективу более низкие — всего 1,6% на 2010 г., 3,0% — на 2011 г. и 3,0% — на 2015 г. При этом пересмотр апрельских прогнозов был произведен в сторону снижения, особенно в отношении 2010 г. (с 3 до 1,6%). Несмотря на заявленную приоритетность социальной политики, Иран отстает от Турции и по индексу человеческого развития. В 2009 г. Турция по этому показателю заняла 79-е место (войдя в группу стран с высоким уровнем развития экономики), а Иран — 88-е место (средний уровень развития).

Но может ли это свидетельствовать вполне корректно о большей эффективности светской и вестернизированной турецкой модели? Однозначного ответа на этот вопрос, как представляется, дать нельзя. Функционирование турецкой и иранской моделей в последние несколько лет проходило в различных внешнеэкономических условиях. Реализация иранской модели в первой половине 2000-х гг. давала все основания прогнозировать поступательное и весьма динамичное развитие, с постепенным включением ее в мировую экономику на макро- и микроуровнях (но с сохранением защитных социальных механизмов, базирующихся на исламских принципах). Общеизвестно, что эффективное функционирование рыночной экономики требует свободного перемещения товаров и капиталов как в стране, так и на мировом рынке. Но преградой такому функционированию стали со второй половины 2000-х гг. экономические санкции в отношении Ирана, введенные Советом Безопасности ООН с конца 2006 г., а США — ранее. Наиболее негативными для иранской экономики стали введенные в июле 2010 г. санкции ЕС и дополнительные санкции США.

Под действие санкций попали крупнейшие иранские банки, промышленные и транспортные компании. Наиболее серьезный удар на-

несен по энергетическому сектору ИРИ. В 2010 г. заметно сократился приток иностранных инвестиций. На основе резолюции СБ № 1929 от 9 июня 2010 г. ЕС, Канада, Австралия и Япония осенью 2010 г. запретили инвестиции в банковский сектор Ирана²³. Безусловно, это отрицательно отразилось на экономическом развитии. Иранские предприятия стали испытывать трудности с импортом необходимых для производства полуфабрикатов, особенно фармацевтики. По некоторым данным, с лета 2009 г. себестоимость импорта промышленного оборудования выросла на 30%²⁴, перебои с поставками вызвали естественный рост цен в зависимых от них отраслях экономики. С аналогичными проблемами столкнулись иранские фармацевтические предприятия и компании по производству строительных материалов. Санкции и мировой кризис, неизбежно ведущие к резкому ухудшению экономического положения, могут по-разному отразиться на изменениях в экономической модели Ирана. Это может стать и стимулом для ускорения формирования рыночной экономики, но может, особенно при нулевых темпах ВВП и ниже нулевых, привести к обратному. В этом случае будет продолжена политика субсидирования, замедлится процесс приватизации. В 2009 г. уже был ужесточен контроль за валютными операциями, прорабатывалась перспектива полного перехода при ведении валютных расчетов с доллара на евро, был введен жесткий контроль над импортом и экспортом, продовольствия. Во внешнеторговой практике, особенно в области импорта, расширено применение нетарифных методов, что противоречит принципам рыночной экономики. В 2010 г. был создан Фонд национального развития, призванный заменить Нефтяной резервный фонд, что реально означает усиление роли государства в инвестиционном процессе.

Тем не менее, обозначившаяся в последнее пятилетие потеря иранской моделью своей эффективности по сравнению с турецкой не является результатом действия самой иранской модели, а в большей степени — следствием политического давления извне на внешнеполитический курс правительства М. Ахмадинежада. В годы, когда экономика Ирана находилась в одинаковых с другими странами условиях, ее развитие, как показано выше, было достаточно эффективным. При этом, в отличие от многих стран, осваивавших рыночную модель развития, Иран практически не имел внешнего долга (в 2009 г. всего 4,1% от ВВП). Размеры долга Ирана на конец 2009 г. составляли всего 13,4 млрд. долл., Турции — 251,4 млрд. долл., т. е. почти в 19 раз больше. Экономическая политика правительства М. Ахмадинежада не только не противоречила принципам рыночной экономики, а, наоборот, старалась использовать современные экономические инструменты, достаточно эффективно совмещая их с исламскими нормами ведения хозяйства.

Примечания

¹ Рассчитано по: TURKSTAT, Statistical Indicators, 1923–2006, с. 670.

² Там же, с. 670.

³ Рассчитано по: Bank Markazi Iran. Changing Trend in Iranian Companies. Tehran, 1965, с. 124.

⁴ Рассчитано по: Looney R. E. The Economic Development of Iran. A Recent Survey with Projections to 1981. New York, 1973, с. XIX, 4; Bharier J. Economic Development in Iran. 1900–1970. L., 1971, с. 58–59.

⁵ Maddison A. Monitoring the World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001, с. 215.

⁶ Там же (в ценах 1991 г.).

⁷ www.Worldbank.org. Washington. 2010. GNI per capita (6. с.).

⁸ US Energy information Administration. Independent Statistics and Analysis. www.eia.doe.gov.

⁹ Расчет по: www.Worldbank.org. (6/с).

¹⁰ World Development Report 2010. Washington, с. 385.

¹¹ Расчет по данным: Worldbank.org. Washington. 2010. GNI per capita.

¹² World Development Report 2006. Washington, с. 294–295.

¹³ World Development Report 2010. Washington, с. 384.

¹⁴ Ведение бизнеса 2010. МРРР. Вашингтон, с. 10.

¹⁵ Ульченко Н. Ю. Турция и МВФ: перспективы сотрудничества. — Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. М., 2010, с. 112–113.

¹⁶ Там же, с. 112–116.

¹⁷ Кожанов Н. А. Руководство ИРИ и экономические санкции 2010 г. www.iimes.25.01.2011.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Вартамян А. М. Банковская система Ирана в центре внутривластного противоборства. www.iimes.18.11.2010.

²⁰ www.Data.worldbank.org. 2010 (данные по Ирану и Турции).

²¹ IMF. World Economic Outlook. October. International Monetary Fund. 2010, с. 179, 183.

²² IMF. World Economic Outlook. April. International Monetary Fund. 2010, с. 159.

²³ Кожанов Н. А. Банковский сектор ИРИ и режим экономических санкций. www.iimes.02.11.2010

²⁴ Кожанов Н. А. Социально-экономическая ситуация в ИРИ и режим санкций. www.iimes.06.11.2010.

С. Н. Каменев

ПРИРОДНЫЕ КАТАСТРОФЫ В ПАКИСТАНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В 2010 г. Пакистан в своем социально-экономическом развитии начал постепенно выходить из тяжелого финансово-экономического кризиса, который затронул несколькими годами раньше практически весь мир, однако сказался в большей степени именно на Пакистане как стране, национальное хозяйство которого было пока еще мало приспособлено к подобным катаклизмам. К большому сожалению именно в тот момент весь пакистанский народ столкнулся с трагедией национального масштаба — наводнением, которого еще ни разу не было в истории этого государства и которое по своему размаху затронуло как экономику, так и практически все слои пакистанского общества.

Предварительные оценки ущерба от наводнения для населения и экономики страны, сделанные в сентябре 2010 г., свидетельствовали, что от этого общенационального стихийного бедствия пострадали в той или иной степени около 20 млн. человек, при этом 1710 человек погибли (включая 210 детей), 2090 — ранены и находились в больницах (постепенно их число возрастало), полностью были разрушены 576 тыс. жилых домов, 1 млн. человек лишились крова и всего имущества. Разрушено свыше 150 основных ирригационных систем страны, буквально уничтожены 4,4 млн. акров обрабатываемых земель. В стране было создано 1520 временных лагерей для беженцев; однако это вовсе не спасало пострадавшие семьи, которые были вынуждены ютиться на небольших голых островках еще не покрытой водой земли, без крыши над головой¹. Но уже к началу 2011 г., когда такого рода подсчеты были уточнены, оказалось, что в действительности от наводнения пострадали свыше 21 млн. человек, разрушены полностью 1,7 млн. жилых домов и уничтожены 5,4 млн. акров обрабатываемых земель².

Кроме того, надо учитывать колоссальный ущерб, который нанесло наводнение производственной инфраструктуре, поскольку были разрушены или повреждены не только ирригационные системы, но и железные доро-

ги, шоссейные и обычные грунтовые дороги, линии электропередач, системы телефонной, телеграфной и иной связи; даже сотовая связь, в целом неплохо налаженная в стране, во многих районах перестала функционировать. Иными словами, разрушение производственной инфраструктуры означало, что нарушились не только людские перевозки, но и грузовые, а также движение траков с продовольствием и промтоварами для обеспечения хотя бы сносной жизни населения не только в пострадавших, но и в других районах. Поэтому реально можно считать, что пострадали не только 21 млн. человек в охваченных наводнением областях страны, но и практически все 175-миллионное население Пакистана.

Основные проблемы для населения страны были связаны с растущим голодом и распространением самых разных заболеваний; эпидемии желудочно-кишечных заболеваний возникли моментально и в самой тяжелой форме³. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун посетил Пакистан в августе 2010 г. и описал ситуацию в этой стране как «отчаянную и душераздирающую»⁴. По словам главы ООН, никогда раньше ему не доводилось видеть последствия столь разрушительной стихии, и он вновь призвал мировое сообщество ускорить оказание помощи пострадавшим регионам Пакистана. Хотя нельзя не отметить то, что в словах генсека ООН было больше эмоций, нежели реальной оценки ситуации в государстве.

В данном случае необходимо иметь в виду, что когда происходят природные катаклизмы такого глобального характера, то это отражается далеко не только на внутренней жизни государства, пострадавшего от общенациональной катастрофы, но и на положении в соседних, да и не только соседних странах. Так, наводнение крайне негативно сказалось на пакистано-афганской транзитной торговле, на товарных поставках контингенту НАТО в Афганистане (а через Пакистан, по некоторым данным, идет 80% поставок НАТО, и хотя в октябре 2010 г. поставки войскам НАТО возобновились через Торхам, ситуация в этом отношении оставалась весьма непростой), на экспорте товаров хлопковой группы в страны Евросоюза, США, Японию, другие страны; на экспорте продовольствия в арабские государства и т. д.

Наводнение негативно сказалось на экономике и других близлежащих государств, например той же Индии, в частности на внешней торговле с ней. А она составила в 2008/09 г., например, 1,34 млрд. долл. (т. н. «неформальная» торговля превысила 3 млрд. долл. в год) и предполагалось, что в ближайшие 2–3 года увеличится до 3 млрд. долл. (т. е. это — «формальная» торговля, статистика которой отражается в соответствующих таможенных документах, а затем и в экономических справочниках обоих государств)⁵.

Но один из главных вопросов, который волновал и волнует сейчас все мировое сообщество, заключается отнюдь не в замедлении развития вне-

шнеэкономических связей Пакистана, а в том, как в условиях экологической трагедии и ее катастрофических последствиях и в какой степени Пакистан будет способен и далее вести борьбу с талибами, с боевиками, с международным терроризмом. Уже в августе 2010 г. прозвучали жесткие заявления лидеров боевиков, что если Пакистан не будет отвергать финансовую и гуманитарную помощь Запада, то в стране постоянно будут происходить теракты, так что следует, по их убеждению, принимать помощь только от мусульманских государств. По официальным данным, в 2002–2010 гг. в Пакистане было совершено 8141 террористических актов, в ходе которых были убиты 8875 человек и ранены 20 675 человек; пресс-секретарь правительства Пакистана на брифинге в июле 2010 г. отметил, что на цели борьбы с терроризмом страна израсходовала только в 2005–2010 гг. 43,2 млрд. долл.⁶

Но естественно, что в первую очередь наводнение сказалось на социально-экономической и социально-политической жизни самого Пакистана, особенно на сельском хозяйстве, и — как своего рода цепная реакция — на других отраслях национального хозяйства страны, включая даже сферу услуг. Заметим здесь же, что в этой сфере (услуг) создается 59% ВВП Пакистана (сюда, в соответствии с Системой национальных счетов ООН, включаются транспорт и связь, оптовая и розничная торговля, кредитно-денежная система, страхование, недвижимость, государственное управление, оборона, социальная сфера); 18% обеспечивают основные отрасли агросферы (основные продовольственные и технические культуры — хлопок, пшеница, рис, кукуруза, сахарный тростник; второстепенные культуры — маслосодержащие культуры, картофель, лук, перец, проч.; рыболовство, садоводство и овощеводство, лесное хозяйство) и 23% ВВП создается в промышленности (сюда включаются горнодобывающая и обрабатывающая промышленность, строительство, энергетика)⁷.

Рассматривая перспективы развития экономики Пакистана на макроуровне, следует подчеркнуть, что первоначально (до наводнения) предполагалось, что темпы экономического роста составят в 2010/11 г. 4,5% (с учетом среднегодовых темпов прироста населения в 1,6%, как об этом свидетельствуют наметки 10-го пятилетнего плана на 2010–2015 гг.; это не так уж плохо, поскольку обеспечивает рост среднедушевых размеров ВВП в размере почти 3%; хотя в период пребывания у власти военных во главе с генералом Первезом Мушаррафом — 1999–2008 гг. — темпы экономического роста были на уровне 6–7% в год). В настоящее время, по оценкам совместной комиссии МВФ и пакистанских экспертов, сделанных в сентябре 2010 г., рост ВВП составит максимум 2,5%. Однако уже в начале октября 2010 г. представитель Пакистана в Евросоюзе открыто заявил, что рост ВВП будет даже ниже 1,5%. Нам представляется,

вполне реально, что он может быть почти нулевым, и даже за счет сферы услуг едва ли удастся выйти на положительные цифры.

А вот в сельском хозяйстве наблюдается полная катастрофа. Предполагался рост этой отрасли в 2010/11 г. — до наводнения в размере чуть больше 3%. После наводнения эксперты МВФ, Мирового банка, Азиатского банка развития даже не делают никаких предположений, что будет в этой сфере экономики и в ближайшее время, и в среднесрочной перспективе. Поскольку не просто уничтожены урожаи всех культур в областях, охваченных наводнением, но элементарно смыт верхний, плодородный слой почвы, и никакой наносной ил в процессе наводнения не возместит потери в этой области. К тому же на полях навалены груды самого разного мусора (вплоть до огромных бетонных плит от разрушенных плотин и дамб), который надо разбирать и увозить.

Ситуация в промышленности не лучше. Надежды на рост в размере 5,6% рухнули буквально в одночасье. Дело в том, что многие мелкие и средние предприятия в зонах наводнения (примерно 25% площади страны — интенсивная зона поражения) были просто уничтожены (рисорушки, маслособойки, предприятия по обработке сахарного тростника и т. п.). Средние и даже крупные промышленные предприятия также серьезно пострадали. Но проблема здесь стоит намного шире, поскольку разрушена значительная часть производственной инфраструктуры — дороги, мосты, иная транспортная система, линии электропередач, связь и т. п., о чем шла речь выше. По нашему мнению, темпы роста индустрии едва ли могут превысить 2–3% в указанном финансовом году.

Бюджетный дефицит будет, по мнению международных экспертов, примерно на уровне 7%, однако и здесь, как мы считаем, он будет выше указанной цифры. Проблема заключается в том, что и МВФ, и Мировой банк приняли несколько десятков лет назад решение об оказании помощи только тем государствам, где бюджетный дефицит не превышает показателя в 5% (естественно, что в этом заявлении были оговорены и другие условия предоставления финансовой помощи — уровень инфляции до 10%, реальное осуществление экономических реформ, в том числе реализация программ по борьбе с бедностью и т. д., но мы пока не ставим задачу рассматривать эти вопросы, поскольку они далеки от поставленных конкретных проблем анализа в данном материале). Естественно, что Исламабад опасался отказа в расширении помощи от этих финансовых международных организаций вследствие заметного превышения этого показателя по сравнению с требуемым МВФ и МБ. Более того, оказалось, что если по итогам 2009/10 финансового года (закончился в июне 2010 г.) Пакистан указал этот параметр в размере 5,1%, то, по признанию пакистанских официальных лиц, на самом деле он составил 6,3%⁸.

Автор этих строк всегда скептически относился к прогнозным оценкам не только по Пакистану, но и по большинству азиатских государств и стремился, насколько это было возможно, самостоятельно исчислять макроэкономические показатели. И скептицизм этот был оправдан — достаточно сказать, что, например, сделанный высококвалифицированными экспертами МВФ в сентябре 2010 г. прогноз инфляции на 2010/11 финансовый год в размере 13,5% (по плану предполагалось 9,5%) не состоялся уже в следующем месяце (октябрь 2010 г.), когда по итогам октября этот параметр превысил 21%. Едва ли можно ожидать в последующие месяцы заметного снижения уровня инфляции в стране. Так, за первые 7 месяцев текущего финансового года (июль 2010 г. — январь 2011 г.) инфляция составила 15,7%⁹.

И еще один небольшой пример пакистанской «игры» со статистикой, но уже на международном уровне.

Во всех центральных пакистанских газетах в конце октября 2010 г. на первых полосах появились сообщения — в докладе «Трансперенси Интернейшнл» о мировой коррумпированности (доклад был опубликован 26 октября 2010 г. и тут же появился в Интернете) указывалось, что Пакистан в рейтинге коррумпированности среди 178 государств мира переместился с 42-го на 34-е место, что априори абсолютно не может соответствовать действительности¹⁰. А оказалось, что пакистанские СМИ просто-напросто «забыли» подставить единицу перед этими цифрами, а именно, что Пакистан якобы переместился в указанном мировом рейтинге со 143-го на 134-е. Просмотр указанной таблицы в Интернете показал, что даже здесь произошла ошибка — Пакистан в 2010 г. переместился со 146-го на 143-е место. Для сравнения укажем, что Турция занимает 56-е место, Иран — 146-е, Афганистан — 176-е место, опередив лишь Мьянму и Сомали. (Любопытно отметить, что Россия в этой «табели о рангах» занимает 154-е место.)

Беда пакистанской статистики заключается в том, что грубые ошибки присутствуют не только в национальных СМИ, но их, к сожалению, допускают официальные публикации (хотя здесь, возможно, имеют место не столько ошибки, сколько элементарные опечатки). Мы не раз обнаруживали опечатки (или ошибки) в публикациях Плановой комиссии Пакистана, ежеквартальных и годовых отчетах Госбанка Пакистана и даже в главном официальном экономическом документе — «Pakistan Economic Survey», публикуемом ежегодно министерством финансов страны в середине июня каждого года.

По общим оценкам зарубежных экспертов, негативные последствия наводнения будут сказываться почти на всех сферах жизни Пакистана (не только в экономике) как минимум в течение 10 лет. Барак Обама в одном из своих выступлений сказал, что «мы (т. е. США. — С. К.) наде-

ялись, что американская экономическая помощь поможет Пакистану успешно продвигаться курсом экономических реформ, развивать передовую технологию, осваивать новые и расширять существующие производства, а сейчас получается, что наша помощь пойдет на то, чтобы Пакистан смог вернуться хотя бы к прежнему положению».

Первоначально нанесенный наводнением ущерб был оценен в 500 млрд. рупий — сумма небольшая, судя по размаху стихии; исходя из курса рупии к доллару в размере почти 86 рупий за 1 доллар, это чуть меньше 6 млрд. долл. В середине октября оценка нанесенного ущерба достигла почти 10 млрд. долл. — это были расчеты совместной Комиссии Мирового банка и Азиатского банка развития¹¹. Однако пакистанские официальные лица в своих выступлениях все чаще оперировали огромной суммой ущерба — 30 млрд. долл. С нашей точки зрения, эта цифра чрезмерно завышена и призвана в первую очередь обеспечить Пакистану максимально возможную внешнюю экономическую помощь. (Отметим, что ущерб от землетрясения в Пакистане в октябре 2005 г., когда буквально в одночасье погибли 73 тыс. человек, был оценен в 5,5 млрд. долл.¹²)

Конечно, без помощи извне Пакистан и сейчас, и в перспективе элементарно не справился бы с гигантскими потерями в результате наводнения, а точнее — просто бы не выжил; в первую очередь без американской помощи, которая по своим размерам находится на первом месте (о международных организациях речь пойдет отдельно). По состоянию на начало ноября 2010 г. Пакистан получил от США 870 млн. долл. целевым назначением жертвам наводнения, и Вашингтон пообещал предоставить до конца указанного года еще 500 млн. долл. Это все — помимо тех 1,5 миллиардов, которые Пакистан будет получать ежегодно в течение 5 лет. Кроме того, США предоставили значительную гуманитарную помощь — продовольствие, медикаменты, технику (в первую очередь водную), активно действуют в этом плане самолеты и вертолеты ВВС США.

(Мы здесь приводим информацию о помощи мирового сообщества Пакистану непосредственно сразу после наводнения, поскольку именно это наглядно свидетельствует о том уровне взаимопонимания и взаимопомощи, которые существуют в настоящее время в мире; несомненно, общая внешнеэкономическая помощь Пакистану была и есть (и будет) неизмеримо больше, однако исследование этого широкомасштабного вопроса выходит далеко за рамки настоящей статьи и требует самостоятельного исследования.)

Великобритания до середины октября 2010 г. передала Пакистану более 200 млн. фунтов, но до конца указанного года предполагалось перечислить еще как минимум 100 млн. фунтов, а в течение предстоящих 4 лет, как сообщила в конце октября 2010 г. госминистр внутренних дел и по де-

лам женщин Великобритании Тереза Мэй, будет предоставлено как минимум еще 700 млн. фунтов.

Германия предоставила с ходу в общей сложности почти 200 млн. евро, причем любопытно отметить, что 160 млн. из этой суммы собрали простые жители Германии.

По официальным пакистанским данным, Саудовская Аравия предоставила сразу порядка 150 млн. долл. Однако это — информация пакистанской стороны, которая вызывает удивление, поскольку для саудовской стороны это крайне незначительная сумма, которую Эр-Рияд мог бы выделить в качестве помощи Пакистану, и есть основания полагать, что размеры помощи Саудовской Аравии были больше. Достаточно сказать, что Иран, например, в конце сентября 2010 г. широким жестом выделил Пакистану 100 млн. долларов помощи пострадавшим от наводнения¹³.

Едва ли имеет смысл перечислять все государства, оказавшие помощь Пакистану, хотя бы потому, что это не суть важно. Насколько нам известно, такого рода помощь оказали — по состоянию на начало сентября 2010 г. — более 50 стран¹⁴.

Но, конечно, наибольшую помощь оказали международные организации — Международный валютный фонд, Мировой банк, Азиатский банк развития. МВФ с ходу выделил тогда 470 млн. долл. и пообещал до конца 2010 г. предоставить еще 1,7 млрд. долл. И это помимо выделяемых на регулярной основе транш за траншем в размере примерно 1,2–1,7 млрд. долл. каждый. В 2010 г. был выделен пятый транш, а шестой — на подходе, срок предоставления которого будет обсужден до завершения текущего финансового года, т. е. до 30 июня 2011 г. Мировой банк тогда, в августе 2010 г., тут же объявил о предоставлении 1 млрд. долл. И наконец, Азиатский банк развития готов предоставить 2 млрд. долл., но практически только на энергетические проекты. Хотя и это неплохо, поскольку энергетика является одним из самых «больных» мест в пакистанской экономике. Насколько можно судить по реакции пакистанской стороны, тогда Пакистан остался доволен поступившими суммами¹⁵.

В самом предварительном порядке какие-то выводы о ситуации в экономике могут быть сделаны лишь в июне 2011 г. (как, впрочем, и в любой другой финансовый год), когда выйдет в свет ежегодно публикуемый главный официальный документ правительства страны — «Pakistan Economic Survey». А пока что даже аналитики в Пакистане и за рубежом не делают никаких предварительных оценок. Известный в Пакистане (и за его пределами) экономист, многие годы посвятивший изучению национального хозяйства страны на макро- и микроуровне, Шахид Джавед Бурки в одной из своих публикаций в начале 2011 г. весьма уклончиво отозвался о перспективах экономического роста страны в 2011 г.¹⁶

Но сейчас вернемся к конкретике, в частности к позиции России по отношению к трагедии в Пакистане. Естественно, что наша страна не осталась в стороне и помогла Пакистану, насколько это было реально возможно в то время. Москва выделила, помимо стандартной гуманитарной помощи по каналам МЧС, 1 млн. долл., попав, таким образом, в одну группу по размерам помощи с Афганистаном, Алжиром, Азербайджаном, Индонезией, Южной Кореей¹⁷. Однако эту фразу ни в коей мере не следует расценивать как своего рода иронию. Наша страна сама находилась тогда и находится сейчас в крайне тяжелом положении после сильнейшей засухи и глобальных пожаров, охвативших едва ли не всю территорию России.

Главное в ином — резком прорыве после прошедшего в августе 2010 г. в Сочи четырехстороннего саммита (встречи глав Афганистана, Пакистана, России и Таджикистана) в российско-пакистанских отношениях. В частности, после состоявшейся 18 августа двусторонней встречи президентов двух стран — Д. А. Медведева и Асиф Али Зардари.

Но сначала несколько слов о причинах пробуксовки развития (его просто не было) двусторонних отношений в последнее десятилетие.

Во время встречи в Москве президентов двух государств в феврале 2003 г. был намечен ряд сфер сотрудничества, где реально было возможно расширить двусторонние связи, в первую очередь это касалось торгово-экономического сотрудничества. Тогда отмечалось, что товарооборот двух стран составлял ориентировочно лишь 100 млн. долл., и налицо были возможности его заметного расширения. Однако это произошло лишь в незначительной степени, равно как не было и заметного развития отношений и в других сферах. В первую очередь так и не начала свою работу Межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству (Россия участвует в подобных комиссиях с 86 странами мира, и именно под их эгидой идет практическая работа по развитию внешнеэкономических связей — не менее 95% товарооборота нашей страны с зарубежными государствами осуществляется в соответствии с рекомендациями именно таких межправкомиссий).

О визите премьер-министра М. Фрадкова в апреле 2007 г. и говорить не приходится — были подписаны лишь 3 малозначимых соглашения, которые также не привели к какому-либо росту двусторонних связей. И российские, и пакистанские эксперты недоумевали тогда, кому был нужен чисто протокольный визит на высшем уровне.

В ходе двусторонней встречи в Сочи российский и пакистанский президенты выразили друг другу соболезнования в связи с постигшими оба государства катастрофами, принявшими характер национального бедствия, — сильнейшая засуха в России и возникшие в результате этого пожары, а также трагедия в Пакистане — наводнение, которого еще не было в истории этого государства. Именно критическая ситуация внутри стра-

ны, обусловленная этим стихийным бедствием, заставила президента Пакистана покинуть Россию после нескольких часов пребывания в Сочи вместо предполагавшихся двух дней.

В ходе беседы российский президент подчеркнул, что Москва хотела бы наладить с Исламабадом более тесное экономическое сотрудничество, но пока, несмотря на частые встречи глав двух государств за пределами России и Пакистана (на различных международных форумах), по этому направлению «больших успехов нет». Тем не менее, Д. Медведев выразил надежду, что эта ситуация скоро изменится, и Россия и Пакистан активнее начнут вести совместную борьбу с терроризмом, наркоугрозой и международной преступностью.

Отличительной чертой двусторонней встречи в Сочи в рамках упомянутого саммита стало четкое определение перспективных направлений сотрудничества — расширение товарооборота (в настоящее время он находится, по оценкам посольства Пакистана в России, на уровне 400 млн. долл. в год); металлургия (в первую очередь участие России в модернизации построенного с помощью СССР Карачинского металлургического завода); нефтегазовый сектор, банковская сфера, автомобилестроение, создание совместных предприятий по строительству на территории Пакистана железных дорог и производству удобрений, технологическая помощь в сооружении гидростанций, сотрудничество в области культуры, науки и образования, создание условий для облегчения получения виз российскими и пакистанскими бизнесменами и др.

Но главное заключается в том, что достигнутые договоренности уже начали реально выполняться в отличие от предыдущих, практически лишь бумажных договоренностей. Достаточно сказать, что уже 21 сентября в Москве состоялось первое заседание российско-пакистанской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. С пакистанской стороны эту комиссию возглавила госминистр экономики Нина Раббани Хар (первый заместитель министра федерального правительства), с российской — министр по делам спорта, молодежи и туризма В. Л. Мутко. (Отметим сразу, что и у российских, и у пакистанских экспертов вызвало недоумение назначение на указанный пост российского должностного лица, совершенно не связанного ни с Пакистаном, ни даже с развитием внешнеэкономических связей; было высказано предположение, что для В. Л. Мутко это своего рода наказание за провал нашей команды на зимней Олимпиаде в Ванкувере; любопытно отметить в этой связи, что, например, сопредседатель аналогичной российско-индийской Межправительственной комиссии — вице-премьер РФ Александр Жуков.)

А 22 октября в Москве под председательством министра экономики Эльвиры Набиуллиной состоялось четырехстороннее совещание в со-

ответствии с сочинскими договоренностями. Пакистан представлял уже практический чиновник — министр торговли Пакистана Махдум Мухаммад Амин Фахим, и почти все обсуждавшиеся вопросы были связаны с экономическим сотрудничеством. Пакистанская сторона в ходе состоявшихся переговоров подняла вопрос о конкретной помощи со стороны России в решении энергетических проблем страны, помощи в железнодорожном строительстве, других областях. В ходе заседаний были на практическом уровне обсуждены достигнутые ранее в ходе четырехсторонних и двусторонних переговоров на саммите в Сочи общие договоренности, в том числе был подписан Меморандум о взаимопонимании между объединением «Зарубежнефтегаз» (в составе «Газпрома») и министерством нефти и природных ресурсов Пакистана.

А 5 ноября 2010 г. в Исламабаде состоялось заседание двусторонней Комиссии по инвестициям, где был подписан Меморандум о взаимопонимании и определены конкретные шаги по увеличению инвестиционной активности и в Пакистане, и в России.

И буквально через 2 недели в Москве был подписан Меморандум о взаимопонимании по поводу геологоразведки на нефть и газ (его подписали: с российской стороны — министр энергетики РФ С.И. Шматко, а с пакистанской — федеральный министр нефти и природных ресурсов Сайед Навид Камар).

Тогда же правительство Пакистана выступило с официальным заявлением о намерении начать переговоры по подписанию Соглашения о поощрении и защите инвестиций, что могло бы привести к прорыву и в двусторонней инвестиционной сфере¹⁸.

Однако предпринятые практические шаги следует расценивать лишь как своего рода начало расширения российско-пакистанских связей. Почему бы, наконец, России не реализовать сделанное в Сочи пакистанским президентом предложение Дмитрию Медведеву посетить Пакистан с официальным визитом?

Нельзя в этой связи не отметить возможность для России вступить в качестве наблюдателя в ряд международных организаций, где участвует Пакистан. Россия в свое время поддержала желание Пакистана вступить в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в качестве наблюдателя, и оно было реализовано. Пакистан активно способствовал российскому намерению вступить в Организацию Исламская Конференция, и это тоже было сделано: Россия сейчас — наблюдатель в ОИК.

Нет видимых препятствий для вступления нашей страны в качестве наблюдателя в такие организации, как СААРК (куда входят Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивские острова, Непал, Пакистан, Шри-Ланка и в качестве наблюдателей — Китай, Иран, Япония, Южная Корея, Маврикий, Мьянма, Австралия, США и Евросоюз) и «Друзья Пакис-

тана» (куда входят Австралия, Великобритания, Италия, Канада, Китай, ОАЭ, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, Япония, представители ООН и ЕС).

Исламабад давно стремится улучшить двусторонние отношения с Россией как на политическом уровне, так и развивать их в экономической сфере, а также начать вести переговоры о возможном военно-техническом сотрудничестве, пусть и в ограниченном формате, приемлемом для России. Москва же ранее демонстративно уходила от реальных действий по расширению наших связей, отделяваясь полупустыми разговорами (достаточно вновь упомянуть малозначимый визит бывшего премьер-министра М. Фрадкова в Пакистан в апреле 2007 г., когда были подписаны лишь 3 несущественных документа).

Бессмысленно России продолжать смотреть с опаской на Индию, опасаясь ее гнева в случае расширения связей с Пакистаном, особенно в военной сфере. Индия давно уже не считает необходимым осуществлять сотрудничество во многих сферах только или преимущественно с Россией. Достаточно упомянуть соглашение с США или с Канадой о сотрудничестве в области атомной энергетики, подписанное в 2010 г., равно как и сказать о массированных закупках электроники в военных целях у Израиля, вооружения у Франции, договоренности о военно-техническом сотрудничестве с США, достигнутые в ходе визита в начале ноября 2010 г. в Индию Барака Обамы, и т. п. И уж совсем нелепыми выглядят иногда раздающиеся в России опасения о возможности попадания поставленного гипотетически российского оружия Пакистану в руки ортодоксальных исламистов и боевиков. Но игнорировать (пусть и частично) Россией пакистанское государство с населением около 175 млн. человек, расположенного в геополитически важном месте земного шара (хотя бы учитывая соседство Пакистана с Афганистаном, Индией и Китаем), объективно невозможно.

Наконец, нельзя не учитывать продолжающийся процесс постепенного урегулирования пакистано-индийских отношений, включая обоюдное стремление попытаться обсудить хотя бы в крайне ограниченном варианте кашмирскую проблему.

В конечном итоге нельзя не отметить появившиеся в индийской прессе публикации, в которых видные индийские политологи прямо говорят о том, что Дели придется смириться с новым уровнем российско-пакистанских отношений и просто принять их как должное¹⁹.

С нашей точки зрения, сейчас налицо все предпосылки для широкомасштабного развития российско-пакистанских экономических и даже политических отношений. И Москва не должна упустить этот шанс.

Примечания

¹ Dawn, 27.08.2010.

² Dawn, 1.02.2011.

³ Pakistan Times, 20.08.2010.

⁴ Цит. по: Известия, 19 августа 2010 г.

⁵ Hussain H. Zaidi. Improving supply side for regional trade. — *Economic & Business Review (Karachi)*, 15.11.2010.

⁶ Доклад госдепартамента США о борьбе с терроризмом в мире. — *Компас. Вестник международной аналитической информации*. 2010, № 34, с. 34–39.

⁷ Подсчитано по: *Pakistan Economic Survey 2009–2010*. Islamabad, 2010, Para «Growth and Investment», с. 2.

⁸ Business Recorder, 2.09.2010.

⁹ Dawn, 29.01.2011.

¹⁰ Dawn, 27.10.2010.

¹¹ Business Recorder, 29.10.2010.

¹² Там же.

¹³ Pakistan Times, 8.10.2010.

¹⁴ Pakistan Times, 2.09.2010.

¹⁵ Dawn, 3.09.2010; Dawn, 17.08.2010; Business Recorder, 19.08.2010; Pakistan Times, 20.08.2010; Dawn, 20.08.2010; Daily Mail, 19.08.2010; The New York Times, 20.08.2010; Le Monde, 20.08.2010.

¹⁶ Shahid Javed Burki. The year ahead. — *Economic & Business Review (Karachi)*. January 3, 2011.

¹⁷ Pakistan Times, 2.09.2010.

¹⁸ Business Recorder, 21.11.2010.

¹⁹ The Hindu, 9.09.2010.

Н. Ю. Ульченко

ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМА: ОПЫТ ТУРЦИИ

Со второй половины XX в. в общественно-политическом развитии Турции происходило постепенное усиление роли ислама, обусловленное некоторым смягчением той радикальной интерпретации принципов светскости, которые были характерны для первых десятилетий существования Турецкой Республики. В 1970-х гг. на политической сцене появились партии происламского толка, которые, несмотря на настороженное отношение со стороны официальных властей и армии, набирали популярность. В 1996 г. лидеру происламской Партии благоденствия Неджметину Эрбакану удалось занять пост премьер-министра в составе коалиционного правительства, хотя, как оказалось, ненадолго. В 1997 г. по настоянию военных правительство Эрбакана ушло в отставку. Но спустя лишь несколько лет, в 2002 г., убедительную победу на парламентских выборах одержала происламская партия, объединившая, как считается, наиболее либерально настроенных членов партий-предшественниц, — Партия справедливости и развития (ПСР). Сформировав однопартийное правительство, она бесспорно находится у власти в стране по сей день.

Привнесла ли новая власть изменения в экономическую политику страны, обусловленные ее специфическими установками, можно ли говорить об использовании ею в той или иной мере принципов исламской экономики в сегодняшней Турции?

Прежде чем искать ответ на этот вопрос, следует принять во внимание несколько предварительных соображений. Во-первых, необходимо выяснить содержание термина «исламская экономика». Экономисты из мусульманских стран, являющиеся авторами концепции и разработчиками теоретических основ исламской экономики, часто определяют ее как рыночную, но руководствующуюся исламскими ценностями, такими как сотрудничество, ответственность, справедливость. По словам главы Центрального банка Пакистана И. Хусейна, исламская экономика представляет собой не более чем попытку обеспечить баланс между рынком, семьей,

обществом и государством, поэтому «исламизация» экономики в первую очередь затрагивает распределение доходов и борьбу с бедностью, т. е. проблемы, в решении которых не удалось преуспеть капитализму¹. Итак, принцип социальной справедливости рассматривается как наиболее существенный атрибут исламской экономики. Трактовка данного принципа базируется на двух положениях. Первое положение предусматривает взаимную ответственность, второе — соблюдение социального баланса. Это означает, что ислам допускает имущественное неравенство, но в разумных пределах. Не одобряется общественное устройство, в рамках которого меньшинство живет в роскоши, а большая часть населения влачит голодное нищенское существование. Во-вторых, исламская экономика зачастую ассоциируется с деятельностью исламских финансовых институтов, функционирующих на беспроцентной основе. Запрет *рибы* — процентного дохода — в случае предоставления денег займа подразумевает, что процесс инвестирования в исламской модели требует активного участия, сужающего денежные средства. Получение прибыли собственником денег оправдано, если он находится в равных условиях с обладателями прочих факторов производства, т. е. если он принимает на себя инвестиционные риски, что означает зависимость дохода как от факта наличия прибыли, так и ее размеров. Таким образом, исключается получение фиксированного и гарантированного вознаграждения, известного как ссудный процент. Но специфические особенности функционирования банковских учреждений исламского типа остаются лишь инструментами, обеспечивающими соблюдение принципа экономической и социальной справедливости в том смысле, как они понимаются теоретиками исламской экономики.

В современной Турции существуют и, по-видимому, довольно активно развиваются банковские институты исламского типа. Они известны как «специальные финансовые организации». В 1990-е гг. они рассматривались как особая часть национальной банковской системы, и данные об объеме их активов, прибыли и проч. публиковались Ассоциацией банков Турции. В последние годы информация о деятельности специальных финансовых организаций как отдельном фрагменте национальной банковской системы не публикуется. Можно сказать лишь о том, что по состоянию на конец 1990-х гг. на них приходилось немногим более 2% от суммарных активов национальных банков². Тем не менее, важно подчеркнуть еще раз, что банковские учреждения, функционирующие на беспроцентной основе, рассматриваются в данном случае лишь как одна из форм следования общим принципам исламской экономики, о концептуальной роли которых в экономической политике правительства и предполагается вести речь. Подобная позиция обусловлена не только стремлением избежать узости подхода, в рамках которого исламская экономическая модель сводится лишь к наличию специфических финансовых институтов. Важно

учесть, что светский характер Турецкой Республики и довольно длительный период жесткого ограничения государством влияния ислама на общественное развитие значительно ослабили и юридические, и исторические предпосылки полномасштабного возрождения исламской экономической традиции. Известный турецкий исследователь З. Ониш отмечает, что гиперсекуляризм кемалистской модели модернизации сделал возможным исключение альтернативы — исламского политического порядка — в преимущественно мусульманском обществе. «Несомненно, что значительно более скромный курс, которого придерживаются в последние годы исламисты в Турции, отражает, в том числе, влияние кемалистского проекта модернизации с его сильным акцентом на принцип секуляризации», — резюмирует он³. Так что в качестве третьей важнейшей предварительной посылки анализа следует принять следующее: говоря о возможном влиянии принципов исламской экономики на современное экономическое развитие Турции, можно ставить вопрос лишь о вероятной модификации общей модели, некоторых изменениях приоритетов, но никак не о полномасштабной реализации экономико-правовых установок шарията, официальном использовании предписываемой им системы налогообложения и проч.

Разработка концепции исламской экономики пока еще далека от своего завершения, что позволяет дополнить ее более или менее официально признанные постулаты логически вытекающими из них положениями, которые подтверждены тезисами отдельных теоретиков или, что более важно, экономической практикой исламских (происламских) правительств в национальных мусульманских государствах. Так, например, из важности соблюдения принципа социальной справедливости логически следует признание довольно существенной роли государства как экономического и социального регулятора в системе исламской экономики. Или, поскольку сама идея исламской экономики вдохновлена стремлением создать экономическую модель, альтернативную либеральной западной экономике, вполне логично, что эта модель не может или, по крайней мере, не должна воплощаться на деньги Запада, для которого, в свою очередь, целесообразность финансирования исламского экономического эксперимента неочевидна. Поэтому идее перестройки экономики на исламский лад свойственно отрицательное отношение к использованию внешних источников финансирования, в первую очередь к средствам из западных стран, которые являются крупнейшими кредиторами на мировом финансовом рынке. Данный тезис в настоящей статье является четвертой посылкой дальнейшего анализа. Например, руководство Ирана проявляет крайнюю осмотрительность в отношении внешних источников финансирования на протяжении всего периода развития после исламской революции. Но финансирование иранской экономики поддерживается нефтяными доходами, особенно в годы благоприятной ценовой конъюнктуры. Что же касается экономики Турции, которая еще со времен про-

блемы османского долга оказалась прочно привязанной к финансированию извне, то провозглашение подобных лозунгов следует рассматривать либо как проявление экономического авантюризма, либо, в лучшем случае, — сознательной готовности пойти на замедление темпов экономического роста, если, конечно, не найдется более приемлемый источник финансовой поддержки за рубежом, лучше всего имеющий мусульманское происхождение. Так, важнейшей составляющей предвыборной кампании Н. Эрбакана в 1995 г. стала идея противостояния Западу. В его выступлениях звучал как мотив непримиримости в отношении ЕС, так и призыв к объединению мусульман мира. Выступая в Анкаре в июле 1995 г., Эрбакан заявил: «Партия благоденствия выступает не за роль Турции — прислужницы Запада, а за всемирное сотрудничество мусульман». В этот период неприятие идей сотрудничества с Евросоюзом приняло у лидера ПБ форму открытых угроз относительно соблюдения Турцией договорных обязательств в рамках начавшего действовать Таможенного союза Турции и ЕС⁴. Столь решительный настрой ПБ проистекал из признания не столько объективного, сколько субъективного характера постоянной зависимости Турции от внешних, особенно западных источников финансирования. Министр финансов коалиционного правительства А. Шенер, представлявший в нем Партию благоденствия, заявил: «За государственными займами стоит соответствующее лобби, и долги лавинообразно нарастают. Мы не являемся правительством этого лобби. Поэтому нам будет легко преодолеть эту тенденцию в динамике государственных займов...»⁵ Лидеры ПБ противопоставляли сложившейся модели идею опоры на собственные силы. Государственный министр⁶ коалиционного правительства от Партии благоденствия А. Гюль, отвечая на вопрос турецкого журнала «Экономист» об изменениях в экономической политике, планировавшихся его правительством, заявил следующее: «Каждая страна прибегает к использованию внешних источников, к займам, но мы верим, что главный принцип, который позволит разорвать порочный круг, заключается в том, что страны, подобные Турции, способны поддерживать динамизм внутри национальной экономики»⁷. Отсюда и главный принцип исламистов во взаимоотношениях с МВФ — «да» — сотрудничеству по вопросам разработки макроэкономической политики, «нет» — долгосрочному кредитному сотрудничеству в рамках схемы «stand by».

В ходе переговоров предполагалось информировать МВФ об успехах Турции в аккумулировании новых источников финансирования и снижении потребности государства в дефицитном финансировании. Реализма данной позиции придавало намерение заключить новые финансовые соглашения с исламскими странами, а Исламский банк развития рассматривать в перспективе как основного кредитора Турции.

Столь высокая ставка на новые или дополнительные источники финансирования требовала, по меньшей мере, обнаружить их «внутри эко-

номики Турции». Под новыми источниками подразумевались «люди, природные ресурсы и государственная недвижимость». После назначения на пост премьер-министра Н. Эрбакан разослал во все государственные министерства и ведомства устное распоряжение, которое предписывало «создание и поиск источников». Министерству энергетики и природных ресурсов поручалось провести инвентаризацию природных ресурсов страны. Особо при этом выделялась задача оценить по новой стоимости рудные запасы и заключить соглашения на их разработку с мусульманскими странами. Всем государственным организациям вменялось в обязанность провести подробную инвентаризацию находящейся в их собственности недвижимости. После ее завершения планировалось приступить к массивной продаже участков под строительство, земельных угодий, отелей и автомашин. Особая роль в процессе создания источников отводилась передаче в частную собственность лесных угодий.

Идея отказа от использования внешних источников финансирования неизменно присутствует в концептуальных документах Общества независимых предпринимателей (МЮСИАД), представляющего интересы мелких и средних предпринимателей Турции (так называемого «зеленого капитала») — одной из важнейших электоральных групп происламских партий. Например, в подготовленном незадолго до прихода к власти ПСР экономическом обзоре МЮСИАД «Турецкая экономика 2002: оценки 2001 г., ожидания на 2002 г.» решить проблему внутреннего долга предлагалось за счет «монетизации» (эмиссионного покрытия) его четвертой части. Остальную часть предлагалось перевести в валютные облигации с индексированным доходом и сроком погашения от 3 до 7 лет⁸. Отказ от использования внешних источников финансирования и одновременная «монетизация» и консолидация госдолга означали бы или откладывание возобновления экономического роста по меньшей мере на несколько лет, или же, что более вероятно, использование неоднократно применявшейся в Турции модели инфляционного роста с практически неконтролируемым ростом цен, а следовательно — усиление финансовой нестабильности и невозможность устойчивого развития экономики. «Монетизацию» и консолидацию долга, по-видимому, следует рассматривать в качестве еще одной интерпретации создания «новых источников» при направлении как первого, так и второго подхода против использования внешних источников финансирования.

Ниже предлагается проанализировать особенности социальной политики и отношение к использованию внешних источников финансирования действующего правительства Партии справедливости и развития. С учетом условий, в которых начиналась деятельность происламского правительства — период исполнения очередного соглашения с МВФ о стабилизационном кредите — вопрос сводится к выявлению позиции кабинета по вопросу

взаимодействия с Фондом и использования его кредитов в обмен на проведение согласованной с его экспертами макроэкономической политики.

Основное направление социальной политики ПСР было обозначено еще в предвыборном заявлении одного из лидеров партии А. Гюля, в котором он объявил о намерении партии снизить предлагавшиеся МВФ размеры профицита первичного бюджета (сумму, на которую доходы бюджета превышают расходы без учета процентных выплат по госдолгу) в пользу увеличения социальных расходов правительства. Выступая перед парламентом после победы на выборах 23 ноября 2002 г., новый премьер-министр А. Гюль огласил программу своего правительства⁹. Размер профицита первичного бюджета предполагалось планировать таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечить необратимое сокращение государственного долга, а с другой — учитывать потребности роста экономики и социальной политики.

5 апреля 2003 г. турецкие уполномоченные лица подписали очередное Письмо о намерениях¹⁰, подготовленное в связи с началом работы специалистов Фонда над очередным отчетом по кредитному соглашению с Турцией. В письме подчеркивалось: «Оставаясь приверженным политике дезинфляции и стабилизации, правительство признает жизненно важным для успешного продолжения реформ социальную защиту наиболее уязвимых слоев населения». В этой связи правительство намеревалось, оставаясь в рамках бюджета, *повышать роль социальных расходов посредством более избирательной целевой направленности социальных программ и использования основной части имеющихся ресурсов на поддержку наиболее нуждающихся групп населения*¹¹.

Тем не менее, новое правительство не ограничило лишь повышением эффективности социальных программ. Практически сразу же обозначилась и тенденция увеличения социальных расходов. На момент работы над текстом письма уже были осуществлены дополнительные поддерживающие выплаты пенсионерам в размере 0,9% ВВП. Суммарные социальные расходы, включая здравоохранение, образование, планировалось повысить до 17,9% бюджета против 17,5% в 2002 г. При этом правительство признавало в письме, что ему не удалось полностью придерживаться основных параметров, в рамках которых, согласно стабилизационной программе, одобренной МВФ, должно было бы происходить развитие экономики. В частности, правительство столкнулось с трудностями при проведении жесткой фискальной политики: по состоянию на конец декабря 2002 г. профицит первичного бюджета составил всего 2,5% вместо рекомендованных МВФ 6,5%, что объяснялось как повышением расходов, так и сокращением бюджетных доходов в период, предшествовавший досрочным парламентским выборам, т. е. до ноября 2002 г. В короткий период, оставшийся до окончания года, новое правительство не смогло ликвидировать отставание от намеченных показателей.

Таким образом, в экономической политике нового правительства на первых этапах проявлялась наметившаяся еще в период предвыборной борьбы попытка противостояния требованиям МВФ по вопросам фискальной и социальной политики, что привело к сложностям в ходе подготовки отчета специалистов Фонда. Показательно, что турецкие власти высказались против того, чтобы отчет МВФ был опубликован в Турции, принимая во внимание возможную «чувствительность» рынка, а проще говоря — его весьма вероятную негативную реакцию на довольно жесткие оценки, содержащиеся в документе. Так, в отчете отмечалось, что «объявление неожиданных инициатив в налоговой сфере и в вопросах использования государственных средств... привело к тому, что приверженность властей программе (стабилизационной. — *Н. У.*) по временам представлялась далекой от всецелой».

В дальнейшем сотрудничество с МВФ стало носить более согласованный характер, целевые задачи по объемам профицита первичного бюджета более не дискутировались правительством, но исполнялись по возможности точно. Тем не менее турецкая элита не отказалась от продолжения и даже введения дополнительных социальных программ, хотя и довольно ограниченных, но неизменно компенсируя новые расходы увеличением налогов и сборов. При этом подходы правительства ПСР к финансированию социальной политики вполне соответствовали объявленным еще в начале его правления и не утратившим актуальность в дальнейшем принципам целевой избирательности и поддержки наиболее нуждавшихся групп (как правило, они совпадают с наиболее важными электоральными группами), в том числе за счет роста налогового бремени, ложившегося на плечи прочих социальных слоев. Определенная двойственность социальной политики, как неизбежное следствие ее «избирательности», стала одной из важнейших ее особенностей в период правления Партии справедливости и развития. С одной стороны, важным шагом в сфере социальной политики стало окончательное согласование реформы системы социального страхования, подготовленной в рамках договоренностей с МВФ. Ее основные направления заключаются в следующем: постепенное повышение пенсионного возраста к 2060–2070 гг. до 65 лет¹², ограничение уровня индексации пенсий уровнем роста цен, снижение уровня пенсий относительно заработной платы до международных стандартов (по состоянию на 2007 г. Турция имела один из самых высоких относительных уровней пенсий среди стран ОЭСР), создание единого пенсионного фонда вместо нескольких ныне действующих. В апреле 2008 г. реформа была одобрена парламентом. По оценкам Всемирного банка, ее реализация обеспечит в ближайшие 75 лет экономию в размере 75% от ВВП 2007 г.¹³

С другой стороны, пенсионное обеспечение является далеко не единственным и, с точки зрения правительства ПСР, очевидно, не самым важным звеном системы социальной поддержки. И действительно, помимо трудо-

вых пенсий в Турции осуществляются разнообразные социальные выплаты по линии министерства здравоохранения (покрывает расходы на лечение граждан, не входящих в категорию «оплачиваемой рабочей силы»), через систему так называемых «зеленых карт» при условии, что доход на одного члена семьи составляет менее трети минимальной заработной платы); Общества социальной защиты (наряду с обычными трудовыми пенсиями выплачивает ежемесячные пособия гражданам в возрасте свыше 65 лет, выплатами охвачено порядка 20% лиц соответствующей возрастной категории, не имеющих право на полноценное пенсионное обеспечение, размер пособия составляет менее 100 тур. лир); Генерального управления вакфов (уполномочен на поддержку таких проектов, как открытие студенческих общежитий, учебных заведений, выплата ежемесячных пособий нуждающимся инвалидам); Общества социальной защиты детей (оказывает поддержку в материально-вещественной и денежной форме детям из нуждающихся семей, неспособных обеспечить основные потребности ребенка хотя бы на минимальном уровне для соответствующего возраста); министерства образования (обеспечивает учащимся в системе начального и среднего образования бесплатное проживание и стипендии); Фонда поддержки социальной помощи и солидарности (средствами фонда распоряжается его дирекция, действует через обширную систему местных вакфов социальной помощи и солидарности, оказывая самые разнообразные виды поддержки нуждающимся); Управления студенческих общежитий (выплачивает стипендии нуждающимся студентам в период получения высшего образования). Анализ данных таблиц 1 и 2 демонстрирует уверенный рост абсолютных и относительных размеров помощи, оказанной через систему государственных организаций социальной поддержки за годы правления Партии справедливости и развития.

Таблица 1

**Размеры выплат по линии учреждений
социальной поддержки Турции
(тыс. тур. лир)**

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	Средне-годовые темпы роста, (%)
Название учреждения (вида) социальной поддержки							
Система «зеленых карт»	649.815	917.000	1.062.000	1.808.610	2.910.000	3.913.888	43,2
Выплаты по линии Общества социальной защиты	311.623	737.091	788.825	1.003.882	1.284.823	1.620.143	39,1

Выплаты по линии Генерального управления вакфов*	2.833	4.846	8.809	28.108	58.673	63.773	84,4
Выплаты (расходы по предоставлению материально-вещественной помощи) по линии Общества социальной защиты детей	5.233	9.910	11.484	15.981	41.000	48.255	57,2

Выплаты по линии министерства образования**	15.175	17.363	24.419	47.208	57.668	85.003	41,2
Выплаты по линии Фонда поддержки социальной помощи и солидарности		278.137	392.598	609.380	783.679	851.245	32,2
Выплаты по линии Управления студенческих общежитий			49.348	123.570	204.166	298.530	

*В таблице приведены расходы по статье «Расходы на обеспечение горячим питанием и обеспечение повседневными продуктами питания», являющейся наиболее крупной в структуре расходов Генерального управления вакфов.

** В таблице приведены данные по расходам на выплаты стипендий.

Составлено по: Naciımahmutođlu H. Türkiye'deki Sosyal Yardım Sisteminin Deđerlendirilmesi. DPT-Uzmanlık Tezleri. Ankara, 2009, с. 103, 111, 117, 125, 130, 135, 161.

Таблица 2

Размеры выплат по линии учреждений социальной поддержки Турции (% ВВП)

Годы						
Название учреждения (вида) социальной поддержки	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Система «зеленых карт»	0,19	0,20	0,19	0,28	0,38	0,46
Выплаты по линии Общества социальной защиты	0,09	0,16	0,14	0,16	0,17	0,19
Выплаты по линии Генерального управления вакфов*	0,0008	0,0010	0,0015	0,004	0,008	0,007

Выплаты (расходы по предоставлению материально-вещественной помощи) по линии Общества социальной защиты детей	0,0015	0,0021	0,0020	0,0024	0,005	0,006
Выплаты по линии министерства образования**	0,004	0,003	0,004	0,007	0,007	0,009
Выплаты по линии Фонда поддержки социальной помощи и солидарности		0,06	0,07	0,09	0,10	0,10
Выплаты по линии Управления студенческих общежитий						

*В таблице приведены расходы по статье «Расходы на обеспечение горячим питанием и обеспечение повседневными продуктами питания», являющейся наиболее крупной в структуре расходов Генерального управления вакфов.

** В таблице приведены данные по расходам на выплаты стипендий.

Составлено и рассчитано по: Naciımahmutoglu H. Türkiye'deki Sosyal Yardım Sisteminin Değerlendirilmesi. DPT-Uzmanlık Tezleri. Ankara, 2009, 103 и на основании данных таблицы 1.

Турецкий автор Д. Йылдырым подтверждает данный тезис, используя несколько иную систему подсчетов, а именно посредством оценки изменений в структуре бюджетных трансфертов, оцененных на основе данных о доходах домохозяйств: если в 2002 г. доля материально-вещественной помощи в общем объеме трансфертов составляла 2,64%, то в 2005 г. — 19,29%¹⁴. При этом, наращивая объемы помощи, правительство в основном использовало ранее сложившиеся каналы ее доведения до жителей страны: абсолютное большинство действующих ныне в Турции учреждений (программ) социальной помощи начали функционировать задолго до прихода к власти ПСР. Так, программа «зеленых карт» действует в Турции с 1992 г.; решение о поддерживающих выплатах гражданам в возрасте свыше 65 лет, не имеющих право на получение трудовой пенсии, было принято еще в 1977 г.; Генеральное управление вакфов осуществляет свои программы с 1984 г., а Общество социальной защиты детей — с 1983 г.; Фонд поощрения социальной помощи и солидарности был создан и начал функционировать в 1986 г. Исключение составляет лишь программа выплаты стипендий Управлением студенческих общежитий, которая действует с 1 января 2004 г. и, следовательно, является детищем нового правительства.

Тем не менее, на годы правления Партии справедливости и развития приходится некоторые организационные перемены в системе учреждений

социальной поддержки. Часть из них носит технический характер (отказ от системы «зеленых карт» и включение их владельцев в систему Общего медицинского страхования при уплате страховых взносов государством; передача в 2006 г. выплаты ежемесячных пособий пожилым гражданам от одной государственной организации пенсионного страхования — Пенсионной кассы Турецкой Республики — к другой — Обществу социальной защиты, которое выполняет задачи по страхованию наемных работников государственного и частного секторов). Но часть нововведений правительства может расцениваться как знаковая. В декабре 2004 г. в силу вступил закон 5263, имевший целью укрепление организационной структуры Фонда поддержки социальной помощи и солидарности. Если ранее подготовкой его бюджета и распределением средств занимался генеральный секретариат, являвшийся подразделением аппарата премьер-министра, то законом 5263 для управления Фондом была создана дирекция при аппарате премьер-министра. Очевидно, меры структурного укрепления Фонда поддержки социальной помощи и солидарности были продиктованы стремлением к дальнейшему расширению его роли и влияния в системе социальной поддержки населения. Особое отношение правительства к Фонду, очевидно, связано с целями и особенностями его функционирования, которые исключительно близки исламской риторике взаимопомощи и взаимной ответственности членов уммы. основополагающая целевая установка отражена в статье 1 закона об учреждении Фонда поддержки социальной помощи и солидарности: «Оказывать помощь людям, оказавшимся в затруднительном положении или нуждающимся в помощи, принимая меры к укреплению социальной справедливости, обеспечивать справедливое распределение доходов, поощрять социальную помощь и солидарность»¹⁵. По словам Х. Хаджимахмутоглу — автора работы о системе социальной поддержки в Турции, «цель программ Фонда — оказать человеку социальную помощь буквально по месту проживания — в своем же квартале — и с применением максимально гибких подходов»¹⁶. Приближению Фонда к нуждам гражданина способствует организация его деятельности через 973 вакфа (отделения), расположенных в 81 иле (т. е. каждом административном округе) и 973 ильче (т. е. в каждом территориальном подразделении административного округа). Гибкость достигается через многообразие форм помощи, предоставляемых Фондом. Так, лишь основных ее разновидностей пять: периодическая помощь, помощь на медицинские нужды (лечение и медицинскую помощь), выделение средств на особые нужды (финансирование деятельности бесплатных общественных столовых, поддержка в чрезвычайных ситуациях, содержание приютов); помощь в получении образования (поддержка студентов и проч.); продовольственная помощь (продовольственная помощь, оказываемая в канун религиозных праздников Курбан-байрама и Рамазан-бай-

рама, организация благотворительных обедов, систематическая помощь продуктами и одеждой). Гибкость деятельности Фонда, очевидно, во многом обеспечивается его статусом одного из трех сохранившихся в Турции на сегодняшний день внебюджетных фондов. Это означает, что расходы Фонда не контролируются парламентом, а требуют одобрения только совета Фонда и премьер-министра. Подобный статус Фонда, очевидно, позволяет отнести его к неформальным каналам предоставления помощи, роль которых, по мнению З. Ониша, особенно важна в условиях бюджетных ограничений, т. е. ограничений на использование формальных каналов перераспределения, накладываемых фискальными требованиями МВФ¹⁷.

Привлекательность Фонда поддержки социальной защиты и солидарности для правящей партии, по всей видимости, заключается в том, что в отличие, например, от системы «зеленых карт» или выплаты пособий пожилым гражданам, где основание для получения помощи одинаково для всех и каждого (например, возраст), через средство Фонда можно оказывать помощь конкретному избирателю с его специфическими нуждами, используя индивидуальный подход и устанавливая тем самым эффективный контакт нуждающегося электората с властью, как правило, с позитивным исходом для первого, а в более долгосрочной перспективе — и для второй. Поэтому размер социальных расходов по линии Фонда поддержки социальной помощи и солидарности весьма существенен и уступает лишь социальным выплатам, осуществляемым для финансирования системы «зеленых карт» и поддержки пожилых граждан, не имеющих право на официальную пенсию (см. табл. 1 и 2).

Турецкий исследователь Д. Йылдырым также отмечает центральную роль, которую ПСР отводит Фонду и его многочисленным вакфам в росте объемов социальной помощи и трансфертов. Что касается роста масштабов социальной поддержки по линии Фонда, то Йылдырым отмечает, в частности, следующее: на момент прихода ПСР к власти численность семей, получавших субсидии на отопление, составляла менее 1 млн., в 2007 г. — 1 млн. 895 тыс., а в 2008 г. — свыше 2 млн. По приводимым им оценкам, в период правления ПСР с 2003 по 2008 г. тем или иным видом социальной поддержки по линии Фонда воспользовались в общей сложности 42 млн. 663 тыс. человек, или из каждых двух граждан страны по меньшей мере один¹⁸.

Цель нарастающего потока социальных выплат не ограничивается реализацией исламских принципов в рамках экономической политики правящей партии. По верному замечанию Д. Йылдырыма, характерный в целом для неолиберального подхода рост социальных выплат в данном случае удачно переплетается с «проектом исламизации», ибо социальная помощь, являясь своего рода посланием в духе ислама, одновременно позволяет заполнять партии оставшиеся пустоты (на электоральном

пространстве). «Понимание истоков этого существенного роста исходящей от государства денежной и материально-вещественной помощи связано с осознанием того, что в основе расширения поддержки ПСР *связанным с нею социальным группам* (курсив наш. — Н. У.) лежит стремление ... к установлению связи между популистскими посланиями и политическими планами», — резюмирует Д. Ыылдырым¹⁹. Схожих позиций в оценке социальной политики ПСР придерживается и З. Ониш. Он рассматривает ее как результат переплетения двух факторов — идеологического и прагматического. Идеологический элемент базируется на понятиях справедливости и равенства, подчеркивающих связь партии с исламским наследием. Прагматический элемент связан с необходимостью получить популярность и поддержку²⁰.

При этом сама идея использовать социальную помощь в политических целях принадлежит не ПСР. Она возникла гораздо раньше. Комментируя данную проблему, Д. Ыылдырым приводит цитату из работы турецкого автора Г. Ялмана «Социальная политика: от государства благоденствия к управлению социальными рисками»: «Наличие в Турции до последнего времени значительных групп населения, не охваченных различными видами социальной поддержки, ставило в повестку дня оказание через всевозможные механизмы денежной и материально-вещественной помощи нуждающимся... В ходе происходившего на протяжении последних 25 лет процесса перестройки турецкой экономики Фонд поддержки социальной помощи и солидарности стал основным инструментом проведения политики по *ослаблению (политического. — Н. У.) влияния бедноты* (курсив наш. — Н. У.)»²¹. Нововведение ПСР состоит в трансформации социальной поддержки из «инструмента ослабления влияния бедноты» в инструмент расширения ее поддержки на фоне заметного увеличения объемов помощи и роста масштабов охвата. Совершенно очевиден параллельный ход процессов усиления (или, по меньшей мере, сохранения на высоком уровне) поддержки ПСР от выборов к выборам и роста численности получателей социальной помощи. З. Ониш отмечает, что «партии (ПСР. — Н. У.) удалось сделать капитал на систематических усилиях помочь бедным... при посредстве различных формальных и неформальных каналов»²².

Весьма существенное обстоятельство, связанное с социальной политикой правительства ПСР, заключается в следующем: рост объемов абсолютной и относительной помощи, оказываемой по вышеперечисленным каналам социальной поддержки, происходит на фоне остающихся практически неизменными относительных расходов на социальные услуги: доля статьи «Здравоохранение и социальные услуги» в структуре ВВП, рассчитанного в ценах 1998 г., в 2002 г. составила 1,3%, в 2003 г. — 1,1%, во все последующие годы, включая 2008 г., — 1,2%. Аналогична ситуация и с ве-

личной затрат на образовательные услуги: в 2002 г. она составила 2,2%, а в последующие годы даже снизилась до 2,0%²³. Данное обстоятельство заставляет вновь обратить внимание на уже отмеченный ранее факт, заключающийся в том, что усиление социальной политики ПСР, очевидно, соседствует с усилением дифференциации в процессе перераспределения ВВП. Иными словами, принцип избирательности, поддержки *связанных с партией социальных групп* при неизменной доле расходов на социальные услуги означает вытеснение из системы социальной поддержки «несвязанных групп» или, говоря проще, удорожание для них услуг, субсидируемых для «избранников» ПСР. Обращает на себя внимание замечание Д. Йылдырыма о том, что средняя доля расходов домохозяйств на образование выросла с 35,8% в 2005 г. до 39% в 2006 г. «С одной стороны превращение государственного образования в рыночный товар, с другой — проведение политики в пользу *связанных (с ПСР) социальных групп* (курсив наш. — Н. У.)», — резюмирует он²⁴.

Как уже упоминалось, политика правительства в отношении использования внешней помощи на цели экономического развития оказалась в большей мере преемственной, чем новаторской. Сторонники ПСР объясняли это тем, что курс правительства представлял собой неизбежное следствие тяжелых условий, в которых турецкая экономика находилась после 1991 г., оказавшись заключенной в порочный круг неуклонно возрастающих государственных займов. Поэтому для ПСР в качестве партии власти оказалось невозможным следовать собственной экономической программе. Как и предыдущие правительства Турции, кабинет Партии справедливости и развития вынужден был демонстрировать «шоу готового платья». Ввиду этого, настаивали сторонники ПСР, более правильно было бы оценивать не столько экономическую деятельность правительства, сколько выполнение им технических функций по реализации программы, одобренной МВФ²⁵.

Вопрос встал более остро летом-осенью 2004 г., когда необходимо было решить, заключать ли новое кредитное соглашение с МВФ. И на этот раз было принято положительное решение. Руководство страны кратко объяснило это требованиями рынка²⁶. Сдержанность комментариев официальных лиц, видимо, объяснялась тем, что в очередной раз правительству пришлось сделать выбор не в пользу собственных экономических предпочтений, а в пользу предопределенности, продиктованной экономическими реалиями.

Срок действия соглашения с МВФ истек в мае 2008 г. Повторное решение о сохранении прежнего формата отношений с МВФ, с одной стороны, могло повлечь за собой уже серьезную дискредитацию экономических принципов ПСР. С другой стороны, в пользу возможности проведения более независимой экономической политики говорили достижения Тур-

ции в сфере экономической стабилизации и роста. Уже в заключительном письме о намерениях, подготовленном турецкой стороной в конце апреля 2008 г., отмечалось, что государственные финансы Турции существенно окрепли за счет поддержания высокого уровня профицита первичного бюджета на протяжении ряда последних лет: государственный долг снизился до 30% ВВП. «Это позволяет нам отказаться от достижения цели по поддержанию профицита в размере 6,5% ВВП, которая рассматривалась как ключевая в фискальной политике, заменив ее четким среднесрочным ориентиром. Он будет подчинен цели снижения долга и предусматривать создание институциональной системы по ограничению государственных расходов», — говорилось в письме²⁷. Таким образом, речь шла о стремлении Турции перейти к более мягкой фискальной политике, которая допускала бы кратковременное нарушение фискальной дисциплины при условии его компенсации по итогам среднесрочного периода. В итоге Р.Т. Эрдоган позволил себе в нескольких публичных выступлениях в 2008 г. заявить, что он не заинтересован в дальнейшем сотрудничестве с МВФ, который вынуждает правительство проводить жесткую фискальную политику. Но решимость правительства поколебал мировой финансовый кризис. К декабрю 2008 г. турецкое правительство все же объявило о решении заключить соглашение с МВФ с тем, «чтобы повысить доверие инвесторов и покрыть свои потребности во внешнем финансировании»²⁸. Вместе с тем турецкая сторона начала ставить вопрос об использовании средств Фонда не на цели финансовой стабилизации, а на покрытие возросшего вследствие активных антикризисных мер правительства дефицита бюджета.

16 сентября 2009 г. была обнародована Программа среднесрочного развития Турции на 2010–2012 гг. Как следовало из ее положений, по итогам 2009 г. Турцию ожидало снижение ВВП на 6%²⁹. С 2010 г. ожидалось возобновление экономического роста, который должен составить 3,5%, а в последующие два года — 4 и 5% соответственно. По итогам кризисного 2009 г. Турция не только не планировала достичь какого-либо уровня профицита первичного бюджета, но, напротив, размер дефицита еще до учета процентных выплат по госдолгу должен был составить 2,1% ВВП. В 2010 г. первичный бюджет вновь планировалось свести с дефицитом, хотя его размер, по оценкам авторов программы, должен будет снизиться до 0,3% ВВП. Вернуться к профициту первичного бюджета Турция планировала только в 2011 г., когда он составит 0,4%, а в 2012 г. — 1% ВВП. При этом ожидался рост отношения госдолга к ВВП с 40% в 2008 г. до 47% в 2009 г. и 49% в 2010, и лишь в 2011 и 2012 гг. — его некоторое снижение³⁰. Турецкая пресса оценила приведенные в программе макроэкономические показатели как «далекие от ожиданий МВФ»³¹. Тем не менее, в последовавшем за обнародованием программы заявлении главы миссии

МВФ по Турции Рашель Ван Элкан отмечалось: «Мы воодушевлены среднесрочной программой, которая ставит целью постепенное выправление ухудшившегося состояния государственных финансов страны... Программа, исходя из серьезного влияния глобального кризиса на турецкую экономику, устанавливает реальные макроэкономические цели и включает важную задачу по стабилизации отношения госдолга к ВВП к 2011 г. и его дальнейшему снижению в последующем»³². Но, видимо, по замыслу турецкого правительства, программа все же должна была стать своего рода вызовом финансовым параметрам, «навязываемым» МВФ. В качестве ответа на этот вызов можно расценивать заявление, сделанное бывшим директором-распорядителем МВФ Д. Стросс-Каном на пресс-конференции 2 октября 2009 г. о том, что МВФ — это институт помощи, и он не имеет дела со странами, которые этого не хотят. «Если они не чувствуют нужды в помощи, для нас это хорошо. МВФ не является банком и не ищет клиентов», — резюмировал он³³. Еще некоторое время в отношениях сторон сохранялась неопределенность. Турецкий экономист Осман Улагай объяснил затяжной характер переговоров следующим образом: «Эрдоган продолжает играть в эту игру, поскольку она очень подходит для Турции в ее нынешнем положении. Во-первых, демонстрируемая им готовность поставить на карту отношения с МВФ приносит неплохие политические дивиденды. Во-вторых, то, что соглашение с МВФ остается неподписанным, позволяет властям безответственно увеличивать государственные расходы. В-третьих, то, что отношения с МВФ все же сохраняются, позволяет заигрывать с рынком, который придает большое значение соглашению с Фондом. В силу всех названных причин Турция, если она не столкнется с новыми экономическими шоками, возможно, пожелает продолжать эту игру»³⁴.

Игра оказалась прекращенной по инициативе МВФ. 11 марта 2010 г. стало окончательно известно о том, что в силу невозможности достичь договоренности по определенным пунктам стороны отказались от подписания нового соглашения о стабилизационном кредите. Премьер-министр Т. Эрдоган постарался истолковать ситуацию максимально благоприятным для правительства образом, сославшись на то, что у его команды есть принципы, поступиться которыми невозможно. В частности, он сослался на неприемлемое для правительства требование МВФ о сокращении доли налоговых доходов, перераспределяемых в пользу муниципалитетов, что, по мнению правительства, оказалось бы в противоречии с начатой реформой местного самоуправления, предусматривающей обратные меры. Но по оценкам турецкой прессы, ситуация неопределенности была разрешена именно по инициативе МВФ³⁵. Представители МВФ, видимо, лишь воспользовались поводом, тогда как причины прекращения сотрудничества все же связаны с турецкой стороной. Стремясь успокоить общественное мнение, государственный министр Турции А. Бабаджан отметил,

что Турция уже два года осуществляет движение без программы МВФ и далее вполне способна двигаться таким же образом. «Соглашение о стабилизационном кредите с МВФ — это дверь, которую Вы длительное время не вправе закрыть перед 192 странами-членами», — резюмировал он³⁶. Бабаджан подчеркнул, что отныне экономическая политика будет определяться Программой среднесрочного развития Турции. При этом в параметры развития страны были внесены определенные уточнения, согласно которым Турция избрала в качестве индикативной цели размер бюджетного дефицита в 1% ВВП. В случае его выхода на более высокий уровень на протяжении последующих лет он приводится к индикативному уровню посредством последовательного ежегодного снижения разницы между фактическим дефицитом и целевым уровнем в 0,33 раза³⁷.

Какими же могут оказаться экономические последствия решения правительства? За период кризиса Турция, очевидно, не сумела произвести структурную перестройку экономики, направленную на повышение ее конкурентоспособности, о необходимости которой уже довольно давно говорится в стране. Но тогда возобновление экономического роста будет автоматически означать рост дефицита по счету текущих операций. По прогнозам той же Программы среднесрочного развития страны на 2010–2012 гг., в 2010 г. отношение дефицита по счету текущих операций платежного баланса к ВВП составит 2,8% против 1,8% в 2009 г., к 2012 г. он увеличится до 3,9%³⁸. При переводе в абсолютные цифры положение таково: по итогам 2009 г. дефицит составил 13,8 млрд. долл.³⁹ Его ожидаемое значение к концу 2010 г. составит 25 млрд. долл.⁴⁰ Таким образом, речь идет о возвращении к предкризисному сценарию развития, когда экономический рост в значительной мере опирался на поступление источников извне.

Представители крупного бизнеса Турции отметили, что руководству страны предстоит серьезная работа по устранению дефицита внешних источников финансирования. Причины, по которым правительство согласилось принять на себя риски, связанные с обострением данной проблемы, назвал аналитик по Турции инвестиционного агентства Standart & Poors Ф. Гилл: «2010 г. проходит в предвыборной атмосфере. Правительство захотело освободить себя от жестких финансовых ограничений МВФ»⁴¹. А поскольку рядом экспертов прогнозируется обострение в результате мирового кризиса социальных проблем в ряде быстроразвивающихся индустриальных стран⁴², то подобные превентивные меры, видимо, могут оказаться нелишними для укрепления такого важнейшего направления экономической политики ПСР, каким является социальная защита населения.

Итак, по мере увеличения срока пребывания у власти происламской Партии справедливости и развития в ее экономической политике все более четко обозначались направления, которые были выделены как характерные

для курса, вдохновляемого исламом, — усиление адресной социальной поддержки для «членов уммы» и ограничение масштабов использования финансовых средств Запада. При этом характерно, что поскольку под западными источниками финансирования прежде всего имелось в виду кредитное сотрудничество Турции с МВФ, условием продолжения которого являлось проведение жесткой фискальной политики за счет ограничения, в том числе, правительственных социальных программ, оба направления оказались тесно взаимосвязанными.

Примечания

¹ Iqbal A. Islamic economy remains undefined: US report — www.dawn.com

² Подсчитано по: Banks in Turkey 1998. Istanbul, 1999, с. 11–28.

³ Oniş Z. The Political Economy of Islam and Democracy in Turkey: From the Welfare Party to the AKP. Revised Draft-May 2005. İstanbul, 2005, с.1: http://home.ku.edu.tr/~zonis/ONIS_FromWelfarePartytotheAKP.pdf

⁴ Соглашение об образовании Таможенного Союза было подписано в марте 1995 г. и вступило в силу в январе 1996 г.

⁵ Ekonomist, 07.07. 1996, с. 17.

⁶ Пост государственного министра в правительстве Турции соответствует посту вице-преьера в правительстве РФ.

⁷ Там же.

⁸ MÜSIAD Araştırma raporları: 39.Türkiye Ekonomisi 2002. 2001 yılı değerlendirilmesi. 2002 yılı beklentileri. İstanbul, 2002, с. 79.

⁹ Интернет-сайт Аппарата Премьер-министра: www.basbakanlik.gov.tr

¹⁰ Письмо представляет собой анализ состояния экономики страны и изложение макроэкономической программы на ближайшей период.

¹¹ См.: 4. Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu — www.hazine.gov.tr

¹² До недавнего времени в Турции отсутствовало понятие пенсионного возраста, основанием для получения пенсии являлось число лет трудового стажа, что позволяло получать пенсию людям, едва перешагнувшим свое 40-летие.

¹³ Turkey: Seventh Review and Inflation Consultation Under the Stand-By Arrangement and Request for Waiver of Nonobservance of Performance Criteria — Staff Report. IMF Country Report № 08/272. Washington, Aug. 2008, с. 30.

¹⁴ Yıldırım D. AKP ve Neoliberal Popülizm// AKP Kitabı. Bir Dönüşümün Bilançosu. Ankara, 2009, с. 97.

¹⁵ Hacımahmutoğlu H. Türkiyedeki Sosyal Yardım Sisteminin Değerlendirilmesi. DPT-Uzmanlık Tezleri. Ankara, 2009, с. 142.

¹⁶ Там же, с. 126.

¹⁷ Oniş Z. Conservative Globalism at the Crossroads: The Justice and Development Party and the Thorny Path to Democratic Consolidation in Turkey. Revised Draft-December 2008. İstanbul, 2008, с. 23 // http://home.ku.edu.tr/~zonis/m_politics.pdf

¹⁸ Yıldırım D. AKP ve Neoliberal Popülizm..., с. 97–99.

¹⁹ Там же, с. 99–100.

²⁰ Oniş Z. *Conservative Globalism at the Crossroads: The Justice and Development Party and the Thorny Path to Democratic Consolidation in Turkey...*, с. 23.

²¹ Yıldırım D. *AKP ve Neoliberal Popülizm...*, с. 97.

²² Oniş Z. *Conservative Globalism at the Crossroads: The Justice and Development Party and the Thorny Path to Democratic Consolidation in Turkey...*, с. 4.

²³ См. сайт Турецкого статистического общества: http://www.tuik.gov.tr/PrelstatistikTablo.do?istab_id=993

²⁴ Yıldırım D. *AKP ve Neoliberal Popülizm...*, с. 92–93.

²⁵ MÜSİAD Araştırma raporları: 44: Hükümetin Performansı (Kasım 2002 — Aralık 2003). Ankara, 2004, с. 20 // www.musiad.org.tr

²⁶ *Milliyet*, 30.07.2004.

²⁷ См. сайт Казначейства Турецкой Республики: www.hazine.gov.tr

²⁸ Turkey once again seeks help from the IMF/Back to the fund/The Economist, 2.12.2008/http://www.economist.com/agenda/displaystory.cmf&story_id=12711068

²⁹ Реальное падение ВВП оказалось несколько менее существенным и составило 4,7%.

³⁰ Orta Vadeli Program (2010–2012). 16 Eylül 2009, Ankara, с. 22, 27, 28 // www.hazine.gov.tr

³¹ *Milliyet*, 23.09.2009.

³² Statement by the IMF on Turkey. Press Release № 09/307, September 16, 2009 // www.imf.org/external/np/sec/pr/2009/pr09307.htm

³³ Transcript of a Press Conference by International Monetary Fund Managing Director John Lipsky and External Relations Director Caroline Atkinson. Istanbul, October 2, 2009//www.imf.org/external/np/tr100209.htm

³⁴ Osman Ulagayđ IMF ‘kaka’ AB ‘çapa’ oyunu *Milliyet*, 02.06.2009.

³⁵ Seçin Yakın. IMF uzak. *Milliyet*, 11.03.2010// www.milliyet.com.tr.

³⁶ Там же.

³⁷ *Milliyet*, 12.05.2010// www.milliyet.com.tr

³⁸ Orta Vadeli Program (2010–2012). 16 Eylül 2009, Ankara, с. 25 // www.hazine.gov.tr

³⁹ TOBB. 2009 Ekonomik Rapor. Ankara, 2010, с.136.

⁴⁰ Hurşit Güneş. IMF neye yarayacak?// *Milliyet*, 09.02.2010// www.milliyet.com.tr.

⁴¹ Seçin Yakın. IMF uzak//*Milliyet*, 11.03.2010.

⁴² См., например: Рапопорт Г., Герц А. Глобальный экономический кризис 2008–2009: истоки и причины // *Вопросы экономики*, 2009, № 11.

Раздел II

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

И. В. Жмуйда

ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ: РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПАКИСТАНА

Для Пакистана проблема эмиграции в другие страны мира в известном смысле имеет более длительную историю, чем само государство Пакистан. Еще до его образования в 1947 г. большие группы населения покидали родные края и переселялись в Великобританию, Канаду, США, страны Восточной Африки и некоторые другие. К концу 70-х гг. выходцы из Британской Индии проживали в 75 государствах мира. И ныне только в Англии проживает более 400 тыс. лиц пакистанского происхождения, особенно выходцев из Кашмира. После 1973 г., когда по миру прокатился энергетический кризис, произошло перераспределение потока эмигрантов в пользу стран Ближнего Востока и особенно нефтедобывающих стран Персидского залива.

Страны Персидского залива стали усиленно принимать эмигрантов, которые, в свою очередь, гонимые нуждой и надеждой получить более высокие заработки, с радостью покидали родные места. Пакистан, находящийся в непосредственной близости от нефтедобывающих стран и связанный с ними традиционными узами дружбы и исламской солидарности, с середины 70-х гг. стал одним из крупнейших поставщиков дипломированных специалистов, а также рабочей силы в этот регион.

До середины 70-х гг. основная масса эмигрантов была из северных и центральных районов Пакистана и Кашмира (главными районами были Мирпур, Кэмпбельпур, Сялкот и ряд других), теперь же первое место занимает Панджаб (сюда поступает более 70% всех переводов из-за рубежа), далее идет г. Карачи, а за ним прежние районы эмиграции.

Главными центрами эмиграции являются крупные города страны — Карачи, Лахор, Равалпинди и Гуджрат. Из Панджаба уезжают, как правило, безработные, представители средних и низших слоев городского населения Лахора, Фейсалабада, Равалпинди и др. Из других районов, наоборот, уезжают, как правило, жители сельских мест в связи с тем,

что здесь крайне велика безработица именно среди сельского населения. В начале 80-х гг. из сельских районов число эмигрантов увеличилось до 12% всех уезжающих, в то время как десятилетие назад их было ничтожно мало.

Несмотря на попытки пакистанских властей усилить государственное вмешательство в регулирование оттока рабочей силы и проводить более тщательный отбор и учет отъезжающих (созданы две государственные корпорации — Бюро по эмиграции и трудоустройству за границей; ограничено число частных вербовочных агентств и т. д.), частный сектор остается пока основным источником оформления и отправки эмигрантов.

Считая экспорт рабочей силы долговременной и выгодной статьей дохода, правящие круги страны разработали план подготовки квалифицированных кадров для работы за рубежом и примерные размеры экспорта рабочей силы. В марте 1979 г. была утверждена Политика по экспорту рабочей силы и принята программа эмиграции 1 млн. рабочих, рассчитанная на пять лет. Создано 30 центров по повышению квалификации уезжающих, где они проходят шести-девятимесячные курсы обучения.

Нежелание портить отношения с нефтедобывающими странами и стремление получить максимальные валютные доходы приводило к полному игнорированию пакистанскими властями условий найма и проживания пакистанцев за рубежом. И только в связи с многочисленными требованиями общественности в декабре 1979 г. правительство Зия уль-Хака опубликовало Правила, оговаривающие минимальный уровень заработной платы для различных категорий пакистанских рабочих и специалистов за рубежом, условия медицинского обслуживания и т. д.

В то время как страны-поставщики почти не контролируют положение выходцев из их стран за рубежом и не оформляют его законодательно, страны, импортирующие рабочую силу, в последние годы ввели ряд мер по регулированию притока иммигрантов, ибо неконтролируемый въезд многочисленных групп рабочих, специалистов, предпринимателей вызывает противодействие со стороны местного рынка труда, недовольство местной буржуазии, которая испытывает усиленную конкуренцию в сфере производства и услуг в связи с въездом торговцев и промышленников.

Мировой финансовый кризис 2008 г. повлиял на поступления средств от уехавших на заработки из многих стран, доля которых в общем потоке была различной. Пакистан, по данным Международного фонда сельскохозяйственного развития (IFAD), входящего в ООН, занял в 2009–2010 гг. первое место в мире по величине зарубежных поступлений. Основная часть средств поступила из ОАЭ — 1,842 млрд. долл., затем шли США — 1,718 млрд., 1,606 млрд. из Саудовской Аравии, 1,132 млрд. — из Бахрейна, Катара, Омана, вместе взятых, 798 млн. из Великобритании и 537 млн. из стран ЕС¹. Общая сумма переводов, включая «черные», нелегальные

способы переправки валюты в Пакистан, оценивалась более чем 9 млрд. долл.

Чрезвычайная, катастрофическая ситуация в стране в июле-августе 2010 г. в связи с наводнением повлияла на жизнь не менее чем 21 млн. жителей. Было разрушено 1,9 млн. жилищ, затоплено 1,3 млн. га земли, пострададо 67 промышленных предприятий, 10 тысяч школ, 500 больниц, 70% дорог. Общий урон, нанесенный наводнением, оценивается, по данным Мирового банка и Азиатского банка развития, в 9,7 млрд. долл.² Эти события не могли, казалось бы, не отразиться на притоке средств из-за рубежа.

И правда, они не только не сократились, но и существенно возросли. Так, по данным Госбанка Пакистана, за июль — сентябрь (I квартал 2010–2011 гг.) они возросли на 13,5%, достигнув 2,6 млрд. долл., а за один только сентябрь 2010 г., когда наводнение было в разгаре, они составили 922 млн. долл., увеличившись на 14,4% по сравнению с прошлым годом. Видимо, зарубежные пакистанцы увеличили свои личные переводы, переводы родственникам и пытались использовать льготы, данные в связи с наводнением³.

В целом за первую половину 2010–2011 фин. года (июль — декабрь) от зарубежных пакистанцев было получено почти 5,3 млрд. долл., что больше на 17% (761,23 млрд. долл.) по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Что касается географического направления переводов, то они составили из ОАЭ, Саудовской Аравии, США, стран Персидского залива, Великобритании и ЕС соответственно 1255,7 млн. долл., 1143,8 млн., 997,7, 626,3, 577,2 и 172,1 млн. долл.⁴

Поступления от зарубежных пакистанцев составляют вторую после экспорта статью валютных поступлений. К этому следует добавить более 1–3 млрд. долл., которые поступали по неофициальным каналам по системе «хунди» и «хавала».

Поскольку средства, пересылаемые по неофициальным каналам, трудно подсчитать, Госбанк, министерство финансов и министерство по делам зарубежных пакистанцев выступили с инициативой, а затем и создали Пакистанскую инициативу зарубежных переводов (Pakistan Remittance Initiative — PRI), которая должна способствовать притоку переводов по формальным каналам. Она уже дает результаты: за 5 месяцев (ноябрь 2009 г. — март 2010 г.) было совершено 259,6 тыс. переводов на сумму 16,27 млрд. рупий. Наибольшее количество переводов по PRI было произведено через Национальный банк Пакистана — 3,2%, за ним следуют United Bank — 27, Allied Bank — 18 и Habib Bank — 12%. Правительство надеется, что эта «инициатива», переводы по которой производятся в течение 24 часов, приведет к их удвоению в течение ближайших 5 лет⁵.

Однако не все политики и экономисты выступают единогласно. Они считают, что PRI хотя и способствует росту поступлений, но как долго

страна будет в состоянии использовать переводы для экономического развития, неизвестно, поскольку новая схема в основном отучает эмигрантов от использования системы «хунди» и «хавала». В целом же поступления средств от уехавших за рубеж пакистанцев (а их проживает в мире более 4 млн., из которых 1,1 млн. — в странах Ближнего Востока) играют важную роль для экономического развития, особенно в нынешней ситуации, когда иностранные и внутренние инвестиции сокращаются и экспорт находится в состоянии спада. Поэтому переводы все чаще выступают как иностранные частные инвестиции, и производительная их мобилизация, а не потребительское использование являются важным стимулом для экономического развития страны. В связи с этим предпринимаются попытки «капитализации» денежных переводов путем обмена на них гособлигаций, акций частных промышленных компаний и т. д.⁶

Кроме того, зарубежным пакистанцам предоставляются многочисленные льготы в промышленности: свобода в выборе объекта, импортные льготы при ввозе сырья и оборудования, налоговые скидки. Специальные льготы получают лица, создающие предприятия в экспортных отраслях, а также в зонах промышленной и экспортной переработки. По официальным данным, привлечение средств эмигрантов в инвестиции идет медленными темпами, ибо всего только 13% капиталовложений направляется в промышленность, сельское хозяйство и торговлю, 22% — на приобретение недвижимости и 65% — идут на потребительские цели.

Для лучшей мобилизации накоплений и привлечения будущих застройщиков, особенно из числа пакистанцев, работавших в странах Персидского залива, правительство Зия уль-Хака еще 10 августа 1981 г. разрешило предоставлять им займы на сумму не менее 150 тыс. рупий, но не более 300 тыс. на индивидуальное строительство на исламских принципах участия в прибылях и убытках.

Во второй половине 90-х гг. Фонд зарубежных пакистанцев разработал схему, согласно которой эмигрантам выделялось 35 тыс. участков земли для строительства домов. Воплощение в жизнь этой программы идет медленно, ибо многие из них напуганы коррупцией среди чиновников и боятся, что их средства бесследно исчезнут⁷.

За последние более чем 30 лет переводы зарубежных пакистанцев являлись если и не основным, то главным после поступлений от внешней торговли источником иностранной валюты в экономику страны. По разным источникам, число пакистанцев, проживающих за рубежом, колеблется от 4 до почти 8 млн. чел., из которых более 1,1 млн. проживают на Ближнем Востоке. Именно отсюда и США поступает основная часть переводов. Резонно встает вопрос: как влияют эти переводы на экономику страны. С одной стороны, приток капитала в виде переводов означает

оздоровление экономики, а с другой — долговременный приток несомненно влияет на развитие экономики. В отдельные годы переводы и их количество зависят от ситуации в странах, где проживают мигранты. Рecessия в США и других европейских странах повлияла на их условия проживания, но не во всех. Так, в Дубаи пакистанцы занимают третье место (после ОАЭ и Англии) на рынке недвижимости. Но многие считают, что на самом деле они главенствуют, ибо 60% британцев, проживающих в Дубаи, — пакистанцы из Кашмира⁸.

Представители низших слоев (неквалифицированные рабочие, крестьяне и др.), сберегая средства для отправки на родину, живут в крайне тяжелых условиях, вплоть до тюремных камер, куда их привозят со строек на ночь⁹.

Немногие знают, как реально расходуются переводимые средства. Ярким примером является создание процветающего города Мирпур вблизи Гуджрата и четырехчасовой поездки от Лахора. Этот город в основном создан за счет переводов от пакистанцев, главным образом выходцев из Кашмира, проживающих в Англии, и больше интегрирован в ее структуру, а не в пакистанскую. (Подобные города созданы в Индии — Джулундар и Бангладеш — Силхет.) Город Мирпур прежде всего отличается гораздо более высокий уровень жизни по сравнению с остальным Пакистаном. В нем нет глинобитных домов (каччи — абадис), характерна чистота и порядок. Все 100 тысяч семей, проживающих в городе, так или иначе связаны с заграницей. Находящаяся вблизи Мирпура крупнейшая в стране гидростанция Мангла превратила его окрестности в красивую водную гладь. В городе построены школы, больницы, отели, многоэтажные торговые центры и т. д., представлены отделения всех частных банков. Молодежь учится либо за рубежом, либо в Лахоре (особенно девушки).

Как заявил экс-президент Федерации торгово-промышленной палаты Пакистана Чоудри Саед, город трансформировался благодаря эмигрантам из Великобритании, главным образом выходцам из Кашмира, которые имеют тесные связи с родиной и родственниками и предпочитают вкладывать заработанные деньги именно в экономическую и социальную инфраструктуру Мирпура и особенно в домостроение.

В городе существует специальная территория, где расположены текстильные, маслостроительные, трикотажные, косметические и другие предприятия. А еще в 2006 г. правительство приняло решение построить «сухой порт» в Мирпуре, чтобы не только создать условия для экспорта, но и ввозить все необходимое для развития городского хозяйства города.

Несомненно, что переводы, которые росли в последние два десятилетия, стали важным источником финансовых ресурсов и требуют специального анализа. Рост переводов, особенно в таких размерах, как в Пакистане, — признак растущей экономики. Долгосрочное воздействие этих

валютных поступлений влияет на экономические условия и выступает по существу как иностранная помощь.

Приток средств в страну происходит наличными, но в большинстве случаев инвестируются как короткие деньги, как запасы, из которых средства могут братья по необходимости инвестора, в то время как средства в форме прямых иностранных инвестиций (FDI) являются по природе долгосрочными и превалируют над переводами. Тем не менее, кроме экспорта, иностранной помощи и займов страна оказывается очень зависимой от переводов как источника средств. Крайне важно, считают власти, чтобы больше молодежи получало образование за рубежом, а по возвращении на родину получали бы большие зарплаты и обеспечивались рабочими местами. Эти меры автоматически увеличат приток капитала для инвестиций в развивающуюся экономику¹⁰. Для обеспечения качественным образованием детей зарубежных пакистанцев новые школы будут созданы в Карачи, Лахоре и Пешавере. Более того, будут резервироваться специальные места для зарубежных пакистанцев в Национальной ассамблее¹¹.

Несомненно, что массовый отъезд пакистанцев за рубеж оказывает влияние на величину потребления и накопления. Крайне остро встает вопрос и о производительной мобилизации переводов из-за рубежа.

Нельзя не согласиться с мнением многих пакистанских экономистов, что перевод средств из-за рубежа сам по себе приводит к увеличению потребления в Пакистане, так как несмотря на высокий уровень стоимости жизни и особенно жилья в странах Ближнего Востока, у лиц, переводящих свой заработок, остается в 3–5 и более раз больше в месяц, чем в Пакистане. Те же, кто получает рупийный эквивалент этих средств, увеличивают расходы. Поскольку основная часть выехавших относится к низшим и средним слоям общества, безработным крестьянам, испытывающим постоянную нехватку средств к существованию, их семьи, получив переводы, повышают расходы на потребление, а не увеличивают банковские счета или капиталовложения. Возросший объем импорта потребительских товаров и особенно предметов роскоши в некоторой мере также объясняется ростом потребления, возрастанием роли «демонстрационного эффекта», вызванным ростом доходов семей, получающих переводы из-за рубежа.

Несомненно, что отток квалифицированной рабочей силы отрицательно сказывается и на производстве. В результате отъезда людей высокой квалификации может сокращаться производство, производительность труда и ухудшаться качество продукции. На место уехавших рабочих приходят новые из сельских районов, которые по уровню квалификации и производительности труда не могут сравниться с эмигрантами. Они, однако, получают работу в условиях конкуренции между предпринимателями и нехватки рабочих на данной фабрике или заводе.

Отъезд крестьян за рубеж приводит к тому, что многие из них продают свои наделы земли, чтобы получить деньги на выезд. Поскольку, как правило, их скупают помещики, в деревне происходит укрупнение помещичьих земель за счет обезземеливания мелких крестьянских хозяйств.

Как отмечает журнал «Бизнес и финансы», несмотря на общую нехватку специалистов в различных областях жизни, правительство Пакистана не особенно озадачивается проблемой миграции наиболее нужных специалистов, обращая наибольшее внимание получению средств из-за рубежа и сокращению безработицы в стране.

Как заявил в Национальной ассамблее в мае 2010 г. министр труда Ахмад Шах, за последние два года страну покинули 1416 врачей-стоматологов и еще 744 лица среднего и низшего медицинского персонала. Другой министр — здравоохранения — привел еще более впечатляющие данные: при населении страны в 160 млн. человек ей не хватает 181,9 тыс. врачей и 150,6 тыс. стоматологов. Для решения этой проблемы стране необходимо 320 тыс. врачей. Вместе с тем, министр заявил, что миграция врачей и стоматологов оказывает положительное влияние, ибо за рубежом они повышают квалификацию, зарабатывают валюту и уменьшают безработицу в Пакистане¹².

Наиболее негативным моментом, вызванным эмиграцией, пакистанские экономисты справедливо считают рост инфляции в стране. В связи с увеличением рупийного эквивалента средств, переводимых зарубежными пакистанцами, возрастает общая денежная масса, не обеспеченная эквивалентным производством внутри страны, а учитывая большие масштабы дефицитного финансирования, проводимого правительством, происходит дальнейшее усиление инфляционных тенденций.

Приезд в отпуск или возвращение пакистанцев на родину связан с ввозом массы товаров длительного пользования, часть которых реализуется по спекулятивным ценам, вызывая активизацию «черного рынка», спекулянтов, различного рода дельцов. Как уже указывалось, поступления от реализации этих товаров и ввоз валюты по неофициальным каналам, которые достигают, как уже указывалось, почти треть от официальных переводов, также наносят ущерб экономике и способствуют росту инфляции.

Переведенные средства, по мнению официальных властей, не находят в значительной своей части выгодного для экономики применения, поэтому в Пакистане разрабатываются многочисленные пути их мобилизации.

Таким образом, Пакистан рассчитывает и в будущем полагаться на переводы зарубежных эмигрантов и использовать их не только в потребительских, но и в производственных целях как прямые инвестиции.

Примечания

¹ The News, 11.06.2010.

² The News, 26.09.2010; Dawn, 21.10.2010.

³ Dawn, 12.10.2010; Business Recorder, 29.10.2010.

⁴ Pakistan Times, 16.11.2010; 12.01.2011.

⁵ Business & Finance Review, 12.04.2010.

⁶ Dawn, 10.08.1998; Business & Finance Review, 12.04.2010; The News, 12.05.2010.

⁷ The News, 12.05.2010.

⁸ Dawn, 09.11.2009.

⁹ Friday Times, 01.10.2010.

¹⁰ Business & Finance Review, 12.04.2010; Dawn, 11.04.2010.

¹¹ Pakistan Tribune, 28.10.2009; Pakistan Times, 14.03.2010.

¹² Dawn, 13.05.2010.

Н. З. Мосаки

МИГРАЦИЯ КУРДОВ В ТУРЦИИ

Миграции курдов в Турции были вызваны как военно-политическими, так и социально-экономическими факторами. После восстаний курдов в 20-х и 30-х гг. XX в. турецкие власти насильственно выселяли их в центральную часть страны. Однако масштабы тех миграций, а также перемещений курдов в 60–70-х гг. несопоставимы с количественными показателями миграций, имевших место в 80–90-х гг. XX в. и начале XXI века.

Основными причинами миграций курдов в этот период стали: 1) вооруженный конфликт в Турецком Курдистане между турецкой армией и Партией рабочих Курдистана и в связи с этим уничтожение в этом регионе свыше 4 тыс. сёл и поселений; в результате несколько миллионов человек были вынуждены покинуть родные места; 2) социально-экономическая отсталость Курдистана, высокий уровень безработицы (в некоторых районах она достигала и достигает 60%), невозможность абсорбции региональной экономикой трудоизбыточных ресурсов Курдистана.

Турецкие власти намеренно не строили в Курдистане промышленные предприятия, которые могли бы абсорбировать трудоизбыточные ресурсы региона, не создавали соответствующей социальной инфраструктуры, вынуждая местное население мигрировать на запад. Власти предполагали, что, выселив курдов из Курдистана и заселив их выходцами из других регионов, в первую очередь из Причерноморья, таким образом можно решить курдскую проблему¹. А мигрировавшие за пределы Курдистана курды, как прогнозировали турецкие власти, вскоре ассимилируются, став турками. Тем самым курдское движение лишится демографической (патриотически настроенных курдов, борющихся за свои права на своей земле), естественно-географической (физико-географические условия Курдистана, позволяющие перманентно вести вооруженную борьбу) и материальной (курдские сёла традиционно являются базами поддержки повстанцев необходимыми ресурсами) базы для сопротивления насильственной туркизации.

Современные миграционные потоки курдов в Турции носят внутрорегиональный и межрегиональный характер (мы не затрагиваем здесь участие курдов в международной миграции).

Внутрорегиональная миграция заключается в основном в переселении из сёл в города, из небольших городов в курдистанские мегаполисы, такие как Диярбакыр, Ван, Урфа, Газиантеп.

Межрегиональная миграция включает в себя переселение курдов из Курдистана (как из сельской местности, так и из городов) в другие регионы Турции, в первую очередь в крупнейшие индустриально-сервисные центры Западной Турции, а также в Присредиземноморье, Центральную Анатолию и Причерноморский регион и даже на территорию Турецкой Республики Северного Кипра. Из ряда провинций Турецкого Курдистана мигрировало до половины населения.

Внутрорегиональная миграция курдов в Турецком Курдистане

В Турецком Курдистане с 80-х гг. XX в. наблюдаются значительные масштабы внутрорегиональной миграции — из сельской местности в города и из мелких городов — в крупные. Это сильно увеличило нагрузку на и без того неразвитую инфраструктуру последних, превратив их в огромные зоны бедности. Следует подчеркнуть еще раз, что значительная часть миграции (как внутрорегиональная, так и за пределы курдского региона) была обусловлена не только социально-экономическими причинами, но и действиями властей. Имеется в виду конфликт в Турецком Курдистане, в ходе которого было уничтожено несколько тысяч деревень, что сделало несколько миллионов человек вынужденными переселенцами. Как известно, наиболее ожесточенные боевые действия происходили в конце 80-х и 90-х годах. Жители были согнаны с родных мест, уничтожены многочисленные гидропроекты, повлекшие затопление множества населенных пунктов и т. п.

Наиболее значительно выросла численность населения Диярбакыра и Вана. Так, по переписи 1990 г., численность населения Метрополитана Диярбакыр² (Большого Диярбакыра, Большого города) составляла 380 тыс. чел., а по переписи 1997 г. — уже 750 тыс. В 2010 г. в этом мегаполисе проживало уже 970 тыс. человек. При этом в 1930 г. население города составляло 30 тыс., в 1956 г. — 65 тыс., в 1960 г. — 80 тыс., а в 1971 г. — 140 тыс. человек.

Таким образом, за 1930–2010 гг. численность населения Диярбакыра выросла в 32 раза. За 37 лет (в 1960–1997 гг.) количество жителей Диярбакыра выросло в 9,5 раза, а Юго-Восточной Анатолии лишь в 3,2 раза (с 2,05 млн. до 6,6 млн. чел.); провинции Диярбакыр — в 3,4 раза (с 400 тыс. до 1,36 млн. чел.³). Ежегодный рост населения в Диярбакыре превы-

шал 10%. Около 2/3 населения города переселились туда в связи с уничтожением сёл. И без того отсталая инфраструктура города (дороги, водоснабжение, энергосистема, система канализации, система здравоохранения и т. д.), площадь которого составляет менее 8 тыс. га, не выдерживала такого наплыва вынужденных переселенцев. Поэтому в городе наблюдался процесс «урализации». Многие районы города приобрели значительные черты деревенских поселений. Трудности с жильем вновь прибывающих мигрантов привели к массовым незаконным постройкам. Миграция приобрела характер настоящего социального бедствия. В этих городах образовалась огромная армия люмпен-пролетариата и маргинальных слоев.

Межрегиональная миграция курдов из Турецкого Курдистана

Межрегиональные миграции курдов приобрели огромные масштабы в 80–90-х гг. XX в., хотя в существенно меньших объемах наблюдались и ранее. Они включали в себя три вида: 1) выезд из крупнейших курдистанских центров, в первую очередь Диярбакыра, в турецкие мегаполисы местной элиты; в основном это были представители торговой буржуазии и крупных землевладельцев; 2) миграция в западные, средиземноморские, центральноанатолийские и даже причерноморские провинции выходцев из Турецкого Курдистана по экономическим причинам, в связи с отсутствием работы; 3) вынужденные переселенцы — бывшие жители сёл, которые были разрушены в результате конфликта.

Отток населения в некоторых провинциях Турецкого Курдистана превышал половину населения.

По переписи 1990 г., на территории Восточной и Юго-Восточной Анатолии (Турецкого Курдистана) проживало 9,4 млн. человек. По данным той же переписи, уроженцев этого региона было около 13 млн. человек, т. е. свыше 3,6 млн. человек, или около трети всего населения региона, мигрировало из родных мест (в этот регион миграция почти отсутствовала). В некоторых районах мигрировало до половины населения. Например, из Тунджели уехало 53% населения, из Эрзинджана — около 50% (из родившихся здесь 463 тыс. человек), Карса — 45%, Сиирта — 42%, Эрзурума — 36%, Мардина — 35%. Самый низкий уровень миграции наблюдается в Диярбакыре, Урфе, Ване, Батмане, Ширнаке и Хакяри — от 15 до 20%.

Лишь в Стамбуле количество курдов, выходцев из определенных городов Курдистана, уже превышает население этих городов⁴.

Экономические мигранты и вынужденные переселенцы проникли практически во все районы Турции — как в крупнейшие индустриально-сервисные центры страны, так и в небольшие города и даже в сельскую местность. Однако бóльшая их часть все же осела в городах.

Значительная часть курдских мигрантов была занята неквалифицированным трудом. Курды массово были представлены в таких сферах, как сбор урожая различной сельскохозяйственной продукции (в т. ч. женщины), сектор перевозок (водители), рабочие (в строительстве, на заводах и фабриках), мелкая торговля и т. д.

Итоги миграций курдов

Многочисленные миграции курдов в Турции привели к следующим результатам.

1. Вырос уровень урбанизации в бывшем ранее аграрном Турецком Курдистане, который стал сопоставимым с общетурецкими показателями. Около двух третей населения Турецкого Курдистана проживает в городах. Однако урбанизация приобрела уродливые формы.

2. Доля курдов за пределами Турецкого Курдистана стала весьма высокой, достигнув и даже превысив половину. То есть половина или более половины курдов Турции живет за пределами Курдского региона.

В крупнейших курдских мегаполисах количество курдов выросло в тысячу раз. Так, если в 1934–1935 гг. количество лиц, владеющих курдским языком, лишь немного превысило 2 тысячи, то ныне в Стамбуле проживает, по различным оценкам, от 3 до 5 млн. курдов. Во многих районах поселения курдов приобрели компактный характер. В присредиземноморской провинции Ичель (Мерсин) около половины населения — курды, в Адане — свыше трети. В ряде районов курды составляют абсолютное большинство.

3. Курдская проблема трансформировалась из проблемы регионально-национальной — из проблемы Курдистана в Турции в общетурецкую проблему. Она получила свое территориально-демографическое измерение в тех районах, где ранее курдский фактор полностью отсутствовал. В различных районах Турции стали наблюдаться межэтнические столкновения, перерастающие в массовые курдские погромы. Последние наблюдались летом этого года, в них участвовали тысячи людей.

4. В новой курдской квазидиаспоре происходит стирание локальных черт, которыми в значительной степени характеризуется курдское общество, и происходит укрепление общекурдской идентичности.

Так, курды нередко называют Мерсин «маленьким Курдистаном», сравнивая его с Кипром для турок⁵. В Мерсине представлены выходцы практически всех курдистанских провинций — Хакяри, Диярбакыра, Битлиса, Вана, Сиирта, Мардина, Ширнака и др., а также почти все диалекты и говоры Турецкого Курдистана. В этой провинции есть районы, которые почти полностью населены курдами. Даже минибусы, курсирующие в населенных курдами районах Мерсина, окрашены в цвета курдского флага

(зеленый, красный и желтый). Курдские свадьбы в Мерсине превращаются в своеобразные фольклорные фестивали⁶.

Именно в новой курдской квазидиаспоре возникает и курдский национальный капитал. Как известно, в связи с фактически колониальным положением в системе экономики Турции Северного Курдистана, которому отведена лишь роль сырьевого придатка (ранее нефть, ныне гидроэнергоресурсы и сельскохозяйственное сырье) и рынка сбыта товаров, курдский национальный капитал в Курдистане так и не возник. Курдистан был отдан на откуп турецким холдингам, связанным с государственной политикой. В Курдистане существовала лишь компрадорская буржуазия, представленная небольшим количеством торговцев и крупных землевладельцев, также связанных с государством, при этом зачастую с наиболее крайне правыми его элементами.

Зарождающийся в Турции курдский национальный капитал представлен в основном преимущественно мелким, средним, а также уже и крупным бизнесом в наиболее развитых, с экономической точки зрения, регионах Турции — мраморноморском, эгейском и присредиземноморском. Это новое поколение патриотически настроенных курдов, переселившихся из Курдистана в детском либо молодом возрасте, а иногда и родившихся в квазидиаспоре. Они начинали свой бизнес с нуля и тесно связаны духовно с Курдистаном. Для них характерен высокий уровень трудовой мобильности⁷. Их прокурдские настроения, наряду с обострением курдской проблемы, нередко используются турецким средним и мелким бизнесом и правонационалистическими организациями для разжигания антикурдской истерии, завершающейся погромами промышленных объектов, принадлежащих курдам, а также лиц курдского происхождения.

Примечания

¹ Несмотря на утопичность этих проектов, имеется множество свидетельств, что высшее руководство Турции неоднократно разрабатывало эти планы.

² Среди городов Турецкого Курдистана статус Большого муниципалитета (Метрополитан) имеют два города — Диярбакыр и Газинантеп.

³ *Diyarbakir büyükşehir belediyesi stratejik planı. 2006–2009* (найден на сайте города Диярбакыра), с. 6.

⁴ Подр. см.: *Nifûsa kurdan li Stenbolê ji ya stenboliyan bi xwe zêdetir e* [Численность курдов в Стамбуле превышает численность самих стамбульцев] // www.nefel.com, 20.07.2008 [курд. яз.].

⁵ *Bawer Çem. Ev der ne Diyarbekir e Mêrsîn e!* [Это не Диярбакыр, это — Мерсин!] // www.rudaw.net, 10.06.2010 [курд. яз.].

⁶ Там же.

⁷ См., например, интервью с главой одной из семей, вынужденно переселившихся в Измир после уничтожения родного села: *Nesrin Rojkan. Em Edî Nikarin Vegerin Welat* [Мы уже не можем вернуться на Родину] // www.rudaw.net, 20.03.2009 [курд. яз.].

Ю. В. Хромова

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЗАНЯТОСТИ В ТУРЦИИ

Турция — одна из немногих мусульманских стран, которая по конституции является светским государством и в своей официальной политике опирается на западные демократические ценности и правовые принципы. Однако в последнее время между модернизацией и традицией все явственнее стала обозначаться линия напряженности и противоречий. После прихода к власти в Турции в 2002 г. происламской Партии справедливости и развития многие западные и турецкие аналитики обеспокоены усилением тенденции исламизации.

Исламизация — процесс усиления влияния ислама в различных сферах государственной политики, общественной и, наконец, частной жизни. Оценить, насколько значительны предпосылки для усиления роли ислама, позволяет, в том числе, и анализ уровня охвата турецких женщин современными формами занятости. Поскольку традиционный ислам не предполагает работу женщин вне дома, можно утверждать, что почва для усиления исламизации в обществе слабая, если уровень экономической активности женщин высокий. Если данный показатель удерживается на низком уровне, можно предположить наличие в обществе предпосылок для дальнейшей исламизации.

Что касается официальной государственной политики Турции, то необходимо отметить постоянные позитивные изменения законодательства, направленные на расширение прав женщин. Так, в июле 1992 г. вступило в силу решение Конституционного суда об отмене статьи 159 Гражданского Кодекса, согласно которой женщине для поступления на работу требовалось письменное разрешение мужа. В январе 2002 г. вступил в действие и новый Гражданский Кодекс, который, в отличие от старого, не включал положение о том, что главой семьи признается мужчина, а женщине отводится роль его помощницы. В 1998 г. была принята поправка к закону «О подоходном налоге», устанавливающая отдельную подачу налоговых деклараций членами семьи. В 9-м пятилетнем плане экономического раз-

вития на 2008–2013 гг. среди основных целей значилось увеличение экономической активности населения за счет активизации женщин¹. Следовательно, если и можно говорить о наличии исламизации в современной Турции, то пока только с точки зрения изменения образа жизни людей, т. е. не на государственном, а на бытовом уровне.

В данной статье предполагается проанализировать экономическую активность городского женского населения Турции. Данный выбор обусловлен тем, что с середины XX в. в Турции происходил процесс активной урбанизации. В результате в настоящее время основное население страны (68%)² является городским. Таким образом, город становится основной ареной проявления новых социально-демографических тенденций. Целесообразно принять во внимание динамику женской экономической активности, а также качественные характеристики работающих городских женщин в Турции. Для анализа оказались доступны данные за 1988–2008 гг.

По данным Турецкого статистического общества, с 1988 по 2008 г. численность экономически активного населения выросла почти на 4,5 млн. человек, в то время как его доля в общей численности населения старше 15 лет сократилась более чем на 10 процентных пунктов (с 58 до 47%)³. Численность занятых увеличилась почти на 3,5 млн. человек, в то время как их доля в общей численности экономически активного населения сократилась на 3 процентных пункта (с 92 до 89%)⁴. Таким образом, в Турции темпы роста экономически активного и занятого населения оставались значительно ниже темпов роста населения трудоспособного возраста. В данный период среднегодовые темпы роста занятого населения составили 0,4%, темпы роста экономически активного населения — 1,3%, а темпы роста трудоспособного населения — 1,9%⁵. В результате отмечался низкий уровень экономической активности населения Турции. В 2000–2005 гг. его средняя доля составила около 50% населения старше 15 лет, тогда как на общемировом рынке данный показатель составил 66%⁶.

Таким образом, в период с 1988 по 2008 г. турецкая экономика была способна абсорбировать лишь немногим более половины из 200 тысяч человек среднегодового прироста рабочей силы. В отношении женского населения Турции на рынке труда наблюдались те же тенденции, что и в отношении населения страны в целом.

По данным Турецкого статистического общества, с 1988 по 2008 г. доля экономически активных женщин в общей численности женского населения старше 15 лет сократилась на 10 процентных пунктов (с 34 до 24%), а доля занятых в общей численности экономически активных женщин — на 1 процентный пункт (с 89 до 88%)⁷, при росте показателей в абсолютных цифрах. Как и на общем рынке труда, уровень женской безработицы увеличился как в относительных, так и в абсолютных цифрах. Однако

при анализе динамики уровня экономической активности и уровня занятости городских женщин выявляются иные тенденции.

Таблица 1

Показатели уровня экономической активности и занятости городского женского населения Турции в 1988, 1998 и 2008 гг.

Год	Гор. жен. население 15+		Экономически активное гор. жен. население		Занятые		Безработные	
	Тыс. чел.	Доля в суммарном жен. населении (%)	Тыс.чел.	Доля в суммарном гор. жен. населении 15+(%)	Тыс. чел.	Доля среди экономически активных гор. женщин (%)	Тыс. чел.	Уровень безработицы (%)
1988	8515	65,4	1509	17,7	1082	71,7	427	28,3
1998	13073	70,8	2192	16,8	1831	83,5	361	16,5
2008	17976	74,4	3739	20,8	3117	83,4	622	16,6
Средне-год. темпы роста	450,5	0,42	106,2	0,14	96,9	0,55	9,3	-0,55

Источник: TÜİK, Hanehalkı İşgücü Anketi Sonuçları.

По данным табл. 1, с 1988 по 2008 г. численность экономически активных женщин в городе увеличилась в 2,5 раза, а занятых — в 3 раза. При этом в относительных величинах доля экономически активных в общей численности городского женского населения старше 15 лет увеличилась на 3 процентных пункта (с 18 до 21%), а доля занятых в общей численности экономически активных городских женщин — на 11 процентных пунктов (с 72 до 83%). На городском рынке труда наблюдалось сокращение почти вдвое уровня безработицы среди женщин, однако их численность увеличилась примерно в 1,5 раза.

Таким образом, на данный момент показатели уровня экономической активности и занятости женщин в городе остаются в целом на низком уровне. Однако тенденция к их росту не позволяет оценивать ситуацию как безнадежную. Безусловно, ограниченность емкости городского рынка труда в Турции оставляет невостребованным большое количество женской рабочей силы, в том числе молодого возраста. В условиях роста влияния ислама на общественную жизнь наличие многочисленной группы пассивных в трудовом отношении женщин, видимо, является опасной тенденцией. Но в то же время растет число трудоустроившихся женщин, в том числе охваченных, как будет показано ниже, современными формами занятости.

В полной мере говорить о наличии или отсутствии тенденции исламизации в городской социальной среде можно лишь после оценки качественных характеристик женской рабочей силы, поскольку почву для усиления роли ислама в женской среде формирует не только незначительная численность работающих женщин, но и их уровень образования, статус занятости, уровень заработных плат, продолжительность пребывания на рынке труда, причины ухода с него, основные сектора занятости женщин и т. д.

Качественные характеристики занятых городских женщин в Турции

1. Уровень образования

В последнее время в городе наблюдается тенденция повышения общего уровня образования работающих женщин. С 1988 по 2008 г. среди занятых городских женщин с каждым годом увеличивался процент имеющих специальное среднее и высшее образование. В изучаемый период самую большую долю среди женщин, занятых на городских рынках, составили женщины со средним уровнем образования первой ступени. Однако доля данной группы снизилась с 46 до 38%⁸. При этом значительно сократилась доля неграмотных — с 14 до 3%⁹. Стоит подчеркнуть, что доля женщин с университетским образованием увеличилась в 2 раза. В результате, по данным Турецкого статистического общества на 2008 г., около 1/3 работающих в городе женщин имели высшее образование¹⁰. В абсолютных цифрах тенденция повышения уровня образования городских работающих женщин выглядит еще более убедительно: более чем в 2 раза увеличилось количество работающих женщин со средним и более чем в 6 раз — число занятых с высшим образованием¹¹ (см. табл. 2).

Таблица 2

Уровень образования городских работающих женщин
(тыс. чел.)

Год	Численность занятых							
	1988		1993		2000		2008	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Неграмотные	153	14,3	86	6,4	94	4,8	121	3,4
Полное среднее (8 классов)	492	45,6	615	43,5	779	37,1	1158	37,7
Лица и профессионал. училища	276	25,4	399	28,6	626	30,9	835	26,4

Вузы	161	14,7	307	21,5	570	27,2	1004	32,5
Общее число занятых	1082	100	1407	100	2069	100	3118	100

Источник: TÜİK, Hanehalkı İlgücü Anketi Sonuçları.

Профессор Лондонской школы экономики Дениз Кандиоти в своей работе, посвященной эволюции роли женщин в Турции в процессе урбанизации, отмечает, что доля работающих женщин с высоким уровнем образования и профессионализма в Турции («научные и технические кадры») примерно равна, а порой и превышает долю высокообразованных в структуре занятых женщин в западных странах. Эти женщины получают доступ даже в те сферы, которые даже в западных странах находятся под гегемонией мужчин, — юриспруденция, финансы и медицина¹².

Таким образом, при общей положительной оценке отмеченной тенденции можно констатировать тот факт, что успешно трудоустроиться в городе может лишь ограниченное число женщин из элитных социальных групп, получивших высшее образование. В то время как для большинства турецких женщин трудоустроиться в городе становится все более проблематично.

2. Статус занятости

Самую большую группу занятых городских женщин в Турции на протяжении изучаемого периода составили наемные работницы (70–80%)¹³. К положительным сдвигам следует отнести увеличение на 14 процентных пунктов (с 68,5 до 82,6%) доли наемных работниц, а также увеличение на 1,5 процентных пункта (с 0,9 до 2,4%) доли работодателей при параллельном сокращении на 5,6 процентных пункта (с 13,5 до 7,9%) доли неплатящихся семейных работниц¹⁴.

3. Место работы

В период с 1995 по 2004 г. численность женщин, занятых в государственном секторе, сократилась незначительно — на 1%, в то время как численность занятых в частном секторе увеличилась на 56%¹⁵. В результате, если в 1995 г. число занятых в частном секторе примерно вдвое превышало число занятых в государственном, то в 2004 г. их количество уже в 3,5 раза превысило число занятых в государственном. В качестве положительных моментов следует отметить, во-первых, то, что большинство занятых в частном секторе женщин (около 70%) имеют фиксированное место работы вне дома, а во-вторых — невысокую численность работающих на дому (их доля в общем числе занятых городских женщин в период с 1995 по 2004 г. составила около 9%)¹⁶.

4. Возрастная структура женской занятости

В большинстве стран динамика уровня экономической активности женщин по возрастным группам графически напоминает букву М, начиная возрастать в группе 20–24 года, достигает максимума к 30 годам, после чего в течение 10 лет непрерывно снижается, а после 40 лет вновь растет, достигая второго максимума между 40–54 годами¹⁷. Основная причина ухода женщин с рынка труда после 30 лет — малолетние дети. Однако, вырастив детей, многие женщины к 40 годам возвращаются на рынок труда. При анализе возрастной структуры женской занятости в Турции наблюдается несколько иная картина.

По данным Турецкого статистического общества, уровень женской занятости в период с 1988 по 2008 г. достигает максимального значения в возрастной группе 20–29, непрерывно убывая в более старших возрастных группах (см. табл. 3).

Таблица 3

Возрастная структура женской занятости в Турции
(%)

Год	Возрастные группы						Всего
	15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60+	
1988	19	27,5	21,5	15	12	5	100
1992	16	30	22,5	15	11	5,5	100
1998	13	30,5	22	16,5	10,5	7,5	100
2002	10	30	25	18	10	7	100
2008	7	29,5	28	19,5	10,5	5,5	100

Источник: TÜİK, Hanehalkı İlgücü Anketi Sonuçları

Данные таблицы 3 демонстрируют, что основное изменение возрастной структуры женской занятости в рассматриваемый период состоит в увеличении доли более старших возрастных групп. «Взросление» работающих женщин объясняют многие факторы, главный из которых — постоянное увеличение доли городских женщин в общей численности занятых женщин. В городе женщины выходят на рынок труда, как правило, в более позднем возрасте, чем в сельской местности. Это связано с более длительным периодом получения образования.

Значительное снижение численности занятых в возрасте 15–19 лет подтверждает опасение, связанное с трудностями трудоустройства для большого количества молодых женщин, ежегодно пополняющих армию трудовой силы. Тем более что многие из них (по данным на 2009 год — 22%¹⁸) уже в этом возрасте объясняют то, что они не работают, статусом домохозяйки.

Снижение уровня экономической активности женщин в более позднем возрасте объясняется тем, что для большинства турецких женщин в городе замужество и появление ребенка является одной из основных причин ухода с рынка труда. Как правило, замужество ведет к изменению ролевого статуса женщины, она становится, в первую очередь, женой и матерью и, как правило, уходит с рынка труда или по собственному желанию, или из-за желания мужа. К тому же количество детских садов и ясель в Турции ничтожно мало и, как правило, они привязаны к определенным организациям, а услуги частных дороги.

Согласно результатам исследования Ипек Караджан, доцента кафедры экономики факультета менеджмента Стамбульского технического университета, более половины стамбульских женщин (53%) оставили работу по семейным обстоятельствам, среди которых 40% в качестве основной причины указывали «замужество или появление ребенка», а 13% — «нежелание супруга или семьи»¹⁹.

То, что семья является основной причиной ухода городских женщин с рынка труда, подтверждают и данные, полученные в ходе исследования экономической активности турецких женщин, проведенного учеными-экономистами Мустафой Озером и Кемалем Бичерли, которые показывают, что в случае развода уровень экономической активности женщин в городе заметно повышается. С 1988 по 2006 г. уровень экономической активности разведенных женщин в городе колебался в интервале 35,5–50%, в то время как для женщин из других категорий он оставался на уровне 14–19%²⁰.

В результате анализа некоторых качественных характеристик городской женской занятости в Турции представляется возможным выделить 2 основные группы занятых женщин в городе: 1) женщины из среднего и высшего социального класса, владеющие профессией и высоким уровнем образования. Эта группа находится в самом выгодном положении с точки зрения условий труда, его оплаты и социальных гарантий. Однако для данной группы основной проблемой, по мнению Ипек Караджан, может считаться препятствие со стороны мужчин-руководителей к их продвижению по карьерной лестнице²¹; 2) женщины из низшего социального класса, занятые на низкооплачиваемой тяжелой работе, необразованные или имеющие низкий уровень образования. Городские женщины из 2-й группы, как правило, являются мигрантами в первом или втором поколении. Это самая малочисленная группа в общем числе занятых женщин. Проживающие в городе женщины из низших социальных слоев сталкиваются с самыми большими препятствиями в желании работать вне дома, находясь под давлением традиций и грузом обязанностей внутри семьи.

В ходе данного исследования выявлена тенденция повышения доли первой и сокращения доли второй группы. Тем не менее, в системе го-

родской женской занятости в Турции следует выделить действие двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, выделяется группа высокообразованных женщин из высших социальных слоев с благоприятными перспективами трудоустройства и карьерного роста и, следовательно, дистанцирующаяся от традиционных ценностей. В то же время для рядовой турчанки с низким уровнем образования перспективы трудоустройства в городе ограничены, а простой, неквалифицированный, как правило, низкооплачиваемый труд не является достаточной предпосылкой к современному городскому образу жизни.

Таким образом, результаты анализа качественных и количественных характеристик городской женской занятости позволяют предположить, что основной причиной значительного сокращения в последние десятилетия женской экономической активности в Турции является острая нехватка рабочих мест из-за большого притока на рынок новой рабочей силы. Безусловно, традиционные ценности продолжают играть серьезную роль в формировании взглядов на место и роль женщины в турецком обществе. Однако результаты проведенного исследования в целом не позволяют говорить об усилении исламизации в городской социальной среде, поскольку в последние годы наметилась тенденция роста уровня экономической активности городских женщин, а также уровня образования работающих женщин. В то же время качественные характеристики женской рабочей силы говорят о дальнейшей поляризации турецкого общества: наряду с увеличением числа домохозяйек среди пассивных в экономическом отношении турецких женщин, которые, видимо, вполне восприимчивы к исламским ценностям, растет число хорошо образованных женщин, готовых активно участвовать в трудовой жизни.

Примечания

¹ Т.С. Başbakanlık DTP. Kalkınma Planları: 9. Kalkınma Planı (2007–2013). Ankara, 2006, с. 24.

² Рассчитано по: TÜİK, Hanehalkı İşgücü Anketi Dönemsel Sonuçları // http://www.tuik.gov.tr/VeriBilgi.do?tb_id=25&ust_id=8 // данные на октябрь 2010 г.

³ Рассчитано по: TÜİK, Hanehalkı İşgücü Anketi Dönemsel Sonuçları // http://www.tuik.gov.tr/VeriBilgi.do?tb_id=25&ust_id=8 //

⁴ Рассчитано по: TÜİK, Hanehalkı İşgücü Anketi Dönemsel Sonuçları // http://www.tuik.gov.tr/VeriBilgi.do?tb_id=25&ust_id=8 //

⁵ Resmi gazete, 2006, № 26215: TBMM Kararı, Dokuzuncu beş yıllık kalkınma planı (2007–2013), с. 37.

⁶ МОТ. Международное Бюро Труда. Глобальные тенденции занятости. МОТ, Женева, январь 2008, с. 48.

⁷ Рассчитано по: TÜİK, Hanehalkı İşgücü Anketi Dönemsel Sonuçları // http://www.tuik.gov.tr/VeriBilgi.do?tb_id=25&ust_id=8//

⁸ Рассчитано по: TÜİK, Hanehalkı İşgücü Anketi Dönemsel Sonuçları // http://www.tuik.gov.tr/VeriBilgi.do?tb_id=25&ust_id=8

⁹ Там же.

¹⁰ Рассчитано по: TÜİK, Hanehalkı İşgücü Anketi Dönemsel Sonuçları // http://www.tuik.gov.tr/VeriBilgi.do?tb_id=25&ust_id=8//

¹¹ Там же.

¹² İpek İlkkaracan. Kentli kadınlar ve çalışma yaşamı. Bilanço 98: 75 Yılda kadınlar ve Erkekler; tarih Vakfı Yayınları. İstanbul, 1998, c. 286.

¹³ Рассчитано по: TÜİK, Hanehalkı İşgücü Anketi Dönemsel Sonuçları // http://www.tuik.gov.tr/VeriBilgi.do?tb_id=25&ust_id=8//

¹⁴ Рассчитано по: TÜİK, Hanehalkı İşgücü Anketi Dönemsel Sonuçları // http://www.tuik.gov.tr/VeriBilgi.do?tb_id=25&ust_id=8

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Özer Mustafa, Biçerli Kemal. Türkiye’de Kadın İşgücünün Panel Veri Analizi. // Sosyal Bilimler Dergisi 2003–2004. — Anadolu Üniversitesi Yayınları. Eskişehir, 2004, c. 68.

¹⁸ Рассчитано по: TÜİK, Hanehalkı İşgücü Anketi Dönemsel Sonuçları // http://www.tuik.gov.tr/VeriBilgi.do?tb_id=25&ust_id=8

¹⁹ İpek İlkkaracan. Kentli kadınlar ve çalışma yaşamı. Bilanço 98: 75 Yılda kadınlar ve Erkekler; tarih Vakfı Yayınları. İstanbul, 1998, c. 291.

²⁰ Özer Mustafa, Biçerli Kemal. Türkiye’de Kadın İşgücünün Panel Veri Analizi. // Sosyal Bilimler Dergisi 2003–2004. — Anadolu Üniversitesi Yayınları. Eskişehir, 2004, c. 71.

²¹ İpek İlkkaracan. Kentli kadınlar ve çalışma yaşamı. Bilanço 98: 75 Yılda kadınlar ve Erkekler; tarih Vakfı Yayınları, c. 295.

Н. Р. Масумова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТУРЕЦКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Международная трудовая миграция начала играть все большую роль во второй половине XX века, затронув почти все страны мира. Географическое положение Турции, находящейся на перекрестке трех континентов — Азии, Африки и Европы, в какой-то степени определило специфику миграционных потоков в стране. Исторически сложилось так, что Турция является государством — поставщиком рабочей силы, страной-донором. Экспорт турецкой рабочей силы начался после Второй мировой войны в основном в страны Западной Европы, а с середины 70-х гг. XX в. и в страны Персидского залива.

Динамика миграции турецкой рабочей силы в XX веке

По Конституции 1961 г. граждане Турции получили законное право на свободный въезд и выезд из страны. С этого времени и началась массовая миграция турецкой рабочей силы в развитие государства Западной Европы, что постепенно стало одним из факторов, влияющих на социально-экономическую ситуацию в стране. В основе данного явления лежит ряд внутренних причин: во-первых, высокий уровень безработицы, в т. ч. скрытой, из-за аграрного перенаселения страны, во-вторых, высокий уровень инфляции и, в-третьих, низкая заработная плата.

Выезд неквалифицированной рабочей силы в европейские страны рассматривался в Турции как положительный фактор. Так, турецкие мигранты получали возможность повысить общий уровень своей квалификации, а приобретенные ими новые знания по изучению и эксплуатации высокотехнологичного оборудования в дальнейшем по возвращении на родину могли бы использоваться на турецких предприятиях.

Интересно, что в 60–70-х гг. XX в. валютные переводы турецких граждан из-за рубежа были основным источником поступлений иност-

ранной валюты в страну, что сказывалось на улучшении состояния платежного баланса Турции. Со своей стороны, Западная Европа после окончания Второй мировой войны испытывала серьезный дефицит дешевой рабочей силы для восстановления инфраструктуры, практически полностью разрушенной после войны, а также для выполнения низкоквалифицированной работы. Свидетельством обоюдной заинтересованности является то, что турецкое правительство подписало с рядом европейских государств важные двусторонние межправительственные соглашения, регулирующие въезд турецких мигрантов и их дальнейшее трудоустройство. Так, в 1961 г. было подписано соглашение с Германией, в 1964 г. — с Нидерландами, Бельгией, Австрией, в 1965 г. — с Францией, в 1967 г. — со Швецией и в 1970 г. — с Швейцарией¹. Таким образом, Турция с самого начала способствовала развитию подобного рода отношений и регулировала на правительственном уровне процесс экспорта рабочей силы. Также важно отметить, что одной из причин подписания Соглашения об ассоциации Турции с Европейским экономическим сообществом (1963 г.) было именно свободное перемещение турецких рабочих в рамках стран — участниц договора. Так, 23 ноября 1970 г. (в ходе переходного этапа интеграции Турции в ЕЭС) был подписан Дополнительный протокол о свободном перемещении промышленных товаров, людей, услуг и капитала, однако полностью выполнить данные договоренности на практике не удалось.

В Турции при Национальной службе занятости была создана сеть государственных посреднических агентств по трудоустройству за рубежом. Данные организации в соответствии с двусторонними соглашениями между государствами регулировали количество и очередность выезжающих, обеспечивали медицинское освидетельствование мигрантов (для определения пригодности к предлагаемой работе и исключения вирусного заражения населения европейских стран), оформление необходимых документов, в том числе заключение трудовых контрактов между турецкими рабочими и иностранными работодателями². Высокооплачиваемая работа за рубежом привлекала все больше и больше турецких граждан, что способствовало образованию больших очередей на выезд из страны, а так как условием для выезда было обязательное наличие конкретного рабочего места, ждать приходилось иногда несколько лет.

Денежные переводы

Кроме того, как указывалось выше, денежные переводы мигрантов были одним из основных источников поступлений иностранной валюты в страну. Так, по данным платежного баланса (см. Приложение 1), видно, что в 1964 г. сумма переводов составила 8,1 млн. долл., а уже с 1965 г. дан-

ный показатель увеличился в 8,6 раза и составил 69,8 млн. долл., в 1966 г. — 115,3 млн. долл., в 1970 г. — 273,0 млн. долл. В 70-х гг. рабочим-мигрантам было разрешено открывать счета в государственных банках, которые гарантировали льготный курс при выплате сумм в местной валюте (турецкая национальная валюта не была конвертируемой до 1990 г.)³. При помощи правительства был создан Рабочий инвестиционный банк для размещения средств турецких рабочих. В дальнейшем переведенные денежные суммы инвестировались в индустриальные проекты и турецкие эмигранты имели возможность по возвращении домой работать на предприятиях, куда вкладывали свои же заработанные деньги. Также, пользуясь ситуацией, государство организовывало специальные кооперативы, члены которых получали преимущественное право на выезд при условии, что заработанные денежные средства они будут переводить на родину и инвестировать в различного рода коммерческие и инфраструктурные проекты. Также правительство частично освобождало мигрантов от выплаты таможенных пошлин при ввозе в страну потребительских товаров длительного пользования.

В 1976 г. объем переводов мигрантов в Турцию уменьшился. Причиной этому послужил мировой энергетический кризис 1973–1974 гг., затронувший также и Турцию. С 2002 г. наблюдается тенденция к сокращению объема денежных переводов. И наконец, хотелось бы отметить, что в настоящее время доля денежных переводов в ВВП Турции низка и в среднем за последние 5 лет данный показатель не превышает 0,2%. Если в 1984 г. разрыв между экспортом и импортом на 49,9% покрывался валютными переводами мигрантов, то уже с 2003 г. данный показатель в среднем составил 2,1%. В условиях разразившегося мирового финансового кризиса наблюдалось сокращение занятости и, как следствие, денежные переводы турецких мигрантов в январе 2009 г. уменьшились более чем в 2 раза по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. (в январе 2008 г. переводы трудовых мигрантов составили 110 млн. долл., в январе 2009 г. — уже 50 млн. долл.). Объем денежных переводов за первые три квартала 2008 г. составил 1068 млн. долл., однако по данным за первые три квартала 2009 г., данный показатель уменьшился в полтора раза и составил 692 млн. долл. По последним данным, в 2010 г. объем денежных переводов составил 829 млн. долл., что на 11% меньше, чем в 2009 г.⁴

Влияние внутренних и внешних факторов на миграционные процессы в Турции

Миграционные потоки турецкой рабочей силы зависели не только от ситуации в Турции, но и миграционной политики стран Европы. После 1970-х гг., когда началась переориентация европейской промышленности

на наукоемкое и экологически чистое производство, а также в связи с выводом в развивающиеся страны вредных производств, условия въезда новых мигрантов стали ужесточаться, даже поощрялся их отъезд на родину. Так, в Германии в ноябре 1983 г. был принят Закон по содействию возвращению иностранцев домой⁵, по которому каждому иммигранту за его выезд на родину выплачивалось 10,5 тыс. марок в качестве премии и еще 1,5 тыс. марок — каждому члену семьи, уезжающему вместе с ним. Кроме того, этим мигрантам возвращались все их взносы из фонда социального страхования. Во Франции каждому репатрированному трудящемуся-мигранту выдавалось 70–100 тыс. фр.⁶

Часть турецких рабочих воспользовалась этой программой, и в первые годы после принятия этих законов численность мигрантов уменьшилась. Однако многие отказались от программы возвращения, осознавая всю сложность сложившейся ситуации — в будущем они не смогут вернуться в принимающую страну, вдобавок в Турции перспективы и шансы найти работу с таким же уровнем оплаты труда ничтожны. Поэтому в дальнейшем их количество продолжало расти, особенно в связи с программой воссоединения семей. Приток членов семей мигрантов лишь усугубил ситуацию и способствовал образованию целых поселенческих кварталов, так называемых «гетто». Компактное проживание турецкой общины, особенно состоящей из семей, стало приводить к замедлению процесса адаптации к реалиям страны пребывания: традициям, ритму жизни, культуре. Непрестижная работа мигрантов и проблемы с изучением иностранного языка также способствовали изоляции их от членов западного общества. Такие трудности в основном испытывало поколение старше 45 лет. Принимая мигрантов, западноевропейские страны не учитывали тот факт, что большинство приехавших рабочих останутся в стране навсегда, рассматривая их как временных работников, а следовательно, программы по интеграции мигрантов в общество своевременно не были разработаны.

География турецкой трудовой миграции

По данным на 2006 г., за границей проживает около 3,4 млн турок, из них 52,1% проживает в Германии, 12,7% — во Франции, 11% — в Нидерландах⁷. Германия традиционно является лидером среди стран по количеству проживающих турков. Причиной этому является то, что после окончания Второй мировой войны Германия, остро нуждавшаяся в рабочей силе, имела фактически монопольное право по найму турецких рабочих в силу исторической близости экономических связей двух стран. И уже начиная с 1972 г. турецкая диаспора стала одной из самых крупных этнических групп ФРГ⁸.

С 1972–2006 гг. 732,5 тыс. турок получили гражданство в Германии, с 1946–2005 гг. — 228,3 тыс. в Нидерландах, с 1985–2006 гг. — 129,5 тыс. в Бельгии. Всего на 2006 г. 1480,3 тыс. человек получили иностранное гражданство (см. Приложение 2).

В связи с ужесточением условий выдачи трудовых виз с 90-х гг. происходило увеличение количества людей, ищущих политическое убежище, а также псевдотуристов из Турции в страны Европы (в основном в Германию, Францию и Австрию), однако в последние несколько лет наблюдается тенденция к их сокращению (см. Приложение 3). Так, если в 2000 г. число турецких граждан, получивших политическое убежище в Европе, составляло 28,2 тыс. чел., то в 2007 г. — уже только 6,5 тыс. чел. Наиболее корректное объяснение — начавшийся с 2002 г. экономический подъем в Турции, улучшение социального положения населения страны, несмотря на нынешний мировой финансовый кризис.

Также необходимо отметить, что активное участие в процессе трудовой миграции стала принимать Национальная служба занятости, все шире использовавшая последние несколько лет контрактную основу. Так, в 2007 г. Службой было отправлено за рубеж 58 602 рабочих (см. Приложение 4). Для сравнения, например, в 2000 г. было отправлено всего 13,6 тыс. чел. При этом в основном это были лица, заключившие контракт от 3 месяцев до 2 лет с турецкими или иностранными компаниями для работы в странах СНГ (58,5%), на Ближнем Востоке (34,2%) и в европейских странах (6,8%)⁹.

Также хотелось бы отметить, что с помощью трудовых мигрантов страны Запада в настоящее время надеются в определенной степени решить сложившуюся у них демографическую проблему. Как известно, население Европы стремительно стареет, сокращается рождаемость, темпы прироста населения замедляются, при этом продолжительность жизни увеличивается, в связи с чем увеличивается нагрузка на экономически активное население, что приводит к нехватке рабочей силы. А Турция, где почти 67% населения составляют лица в возрасте от 16 до 64 лет и где средний возраст составил 28,8 года, в состоянии в определенной степени пополнять трудовые ресурсы развитых стран Европы¹⁰.

Приложение 1
Денежные переводы турецких рабочих на родину
с 1964 по 2009 г.

Год	Объем переводов в млн. долл.	Темпы прироста переводов в % к предыдущему году	ВВП в тек. ценах млрд. долл.	Денежные переводы/ ВВП	Сальдо торгового баланса в млн. долл.	Доля денежных переводов в сальдо торгового баланса (%)
1964	8,1	-	-	-	-1 264	0,6
1965	69,8	861,7	-	-	-1 083	6,4
1966	115,3	165,2	-	-	-2 278	5,1
1967	93,0	80,7	-	-	-1 624	5,7
1968	107,3	115,4	18,2	0,6	-2 672	4,0
1969	140,6	131,0	20,3	0,7	-2 644	5,3
1970	273,0	194,2	17,9	1,5	-3 591	7,6
1971	471,4	172,7	17,1	2,8	-4 942	9,5
1972	740,0	157,0	21,5	3,4	-6 776	10,9
1973	1183,0	159,9	27,1	4,4	-7 691	15,4
1976	983,0	83,1	53,3	1,8	-3 168	31,0
1980	2071,0	210,7	70,9	2,9	-4 999	41,4
1984	1807,0	87,3	80,6	2,2	-3 623	49,9
1985	1714,0	94,9	90,2	1,9	-3 385	50,6
1986	1634,0	95,3	101,5	1,6	-3 648	44,8
1987	2021,0	123,7	116,0	1,7	-3 968	50,9
1988	1776,0	87,9	119,9	1,5	-2 673	66,4
1989	3040,0	171,2	142,9	2,1	-4 167	73,0
1990	3246,0	106,8	200,6	1,6	-9 343	34,7
1991	2819,0	86,8	198,6	1,4	-7 454	37,8
1992	3008,0	106,7	209,9	1,4	-8 156	36,9
1993	2919,0	97,0	237,9	1,2	-14 083	20,7
1994	2627,0	90,0	172,2	1,5	-5 164	50,9
1995	3327,0	126,6	223,7	1,5	-14 072	23,6
1996	3542,0	106,5	239,4	1,5	-20 402	17,4
1997	4197,0	118,5	250,1	1,7	-22 298	18,8
1998	5356,0	127,6	265,6	2,0	-12 947	41,4
1999	4529,0	84,6	245,5	1,8	-14 084	32,2
2000	4560,0	100,7	265,2	1,7	-26 728	17,1
2001	2786,0	61,1	192,7	1,4	-10 065	27,7
2002	1936,0	69,5	231,0	0,8	-15 495	12,5
2003	729,0	37,7	304,1	0,2	-22 087	3,3
2004	804,0	110,3	392,9	0,2	-34 373	2,3

Год	Объем переводов в млн. долл.	Темпы прироста переводов в % к предыдущему году	ВВП в тек. ценах млрд. долл.	Денежные переводы/ВВП	Сальдо торгового баланса в млн. долл.	Доля денежных переводов в сальдо торгового баланса (%)
2005	851,0	105,8	482,8	0,2	-43 298	2,0
2006	1111,0	130,6	528,7	0,2	-54 041	2,1
2007	1209,0	108,8	663,4	0,2	-62 791	1,9
2008	1324,0	109,5	748,3	0,2	-69 936	1,9
2009	934,0	70,5	617,6	0,0	-38 786	2,4
2010	829,0	88,8	-	-	-71 597	1,2

Расчитано по: 1) TÜRKİYE CUMHURİYET MERKEZ BANKASI. Balance of Payments and International Investment Position: 2011; 2) Turkstat.gov.tr

(-) нет данных.

Приложение 2 Количество турков, получивших гражданство в европейских странах

Страна	Годы	Количество
Германия	1972-2006	732 524
Голландия	1946-2005	258 272
Бельгия	1985-2006	129 501
Австрия	1983-2005	111 300
Франция	1991-2002	66 575
Швеция	1990-2006	30 942
Дания	1980-2003	21 544
Великобритания	1989-2005	53 335
Швейцария	1990-2006	36 817
Австрия	1996-2006	39 446
Всего		1 480 256

Источник: Türkiye İş Kurumu Genel Müdürlüğü, 2007. <http://www.iskur.gov.tr/>

Приложение 3
Лица, получившие политическое убежище
в странах Европы
в 2000–2006 гг.

Страна происхождения	2000		2001		2002		2003		2004		2005		2006		2007	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	
Афганистан	29 928	7,0	49 914	11,1	25 470	5,9	13 644	3,8	8 550	2,9	7427	3,0	8071	3,9	-	-
Иран	27 472	6,4	13 546	3,0	10 289	2,4	11 009	3,0	8862	3,0	8349	3,4	7588	3,6	-	-
Ирак	42 244	9,8	47 538	10,6	50 058	11,5	24 287	6,8	9411	3,2	11 915	4,9	21 200	10,3	-	-
Турция	28 219	6,6	30 148	6,7	28 455	6,6	23 321	6,5	15 773	5,3	11 529	4,7	8191	3,9	6500	-
Другие страны	253 968	64,0	279 407	61,1	287 109	65,4	286 053	79,8	254 157	85,6	203 433	83,8	160 284	78,0	-	-
Всего	429 024	100	448 565	100	434 037	100	358 314	100	296 753	100	242 653	100	205 334	100	-	-

Источник: Turkey and International Migration. SOPEMI Report for Turkey 2006/2007. Istanbul, 2007.

(-) нет данных

Приложение 4
Число турецких рабочих, отправленных за границу
Национальной службой занятости Турции
2001–2008 гг.

Страна	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Австралия	5	11	4	3	2	0	-	11
Канада	7	6	2	1	2	2	1	2
Израиль	3917	347	422	130	417	602	275	115
США	104	168	87	74	90	57	96	42
Европа								
Австрия	5	2	11	22	23	2	120	77
Бельгия	1	0	2	0		6	59	35
Дания	5	5	7	1	1	0	-	20
Финляндия	3	1	0	0	7	0	-	4
Франция	202	341	422	530	593	377	487	300
Германия	2437	3367	3366	2197	1074	708	2022	1398
Италия	2	5	2	0		0	-	14
Швеция	5	28	42	29	10	9	14	11
Голландия	2	131	431	1	0	0	-	-
Великобритания	19	27	12	2	2	1	22	11
Албания	201	120	111	70	11	27	-	1645
Болгария	4	0	36	88	44	58	413	241
Польша	0	1	2	18	7	0	-	50
Румыния	13	12	2	230	113	169	1656	1401
Швейцария	1	2	86	0	-	0	-	34
Страны Ближнего Востока								
Алжир	0	12	160	699	724	1478	875	793
Египет	1	0	0	0	118	694	603	90
Ирак	37	191	601	4900	8237	7525	6696	-
Иордания	203	234	368	752	2 241	2 239	1099	-
Катар	0	34	241	454	1604	4597	5160	2412
Кувейт	11	45	26	230	151	596	115	8
Ливия	238	1037	2515	668	986	770	2574	5991
Марокко	0	69	182	279	330	368	991	-
Саудовская Аравия	4657	6399	6064	1146	6452	19 841	4049	7556
Судан	0	14	29	18	107	469	359	205
Сирия	9	21	2	0		0	-	12
ОАЭ	0	1	1	628	1843	1176	1398	2106
СНГ								
Азербайджан	267	668	1049	745	629	632	1299	975
Беларусь	299	23	0	0		0	-	22

Страна	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Грузия	65	375	357	276	104	9	102	103
Казахстан	1290	1102	1532	4403	5775	8627	7994	4723
Киргизия	34	95	34	260	129	0	-	11
Молдова	2	132	0	0		85	-	-
Россия	4190	10 137	10 816	13 271	19 540	24 142	23 349	16 095
Туркменистан	1327	1068	1603	2031	964	1086	741	1249
Украина	90	151	89	761	1017	1926	2753	2575
Узбекистан	455	423	773	455	349	147	134	90
Другие	130	107	2 581	4872	6503	2954	4568	8175
Всего	20 242	26 921	34 151	40 198	60 355	81 379	70 024	58 602

Источник: 1) Turkey and International Migration. SOPEMI Report for Turkey 2006/2007. Istanbul, 2007; 2) T T. C. Çalışma ve Sosyal Güvenlik Bakanlığı, Dış İlişkiler ve Yurtdışı İşçi Hizmetleri Genel Müdürlüğü. 2008 Yılı Faaliyet Raporu. http://statistik.iskur.gov.tr/rapor_bulten/2008_yili_faaliyet_raporu.pdf

Источники

1. Отчет для Европейской комиссии “International Migrants Remittances in Turkey”, Ahmet Icduygu, European University Institute, RSCAS, 2006.
2. OECD Economic Outlook. No. 78. Paris. December 2005.
3. Salt J. Current Trends in International Migration in Europe, Council of Europe. Working paper, CDMG, 2005.
4. SOPEMI, Trends of International Migration. OECD, Paris, 2004.
5. SOPEMI, Turkey and International Migration, 2004. Istanbul, 2005.
6. International Migration Outlook: SOPEMI — 2008 Edition. OECD 2008.
7. SOPEMI Report for Turkey 2006/2007. Turkey and International Migration. Istanbul, 2007.
8. World Employment Report 2004–05. — Geneva, 2004, 250 p.
9. Сайты международных и правительственных организаций, статистических центров (см. интернет-источники).

Литература

1. Cambridge University Press. The Cambridge History of Turkey, Volume 4: Turkey in the Modern world. Edited by Reşat Kasaba. 2008.
2. Ксеидзык Н. Н. Турецкая трудовая иммиграция в странах Западной Европы (70–80 гг.)/АН УССР. Ин-т соц. и экон. пробл. заруб. стран; Отв. ред. И. Ф. Черников. — Киев: Наук.думка, 1991. — 108 с.
3. Актуальные проблемы Европы. Западная Европа перед вызовом иммиграции.: Сб. научн. тр./РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. Зап. Европы и Америки; Редкол.: Кондратьева Т. С., Новоженова И. С. (ред.-сост.) и др. — М., 2005. — 220 с.

4. Актуальные проблемы Европы. Иммигранты в Европе: Проблемы социальной и культурной адаптации. Сб. научн. тр./РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. пробл. Отд. Зап. Европы и Америки; Редкол.: Кондратьева Т. С., Новоженова И. С. (ред.-сост.) и др. — М., 2006. — 228 с.

5. Турция в XX веке: [сб.ст.]/Ин-т Востоковедения Рос. акад. наук; [отв. ред. Е. И. Уразова]. — М.: Акад. гуманитар. исслед., 2004. — с. 352.

6. Aydas, O. T, 2002, «Determinants of Workers Remittances: The Case of Turkey», M.A. Thesis, Bilkent University, Ankara.

7. Scott McDonald, Yontem Sonmez, Jonathan Perraton: “Labour Migration and Remittances: Some Implications of Turkish Workers in Germany”, Addis Ababa, 2006. REPORT 2004–05.

Интернет-источники

1. Migration Policy Institute/Migration information source December 1, 2005

<http://www.migrationinformation.org/>

2. Population Growth and Migration

<http://www.population-growth-migration.info/index.php?page=population.html>

3. The Changing Mosaic of Mediterranean Migrations

<http://www.migrationinformation.org/feature/print.cfm?ID=230>

4. Türkiye İş Kurumu. www.iskur.gov.tr

5. Türkiye İstatistik Kurumu. <http://tuik.gov.tr/>

Примечания

¹ Ксендзык Н. Н. Турецкая трудовая иммиграция в странах Западной Европы (70–80 гг.). Киев, 1991, с. 7.

² Ивахнюк И. В. Международная трудовая миграция. М., 2005, с. 191–192.

³ Там же, с. 192.

⁴ TÜRKİYE CUMHURİYET MERKEZ BANKASI. Balance of Payments and International Investment Position: 2009.

⁵ Ксендзык Н. Н. Указ. соч., с. 10.

⁶ Актуальные проблемы Европы. Западная Европа перед вызовом иммиграции. М., 2005, с. 70–71.

⁷ T. T. C. Çalışma ve Sosyal Güvenlik Bakanlığı, Dış İlişkiler ve Yurtdışı İşçi Hizmetleri Genel Müdürlüğü. YURTDIŞINDAKİ VATANDAŞLARIMIZLA İLGİLİ SAYISAL BİLGİLER 2006 Raporu, с. 18.

⁸ Сегодня в Германии насчитывается около 2 млн. турок, их доля в иностранном населении составляет 28%. Актуальные проблемы Европы. Иммигранты в Европе: Проблемы социальной и культурной адаптации. М., 2006, с. 23.

⁹ Turkey and International Migration. SOPEMI Report for Turkey 2006/2007. Istanbul, 2007.

¹⁰ TÜRKİYE İSTATİSTİK KURUMU. Press Release, January 25, 2010.

Раздел III

**АФГАНО-ПАКИСТАНСКИЙ
КОНФЛИКТНЫЙ УЗЕЛ**

В. Г. Коргун

ПОИСКИ МИРНОГО РЕШЕНИЯ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

В 2011 г., несмотря на все усилия правительства Х. Карзая и международной коалиции, военно-политическая ситуация в стране продолжала обостряться. По существу, она зашла в тупик, выход из которого видится в отказе от чисто военного решения проблемы и реализации комплексной стратегии возрождения страны и поисках политического пути прекращения затянувшейся войны.

Становится все более очевидным, что необходимо разработать и осуществить политику национального примирения, как это в свое время пытался реализовать президент М. Наджибулла. В рамках такой политики наиболее важной задачей становится поиск компромисса с талибами и их союзниками, их реинтеграция в активную политическую жизнь и социально-экономическое возрождение страны. Известно, что правительство Х. Карзая давно прилагает усилия в этом направлении.

Одним из таких шагов была проведенная в начале июня 2010 г. Джирга мира, участники которой единодушно поддержали идею проведения диалога с талибами и их союзниками. Всего же с 2007 г. в стране было организовано несколько подобных форумов различного уровня, в том числе афгано-пакистанская Джирга мира, состоявшаяся в августе 2007 г. Кабул возлагал на нее большие надежды. Однако, поскольку талибы не были приглашены и бойкотировали ее, многие аналитики были уверены, что без участия движения «Талибан» джирга не может быть плодотворной. Кроме того, в ней отказались участвовать представители пакистанских радикальных исламских партий, доминировавших в то время в законодательных собраниях Северо-Западной пограничной провинции (ныне провинции Хайбер-Пахтунхва) и провинции Белуджистан, а также многие главы пуштунских племен. Джирга была поддержана высшим руководством двух стран: на ней выступили президенты Х. Карзай и П. Мушарраф, призвавшие к более тесному сотрудничеству в борьбе с общим злом.

Однако все эти джирги ограничивались в основном громкими декларациями и призывами к оппозиции, к «мятежникам», сложить оружие. Ранее, в 2004 г., по указу президента была создана Комиссия по национальному примирению во главе с председателем Сената, известным религиозным деятелем, бывшим президентом Афганистана С. Моджаддиди.

Одновременно предпринимались попытки наладить диалог с талибами с помощью зарубежных посредников. В частности, в сентябре 2008 г. произошла встреча представителей правительства и талибов в Эр-Рияде при содействии короля Саудовской Аравии. Аналогичная встреча имела место в апреле 2010 г. на Мальдивских островах с участием представителей Исламской партии (Хизб-е-ислами) Афганистана Г. Хекматъяра. Однако это были все-таки просто контакты, зондирование позиций сторон без всяких переговоров, поскольку встречи не были санкционированы высшим руководством вооруженной оппозиции. Наконец, осенью в Кабуле побывала делегация Исламской партии Г. Хекматъяра, которая предъявила правительству ряд неприемлемых условий.

В сентябре 2010 г. президент Х. Карзай учредил Высший совет мира, который должен был стать непосредственным участником предстоящих переговоров с талибами. В его состав вошли известные представители политической элиты, в том числе от оппозиции. Большая часть из них — это бывшие лидеры партий моджахедов и видные полевые командиры — С. Моджаддиди, лидер парламентской оппозиции, еще один бывший президент Б. Раббани, А. Р. Саяф, С. А. Гилани, М. Мохаккек, лидер исмаилитов С. М. Надери, министр энергетики Исмаил-хан, духовный вожь афганских шиитов шейх А. Мохсени, лидер шиитско-хазарейской партии «Хезб-е вахдат» («Партия единства») Мухаммад Акбари, ветераны оппозиционного движения А. Х. Мобарез и А. Г. Тухи, советник президента Х. Карзая по вопросам ислама Н. Шахрани, известные богословы, юристы, журналисты, старейшины ряда племен и даже бывшие талибы, ныне сотрудничающие с правительством, — замминистра в правительстве талибов Арсала Рахмани и неаккредитованный представитель правительства талибов в ООН Абдул Хаким Моджахед. В составе Совета восемь женщин. При этом в него не получили доступ представители левых сил.

Судя по составу Совета, основная его часть — это бывшие влиятельные полевые командиры севера Афганистана, в прошлом самые жесткие противники талибов, и за такой состав президент подвергся критике в Кабуле. Однако, по-видимому, он исходил из расчета, что мир с талибами должен быть достигнут именно этими давними противниками талибов, которые угрожают Карзаю гражданской войной, если он вздумает делиться властью с их заклятым врагом. По данным известного немецкого аналитика Томаса Руттига, 53 из 70 членов Совета связаны с вооруженными группами моджахедов, в прошлом участвовавших в боевых действиях.

Создание Совета сопровождалось выступлением афганского президента, который вновь обратился к талибам и их лидеру Мулле Омару с призывом начать переговоры. «Соотечественники, — призывал президент, — не разрушайте свою страну в чужих интересах!» Одновременно командующий войсками НАТО в Афганистане генерал Петреус сообщил, что некие высокопоставленные представители талибов вышли на контакт с официальными властями в Кабуле в стремлении участвовать в национальном примирении. При этом генерал подчеркнул, что США поддерживают усилия Х. Карзая в этом направлении, который выдвигает совершенно справедливые условия диалога с талибами: отказ от вооруженной борьбы, разрыв с «Аль-Каидой» и признание афганской конституции. Командующий войсками МССБ (Международных сил содействия безопасности) вполне правомерно заявил, что ведение переговоров с талибами является исключительно прерогативой правительства Афганистана, а что касается западных партнеров Кабула, то им следует лишь оказывать ему в этом содействие, создавать благоприятные условия для налаживания контактов с противниками. Создание Высшего совета активно поддержал генеральный секретарь НАТО Фог Расмуссен, который заявил о готовности альянса оказать содействие переговорному процессу, но исключил прекращение военных действий.

Новость о формировании Высшего совета мира вызвала вполне ожидаемую негативную реакцию талибов. Они отвергли возможность вступить в диалог с правительством, требуя безоговорочного вывода из Афганистана иностранных войск. В качестве предварительных условий для начала переговоров они также потребовали исключить лидеров талибов из черных списков США и ООН, содержащих имена международных террористов, и освободить содержащихся в заключении талибов. Создание Совета они сочли признаком слабости режима Х. Карзая, оценивая этот режим как марионеточный, а сами переговоры — пустой тратой времени.

Такая оценка режима выглядит небезупречной: конечно же, афганское правительство в нынешний кризисный период во многом зависит от военной и экономической помощи стран-доноров. В то же время следует учесть тот факт, что президент Х. Карзай был избран народом на всеобщих свободных выборах, пользуется поддержкой значительной части населения и осуществляет реальную власть в стране. Поэтому он обладает полномочиями вести диалог с талибами от имени всего народа, который вручил ему мандат доверия на общенациональной Джирге мира в начале июня 2010 г.

Что касается Высшего совета, то вошедшие в его состав деятели имеют богатый опыт как вооруженной и политической борьбы, так и государственного управления. Насколько успешной могла бы быть деятельность Высшего совета? Это зависело от многих факторов.

Во-первых, от полномочий, предоставленных Совету, степени его независимости и самостоятельности, возможности вести переговоры без участия официальных представителей властей. Х. Карзай на церемонии открытия Совета дал гарантии невмешательства правительства в его работу.

Во-вторых, важно было, кто будет выработать стратегию переговоров, оставалось неясно, на каком уровне они будут вестись, т. е. кто будет их субъектом со стороны талибов и их союзников. Тогдашний спецпредставитель президента США по Афганистану и Пакистану Ричард Холбрук, имеющий богатый опыт переговоров, не видел среди талибов партнеров по переговорам: «У нас нет ни одного адресата среди тех, с кем мы воюем, с которым нужно иметь дело. Здесь нет Хо Ши Мина, как это было во Вьетнаме. Здесь нет Слободана Милошевича, как на Балканах. Мы имеем дело с большим диапазоном людей во главе с неосязаемым джихадистом под неопределенным антиамериканским лозунгом. Вероятно, лучше всего было бы разделить их на фрагменты, на мелкие части».

В-третьих, с самого начала неясно было, какую роль собираются играть в переговорном процессе западные партнеры Кабула, намерены ли они оказывать влияние или давление на Совет и в какой степени помогать ему.

Безусловно, на пути к мирным переговорам Высший совет мира столкнулся с немалыми трудностями. Далеко не все в стране поддерживали его, имелись силы, не заинтересованные в переходе на мирные рельсы урегулирования конфликта, они не хотели идти на компромисс и требовали полного разгрома «мятежников». Нежелание поддерживать мирный процесс выражало немало влиятельных деятелей в среде политического истеблишмента Северного Афганистана, которые опасались потерять власть и влияние в результате прекращения войны. У них еще не стерлись из памяти акции массовой резни, особенно в хазарейских районах, которую устраивали талибы.

Не поддерживали идею диалога и активисты женских организаций: они не без основания опасались, что талибы, участвуя в управлении государством, будут попирают права женщин.

Скептически отнесся к созданию Совета лидер оппозиционного блока «Коалиция изменения и надежды», бывший кандидат в президенты доктор Абдулла. Он считал Совет нелегитимным согласно конституции. Пресс-секретарь Коалиции Фазль Санчараки был уверен, что назначение Б. Раббани председателем Совета заведет мирный процесс в тупик. С сомнением смотрела на благоприятный исход возможного переговорного процесса госсекретарь США Х. Клинтон, которая считала, что талибы, в 2001 г. отказавшиеся выдать Осаму бен Ладена, вряд ли пойдут когда-нибудь на примирение. Впрочем, заметила она, в истории войн «случаются странные вещи».

С резкой критикой в адрес инициативы по созданию Высшего совета выступил бывший директор пакистанской Объединенной военной разведки (ISI) генерал в отставке Хамид Гуль. Он поддержал требование талибов о немедленном выводе иностранных войск из Афганистана, назвал правительство Х. Карзая марионеточным и выразил уверенность в том, что талибы вскоре вернутся к власти. Впрочем, он не исключил саму идею переговоров: по его мнению, именно США в лице президента Барака Обамы должны вступить в диалог с Муллою Омаром и вывести свои войска из Афганистана. «Это единственный путь решения проблемы», — заявил генерал.

Что же касается самого Высшего совета, то его многочисленный состав (70 человек) обрекал его на то, чтобы превратиться в малоподвижную и малоэффективную структуру. Собранные под крышей Совета столь разные по своим политическим взглядам и общественному положению люди могли оказаться неспособны выработать единую, четко разработанную стратегию переговоров.

Успешная реализация идеи переговоров во многом зависела от позиций других государств — участников афганского процесса. США, как уже было отмечено, активно поддержали идею диалога, но считали необходимым продолжать наращивать военное давление на талибов. Россия тоже склонялась к поддержке идеи диалога, однако считала, что для их начала необходимо поставить более жесткие условия, чем те, которые выдвинуло правительство Х. Карзая. Москва считала возможным переговоры только с теми, кто «не запятнал себя преступлениями». Внести свою лепту в коллективные усилия по национальному примирению в Афганистане был готов и Иран, но он также требовал скорейшего вывода иностранных войск. Страны Центральной Азии опасались возможного возвращения к власти талибов. Особую позицию занимал Пакистан: Исламабад, имеющий большое влияние на талибов и поддерживающий связи с группировкой Хаккани, претендовал на роль главного участника переговоров.

Таким образом, на пути к переговорам возникло немало препятствий и сложностей. Не случайно поэтому, что процесс подготовки к ним буксовал. В его рамках в Абу-Даби в июне 2010 г., а затем в октябре в Кабуле состоялись встречи представителей афганского правительства, влиятельных пакистанских деятелей, занимавших в недавнем прошлом видные посты в администрации, известных деятелей из ведущих политических партий северо-запада Пакистана и бывших высокопоставленных представителей талибов. Речь шла в основном о роли Кабула в пакистано-индийском противостоянии, однако обсуждались и вопросы диалога с талибами, в частности о создании механизма переговоров. Еще в начале 2010 г. в ожидании контактов с лидерами талибов президент Х. Карзай надеялся получить в качестве партнера по переговорам второго человека в иерар-

хии талибов Абдул Гани Барадара, однако в феврале 2010 г. он был задержан пакистанскими спецслужбами и стал рассматриваться Исламабадом, в первую очередь Объединенной военной разведкой, в качестве важного козыря в отношениях с Кабулом. По некоторым данным, Кабул и Вашингтон вышли на контакты с представителями группировки Джалалуддина Хаккани, тесно связанной с «Аль-Каидой», которую американцы считают более мощной и опасной, нежели «Талибан». Впрочем, Кабул и окружение Дж. Хаккани отрицали наличие каких-либо контактов. Кстати, тогдашний шеф ЦРУ Л. Панетта не верил, что группировка Хаккани может пойти на примирение.

Тем не менее и афганские официальные лица и американские военные подтвердили факт закулисных контактов с талибами. При этом президент Х. Карзай предупреждал, что эти контакты нельзя рассматривать даже как начало переговоров. А гражданский представитель НАТО в Афганистане Марк Седуилл пояснил, что процесс общенационального примирения в Афганистане пока находится в «зачаточном» состоянии, «подлинных переговоров» на эту тему еще не велось.

В практической реализации идеи диалога стремится участвовать мировое сообщество, которое выделило на Лондонской конференции в январе 2010 г. 500 млн. долларов на примирение и интеграцию талибов в мирный процесс. В январе 2010 г. канцлер ФРГ Ангела Меркель анонсировала выделение 50 млн. евро на те же цели в течение пяти лет. Из выделенных сумм создан Фонд примирения и интеграции, средства из которого должны поступить в распоряжение Высшего совета мира и расходоваться на обеспечение жильем и работой переходящих на сторону правительства сторонников оппозиции.

Поиски пути к диалогу — долгий и сложный процесс, успешное завершение которого никто не может гарантировать. Он должен сопровождаться энергичными мерами по экономическому возрождению и формированию эффективных органов власти.

В любом случае, создание Высшего совета мира было заметным шагом в попытках нащупать пути к урегулированию. Эта серьезная акция еще раз подтвердила веру руководства Исламской Республики Афганистан и его западных партнеров в возможность покончить с изнурительной войной, от которой население Афганистана давно устало — оно нуждается в создании благоприятных условий для мирного труда.

Р.Р. Сикоев

АВТОРИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ АФГАНИСТАНА

Возникновение формы народовластия — демократии, предусматривавшей участие каждого гражданина в управлении государством, никогда не было реальным. Власть государства над личностью всегда оставалась более сильной. Главное, на что следует указать, это то, что с появлением государства как института управления обществом борьба между автократией и демократией никогда не прекращалась, не прекращается и по сегодняшний день.

Рассмотрение этой весьма обширной темы мы ограничим рамками афганского исторического опыта, начиная со времени образования империи Дуррани (1747 г.) до наших дней. На протяжении более чем двух веков в этой стране менялись правящие династии (садозаев сменили баракзай (мухаммадзай)). Абсолютную монархию основателя империи Дуррани Ахмад-шаха и его наследников в начале XX века сменила конституционная монархия Амануллы-хана, однако сохранявшая тенденции к авторитаризму. Республиканский строй при Мухаммаде Дауде, ликвидировавший в 1976 г. монархию Захир-шаха, на деле представлял собой авторитарную власть президента М. Дауда. Захватившая в результате государственного переворота 1978 г. власть в стране промарксистская Народно-Демократическая партия установила в стране диктатуру одной партии. В конце XX — начале XXI века власть в ходе длительной гражданской войны перешла к лидерам военно-политических группировок муджахидов, установивших в Исламском Государстве Афганистан фундаменталистский теократический режим, который в свою очередь в 1996 г. был свергнут радикальным исламистским движением «Талибан», создавшим на большей части территории Исламский Эмират с военно-теократической формой правления на основе средневековых норм шариата.

Отметим, что при всех указанных режимах главной движущей силой было стремление правителей к авторитаризму, подкрепленному этническим и религиозным факторами.

Полагаем здесь вкратце остановиться на одной важной тенденции, восходящей к глубокой древности — стремлении к сакрализации верховной власти, что укрепляло власть, представляя верховного правителя как ставленника Бога, наделенного сверхъестественной силой, и даже как его земное воплощение.

Сошлемся на авторитетное мнение Джеймса Фразера. В «Золотой ветви» он отмечал, что «соединение царского титула с отправлением жреческих обязанностей было в Древней Италии и Греции обычным делом»¹, и далее он добавлял к этим государствам и Древний Египет, Малую Азию, Китай, Восточную Африку и Центральную Америку, в которых верховные правитель считался божеством.

Подобная тенденция к сакрализации власти была свойственна и афганским монархам.

Так, эмир Абдурахман-хан, типичный автократ, чье слово было законом, в 1895 г. принял звание «светоч народа и веры» и «выступал отныне в качестве высшего духовного авторитета»². Британский журналист А. Гамильтон, посетивший Афганистан вскоре после смерти эмира, подчеркивал, что «...только Абдурахман, установив автократию, окончательно упорочил абсолютизм эмира»³. Его сын и наследник эмир Хабибулла, также принявший титул «царя ислама», узурпировал религиозные функции, взяв на себя роль первосвященника (шейх уль-ислама), одновременно обладая высшей военной и судебной властью⁴.

Король Аманулла-хан, наследник Хабибуллы-хана, объявленный духовенством «царем ислама», взошед на престол, в своем первом указе от 1919 г. заявил: «Не с легким сердцем я возлагаю на себя это тяжелое бремя имамата (духовной власти) и эмирата (светской власти)»⁵. Добавим, что формальным признанием афганского абсолютизма явились: упоминание имени монарха в пятничной молитве (хутбе), выпуск денег от его имени и, конечно же, передача власти по наследству.

Прежде чем перейти к вопросу о демократии в исламе, и в Афганистане в частности, следует учитывать следующее обстоятельство. Современное афганское общество с началом гражданской войны вот уже более 30 лет расколото на два противоположных лагеря по этноконфессиональному идейно-политическому признаку, в том числе относительно устройства государства и формы управления им. По определению кабульской газеты «Пайама муджахид», общество, особенно его политическая элита, разделилось условно на «автократов» и «демократов». Процесс поляризации сил «Пайама муджахид» иллюстрировала на примере подхода указанных групп к следующим актуальным вопросам. Так, если «демократы выступают за «единство религии и политики» — указывает газета, то «автократы» — за «отделение религии от политики»; если «демократы» хотят видеть Афганистан «парламентской республикой», то «автократы» стре-

мятся к единоличной авторитарной власти и выступают за «президентскую форму правления». В административной сфере — «демократы» отстаивают принцип «выборности губернаторов», а «автократы» — принцип назначаемости их президентом. В области судопроизводства «демократы» за то, чтобы «кандидатуры судей предлагались президентом, но утверждались бы парламентом, а «автократы» считают, что назначение судей должно быть только прерогативой президента. Далее, «демократы» выступают за «бесплатное высшее образование и медицинское обслуживание народа», а «автократы» — за платные услуги в обеих сферах; «демократы» — за признание всех национальных языков страны «равными и официальными»; «автократы», хотя и признают пушту и дари официальными языками государства, выступают за то, чтобы только пушту получил статус «национального» языка страны⁶.

Остановимся на этом вопросе более подробно. Унитаристы утверждают: федерализм — это чужеродное явление, оно не подходит к традиционному укладу жизни афганцев, эта система только усилит этнические и конфессиональные противоречия, что в конечном счете приведет к распаду страны и утрате Афганистаном суверенитета. Кроме того, федерация отнюдь не означает демократии. Что касается формы правления, то они за сильную президентскую власть.

Со своей стороны, сторонники федеративного устройства государства заявляют: унитаристы мечтают восстановить этнократию — единоличное господство пуштунов времен авторитарного правления «железного эмира» Абдурахман-хана и сконцентрировать все ветви власти в руках диктатора. Унитаризм с его властной вертикалью порождает диктатуру и тоталитаризм, подавляет права человека. Федералисты же за парламентскую республику, при которой, по их мнению, только и возможно воплотить в стране демократические принципы.

Что касается вопроса о демократии в исламе, и в Афганистане в частности, прежде всего следует напомнить следующее. Пожалуй, ни одна форма государственной власти не получала столько эпитетов, как демократия. В разные времена ее называли «чистой», «буржуазной», «революционной», «социалистической», «западной», «суверенной», «ущербной», «дефектной», «номинальной», «имитационной» и т. д. Наконец, следует упомянуть о концепциях «исламской демократии», «теодемократии» и т. п.

Все атрибуты этого понятия, как нам представляется, определялись в разные периоды истории и на разных участках ее культурно-цивилизационного пространства прежде всего конъюнктурными политическими или этноконфессиональными интересами.

Остановимся на трактовке понятия «исламская демократия». Можно привести множество мнений и определений, высказанных мусуль-

манскими религиозно-политическими авторитетами, в частности о том, что принцип иджма (консенсус) является основой исламской демократии. Ограничимся мнением Абул Ала Маудуди — известного пакистанского религиозно-политического деятеля XX века. Согласно утверждению Маудуди, в исламе нет места для демократии западного образца, она вообще неприемлема для религии ислам. «В идеальном исламском государстве, — говорил он, — суверенитет принадлежит только Богу, в общественной жизни действуют законы шариата — это и есть подлинная Конституция, дарованная Всевышним, а не написанная людьми. Со времен Пророка в исламе были заложены и действовали принципы подлинной демократии, а образцом исламской демократии была эпоха правления пророка и «праведных халифов»⁷. Маудуди, как и все исламские идеологи, перечислял принципы социальной справедливости в исламском демократическом государстве: недопущение дискриминации по расовым, языковым, территориальным и иным признакам; гарантия обеспечения народа продовольствием, жильем, трудом, медицинским обслуживанием и т. п. Гражданам в таком государстве гарантировалась безопасность жизни, чести и имущества, свобода вероисповедания и отправления обрядов, личная свобода, свобода слова, передвижения и прочие равные возможности. Заметим, однако, что все эти законы обходили стороной права иностранцев (зимми) и женщин⁸.

«В исламском обществе, — пишет один из современных идеологов исламского радикализма Фатхи Якан, — власть принадлежит не народу, как в «демократическом обществе», не партии, как в «коммунистическом» и прочих «социалистических» обществах, и не отдельному лицу, как это бывает в условиях диктатуры. Она принадлежит Аллаху — Создателю и Властителю всего сущего. В исламе нет места дискриминации, пристрастности, эгоизму, авторитарности, партийности, властности. Все перед законом Аллаха равны»⁹.

Главным преимуществом «исламской демократии» современная афганская газета «Муджахид» считает два принципа: бейат (присяга на верноподданность верховному правителю) и шура (совет или парламент, чьи функции исключительно сводятся к исполнению норм шариата и закона Божьего, и контролю за тем, чтобы народ следовал этим установкам). «Важно то, что в политической системе ислама, — подчеркивает дальше газета, — главенствует принцип выборности имама или эмира. Выборы четырех первых халифов проходили при участии народа, где каждый правоверный мог высказать свое мнение о кандидате на звание халифа». При этом «Муджахид» цитирует слова халифа Абу Бакра, якобы сказанные им после его избрания: «Если я буду совершать добрые дела — поддержите меня, если я совершу неправильные действия — направьте меня на правильный путь»¹⁰.

Суммируя, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, исторический опыт Афганистана свидетельствует, что все существовавшие политические системы государственного управления неизменно тяготели к авторитаризму. Эта тенденция сохраняется и поныне, завуалированная такими институтами, как парламент и Лойя Джирга — всеафганское собрание. Утверждение сторонников «демократии по-исламски» о том, что в исламе заложены институты, играющие роль противовеса тенденции к авторитаризму («шура» — совет, кораническое предписание советоваться с общиной), сегодня трактуются мусульманскими улемами по-разному: одни, настроенные более либерально, считают, что шура, действительно, является основой для установления демократических норм в обществе, поскольку дает свободу волеизъявления народу при выборе лидеров государственных институтов, отражающих интересы народа; другие — сторонники консервативного подхода — считают, что шура, основывающийся на безоговорочном признании божественного суверенитета, является лишь инструментом воплощения в жизнь законов традиционного ислама, без элементов демократии.

Обращаясь вновь к афганским реалиям, считаем, что в Афганистане при всех режимах — шура или шурайи мелли — парламент, так же как Лойя Джирга — всеафганское собрание, — всегда играли роль консультативно-совещательных органов и не влияли, или влияли крайне слабо, на решения сильной исполнительной власти.

По мнению афганского ученого Сейида Абдуллы Казема, причина неспособности подобных институтов добиться прекращения войны и установления мира, прежде всего, обусловлена утратой доверия к ним народа и некомпетентностью их участников¹¹.

Как отмечала кабульская газета «Джамаа», в парламент всегда попадают те представители партий, которые никогда не думают о благе народа, никогда не исполняют своих предвыборных обещаний и не дают дорогу молодым и беспартийным¹². А еженедельник «Кабул» прямо заявлял, что в парламент попадают лишь те, кто поддерживает президента и работает в интересах США¹³.

«Ключевые посты в структурах власти занимают прежние полевые командиры муджахидов, — пишет афганская эмигрантская газета «Машал». — Большинство министров и губернаторов назначаются под давлением определенных военно-политических группировок и под именем «героев джихада» используют силу, чтобы набивать карманы, и не собираются уступать власть на местах»¹⁴.

И последний вопрос, на котором следует остановиться, заключается в следующем: почему демократия (в форме так называемой классической модели) не приживается в Афганистане?

Во-первых, в исламе, где отсутствует разделение религии и политики, по мнению мусульманских богословов, все сферы жизненной деятельности мусульманина определяются от рождения до смерти не рукотворными конституциями, а ниспосланным выше священным Кораном и шариатом, в которых закреплены все основные принципы подлинного народовластия, и необходимости в иных его формах нет.

Во-вторых, принципы демократии в ее классическом понимании не отвечают устоявшимся принципам патриархального, традиционного общества, представляющего сочетание родоплеменных, феодальных отношений, и привыкшего жить по своим национальным обычаям и понятиям. Особенно наглядно это видно на примере пуштунского этноса, который считает свой кодекс чести «Пуштунвали» высшим регулятором жизни пуштунских племен и образцом народовластия.

Остановимся вкратце на вопросе «народной» или «племенной» демократии. В течение веков в результате совместного проживания общество выработало собственные нормы поведения, морали и быта, определявшего роль индивида и общины в целом. Пуштунские племена воплотили в «Пуштунвали» — неписаном кодексе чести — обычаи, нравы, традиции и морально-нравственные понятия. В числе основных принципов этого кодекса находится и понятие равенства и демократии (мосават). По мнению пуштунов, другим демократическим племенным институтом является джирга — «сход», на котором важнейшие политические, правовые, военные и другие жизненные проблемы решаются на основе консенсуса.

Ныне в условиях войны обострилась борьба между той частью общества, которая выступает за демократические перемены, и консерваторами-ретроgrадами, особенно религиозными деятелями, которые противятся любым попыткам изменения общественных отношений. Так, например, в октябре 2010 г. афганское телевидение показывало известную игру «Кто хочет стать миллионером», расценив ее как проявление прогресса в общественной жизни. Однако выступивший затем мулла назвал это безнравственным занятием, лишь отвлекающим мусульман от изучения религиозных догм и разжигающим страсть к наживе.

Добавим к этому высказывания кабульских газет. Если газета «Армане мелли», после парламентских выборов 2004 г., писала, что наконец-то открылся путь для демократии и отныне демократические нормы начнут претворяться в жизнь¹⁵, то другая газета «Фаджре Омид» призывала сделать выбор: или остаться верными принципам ислама, или пойти по пути секуляризма, либерализма и демократии, что, по сути, представляет собой поощрение к образу жизни без морально-этических правил (призыв к отказу от чадры, сексуальную распущенность, популяризацию алкоголя и т. п.). «Подобная демократия, — заключила газета, — это власть без со-

циально-политических и морально-культурных ограничений и она есть оскорбление ислама»¹⁶.

Вопрос о форме государственного правления и дискуссия о том, какая из них (авторитаризм или демократия) более необходима и полезна обществу на определенном этапе его развития, начались не сегодня и закончатся не завтра. Сошлемся на еще один факт. Скотт Спер — адъюнкт-профессор политических наук Казахского Института управления, экономики и стратегических исследований опубликовал статью «Позиция в отношении демократии и авторитаризма в мусульманском мире», в которой утверждает, что в ряде мусульманских стран (Ирак, Египет, Иордания, Марокко) наблюдается тенденция к демократизации общества. Особый интерес представляет его высказывание о том, что в Турции и Иране, в большей или меньшей степени, применяется демократическая практика. Оставляя эти его выводы без комментариев, мы скорее согласимся с теми, кого он называет пессимистами. «...Пессимисты утверждают, — говорит С. Спер, — что демократия никогда не сможет возникнуть в арабских обществах, поскольку демократическая практика несовместима с арабскими верованиями и ценностями»¹⁷.

Примечания

¹ Джеймс Джордж Фрэйзер «Золотая ветвь». М., 1986, с. 17.

² И. М. Рейснер «Независимый Афганистан». М., 1929, с. 69.

³ А. Гамильтон «Афганистан». С-Пб, 1908, с. 115.

⁴ Там же, с. 87.

⁵ Там же, с. 183.

⁶ Газета «Пайаме муджахид», 03.09.2003.

⁷ Там же.

⁸ Jameelah Maryam, “Who is Maudoodi?”, Lahore, 1973, с. 11–14.

⁹ Фатхи Якан «Ислам. Идеи, движения, перемены». М., 1992, с. 7.

¹⁰ Газета «Муджахид», 03.09.2003.

¹¹ Сайид Абдулла Казем «Афганистан дар талсеме дайрейе шейтанийе мосибат» (Афганистан в кругу дьявольских несчастий). Пешавеер, 1997, с. 65.

¹² Газет «Джамаа», 29.08.2005.

¹³ Еженедельник «Кабул», 17.09.2005.

¹⁴ Газета «Машал», 24.10.2002.

¹⁵ Газета «Армане милли», 24.10.2002.

¹⁶ Газета «Фаджре Омид», 26.08.2003.

¹⁷ Journal of South Asian and Middle Eastern Studies, vol. XXXIII, № 3, Villanova University, USA, spring 2010, с. 38–39.

М. Р. Арунова

К ВОПРОСУ ОБ АФГАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПРЕЗИДЕНТА США Б. ОБАМЫ (2009–2011 гг.)

Более десяти лет тому назад, после терактов в США 11 сентября 2001 г., американский президент Дж. Буш объявил, что страна находится в состоянии войны с международным терроризмом и предстоящая военная кампания будет длительной и масштабной с использованием всех национальных ресурсов. Ее цель — искоренение международного терроризма во всех проявлениях, ликвидация его лидеров и лишение их финансовой подпитки. Нарастивание вооруженных сил США в районе проведения операции началось 20 сентября. Состав военно-воздушных сил в зоне Индийского океана, Ближнего и Среднего Востока в целом превысил 500 единиц летной техники. В регионе были сформированы три ударные группировки ВМС на базе авианосцев «Карл Вильсон» и «Китти Хок» в Персидском заливе, «Энтерпрайз» — в Аравийском море и «Теодор Рузвельт» — в Средиземном море. В каждой группировке насчитывалось 15 тыс. военнослужащих, самолеты палубной авиации, корабли сопровождения и подводные лодки с ракетами большой дальности.

О поддержке военной операции США, названной «Несокрушимая свобода», заявили 70 государств, более 40 из которых выразили готовность принять в ней непосредственное участие. 2 октября руководство НАТО приняло решение о вступлении в силу пункта 5 своего Устава, в соответствии с которым нападение на одного из членов Североатлантического альянса расценивается как нападение на НАТО в целом, и страны — члены этой организации имеют право на ответный удар по агрессору.

Правовой основой военных действий США явился пункт 51 Устава ООН о праве на самооборону. Воинский контингент Коалиционных сил состоял из американских военнослужащих и военнослужащих ряда стран, поддержавших операцию «Несокрушимая свобода».

7 октября американские ВВС приступили к массированным бомбовым ударам по Кабулу, Кандагару, Герату, Мазар-и-Шарифу, Джалалаба-

ду, авиабазе в Баграме и объектам инфраструктуры талибов. Важнейшую роль в успехе наземных военных действий сыграли подразделения Северного альянса — Объединенного фронта ИРА, состоявшие в основном из таджиков, узбеков, хазарейцев, а также пуштунов. Под командованием министра обороны Исламской Республики Афганистан М. Фахима их отряды освободили от талибов ряд крупных городов, в том числе Кабул. 15 октября США официально объявили о намерении совместно с ООН контролировать создание институтов власти в Афганистане.

В результате непродолжительной военной операции режим талибов в начале декабря был свергнут, порядка 25–30 тыс. боевиков и их лидеры нашли убежище в афгано-пакистанском приграничье и на территории Пакистана, где создали новые базы и лагеря.

27 ноября под эгидой ООН в Бонне состоялось открытие конференции представителей основных антиталибских сил — лидеров Северного альянса и пуштунских авторитетов, представленных экс-королем М. Захиршахом. Весьма деятельное участие в работе конференции приняли представители США, их союзников по операции «Несокрушимая свобода», стран региона, Российской Федерации.

5 декабря в результате острых дебатов было подписано межафганское «Соглашение о временных механизмах в Афганистане до восстановления правительственных институтов». Его основные вехи — назначение Временной администрации сроком на 6 месяцев, принятие конституции, выборы Переходной администрации, прямые выборы президента и парламента.

По настоятельной «рекомендации» США (а точнее, под их нажимом) и активнейшей поддержке экс-короля главой Временной администрации был назначен длительное время находившийся в эмиграции в Пакистане и США пуштун, вождь племени Попальзаев из семьи Семизаев Хамид Карзай. Сформировав состав администрации, в которую вошли и лидеры Северного альянса — М. Фахим, А. Абдулла и М. Ю. Кануни, 21 декабря 2001 г. Х. Карзай прибыл в Кабул.

В соответствии с межафганским соглашением, из столицы были выведены отряды Северного альянса, а затем, по мандату СБ ООН (резолюция 1386) сроком на 6 месяцев введены Международные силы содействия безопасности (МССБ) — 4 тыс. военнослужащих из 17 стран. В их обязанности входило содействие афганским вооруженным силам по обеспечению безопасности Кабула и прилегающих районов. 4 января 2002 г. командующий МССБ, британский генерал Д. Маккол и афганский министр обороны М. Фахим подписали Соглашение, предусматривавшее размещение отрядов МССБ и подтвердившее их обязанности. В дальнейшем сроки пребывания МССБ неоднократно продлевались, численность увеличивалась, а зона их ответственности распространилась на всю территорию

страны. С августа 2003 г. командование иностранными воинскими контингентами осуществляется НАТО.

Создание политических, экономических и общественных институтов и становление новой государственности Афганистана в целом происходило при неуклонной, все возрастающей разноплановой вовлеченности США и Запада, поставивших целью направить развитие афганского общества по пути демократии. Свергнутые, но не сломленные талибы и их сторонники — «Аль-Каида», Исламская партия Г. Хекматъяра, пакистанские исламисты, добровольцы, завербованные из мусульманских стран Мухаммедом Сухейлем (создателем «Всемирного фонда джихада»), в течение 2002 г. готовились к борьбе.

В течение 2003–2008 гг. оппозиция сумела распространить свое влияние на значительную часть территории Афганистана. Коалиционные силы и Международные силы содействия безопасности, несмотря на все возросшую численность, не смогли эффективно противостоять ее активности. Беспочвенности иностранных, прежде всего, американских военных, особенно во время обысков и облав, сопровождающихся, как правило, избиениями и арестами ни в чем не повинных людей, значительно укрепили антизападные и антиправительственные настроения населения, традиционно не приемлющего вмешательство «безбожных» иностранцев во внутреннюю жизнь и особенно их военного присутствия. Бурю возмущения не только пуштунов, но и представителей других этносов (составляющих более 45% жителей) вызвали продолжающиеся поныне ракетно-бомбовые удары по населенным пунктам, в результате которых гибли и гибнут многие сотни людей, включая стариков и детей. Только в 2008 г., по данным ООН, жертвами стали 828 мирных жителей. Все это накладывалось на тяжелое экономическое положение страны — более 53% населения находилось за чертой бедности. Огромные средства, предоставлявшиеся с 2002 г. странами-донорами на восстановление экономики (только к весне 2005 г. ими было выделено, по меньшей мере, 4 млрд. долл.), шли, прежде всего, на оплату тысяч заполонивших Афганистан советников, экспертов и консультантов, подчас невысокого уровня и квалификации, их офисов, особняков и машин, часто деньги просто разворовывались или оседали в карманах коррумпированных чиновников.

К тому же (особенно в последние годы президентства Дж. Буша) объемы иностранной помощи неуклонно сокращались. Об этом свидетельствуют официальные документы афганских ведомств и материалы международных конференций по Афганистану. В докладе за 2008 г. «Положение в Афганистане и его влияние на международный мир и безопасность» Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в числе задач, требующих безотлагательного решения, назвал принятие срочных мер для обеспечения Афганистана продовольствием. В том же году афганский вице-президент

совместно с представительством ООН в Кабуле дважды (в январе и июле) обращался с чрезвычайными призывами к странам-донорам оказать помощь миллионам афганцев, в том числе 1,2 млн. детей, которым практически грозил голод.

Рассматривая общую ситуацию в Афганистане в 2008 г., Пан Ги Мун признал ее беспрецедентное ухудшение — участились точечные операции боевиков, их внезапные нападения на густонаселенные пункты, захваты заложников. Особое внимание в докладе было уделено резко возросшему числу терактов. Только с марта по август 2008 г. было совершено 983 теракта (или, как их называют в документах ООН, инцидентов, угрожающих безопасности), что стало самым высоким показателем со времени ввода иностранных войск и составило 44-процентное увеличение по сравнению с теми же месяцами 2007 г.

Ухудшающееся экономическое положение сельского и городского населения, мздоимство чиновников, глумление иностранцев над исламскими святынями, непосредственно над пророком Мухаммедом и Кораном, побуждали все большее число афганцев (как пуштунов, так и непуштунов) поддерживать талибов и их сторонников, участвовать в многочисленных акциях протеста — митингах и демонстрациях, пополнять ряды боевиков¹.

К 2009 г. не только влияние, но и присутствие вооруженной оппозиции распространилось на подавляющее большинство провинций. Однозначно оценивая контрпродуктивность линии Дж. Буша, новый президент США Б. Обама выступил со стратегией по «Аф-Паку». 27 марта 2009 г. Б. Обама озвучил ее ключевые направления, признав необходимость взаимосвязанности обеспечения безопасности двух стран. Первые восемь месяцев его президентства США действовали в фарватере линии Дж. Буша.

Летом 2009 г. ситуация в Афганистане еще больше обострилась, что во многом было связано с реакцией афганцев на подготовку, проведение и результаты президентских выборов. Известия, поступившие из Пентагона и непосредственно от генерала С. Маккрystalа, назначенного в начале июня командующим Коалиционными силами и Международными силами содействия безопасности, свидетельствовали о том, что без неотложного внесения перемен в оперативные задачи и тактику США грозит увязнуть в Афганистане без всяких гарантий на победу над оппозицией. Подобные заявления, дополняющие оценки положения в стране Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, поставили американскую администрацию перед необходимостью проанализировать сложившуюся ситуацию и коренным образом пересмотреть стратегию на афганском направлении в целом².

1 декабря 2009 г., выступая с обращением к нации в академии Вест-Пойнт, Б. Обама обозначил новые приоритеты стратегии США в Афганистане³. Им было признано, что война в Ираке, потребовавшая значительной концентрации людских и материальных ресурсов⁴ в ущерб усилиям на аф-

ганском направлении, и сложившаяся ситуация в ИРА побуждают США увеличить численность воинского контингента и добиваться расширения военного присутствия в стране союзников по операции «Несокрушимая свобода». Одновременно Б. Обама особо подчеркнул, что их основной задачей, помимо ликвидации «Аль-Каиды» и нейтрализации наступательного потенциала талибов, станет обучение афганских вооруженных сил и полиции и их подготовка к самостоятельному обеспечению безопасности страны с тем, чтобы уже в июле 2011 г. приступить к сворачиванию войск. К тому же сложившаяся ситуация привела США, их союзников и руководство Афганистана к необходимости широко развернуть и активизировать курс на национальное примирение, продвигавшееся с 2005 г. Независимой Национальной комиссией по вопросам примирения и реинтеграции во главе с С. Моджаддеди⁵. Столь коренной поворот афганской политики США явился результатом трезвой оценки Вашингтонном сложившегося положения. Предсказуемость принятых президентом Б. Обамой решений связана, кроме всего прочего, с ростом потерь американских военнослужащих, погибших или скончавшихся от ран, и значительно уменьшившейся поддержкой общественностью стран — членов НАТО афганской войны: в июне 2009 г. за продолжение участия в военных действиях высказались 11% респондентов Великобритании, не более 7–4% Германии, Франции, Италии и Нидерландов⁵. В этих условиях вопрос если не о прекращении, то, во всяком случае, об ограничении участия военнослужащих этих стран в афганской кампании неизбежно становился важной темой острых политических дискуссий. При всем различии во взглядах руководства названных государств относительно конкретного наполнения миссии в Афганистане цементирующим фактором, обеспечивавшим ее продолжение, была их приверженность идее демократического переустройства афганского общества. Президентские выборы, состоявшиеся 20 августа 2009 г., нанесли этой идее серьезнейший удар. Выявленные в их ходе огромные нарушения продемонстрировали, что, несмотря на весь объем средств, задействованных международным сообществом, добиться сколько-нибудь значимого прогресса на пути создания в Афганистане государственной системы, построенной по западным стандартам, не удалось. Европейские наблюдатели выявили порядка 1,1 млн бюллетеней, поданных за Х. Карзая, сфальсифицированными⁶. Разумеется, для США и их союзников признание недемократичности выборов — ключевого института становления новой афганской государственности — было бы однозначно оценено как «явка с повинной» и провал «афганского эксперимента» со всеми соответствующими последствиями для их политического истеблишмента. Исходя из этого, Запад, стремясь «сохранить лицо», признал выборы состоявшимися и легитимность Х. Карзая. Однако полностью замолчать щекотливость ситуации США не сумели: отпра-

ленный в отставку 30 сентября заместитель представителя Генерального Секретаря ООН по Афганистану П. Гэлбрайт, объясняя причины своей отставки в интервью корреспондентам «Таймс» и «Вашингтон пост», сообщил, что не был готов соучаствовать в сокрытии или попытках занижить масштабы нарушений во время выборов⁷.

В этих условиях, когда прежние заявления стран НАТО о приоритете демократических идеалов над позицией общественности по сути утратили моральную ценность, курс на вывод войск, ранее выдвигавшийся Нидерландами и Канадой, стал необратимым и для других участников операции «Несокрушимая свобода».

Основные положения стратегии Б. Обамы о сворачивании военного присутствия и активизации процесса национального примирения нашли поддержку на международной конференции в Лондоне (28 января 2010 г.), на которой выступил Х. Карзай, на неформальной встрече министров иностранных дел стран НАТО в Таллине (21–23 апреля), а затем подтверждены на Международной конференции в Кабуле (20 июля). Тогда же была принята Программа национального примирения и реинтеграции, а срок окончания вывода иностранных войск перенесен на конец 2014 г.⁸

Получив таким образом «карт-бланш» от западных партнеров и афганского руководства на реализацию новой стратегии, Вашингтон, казалось бы, приобрел широкое пространство для маневра и проведения заявленного курса. Однако ряд внутриафганских и региональных проблем поставили США перед необходимостью корректировки подходов к решению основных задач.

Во-первых, силовое давление на вооруженную оппозицию оказалось не столь эффективным, как полагалось ранее, и не внесло существенных изменений в соотношение сил, несмотря на увеличение численности контингента КС и МССБ⁸. Тактика преимущественного задействования спецподразделений для ликвидации лидеров оппозиции и минимизации разрушений в ходе боевых операций несколько способствовала сокращению жертв среди мирных жителей и, на первый взгляд, создавала видимость верных шагов на пути к завоеванию умов и сердец простых афганцев. Однако такой подход, в силу своей самоограниченности, имел довольно скромные результаты в достижении основной задачи — уже не искоренения терроризма, как заявлялось в 2001 г., а ослабления оппозиции. В полной мере это проявилось при реализации антитеррористических операций «Моштарак» (охватившей лишь два уезда провинции Гильменд) и «Шефаф» на севере страны. Потери талибов оказались незначительными и не смогли существенно ограничить их боевой потенциал. Избранная тактика фактически вылилась в «выдавливание» боевиков в относительно стабильные районы. В итоге оппозиция получила дополнительные возможности и импульс к расширению своей географической представленности. Более того, в Гильменде, несмотря на за-

явленную цель — обеспечить ведущую роль афганских вооруженных сил, — добиться этого США не смогли. Афганские военные, по признанию иностранных специалистов, оказались неспособны действовать самостоятельно — им не хватило вооружения, логистического обеспечения и профессионализма⁹.

Во-вторых, над американской политикой, как и прежде, довлеет «пакистанский фактор». Как известно, Афганистан традиционно рассматривался как важный элемент стратегии Пакистана по обеспечению его безопасности. Это, в частности, выражалось и выражается в стремлении Исламабада не допустить наращивания влияния Индии в Афганистане, а также в регионе в целом¹⁰. Проблема для Вашингтона состоит ныне и в том, что Исламабад сохранил инструментарий продвижения своих интересов на афганском треке, задействованный еще в 80-х гг. прошлого века — использование сил вооруженной оппозиции, опирающейся на пакистанскую поддержку. Речь, прежде всего, идет о весьма активной действующей против КС, МССБ и афганских воинских подразделений т. н. «сети С. Хаккани». Без нейтрализации подобных группировок, как считают в Вашингтоне и Кабуле, стабилизация обстановки в Афганистане практически невозможна¹¹.

Инфильтрация экстремистов из Пакистана неуклонно возрастала. Командование НАТО увеличило число полетов беспилотников для нанесения ракетно-бомбовых ударов в районы дислокации боевиков в Северном и Южном Вазиристане. Эти удары, несколько сократив их активность, привели к жертвам среди мирных жителей, что вызвало весьма болезненную реакцию пакистанского руководства и общественности. Президент Пакистана А. А. Зардари не раз обращался к США и НАТО с просьбами либо прекратить полеты беспилотников, либо передать их пакистанской стороне и использовать совместно¹². Подобная ситуация во многом усложняла американо-пакистанские и афгано-пакистанские отношения. Обстановку не смягчил инициированный Вашингтоном трехсторонний саммит (США, Афганистан, Пакистан), состоявшийся 6–7 мая 2009 г.

Озабоченность Вашингтона и Кабула вызывает и активизация боевиков кашмирской пропакистанской экстремистской группировки «Лашкаре Тойба». По официальным данным афганских органов безопасности, эта группировка причастна к ряду терактов, включая взрыв в Кабуле 26 февраля 2010 г. По свидетельству индийских и афганских источников, экстремисты причастны и к другим крупным терактам, в результате которых погибли граждане Индии, например, к нападению на посольство Индии в Афганистане и захвату индийских специалистов в заложники на строительстве автотрассы Диларем — Зерендж¹³.

В силу целого ряда разноплановых внутренних и региональных причин пакистанский фактор оказывает и, видимо, будет и впредь оказывать негативное влияние на реализацию стабилизационных усилий США

и американо-пакистанские отношения в целом. Весьма показателен в этом плане перенос на неопределенное время визит Б. Обамы в Пакистан.

Оценивая обстановку в Афганистане и вокруг него, США ни в коей мере не могут обходить вниманием и позицию Ирана. При всей многовекторности внешней политики Тегерана отношения с Кабулом неизменно остаются одним из ее приоритетов. Ныне они определяются нахождением в стране иностранных воинских контингентов и продвижением Программы национального примирения и реинтеграции. В этих условиях для Ирана является жизненно важным поддержание активного диалога с Афганистаном и постоянного мониторинга происходящих там событий. При этом ИРИ, ни в коей мере не заинтересованная допустить внешнего, в первую очередь, американского «посредничества» в ее контактах с Кабулом, продвигает тезис о приоритете регионального решения афганской проблемы, заявленный Тегераном, в частности, на трехстороннем ирано-пакистано-афганском саммите в мае 2009 г. Показателем стремления закрепить региональный механизм стабилизации стала и инициированная Тегераном встреча «тройки» — ИРИ, ИРА и Таджикистана, — основывающаяся на тесном языковом и историко-культурном родстве их народов. При этом Тегераном, как видится, подводился под этой встречей и экономический фактор. Вряд ли приходится сомневаться, что подобная «тройка» вызывает существенное отторжение у западных «кураторов» происходящих в ИРА процессов.

Вашингтон не может обходить вниманием и отмечаемое в последнее время стремление Тегерана к диалогу с участниками стабилизационного процесса в Афганистане. Речь, в частности, идет о направлении иранского дипломата М. А. Канизаде на девятую по счету посвященную Афганистану встречу специальных представителей США и 43 других государств, включая союзников Вашингтона по НАТО, Индию и Китай¹⁴. Напомним, что идея формирования института спецпредставителей по Афганистану и Пакистану была выдвинута администрацией Б. Обамы, назначившего на этот пост в начале 2009 г. ныне покойного Р. Холбрука. При этом официальный Тегеран не пошел тогда на учреждение аналогичной должности, очевидно, полагая, что участие иранской стороны в регулярно проводимых с апреля 2009 г. встречах спецпредставителей сузит возможности Ирана по проведению самостоятельной политики на афганском треке.

Как представляется, одной из ключевых причин такого шага Ирана явилась тематика упомянутых встреч, поскольку их участники уделяли основное внимание проблемам «афганизации» стабилизационных усилий в Афганистане, включая передачу афганским вооруженным силам ответственности за обеспечение безопасности его территории от иностранного военного присутствия.

Ныне, назначив своего спецпредставителя с возможной опорой, по крайней мере, на благожелательную позицию Китая, Индии и некоторых

арабских стран Персидского залива, Тегеран в принципе сможет поставить на обсуждение вопрос о переформатировании процесса национального примирения с уделением внимания переговорам не только с талибами, дислоцирующимися в афгано-пакистанском приграничье, но и с другими оппозиционными Кабулу группировками, в том числе включающими в себя ориентирующихся на шиитский Иран шиитов Афганистана. Даже в отсутствие механизма консенсусного принятия спецпредставителями обязательных для их стран решений Тегеран способен в определенной мере подорвать продвигаемый США тезис о единстве подходов всех участников стабилизационного процесса в Афганистане. Дальнейшая конструктивность иранской политики на афганском направлении в данном вопросе, на наш взгляд, будет зависеть от уровня соответствующего настроения со стороны как ИРИ, так и США и их партнеров.

Существует и другой потенциально серьезный вопрос: в западные СМИ просочилась информация о том, что администрация Х. Карзая в течение нескольких лет являлась получателем финансовых средств из Ирана. Примечательно, что данная Х. Карзаем аргументация причин получения от ИРИ средств в принципе не вызывает особых сомнений в ее логичности. В частности, им было отмечено, что и другие страны также задействуют подобные механизмы оказания Афганистану такого содействия, а иранские деньги направлялись на поддержку населения, хотя объективно и стимулировали укрепление афгано-иранских отношений.

Имевшая место раздраженная реакция Запада по данному вопросу, как видится, не обусловлена сколько-нибудь серьезными возможностями Ирана войти таким образом в круг государств, оказывающих Афганистану серьезную финансовую помощь, и соответственно обеспечить наращивание весьма значимого влияния в этой стране. Совершенно очевидно, что в условиях сохраняющегося в Афганистане военного присутствия США и их союзников их рычаги воздействия на Кабул неизмеримо более значимы, нежели пусть и подкрепляемые финансовым содействием и культурно-языковой близостью иранские.

Речь, вероятно, идет о том, что всплывшее на поверхность и ранее известное стремление Ирана обеспечить определенную стабильность на своих восточных границах путем стимулирования проиранских настроений в администрации Х. Карзая чревато нарушением долго выстраивавшей Вашингтоном региональной системы отношений, ориентированной на поддержку американских стабилизационных планов в Афганистане. Все это в Вашингтоне не могут не учитывать.

На афганском треке США ныне не обходят вниманием и ряд иных моментов. Например, стал все более заметным их отход от «демократизаторских» лозунгов в пользу более прагматичного курса, не отягощенного задачами развития афганского общества по пути демократии. Широко

известны высказывания западных, в том числе американских политологов и политиков, не исключая Х. Клинтон, о том, что в последнее время ислам сосуществует с демократией.

Что касается линии Вашингтона в отношении Кабула, то нельзя также не заметить нередко высказываемую США неудовлетворенность функционированием афганских властей и непосредственно Х. Карзаем и его командой. Речь идет не только о коррупции, остром противоборстве в парламенте и во властных структурах в центре и на местах, но и резко ухудшении экономической и военно-политической ситуации в целом.

Обвиняя афганского президента во всех грехах, США, несомненно, лукавят. Выстраивая свой курс в отношении Афганистана, вашингтонские стратеги безосновательно полагали, что создание юридической основы институциональной базы демократических преобразований, политическая поддержка, экономическая помощь и массивное военное давление (иначе не скажешь) позволят сформированным при непосредственном участии США новым властям вот так, за несколько лет, решить весь комплекс сложнейших проблем, снизу доверху пронизывающих афганское общество, и направить его развитие по пути чуждой ему демократии и, что особенно важно, укрепить свои позиции в регионе. Этого не произошло и не могло произойти. Как при активнейшей поддержке моджахедов в их борьбе против режима НДПА, а затем оказании разнопланового содействия взращивавшимся в Пакистане талибам, так и ныне Вашингтон и его союзники не поняли и не учли афганских реалий: фрагментарности Афганистана, серьезнейших этноконфессиональных проблем, феномена пуштунских племен в самой стране и в афгано-пакистанском приграничье с их неизменной силовой составляющей, приверженностью как пуштунов, так и непуштунов к веками установившимся нормам ислама и традиций в социально-экономической и политической жизни, неприятием любого иностранного вмешательства во внутренние дела и тем более военного присутствия. И наконец, что очень важно, в Вашингтоне не учли уроков истории. В результате США получили то, что получили. Их просчет нанес огромный ущерб Афганистану, его народу, не говоря об ударе по самим американцам, и серьезно обострил ситуацию в регионе. Теперь США и их союзники ищут выход из тупика, в который сами себя загоняли в течение всех прошедших лет.

Итак, ныне мы видим четко сформулированную цель — сворачивание иностранного военного присутствия в Афганистане и, по существу, довольно эфемерное представление о параметрах его реализации. Как будут далее развиваться события в Афганистане и вокруг него, предсказать весьма сложно. В этом уравнении слишком много неизвестных. Как видится, ключевым элементом модификации стратегии США станет и уже практически стало их стремление строить свой курс на сочетании мер по ак-

тивизации национального примирения, продолжения вооруженной борьбы с непримиримой экстремистской оппозицией и подготовкой афганской национальной армии и полиции к самостоятельному обеспечению безопасности. Однако уже сейчас более чем очевидно, что для успешной реализации Программы национального примирения и реинтеграции необходимы проработка и уточнение ряда ее основных положений, касающихся:

— механизмов обеспечения безопасности замирившихся талибов и их трудоустройства;

— подходов к ослаблению этнорелигиозного противостояния, межплеменных и межклановых противоречий;

— определения параметров исключения членов вооруженной оппозиции из санкционного списка комитета 1267 СБ ООН¹⁵ и т. п.

Все это требует длительной, кропотливой, поистине ювелирной работы. Любой опрометчивый шаг на этом пути чреват новой трагедией и кровопролитием.

Что касается оперативных задач, стоящих перед США/НАТО на ближайшую перспективу, то они были определены на специальном совещании в Пентагоне, состоявшемся в середине декабря 2010 г. Как сообщалось в печати, среди них обозначены постулаты о продолжении «охоты», прежде всего на Усаму бен Ладена и его ликвидацию, что и было, как мы знаем, реализовано в начале мая 2011 г. При обсуждении дальнейших планов военных действий участники совещания, отмечая некоторый рост потенциала афганских вооруженных сил, тут же делали оговорки, что достигнутые ими успехи могут легко обратиться вспять, если потоки боевиков из Пакистана не будут остановлены¹⁶.

Учитывая сложившуюся ситуацию, председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал М. Муллен, назвав 2014 г. «комфортальной датой», тут же заявил, что делать прогнозы на 4 года вперед практически невозможно¹⁷.

Ныне сложность обстановки в регионе значительно возросла в связи с беспрецедентным обострением ситуации на всем Ближнем Востоке и, в частности, в Ливии. Напомним, что в составе отрядов боевиков вооруженной оппозиции в Афганистане активно действуют выходцы из этой страны.

О том, насколько чревата взрывом обстановка в стране и в афгано-пакистанском приграничье, несомненно свидетельствуют события весной 2011 г. в Мазари-Шарифе, Кандагаре и ряде городов Пакистана. Это не могут не учитывать вашингтонские и натовские стратеги. Не случайно США и их союзники продвигают ныне идею о созыве конференции «Бонн-2» по Афганистану. В обращении к нации 22 июня с. г. президент Б. Обама был вынужден объявить о начале поэтапного сокращения военного присутствия американских войск в стране, а затем сместил Р. Гейтса с поста министра обороны. Весьма показательны, что заменивший его Р. Пинетта

ранее возглавлял ЦРУ. Как только афганские вооруженные силы будут готовы, заявил далее Б. Обама, им будет передана полнота ответственности за обеспечение безопасности страны. Масштабы и темпы вывода войск определятся на саммите НАТО в Чикаго в мае 2012 г. Однако весьма сомнительно, что в ближайшей перспективе необходимый уровень подготовки афганских армии и полиции может быть осуществлен. Союзники США по операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане еще ранее приступили к сворачиванию своих воинских контингентов¹⁸.

Учитывая сложившуюся в течение последних десятилетий обстановку в Афганистане и вокруг него в целом, есть все основания полагать, что вывод войск, если это и произойдет, не приведет к установлению мира и спокойствия на афганской земле. Напомним в этой связи об обострении внутриафганской борьбы после вывода из Афганистана советских войск.

Конфликтный потенциал в стране питает (и питал ранее) не исключительно присутствие иностранных войск, а комплекс весьма далеких от решения сложнейших глубинных внутривнутриполитических (в том числе этнорелигиозных) и социально-экономических проблем. Совершенно очевидно, что только учет их взаимосвязи и взаимозависимости сможет определить оптимальные подходы к стабилизации афганской ситуации в целом. Едва ли есть основания полагать, что администрация Б. Обамы ныне к этому готова.

Примечания

¹ См. об этом подробнее: Арунова М. Р. Афганская политика США и интересы России. — Формирование образа России в контексте афганского кризиса. М., 2010, с. 3–18.

² General Assembly, sixty-third session. Report of the Secretary General. «The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security». 2008, с. 2–4. См. об этом подробнее: Арунова М. Р. Афганистан сегодня. — Афганский кризис. М., 2010, с. 11–12.

³ President address to the Nation, U.S. Military Academy at West Point. См. подробнее: Арунова М. Р. Афганская политика США, с. 8–9.

⁴ Согласно приводимым Е. М. Примаковым данным, каждые три месяца иракской кампании США тратили порядка 50 млрд. долл. (см.: Примаков Е. М. Мир без России? М., 2009, с. 81).

⁵ См. об этом подробнее: Осипов В. И. Базовые факторы, детерминирующие динамику формирования образа России в Афганистане. — Формирование образа России в мире, с. 257–258; German Marshall Fund of the United States — (<http://www.gmfus.org/trends/2010/pressinfo.html>).

⁶ Данные о фальсификации хода выборов широко публиковались в западной прессе. См., например: The Telegraph, 16.X.2009.

⁷ The Times, 2.X.2009; The Washington Post, 4.X.2009.

⁸ Напомним, что иностранные воинские контингенты, размещенные в ИРА, состоят из Коалиционных сил, не имеющих мандата ООН и введенных США на основании использования права на самооборону, предусмотренного Уставом ООН (пункт 51) и Международных сил содействия безопасности, находящиеся в Афганистане в соответствии с мандатом ООН, изначально установленным резолюцией Совета Безопасности ООН № 1386 2001 г. Численность КС не раскрывается, видимо, по причине преимущественного задействования в них спецподразделений, численность МССБ — 130 432 человека (на начало 2010 г.), из них американцев — 90 тыс. человек (источник — официальный сайт НАТО, www.isaf.nato.int/en/troopcontributing-nations/index.php). Первоначально в Афганистан по линии МССБ было введено 4 тыс. военнослужащих из 17 стран. С 2003 г. командование КС и МССБ осуществляется НАТО.

⁹ См. об этом подробнее: Арунова М. Р. Афганская политика США, с. 9–11.

¹⁰ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шамян Т. Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. Политика Пакистана и Индии в афганском вопросе, с. 279–323; Пойя Самеулла. Роль афгано-пакистанских отношений в урегулировании афганского кризиса. — Формирование образа России в мире, с. 270–290.

¹¹ Белокреницкий В. Я. Особенности внешнеполитического процесса в современном Пакистане. — Ближний Восток и современность, вып. 41. М., 2010, с. 182.

¹² Там же.

¹³ Омар Нессар. Региональное соперничество и террористическая активность на Среднем Востоке. — Формирование образа России, с. 241–248.

¹⁴ С 2011 г. в этих встречах принимает участие спецпредставитель РФ — Чрезвычайный Полномочный посол З. Н. Кабулов.

¹⁵ Комитет по санкциям против «Аль-Каиды» и движения Талибан был учрежден СБ ООН 15 октября 1999 г. после принятия резолюции 1267 в целях надзора за осуществлением решений, принятых СБ ООН в отношении названных в этом документе лиц (см. резолюции СБ 1333 (2002 г.), 1390 (2004 г.), 1617 (2005 г.), 1730 (2006 г.), 1822 (2008 г.), 1904 (2009 г.). Резолюции обязывают государства заморозить денежные средства и другие финансовые активы или экономические ресурсы лиц и организаций, связанных с движением Талибан, «Аль-Каидой» и У. бен-Ладеном, предотвращать их въезд на свою территорию и транзит через нее, а также прямую или косвенную продажу или передачу им оружия, военного имущества, техническое консультирование, оказание помощи и обучение, связанное с военной деятельностью. На июнь 2010 г. в списке названы 137 физических лиц.

¹⁶ Christian Science Monitor, 16.XII.2010.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Нидерланды уже в августе 2010 г. начали выводить свои войска. О намерении предпринять аналогичные шаги в 2011 г. заявила Канада. Наиболее близкой США позиции придерживается Лондон. В ноябре 2010 г. начальник Генштаба ВС Великобритании генерал Д. Ричардс отклонил возможность сокращения воинского контингента в ИРА ранее 2012 г. (The Sun, 8.XI.2010).

Омар Нессар

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СЕТИ СНАБЖЕНИЯ ПОСТАВОК НАТО В АФГАНИСТАН

Инфраструктура снабжения военной группировки Запада в Афганистане является важнейшим фактором, обеспечивающим присутствие сил США и НАТО в регионе. От надежности и эффективности этой инфраструктуры в решающей мере зависит успех международной контртеррористической операции в Афганистане.

Проблематика безопасности инфраструктуры снабжения западного контингента под Гиндукушем становится все более значимой. Она превращается в один из критериев при определении стратегических партнеров западной коалиции, борющейся с Талибан. В частности, именно этот фактор «инфраструктурного сотрудничества» являлся одной из главных причин присвоения Пакистану статуса «стратегического союзника» США в борьбе с терроризмом после начала «афганской миссии».

Согласно экспертным оценкам, до 2009 г. через территорию Пакистана («южный транзитный коридор») в Афганистан проходило около 85% грузов НАТО. Обеспечение транзита грузов для западной коалиции стало не только крупным источником доходов для Исламабада, но и политическим рычагом, с помощью которого пакистанская сторона оказывала давление на Кабул, Вашингтон и Брюссель. Следует отметить, что наряду с «южным транзитным коридором» с 2001 г. — момента начала операции США и НАТО в Афганистане — действовал дополнительный воздушный коридор, одним из элементов которого была (и остается до сих пор) авиабаза Манас в Киргизии.

В январе 2008 г. инициаторы афганского проекта НАТО — Соединенные Штаты Америки — объявили о намерении перебросить в южные районы Афганистана дополнительные резервы. Несколькими годами раньше в столицах западных государств пришли к выводу, что для перелома ситуации в Афганистане необходимо начать работу по ликвидации тыловой инфраструктуры Талибан и «Аль-Каиды», находящейся за пределами страны (прежде всего, речь идет о северо-западных провинциях Па-

кистана). Именно в это время ряд экспертов заявили о возможном начале «Вазиристанской операции» США уже на пакистанской территории. Результатом этих корректировок планов США и НАТО в Афганистане стало нарастание давления на инфраструктуру снабжения (сеть поставок) для контингента ISAF.

В 2008 г., после переброски дополнительных сил США в южные и восточные районы Афганистана, участились атаки американских беспилотников на позиции боевиков в районе Вазиристана, что не всегда положительно воспринималось в Исламабаде. Пакистанские военные и политики все чаще осуждали попытки иностранных сил преследовать талибов и боевиков «Аль-Каиды» на пакистанской территории.

В первой половине 2008 г. талибы и их союзники усилили террористическую активность на важнейших транспортных маршрутах на юге и востоке страны (города Кандагар и Джелалабад), через которые проходит транзит военных грузов и ГСМ из Пакистана для западного контингента в Афганистане. Уязвимость наземного транзита показала мощная диверсия, осуществленная талибами 23 марта 2008 г. В результате этой акции (подрыв двух заранее заложенных взрывных устройств) на пропускном пункте приграничного города Торкхам были полностью уничтожены свыше 30 бензовозов с топливом для нужд вооруженных сил Североатлантического альянса в Афганистане. В общей сложности пострадало около 60 бензовозов.

По мнению экспертов, если бы талибы смогли провести серию таких удачных террористических актов, то поставки ГСМ для сил НАТО в Афганистане были бы фактически прекращены. Акция талибов, проведенная в марте 2008 г., стала началом реализации стратегии нанесения систематических ударов по инфраструктуре снабжения западной коалиции. С тех пор основной целью талибов становятся автоколонны с ГСМ. А как известно, в условиях дефицита топлива маловероятно проведение масштабных и успешных боевых операций.

Примерно в это же время появились первые сообщения о возможном увеличении численности воинского контингента США в Афганистане с последующим проведением крупномасштабных наземных операций на юге страны. Для успеха этой операции необходимо было не только увеличить западный военный контингент в Афганистане, но и обеспечить его всем необходимым — продовольствием и обмундированием.

Планировать крупномасштабные операции в приграничных с Пакистаном районах (а возможно, и на территории Пакистана) в условиях полной зависимости в вопросе снабжения от Исламабада для Запада было самоубийственным. Силы коалиции начали поиск альтернативного маршрута снабжения. 4 апреля 2008 г. Североатлантическому альянсу удалось договориться с Россией о создании «северного транзитного коридора» для обеспечения операций в Афганистане. В ходе заседания Совета

Россия — НАТО в Бухаресте Москва согласилась с просьбой Североатлантического альянса разрешить транзит грузов невоенного характера по российской территории в Афганистан. Договоренности предусматривали доставку грузов в Афганистан через территории России, Казахстана и Узбекистан¹.

В июле 2009 г. президенты России и США Дмитрий Медведев и Барак Обама подписали соглашение о военном транзите в Афганистан. Документ предусматривал как наземный, так и воздушный транзит грузов в Афганистан. Стоит отметить, что до этого между Россией и рядом отдельных европейских государств действовали отдельные соглашения о транзите военных и невоенных грузов, предназначенных для снабжения афганской группировки. Соглашение между Москвой и Вашингтоном по афганскому транзиту стало одним из основных элементов политики «перезагрузки» и предусматривало до 4500 полетов через российское воздушное пространство с целью доставки грузов военного назначения: оружия, боеприпасов, военного транспорта и запчастей².

По официальной информации, первая партия невоенных грузов Пентагона была доставлена через Россию в Афганистан в марте 2009 г.³, а первый рейс военного груза — в августе 2009 г. В конце 2009 г. американские военные сообщили о том, что за 11 месяцев в Афганистан было доставлено через «северный коридор» 5 тысяч контейнеров с грузами. После начала работы «северного коридора» Пентагон поблагодарил Россию за «существенный вклад» в усилия по обеспечению безопасности и стабильности в Афганистане.

Тем не менее, противоречивые заявления официальных лиц России⁴, США⁵, НАТО и Афганистана, сделанные в 2008–2009 гг., говорят о том, что «северный транзитный коридор» заработал в полной мере только в 2010 г. В частности, в начале 2010 г. в Вашингтоне заявили, что российско-американское соглашение по транзиту в Афганистан не работает из-за бюрократических препятствий со стороны Москвы. Представители российских властей, в свою очередь, указывали на несвоевременное согласование документов со стороны НАТО с Узбекистаном и Таджикистаном⁶. Однако эксперты считают, что причина сбоя была вовсе не в бюрократических препятствиях.

В интересах России было бы осуществление полного контроля над «северным транзитным коридором», например, в рамках ОДКБ, членами которой являются, в том числе, страны-транзитеры — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан. Но похоже, что в США с этим стремлением российской стороны не хотели считаться. Пока официальные представители России и США выясняли причины сбоя в работе транзита, в прессе появилась информация о возможных альтернативных пакистанскому и российскому коридорам путей снабжения войск НАТО в Афганистане.

В частности, упоминалось о «каспийском коридоре» через Грузию, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан⁷. Также эксперты заговорили об «иранском коридоре»⁸.

Сложно сказать, повлияло ли стремление США начать поиск альтернативных российскому транзиту путей на изменение позиции Москвы. Скорее всего, определенную роль в том, чтобы «северный транзитный коридор» заработал в полной мере, сыграла дипломатическая активность американских военных. Напомним, что Дэвид Петреус в качестве командующего Центральным командованием США в 2009–2010 гг. неоднократно посещал Казахстан, Узбекистан и Таджикистан. Впоследствии со всеми названными государствами — членами ОДКБ — были подписаны отдельные соглашения по сотрудничеству в сфере перевозок грузов, что, по-видимому, устранило все «бюрократические препятствия» на пути реализации российско-американского соглашения по транзиту.

«Северный транзитный коридор» (Северная сеть поставок) освободил США и НАТО от зависимости транзитной монополии Исламабада. Очевидно, и по этой причине произошла активизация сил западной коалиции в районе афгано-пакистанского пограничья. В сентябре 2010 г., после вторжения вертолетов США на территорию Пакистана, Исламабад в качестве ответной меры закрыл перед колоннами снабжения НАТО приграничный пункт Торкхам. Однако представитель Североатлантического альянса в Кабуле Йозеф Блотц заявил, что закрытие Торкхама для Альянса не смертельно и что НАТО опирается теперь на «северный коридор».

«Северный транспортный коридор» действительно уменьшил зависимость западных войск, находящихся в Афганистане, от пакистанской транзитной монополии. Однако усиление значимости «Северной сети поставок» спровоцировало появление новых угроз и вызовов для системы региональной безопасности.

Как показывает анализ событий на севере Афганистана, начало функционирования «северного транзитного коридора» привело к ухудшению военно-политической ситуации в ранее спокойных северных афганских провинциях. Так, на одно из главных звеньев нового транспортного коридора — провинцию Кундуз талибы обратили внимание сразу же после договоренностей США и России о транзите⁹.

Таким образом, последовавшее за открытием «северного транзитного коридора» ухудшение обстановки на севере Афганистана имело и свои издержки — оно вынудило силы НАТО воевать с талибами не на одном — южном фронте, как это было до 2009 г., а сразу на двух фронтах — теперь еще и северном. Впрочем, эти издержки будут с лихвой компенсированы, если западной коалиции во главе с США удастся достичь долгожданного перелома в борьбе с Талибан и «Аль-Каидой» в Афганистане.

Примечания

¹ <http://www.afghanistan.ru/doc/11746.html>

² http://www.bbc.co.uk/russian/international/2009/10/091009_us_russia_afghan_transit.shtml

³ http://www.gazeta.ru/news/lenta/2009/03/17/n_1342097.shtml

⁴ <http://www.newsru.com/russia/24jan2009/rogozin.html>

⁵ <http://www.newsru.com/world/04feb2010/volokita.html>

⁶ <http://www.newsru.com/russia/24jan2009/rogozin.html>

⁷ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=db6e1646-7dab-4ce9-9f38-699c3aeb288b&docsid=1109165>

⁸ <http://www.afghanistan.ru/doc/14173.html>

⁹ Еще в 2008 году, с учетом того, что одной из главных целей талибов является удар по инфраструктуре снабжения сил НАТО, эксперты Центра изучения современного Афганистана (ЦИСА) прогнозировали перемещение фокуса боевых действий на север страны.

У. В. Окимбеков

СОСТОЯНИЕ АФГАНСКОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ В ПОСТТАЛИБСКОМ ПЕРИОДЕ

История развития энергетической отрасли независимого Афганистана тесно связана с появлением фабрично-заводской промышленности и современных агропромышленных предприятий в сельскохозяйственных районах этой страны. Для строительства электростанций и производства электроэнергии в целях потребления на бытовом уровне в начале XX в. у государства не было необходимых ресурсов, а национальный частный капитал из-за ее нерентабельности не был заинтересован в подобных капитальных вложениях. Поэтому до обретения Афганистаном независимости единственная гидроэлектростанция в стране, построенная в начале XX в., имела в Джабаль-ус-Сирадже. В 1907 г. правительство начало работы по увеличению ее мощности с 500 до 1,5 тыс. кВт, однако работу завершили лишь через 12 лет¹. Вторично мощность данной ГЭС была увеличена в 1939 г. до 2,84 тыс. кВт.

Поскольку в 40-х гг. в Афганистане ни одной новой станции не было построено, 50-е гг. можно условно называть второй фазой в истории развития этой отрасли. Еще до разработки и реализации первого пятилетнего плана были построены несколько новых электростанций.

По итогам первого пятилетнего плана в стране были сооружены 3 ГЭС, 10 ТЭС и несколько более мелких электростанций общей мощностью в 32,8 тыс. кВт, что более чем в два раза превышало показатели 1950 г. О вкладе первой пятилетки в развитие национальной энергетической системы может говорить то, что установленная мощность всех электростанций к 1963 г. выросла до 61 тыс. кВт².

Иными словами, по итогам первой пятилетки общая установленная мощность всех электростанций выросла в 3,7 раза, ГЭС — в 4 раза, ДЭС — в 2,7 раза и ТЭС — в 3,2 раза. ГЭС составляли основу энергетического потенциала страны, на их долю в 1956 г. приходилось 72% от общей установленной мощности; к 1962 г. их доля немного выросла

и составила 78%, доля ДЭС снизилась с 18 до 14% и ТЭС — с 10 до 8% соответственно.

Таблица 1

Установленная мощность электростанций (кВт/ч)

Годы	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962
ГЭС	11720	33720	33720	36720	38120	47820	47820
ДЭС	3100	3350	5051	6367	6367	6734	8389
ТЭС	1510	1510	1510	1510	4810	4810	4810
Всего	16330	38580	40281	44597	49297	59364	61019

Источник: Survey of progress (1962–1964). Afghanistan, The Ministry of planning. Kabul, 1964, с. 135.

Строительство относительно крупных ГЭС в 60-х и 70-х гг. в несколько раз увеличило как производственный потенциал электростанций, так и объем выработки электроэнергии в стране. В их числе можно назвать ГЭС «Махипар», «Саруби», «Дарунта» и «Наглу».

Совокупная установленная мощность электростанций по состоянию на 1978 г. составила 396 МВт/г. К этому времени население многих центральных городов и районов получило доступ к электроэнергии, но самым крупным потребителем оставались промышленные предприятия, на долю которых приходилось 45% потребления вырабатываемой в стране электроэнергии. Около 35% шли на удовлетворение потребностей коммунально-бытового сектора, а остальная часть — на нужды прочих потребителей³.

Производство электроэнергии на душу населения в начале 60-х гг. составило 7,3 кВт/ч⁴, и по данному показателю Афганистан находился на одном из самых последних мест среди развивающихся стран. Расчеты, полученные на основе статистических данных конца 70-х гг., показывают, что в 1979 г. данный показатель вырос многократно и равнялся 58,5 кВт/ч⁵ (по другим данным — 53 кВт/ч и было в 33 раза меньше среднемирового уровня⁶). Если сравнить эту цифру с показателями соседних стран, к примеру, Пакистана, то в 1970 г. на каждого жителя приходилось 63 кВт/ч электроэнергии⁷.

О состоянии развития отрасли косвенно может говорить и такой важный составляющий сектор электроэнергетики, как система подачи энергии. Она играет главенствующую роль в работе отрасли, так как поставляет продукцию от производителя до потребителя. Не будем говорить о том, сколько ресурсов потратили на строительство системы подачи электроэнергии, ибо к 1980 г. общая протяженность всех ЛЭП Афганистана составляла чуть более 1000 км, что говорит о низком уровне системы

подачи. Из них высоковольтные ЛЭП — 110 кВт/ч — 59,1 км, ЛЭП — 44 кВт/ч — 231 км, ЛЭП — 35 кВт/ч — 178,4 кВт/ч⁸.

Некоторые приграничные с республиками Центральной Азии районы Афганистана снабжались электроэнергией из Советского Союза, для чего были проложены высоковольтные линии электропередачи. В 1986 г. была введена в строй ЛЭП — 110 кВт/ч, протяженностью 67 км из Таджикистана через порт Шерхан в провинцию Кундуз, строительство которой было запланировано еще в предыдущие десятилетия⁹.

В 80-х гг. некоторые отдаленные афганские районы, которые имели общую границу с СССР и находились в полной изоляции от центра страны, получили доступ к электроэнергии. Например, жители приграничного с Таджикистаном афганского волостного центра Шугнана (провинция Бадахшан) впервые в 1987 г. получили электроэнергию из таджикского Бадахшана, а население уезда Дарваз через год стало снабжаться электроэнергией благодаря прокладке еще одной ЛЭП из Таджикистана¹⁰.

По состоянию на 1986 г. совокупная мощность афганских ГЭС и ТЭС составляла 419,2 МВт/ч, что на 5% больше показателя 1978 г. Из них 44,7%, или 187,3 тыс. кВт/ч, приходилось на долю электростанций, построенных при помощи СССР. Вклад в развитие энергетики Афганистана внесла и ФРГ, на долю которой приходилось 24,5%, или 102,5 тыс. кВт мощности¹¹.

В эти годы также произошли изменения в структуре производства электроэнергии. Совокупный объем выработки в 1985 г. составил 1057 млн. кВт/ч и 16 млн. кВт/ч было импортировано. Из этого объема 574 млн. кВт/ч (или 54%) было произведено с помощью гидроэлектростанций, 483 млн. кВт/ч — дизельных и теплоэлектростанций¹².

Второй пятилетний план социально-экономического развития Афганистана, намеченный на вторую половину 80-х гг., включал в себя программу комплексного развития энергетической сети, однако политическая ситуация в стране ухудшалась, и в дальнейшем эта программа была приостановлена¹³.

В 1992 г. с приходом к власти моджахедов внутриполитическая ситуация в стране радикально изменилась. Если коммунистический режим в какой-то степени занимался решением социально-экономических проблем, то новые власти из-за обострения отношений между группировками самих моджахедов были заняты исключительно их решением. Поэтому можно констатировать, что именно с этого момента началась деградация экономической системы страны, в частности энергетической отрасли. К 1999 г. из 100 электростанций функционировали только 22, которые вырабатывали всего 175 млн. кВт/ч электроэнергии, что было в пять раз меньше довоенного уровня¹⁴.

Остановился экспорт природного газа, прекратилась промышленная добыча каменного угля на угольных месторождениях, и лишь частично велись работы кустарным способом. Производство и потребление продукции энергетической отрасли во всех ее секторах сократились до минимума, и за последние годы производство электроэнергии в несколько раз упало ниже уровня довоенных лет. Новому афганскому правительству пришлось заново заниматься восстановлением всего того, что было разрушено в течение 90-х гг., и строительством новых объектов, поскольку численность населения по сравнению с 1979 г. выросла в два раза. Были разработаны программы, многие из которых к 2010 г. должны были быть реализованы. Согласно одной из них, разработанных афганским правительством совместно с экспертами международных организаций, на развитие энергетической отрасли в 2004–2010 гг. планировалось потратить 2800 млн. долл.¹⁵

Таблица 2

**Семилетняя программа развития энергетического сектора
в период 2004–2010 гг. (млн. долл.)**

Годы	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Всего
Производство электроэнергии	39,5	104	110,8	139,6	156	164	126	839,9
Система подачи электроэнергии	9,5	128,3	106	27,9	30	47	37,1	385,8
Распределительная сеть	15	55	55	50	75	75	75	400
Техническая поддержка	13,1	10,9	8	5	5	5	5	52
Текущие расходы	9	9	24,7					42,7
Всего	86,1	307,2	304,5	222,5	266	291	243,1	1720,4

Источник: Securing Afghanistan's Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward. Power sector Technical Annex (Julie M. Fraser (World Bank), Chi Nai Chong (ADB), Pedro E. Sanchez (World Bank), Anthony Sparkes (World Bank), Axel Werner (Ministry of Water and Power), Eugene McCarthy (Ministry of Finance). Kabul, January 2004, с. 16.

Согласно Афганской национальной стратегии развития и Афганскому соглашению к указанному сроку (2010 г.) были определены 4 основные цели в области развития энергетики Афганистана:

- 1) 65% — охват домохозяйств главных городских районов страны;

2) 90% — охват нежилых помещений (учреждений и организаций) в главных городских районах страны;

3) 25% — охват домохозяйств сельских местностей;

4) покрытие к концу 2010 г. как минимум 75% совокупных расходов, связанных с производством и подачей электроэнергии за счет потребителей¹⁶.

В более поздних программах развития энергетики Афганистана планировалось к 2010 г. подключить к сети электроэнергии до 730 тыс. новых потребителей. Другими словами, уровень доступа к электроэнергии в городских местностях к указанному году намеревалось увеличить с 27 до 77% и до 90% к 2015 г. По всей стране к 2015 г. электроэнергия должна стать доступной 33% потребителей¹⁷.

За годы конфликта пострадала не только материальная база энергетической отрасли, но и разрушилась ее управленческая система, появился острый кадровый дефицит. Чтобы в новых условиях управлять энергетическим сектором, правительство учредило пять автономных предприятий, которые на самом деле взаимосвязаны между собой и контролируются министерством энергетики и водных ресурсов. К ним относятся:

- «Да Афганистан Брешна Моассисэ» (**Da Afghanistan Breshna Moassassa**), ответственное за производство, подачу и распределение электричества по стране.

- «Спингар констракшн юнит» (**Spinghar Construction Unit**), отвечающее за электростанции, подстанции и работы, связанные с энергетическим сектором.

- «Пауэр констракшн юнит» (**Power Construction Unit**), отвечающее за ЛЭП и подстанции.

- «Консалтинговое управление водного и энергетического проектирования» (**Water And Power Engineering Consultancy Authority**), отвечающее за работы по проектированию новых станций, ЛЭП и распределительной системы. Этот сектор уже превратился в составной отдел министерства энергетики.

- «Центр исследования и развития новых и возобновляемых источников энергии» (**New and Renewable Energy Research and Development Centre**), отвечающее за деятельность, связанную с развитием возобновляющейся энергии¹⁸.

В ходе восстановительных работ за несколько лет совокупная установленная мощность всех электростанций Афганистана увеличилась до 450 МВт/ч, но в среднем была использована только половина потенциала станций, т. е. фактически они выработали приблизительно 215 МВт/ч, что в расчете на душу населения это один из самых низких показателей в мире¹⁹.

Таблица 3

**Суммарная установленная мощность всех электростанций
Афганистана по состоянию на 2002 г. (кВт)**

Регион	ГЭС	ТЭС	ДЭС	Всего
Северо-восток	15995	-	1000	16995
Северный		59500	2500	62000
Западный	80		14430	14510
Восточно-центральный			2000	2000
Центральный	196540	91400	12500	300440
Восточный	12250		2400	14650
Южный			3565	3565
Юго-западный	36290		24420	60710
Всего	261155	150900	62815	474870

Гидроэлектроэнергия как относительно дешевая в системе производства электроэнергии, как и раньше, составляет большую часть продукции энергетического сектора. Многочисленные мини-гидроэлектростанции, построенные за последние годы в сельских местностях, повышают долю гидроэнергетики в этой системе. Мини-электростанции планируют и в дальнейшем построить в тех местах, где есть необходимые условия и ресурсы.

Таблица 4

Динамика производства электроэнергии по источникам

Годы	ГЭС	ТЭС	Импорт	Мини-ГЭС	Всего
До 1978	258,72	137,18	0	0	395,9
2002	140,56	15,79	86,7	0	243,05
2007	183,35	87,5	96	14,84	463,99

Источник: Power Sector Strategy For The Afghanistan National Development Strategy (With Focus on Priorization). Draft Power Sector Strategy For ANDS, April 15, 2007. P. 5.

Известно, что Афганистан имеет ограниченные гидроэнергетические ресурсы и в перспективе, с ростом численности населения и развитием народного хозяйства страны, спрос на энергоресурсы тоже будет расти, что неминуемо приведет к еще большему дефициту электроэнергии. Поэтому Афганистану необходимо использовать все ресурсы, и пер-

вым делом заниматься освоением внутренних, прежде всего возобновляемых источников электроэнергии, и параллельно работать над проектами по импорту дешевой электроэнергии из соседних стран.

Таблица 5

**Производство, потребление и импорт электроэнергии
в динамике**

Годы	1980	1990	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Производство электроэнергии (млрд. кВт/ч)	0,94	1,1	0,47	0,39	0,69	0,81	0,76	0,75
Импорт электроэнергии (млрд. кВт/ч)	-	-	0,1	0,2	0,15	0,1	0,1	0,1
Потребление (млрд. кВт/ч)	0,88	1,02	0,53	0,56	0,79	0,86	0,81	0,80
Мощность (млн. кВт/ч)	0,426	0,494	0,405	0,265	0,264	0,323	0,323	0,320

Источник: Energy Sector Strategy 1387–1391 (2007/08–2012/13). Pillar III, Infrastructure. Kabul, 2008, с. 14.

Афганистан продолжает импортировать электроэнергию из соседних стран, и в будущем объемы импорта будут возрастать. Соседние страны ЦА обладают огромным энергетическим потенциалом и заинтересованы в экспорте своей продукции не только в Афганистан, но и (транзитом через афганскую территорию) в страны Юго-Западной Азии. При этом у государств ЦА также пока что нет налаженной производственной базы и соответствующей инфраструктуры для экспорта своих энергоресурсов на новые рынки. Об этом свидетельствует отчет, подготовленный по итогам конференции министров стран — членов ЦАРЭС, в котором говорится, что «страны ЦАРЭС будут широко сотрудничать, исходя из своих соответствующих энергетических ресурсов и реализуя устойчивые инициативы с обеспечением наименьших издержек. Более того, министры видят Центральную Азию в качестве энергетического центра для соседних стран и более отдаленных рынков. Прогресс в этом направлении носил двойкий характер с впечатляющими продвижениями в разработке и реализации богатых нефтяных ресурсов региона, но с ограниченным пока прогрессом в создании сети в регионе с целью обеспечения надежного и доступного по средствам электроснабжения для всех сообществ. Энергетическая стратегия ЦАРЭС фокусируется на торговле и транзите энергии, энергетической эффективности и безопасности, обеспечивая базу для более взаимовыгодного подхода к удовлетворению энергетических потребностей»²⁰.

В стране параллельно идут работы над проектами по освоению возобновляемых источников энергии. Некоторые достижения имеются в рабо-

те по использованию солнечной энергии. По данным афганских официальных источников, по состоянию на 2008 г. под эгидой Министерства по восстановлению и развития села и при помощи Программы национальной солидарности около 650 селений были обеспечены электричеством посредством фотовольтаических пластин²¹.

Относительно сложная ситуация остается в сельских местностях, где основная масса населения не в состоянии платить за дорогостоящее электричество. Так как здесь электроэнергия нужна исключительно для развития села, а не создания рабочих мест, то роль энергетической программы в сельских местностях ограничивается поиском новых возможностей для тех экономических субъектов, которые ощущают нехватку электроэнергии, но в состоянии платить за нее и тем самым субсидировать потребление электроэнергии и повышать доходы²².

Другой проблемой, которая осложняет работу уцелевших электростанций и снижает коэффициент полезности, является разрушение распределительной системы и сети подачи электричества. Если в некоторых местах электростанции хотя и на низкой мощности, но все же работали или находились в рабочем состоянии, то из-за отсутствия необходимой системы обслуживания не смогли в полном объеме поставлять произведенную электроэнергию до потребителей или же поставляли частично. Примером сказанного может послужить Кабул, энергетическая сеть которого между 1992–1996 гг. была разрушена на 80%, разобрана и продана на металлолом в Пакистан²³.

Таким образом, за последние годы постталибского периода энергетическая отрасль сталкивается с множеством проблем, снижающих эффективность ее работы. Можно добавить еще и то, что не все потребители, особенно домохозяйства, платят за электроэнергию, что наносит дополнительный урон отрасли. По некоторым данным, потери энергетического сектора на сегодняшний день составляют до 40% от общего объема доходов отрасли в год²⁴.

Таблица 6

**Состояние распределительной системы
и сети подачи электроэнергии до и после конфликта**

	До конфликта	После конфликта
Высоковольтные ЛЭП (км)	1640	1270
Средние распределительные сети (км)	2572	1712
Малые распределительные сети (км)	4212	2983
Подстанции (мВ)	647	428
Производство электроэнергии (МВт)	475	270

Источник: Feasibility Study for the Development of a Gas Fired Thermal Power Facility in Sheberghan. Advanced Engineering Associates International, Afghanistan Energy Assistance Project AEAI Project N. 1101 Consolidated Report. June 2005, с. 21; Afghanistan: Preparing the National Power Transmission Grid Project. Asian Development Bank, Project Number: 37118–01, Final Report. January 2006, с. 9.

Как показывают данные таблицы 2, за сравнительно небольшое время планировалось развивать энергетику и поднять ее до желаемого необходимого уровня. Но по истечении срока разработанных планов выяснилось, что не все идет так гладко, как было изложено на бумаге, и что поставленные перед правительством цели не были достигнуты. Американские эксперты, исследуя процесс реализации этих планов, пришли к выводу, что «амбициозные цели, являющиеся в настоящее время приоритетом энергетического сектора Афганистана, вряд ли будут достигнуты в установленных сроках. Афганистану не хватает текущего генерального плана развития энергетического сектора, который устанавливает приоритеты, сроки и стоимость во взаимодействии с целями энергетического сектора. По мнению официальных лиц США и доноров, Афганистану для определения приоритетов по проектам, установления разумных целей и сроков реализации нужен обновленный генеральный план развития энергетического сектора. По мнению сотрудников Агентства США по международному развитию, трудно идентифицировать стратегические приоритеты афганского правительства и между различными афганскими чиновниками они часто различаются»²⁵.

И действительно, генеральный план развития афганской энергетической отрасли, разработанный при финансовой помощи АБР, помимо всего прочего, оказался неполноценным и в нем не были учтены многие факторы; в документе американских экспертов говорится, что согласно указанному плану Кабулу к 2007 г. должно было потребоваться в пределах 185–200 МВт/ч электроэнергии, однако с момента разработки плана население города значительно выросло, что не было в нем учтено²⁶.

С другой стороны, если сравнить достигнутые результаты с фактически выделенными ресурсами, то становится ясно, что со стороны стран-доноров была оказана значительная финансовая помощь, но эффект от них был не столь ощутимым. К примеру, только США по линии Агентства по международному развитию на реабилитацию отрасли энергетики Афганистана потратили свыше 732 млн. долл. С 2002 г. на программы и проекты в Афганистане вложили приблизительно 700 млн. долл.²⁷ Эта цифра составляет 25% от общей суммы, предусмотренной планом на развитие отрасли до 2010 г.

Несмотря на эти недостатки, за прошедшие годы в Афганистане были восстановлены многие электростанции, построены новые — там, где

раньше их не было. В апреле 2009 г., к примеру, в селе Додарак района Дара-и Нур провинции Нангархар при финансовой и технической поддержке Агентства США по международному развитию была запущена мини-ГЭС стоимостью 107 тыс. долл., которая способна обеспечить электроэнергией 150 домохозяйств. В будущем мощность станции можно увеличить, чтобы обеспечить до 600 домохозяйств. Всего в стране построено около 160 мини-электростанций²⁸.

В целом об успехах, достигнутых в области развития отрасли энергетики Афганистана, говорят следующие цифры. Установленная мощность энергетической отрасли страны в 2001 г. — 430 МВт/ч — по состоянию на сентябрь 2009 г. увеличилась более чем в два раза и составила 1028,5 МВт/ч. Если для сравнения рассмотреть показатель выработки электроэнергии, то по состоянию на август 2006 г. страна производила 88 804 МВт/ч, а в августе 2009 г. — 180 415 МВт/ч, что также показывает более чем двукратный рост объемов выработки²⁹.

О том, что в стране не очень эффективно используется потенциал действующих электростанций, свидетельствуют следующие цифры, относящиеся к 2007 г. По состоянию на эту дату общая установленная мощность всех афганских электростанций оценивалась в 769 МВт/ч, из которых фактически электричество выработали на 464 МВт/ч³⁰. То есть электростанции фактически работали только на 60% от своей установленной мощности.

На качестве работы самого министерства энергетики в определенной степени сказывается и проблема отсутствия или же ухода национальных кадров в другие структуры и организации. Главная причина этого — низкий уровень заработной платы в государственных структурах, занимающихся вопросами обеспечения работы и дальнейшего развития энергетического сектора, и относительно высокая оплата в других, прежде всего частных и международных организациях. Так, месячная зарплата инженеров, работающих в сегментах министерства энергетики, от 44 до 100 долл., в то время как недавние выпускники-инженеры имеют возможность в частном секторе или НПО заработать как минимум 800 долл. в месяц. У министерства энергетики нет иных методов поощрения, чтобы удерживать своих специалистов или привлекать новых на работу. Единственное, чем может стимулировать новых выпускников — прохождение практики за океаном³¹.

Таким образом, программа развития энергетической отрасли Афганистана, разработанная в рамках афганской национальной стратегии развития, показала, что к 2010 г. основные ее пункты — обеспечение электроэнергией основной массы сельского и городского населения — не были исполнены. Поскольку энергетический сектор является двигателем экономики в современном мире, то достигнутые результаты могут поставить

под вопрос реализацию многих проектов в других отраслях. Установленная мощность всех электростанций страны относительно 2001 г. увеличилась в несколько раз, однако достигнутый результат является слишком незначительным на фоне растущего спроса со стороны потребителей электроэнергии.

Примечания

¹ Мир Гулам Мухаммад Губар. Афганистан на пути истории. М., 1987, с. 27–28.

² Афганистан: Справочник. М., 1964, с. 84.

³ Афганистан сегодня (Справочник). Душанбе, 1989, с. 108; Афганистан. Справочник. М., 2000, с. 129.

⁴ Головин Ю. М. Афганистан: Экономика и внешняя торговля. М., 1962, с. 27.

⁵ Краткий статистический сборник состояния и развития отраслей национальной экономики и социальных ДРА. Кабул, 1980, с. 2, 15.

⁶ Ходжаев М. Н. Сотрудничество СССР и Афганистана в области энергетики. — Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989, с. 95.

⁷ Жмуйда И. В., Морозова М. Ю., Шах Наваз. Пакистан: экономические диспропорции и региональная политика государства. М., 2007, с. 151.

⁸ Демократическая Республика Афганистан. Справочник. М., 1981, с. 95.

⁹ Материалы государственного плана экономического и социального развития Демократической Республики Афганистан на 1366 год (март 1987 г. — март 1988 г.). Том IV (показатели по капитальным вложениям и капитальному строительству). Кабул. Май, 1987, Саур, 1366 г., с. 48.

¹⁰ Раджабеков Г. Дж. Проблемы восстановления энергетики Афганистана. — Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 — июнь 2002 г.). М., 2002, с. 125–126; он же. Экономические проблемы восстановления и развития энергетики Афганистана. М., 2002, с. 110.

¹¹ Ходжаев М. Н. Указ. соч., с. 94.

¹² Материалы государственного плана экономического и социального развития Демократической Республики Афганистан на 1366 год (март 1987 г. — март 1988 г.). Том V (балансы и планы распределения продукции). Кабул. Март, 1987, Хамаль, 1366, с. 1.

¹³ Ходжаев М. Н. Указ. соч., с. 97–98.

¹⁴ Давыдов А. Д. Война и проблемы восстановления экономики Афганистана. — Афганистан: проблемы войны и мира. М., 2000, с. 50.

¹⁵ Securing Afghanistan's Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward. Power sector Technical Annex (Julie M. Fraser (World Bank), Chi Nai Chong (ADB), Pedro E. Sanchez (World Bank), Anthony Sparkes (World Bank), Axel Werner (Ministry of Water and Power), Eugene McCarthy (Ministry of Finance). Kabul, January 2004, с. 4.

¹⁶ Afghanistan Energy Supply Has Increased but An Updated Master Plan Is Needed and Delays and Sustainability Concerns Remain. Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction, AUDIT — 10–4 Energy Sector. January 15, 2010, с. 2; Energy Sector Strategy 1387–1391 (2007/08–2012/13). Pillar III, Infrastructure. Kabul, 2008, с. 6.

¹⁷ Power Sector Strategy For The Afghanistan National Development Strategy (With Focus on Priorization). Draft Power Sector Strategy for ANDS, April 15, 2007, с. 2.

¹⁸ Securing Afghanistan's Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward. Power sector Technical Annex (Julie M. Fraser (World Bank), Chi Nai Chong (ADB), Pedro E. Sanchez (World Bank), Anthony Sparkes (World Bank), Axel Werner (Ministry of Water and Power), Eugene McCarthy (Ministry of Finance). Kabul, January 2004, с. 7.

¹⁹ The Technical and Economic Feasibility of Development of a Gas-Fired Thermal Power Facility in Sheberghan, Afghanistan. Overview. Prepared for The Ministry of Energy and Water under USAID Afghanistan Energy Assistance Program. Volume I. Washington, DC, 2006, с. 1–2.

²⁰ Отчет высокопоставленных официальных лиц для 7-й Министерской конференции по Центральноазиатскому региональному экономическому сотрудничеству. Баку, 21 ноября 2008 г.

²¹ Energy Sector Strategy 1387–1391 (2007/08–2012/13). Pillar III, Infrastructure. Kabul, 2008, с. 25.

²² Там же, с. 2–3.

²³ Давыдов А. Д. Указ. соч., с. 50–51.

²⁴ Energy Sector Strategy 1387–1391 (2007/08–2012/13). Pillar III, Infrastructure. Kabul, 2008, с. 5.

²⁵ Afghanistan Energy Supply Has Increased but An Updated Master Plan..., с. 3.

²⁶ Там же, с. 3.

²⁷ Там же, с. 2.

²⁸ Afghan Villages Bolstered by Micro-hydro Power Pant. Empowering communities to improve living conditions and create jobs. www.dai.com

²⁹ Afghanistan Energy Supply Has Increased but An Updated Master Plan..., с. 4.

³⁰ Power Sector Strategy For The Afghanistan National Development Strategy (With Focus on Priorization). Draft Power Sector Strategy for ANDS, April 15, 2007, с. 2.

³¹ Capacity Development for Irrigation and Water Resources Management, TA — 4716 (AFG). TA Final Report, December 2008, с. 5.

Ю. Н. Паничкин (Рязань)

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПАКИСТАНОМ И АФГАНИСТАНОМ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ РЕЖИМА ТАЛИБОВ

Свержение режима талибов в Афганистане открыло новый этап в отношениях между обеими странами, однако и теперь основополагающим фактором в этих отношениях стала проблема границы по «линии Дюранда».

На конференции основных политических сил Афганистана, состоявшейся под эгидой ООН в Бонне в конце 2001 г., где формировалась временная афганская администрация, руководство Пакистана в лице его президента П. Мушаррафа поддержало создание в Афганистане правительства на широкой основе и признало Северный альянс и все входящие в него группы¹. Итогом этой конференции стало подписание Боннского соглашения. Несколько раньше появились сообщения, что контакты между двумя сторонами, инициированные при посредничестве Ирана и Турции и получившие одобрение США, проходят весьма успешно. Один из лидеров Северного альянса Б. Раббани заявлял по этому поводу, что готов развивать отношения со всеми сопредельными государствами и особенно с Пакистаном².

В соответствии с Боннским соглашением была сформирована временная администрация Афганистана (временное правительство) во главе с премьер-министром Хамидом Карзаем. Лидеры Северного альянса заняли в нем ключевые посты. Д-р Абдулла Абдулла получил пост министра иностранных дел, Юнус Кануни — министра внутренних дел, Мухаммад Касем Фахим — министра обороны. Было принято решение о созыве в июне 2002 г. Чрезвычайной Лоя Джирги для избрания президента страны, парламента и формирования до всеобщих выборов на срок полтора года переходного временного правительства. На конференции было решено сформировать международные силы по содействию безопасности (МССБ) для обеспечения безопасности в столице Афганистана. Временное правительство Х. Карзая начало свою работу 22 декабря 2001 г. В соответствии с Боннским соглашением из Кабула были выведены войска Северного альянса и введены войска МССБ численностью 4 тыс. во-

еннослужащих подразделений армий 17 государств: Великобритании, Франции, Италии, Германии, Бельгии, Нидерландов, Дании, Австрии, Финляндии, Греции, Норвегии, Португалии, Испании, Швеции, Румынии, Новой Зеландии и Турции. США не стали участником МССБ. Была создана комиссия по подготовке и проведению Лоя Джирги. В январе был поднят традиционный государственный флаг Афганистана, введена в действие конституция 1964 г. (из нее были изъяты статьи, касающиеся монархических институтов). В феврале 2002 г. был принят закон о печати, предоставивший право на издание свободной независимой прессы³.

Что же касается Пакистана, то его положение на международной арене изменилось в корне. Поддержав США в войне против талибов в 2001 г., Пакистан вернулся на привычное место «самого союзного из союзных» для Вашингтона государств. После «отпущения грехов и прощения долгов» США пообещали Исламабаду военно-экономическую помощь в размере свыше 3 млрд. долл. на 5 лет, начиная с 2005 г. Поощряя Пакистан за участие в борьбе с международным терроризмом, США проводили совместные с ним акции по поимке лидеров и функционеров «Аль-Каиды»⁴.

В 2002 г. Пакистан был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН. В феврале 2002 г. состоялся первый визит президента Афганистана Х. Карзая в Пакистан, а затем, в апреле того же года, президент Пакистана П. Мушарраф нанес визит в Афганистан. В ходе переговоров были достигнуты соглашения о совместной борьбе с производством и сбытом наркотиков, о восстановлении основных транспортных магистралей, воздушного сообщения. 21 января 2002 г. представители 61 государства и 21 международной организации собрались на конференции в Токио для помощи Афганистану в восстановлении разрушенного перманентной войной хозяйства. Пакистан принял в этой конференции активное участие. Международное сообщество согласилось выделить на эти цели 4,5 млрд. долл. сроком на 5 лет.

Участие Пакистана в Международной конференции добрососедства явилось очень важным фактом. Конференция завершилась в столице Афганистана 22 декабря 2002 г., на ней была принята Кабульская декларация о добрососедских отношениях Афганистана с его соседями — Пакистаном, Ираном, Китаем, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Определенные успехи были достигнуты в двусторонних торгово-экономических отношениях. Обе стороны договорились о возобновлении транзитной торговли между ними. По просьбе Кабула Исламабад согласился открыть для товаров, направляющихся в Афганистан, порт Касим на побережье Аравийского моря, а также снизить транспортные пошлины для афганских товаров. Было достигнуто соглашение о сотрудничестве в восстановлении основных транспортных магистралей: Чаман — Герат, Чаман — Кандагар, Торкхам — Кабул⁵.

Пакистан стал участвовать в восстановлении инфраструктуры и энергосистемы Афганистана.

Однако долгое сотрудничество Пакистана с движением Талибан все-таки омрачало отношения между обеими странами, как и старая проблема границы по «линии Дюранда». Во время своего визита в Пакистан президент Афганистана Х. Карзай призвал забыть прежние обиды и начать новую эру сотрудничества между Пакистаном и Афганистаном. К сожалению, в Афганистане снова начинали раздаваться голоса о том, что «линии Дюранда» как границы с Пакистаном больше не существует, что территории восточных пуштунов и Белуджистан вплоть до Аравийского моря должны принадлежать Афганистану⁶. Естественно, эти разговоры беспокоили руководство Пакистана, несмотря на то что они не являлись официальной позицией правительства Афганистана.

Афганистан, в свою очередь, обвинил Исламабад в том, что недобитые талибы скрываются в Пакистане на территории «свободных племен» и что там же скрываются мулла Омар и У. бен Ладен. Опровержения правительства Пакистана и его заверения о том, что оно делает всё для того, чтобы талибы не использовали его территорию, не убеждали афганское руководство в том, что Исламабадом делается всё для предотвращения использования его территории террористами. Пакистан, в свою очередь, заявлял, что афганское руководство нарушает договоренность об обмене разведанными о передвижениях талибов и боевиков «Аль-Каиды». Действительно, после разгрома режима талибов и их основных сил боевики Талибан и «Аль-Каиды» стали переходить к партизанским, а точнее, к бандитским действиям, благо и в самом Афганистане, на территории «свободных племен», существует очень много труднодоступных районов, а перейти границу между Афганистаном и Пакистаном в горной местности не составляет большого труда, особенно при сочувствии населения «свободных племен» боевикам обеих организаций. Так что если эти боевики попадали в трудное положение, то они без особого труда могли перейти границу, уйти на территорию Пакистана и раствориться среди местного пуштунского населения. Тем более что многие из них сами были выходцами из полосы «свободных племен». Что же касается операций пакистанских войск против боевиков, скрывавшихся на его территории, то вначале они велись недостаточно активно.

Осенью 2002 г. Талибан и «Аль-Каида» обрели нового союзника. Скрывавшийся на территории Ирана Г. Хекматьяр возвратился в Афганистан, призвал афганцев начать джихад против США и договорился с руководителями Талибан об объединении в рамках т. н. «Армии мучеников ислама».

Беспокойство властей Пакистана вызывала и активность Индии в Афганистане. Индия всегда выступала против движения Талибан и его режима, имела хорошие отношения с Северным альянсом. Правительство

Пакистана опасалось, что Индия будет заниматься в Афганистане антипакистанской деятельностью и что открывавшиеся во многих афганских городах консульства будут использованы ею для этой деятельности.

Начало действий Пакистана против боевиков Талибан и «Аль Каиды» в приграничных с Афганистаном районах совпало с резким ухудшением его отношений с Индией. И та и другая стороны сконцентрировали в приграничных друг с другом районах огромное количество войск, и казалось, что новый военный конфликт между этими двумя обладающими ядерным оружием странами будет неизбежен. В связи с этим правительство Пакистана попыталось показать, что в условиях возможного столкновения с Индией оно и не может вести активные действия против исламистов, а международное сообщество должно заставить Индию удержаться от агрессии и разрешить возникший конфликт между его страной и Индией.

Власти Пакистана с тревогой наблюдали за ростом влияния в Афганистане Индии, опасаясь, что, развивая отношения с Афганистаном, Индия проводит там антипакистанскую политику. Как отмечалось выше, изменение «афганской» политики Пакистана и участие в международной антитеррористической коалиции улучшили его положение на глобальном уровне, улучшились отношения с новой афганской администрацией и с Ираном.

Вступление обоих государств в антитеррористическую коалицию не сблизило их позиции, а еще более развело. Само участие Пакистана в ней вызвало у индийской стороны недовольство и раздражение, особенно в связи с быстрым ростом союзнических отношений между Вашингтоном и Исламабадом. Пакистан же опасался тесных связей между Индией и новой афганской администрацией. Исламабад обвинял Индию в антипакистанской деятельности в Афганистане, особенно благодаря ее многочисленной дипломатической миссии в этой стране. Отвечая на эти опасения Пакистана, в одном из своих выступлений Х. Карзай заявил, что какими бы благоприятными ни были контакты Афганистана с Индией, они никогда не будут направлены против Пакистана.

В Индии надеялись, что поражение талибов будет означать ликвидацию исламистского терроризма и в Кашмире. В реальности же происходило обратное. С осени 2001 г. экстремисты в Кашмире серьезно активизировались. Отношения между Пакистаном и Индией резко осложнились. Конфликт, однако, не перерос в военное столкновение. Большую роль здесь сыграли руководители КНР, России, США и других стран, убедившие Исламабад и Дели воздержаться от военной эскалации.

После этого Пакистан пошел на определенные меры по сдерживанию террористической деятельности в Кашмире. Это было положительно встречено в Дели и повело к улучшению отношений двух стран, возобновлению политического диалога по основным проблемам их взаимоотношений. Общее улучшение пакистано-индийских отношений отразилось

и на их взаимодействии в Афганистане, которое заметно изменилось; сотрудничество расширилось, отношения потеплели, исчезли прежние взаимные обвинения, расширились военные контакты.

В связи с разрешением этого конфликта Пакистан активизировал свои действия против талибов и «Аль-Каиды», тем более что вялая деятельность его в этом вопросе стала подвергаться критике не только со стороны Афганистана, но и со стороны США и их западных союзников. Правительству Пакистана прямо заявлялось о том, что оно слабо препятствует проникновению через границу с Афганистаном исламистских боевиков Талибан, «Аль-Каиды» и Г. Хекматъяра и не принимает мер по их ликвидации. Пакистану указывалось, что добиться успехов в борьбе с ними можно только активными действиями с обеих сторон границы. От Пакистана требовалась активизация таких действий, и если он не в состоянии сам решить свои задачи в рамках антитеррористической коалиции, то это придется сделать США и их союзникам.

В связи с этим правительство Пакистана было вынуждено направить в «полосу племен» воинский контингент в составе нескольких тысяч человек, а также провести переговоры с руководителями племен, которые согласились оказать ему помощь и даже организовать для этого отряды добровольцев. В ответ на это сторонники исламистов создали т. н. «совет десяти старейшин», который должен был возглавить сопротивление пакистанским войскам. Союзники по антитеррористической коалиции были названы «иноземными захватчиками», а режим Х. Карзая был назван марионеточным. В Исламабаде семьдесят известных исламистов выпустили фетву, где было заявлено, что поскольку операция против «мусульманских братьев» проводится в интересах США, то каждый погибший моджахед становится шахидом, т. е. мучеником ислама, и прямиком отправляется в рай, в то время как пакистанским солдатам грозит ад. Фетва запретила чтение поминальных молитв по погибшим в этой операции пакистанским солдатам.

В мае 2002 г. пакистанские войска провели операцию по поиску боевиков «Аль-Каиды» и талибов в Южном Вазиристане. Одновременно укреплялась пакистано-афганская граница, в частности было возведено несколько контрольно-пропускных пунктов. Ввод войск по призыву США в агентство Южный Вазиристан (управляемый центром район племен) вызвал большое недовольство в Пакистане, особенно в его северо-западной части (Белуджистан и СЗПП). По всей стране проходили митинги и демонстрации протеста против расширения участия Пакистана в афганских событиях⁷. В июне 2003 г. части пакистанской армии совместно с американскими и афганскими военными провели широкомасштабную операцию вдоль пакистано-афганской границы.

Напряженность по поводу положения на пакистано-афганской границе привела к тому, что еще в апреле 2003 г. специальный представитель

президента США в Афганистане был вынужден вести переговоры с пакистанскими властями относительно пограничных конфликтов. Афганское правительство заявляло о вторжении пакистанских войск на территорию Афганистана и столкновениях их с афганскими войсками. Однако такие инциденты продолжались. В июле 2003 г. на отдельных участках границы пакистанские войска, по данным афганской прессы, вторглись на афганскую территорию на глубину до 45 км. На границе отмечались случаи вооруженных столкновений между афганскими и пакистанскими войсками. И хотя официальный Исламабад опровергал эти сведения, общественное мнение Афганистана крайне болезненно реагировало на активность пакистанских военных в приграничных районах. Вероятно, при негласном попустительстве афганских властей 8 июля 2003 г. в Кабуле был организован погром посольства Пакистана. Исламабад выразил официальный протест и закрыл посольство. Президент Х. Карзай и министр иностранных дел Афганистана д-р Абдулла были вынуждены извиниться перед Пакистаном и обещали наказать виновных и возместить ущерб. Свои посреднические усилия в урегулировании конфликта предложила ООН, однако он был урегулирован на двустороннем уровне, и 21 июля посольство было вновь открыто и возобновило свою работу⁸. В дальнейшем отношения стали улучшаться.

В сентябре 2003 г. с участием американских военных было принято совместное решение Пакистана и Афганистана о размещении дополнительных воинских частей с обеих сторон границы с целью усиления борьбы с терроризмом, контрабандой и нелегальным переходом границы. В октябре снова была проведена антитеррористическая операция. В ходе проведенных антитеррористических мероприятий среди захваченных и убитых боевиков было замечено большое число представителей неместных народностей — узбеков, чеченцев, арабов и других. На языках этих народностей часто велись переговоры между бандитами⁹.

Между тем сотрудничество между Пакистаном и Афганистаном продолжалось и не только в отношении борьбы с терроризмом, но, в частности, и в сфере образования. Так, например, 12 ноября 2003 г. состоялся выпуск афганских дипломатов в Дипломатической академии Пакистана. На выпуске присутствовал президент Пакистана П. Мушарраф. В своем выступлении он призвал к укреплению отношений между Пакистаном и Афганистаном, в том числе и в борьбе с международным терроризмом¹⁰.

Важное значение имели результаты работы трехсторонней комиссии в составе представителей Пакистана, Афганистана и США, созданной после вооруженных столкновений на пакистано-афганской границе. На заседании 3 декабря 2003 г. стороны подтвердили свое стремление укреплять сотрудничество в борьбе с международным терроризмом. Были проана-

лизируются результаты проведения операций против боевиков «Аль-Каиды», Талибан и группировки Г. Хекматяра. Было принято решение об усилении взаимодействия и укрепления связи между пакистанскими, афганскими и американскими воинскими подразделениями, расположенными в приграничных районах, и о создании подкомиссии по координации и обмену разведывательной информацией.

В то же время при встрече руководители Пакистана и Афганистана неоднократно подчеркивали недопустимость использования территории обеих стран друг против друга. П. Мушарраф неоднократно заявлял, что борьба с проникновением на территорию Пакистана через границу боевиками «Аль-Каиды» и Талибан является приоритетной для Пакистана. Обе стороны договорились о расширении экономического сотрудничества, о сотрудничестве в области образования, здравоохранения и т. д.

Между тем в мае 2003 г. Центральное командование Вооруженных Сил США (СЕНТКОМ) опубликовало в своем докладе, что почти 58 тыс. вылетов в Афганистан американские боевые самолеты совершили либо с пакистанских аэродромов, либо через пакистанское воздушное пространство, что 8 тыс. морских пехотинцев использовали пакистанские порты в качестве транзитных пунктов на пути в Афганистан и что пакистанская экономика якобы потеряла 10 млрд. долл., т. е. шестую часть ВВП страны, в то время как Пакистан получал большую материальную выгоду от участия в антитеррористической операции.

Стремясь не будоражить экстремистов, Пакистан отверг эти утверждения. Однако самой главной проблемой для Пакистана стала его вовлеченность в военную сферу сотрудничества в антитеррористической деятельности. На самом деле Пакистан принимал и принимает активное участие в ней, за исключением направления своих войск непосредственно в Афганистан.

Но в процессе борьбы с террористами были случаи, когда американские военные по ошибке открывали огонь по пакистанским и со стороны последних имелись жертвы. Были также случаи захода американских военных на территорию Пакистана. Для предотвращения подобного в будущем были проведены мероприятия по отработке лучшего взаимодействия в борьбе с передвижениями террористов в приграничных районах. В частности, представители трех сторон посетили ряд пунктов на спорных участках по «линии Дюранда». Специалисты из США провели с помощью аппаратуры глобального позиционирования рекогносцировку на местности с целью фиксации точного местонахождения пограничных постов и недопущения инцидентов, связанных с пересечением американскими войсками или самолетами пакистанской границы.

В августе 2003 г. на заседании совместной пакистано-афганской комиссии по экономическим вопросам были конкретизированы планы взаимного экономического сотрудничества. Сотрудничество проводилось и на уровне

соответствующих министерств обеих стран. Так, министры иностранных дел занимались проблемами взаимодействия в борьбе с контрабандой наркотиков и оружия, незаконной иммиграцией. Министерство просвещения Пакистана обязалось оказать Афганистану помощь в строительстве школ. В сентябре 2003 г. этим министерством было передано 700 тыс. учебников для афганских школьников. Транспортные организации договорились о сотрудничестве в восстановлении основных магистралей: Чаман — Джелалабад, Чаман — Кандагар, Торкхан — Кабул, Чаман — Герат. На правительственном уровне была достигнута договоренность о создании «горячей линии» для оперативного решения конфликтных ситуаций, возникающих на границе между обеими странами. Таким образом, экономическое сотрудничество между обеими странами развивалось в целом успешно.

Более успешно решалась проблема возвращения афганских беженцев на родину. Этому способствовала более стабильная обстановка в стране по сравнению с предшествовавшим периодом. Материальная помощь мирового сообщества, реализация с 2002 г. программы ООН «Добровольная репатриация беженцев» помогли за прошедшее время вернуться 1,9 млн. человек. Однако на начало 2004 г. в Пакистане оставалось еще от 1 до 1,5 млн. человек.

Во время визита в Афганистан премьер-министра Пакистана М. З. Х. Джамали в январе 2004 г., помимо вопросов военного сотрудничества, была обсуждена проблема беженцев и перспективы их репатриации. Было достигнуто соглашение о постепенном освобождении всех пакистанцев, воевавших на стороне талибов и находившихся в афганских тюрьмах. Пакистан, в свою очередь, обещал освободить афганцев, находившихся за различные преступления в его тюрьмах. Афганской стороне были переданы 100 новых автобусов и 200 грузовиков в качестве помощи разрушенному хозяйству. Были обсуждены программы реализации выделенной Афганистану Пакистаном ранее (на конференции в Токио) помощи в 100 млн. долл.

На заседании совместной пакистано-афганской комиссии по экономическим вопросам в январе 2004 г. было принято решение об увеличении двусторонней торговли до 1 млрд. долл.

Как отмечает российский исследователь В. Н. Москаленко, в общей форме взаимодействие Пакистана и Афганистана осуществлялось по четырем основным направлениям — борьба с наркобизнесом; экономическое сотрудничество; возвращение беженцев; военное взаимодействие в борьбе с терроризмом. Наибольших результатов, таким образом, удалось достичь в реализации проблемы возвращения беженцев¹¹.

В 2004 г. проводились масштабные операции против боевиков «Аль-Каиды» и Талибан. Наиболее значительная была проведена в марте в рамках операции «Буря в горах», проводившейся коалиционными силами под руководством американских военных. В ходе ее был убит началь-

ник разведки «Аль-Каиды». Но в целом результаты ее были невелики — 167 арестованных (многие из которых — преимущественно местные пуштуны — вскоре были отпущены) и 63 убитых террориста (по разным данным, в полосе племен находилось до 500 боевиков).

Дальнейшие операции также не имели большого успеха. Главное, что не было обезврежено ни одного крупного деятеля Талибан или «Аль-Каиды». В результате был отправлен в отставку генеральный директор Разведывательного управления Пакистана полковник Башир Вали. МИД Пакистана заявил, что специальные операции в полосе племен продолжатся до тех пор, пока не будут задержаны все пособники талибов и лица, причастные к деятельности «Аль-Каиды».

Ранее для координации военной деятельности была создана трехсторонняя американо-пакистано-афганская комиссия, имевшая подкомиссии. Сессии этой комиссии собирались регулярно. Так, 18 апреля 2004 г. в Равалпинди состоялась седьмая сессия комиссии, на которой пакистанская сторона проинформировала союзников об итогах операции, проведенной в марте в Южном Вазиристане против боевиков «Аль-Каиды» и Талибан. Участники заседания договорились об укреплении сотрудничества в борьбе против терроризма и перехода боевиков через границу между Пакистаном и Афганистаном.

Что касается экономического сотрудничества между Пакистаном и Афганистаном, то здесь наблюдался прогресс. Так, по сообщению газеты «Daily Times», к маю 2005 г. экспорт Пакистана в Афганистан достиг в денежном отношении почти 1 млрд. долл. и превысил почти на 84% показатели за 10 месяцев предыдущего финансового года. Экспорт Пакистана по наземным маршрутам в Афганистан в следующем финансовом году с июля по апрель достиг 966,67 млн. долл. и цель достигнуть 1 млрд. долл. за весь финансовый год, вероятно, будет превышена. Экспорт из Пакистана за период июль — апрель в рупиях составлял соответственно 58,104 млрд., что превысило на 20,39 млн. экспорт за прошлый год, равнявшийся 37,714 млрд. рупий. Согласно официальным данным, экспорт Пакистана в Афганистан за период июль — апрель в этом финансовом году, включая пшеницу и муку, составил 6,456 млрд. рупий, рис — 2,1984 млрд. рупий, топленое масло — 4,829 млрд., сахар — 2,598 млрд., краски и лак — 2,252 млрд., изделий из малоуглеродистой стали — 3,435 млрд., медицинских товаров — 80,273 млн., строительных материалов — 1,075 млн., электротоваров — 376 млн., товаров электроники — 142,074, лекарств — 448,351 млн., других зерновых и бобовых — 226,131 млн., фруктов и овощей — 28,608 млрд. рупий¹².

Торговля между двумя соседними странами проходила через Торкхам и Чаман посредством перевозки товаров на грузовиках. В общей сложности 150,303 рейса перевезли товаров стоимостью 58,104 млрд. рупий из Па-

кистана в Афганистан за июль — апрель указанного финансового года. Около 92,335 рейсов с экспортным грузом пересекли границу на пути в Афганистан через Торкхам и 57,968 — через Чаман. Пакистан импортировал товаров из Афганистана на сумму около 3,014 млрд. рупий по сравнению с импортом 2,619 млрд. в предыдущем финансовом году. Импорт из Афганистана в Пакистан также превысил сумму в 96 млн. рупий в период с июля по апрель указанного финансового года на 2,182 млн. рупий. Пакистан импортировал овощи, свежие фрукты, сухофрукты, зерно, лекарства местного производства, специи, строевой лес, металлолом и другие товары¹³.

Однако вопрос о границе по «линии Дюранда» все-таки не перестает возникать в ракурсе пакистано-афганских отношений. В 2005 г. впервые в истории Пакистана его высокопоставленный чиновник Халил Уррахман — генерал-губернатор Северо-западной пограничной провинции — заговорил о спорности данного вопроса и заявил о необходимости заключения нового договора о границе между обоими государствами¹⁴. 19 апреля 2006 г. предложенный президентом Афганистана Х. Карзаем в качестве нового министра по национальной политике и границе Карим Барахуи на заседании парламента заявил, что он не признаёт «линию Дюранда» в качестве границы между его страной и Пакистаном. Он также отметил, что выступает за решение данного вопроса через парламент или Лоя Джиргу, о чем сообщило кабульское радио¹⁵. В связи с проведением пакистанскими войсками операции против боевиков в Вазиристане весной 2006 г. афганское правительство заявило, что Пакистан должен был информировать об этом Афганистан. Со стороны афганского правительства правительство Пакистана подверглось критике за закрытие двух лагерей афганских беженцев в Северном и Южном Вазиристане.

Основным же раздражителем в обострении отношений между Исламабадом и Кабулом явилась неурегулированность обстановки в полосе «свободных пуштунских племен», на территории которой продолжали базироваться и функционировать различные террористические структуры, включая движение Талибан¹⁶. Афганистан обвинял соседа, уверяя, что Пакистан ничего не делает, чтобы уничтожить базы талибов, которые перебрались на пакистанскую территорию и совершают оттуда дерзкие вылазки. Исламабад же заявлял, при чем тут Пакистан, если талибы давно контролируют значительные территории юга и юго-востока Афганистана и что Кабул должен сам нести ответственность за свои проблемы. Исламабад повторял, что он сделал больше других для борьбы с терроризмом и «Аль-Каидой», арестовав несколько десятков известных террористов (большинство из них передано США) и разместив на границе с Афганистаном 80-тысячный военный контингент для борьбы с боевиками¹⁷.

2 февраля 2007 г. корреспондент РИА «НОВОСТИ» Евгений Пахов из Исламабада сообщил: «Президент Пакистана Первез Мушарраф сообщил о намерении Исламабада оградить серию участков на пакистано-афганской границе и опроверг сведения о нахождении лидера талибов муллы Омара в Пакистане. По его словам, Пакистан не собирается огораживать всю 2400-километровую границу, а построит для начала ограждения на семи-восьми особенно проблемных участках общей протяженностью около 35 км в северной части границы. Впоследствии планируется оградить еще около 250 км на юге, в районе провинции Белуджистан. “Мы рассматриваем возможность установки там минных полей”, — добавил пакистанский президент, сообщив, что окончательное решение еще не принято. Мушарраф призвал к совместному контролю над пакистано-афганской границей, чтобы окончательно прекратить передвижение боевиков. “Ответственность за это должны нести все, включая Афганистан, НАТО, ИСАФ (Международные силы в Афганистане) и Пакистан”, — заявил он». 10 мая 2007 г. РИА «НОВОСТИ» сообщило, что Пакистан завершил ограждение первого участка границы с Афганистаном. «Мы оградили около 20 километров в Северном Вазиристане и работы продолжаются. Всего на первом этапе планируется оградить 35 километров», — сказал журналистам официальный представитель армии Пакистана генерал Вахид Аршад. По его словам, работы по ограждению ряда участков пакистано-афганской границы будут продолжаться несмотря на недовольство Кабула. Исламабад полагал, что система ограждений и минных полей на проблемных участках границы поможет остановить трансграничный терроризм и предотвратить передвижение террористических группировок, прежде всего боевиков Талибан. В свою очередь афганские власти заявили, что ограждения и минные поля «разделят братские народы», но не остановят террористов. Кроме того, в Афганистане считали, что сначала необходимо провести окончательную демаркацию пакистано-афганской границы. Кабул опасался, что появление ограждений и минных полей окончательно превратит «линию Дюранда» в полноценную границу. Исламабад же отрицал само существование проблемы этой границы и заявлял, что имеет право на своей стороне строить «всё, что считает нужным, в том числе и пограничные ограждения»¹⁸.

14 мая 2007 г. РИА «НОВОСТИ» сообщило, что, по данным агентства Франс Пресс, со ссылкой на афганские власти, за последние сутки в ходе артиллерийской перестрелки между афганскими и пакистанскими войсками погибли 12 афганцев¹⁹. «Со вчерашнего дня погибли восемь сотрудников полиции и четверо мирных граждан», — заявил генерал Сами Уль Хак Бадр²⁰. В ответ на намерение правительства Пакистана репатриировать в 2009 г. всех афганских беженцев ООН предупредила, что этот шаг добавит много горю-

чего материала, так как большинство беженцев пришло в Пакистан во время советской оккупации и многие из них родились в этих лагерях²¹.

28 июня 2008 г. афганские власти впервые публично обвинили Пакистан в подготовке покушения на президента Хамида Карзая во время парада в Кабуле 27 апреля 2008 г. В Пакистане это назвали плохо состряпанной ложью.

Не способствуют улучшению пакистано-афганских отношений и периодические нарушения границы и вторжения на пакистанскую территорию американских военнослужащих при проведении ими операций против боевиков Талибан и «Аль-Каиды». Операции все-таки проводятся. Так, в начале октября 2008 г. при проведении такой операции силами войск США и Афганистана было убито до 60 боевиков²². С августа 2008 г. по август 2010 г. США нанесли более 20 ракетных ударов по приграничным с Афганистаном районам, где нашли убежище многие боевики, действовавшие в рядах «Аль-Каиды» и Талибан.

После ухода в отставку Первеза Мушаррафа и прихода к власти президента Асифа Али Зардари отношения между обеими странами в целом существенно не изменились. Президент Афганистана Хамид Карзай присутствовал при инаугурации президента Зардари. После этого отношения между обоими государствами несколько улучшились, хотя о радикальном их улучшении говорить не приходится.

Третьего марта 2009 г. агентство Синьхуа сообщило, что во время визита президента США Барака Обамы в Китай в марте этого года он назвал афгано-пакистанский пограничный район прибежищем террористов. При посещении президентом Асифом Али Зардари СЗПП он убедился в том, что местное население в своем большинстве там настроено проталибски и антиамерикански²³. Что же касается обстановки на «линии Дюранда», то она к 2009 г. обострилась. Не последнюю роль в этом сыграли действия пакистанских талибов — организации «Техрик-э-Талибан Пакистан», возглавлявшейся Бейтуллою Мехсудом. Пакистанский Талибан сформировался в конце 2007 г. Сложилась такая ситуация, когда в Пакистане появилась опасность прихода к власти экстремистов, претендовавших на «талибанизацию» Пакистана. Вначале новая демократическая власть не смогла продемонстрировать свою силу. В феврале 2009 г. власти Пакистана пообещали проталибским группировкам ввести законы шариата в ряде северо-западных районов в обмен на прекращение вооруженных действий. В конце февраля боевые столкновения между пакистанской армией и боевиками были прекращены. В апреле 2009 г. президент Зардари подписал указ о введении норм шариата в округе Малаканд (СЗПП), где проживает около 3 млн. человек. В этом районе расположена долина Сват, ставшая ареной террора радикальных исламистов в отношении мирного населения, не следовавшего традиционным законам шариата.

Однако в мае — августе 2009 г. пакистанская армия провела крупномасштабную операцию в долине Сват и Южном Вазиристане, и казавшиеся непобедимыми пакистанские талибы потерпели тяжелое поражение. Появились даже сообщения, что их руководитель Бейтулла Мехсуд был якобы убит. Попытка «талибанизации» Пакистана, по крайней мере тогда, провалилась, а обещание захватить пакистанское ядерное оружие и применить его против США и их союзников оказалось невыполнимым. Несомненно, это поражение пакистанских талибов нанесло сильнейший удар и по талибам афганским, и это способствовало улучшению отношений между обеими странами.

Однако обстановка в Пакистане продолжала оставаться крайне напряженной. Этому способствовало также непрекращающееся влияние руководителей «Аль-Каиды», продолжавших свои действия на территории СЗПП Пакистана. 14 октября 2010 г. издательство «Аргументы и факты» сообщило, что, по данным ЦРУ, Усама бен Ладен скрывается в горных районах на пакистано-афганской границе²⁴. Что же касается обстановки на самой границе, то 14 октября 2010 г. Палестинское информационное агентство, ссылаясь на пакистанские дипломатические источники, сообщило, что Израиль предоставил пакистанской армии дирижабли типа «Скай Стар-300», оборудованные телекамерами для круглосуточного наблюдения в зоне пакистано-афганской границы. Кроме того, пакистанскими и американскими офицерами осуществляются функции контроля и управления беспилотными летательными аппаратами израильского производства для нанесения авиаударов по талибам на пакистано-афганской границе. Так это было или не так — сказать трудно, ибо другие источники об этом ничего не сообщали.

Однако, несмотря ни на что, отношения между обеими странами после свержения режима талибов в Афганистане улучшились. Это, по сообщению афганских СМИ, 4 декабря 2010 г. подтвердил посол Пакистана в Афганистане Мохаммад Садик. 27 января 2011 г. радио «Свобода» сообщило, что в Исламабаде министр иностранных дел Пакистана Шах Махмуд Куреши на совместной пресс-конференции со своим коллегой Залманом Расулом заявил, что Пакистан и Афганистан намерены создать совместную комиссию с участием гражданских и военных экспертов, целью которой будет содействие установлению мира в регионе. Естественно, для каждого реалистически мыслящего политика обеих стран ясно, что единственным выходом в данных условиях была бы нормализация отношений между этими государствами при существующем положении, касающемся пуштунских районов Пакистана и границы по «линии Дюранда». Но для этого необходима нормализация обстановки в данном регионе, включающая искоренение использования территории Пакистана различными террористическими организациями в антиафганских целях и прекращение анархии,

и стабилизация обстановки в Афганистане. При нормализации отношений можно будет решить многие проблемы. Но она возможна лишь в том случае, когда и официальные руководители обеих стран, и руководители различных политических организаций и партий будут думать прежде всего о нуждах своих народов, а не о своих политических амбициях, которые уже не одно десятилетие заставляют страдать эти народы.

Примечания

¹ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003, с. 300.

² Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 — июнь 2002). М., 2002, с. 130.

³ Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М., 2004, с. 463.

⁴ Белокреницкий В. Я. Пакистан: перспективы и возможные трансформации правящего режима. — Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен. М., 2006, с. 142.

⁵ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Указ. соч., с. 304.

⁶ Defence Journal. Karachi, October 2003, с. 86.

⁷ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. М., 2008, с. 439–440.

⁸ Коргун В. Г. Указ. соч., с. 473.

⁹ Москаленко В. Н. Пакистан и Афганистан: смена курса. — Афганистан в начале XXI века. М., 2002, с. 136.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 133.

¹² Sajid Chaudhry. Daily Times (Pakistan). May 18. 2005.

¹³ Там же.

¹⁴ Сергеев В. Афгано-пакистанские связи после падения режима талибов. Институт Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/24-10-05.html> 0.94кб

¹⁵ www.afghanistan.ru

¹⁶ Верёвкин М. Институт Ближнего Востока. www.iimes.ru/rus/stat/2007/08-11-07.htm-12

¹⁷ Пахомов Е. Статья. Время новостей, № 4. 15 января 2007 г.

¹⁸ РИА «НОВОСТИ». 02.02.2007; 10.05.2007.

¹⁹ Там же, 14.05.2007.

²⁰ Р. Юсуфзай. Исп. редактор «Ньюс интэрнэшнл», корреспондент ВВС, ABC «Ньюс» и журнала «Тайм», 17.05.2007.

²¹ International Herald Tribune The Global Editor of the New York Times, 17.04.2008.

²² Рейтер, 07.10.2008.

²³ Аргументы и факты, 14.10.2010.

²⁴ Палестинское информационное агентство, 14.10.2010.

Н. А. Замараева

УСИЛЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ПАКИСТАНЕ В 2008–2010 ГГ.

Гражданское общество Пакистана в последние годы столкнулось с разгулом исламского экстремизма и религиозного фанатизма. Террористические акты прокатились по всей стране, унося тысячи жизней. Феномен этого социального явления до конца не исследован ни в западной, ни в российской науке. Порожденный комплексом объективных и субъективных факторов, экстремизм сегодня вырывается из самых глубин пакистанского общества и усиливается на фоне широких демократических преобразований в стране.

Отличительной чертой экстремизма в Пакистане является его исламская направленность, в первую очередь суннитская. Подавляющее большинство населения Пакистана — мусульмане, последователей суннизма свыше 80% всех мусульман, шиизма около 10%¹. Христиане составляют всего около 1,5% населения Пакистана.

В целом усиление исламского экстремизма и — в последнее время — религиозного фанатизма свидетельствует, как отмечает известный российский пакистановед В. Я. Белокреницкий, об «охватившем значительную часть исламского мира внутреннем разломе»²; о неготовности традиционного пакистанского общества к принятию ценностей, пропагандируемых правящими, в основном прозападными, кругами Исламабада; и о способности самих правящих кругов инкорпорировать прозападные демократические ценности в местное традиционное общество.

«Гражданский разлад разрывает страну на два идеологических фронта — светский, либеральный, умеренно прозападный, и исламистский, консервативный, резко антизападный», и процесс этот со временем только углубляется³. В целом пакистанское общество глубоко традиционно и религиозно. Например, занятия в колледжах и университетах начинаются с произнесения молитвы студентами, не говоря уже о деловых совещаниях и встречах.

Любое проявление экстремизма в Пакистане — это наивысшая форма протеста против политики, проводимой правящими администрациями, часто — открытая вооруженная оппозиция. Радикальная исламская

оппозиция в Исламской Республике Пакистан — понятие широкое: силы, противостоящие федеральной власти, выступают против вмешательства иностранных государств как во внутреннюю политику, так и дела соседних стран; силы, выступающие за сохранение контроля над территориями компактного проживания местного населения, в отдельных случаях — за установление шариатского правления в ряде районов; наконец, выступления против религиозных меньшинств и т. д.

Экстремистская радикальная оппозиция не выступает единым организованным фронтом. Она различается, в первую очередь, по этническим признакам: исламская оппозиция провинции Хайбер-Пахтунхва; зоны пуштунских племен; Кашмир, Белуджская радикальная исламская оппозиция и т. д. Существуют и другие группы, выражающие оппозиционные экстремистские настроения, как, например, в Панджабе, Синде и т. д.

Этнические, конфессиональные, территориальные, исторические, социально-экономические, политические причины обусловили цели и задачи каждого из экстремистских направлений в современном Пакистане.

Традиции антиправительственных боевых группировок в Пакистане существуют давно. В 70-х гг., после свержения правительства премьер-министра З.А. Бхутто, один из его сыновей создал антиправительственную организацию «Аль-Зульфикар» и вел некоторое время подрывную деятельность против режима генерала М. Зия-уль-Хака.

Организация «Лашкар-и Тайба» (Ополчение правоверных) действует в основном в Кашмире и южных районах провинции Синд. Как писала пакистанская газета «Dawn» от 5 июня 2009 г., организация в 90-х гг. XX века «объявила джихад Индии на спорных территориях Кашмира»; выступала за присоединение к Пакистану и, как следствие, осуществила серию террористических актов, самым крупным из которых явился Мумбайский в ноябре 2008 г. В настоящее время организация значительно снизила агрессивность своих действий. После выборов в Кашмире весной 2009 г. она не пользуется широкой популярностью.

Значительная часть экстремистских организаций — пакистанская пресса называет их «повстанческими» — в основном базируется в северных и северо-восточных окраинных районах Пакистана. На сегодняшний день наиболее влиятельная исламская оппозиция представлена организацией «Движение за установление шариата» в провинции Хайбер-Пахтунхва, а также различными группировками боевиков, объединенных в «Движение Талибан» Пакистана и афиллированные с ней группировки боевиков и т. д.

В круг их основных «идеологических противников» входят не только представители религиозных меньшинств страны (шииты, христиане, последователи секты ахмадия и т. д.), но и пакистанские военные, участвующие в антитеррористических мероприятиях против боевиков; члены местных администраций Территорий племен федерального управле-

ния (ТПФУ) и провинции Хайбер-Пахтунхва, отказывающиеся выполнять требования боевиков; иностранцы, в основном американцы, которых они считают оккупантами соседнего Афганистана, но и начиная с 2011 г. — государственные деятели Пакистана, выступающие за реформирование Закона о богохульстве и т. д.

Забегая вперед, необходимо подчеркнуть, что весь комплекс событий, связанных с инициированием законопроекта о внесении поправок в Закон о богохульстве в ноябре 2010 г., наконец, резонансное убийство в феврале 2011 г. боевиками ДТП министра по делам меньшинств Бхатти свидетельствует, во-первых, об укреплении социальных позиций талибов и расширении их социальной базы в обществе; во-вторых, о действенности их давления на принятие правящей ПНП политических решений и т. д. Иными словами, выразители исламского экстремизма и религиозного фанатизма являются одним из дестабилизирующих факторов социально-политического развития страны в период становления конституционно-парламентских форм правления в Пакистане в 2008–2011 гг.

Приведенное ниже исследование показывает, что широкий выход исламских экстремистов на политическую арену в Пакистане и адаптация их в обществе были закономерными в силу ряда объективных и субъективных причин как в самом Пакистане, так и в регионе Западной Азии.

Основные объективные и субъективные причины усиления исламского экстремизма в Пакистане кроются во внешних и внутренних факторах. К внутренним факторам следует отнести снижение основных социально-экономических показателей развития страны, галопирующие цены на энергоносители, продукты питания (сахар, муку, рис и т. д.), хроническое недофинансирование социальных и образовательных программ, низкое качество или нехватка медицинского обслуживания, рост безработицы, большой выброс в общество люмпенов и т. д.

Кардинальная смена правящих элит, переход в сжатые сроки от военно-гражданской к конституционно-парламентской форме правления, жесткие противоречия между правящей и оппозиционными политическими партиями, борьба различных ветвей власти и т. д. отвлекали федеральный кабинет министров от решения вопросов борьбы с экстремизмом и терроризмом в стране.

В 2008–2010 гг. государство вело борьбу с терроризмом, и основным инструментом этой борьбы была армия, которая провела несколько успешных военных кампаний в ограниченных районах провинции Хайбер-Пахтунхва и нескольких агентствах ТПФУ. Что же касается борьбы с экстремизмом во внутренних районах страны, то, судя по материалам пакистанской и западной прессы, с исламским экстремизмом безуспешно пыталось бороться министерство внутренних дел. Создавалось впечатление, что оно лишь констатирует акты агрессии, не предпринимая или имея

ограниченные возможности на активные превентивные действия. Очевидно одно — усиление экстремизма, в первую очередь исламского, свидетельствует о слабости нынешних государственных структур и отсутствии опыта адекватно отвечать на очередной вызов времени.

Становление новых, конституционно-парламентских форм правления в Пакистане в 2008–2010 гг. сопровождалось усилением исламистских тенденций в обществе и укреплением позиций традиционных исламистских партий, расширением их социальной базы.

Антитеррористическая кампания Международных сил содействия безопасности в Афганистане оказала влияние на развитие внешней и внутренней политики Пакистана и — опосредованно — на экстремистские организации и соответственно политику федеральных властей и армии по отношению к ним. Афганский фактор в дальнейшем стал одним из решающих в становлении и распространении экстремизма и, в первую очередь, исламского экстремизма на территории Пакистана. По этой причине он заслуживает пристального изучения.

Агрессия террора обрушилась на Пакистан в последние годы, поразив в первую очередь северо-западные районы, а затем и крупные города страны, дав параллельно импульс активности радикальным организациям.

Любой кабульский конфликт за последние тридцать лет сопровождался потоком афганцев, в первую очередь пуштунов (как боевиков, так и беженцев), в южном направлении, на земли пуштунских племен, издревле населяющих предгорья Гиндукуша по обе стороны пакистано-афганской границы. Например, в 80-х гг. XX в., по различным оценкам, до 3,5 млн. афганцев проживали в лагерях беженцев в Белуджистане и в Северо-Западной пограничной провинции (с 2010 г. — Хайбер-Пахтунхва). Очередная волна афганских беженцев хлынула в Пакистан после ввода американских войск в Афганистан в октябре 2001 г. По состоянию на декабрь 2010 г., по данным международных организаций, в Пакистане в лагерях беженцев проживает до 2 млн. человек. Помимо беженцев, в приграничные земли Пакистана устремились боевики (в 80-е гг. — моджахеды, в первое десятилетие XXI в. — афганские талибы), «передвигая и расширяя», таким образом, зону своего базирования на территории соседней страны. Географически они базировались в пограничных районах Пакистана — провинции Белуджистан, ТПФУ и далее к востоку — центральных и южных районах провинции Хайбер-Пахтунхва.

Пуштунские племена издревле населяют земли в предгорьях Гиндукуша, считая их родовыми. Афганские пуштуны, двигаясь на юг, не нарушали, по их мнению, пакистано-афганской границы, так как в 1949 г. Афганистан в одностороннем порядке заявил о выходе из договора 1893 г. о признании «линии Дюранда» в качестве государственной границы⁴.

В последующие годы Исламабад постоянно ставил перед Кабулом вопрос о признании «линии Дюранда» в качестве официальной межгосударственной границы, но безрезультатно. В свою очередь, федеральные власти не были озабочены «обустройством границы», во-первых, в силу географической труднодоступности (горы), а во-вторых, потому что охрану «своих земель» несли сами пуштуны. В целом федеральный центр мало вмешивался во внутренние дела зоны племен, предоставляя это традиционным органам власти — вождям и старейшинам племен. Было зафиксировано, что «...на территории политических агентств не действует уголовное право Пакистана... Свои внутренние дела жители политических агентств решают на основе обычного права»⁵.

В силу ряда исторических факторов в современном афганском конфликте в значительной степени задействованы ТПФУ Пакистана, т. е. территориально-административные районы семи политических агентств — Южного Вазиристана, Северного Вазиристана, Куррама, Оракзая, Хайбера, Моманда, Баджаура. Общая площадь равна 27,2 тыс. кв. км, население составляет 2,2 млн. чел. (1981 г.)⁶. Основная этническая группа — пуштуны, поэтому и район их расселения называют «зоной пуштунских племен».

Именно пограничные с Афганистаном районы с 2001 г. стали ареной военной антитеррористической борьбы Исламабада.

Штурм американским десантом провинции Кандагар, места укрытия муллы Омара, лидера Исламского Эмирата Афганистана (до сентября 2001 г.), который позднее бежал в Пакистан, стал сигналом для отступления афганских талибов; и дальнейшее появление в районах ТПФУ современных «моджахедов» — афганских талибов с 2001 г. стало закономерным.

Афганские талибы, воевавшие против войск США, а с 2003 г. — и против коалиционных сил МССБ в Афганистане, в основном базировались в пограничных агентствах ТПФУ Пакистана. Они использовали эти районы в качестве тылового обеспечения своих основных боевых действий на территории Афганистана (подготовка и проведение военных операций; рекрутирование новобранцев, включая иностранных наемников, их тренировки; обустройство мест укрытия, логистика и безопасность транспортируемых грузов, включая оружие, и т. д.). «...Несмотря на наличие в движении Талибан представителей различных национальностей, в том числе и иностранных граждан, тем не менее подавляющую массу талибов... составляют этнические пуштуны, конкретно пуштуны из южных, юго-восточных и западных районов Афганистана, а также пакистанские пуштуны, главным образом из СЗПП, Вазиристана и Белуджистана»⁷.

В сумме факторов, объясняющих поддержку большинства местного населения ТПФУ афганских талибов, помимо этнического, значительную роль играл и конфессиональный — подавляющее большинство населения пуштунских племен исповедуют ислам суннитского толка. В свою очередь, мес-

тные пуштуны по зову крови оказывали помощь афганским талибам, основную массу которых составляли этнические пуштуны. Старейшины местных племен предоставляли укрытие афганским пуштунам, которое рассматривалось как «часть их gewaj». Как отмечает российский востоковед Р. Р. Сикоев, «афганские талибы, функционировавшие в пограничных территориях Пакистана, постоянно переходили границу и т. д., которые приносили и распространяли идеологию талибов — борцов за веру... Лозунги ИЭА сочетали религиозный консерватизм с политическим экстремизмом»⁸.

Афганские талибы ставили задачу «с оружием в руках восстанавливать вековые традиции правления пуштунов»⁹. Совокупность этнических, исторических, политических и социально-экономических причин способствовали созданию условий длительного пребывания афганских талибов на территории Пакистана, усилению их боевой активности и соответственно распространению экстремистских лозунгов.

Следует отметить территориальную удаленность ТПФУ от центра страны. Новая столица — Исламабад функционирует только последние двадцать лет, в прежние времена федеральным центром был город-порт Карачи. Конституция 1973 г. нелегитимна в ТПФУ. «На территории политических агентств не действует уголовное право Пакистана... Свои внутренние дела жители политических агентств решают на основе обычного права»¹⁰. В-третьих, традиции политической жизни Пакистана не предусматривали вмешательство в дела зоны племен и т. д.

Военно-политическое руководство Пакистана еще в 2000–2001 гг. предупреждало мировую общественность об опасности распространения терроризма из соседней страны, несмотря на официальное признание ИЭА наравне с Саудовской Аравией и ОАЭ.

«...Период правления правительства П. Мушаррафа — это время, когда впервые пакистанские власти повели длительную и упорную борьбу с исламским фундаментализмом и экстремизмом. Важно отметить, что борьба эта началась еще до сентябрьских 2001 г. событий в Америке. Уже тогда власти почувствовали опасность, которую несет самому государству радикально-военизированный ислаимзм, который усиленно выращивался в прошлые годы спецслужбами (в первую очередь Объединенной войсковой разведкой — ОВР) и фундаменталистскими партиями для борьбы с “неверными” в Кашмире и Афганистане»¹¹.

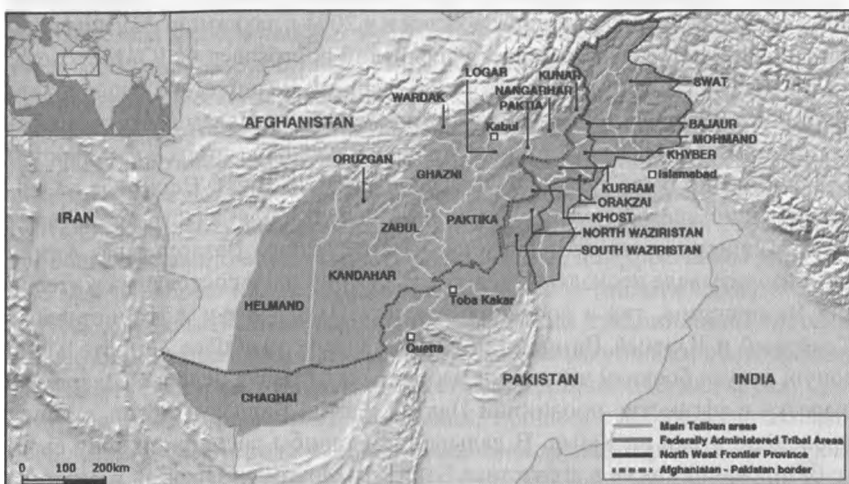
В конце 2001 — начале 2002 г. военные власти Пакистана сумели противостоять активизации различных боевых группировок, произведя по всей стране аресты нескольких сот членов исламистских организаций и запретив некоторые из них, например «Лашкар-и Тойба», «Сипах-е-Сахаба», «Движение за установление шариата».

Многие в Пакистане рассматривали позицию П. Мушаррафа, согласившегося участвовать в международной антитеррористической кампа-

нии в Афганистане, как «предательство братьев по вере...»¹², но это уже другая тема исследования.

В силу различных причин истоки экстремизма в Пакистане порождены самим военно-бюрократическим истеблишментом страны. В 80-х гг. Исламабад санкционировал тренировки моджахедов в северо-западных районах для борьбы с иностранными войсками на территории соседнего Афганистана. Осознавая неизбежность массового прихода афганцев на территорию Пакистана, генерал начал выстраивать отношения с бывшими лидерами Исламского Эмирата Афганистана, группировками афганских боевиков, а также с пакистанскими боевыми группировками, появившимися под влиянием афганских талибов в начале первого десятилетия XXI в. в зоне пуштунских племен и СЗПП.

Руководствуясь тезисом, что «все талибы — пуштуны, но не все пуштуны — талибы», генерал П. Мушарраф в 2002–2007 гг. проявлял, во-первых, нейтральность по отношению к афганцам, не нарушавшим федеральные законы Пакистана; во-вторых, проводил локальные военные операции против афганских боевиков с целью сохранения контроля в районе пакистано-афганской границы, куда перемещались афганские талибы¹³; в-третьих, шел на переговоры как с лидерами пуштунских племен, так и местными боевиками; в-четвертых, проводил локальные военные операции, направленные на уничтожение антиправительственных террористических элементов и т. д.

На карте отчетливо видно географическое положение пограничных с Афганистаном территорий Пакистана: провинции Белуджистан, политических агентств ТПФУ и провинции Хайбер-Пахтунхва.

Афганские боевики имели зоны своего влияния. В начале первой декады XXI в. на территории Пакистана обосновались несколько групп афганских талибов, две из которых были наиболее влиятельными — муллы Омара и Хаккани, другие группировки возглавлялись афганскими полевыми командирами или полукриминальными элементами.

Пакистанской резиденцией бывшего лидера ИЭА муллы Омара стала Кветта (провинция Белуджистан), где в дальнейшем появился известный совет Шура Кветты. Местоположение базирования мулл Омара объяснимо — он родом из соседней афганской провинции Кандагар. Объединяющим фактором для местных полевых командиров стала борьба против иностранных войск в Афганистане. В то же время группировка избегала нападений на подразделения федеральной армии Пакистана. Вторая группировка базировалась в агентстве Северный Вазиристан и возглавлял ее Джалалуддин Хаккани. Территория агентства преимущественно населена племенем вазиров; по другую сторону границы — афганская провинция Пактика и Хост. В дальнейшем он действовал в агентствах Южный Вазиристан, Хайбер и др. По сообщениям пакистанских источников, к середине первой декады XXI в. группировка Хаккани перешла под контроль его сына Сираджуддина Хаккани.

В Северном Вазиристане, в городе Мир Али, также обосновался полевой командир Хафиз Гул Бахадур, ветеран афганской гражданской войны 1992–1996 гг., позднее присоединившийся к талибам.

С 2001 г. Вазиристан стал оплотом движения Талибан. Талибы оттеснили традиционных племенных вождей и в 2004 г. захватили фактическую власть в агентстве. Как отмечает российский востоковед М. Ю. Морозова, «...14 февраля 2006 г. на территории Северного Вазиристана было объявлено о восстановлении независимости и создании Исламского государства Вазиристан (ИГВ). Самопровозглашенное сепаратистское государство Вазиристан не было признано ни одной страной мира. Несмотря на попытки пакистанской армии восстановить центральную власть, территория ИГВ расширилась за счет большей части Южного Вазиристана. Армия ИГВ насчитывала несколько десятков тысяч бойцов и состояла из жителей как Вазиристана, так и соседних агентств Пакистана и Афганистана»¹⁴. Северный и Южный Вазиристан сформировали наиболее «смертельную зону», откуда боевики численностью до десяти тысяч человек совершали вылазки в афганские провинции Пактия, Газни, Вардак и Логар, а также проводили атаки на Кабул. В дальнейшем талибы расширили зону своего базирования также в агентствах Баджаур, Моманд и Оракзай и регионы СЗПП — Банну и Кохат. Ориентировочно с 2007 г. многие из них переместились в центральные провинции — Панджаб и Синд, другие — в Белуджистан. Причем «тыловое обеспечение» и координация террористической активности по всей стране осуществлялись в основном из зоны племен.

В течение многих лет агентства ТПФУ выступали в качестве транзитного пункта для иностранных наемников и афганских талибов¹⁵, где они разбивали мобильные интернациональные лагеря для обучения рекрутов джихада на территории Пакистана. Сильные антиамериканские настроения, особенно в период правления администрации Дж. Буша-младшего, вызывали симпатии к террористам у местных племен.

По мере развития конфликта в Афганистане интернационализировался и состав боевых группировок, которые также проникали в пограничные районы Пакистана. В них входили арабы, выходцы из Центральной Азии — узбеки, таджики, туркмены, а также уйгуры, афганцы и пакистанцы. По сообщениям западной прессы, одним из главных организаторов мобильных тренировочных лагерей в Пакистане был «Союз исламского джихада»¹⁶.

Стремление афганских талибов контролировать территории базирования и транспортные коридоры в ТПФУ в дальнейшем спровоцировало многие вооруженные конфликты в зоне племен: между афганскими боевиками и пакистанской армией, между отрядами местного ополчения — лашкарами и афганскими и пакистанскими талибами, а также межплеменные, межконфессиональные конфликты и т. д.

Объективные и субъективные факторы становления Движения Талибан Пакистана в ТПФУ

Находясь на территории Пакистана, часть афганских талибов открыто саботировала федеральные и местные институты власти. Вслед за ними местные «талибанизированные элементы», как писала газета «Нейшн», несли ответственность за волнения в Северном Вазиристане в 2004 г.

Всплеск экстремистской активности в Пакистане выразился в усилении террористических актов, первоначально в пограничных с Афганистаном районах, а позднее — и во внутренних районах страны.

Наркотики, негодование против иностранной оккупации Афганистана, воинственные традиции пуштунских племен, неэффективное управление федерального центра через представителей — политических агентов в ТПФУ, насильственное разрушение боевиками традиционной системы пересечения территорий племен — все это в совокупности обеспечивает идеальную среду для становления местных террористических групп.

Результатом пребывания афганских талибов стал подъем исламского экстремизма в ряде районов Пакистана, а также рост числа терактов не только в районах их компактного проживания, но и во внутренних районах страны.

К середине первой декады XXI в. в ТПФУ сложились благоприятные условия для возникновения местных боевых группировок, деятельность которых была направлена против федеральной власти.

Первым и наиболее ярким явлением можно назвать организацию Движение Талибан Пакистана во главе с Бейтуллою Масудом. Он принадлежал к клану масуд-вазирова (ветвь пуштунского племени вазиров). Его имя впервые стало звучать в местных СМИ в 2005–2006 гг., когда он сумел убедить как старейшин племен, так и полевых командиров разрозненных отрядов в необходимости объединения в единое движение. «...Радикальная исламская идеология для этих групп населения, очевидно, имела большее значение, чем племенные обычаи...»¹⁷ Именно в тот период зарождался активный фронт сопротивления федеральной власти.

По разным сведениям, Движение Талибан Пакистана стало оформляться еще в конце 2004–2005 гг., а формальное объединение разрозненных группировок произошло ориентировочно в 2007 г. Этому способствовали и объективные причины, а именно: антиамериканские настроения в среде пуштунов после высадки военного десанта США на территории Пакистана и его действия по уничтожению «террористических элементов» в период спасательной операции в октябре 2005 г. после землетрясения в районе Музафарабада; «провал военных операций США в Ираке в 2006 г. и последовавшее отвлечение внимания от Кабула, что позволило афганским талибам перегруппироваться, получить определенную передышку»¹⁸.

Со временем группировка Б. Масуда пополнилась новыми рекрутами и расширила географию своего базирования в ТПФУ и СЗПП¹⁹. Ее основной целью было проведение различных антиправительственных подрывных акций.

Многие сторонники характеризовали Б. Масуда как «человека беспощадного, что касалось достижения его цели — введения «экстремальных форм Ислама», как писала американская «Нью-Йорк Таймс», и он считал, что и «ислам не признает границ». Б. Масуд подчеркивал, что «его борьба направлена против американских войск, находящихся через границу, в Афганистане». Однако это не мешало ему в дальнейшем вести вооруженную борьбу против федеральной армии. «Опираясь на хорошо организованную боевую группировку (до 20 тыс. бойцов), состоящую в основном из представителей племени масуд-вазирова, он сумел к концу 2007 г. подавить оппозицию среди племен Южного Вазиристана, не гнушаясь физическим устранением старейшин племен»²⁰. Собственно с того времени в Пакистане пошло понятие «частная армия».

Самопровозглашение Вазиристана и подъем террористической активности пакистанских боевиков в лице ДТГ стали уроком для генерала-президента П. Мушаррафа, отстаивавшего территориальную целостность Пакистана, и в 2006 г. он усилил военные операции в зоне пуштунских племен ТПФУ.

В 2009 г. Б. Масуд был убит в результате авиаудара с американского беспилотного летательного аппарата. Несмотря на ликвидацию лидеров

ДТП (вскоре был убит и брат Б. Масуда — Х. Масуд) Движение Талибан Пакистана не распалось. В дальнейшем оно сумело перегруппироваться и расширить свою деятельность, проводя террористические акты во внутренних районах страны.

В 2001–2007 гг. военно-гражданская администрация стремилась «блокировать» ситуацию, не шла на открытую конфронтацию с боевиками, преграждая пути возможного распространения «афганского синдрома» на внутренние районы страны. Особенности военных кампаний в зоне пуштунских племен была их эпизодичность, малочисленный военный контингент и ограниченная огневая мощь. «В мое время они прятались», — говорил впоследствии глава государства о талибах.

Данная тактика позволяла федеральной администрации и армии, с одной стороны, держать обещания перед США и следовать общим курсом антитеррористической кампании, развернутой Международными силами содействия безопасности в Афганистане; с другой — контролировать ситуацию в зоне пуштунских племен — не предоставлять боевикам повода повернуть оружие в противоположную сторону, направив его во внутренние районы страны. «Тактика на усмирение» приносила лишь кратковременный успех.

В 2003–2008 гг., стремясь избежать открытых военных столкновений, П. Мушарраф шел на урегулирование спорных вопросов как со старейшинами пуштунских племен, так и с боевиками в ТПФУ и СЗПП: в 2004 г. было достигнуто соглашение с племенем вазиров; с племенем масуд — в 2005 г.; 5 сентября 2006 г. было достигнуто мирное Соглашение с племенем вазиров Северного Вазиристана о прекращении огня между федеральной властью и лидерами племен в Вазиристане, согласно которому старейшины племен обязались охранять границу с Афганистаном, а правительство обязалось вывести войска из агентства; в 2007 г. — соглашение о выселении иностранцев; лидер боевиков Северного Вазиристана Мулла Назир еще в марте 2007 г., когда он возглавлял военную группировку племени вазир, пообещал силой выдворить боевиков Центральной Азии из региона Вана в Южном Вазиристане. Его кампания была поддержана пакистанскими военными, дислоцированными в регионе. Правительство также присоединилось к договоренностям с боевиками Северного Вазиристана уже после столкновений между ними и силами безопасности летом 2007 г. Федеральные власти Пакистана сумели договориться с боевиками о прекращении военных действий на подконтрольных им территориях и избежать, таким образом, широкой конфронтации. Результатом всех этих договоренностей стало вытеснение в 2005–2007 гг. на территорию Афганистана части боевиков иностранного происхождения, что в значительной степени способствовало кратковременному установлению мира. На практике ни одно из этих соглашений до конца не выдерживалось и каждая из сторон конфликта — власти, афганские боевики

или местные племена — обвиняли друг друга в нарушении договоренностей²¹. Более того, в отдельных агентствах, в частности в Северном Вазирстане, боевики стали развивать инфраструктуру для рекрутов джихада.

Штурм силовиками Красной мечети и активизация воинствующих исламистов

2007 г. внес много изменений в политическую жизнь Пакистана. Одно из них касалось проблемы терроризма. Противостояние воинствующих студентов-исламистов во главе с их преподавателем Абдулом Рашидом Гази в медресе при Красной мечети и властей, длившееся 10–11 июля 2007 г., привело к ее штурму. Расположенная в центре Исламабада, в квартале правительственных учреждений, мечеть стала символом мученичества во имя Аллаха. В результате осады и операции спецназа погибли более 200 человек. Именно тогда пришло осознание масштабности влияния исламизма на пакистанское общество, и в первую очередь на молодежь. И одним из основных источников, питательной средой распространения исламистских лозунгов стали медресе. Пакистан предстал миру «ареалом распространения исламистской угрозы...» Если до операции спецназа в мятежной Красной мечети основные теракты происходили в Белуджистане, СЗПП и ТПФУ, то в дальнейшем география терроризма стала активно распространяться во внутренних районах страны — Исламабаде, Панджабе и Синде. Экстремисты стали активнее привлекать к своей деятельности студентов медресе. События вокруг мечети Лал Масджид провели красную черту между политическими сторонниками и противниками действия военных властей; между военными и происламскими силами, в частности Альянса происламских партий (Муттахида-маджлис-и-амаль, ММА). Позиции Альянса были сильны в северо-западных районах страны, что и способствовало определенной лояльности и сговорчивости боевиков к местной власти. Будучи у власти, ММА стремилась провести в жизнь, наряду со светскими, и исламские законы, что не всегда вызывало понимание у местного населения и тем более поддержку со стороны центральных властей. Дальнейшее размежевание П. Мушаррафа и ММА привело к усилению позиций правоисламистских партий, в частности Джамаат-и ислами (ДИ), и дальнейшему расширению ее социальной базы; из сторонников генерала-президента ДИ перешла в стан его противников²².

События вокруг Красной мечети полностью изменили ситуацию безопасности в стране. В знак протеста против штурма Красной мечети боевики ТПФУ и СЗПП разорвали все договоренности с Исламабадом и ни о каком перемирии вопрос уже не стоял. «Аль-Каида», Движение Талибан, Движение Талибан Пакистана, организация «Движение за установление шариата» и т. д. провозгласили джихад военным, военной администрации и лично П. Мушаррафу. По стране прокатилась волна террористических

актов. События после Лал Масджида свидетельствовали об изменении масштаба и характера террористической активности в Пакистане.

Особенности исламского экстремизма в Северо-Западной пограничной провинции (2007–2009 гг.)

Лозунги афганского Движения Талибан в начале первой декады XXI в. оказали влияние не только на становление Движения Талибан Пакистана в пограничных с Афганистаном политических агентствах, но на усиление исламистских тенденций во внутренних районах Северо-Западной пограничной провинции. В частности, присутствие афганских талибов в ТПФУ и частично в СЗПП дало толчок активизации «Движения за установление шариата». Оно было основано в конце 80-х гг. XX в. Мауланой Суфи Мохаммадом, последователем школы ваххабизма Саудовской Аравии, который заявлял, что «демократия несовместима с законами шариата, и существующая политическая система Пакистана противоречит Корану»²³, указывая, таким образом, боевикам путь на подрыв демократических институтов в стране²⁴. Арестованный Суфи Мохаммад в начале первого десятилетия XXI в. за призывы неподчинения светским институтам власти, в частности решениям судов, был выпущен на свободу в 2007 г.

Приход в феврале 2008 г. в результате всеобщих парламентских выборов к власти в Пакистане нового гражданского правительства изменил и расстановку политических сил в СЗПП и соответственно в ТПФУ. В феврале 2009 г. Исламабад под давлением разрешил параллельное функционирование судов шариата наряду со светскими судами в дистрикте Малаканд, рассчитывая подобной уступкой прекратить бесчисленные акты самосуда.

Пакистан — государство с развитыми и активно действующими гражданскими демократическими институтами. И несмотря на глубокие разногласия между официальными администрациями и религиозными партиями, вопрос об установлении норм шариата в качестве совершения правосудия и административного местного управления не рассматривался ни на парламентских слушаниях, ни президентом.

ДУШ («Движение за установление шариата») сразу начало применять ранние нормы шариата и подменять ими светские формы местного управления, а в дальнейшем возглавило вооруженные выступления исламских экстремистов на территориях долины Сват. С целью подавления выступлений исламских экстремистов федеральная армия двинула войска в долину Сват, где военная операция продолжалась с мая по август 2009 г. Действия ДУШ, вооруженный захват власти в ряде районов долины Сват в феврале — мае 2009 г., можно охарактеризовать как исламский экстремизм, иными словами, «пакистанский вариант экспортного афганского насаждения шариата».

Пример Суфи Мухаммада и в дальнейшем «триумфальное шествие» шариата в Малаканде, поддержка со стороны ДТП дали толчок становлению самостоятельного крыла ДТП в СЗПП в лице малочисленной, но активной организации Движения Талибан Свата (ДТС). Собственно ДТС положило начало региональному развитию организации ДТП.

В отличие от ДУШ Движение Талибан Пакистана в зоне пуштунских племен не ставило задачу введения шариатских судов или других элементов исламского правления — племена применяли обычное право. Юрисдикция Пакистана не распространялась на земли ТПФУ. Опасаясь усиления сепаратистских тенденций и стремясь консолидировать власть, 12 августа 2009 г. федеральное правительство одобрило ряд поправок к Уголовному законодательству зоны племен.

Гражданская администрация Пакистана поставила себе цель применить нормы гражданского и уголовного права к населению зоны пуштунских племен. С введением поправок к Уголовному законодательству администрация получила механизм конституционного управления землями племен. Но поправки не применялись в судебной практике в ТПФУ.

Терроризм — инструмент политической борьбы в Пакистане

2007 г. показал, что терроризм — уже не стихийное явление, а комплекс хорошо организованных и четко направленных действий, и методика их исполнения можно подразделить на традиционные цели, точечные атаки, транстерроризм и т. д. Несколько терактов было совершено на главу государства, генерала П. Мушаррафа, в октябре 2007 г. — на экс-премьер-министра Б. Бхутто по ее возвращении в Пакистан. И наконец, теракт 27 декабря 2007 г., в результате которого погибла Б. Бхутто, заявил об активизации исламских радикалов в стране.

Неспособность федеральной власти договариваться с боевиками и вместо этого применять оружие подтолкнуло экстремистские силы к открытому террору, который «стал инструментом, важным политическим фактором, оказывавшим влияние на основные социально-политические, и опосредованно на экономические процессы в стране». Это проявилось, например, в период всеобщих парламентских выборов зимой 2008 г., «когда теракты или угроза их значительно повлияли на явку избирателей... При детализации данных можно увидеть, что наименьшая активность наблюдалась в зоне повышенной террористической активности и наоборот: территория племен федерального управления (далее ТПФУ) — 27%, провинция Белуджистан — 33%, Северо-западная пограничная провинция (далее СЗПП) — 34%, провинция Синд — 46%, провинция Пенджаб — 49% и столица Исламабад — 50%».

«Часть терактов преследовала “традиционные” цели — нагнетание страха. В связи с этим атаки проводились в местах значительного скопления людей. Одновременно проводились точечные атаки на отдельных людей или объекты»²⁵. «В 2007 г. в Пакистане распространилась такая форма терроризма, как атаки смертников, которые до этого были крайне редки для страны. За 2007 г. было совершено 57 таких атак против шести в 2006 г. и 22 в 2002–2006 гг. Из 57 атак смертников 48% было осуществлено в СЗПП, 23% — в ТПФУ, 9% — в столице страны Исламабаде и т. д. Впервые в истории страны был зафиксирован теракт с участием смертницы. Более распространенным стало участие в терактах подростков...»²⁶

После парламентских выборов ситуация не изменилась. Наблюдаемое весной 2008 г. усиление террористической активности стало результатом попыток «деструктивных сил воздействовать на переходную ситуацию в стране, сложившуюся после парламентских выборов и до формирования правительства». Более того, деструктивные элементы осознали резкое сужение возможностей президента П. Мушаррафа после парламентских выборов. Борьба стала приобретать новые масштабы и формы — Пакистан захлестнула волна террористов-смертников; резко усилился религиозный экстремизм.

Агрессия исламских экстремистов против религиозных меньшинств

Любой деструктивный элемент общества, стремясь отстоять свои социальные позиции, проявляет агрессию по отношению как к действующим институтам власти, так и к социально незащищенным, в данном случае к религиозным меньшинствам и т. д.

В 2008–2010 гг. прокатилась мощная волна терактов исламских экстремистов против «немусульман», к которым они причисляли религиозные меньшинства и мусульман-шиитов. Боевики ДТП и афиллированная группировка Движение Талибан Панджаба инициировали теракты против секты ахмадия в провинции Панджаб. Секта ахмадия (в 2010 г. численность ее достигала 4 млн. человек) и в последние годы подвергалась нападениям со стороны радикальных суннитов, но нападения 2010 г. — явление чрезвычайное, они свидетельствовали о радикализации исламских тенденций в пакистанском обществе.

Первые признаки усиления террористической активности в Панджабе отмечались еще весной, а затем осенью 2009 г., тогда были арестованы лидеры террористических организаций, имевшие отделения в провинции. Местные власти осторожно критиковали так называемых панджабских талибов, лишь в целом подчеркивая террористический характер организации Движения талибов Пакистана и ее причастность в теракту в мечетях ахмадия.

Официально Лахор не признавал существование в провинции организаций боевиков, а отмечал лишь «возможность их присутствия». Двойственность в подходе к данному вопросу, с одной стороны, свидетельствовала, как отмечала местная печать, об определенных связях руководства провинции и талибов, а с другой — несостоятельность противостояния террористам — лишний повод для критики ведущей в Панджабе Пакистанской мусульманской Лиги (Наваз Шарифа) — политического оппонента правящей в стране Пакистанской народной партии (ПНП) и т. д.

Несостоятельность провинциальных властей лишь попустительствовала экстремистам. В сентябре 2010 г. в Лахоре прогремели одновременно три взрыва во время шествия после пятничной молитвы 35-тысячной скорбной процессии Йоум-э-Али мусульман-шиитов, организованной в память о смерти в седьмом веке нашего тысячелетия первого имама Шиитов Али бин Аби Талиб; несколькими днями позже террорист-смертник привел в действие взрывное устройство во время процессии студентов-шиитов в главном городе провинции Белуджистан — Кветте. В итоге — более 90 человек погибли, сотни ранены. Ответственность за два террористических акта взяло на себя Движение Талибан Пакистана; ко второму теракту присоединилась и другая организации — Армия Джангви.

Министр внутренних дел Пакистана Р. Малик заявил тогда, что «боевики, связанные с “Аль-Каидой”, добавили религиозную окраску к своей деятельности с целью активизировать настроения, направленные на разжигание сектантства». Пакистанские средства массовой информации писали, что «проталибские боевики-сунниты часто совершают нападения на шиитов, и эти акты рассматриваются ими как часть кампании по дестабилизации правительства, поддерживаемое США».

В 2009 г. в результате ряда успешных военных операций федеральных сил в разных агентствах Территорий племен — Южный Вазиристан, Оракзай и т. д. позиции боевиков были значительно потеснены.

Террористические акты свидетельствовали о несостоятельности как местных, так и федеральных властей контролировать террористическую деятельность и обеспечить должный уровень безопасности в стране, что, в свою очередь, сигнализировало о потенциальных социально-политических взрывах. В дальнейшем так и произошло. В целом тенденция терактов лишь усиливалась в провинции; количество жертв резко возросло за последние два года и по состоянию на май 2010 г. насчитывало 220 человек²⁷.

И если в провинции Хайбер-Пахтунхва и ТПФУ теракты объяснимы, так как в 2009–2010 гг. федеральная армия проводила крупномасштабные или локальные военные операции против боевиков, то межконфессиональные столкновения в Панджабе требовали глубокого анализа.

В 2008–2010 гг., по словам министра внутренних дел Рахмана Малика, 29 запрещенных организаций оказывали содействие террористам с целью

дестабилизации обстановки внутри страны²⁸. Боевики юга Панджаба установили также связи в Белуджистане и незадолго до событий в Лахоре совместно пытались спровоцировать столкновения на религиозной почве в Карачи.

Члены запрещенных групп, как, например, Лашкар-и джангви и Армия Джангви, проходили тренировки в зоне пуштунских племен. Затем они возвращались в Панджаб, становясь частью подпольных отделений организации. В течение последнего года, афиллированные с Движением Талибан Пакистана и «Аль-Каидой», организации вышли из подполья в Панджабе, заявив о себе громкими терактами.

Временный уход части Техрик-и-Талибан Пакистан с территорий пуштунских племен во внутренние районы страны, в частности в Панджаб, был связан с определенными успехами военных операций в районах пуштунских племен и соответственно изменением их тактики, в частности разжижением розни между различными религиозными сектами. Актам насилия со стороны боевиков подвергались сунниты, шииты, христиане и ахмадия.

Суннитско-шиитские столкновения в агентстве Куррам как пример религиозной нетерпимости в зоне пуштунских племен

Подавляющее большинство пуштунов территорий племен исповедуют ислам суннитского толка, но существуют и незначительные по численности шиитские общины как в агентстве Куррам (племена тури и практически половина представителей племени бангаш), так и по другую сторону границы, в афганской провинции Пактия.

Пуштуны-шииты начиная с 2000-х гг. дистанцировали себя от афганских талибов, и, в первую очередь, не в силу межконфессиональных различий, а помня о тех разорениях, которые принесли им 80-е гг. XX в.

Если посмотреть на карту пограничных районов Афганистана и Пакистана, то территория агентства Куррам упирается в территорию соседнего государства и, таким образом, имеет стратегическое значение во всех международных конфликтах в Афганистане; от верхней точки агентства до Кабула всего 90 км. В конце прошлого века Пакистан использовал дороги Куррама для транспортировки боеприпасов, продовольствия и т. п. афганским моджахедам, а местные долины — для их тренировок и баз. Исламабад достаточно бесцеремонно обращался с местными порядками, да и старейшины племен оказывали всяческую помощь федеральной власти.

Иное дело моджахеды нового поколения — афганские талибы. Первоначально шииты Верхнего Куррама выдворяли боевиков со своей земли, оказывали сопротивление обустройству их баз и мест укрытий, блокировали пути перехода пакистано-афганской границы по своей территории и использования основной шоссейной дороги, ведущей от центральных

районов страны вверх до административного центра города Парачинар. Их цель — не быть вовлеченными ни в один конфликт. Но талибы перекрыли основную дорогу, соединяющую район с остальной частью страны. Они использовали проблемы местных жителей с нехваткой питьевой и поливной воды в летние периоды, поддерживая суннитов в их вооруженной борьбе за природные богатства региона. Противостояние шиитов и суннитов, поддерживаемых боевиками Движения Талибан Пакистана и другими группировками боевиков, начатое еще в 2007 г., длилось более трех лет, в течение которых племена шиитов фактически были отрезаны от остальной части страны. Местное население не только вынуждено было вести осадный образ жизни, обороняться и т. д., но лишилось постоянных поставок продовольствия, медикаментов и товаров первой необходимости.

Анализ материалов пакистанской прессы показывает, что в районах расселения пуштунов-шиитов не было отмечено усиления террористической активности, наличия значительного числа антиправительственных элементов; пуштуны-шииты в меньшей степени, чем пуштуны сунниты, предоставляли убежища афганским талибам и иностранным боевикам.

В целом, характеризуя природу шиитско-суннитских столкновений, министр внутренних дел Пакистана Рехман Малик заявил, что «боевики, связанные с “Аль-Каидой”, добавили религиозную окраску к своей деятельности с целью активизировать настроения, направленные на разжигание сектантства»²⁹. Пакистанские средства массовой информации отмечали, что талибы-сунниты часто совершали нападения на шиитов, и эти акты рассматривались ими «как часть кампании по дестабилизации правительства, поддерживаемое США».

Десять лет базирования афганских талибов в ТПФУ Пакистана не прошли даром ни для одной из сторон — местных жителей, Исламабада и непосредственно афганцев; произошла определенная адаптация последних к окружающим условиям жизни, обновляющимся политическим реалиям. Одна из значимых фигур афганских боевиков — Дж. Хаккани, находившийся все эти годы в Северном Вазиристане. Будучи непримиримым по отношению к США и Международным силам содействия в Афганистане, ведя вооруженную борьбу с ними, он в то же время не нарушал «законы гостеприимства» — не выступал против Исламабада, более того, завоевал доверие среди пуштунских племен Пакистана. Много факторов складывалось в его пользу: и неэффективность главного административного представителя Исламабада в ТПФУ — политического агента, вооруженные столкновения между пуштунскими племенами из-за нерешенности многих социально-экономических проблем, и давление боевиков, и поддержка Исламабада. Хаккани стал играть роль посредника при урегулировании, например, шиитско-суннитских разногласий в Курраме и т. д. Таким образом, часть афганских талибов получили не только под-

держку представителей единой этнической группы, но и социальное признание среди пуштунских племен. Важным этот факт был и для Хаккани.

И боевики и Исламабад осознавали временность пребывания афганских талибов на землях Пакистана, и федеральная администрация всегда была заинтересована в поддержке бывших руководителей Исламского Эмирата Афганистана (1994–2001 гг.) и потенциальных будущих. Отсюда объяснима и лояльность по отношению к отдельным афганским боевикам, включая муллу Омара, Хаккани и т. д.

Талибы Панджаба как фактор усиления экстремистских тенденций в пакистанском обществе

С появлением талибов Панджаб стал прочно удерживать четвертую позицию по количеству терактов в стране (30) после Хайбер-Пахтунхва (бывшая Северо-Западная пограничная провинция) — 1173; Белуджистана — 792; ГПФУ — 559; Синд — 12; 5 — Исламабад и т. д.³⁰

Талибов Панджаба многие пакистанские СМИ характеризуют как уникальный социальный феномен, действующий в урбанистических районах страны. Терроризм принимает разный облик, а путь его распространения — расползаться щупальцами и появляться везде неожиданно, шокируя всех. К середине первой декады XXI в. в Панджабе действовало много мелких самостоятельных группировок боевиков, но уже в 2009 г. они наладили прямые контакты с Движением Талибан Пакистана и объединялись под названием «Талибан Панджаба».

Талибан Панджаба как социальное явление зародилось на юге провинции; со временем оно постепенно расширилось, и на сегодняшний день фактически его доменом является территория крупнейшей в стране провинции.

Объективными и субъективными причинами зарождения и становления современной сети Талибан в южном Панджабе являются в первую очередь диспропорции в его социальном развитии, массовое обнищание населения, в основном в сельских районах, безземелье, высокий процент неграмотных, безработица и т. д.

Отсутствие элементарных медицинских условий в стране, в частности в сельскохозяйственных центральных районах страны, является одной из причин высокой детской смертности в Пакистане — из 21 миллиона детей в возрасте младше пяти лет 478 тыс. умирают каждый год; во-вторых, географическая близость Кашмира с его повстанцами, националистическими организациями, опытом ведения подрывных действий, тренировочными лагерями; и в-третьих, расширявшаяся сеть Движения Талибан Пакистана в целом по стране и т. д. Поэтому мощным аутсорсинговым ресурсом для рекрутирования в Талибан является сельская и люмпенская молодежь урбанизированных центров.

Главный министр провинции Панджаб Мухаммад Шахбаз Шариф подчеркнул, что «Пакистан сталкивался с серьезной проблемой терроризма и экстремизма и боролся за свое выживание... нищета является главной причиной терроризма и экстремизма... Необходимы меры, стимулирующие рост экономики и подъем социального уровня жизни в отсталых районах для ликвидации нищеты и безработицы в провинции».

Явление Талибан во внутренних районах Пакистана — своего рода протест против богатых землевладельцев и в целом социальных пороков общества: наследуемой бедности, безземелья и т. д., что и толкает людей на вступление в ряды боевиков, где им дают кров, пищу, а затем обучают убивать и приказывают идти ... на смерть, совершая террористические акты взамен на обещания помощи и поддержки семьям.

Как движение Талибан Панджаба организационно оформилось в 2008 г., одновременно с Движением Талибан Свата, продолжив, таким образом, развитие региональной сети организации.

Читая сводки о терактах, удивляет координированность, целенаправленность и последовательность их исполнения. В пакистанские СМИ стала попадать информация об иностранных организациях, таких как, например, «Блэквота», позднее она была переименована в «Зи», известная международная компания, и, судя по материалам газеты «The Nation», целью ее было дестабилизировать центральные и северо-западные районы страны. Вероятно, есть определенная правда в этих заявлениях, так как размах террора во внутренних районах, в частности в Панджабе, был значительный, и провинция, по определению многих российских и зарубежных политологов, превращается «в оплот радикального ислама».

Борьба вокруг Закона против богохульства — борьба радикального ислама с конституционно-демократическими институтами светской власти

Наивысшей точкой терактов исламских радикалов стали убийства государственных деятелей. 4 января 2011 г. убит Салман Тасир, губернатор провинции Панджаб; спустя два месяца, 2 марта 2011 г. — Шахбаз Бхати, министр по делам меньшинств федерального правительства³¹. Объединяющим мотивом обоих убийств было одно — уничтожение сторонников реформирования Закона против богохульства, утверждавших, что Закон используется для преследования религиозных меньшинств.

Пакистанская пресса писала, что «...резонансные убийства — это выражение гнева религиозных фанатиков, выступающих против внесения поправок в Закон против богохульства».

Внесенные еще в 1980 г. поправки в Уголовный кодекс, а именно в Закон против богохульства, несмотря на все заверения властей, ущемляли права религиозных меньшинств³².

Правительство правящей Пакистанской народной партии (ПНП) в контексте проведения ряда социальных реформ, в частности системы правосудия, в ноябре 2010 г. внесло в парламент законопроект, предусматривающий отмену «дискриминационных», по мнению ряда членов ПНП, положений. Пакистанская пресса писала, что тогда «законопроект разделит нацию». Правозащитные организации осуждали Закон, называя его «дискриминационным... направленным на поощрение исламского экстремизма; заявляли, что он часто используется для сведения личных счетов».

Первыми против внесения поправок к Закону выступили праворелигиозные партии, такие как, например, «Джамаат ул-Улама-и Ислам» (фракция Фазлур Рахмана; «Общество мусульманских богословов» (ДУИ (Ф)); они объявили об иницировании 24 декабря 2010 г. национальной кампании в защиту Закона против богохульства. Ситуация в стране настолько накалилась, что «30 декабря 2010 г. обязалось сохранить в неприкосновенности Закон о богохульстве, опасаясь протестов со стороны могущественного религиозного правого крыла пакистанского общества».

Глубокие разногласия, которые переживали традиционные политические противники — ПНП и Пакистанская мусульманская лига (Наваз Шарифа) (ПМЛ Н) привели к тому, что эти партии на рубеже 2010–2011 гг. были отброшены в сторону на фоне усиления влияния праворелигиозных партий, в частности ДУИ (Ф) в пакистанском обществе; под флагом защиты ислама партия играла роль детонатора социального взрыва, пойдя правительство против. 4 января и 2 марта 2011 г. она мгновенно получила мощную социальную поддержку, с одной стороны, от воинствующего экстремизма, а с другой — от широких слоев населения, и использовала ее в качестве политического инструмента для достижения своих целей.

Разногласия с федеральным правительством начались с увольнения Мухаммада Азам Хана Свати, министра науки и технологии (член ДУИ (Ф)), из состава федерального кабинета министров. Иными словами, Закон против богохульства стал использоваться в качестве инструмента политического давления на федеральный кабинет министров, и довольно успешно.

В начале первого десятилетия П. Мушарраф умело выстраивал отношения с праворелигиозными партиями, альянсом ММА. Особенно удачным для него был опыт работы альянса в СЗПП и ТПФУ, где исламисты вели переговоры с талибами и старались нивелировать деятельность афганских и позднее пакистанских талибов. Подобное сотрудничество позволило ему многое сделать: не разворачивать крупномасштабные военные действия в ТПФУ и, следовательно, не передислоцировать войска с пакистано-индийской границы и т. д. В 2008–2010 гг. праворелигиозные партии

были незначительно представлены в провинциальных и федеральных органах власти. Противостоять реальной опасности политического экстремизма могли только все политические партии при условии согласия пересмотра Закона. Все понимали, что если праворелигиозные партии пойдут на это, то борьба с экстремизмом может быть продолжена, если нет — то, вероятно, уже проиграна. ДУИ (Ф) оставалась непреклонной.

Традиционно праворелигиозные партии в основном базировались в Панджабе. Усиление праворелигиозных партий в провинции создавало атмосферу терпимости по отношению к исламским экстремистам. Как писала пакистанская газета «Dawn» 9 марта 2011 г., смерть Ш. Бхаттти — «цена толерантности страны, которая быстро катится вниз по спирали социальной и политической пропасти»³³.

При поддержке исламистских группировок праворелигиозные партии доказали свою способность мобилизовать требуемое общественное мнение в поддержку Закона против богохульства, в то время как правящей ПНП не удалось выработать стратегию, направленную на срыв кампании фундаменталистов. Исламабад фактически не предпринял или побоялся предпринять попытки возглавить или направить общественное мнение³⁴.

Постоянная внутривластная борьба, которая в значительной степени отвлекает внимание федерального центра от решения многих социальных проблем на фоне разразившегося экономического кризиса и необходимости решения различных проблем восстановления экономики и районов, разрушенных наводнением летом 2010 г., бесконтрольность боевиков, действующих во внутренних районах страны, и попустительская позиция правящего блока, отсутствие концепции эффективного функционирования комплекса системных и целенаправленных контртеррористических мероприятий и т. д. способствовали укреплению позиций в обществе Движения Талибан Пакистана.

Исламские экстремисты в лице различных боевых организаций Пакистана уже давно социализировались в обществе, занимают прочные позиции, а главное — у них есть будущее: террористы разрабатывают новые стратегии распространения террора — рекрутирование в ряды боевиков юных подростков, почти детей, мальчиков в возрасте от 10 до 12 лет, как показали события 10 февраля 2011 г. при взрыве тренировочного лагеря военнослужащих Панджабского корпуса недалеко от города Мардан.

Пакистанская газета «The Frontier post» 19 марта 2011 г. писала, что в начале второго десятилетия XXI в. в пакистанском обществе «талибан — это уже не идеология восстания против иностранных, в первую очередь, американских оккупантов соседнего исламского государств и отстаивание идеалов шариата; это стиль жизни тех, кто остался за пределами процветания, образования и богатства; это их способ отомстить современному миру»³⁵.

Примечания

- ¹ Энциклопедия Пакистана. М., 1998, с. 110, 114.
- ² Белокреницкий В. Призрак гражданской войны в Пакистане, 03.11.2009. www.fondsk.ru
- ³ Там же.
- ⁴ Энциклопедия Пакистана, с. 301.
- ⁵ Там же, с. 347.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Сикоев Р.Р. Талибы. М., 2004, с. 40.
- ⁸ Там же, с. 7–8.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Энциклопедия Пакистана, с. 347.
- ¹¹ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. М., 2008, с. 430.
- ¹² Там же, с. 429.
- ¹³ ВВС, 06.10.10.
- ¹⁴ Морозова М. Ю. Перспективы борьбы с исламским экстремизмом в Пакистане, 29.07.08, www.iimes.ru
- ¹⁵ ВВС, 07.10.07; ВВС, 01.12.09.
- ¹⁶ ВВС, 01.12.09.
- ¹⁷ Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Смерть Б. Бхутто в контексте антитеррористической борьбы в Южном Вазиристане, 11.02.08, www.iimes.ru
- ¹⁸ Белокреницкий В. Я. Пакистан — «больной человек» Азии, 06.06.2009, www.fondsk.ru
- ¹⁹ ВВС, 01.12.09.
- ²⁰ ВВС, 28.12.2007.
- ²¹ The Nation, 02.07.08.
- ²² Белокреницкий В. Я. Пакистан: мечеть взята, что дальше? 16.07.2007, www.iimes.ru
- ²³ Dawn, 21.04.09.
- ²⁴ ВВС, 13.01.02.
- ²⁵ Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Терроризм в Пакистане: некоторые особенности, 24.03.08, www.iimes.ru
- ²⁶ Там же, www.iimes.ru
- ²⁷ Dawn, 28.05.10.
- ²⁸ The Nation, 29.05.10.
- ²⁹ Dawn, 05.09.10.
- ³⁰ Dawn, 11.01.10.
- ³¹ ВВС, 02.02.11 <http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-12622080>
- ³² Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Убийство Салмана Тасира, губернатора пакистанской провинции Панджаб, 6 января 2011 г., www.iimes.ru, The Frontier Post, 03.03.11. <http://www.thefrontierpost.com.pk/News.aspx?ncat=ts&nid=1890>
- ³³ Dawn, 09.03.11 <http://www.dawn.com/2011/03/07/too-little-too-late.html>
- ³⁴ ВВС, 07.03.11 <http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-12664486>
- ³⁵ The Frontier post, 19.03.11. <http://www.thefrontierpost.com.pk/News.aspx?ncat=ar&nid=523>

А. В. Воробьев (Казань)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВАШИНГТОНА И ИСЛАМАБАДА В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ НА ТЕРРИТОРИИ АФГАНИСТАНА

В этом году исполняется 10 лет с момента начала США и их союзниками военной кампании по борьбе с «очагами международного терроризма» на территории Афганистана. На протяжении всего этого времени важным и незаменимым участником отношений, сложившихся вокруг вышеназванной военной операции, являлся соседний с Афганистаном Пакистан. В данной статье автор хотел бы охарактеризовать основные черты взаимоотношений между США и Пакистаном по вопросу борьбы с «международным терроризмом» на территории Афганистана и подвести итоги десятилетнего сотрудничества двух стран по этому вопросу.

Длительный период совместной деятельности США и Пакистана по подавлению «очагов международного терроризма» на территории Афганистана начался еще в сентябре-октябре 2001 г. и продолжается до настоящего времени. Важнейшими целями США, для решения которых Вашингтону была и остается необходима поддержка Исламабада, являются следующие: подавление вооруженного сопротивления со стороны движения Талибан и «Аль-Каиды»; поимка и ликвидация лидеров «Аль-Каиды» и Талибан, а также простых боевиков; создание в Афганистане новой устойчивой системы государственного управления, устраивающей Вашингтон¹.

На самом раннем, начальном этапе, в уже ставшем далеком конце 2001 г., Исламабад, в соответствии с принятыми на себя обязательствами, блокировал поставки Талибан нефтепродуктов, перекрыл границу и прекратил транзитную торговлю, предоставил свое воздушное пространство и военно-воздушные базы для перелетов авиации США и их союзников. Было налажено сотрудничество спецслужб. Также были заморожены банковские счета лидеров Талибан и «Аль-Каиды» в пакистанских банках. В декабре 2001 г. Исламская Республика Пакистан разорвала дипломатические отношения с движением Талибан².

После принятия этих срочных мер Исламабад приступил к выполнению ряда важных и полезных для США и их союзников функций, которые с некоторыми изменениями осуществляются вплоть до настоящего времени.

Одной из самых важных функций Пакистана в совместной борьбе с «очагами международного терроризма» стала поимка и уничтожение афганских боевиков, переместившихся в Пакистан, в первую очередь их лидеров. Для Вашингтона наибольшее значение имел вопрос поимки высшего руководства террористической группировки «Аль-Каида».

В целом можно отметить, что в этом направлении сотрудничество Вашингтона и Исламабада было весьма успешным. Благодаря взаимодействию спецслужб — Межведомственной разведки Пакистана, ЦРУ, и отчасти ФБР — на территории Пакистана были пойманы высокопоставленные члены «Аль-Каиды». В марте 2002 г. был схвачен Абу Зубейда — один из лидеров «Аль-Каиды», руководивший подбором и обучением персонала. За его поимку ЦРУ обещало 5 млн. долл.³ В феврале 2003 г. в пакистанском городе Равалпинди был задержан Халид Шейх Мухаммед — человек, который сыграл решающую роль в организации терактов 11 сентября 2001 г. Халид Шейх Мухаммед называл себя главой военного совета «Аль-Каиды». За операцию по его поимке власти Пакистана и лично П. Мушарраф получили от руководства США благодарность⁴. Также был задержан ряд других лидеров «Аль-Каиды» (Абу Фарадж, Аль-Либби и др.). По мнению бывшего президента Пакистана П. Мушаррафа, основной вклад в поимку лидеров боевиков внесли прежде всего пакистанские правоохранительные органы и спецслужбы: вклад американской стороны, по мнению генерала, главным образом заключался в оказании технической поддержки в местообнаружении боевиков⁵. Также были пойманы сотни рядовых членов «Аль-Каиды»⁶. Следует отметить, что значительная часть знаковых фигур была поймана в первые годы афганской кампании.

Совместная деятельность американских и пакистанских спецслужб и правоохранительных органов привела к рассекречиванию ряда планировавшихся атак «Аль-Каиды» против США и Великобритании. Были предотвращены теракты в США перед выборами 2004 г., в лондонском метро, в лондонском аэропорту Хитроу, предотвращено нападение на базу ЦРУ в Лэнгли⁷.

Отдельным вопросом в американо-пакистанских взаимоотношениях являлся вопрос о поимке террориста номер один Усамы бен Ладена*. На данный момент времени Усама бен Ладен не пойман и вопрос его поимки отошел в тень: он не так будоражит СМИ, о нем реже говорят официальные представители американского правительства и вооруженных сил. Не сек-

* Настоящая статья была подготовлена до ликвидации Усамы бен Ладена 2 мая 2011 г. американскими морскими пехотинцами.

рет, что существует расхожее мнение о том, что бен Ладена на самом деле никто не пытается поймать, а спецслужбы США покровительствовали ему после 11 сентября 2001 г. Данная точка зрения публично озвучивалась даже в Конгрессе США⁸. Уже в 2004 г. часть американских политологов высказывали мнение, что бен Ладен более не возглавляет «Аль-Каиду». Пакистанские официальные лица также придерживались данной точки зрения, полагая, что террористическую сеть мог возглавить террорист номер два Айман аз-Завахири или иорданец Абу Муссаб Аль-Заркави⁹.

Однако У. бен Ладен являлся знаковой, символической фигурой для США и американской общественности. Поэтому руководство США публично требовало от Пакистана поймать его в кратчайшие сроки. Руководство Пакистана публично утверждало, что предпринимает усилия для его поимки. Тем не менее, до настоящего времени террорист номер один официально не пойман.

В Исламабаде утверждали, что бен Ладен скрывается в Афганистане в труднодоступных горных массивах на юго-востоке страны. Этой точки зрения придерживался бывший президент Пакистана П. Мушарраф. Он называл причину, по которой не удалось поймать бен Ладена: «...чаще всего бен Ладен использовал посыльных вместо электронных средств связи, что значительно удлиняло обмен сообщениями. Чтобы передать информацию, курьеру требовалось пробираться в горах вдоль афгано-пакистанской границы в течение тридцати дней в один конец. Нам удалось перехватить несколько гонцов»¹⁰.

Руководители Афганистана, напротив, утверждали, что бен Ладен скрывается в Пакистане. Обе стороны перекладывали друг на друга ответственность, чтобы Вашингтон предъявлял требования не к ним, а к другой стороне. «Независимая газета» в 2004 г. сообщала, что США и их союзники по меньшей мере два раза были близки к тому, чтобы поймать бен Ладена, однако упустили эту возможность. Специалисты по американским спецслужбам считали, что среди боевиков «Аль-Каиды» есть агенты ЦРУ, однако в ближайшем окружении бен Ладена их нет¹¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемый период при содействии спецслужб Пакистана были пойманы и переданы США многие высокопоставленные члены «Аль-Каиды», но никак не Талибан. Ни мулла Омар, ни его ближайшие сподвижники схвачены не были. В.Я. Белокреницкий высказывал следующее мнение о причинах этого: «...пакистанская правящая верхушка проводит, судя по всему, различие между сетью арабской и интернациональной по составу “Аль-Каиды” и сетью афганского движения Талибан ... Пакистан и особенно “полоса” независимых пуштунских племен были и остаются для них (талибов. — А. В.) “безопасным раем”. Происходит так, видимо, потому, что между военными и религиозно-политическими силами, позиции которых наиболее

сильны на пуштунском северо-западе, существует джентльменское соглашение. Исламисты играют роль инструмента военных в их попытках обеспечить себе безопасную границу со стороны Афганистана»¹².

Второй, не менее важной функцией Пакистана в деле поддержки афганской кампании США и их союзников является подавление очагов сопротивления боевиков, бежавших из Афганистана в граничащие с ним районы Пакистана и оттуда осуществляющих губительные для войск Коалиции вылазки на территорию Афганистана. Боевики, компактно расположившиеся в Зоне племен и провинции Хайбер-Пахтунхва (до апреля 2010 г. — СЗПП), пользовались тем, что Пакистан является независимым государством и войска Коалиции, действующие в Афганистане, не могли вторгаться на его территорию. В то же время сами боевики, в условиях высокогорной местности, могли легко просачиваться на территорию Афганистана и наносить Коалиции чувствительные удары, а также создавать угрозу проамериканским органам власти в Афганистане. Поэтому для Вашингтона было важно, чтобы Исламабад навел порядок в северо-западной части Пакистана и укрепил границу с Афганистаном¹³.

Для усиления порядка в афгано-пакистанском приграничье Пакистан при помощи США предпринял ряд мер. После начала совместной борьбы с терроризмом на охрану границы с Афганистаном было отправлено 80 тыс. солдат пакистанской армии и создано 760 блокпостов¹⁴. Пограничный воинский контингент усиливался во время проведения войсками США и их союзников крупных военных операций на востоке Афганистана. К примеру, в марте 2002 г. войска Коалиции проводили военную операцию в афганской провинции Пактия. К границе с ней с пакистанской стороны были стянуты дополнительные силы армии Пакистана, которые должны были предотвратить просачивание боевиков в Пакистан¹⁵.

Численность пакистанских подразделений на границе с Афганистаном также увеличивалась во время выборов. Например, в 2005 г. Пакистан направил 4 тыс. военнослужащих на границу с Афганистаном, чтобы не допустить перемещения боевиков, способных дестабилизировать ситуацию в стране во время парламентских выборов¹⁶.

В сентябре 2005 г. президент Пакистана П. Мушарраф выступил с радикальной идеей создать разделительную стену на пакистано-афганской границе. Предполагалось, что она будет препятствовать инфильтрации боевиков с обеих сторон границы. США поддержали эту идею, однако против этого резко выступила афганская сторона, усмотревшая в этой идее желание Исламабада провести демаркацию границы по «линии Дюранда»¹⁷.

Совместными усилиями Центрального командования США (CENTCOM) и руководством Пакистана был создан вертолетно-десантный отряд специального назначения для борьбы в горах. США предоставили технические средства: вертолеты, современные приборы ночного видения, бес-

пилотные летательные аппараты (БПЛА), правда, последние управлялись американскими операторами. Личный состав отряда комплектовался из пакистанцев¹⁸.

Выполнение Пакистаном функции по подавлению очагов сопротивления в афгано-пакистанском приграничье было и остается самым сложным и проблемным вопросом из всего спектра американо-пакистанского сотрудничества в деле борьбы с терроризмом. Руководство Пакистана столкнулось с сопротивлением своим действиям со стороны пришлых боевиков и местного населения, часто сочувствовавшего им. Сложности обуславливаются рядом факторов. Среди объективных можно выделить такие факторы, как высокогорный, труднодоступный рельеф местности, этническое родство пуштунов Афганистана и Пакистана, схожее идейно-религиозное самосознание. Определенная и притом наиболее активная и мобильная часть населения Зоны племен и СЗГШ была настроена на поддержку своих «афганских братьев», подвергшихся военной агрессии¹⁹.

К субъективным факторам, которые делали подавление очагов сопротивления боевиков в приграничье более сложным, следует отнести гибель от авиаударов войск США и их союзников мирного населения приграничных районов Пакистана. Так, например, 13 января 2002 г. ВВС США нанесли удар в приграничном с Афганистаном районе Баджаур, в результате которого погибло 18 человек, включая пять женщин и пять детей. Это была уже вторая бомбардировка деревень на территории Пакистана за первую половину января того года²⁰. Такие события, а они происходили регулярно, способствовали ожесточению местного населения и росту поддержки боевиков.

В приграничных с Афганистаном районах Пакистана де-факто шла война между пакистанской армией и боевиками-исламистами. По сообщению журнала «Зарубежное военное обозрение», за полтора года — с середины 2003 г. по конец 2005 г. — из 80-тысячного приграничного контингента пакистанской армии погибло 269 солдат, а также 353 боевика, более 700 боевиков было арестовано²¹. Оплотом талибов стала гористая местность Вазиристан в Зоне племен, населенная пуштунскими племенами. В конце 2004 г. армия Пакистана с боями взяла под свой полный контроль территорию своей же провинции Южный Вазиристан. В этой операции было задействовано более 7 тыс. военнослужащих²².

Однако попытки Исламабада подавить очаги сопротивления боевиков в афгано-пакистанском приграничье не увенчались успехом. Напротив, во второй половине 2000-х гг. ситуация ухудшилась. В июле 2006 г. было провозглашено создание на территории Северного Вазиристана независимого государства «Исламский эмират Вазиристан». Позднее его территория расширилась на большую часть Южного Вазиристана. Ценой больших жертв пакистанской армии удалось подавить сопротивление талибов

в Вазиристане во второй половине 2007 г. Однако обстановка была далека от мирной и стабильной²³.

В середине 2007 г. боевики в количестве 3000 человек вторглись в долину Сват в СЗПП. Долина Сват до этого была известна как горнолыжный курорт и ее часто именовали «Швейцарией Пакистана». Теперь она стала ареной столкновений между пакистанской армией, полицией и исламистами. В конце 2008 г. властям Пакистана пришлось пойти на переговоры с исламистами и согласиться на введение в долине Сват норм шариата²⁴. Таким образом, власти в Исламабаде пошли на определенное признание существующего статус-кво в Свате. Вашингтон осудил подобную уступчивость пакистанских властей по отношению к исламистам.

Весной-летом 2009 г. между правительственными войсками и вооруженными формированиями исламистов вновь вспыхнули ожесточенные бои, вызванные тем, что исламисты, воодушевленные уступками властей, решили расширить подконтрольную себе территорию и остановились в сотне километров от столицы Пакистана Исламабада. Это не на шутку обеспокоило пакистанские власти и их американских союзников. Поползли слухи о том, что Исламабад может капитулировать перед талибами. Ценой больших усилий и с благословения Вашингтона и Запада талибы были вытеснены из Свата в мае-июне 2009 г. Однако обстановка продолжала оставаться тревожной.

Боевые действия пакистанской армии в афгано-пакистанском приграничье осложнялись из-за того, что воевать приходилось не только с афганскими и местными боевиками, а со своеобразным «интернационалом» религиозных экстремистов, которые прибывали на помощь своим единомышленникам из самых разных мест. Весной 2007 г. армия Пакистана в течение 3 недель воевала с боевиками «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ) Тахира Юлдашева, которых поддерживали местные талибы. О масштабах столкновений свидетельствует тот факт, что в ходе боев было убито более 200 узбекских боевиков²⁵.

Таким образом, выполнение Пакистаном своей второй функции — подавления очагов сопротивления боевиков на собственной территории вдоль границы с Афганистаном — было не очень удачным. Дела на «северо-западном фронте» у Исламабада и Вашингтона шли достаточно сложно, с переменным успехом, и во второй половине 2000-х гг. количество трудностей и неудач возросло²⁶.

Не случайно осенью 2010 г. Пентагон начал скрытую передислокацию разведывательных и ударных беспилотных летательных аппаратов и другой военной техники с афганских фронтов в Пакистан. Целью передислокации стала необходимость увеличения интенсивности разведывательных полетов над пакистанской территорией и ракетных ударов по местам сосредоточения боевиков на северо-западе Пакистана. Эти действия Вашин-

гтона стали ответом на неспособность Исламабада самостоятельно навести порядок в этой части страны²⁷.

Еще одной важной функцией Пакистана, третьей по счету, является обеспечение тылового снабжения войск США и их союзников в Афганистане. На протяжении 10 лет эта функция претерпела определенные изменения.

Изначально более 70% всех грузов для НАТО проходило через территорию Пакистана. За транзит грузов Пакистан взимал плату²⁸. Путь грузов начинался в порту Карачи на юге Пакистана. Затем грузовиками он отправлялся в Афганистан через Хайберский перевал. Это был самый опасный участок пути, так как данные территории слабо контролировались властями Пакистана и Афганистана. Во второй половине 2000-х гг., в связи с общим ухудшением ситуации в афгано-пакистанском пограничье, выполнение функции по тыловому снабжению осложнилось.

В декабре 2008 г. Пентагон всерьез обеспокоился стремлением боевиков перекрыть пакистанские пути снабжения американских и натовских войск, дислоцированных в Афганистане. За один только месяц боевики совершили 3 нападения на терминалы тылового обеспечения войск НАТО, расположенные близ Пешавара. Были уничтожены более 200 грузовиков с горючим, продовольствием и боеприпасами, а также около 50 бронированных внедорожников. В Вашингтоне ситуацию признали критической.

Следствием негативного развития событий с транзитом военных грузов для НАТО через Пакистан стало возрастание роли т. н. «Северного транзитного пути» — через Россию и государства Центральной Азии. В апреле 2008 г. между НАТО и Россией была достигнута договоренность о транзите через территорию России грузов в Афганистан для Международных сил содействия миру и безопасности (МССБ). Доля грузов, перевозимых Северным транзитным путем, включающим в себя перевозки как воздушным, так и железнодорожным транспортом, постепенно выросла до 30% от общего объема грузов для войск Коалиции в Афганистане. Всё это привело к снижению количества грузов, перевозимых в Афганистан через территорию Пакистана²⁹.

Тем не менее, Пакистан по-прежнему остается главной страной, через территорию которой снабжаются войска США и их союзников в Афганистане. И эта функция Исламабада по-прежнему очень важна для Вашингтона³⁰.

Сотрудничество Пакистана с Соединенными Штатами по вопросу борьбы с международным терроризмом в Афганистане кардинально изменило отношение к Пакистану со стороны Вашингтона и превратило его в страну, весьма значимую для американской внешней политики, коей Пакистан остается по сегодняшний день.

После событий 11 сентября 2001 г. дипломатические отношения между странами начали переживать бурный подъем. Несмотря на то что труд-

ности в двусторонних отношениях, конечно же, были, уровень взаимоотношений в 2000-х гг. был несопоставим с уровнем 1990-х гг. Президент Пакистана П. Мушарраф стал частым гостем в Вашингтоне. Встречи проходили ежегодно, и на них обсуждались самые разные вопросы: от борьбы с терроризмом до отношений Пакистана с Индией³¹.

В период совместной борьбы с терроризмом частые визиты в Пакистан совершали высокопоставленные военные чиновники США: министр обороны США Д. Рамсфелд, председатель Комитета Начальников Штабов ВС США генерал Р. Майерс, главнокомандующий Центральным командованием США генерал Т. Фрэнко³². Обсуждались вопросы военного и военно-технического сотрудничества³³.

В 2004 г. госсекретарь США К. Пауэлл заявил о том, что Вашингтон начал рассматривать вопрос о предоставлении Пакистану статуса главного союзника США вне НАТО³⁴. В том же году Пакистан получил этот статус, коим обладает и по настоящее время, наряду с такими странами, как Япония, Израиль, Австралия и ряд других.

После прихода к власти в США администрации президента-демократа Б. Обамы, а в Пакистане — гражданских руководителей в лице президента Асифа Али Зардари и премьера Юсуфа Резы Гилани курс на военную политическую кооперацию двух стран был продолжен. В 2009 г. стартовала обширная программа «Стратегического диалога» между Вашингтоном и Исламабадом. Она представляла собой программу сотрудничества двух стран по широкому кругу вопросов, охватывающих экономическую, социальную и гуманитарную сферы. Старт этой программы красноречиво свидетельствовал о том, что новая администрация в Вашингтоне стремится укрепить своего партнера по борьбе с «международным терроризмом» и желает наладить большее доверие в отношениях с Исламабадом.

Однако в ходе совместных действий США и Пакистана по «подавлению очагов международного терроризма» между ними возникали и продолжают возникать серьезные противоречия, порой весьма осложняющие двусторонние отношения.

Пожалуй, самым серьезным генератором напряженности в отношениях была и остается неспособность Пакистана выполнить свою вторую важнейшую функцию — подавления очагов сопротивления боевиков на собственной территории вдоль границы с Афганистаном — на требовании американской стороной уровне³⁵.

В Вашингтоне видели, насколько тесными были связи между Пакистаном и Талибан в 1990-х гг., насколько слаженно Межведомственная разведка Пакистана сотрудничала с талибами, насколько популярны идеи исламистов среди крупной части пакистанского общества, недовольной фактом вторжения США и их союзников в Афганистан, в т. ч. среди низшего офицерского состава армии Пакистана. Особенно сильны были пози-

ции исламистов в провинции Хайбер-Пахтунхва, где им на легальных основаниях принадлежала значительная часть политической власти. В этих условиях руководство США не до конца доверяло своим пакистанским партнерам. Либо доверяя высшему руководству Пакистана, оно беспокоилось по поводу возможного саботажа их решений нижестоящими членами пакистанских государственных структур, сочувствующих исламистам³⁶.

В первой половине 2000-х гг. претензии США к Пакистану относительно его неспособности либо нежелания «навести порядок» в пограничных с Афганистаном районах Пакистана звучали относительно редко и не слишком громко³⁷. О том, что противоречия все же существовали, свидетельствует тот факт, что бывший президент Пакистана П. Мушарраф в своих мемуарах, создававшихся в первой половине 2000-х гг., ведет заочную полемику с теми, кто обвиняет руководство Пакистана в том, что оно вкладывает недостаточно сил в борьбу с терроризмом³⁸. Но в этот период — до 2005–2006 гг. — ситуация в афгано-пакистанском приграничье была относительно спокойной. К тому же Вашингтон выдал пакистанским властям своеобразный «кредит доверия», понимая, что для решения проблем нужно время³⁹.

Во второй половине 2000-х гг. критика в адрес Пакистана со стороны американского руководства резко усилилась. К 2007–2008 гг. претензии США стали настолько серьезными, что в Исламабаде стали всерьез беспокоиться о возможности вторжения войск США и их союзников в Пакистан⁴⁰. Рост претензий был связан с тем, что пакистанская армия продемонстрировала неспособность справиться с экстремистами в приграничных с Афганистаном районах Пакистана. Боевики весьма успешно противостояли пакистанской армии: они укрепили свои позиции в Зоне племен и СЗПП, получив, таким образом, возможность наносить больший урон силам США и их союзников. «Кредит доверия», выданный Вашингтоном руководству и армии Пакистана, подходил к концу. На фоне роста атак и вылазок со стороны исламистов с территории Пакистана США усилили свою критику в его адрес, утверждая, что Пакистан недостаточно старательно помогает США в деле борьбы с религиозными экстремистами⁴¹.

С 2006–2007 гг. американские оценки эффективности действий пакистанской армии в пограничных с Афганистаном районах страны ужесточаются. Разведка США все чаще докладывала, что именно Пакистан служит командным пунктом и центром управления для лидеров «Аль-Каиды», Талибан и экстремистских групп из Центральной Азии. Сообщалось, что армия Пакистана глубоко деморализована, и за несколько месяцев 2007 г. более 600 военнослужащих сдались в плен боевикам⁴². Конгрессмен Миллер, выступая в 2007 г., сообщил следующее: «...во время посещения Афганистана я спросил командующего нашими войсками, что было самой большой угрозой нашим солдатам? Командующий ответил: граница с Пакистаном»⁴³.

Летом 2007 г. в США был опубликован доклад под названием «Национальная разведывательная оценка», в подготовке которого были задействованы все спецслужбы США. В докладе говорилось, что Вашингтон проигрывает войну «Аль-Каиде». Одной из главных причин укрепления организации бен Ладена американская разведка назвала беспомощность политики президента Пакистана П. Мушаррафа в Зоне племен⁴⁴. По словам представителей американских спецслужб, бен Ладен, его ближайший помощник А. Завахири и мулла Омар скрывались в Пакистане, близ афганской границы, и активно руководили оттуда своими сторонниками⁴⁵.

Результатом подобных оценок стало то, что в Вашингтоне громче зазвучали критические высказывания в адрес руководства Пакистана, а также в адрес руководства США с призывом ужесточить политику Вашингтона в отношении Исламабада, а в начале 2007 г. Конгресс США увязал объем помощи со степенью усердия, проявляемого Пакистаном в борьбе с терроризмом. Согласно принятому законопроекту, часть ежегодной финансовой помощи могла отзываться, если, по мнению Вашингтона, Пакистан будет бороться с «Аль-Каидой» недостаточно старательно⁴⁶.

Еще одним камнем преткновения во второй половине 2000-х гг. стала все возрастающая активность войск США и их союзников в воздушном пространстве и на территории Пакистана. США регулярно с помощью БПЛА наносили удары по пакистанской территории. Руководство Пакистана эти действия США в целом принимало, пусть и неохотно. Исламабад выражал протест лишь в случае наличия жертв среди мирного населения. Однако со второй половины лета 2008 г. интенсивность авиаударов по территории Пакистана настолько участилась, что МИД Пакистана был вынужден потребовать от США прекратить ракетные обстрелы своей территории⁴⁷. Просьбы пакистанских властей прекратить обстрелы территории государства звучали и в 2009, и в 2010 гг. Однако необходимость подавления скрывающихся в пакистанском «краю» боевиков заставляла Вашингтон прибегать к этим действиям вновь и вновь.

Второй вид действий войск США и их союзников на территории Пакистана — это наземные вторжения с территории Афганистана в приграничные районы Пакистана. В Исламабаде и Вашингтоне разграничивали преследование «по горячим следам» и проведение специальных наземных операций на пакистанской территории. К первому типу операций в Исламабаде относились с недовольством, но допускали их. В 2004 г. Вашингтон разрешил своему спецназу вторгаться в Пакистан в определенных случаях и при соблюдении определенных условий. Проникновение спецназовцев допускалось в следующих случаях: преследование лидеров террористов, преследование какой-либо банды «по горячим следам» и при наличии прямого приказа гла-

вы оборонного ведомства. В документе оговаривалось, что проникновение в Пакистан разрешается на глубину не более 10 километров⁴⁸.

Ко второму типу — полноценным наземным операциям войск США и их союзников Исламабад относится резко отрицательно. Вашингтон практически с самого начала боевых действий в Афганистане регулярно обращался к Пакистану с просьбой позволить войскам Коалиции проводить наземные операции в приграничных с Афганистаном районах Пакистана, на что получал от руководства Пакистана неизменный отрицательный ответ⁴⁹. Имевшие место вторжения войск США и их союзников на территорию Пакистана вызывали резко негативную реакцию в Исламабаде⁵⁰.

Таковым на сегодняшний день является содержание отношений между США и Пакистаном, складывающихся в свете проведения Вашингтоном и его союзниками военной операции на территории соседнего Афганистана. Следует отметить, что в последние год-два к вышеупомянутым чертам добавился ряд новых. Прежде всего, в 2010 г. активно заработал фактор предстоящего ухода американцев из Афганистана, который анонсировал президент США Б. Обама. Этот фактор, с одной стороны, повысил значимость Пакистана для США: события, происходящие в Пакистане, оказывают большое влияние на Афганистан, и соответственно возросла «цена успокоения» приграничных с Афганистаном районов Пакистана. Также следует учитывать то, что Пакистан имеет влияние на афганских талибов. С другой стороны, замаячившая на горизонте вероятность ухода американцев добавила трений в американо-пакистанские отношения, так как Исламабад стал более активно вести свою дипломатию в отношении представленных в Афганистане политических сил, что не всегда по душе Вашингтону.

Также следует обратить внимание на рождение программы «Стратегического диалога» двух стран. Она, по сути, представляет собой «перезагрузку» в отношениях Вашингтона и Исламабада, призванную снять напряженность в двусторонних отношениях, вызванную трениями из-за неспособности Пакистана на должном уровне выполнять свои функции по содействию Коалиции и жесткой реакции на это Вашингтона.

Представляется вероятным, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе отношения между Вашингтоном и Исламабадом, складывающиеся вокруг ситуации в Афганистане, будут развиваться примерно в том же русле, в котором развивались во второй половине 2000-х гг. Возникающие трения и разногласия будут сглаживаться, во-первых, заинтересованностью Вашингтона в поддержке своих действий в Афганистане со стороны Исламабада, во-вторых, желанием Исламабада состоять в хороших отношениях с ведущей в военно-политическом и экономическом отношении державой мира и получать от нее военные, политические и экономические преференции.

Примечания

¹ The CIA's World Factbook. Pakistan — <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/pk.html>

² Congressional Records. U. S. — Pakistan connection (Senate — March 05, 2003). — <http://thomas.loc.gov/beta/billView.jsp?&k2dockey=/prd/k2/bills/xml/109/hl553.ih.xml@billmerge&numHits=1&currDoc=1¤tPage1&109%3Cin%3Econgress%29congress=109>

³ Congressional Records. Supporting Pakistan (House of Representatives — February 14, 2002) — http://thomas.loc.gov/beta/billView.jsp?&k2dockey=/prd/k2/congressional_record/xml/107/H14FE2/H14FE2-0025.xml@cong_record&numHits=1&currDoc=1¤tPage=1&107%3Cin%3Econgress%29&congress=107

⁴ Congressional Records. U. S. — Pakistan connection (Senate — March 05, 2003).

⁵ Musharraf P. In the Line of Fire: a memoir, с. 266.

⁶ Независимая газета, 6 августа 2004.

⁷ Там же.

⁸ Congressional Records. America's Foreign Policy with regard to Afghanistan (House of Representatives — October 17, 2001). — <http://thomas.loc.gov/beta/billView.jsp?&K2dockey/prd/k2/bills/xml/110/h2962.ih.xml@billmerge&numHits=1&currDoc=1¤tPage=1&110%3Cin%3Econgress%29&congress=110> (дата обращения: 26.02.2009).

⁹ Независимая газета, 17 августа 2004.

¹⁰ Musharraf P. Указ. соч., с. 245.

¹¹ Независимая газета, 17 августа 2004.

¹² Белокреницкий В. Я. Перспективы Пакистана — демократия или стабильность?, с. 170.

¹³ Там же.

¹⁴ Хроника событий // Зарубежное военное обозрение. 2005, № 11, с. 43.

¹⁵ Независимая газета, 19 марта 2002.

¹⁶ Хроника событий // Зарубежное военное обозрение. 2005, № 8, с. 34.

¹⁷ Кузнецов С. Н. Геополитическое положение Пакистана и региональная среда, с. 151.

¹⁸ Musharraf P. Указ. соч., с. 301.

¹⁹ Huckabee M. D. America's Priorities in the War on Terror. Islamists, Iraq, Iran, and Pakistan // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87, № 1, с. 79.

²⁰ Хроника событий // Зарубежное военное обозрение. 2002, № 2, с. 36.

²¹ Хроника событий // Зарубежное военное обозрение. 2005, № 11, с. 39.

²² Хроника событий // Зарубежное военное обозрение. 2004, № 12, с. 40.

²³ Barnett R. R., Rashid A. Ending Chaos in Afghanistan and Pakistan // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87, № 6, с. 48.

²⁴ В долине Сват вводят шариат — <http://lenta.ru/news/2009/02/15/swat/>

²⁵ Хроника событий // Зарубежное военное обозрение. 2007, № 5, с. 35.

²⁶ Barnett R. R., Rashid A. Указ. соч., с. 48.

²⁷ Иванов В. ЦРУ подтягивается к Пакистану // http://nvo.ng.ru/spforces/2010-10-15/14_cru.html

²⁸ Хроника событий // Зарубежное военное обозрение. 2007, № 3, с. 44.

²⁹ <http://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/60733-afganskiy-ti-anzit-severnuy-koridor-osnovnoy-put-snabzheniya-voysk-nato-v-afganistane.html>

³⁰ <http://lenta.ru/news/2008/12/30/route/>

³¹ Ministry on Foreign Affairs of Pakistan. Foreign Office Yearbook 2003/2004. — [www.mofa.gov.pk/Publications/Year Book 2006-07\(Final\).doc](http://www.mofa.gov.pk/Publications/Year Book 2006-07(Final).doc)

³² Presidential Documents. The President's Radio Address. Weekly Compilation of Presidential Documents. July 21, 2007 — <http://frwebgate2.access.gpo.gov/cgi-bin/waisgate.cgi?WAISdocID=29892122797+9+0+0&WAISaction=retrieve> (дата обращения: 12.05.2009).

³³ Presidential Documents. The Presidents trip to South Asia. Fact sheet. Glenn Amendment.

³⁴ Congressional Records. Pakistan named Major Non-NATO Ally- (House of Representatives — March 29, 2004).

³⁵ Perlez J. In Musharraf's Wake, U.S. Faces Political Disarray // The New York Times, 2008, 19 Aug.

³⁶ Raza I. S. Cold War among coalition parties worries US: Boucher concerned over Fata situation // The Dawn, 2008, 01 Jul.

³⁷ Department of State. Deputy Secretary Armitage's Travel to Pakistan and Afghanistan.

³⁸ Musharraf P. Указ. соч., с. 308.

³⁹ Presidential Documents. The President's News Conference With President Pervez Musharraf of Pakistan.

⁴⁰ Скосырев В. НАТО стреляет по Пакистану, с. 14.

⁴¹ Там же.

⁴² Блант М. Насилие во имя власти и собственности // The New Times, 2007, № 41.

⁴³ President Musharraf of Pakistan (House of Representatives — November 05, 2007).

⁴⁴ Независимая газета, 24 июля 2007.

⁴⁵ Независимая газета, 9 февраля 2008.

⁴⁶ Конгресс США отзывает помощь Пакистану — FinOrg.ua/www.fin.org.ua/newws.php?i=463938 (дата обращения: 26.02.2009).

⁴⁷ Хроника событий // Зарубежное военное обозрение. 2008, № 11, с. 33.

⁴⁸ Спецназ США вторгается в Пакистан — <http://lenta.ru/news/2007/08/24/paki/>

⁴⁹ Хроника событий // Зарубежное военное обозрение. 2007, № 3, с. 41.

⁵⁰ Независимая газета, 21 июля 2005.

Раздел IV

КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Ханна Омархали (Германия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАНОНА В СОВРЕМЕННОМ ЙЕЗИДСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Введение

Описывая процесс канонизации религиозных текстов, обычно обсуждают уже завершённый процесс, и часто даже после окончания редакции текстов. Однако в этой работе я рассматриваю процесс канонизации, происходящий в настоящее время в так называемой бесписьменной традиции йезидов.

Йезидизм — курдская доисламская религия, в которой, как считают большинство ученых, ортопраксис преобладает над ортодоксией. Йезидское общество основано на кастово-теократическом принципе деления, согласно которому в йезидизме существуют три наследственные касты, две из которых (пиры и шейхи) представляют духовенство и одна каста миряне (мриды). По неофициальным данным, во всем мире йезидов насчитывается около 700 тыс. человек, которые живут в Ираке, Турции, Сирии, Армении и Грузии, России и в некоторых странах Европы.

В силу своего исторического развития доисламская курдская религия — йезидизм осталась на этапе, где религиозные тексты не были канонизированы. Основное йезидское религиозное знание заложено не в письменных религиозных текстах и рукописях, а в устной традиции, передающейся из поколения в поколение. Одним из основных вопросов для современного йезидизма является вопрос о канонизации религиозных текстов, что особенно важно с учетом уже начавшегося в йезидизме процесса скриптуализации.

1. Письменное наследие йезидов: «Джелва», «Масхафа Раш» и «Мешуры»

До конца XIX в. в заметках путешественников встречались некоторые упоминания о существовании йезидского Священного Писания и многие

европейцы пытались найти его. С 1880-х гг. стали появляться копии двух йезидских текстов, которые были написаны на арабском языке. В 1911 г. кармелитский отец Анастас Мари¹ опубликовал свое открытие так называемых «подлинных курдских» версий йезидских священных книг, которые были написаны на курдском языке на неизвестном алфавите. Спустя несколько лет Максимилиан Биттнер² дешифровал письмо и опубликовал в 1913 г. в Вене перевод текстов на немецкий язык.

С начала XIX в., когда две предполагаемые йезидские священные книги «Джелва» и «Масхафа Раш» были опубликованы, появился большой научный интерес к йезидским религиозным текстам³. В настоящее время практически все ученые из-за диалекта курдского языка этих текстов и их содержания едины во мнении, что книги не являются подлинными древними текстами йезидов, тем самым разочаровывая многих ученых, считавших йезидскую книгу «Масхафа Раш» древнейшим письменным памятником на северном диалекте курдского языка курманджи⁴.

Существует еще один вид йезидских письменных религиозных текстов, называемый «Мешур». Согласно традиции, в XII в. было написано 40 рукописей «Мешур», до сих пор хранящихся в домах йезидских пиров. Еще один вид собрания текстов — «Кашкуль» можно часто встретить в домах священнослужителей.

Говоря о «семейных/клановых книгах» в индийской традиции, профессор Витцель пишет, что эти кланы указывают их «авторское право» на «печать клана»⁵. То же самое можно сказать и о рукописях йезидов: пиры, в домах которых они хранятся, как правило, держат их в потайном месте и воспринимают писания в них как священное знание.

Йезидская традиция утверждает, что йезиды издревле имели свое Священное Писание, которое до сих пор скрыто в доме йезидов или было уничтожено. В настоящее время много йезидов пытаются найти свое Священное Писание, что приводит к появлению «подлинных» йезидских священных книг.

Йезиды делятся на две группы, которые придерживаются противоположных взглядов по поводу отсутствия Книги. Одни считают, что отсутствие Священного Писания является большим несчастьем, потому что йезиды не признаются как «Люди [Священного] Писания» (Ахль аль-Китаб), а более консервативные йезиды (из Шенгала и Армении) выражают радость по поводу отсутствия священной книги, утверждая, что устная традиция является основной причиной сохранения религиозных текстов, поскольку они верят, что письменные тексты могут быть легко изменены или уничтожены.

Учитывая то, что все йезиды утверждают, что у них была своя священная книга, которая была сожжена или все еще хранится в доме духовенства, возможно, она действительно существовала? Или, может быть, идея

о существовании йезидского Писания появилась под влиянием довлеющего вопроса о принадлежности к «Ахль аль-Китаб»?

2. Устная традиция йезидов и статус религиозных гимнов

Основное религиозное знание йезидов хранится в устной религиозной литературе, которая включает большой корпус священной поэзии и прозы, передающейся устно, наиболее почитаемый жанр из которых занимают религиозные гимны — Каулы (*Qewl*). Считается, что они были составлены благочестивыми «избранными» людьми в XII в. и позже. Существуют различные мнения о происхождении религиозных гимнов, однако все утверждают, что Каулы были ниспосланы Богом путем откровения. Йезиды называют все религиозные гимны «божественным знанием» (*'ulmê Xwedê*) или как символ эзотерического знания — «океаном» (*behr*). Другие жанры религиозной поэзии и прозы почитаются, однако не рассматриваются как посланные Богом путем откровения.

Йезидское религиозное знание передается в устной форме на различных уровнях; йезидские священные гимны запоминаются, как правило, знающими представителями духовенства, а также группой исполнителей религиозных текстов в Ираке — Каввалами (*Qewwal*), которые обучаются исполнению религиозных текстов, религиозной музыке, и только некоторые из них толкованию гимнов.

3. Исторические предпосылки формирования Канона в йезидизме

По словам профессора из Гейдельберга Яна Ассмана, появление концепции Канона само по себе, а также исторических явлений, которые связаны с этой концепцией, происходит в эпохи, отмеченные серьезными межкультурными, а также внутрикультурными столкновениями⁶.

Какого рода изменения произошли в обществе йезидов в последнее время?

С 1980-х гг. произошли как минимум три крупные миграции йезидов в различные европейские страны. Основные переселения йезидов начались в 1980-х гг., когда большинство турецких йезидов бежали в Германию; в результате политической напряженности в конце 1980-х и в 1990-х гг. многие иракские йезиды были вынуждены иммигрировать в Европу; и около 1991 г. многие йезиды в результате массовой иммиграции из Армении и Грузии в связи с экономическими трудностями постсоветского периода были вынуждены переехать в Россию, на Украину и в Европу. Таким образом, йезидские иммигранты оказались в но-

вой для них политической, социальной, лингвистической и религиозной среде.

В прошлом у йезидов существовала развитая система устной передачи йезидской традиции, и она работала до определенных исторических событий, а именно до появления границ между такими странами, как Турция, Ирак, Сирия, Российская империя, Армения и Грузия. Каввалы не смогли больше посещать йезидские общины и поддерживать традицию. Из-за миграции членов общества эта система перестала быть эффективной.

В бывшем Советском Союзе, особенно в Армении, в последние десятилетия в Ираке, а также в Европе, появилась группа йезидов, которые получили высшее образование. Они образовали так называемую интеллигенцию йезидов, перед которыми встал вопрос — в чем суть их религии? Впервые в истории йезидизма йезиды пытаются найти способ объяснить свое богословие и выразить словами свое понимание теологических аспектов собственной религии.

Во время моих полевых исследований среди йезидов в Европе, Иракском Курдистане и Армении стало очевидно, что очень важные изменения произошли не только в диаспоре, но также затронули целиком йезидское общество. Эти изменения связаны с вопросами богословия и создания Канона. Старая система передачи религиозных знаний нарушена, по крайней мере в диаспоре, и йезидам нужен новый способ передачи основных религиозных знаний.

Единственный религиозный центр йезидов Лалеш в Иракском Курдистане составил программу для сбора религиозных текстов и создания Канона. Духовное Собрание (*Meclîsê Ruhani*) в Лалеше создало для этой цели Комитет Советников (*Komîteya Şewirdaran*), который включает в себя примерно 15–20 человек. Сейчас йезиды Ирака, вместе с религиозным главой йезидов Миром (*Mîr*), согласны с записью и канонизацией религиозных текстов. Однако их усилия все еще пассивны, и йезиды сталкиваются с серьезным препятствием, а именно с сопротивлением между консервативными йезидами, племенными и религиозными лидерами, и интеллигенцией, которые расходятся во мнениях.

4. Вопросы, связанные с формированием йезидского Канона

Вопрос о формировании Канона имеет жизненно важное значение в процессе перехода от устной к письменной традиции. Формирование Канона играет важную роль в религиозном выживании. Очевидно, что очень скоро йезиды должны будут решить проблему канонизации религиозных текстов, и вполне вероятно, что перед ними встанут важные вопросы.

1. Начало процесса канонизации

Существуют различные мнения по поводу того, кто должен начать процесс канонизации. Канон должен быть сформирован йезидским Эмиром и Духовным Советом или йезидской интеллигенцией? Учитывая то, что йезидизм — это устная традиция без одной для всех приверженцев действующей централизованной власти, этот вопрос остается одним из центральных.

2. Какие тексты должны быть включены в канонический корпус?

Какие тексты должны быть включены в канонический корпус: только боговдохновенные религиозные гимны (Каулы) или все жанры йезидской устной религиозной литературы? Все йезиды четко разделяют статус религиозных гимнов и легенд, хотя считают, что легенды и мифы играют важную роль в толковании основных текстов и должны быть также включены в Канон. Интересно отметить, что йезидские письменные тексты «Джелва» и «Масхафа Раш» даже не рассматриваются, поскольку не обладают серьезным статусом среди йезидов и часто им даже неизвестны.

3. Расположение текстов в Каноне

Должен ли Канон быть составлен искусственно или определенные модели должны быть приняты в качестве основы? На самом деле существует некий порядок среди йезидских религиозных текстов, зависящий не только от их статуса. Существует специальное расположение даже среди каждого жанра. Например, среди религиозных гимнов есть группа гимнов, называемых “*Berane Qewl*” («Каулы Архары»), которые представляют собой наиболее важные религиозные гимны.

4. Мелодии религиозных текстов

Практически каждый религиозный поэтический текст йезидов исполняется с собственной мелодией, называемой кубри (*kubri*). Во время перехода устной традиции в письменную мелодии будут забыты. Несмотря на то что мелодии текстов напрямую связаны с живой практикой, йезиды могут подумать о записи всех текстов чтецами религиозных гимнов.

5. Какой вариант из существующих различных вариантов религиозного текста следует признать правильным?

В йезидизме, как типично устной традиции, существуют различные варианты одного религиозного текста. Может ли быть составлен первоначальный религиозный текст из разных вариантов? Священные тексты требуют дословной передачи. По словам Ассмана, священный текст — это род словесного храма, воскрешение в памяти священного посредством

голоса⁷. Поскольку все йезиды очень внимательно относятся к религиозным текстам, любое изменение в них может вызвать негативную реакцию и в дальнейшем отвержение текста.

6. Исправления и стандартизация языка религиозных текстов

В ходе истории некоторые интерполяции и изменения были внесены в тексты различных общин йезидов. Однако теперь все йезиды считают, что ни один человек не имеет право менять эти тексты. Может ли язык в этих текстах быть исправлен, переведен и отредактирован?

7. Недавно созданные религиозные гимны

В последние годы появилось несколько новых религиозных гимнов. Из-за вопросов идентичности, поднятых среди йезидов за пределами своей родины, были созданы такие Каулы, как религиозный гимн Навруз (*Qewlê Newroz*), религиозный гимн Заратуштры/Зороастра (*Qewlê Zerdeşt*), гимны, связанные с регулированием жизни, и некоторые другие. Проблема создания новых религиозных гимнов будет решена с формированием полного и авторитетного Канона, потому что он считается закрытым и признает, что откровения закончились.

8. Практическая сторона книги: собрание священных текстов или Канон

Канон должен выполнять определенную роль в йезидском обществе и должен быть признан представителями йезидской иерархии. В противном случае, этот канон будет просто собранием текстов йезидов с целью сохранения их основного религиозного знания и памяти и не более того. Еще один момент, который должен быть принят во внимание, то, что подавляющее большинство йезидов из различных общин должны признать Канон авторитетным.

9. Локальные и неофициальные Каноны

Существует возможность того, что будут сформированы несколько так называемых местных канонов. Вопрос об организованном процессе канонизации в устной традиции йезидов представляется крайне сложным. Существует очевидная возможность того, что неорганизованный процесс канонизации йезидских религиозных текстов в ближайшем будущем может привести общину йезидов к той же проблеме, с которой столкнулась община Ахл-и Хакк в Иране, одиннадцать Ханданов которых не едины касательно канонических вариантов их религиозных гимнов — *Kalâm*. Или как это случилось на примере Виная в буддизме, где существует не менее шести Виная различных школ⁸.

10. Формирование йезидского Священного Писания

Возможно формирование состава высокоавторитетных комментариев к Канону (как в христианстве — труды Отцов Церкви, в иудаизме — Талмуд и в исламе — сунна и хадисы). Как пишет Ян Ассман, общение с каноническими текстами требует участия интерпретатора, который становится между текстом и его адресатом и раскрывает те нормативные и формирующие импульсы, которые заключены в поверхности текста. Канонические тексты могут раскрыть свой смысл только в треугольнике Текст — Толкователь — Слушатель⁹. В йезидизме существует развитая устная традиция толкования, которая, возможно, также будет передана в письменном виде. Не сам по себе священный, а только уже ставший каноническим текст требует истолкования и становится поэтому исходным пунктом комментаторских культур¹⁰.

Заключение

Йезидизм до сих пор является устной традицией, и ждать, что найдется йезидское Священное Писание, маловероятно. На мой взгляд, необходимо воспринимать все существующие религиозные тексты как одну религиозную традицию. Наиболее консервативные йезиды, тем не менее, утверждают, что у них нет священной книги и что их знания скрытые (*'ulmê batîni*). Они говорят, что все члены сообщества — «страницы» йезидской священной книги.

Вопрос о канонизации уже поднят и предпринимаются усилия среди современных йезидов создать письменную традицию. Чтобы начать процесс канонизации йезидских религиозных текстов, необходима заинтересованность в этой проблеме централизованной религиозной власти.

Говоря о ведическом каноне, Витцель пишет, что он не есть Писание в буквальном смысле: Веды были составлены устно, они были и остаются в некоторой степени устной литературой. Они должны рассматриваться как записи, сделанные во время ведического периода и передающиеся в устной форме, и, как правило, без изменения единого слова¹¹. Можем ли мы воспринимать будущий йезидский Канон как Писание? Какие последствия вызовет канонизация религиозных текстов йезидов: сохранение традиции, переход от устной традиции к письменной? Сколько этапов канонического развития будет иметь йезидизм? Сколько десятилетий продлится процесс канонизации йезидских религиозных текстов? Существует еще много вопросов, ответы на которые мы получим со временем.

Канонизация представляет собой длительный процесс, включающий в себя историческое развитие религиозной мысли. Переход йезидской религиозной устной традиции в письменную — чрезвычайно важный процесс, исследование которого могло бы помочь ученым лучше понять, когда были написаны священные книги других религий, и сравнить этот процесс с формированием канонов в других индоиранских традициях.

Примечания

¹ Anastase Marie de Saint-Élie, O.C. D., 'La découverte récente des deux livres sacrés des Yézidis', in: *Anthropos*, vol. 6, 1911, с. 1–39.

² Bittner M. *Die heiligen Bücher der Jeziden oder Taufelsanbeter: Kurdisch und Arabisch, Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Phil.-Hist. Klasse 55, Band LV. Vienna, 1913.*

³ Исследования о йезидских священных текстах см.: Ahmed K. *Dû peyamî pîrozî yezîdiyan: Xwêndinewe û ravey Cîlwe-name û Reş-name*. P., 1991; Амоев К. Езидские священные книги. Тбилиси, 1999; Fettah S. *Yezîdiyekan û aîni Yezîdî* [Йезиды и йезидская религия]. Sulaimaniya, 1969; Frayha A. *New Yezîdî texts from Beled Sinjâr, Iraq*, in: *JAOS*. Editor Zelling S. Harris. Vol. 66. Number 1. March 31. 1946, с. 18–43; Furlani G. *Religione dei Yezidi: Testi religiosi dei Yezidi*, Bologna, 1930. (Testi e Documenti per la Storia delle Religioni, vol. 3). English translation by Jamshedji Maneckji Unvala entitled *The Religion of the Yezidis*. Bombay, 1940; Furlani G. *The Religion of the Yezidis: Religious Texts of the Yezidis*, trsl. J. M. Unvala, Bombay, 1940; Joseph I. *Devil Worship: The Sacred Books and Traditions of the Yezidis*. Boston, 1919. Reprinted in 2007; Курдоев К. К. Об алфавите йезидских религиозных книг // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ленинград, 1972, с. 196–199; Mingana A. *Devil-worshippers; their beliefs and their sacred books*. In: *JRAS*, 1916, с. 505–526; Омархали Х. Йезидские священные писания // *Энциклопедия религий*. М., 2008, с. 596; Qenatê Kurdo. *Li babet nivîskar, ziman u elifbayê pertûkêt dînê êzîdiyan* (Курдоев К. К. Об авторстве, языке и алфавите йезидских религиозных книг). *Журнал Курдской Академии*. Т. I, часть 1. Багдад, 1973, с. 132–179; Семенов А. А. Поклонение сатане у переднеазиатских курдов-езидов // *Бюллетень Средне-Азиатского Государственного Университета*. Т. 16. Ташкент, 1927, с. 59–80.

⁴ Подробнее об исследовании письменного религиозного наследия йезидизма и священных книг «Джелва» и «Масхафа Раш» см.: Омархали Х. Йезидская религиозная письменная литература: Священное Писание, Джелве, Масхафа Раш и рукописи // *Лазаревские чтения — 2010* (в печати).

⁵ Witzel M. *The Development of the Vedic Canon and its Schools: The Social and Political Milieu*. Cambridge (Mass.), 1997, с. 261.

⁶ Assman J. *Das Kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München, 2007, с. 133.

⁷ Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М., 2005, с. 101.

⁸ Widengren G. *Die Kanonbildung*. In: *Religionspänomenologie*. Berlin, 1969, с. 579.

⁹ Ассман Я. Указ. соч., с. 101–102.

¹⁰ Там же, с. 100.

¹¹ Witzel M. Указ. соч., с. 258.

С. Ф. Орешкова

ИСЛАМ И ЕВРОПЕИЗАЦИЯ: ОСМАНО-ТУРЕЦКИЙ ОПЫТ СОЧЕТАНИЯ ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ

Турция — это страна, которая прошла в направлении европеизации самый длительный — среди мусульманских стран — путь самостоятельно развития. Еще в 60-е годы XIX в. А.К. Казем-бек, один из основоположников российской османистики, писал: «Турция много и очень много позаимствовала... у Запада и усвоила (подчеркнуто мною. — С. О.), хотя еще не вполне сознательно»¹.

В силу геополитических условий своего развития османское государство с самого начала своего существования имело тесные контакты с европейскими народами и европейской цивилизацией. Были контакты разного рода с Византией, балканскими странами, позднее — с Южной и Центральной Европой и, наконец, с Западной Европой и Россией. Нельзя забывать, что пределы этого государства в период его наивысшего территориального расширения доходили до Вены, Мальты, украинской Подолии. Они включали в себя около полусотни современных национальных государств, в том числе и десятки европейских.

Завоевав Византию и европейские народы Юго-Восточной Европы, османы заимствовали многое из бытовой культуры, социально-экономической организации, системы управления, свойственных христианско-европейскому миру. Однако все эти заимствования были облечены в исламскую оболочку, и развитие региона пошло по иному цивилизационному пути. Можно выделить некоторые характерные черты этого цивилизационного развития. Прежде всего это сильная государственная власть, формирующая общество, далее контроль государства и исламских религиозных структур за всеми проявлениями социальной деятельности. Отсюда характерная для Османской империи строгая регламентация всего — размеров рентно-налоговых сборов, цен на рынках, доходов торговцев и ремесленных производителей, товаропотоков в стране, возможных путей социальной мобильности, даже размеров взяток, ростовщического про-

цента (запрещенный Кораном, он все же допускался, но лишь в размере до 20%), одежды тех или иных групп населения и т. п. Огромные и четко функционировавшие в первые века своего существования светская и религиозная бюрократические машины, контролировавшие все эти проявления, привели в конце концов к застою в общественном развитии страны и ее отставанию от европейского уровня.

Религиозные тиски и религиозная регламентация — это черты, свойственные не только исламу. Вспомним, что Европа шагнула вперед только после того, как сумела заставить папскую власть отказаться от притязаний на светское правление, а в ряде стран — в результате Реформации, т. е. разрыва с папством. В России царь Алексей Михайлович сумел преодолеть цезарианские претензии патриарха Никона, а Петр I, учредивший Синод, ввел церковь в государственную структуру. В последние годы существования Византии религиозный контроль способствовал социальному застою и ее, как и Османскую империю в XIX в., называли «больным человеком» Европы.

Весь XVII в. в Османской империи прошел под ностальгическим стремлением вернуть страну в «золотой век» Сулеймана Великолепного, т. е. удержать достижения того времени, касающиеся социальных отношений, управленческой практики, внешнеполитических устремлений и т. п. Однако несмотря на усилия властей, кризис нарастал и его прекрасно чувствовала интеллектуально наиболее продвинутая часть общества. Об этом свидетельствуют десятки социально-дидактических (как их назвала А. С. Тверитинова²) трактатов, рисале (или, по аналогии с Россией, челобитных, подаваемых властям), которые дошли до нас от того времени.

В конце XVII и начале XVIII в. появляется интерес к Западу, его достижениям в технологии и военной сфере, мануфактурному производству, образу жизни и т. п. В этот период в стране начинают действовать выходцы как из светской бюрократии, так и религиозной среды, которые осознали необходимость перемен и усвоения нового. Особенно яркая их плеяда собралась вокруг великого везира Амджа-заде Хюсейна-паши, подписавшего от имени султана Карловицкие мирные договоры (1699), положившие конец войне со Священной Лигой (создана в 1684 г.). Порта впервые пошла на территориальные потери (Морея, Азов, Подолия, венгерские земли). Это потребовало от османских подписантов мира большого мужества, но они понимали, что стране необходима была мирная передышка. Амджа-заде, везир из семейства Кёпрюлю (1697–1702), и особенно Рами Мехмед-паша, реис-эфенди в период Карловицкого конгресса и великий везир в 1703 г., были наиболее активными проводниками новой политики — мира с соседями, упорядочения налоговых сборов и тимарной системы, создания условий для восстановления разоренных войной балканских областей, строительства мануфактур (прежде всего обслуживающих

армию), перевооружения, сокращения и реорганизации отдельных разрядов османских вооруженных сил, в том числе реформы флота и т. п. Все эти мероприятия поддерживал и примирял с религиозными представлениями того времени шейх уль-ислам Фейзуллах-эфенди (1695–1703). Он был воспитателем султана Мустафы II (1695–1703), имел влияние на своего подопечного и фактически именно он формировал султанское окружение. Вот этот незаурядный человек (как писал П. А. Толстой, тогдашний посол России при султанском дворе, он «всякое дело в конец знает своим рассудком»), имевший власть и авторитет, будучи шейх уль-исламом, стал вдохновителем преобразований в стране, но он же их и погубил. В 1703 г. начался бунт янычарских частей и стамбульской черни, поддержанный всеми жителями города, недовольными длительным пребыванием султанского двора вне столицы (в Эдирне). Главной фигурой, против которой было направлено недовольство восставших, оказался Фейзуллах-эфенди, отличавшийся непомерным гонором, сребролюбием, протекционизмом (на все высшие религиозные должности он назначал своих родственников, чужие же могли получить пост лишь за большую взятку). Произошла смена султана и всего его окружения. Первые 10 лет правления нового султана Ахмеда III ознаменовались жесточайшими расправами с теми, кто как-то был связан с бунтовщиками. Наблюдатели писали о нескольких десятках тысяч убитых³. Турецкий историк А. Н. Курат усматривает в этих убийствах (и в период бунта и после него) главную причину того, что в первых десятилетиях XVIII в. в Османской империи не выдвинулось ни крупных государственных деятелей, ни способных полководцев⁴. Было уничтожено то поколение, которое пыталось сверху реформировать страну. Спокойный, эволюционный путь самостоятельного приспособления страны к новым условиям существования и преодоления векового застоя оказался закрытым. Новшества в жизни верхушки османского общества стали проявляться в строительстве загородных дворцов, разведении тюльпанов, бытовой роскоши и украшениях («период тюльпанов» (ляле деври) Ахмеда III), что вызвало новый бунт 1730 г., возведение на трон нового султана и очередную расправу с мятежниками. Позднее все изменения, вводимые в стране, стали представляться не как главное развитие ранее существовавшего, а как слом, как некая вестернизация, европеизация, модернизация по европейскому образцу⁵. Вершиной ее стал так называемый Танзимат, провозглашенный султанским хатт-и шерифом в 1839 г. Выросло новое европеизированное поколение государственных деятелей, которое приступило к проведению реформ. Религиозные же деятели и структуры оказались оттесненными от этой деятельности и, более того, стали противниками реформ.

Современные турецкие историки констатируют, что ислам в современной Турции не един⁶. Есть официальный ислам, или ислам медре-

се, ислам Книги, высокий ислам. Это всегда политизированный ислам. Он освящал османскую имперскую структуру и, как пишет А. Я. Оджаи, был «представлен в центральной власти»⁷, а в период реформ XIX в. постепенно, не без сопротивления, сдавал свои позиции. Именно с ним вели борьбу республиканские власти при Кемале Ататюрке. И прежде всего против него было направлено положение недавних турецких конституций о запрете использовать религию в политической борьбе. Ислам понес наибольшие потери в процессе европеизации Турции, но сейчас, когда исламистские партии побеждают в политической борьбе, берет реванш.

Вторая разновидность ислама — это мистический ислам, ислам обителей, текке, завие, различных орденов, толков и т. п. Он связан как с высшими, так и низшими слоями османского и современного турецкого общества. В Османской империи некоторые из этих толков были близки с центральной властью, но их учения не становились политической идеологией. Многие представители чиновничества (калемийе) были связаны с различными суфийскими тарикатами. Известно, что некоторые из тарикатов имеют много шиитских черт, но размежевание между суннитами и шиитами все-таки было завершено еще в XVI в., тогда произошли и миграционные сдвиги, и в настоящее время алевитов Турции шииты Ирана своими не считают.

Мистический ислам различных толков в Турции хорошо структурирован и продолжает до сих пор существовать как бы альтернативно высокому исламу, создавая в стране сложную религиозную мозаику. Очевидно, временами это облегчало деятельность реформаторов. Так, вместе с уничтожением янычарского корпуса и других подобных военных подразделений был ликвидирован орден бекташи, связанный с этими воинскими образованиями. Другие тарикаты не пострадали и за физически и организационно уничтожаемых единоверцев не вступились.

Существование множества различных тарикатов усложняло и усложняет сейчас социальную жизнь страны, создавая некий порою невидимый фон, глубоко проникший в турецкое общество, влияя на его умонастроение. По своим политическим пристрастиям тарикаты очень различны, некоторые из них связаны с ультралевыми организациями, другие — с исламским терроризмом, есть и носители глубоко суннитской ортодоксии.

Как правило, они не афишируют ни своих пристрастий, ни своей деятельности. Сейчас те исламисты, что пришли к власти, озабочены тем, чтобы как-то легализовать то религиозное многообразие, которое существует в стране. Но это очень сложная проблема, и она тесно связана не только и не столько с чисто религиозными проблемами, сколько с тем мировоззрением, которое царит среди широких народных масс.

Наличие низового, народного ислама турецкие историки считают третьей разновидностью⁸.

Для широких народных масс ислам — это образ жизни, форма поведения, бытовая культура, восприятие своих и чужих и та организующая сила, которая сплачивает общество.

Преобразования европейского образца в свое время обострили ту пропасть, которая лежала и лежит сейчас между образованным слоем турецкого общества и широкими народными массами. Кемалисты, несмотря на огромные успехи в стране и свой авторитет, пока еще сохраняющийся в обществе, не только не сумели преодолеть этот разрыв, а еще более его усилили. В 20–30-х гг. XX в. предпринимались большие усилия по его преодолению. Создав тогда «турецкие очаги», «народные дома», «народные комнаты», «сельские институты»⁹, НРП искала новые каналы идейного воздействия на население. Именно они позволяли ей держать под своим влиянием значительную часть народных масс. Позднее функционирование таких организаций явно ослабло, а в период правления Демократической партии все «народные дома» и «народные комнаты» были закрыты¹⁰. Внешние успехи в развитии страны и межпартийная политическая борьба отвлекали партии от идеологической борьбы за народные массы. Это упущение использовали религиозные силы, снова поднимая свой авторитет (особенно используя благотворительные традиции, свойственные исламу, и тарикаты, в том числе и экстремистски настроенные, широко привлекавшие молодежь, не находящую себе достойного места в жизни). Примечательно, что ислам, как представляется, больше, чем в самой стране, стал играть некую объединяющую роль среди тех масс турецкого общества, которые уезжали на заработки в Европу. Другого связующего элемента у них не было.

Европеизация, унификация мира (глобализация, как теперь принято говорить), западное превосходство, необходимость некоего догоняющего развития — ломали естественный ход развития исламской цивилизации. Та внутренняя борьба, что шла в Османской империи в последние два-два с половиной столетия ее существования, отвергла многие достижения исламской цивилизации, но сохранились народные надежды, с ней связанные, а потому начинается некий новый виток развития этой цивилизации. Европа в судьбах этого цивилизационного развития играла явно отрицательную роль. Османский опыт в этом плане очень показателен. После Крымской войны европейские державы усилили давление на правящие круги своей недавней союзницы и побудили их более радикально подойти к проблеме реформ. В результате, как писал уже цитированный мною А. К. Казем-бек, эта политика оттолкнула страну лет на 50 назад. Новые реформы помогли «умирающему давно оттоманскому правительству, благодаря попечению... евро-

пейских держав ныне опять оживающему». Народ же, ранее «довольно продвинувшийся вперед к пределам цивилизации... опять на несколько лет отскочил назад в объятия фанатизма»¹¹. То же, кстати, происходит и в настоящее время. Европа весьма нетерпима к поискам мусульманского мира собственных путей приобщения к современному уровню общечеловеческого развития, т. е. тому, что мы называем модернизацией. Она требует ускорения и преобразований в удобной ей форме. Отсюда задержки с вступлением Турции в Европейский союз и многолетнее пребывание ее лишь ассоциированным членом ЕС. Это порождает в турецком обществе не только разочарование, но и определенно отторжение европейских ценностей и, как результат, поворот к так называемому «умеренному исламу».

Ислам — это последняя по времени из возникших в человечестве мировых религий. Он охватил огромный регион, геополитически представленный в момент его распространения соприкосновением оседлого и кочевого миров, и организационно как бы подтянул эту человеческую периферию до уровня высших социальных и культурных достижений своего времени. Как любая догоняющая структура, он склонен к регламентации, централизации управления, обособлению от чуждых ему структур и обществ (османская миллетная система являет классический пример такого обособления). Огромные исламские империи — арабские, Персидская, Могольская, Османская — определяли столетиями историю своих регионов. Европейский колониализм, прямо или опосредованно, как в османском случае, вовлек их в другое цивилизационное русло, которое, однако, не сумело вместить в себя всей глубины их обществ. Сейчас мы наблюдаем возрождение из этих глубин «новой» исламской составляющей этих обществ. Этот процесс идет во всех исламских обществах и, очевидно, он закономерен и, более того, необходим. Легализация ислама как политической силы, его участие в общественной жизни, выход из полулегального существования исламских сект — это то, о чем говорят и на чем пытаются строить свою политику современные турецкие исламисты. Османский опыт здесь может служить неким предостережением. Ислам, как и любая религия, может быть двигателем духовного и социального развития, если он не переходит определенные рамки, не подминает под себя все другие общественные составляющие, а выступает как во многом определяющий, но все же лишь как один из элементов того, что мы называем гражданским обществом. Фанатизм, а нередко и невежество, которое мы наблюдаем повсеместно в широких слоях религиозной касты, могут толкать общество не только к мелочной идентификации (ношение платков и т. п.), но и к глубокому регрессу. Османский опыт здесь может служить как предостережением, так и надеждой на успешное обновление.

Примечания

¹ Казем-бек М. Избранные произведения. Баку, 1985, с. 61.

² Тверитинова А. С. Социальные основы турецких дидактических трактатов в XVI–XVIII вв. М., 1960.

³ Подробнее об этих событиях см.: Орешкова С. Ф. Государственный переворот 1703 г. в Османской империи (по материалам русских архивов) // Российское востоковедение в память о М. С. Капице. Очерки, исследования, разработки. М., 2001, с. 236–244; ее же. Османская империя на рубеже XVII–XVIII вв.: последний всплеск средневекового величия // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. М., 2003, с. 117–144.

⁴ Kurat A. N. Ysveç Kırallı XII Karl'ın Tükiyede Kalışı ve bu Sıralarda Osmanlı İmparatorluğu. İstanbul, 1943, с. 13.

⁵ См.: Тодорова М. Н. Европеизация Османской империи (постановка проблемы и ее освещение в современной западной и турецкой историографии) // Народы Азии и Африки. М., 1977, № 2.

⁶ История османского государства, общества и цивилизации. Т. 2. М., 2006, с. 128–134.

⁷ Там же, с. 129.

⁸ Там же, с. 130–131.

⁹ Колесников А. А. Народный дом в общественно-политической и культурной жизни Турецкой республики. М., 1984.

¹⁰ См.: Зиганшина Г. М. Исламские течения в общественно-политической жизни Турции (1970–2000 гг.). Автореферат диссертации канд. ист. н. М., 2008, с. 16.

¹¹ Казем-бек М. Избранные произведения, с. 61–62.

С. Б. Дружиловский

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ИРАНЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ХОД ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

История Ирана очень богата политическими традициями, прежде всего исламской направленности. Думается, не случайно именно здесь произошла исламская революция, призванная привести в соответствие общественное и политическое развитие этого государства с нормами и канонами, заложенными в доктрину ислама, итогом чего должно стать создание общества божественной гармонии и социальной справедливости.

Поиск в этом направлении в Иране велся давно, по крайней мере с середины XIX века, хотя за точку отсчета можно взять и век XVI, когда к власти пришла династия Сефевидов, которая бросила вызов доминировавшему тогда в мусульманском мире ортодоксальному суннизму и провозгласила государственной религией шиизм, который долгие годы являлся религией гонимых и обездоленных и часто становился знаменем народных восстаний в мусульманских странах.

Однако известно, что только первые шахи Сефевидской династии пытались придавать хотя бы видимость единству интересов верхов и низов иранского общества и в своей деятельности придерживались принципа неразделимости религии и политики. В последующем высшее шиитское духовенство выделилось в самостоятельную корпорацию и мало вмешивалось в дела государства, довольствуясь духовными изысканиями, далекими от конкретной политической деятельности.

Однако к середине XIX столетия, когда в Европе уже победил капитализм и значительно ускорилось ее социально-экономическое развитие, в среде иранского руководства, как религиозного, так и светского, произошел раскол по вопросу о том, должен ли Иран признать возвышение Европы как объективную реальность и пойти к ней на выучку и заимствовать ее опыт, или продолжать развиваться по средневековым, восточным традициям, отгородившись от западного проникновения. Оба эти явления характерны и для идейно-политических исканий других неевропейских

цивилизаций в этот исторический период, и можно привести как удачные примеры начавшейся интеграции, например, открытие для мира Японии, так и противоположный исторический опыт, когда, например, Афганистан, после окончания II англо-афганской войны объявил о закрытии страны для иностранцев. Но особенностью развития религиозно-политической мысли в Иране в этот период было то, что здесь выделилось третье течение, которое впоследствии стало главным и определяющим в поисках пути оптимального развития. Речь идет о попытках задействовать мало используемый социальный, экономический, политический и идеологический потенциал, заложенный в краеугольных камнях исламской религии — Коране и шариате, а также использовать особенности общественного сознания мусульманских масс для ускорения развития государства и общества. При этом в основе этого течения была заложена идея привлечения широких народных масс к участию в политическом процессе в государстве.

Первым достаточно масштабным опытом на этом направлении стало появление «бабизма». Основателем и главным идеологом этого движения стал выходец из торговой среды религиозный философ и теолог Али Мохаммад Ширази, который долгие годы провел в священных религиозных центрах шиизма — Кербеле и Неджефе, где много времени посвятил изучению различных новых тенденций в шиизме, таких как шейхизм, и в конце концов пришел к выводу, что «Коран и шариат в том виде, в котором они дошли до современников? устарели и должны быть заменены другой священной книгой и другими законами».

В религиозно-реформаторском учении бабизма важно выделить два момента: реформацию ислама в соответствии с требованиями времени и последующее развитие страны по пути прогресса и цивилизации.

Взяв за основу своего учения идею цикличности развития мира, Баб учил, что это развитие происходит в результате божественного откровения, каждое из которых отменяет предшествующее. Он утверждал, что никакое откровение не может быть окончательным, а представляет ту долю истины, которую человечество в состоянии принять при данной степени своего развития. Основные положения его учения содержали требование внести в Коран и шариат изменения, призванные облегчить страдания народа. Старые законы, по мнению Баба, были поставлены на службу ханам и улемам, которым была чужда справедливость.

Пожалуй, наиболее ценным в учении Баба является идея поступательного, диалектического развития мира и человеческого общества. Человечество развивается в последовательно сменяющихся друг друга эпохах. Такое движение природы и человечества, по убеждению Баба, является неотъемлемым атрибутом всего сущего и означает постоянное и необратимое развитие и совершенствование. Баб, таким образом, утверждал

новую, прогрессивную для Ирана с его средневековыми представлениями о неизменности мира идею об объективности общественного развития, о том, что общество изменяется и движется вперед. В своей книге «Байян» он писал: «Общественные законы и порядки старой эпохи уничтожаются, теряют свою силу. На смену им приходят новые правила и нормы жизни».

Объективно Баб выражал протест широких слоев населения Ирана против углубляющегося застоя в экономической и общественной жизни страны, а с другой стороны, против разрушительного проникновения иностранного капитала, приводящего к диспропорциям в экономике и уничтожению традиционного жизненного уклада. Объявив о создании священного царства бабидов, где будет царить счастье, а люди будут относиться друг к другу по-братски, царства, откуда будут изгнаны все, не принявшие бабизм (в том числе и иностранцы), а имущество их будет конфисковано, Баб, несомненно, отражал мечты иранских народных масс о пути к справедливому строю, где все люди будут равны, где не будет угнетения и угнетателей, а также ненавистных европейцев.

В то же время Баб придавал большое значение распространению образования, причем под образованием понимал не изучение древних текстов, а знакомство с достижениями европейской научно-технической мысли.

В «Байяне» имеются конкретные прогрессивные для Ирана того времени рекомендации, касающиеся взимания штрафа за оскорбление личности, запрещения телесных наказаний в школе, признания женского равноправия, снятия чадры и т. п. В то же время предлагаются нереальные средства построения царства бабидов: казарменное проживание всех бабидов, обобществление их имущества, создание трудовых армий и т. д.

Характерной особенностью учения Баба являлось то, что он не видел в народе созидательной силы, способной преобразовать старое общество или создать новое. Все свои надежды он возлагал только на монарха, который, по его мнению, должен был покончить с засильем несправедливых правителей — феодалов и деградировавшего мусульманского духовенства и создать идеальное государство в соответствии с бабидским учением.

В течение нескольких лет Баб пытался донести до иранского шаха основные идеи своего учения и убедить его в их правильности и неизбежности наступления царства бабидов. Однако, официально порвав отношения с представителями высшего шиитского духовенства, он получил в его лице смертельного врага, который сделал все возможное для того, чтобы опорочить идеи Баба и представить его как врага иранского государства. В конечном итоге Али Мохаммед Ширази был арестован и в 1850 г. казнен. Однако его учение было подхвачено последователями, в частности Мохаммедом Али Барфорушским, который пошел с этим учением в народные массы и сумел поднять восстание, которое в течение двух лет со-

трясало иранское государство, и лишь после нескольких успешных военных кампаний шаху удалось подавить и рассеять восставших бабидов.

На этом сам бабизм как течение религиозной, общественной и политической мысли в Иране сошел на нет, но именно он стал отправной точкой для возникновения таких идейных течений в общественной и политической мысли Ирана, как просветительство, модернизация и реформация, панисламизм и хомейнизм. С бабизмом связано появление повышенного интереса иранцев к вопросам духовного обновления, к проблемам прогресса и общественного развития.

Непосредственно из бабизма выросло еще одно учение, которое отчасти было его порождением, а отчасти противоположностью. Это учение получило название бехаизм — по имени его основоположника мирзы Хосейна Али Бехауллы, который называл себя учеником Баба и вначале был пропагандистом его учения. Однако впоследствии Бехаулла отошел от бабидов и объявил о создании нового религиозно-политического учения — бехаизма, в основе которого лежала идея о неизбежности включения Ирана в систему мирового хозяйства. Следуя этой посылке, Бехаулла высказал идею о необходимости объединения экономик всех стран, создании мирового государства и мирового правительства с единой культурой, языком и религией. Этот проект он огласил в своем воззвании иранскому Наср эд-Дин шаху, турецкому султану, английской королеве Виктории, Наполеону III и Александру II.

Идеологически бехаиты обосновывали эту идею своеобразным моральным принципом, что «любовь к отечеству не есть добродетель. Да не возгордится человек тем, что он любит свою родину, а пусть гордится тем, что он любит род человеческий». «Людям беха, — писал Бехаулла, — нужно гордиться хорошими деяниями, хорошими нравами и познаниями, а не отечеством и местом жительства».

Несмотря на стремление бехаитов вывести Иран за пределы национальной ограниченности и дать стимул его ускоренному развитию, своими действиями, особенно всесторонним содействием проникновению иностранного капитала, они способствовали дальнейшей деградации иранской экономики. С другой стороны, они способствовали консервации существующего строя, отказавшись от борьбы с тоталитарным правлением Каджаров, свойственной бабидам, проповедуя покорность властям, критикуя идеи социального равенства, которые они расценивали как хищную, видя в неравенстве основу государственного и общественного порядка.

Таким образом, объективно бехаиты выступили идеологами компрадорской буржуазии, и поскольку это явление оказалось достаточно жизнестойким, то и сам бехаизм сохранился до наших дней. Причем его основные центры, даже в период шахского правления, не находились в Иране, хотя это учение поощрялось шахским режимом. Например, известный

политический деятель шахского Ирана премьер-министр А. Ховейда, занимавший этот пост в течение 13 лет и бывший основным проводником шахских идей «Белой революции», являлся последователем этого учения. Свои центры бегаиты уже давно перенесли в США и Израиль. Общее количество последователей этого учения насчитывает сегодня не менее 100 тыс. человек. Их общины пользуются влиянием в торгово-финансовых кругах этих стран и обладают крупными капиталами.

Дальнейшее развитие политической мысли в Иране связано с именами двух выдающихся иранских философов и просветителей Мирзы Мальком-хана и Зайн аль-Абедина Марагеи. Оба считали, что Иран должен следовать западным стандартам и брать все лучшее, что европейская цивилизация предоставляет своим народам. Но при этом, с их точки зрения, иранский народ не должен терять своей религиозной и культурной самобытности, а правители Ирана должны использовать исторические ценности для объяснения необходимости осуществления реформ западного типа.

Мальком-хан был сыном христианина-армянина из иранской Джульфы, который в молодости принял ислам и глубоко изучил основы этой религии. Образование он получил в Париже, где жил в течение 18 лет, но затем возвратился на родину и немедленно окупился в политическую и культурную жизнь Ирана. Мальком-хан начал издание прогрессивной иранской газеты «Канун», занялся переводом работ западных авторов, преподавал в первом иранском светском высшем учебном заведении Дар-Аль Фонун (Дом науки). Он начинает искать единомышленников и организует вместе с ними в 1859 г. масонскую ложу «Фарамуш-хане» (Дом забвения), которая со временем становится настолько популярной, что в нее вступает несколько иранских министров и даже один из каджарских принцев. Одновременно он начал писать свои книги, в которых развивал идеи преодоления Ираном социальной и экономической отсталости. Первая из них — «Принципы цивилизации или прогресса» — сразу же определила те ценности, которые исповедовал Мальком-хан. Так, в области экономики он видел необходимым всестороннее развитие производительных сил страны, увеличение производства промышленных товаров, разработку подземных и наземных богатств страны и доведение уровня развития промышленности Ирана до европейского.

Европеизация общественной жизни Ирана пропагандировалась им как заимствование европейских законодательств и технических достижений.

В конце 60-х гг. XIX в. Мальком-хан начинает работу над сводом реформ, которые вскоре предложил на рассмотрение Фатх Али шаха. В частности, он считал необходимым учреждение государственного совета, введение законодательных и исполнительных органов, заимствование методов дипломатии у европейцев, реорганизацию армии по европейско-

му образцу, основание фабрично-заводских предприятий. Одновременно предлагалось гарантировать жизнь и имущество граждан, равенство прав, свободу идей и мысли, речи и пера, личности и профессий, собраний и митингов. В качестве программы-максимум Мальком-хан рассматривал необходимость введения в Иране конституционного правления и конституционной монархии.

Все эти идеи в последующем были востребованы во время первой иранской революции 1905–1911 гг.

По сути Мальком-хан излагал буржуазные требования, но к концу XIX столетия буржуазия в Иране практически отсутствовала, и поэтому свои взоры он обратил на Запад — в надежде на его бескорыстие и гуманизм в вопросе поддержки отсталых народов Востока. Поэтому, с точки зрения Мальком-хана, было необходимо подготовить благоприятную почву для привлечения в Иран иностранного капитала, широко использовать зарубежных специалистов и одновременно создавать национальную интеллигенцию. Так как Иран не располагал собственными силами, то, по мнению Мальком-хана, для развития местной промышленности необходимо было опираться на иностранные банки и компании, стремясь при этом к индустриализации и техническому прогрессу. В одной из своих статей Мальком-хан писал: «Правители Ирана должны без колебаний передавать иностранным компаниям строительство железных дорог, разработку горнорудных ресурсов, учреждение отечественных банков, общественных заведений и т. п., предоставляя соответствующие гарантии их деятельности». Однако при этом Мальком-хан постоянно подчеркивал, что все его высказывания и призывы полностью согласуются с исламом. В другой статье, отвечая своим критикам, которые обвиняли его в отходе от мусульманских канонов, он писал: «Кто утверждает, что я слепой поклонник и пропагандист европейских принципов общественной жизни, тот не только лжет, но и выступает против жизненно важных интересов своего народа. Я всегда твердил, что принципы прогресса, не покоящиеся на нормах шариата, бесплодны и мертвы». В то же время он считал, что необходимо привести догмы ислама в соответствие с духом времени и воздействовать на общественное сознание путем просвещения.

Мальком-хан дожил до первой иранской революции, которая несла на своих знаменах многие из его идей, но уже не мог активно участвовать в их реализации. Он умер в изгнании в Швейцарии в 1908 г.

Другой известный иранский просветитель конца XIX — начала XX вв. Зейн Аль-Абеддин Марагеи родился в Иране в религиозной семье, где и получил начальное религиозное образование, но в возрасте 18 лет в поисках заработка эмигрировал из Ирана на Кавказ, а затем в Ялту; вскоре он принял российское подданство, которое вновь сменил на иранское только незадолго до смерти, которая застала его в Стамбуле в 1910 г.

Ему удавалось совмещать торговлю с писательской и просветительской деятельностью, причем почти все свои работы он посвятил своей родине — Ирану. Основным вкладом Зейн Аль-Абеддина Марагеи в развитие политической мысли в Иране стала его трилогия «Дневник путешествия Ибрахим-бека», которая по своей композиции и содержанию сильно напоминает книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», но только применительно к Ирану. Основной темой «Дневника» является показ бесчеловечного угнетения иранских трудящихся масс, обнаружение и разоблачение пороков иранской действительности, в частности тирании монархического государственного аппарата страны.

Практический вклад Марагеи в развитие политического процесса в Иране состоит в создании им проекта иранской конституции, который, по его мнению, должен был, в случае реализации, обеспечить свободу, равенство, развитие культуры, промышленности в стране и ее национальную независимость.

Конституционный проект Марагеи состоял из трех разделов: 1. Обязанности по отношению к Родине. 2. Обязанности по отношению к обществу. 3. Обязанности по отношению к делам правления.

Анализируя каждый пункт, Марагеи писал, что обязанности по отношению к родине — это, прежде всего, защита ее свободы и независимости и обеспечение процветания и благополучия народа. Обязанности по отношению к соотечественникам он определял как охрану жизни, имущества и чести населения, защиту всех подданных от внутренней тирании и внешнего нападения. Обязанности по управлению государством должны состоять в установлении твердых законов и строгого соблюдения их выполнения.

Основную вину за отсталость и несчастья иранского народа он возлагал на улемов. Он прямо писал: «Наши несчастья заключаются в том, что до сих пор наша судьба находится в руках мусульманского духовенства. Эти негодяи и есть главная причина всех бед, свалившихся на голову иранцев. Именно их слова разрушили огромную страну, повергли в прах древний народ. Они заставили людей забыть о пользе науки и дали разгул невежеству. Это из-за них люди впали в нищету, совершенно отказавшись от владения знаниями и образованием, подлинную науку подменили вы зубриванием нелепых арабских фраз».

Однако так же как Мальком-хан, Марагеи считал, что ислам — это часть национальной культуры и национального сознания иранцев, а шариат должен служить основой любых общественных преобразований в мусульманской стране. В этой связи он писал, что «никакое государство и никакая нация без религии не существовали и не могут существовать». Более того, объясняя иранцам необходимость заимствования западных достижений и западного опыта, он писал, что в этом нет ничего зазорно-

го, так как достижения социально-политической и правовой мысли Запада являются прямым результатом заимствования из правовых и законодательных установок великого шариата.

Вместе с тем, в отличие от Мальком-хана, Марагеи выступал против вмешательства западных держав в политику страны и призывал к ограничению иностранных капиталовложений, делал акцент на необходимости самостоятельного развития иранского производства.

После Второй мировой войны Иран пережил ряд значительных этапов в своем развитии. Это борьба за национализацию нефти, возглавленная доктором М. Мосаддеком в конце 40-х — начале 50-х гг., серия достаточно глубоких и радикальных реформ, начатых шахом Ирана М.Р. Пехлеви в начале 60-х гг., получивших общее название «Белая революция»; и как реакция на эти реформы — исламская революция, возглавленная лидером иранских шиитов Великим аятоллой Р.М. Хомейни и победившая в феврале 1979 г.

Естественно, что на фоне этих значительных событий происходило дальнейшее развитие политической мысли, которое продолжается по настоящее время.

Следует отметить, что последний иранский монарх не только возглавил начатые в стране реформы, но и постарался дать им идеологическое обоснование и политическую легитимность. Им лично было написано несколько книг, в которых он изложил свое видение будущего Ирана и тех методов, с помощью которых к этому будущему надо стремиться. Речь идет, прежде всего, о его работах «Белая революция» и «К великой цивилизации», которые он написал в период осуществления реформ 60–70-х гг.

Целью этих реформ шах считал преодоление за короткие исторические сроки отсталости иранского государства и вывод его на уровень наиболее развитых стран современного мира, а средством — осуществление революции «сверху», т. е. во многом насильственный перевод иранского общества из полуфеодального состояния к капиталистическим отношениям, а экономики страны — из застоя и многоукладности к динамическому развитию и интеграции с мировым капиталистическим рынком.

Теперь мы знаем, что эта попытка не удалась, и в значительной степени это произошло потому, что идеологические посылки шаха оказались неверными. Начав грандиозный общественно-экономический переворот в своей стране, он не учел, прежде всего, того, что в этот переворот следовало включить все слои иранского общества, а не только те, которые, по его замыслу, должны были непосредственно и активно в нем участвовать.

Основными объектами реформаторской деятельности шаха стали крупная буржуазия и высококвалифицированные рабочие, которые должны были образовать тандем и стать движителем промышленной революции; зажиточное фермерское крестьянство, призванное обеспечить товарное производство сельскохозяйственной продукции; бюрократический

аппарат и буржуазная интеллигенция, на которых возлагалась ответственность за теоретическое обоснование и практическое осуществление намеченных преобразований.

Таким образом, за бортом реформ оказывались многочисленные мелкобуржуазные и промежуточные слои населения, включая духовенство, для которых не отводилось никакого места в обществе «Великой цивилизации». Естественно, там не было места и для феодального класса, к которому примыкала часть высшего шиитского духовенства.

Таким образом, шах изначально предопределил появление широкой оппозиции, с которой он вынужден был вести борьбу на протяжении всех лет реформ. По мере того как реформы начали пробуксовывать, а влияние Запада, прежде всего США, на все стороны жизнедеятельности иранского общества усиливаться, к аргументации тех, кто изначально заявил о пагубности выбранного курса, стали все больше прислушиваться, а число непримиримых противников реформ все более возрастало.

Вместе с тем достаточно широко распространенное мнение о том, что с самого начала флагманом антишахской и антизападной политической мысли в Иране стал аятолла Хомейни, является безосновательным. До того как Хомейни исполнилось 60 лет, он вообще не участвовал в политике, находясь в тени своего учителя — Великого аятоллы Боруджерди, который проповедовал отказ от вмешательства духовенства в дела государства. Только после смерти последнего в 1960 г. Хомейни начал позволять себе высказывания, критикующие происходящие в стране события, и лишь после высылки из страны в 1964 г. он приступил к обоснованию своей концепции «Велаяте факих», которая в дальнейшем позволила иранскому духовенству реализовать идею создания исламской республики в послешахском Иране.

Еще раньше, чем Хомейни, основательной критике шахские реформы подвергли два других выдающихся иранца. Это были Джелал Але Ахмад и Али Шариати. Они же предложили свои рецепты превращения Ирана в развитое и процветающее государство.

Джелал Але Ахмад родился в 1923 г. в глубоко религиозной семье. Как и было принято в таких семьях, он окончил медресе, но затем отказался продолжать религиозное образование и поступил в Тегеранский университет, по окончании которого получил диплом преподавателя арабского языка и риторики. После Второй мировой войны Але Ахмад вступает в коммунистическую Народную партию Ирана и пишет многочисленные статьи для ее печатных органов. Однако в связи с отказом СССР вывести свои войска из Ирана и негативным отношением к сталинской модели социализма в СССР он выходит из компартии. В последующем он примыкает к Национальному фронту и становится одним из активных сторонников М. Мосаддека в деле национализации иранской нефти.

Военный переворот 1953 г. и устранение Мосаддека от власти Але Ахмад воспринимает как личную трагедию. Он разочаровывается в политике и заявляет, что ни одна из политических партий в Иране не в состоянии повести за собой иранское общество. После этого он начинает поиск того, что, с его точки зрения, является стержнем иранской нации, и находит его в политической культуре иранского народа. К началу 60-х гг. он приходит к выводу, которому уже никогда не изменял до конца своей жизни, о том, что иранский народ обладает огромным духовным и экономическим потенциалом для эффективного саморазвития. Но именно в это время шах М.Р. Пехлеви начинает свои реформы «Белой революции», которые основывались на явном подражании Западу и игнорировании иранских традиций, и Але Ахмад со всей силой и присущим ему талантом публициста обрушился на идею осуществления в стране прозападных реформ в своей книге «Гарбзадеги» («Западничество»), напоминая правящему шаху о том, к чему привела страну в 1941 г. прозападная ориентация его отца.

Объясняя причину неприятия шахских реформ, он писал: «Сегодня мы встали под западные знамена, мы изменили сами себе — в одеждах, жилищах, пище, литературе, прессе. И самое опасное, мы изменили нашей культуре. Мы воспитываем псевдозападников и пытаемся найти решение всех наших проблем с позиций псевдозападников».

Осуждая политику шахского правительства по сближению с Западом, Але Ахмад считал, что Запад сознательно ведет дело к закабалению Востока, в том числе и Ирана, через экспорт своих машин, технологий, идей и духовных ценностей, которые лишают восточные народы их исторических и духовных корней, парализуют их волю и блокируют попытки самостоятельного и независимого развития. «Вопрос не в том, чтобы избавиться от машин или отрицать их, — писал Але Ахмад. — Речь идет о характере нашего столкновения с машиной, с технологией. Не являясь творцами машин, мы в силу давления западной экономики и политики должны выступать потребителями того, что производит Запад. При этом мы становимся обыкновенными монтажниками и ремонтниками того, что поступает с Запада. А ведь именно это влечет за собой превращение нас, нашего правительства, нашей культуры и образа жизни в подобие машины. Если коротко резюмировать, мы не смогли сохранить наши основные культурные принципы перед натиском машины, мы исчезли, уничтожились. Мы не смогли противопоставить этому чудовищу нового века какие-либо весомые принципы. Так, как это сделала Япония».

Новое у Але Ахмада, по сравнению с предшественниками просветителями, — осознание постыдности роли потребительства. Именно в потребительской психологии он видит основу распространения в Иране «западничества». А главными носителями этой психологии в Иране он считал буржуазную интеллигенцию, которая является проводником «западниче-

ства» в Иране. При этом Але Ахмад резко критиковал позиции Мальком-хана и Марагеи за заискивание перед Западом, называя их в своих работах «прозападными интеллигентами».

Главную же причину трехсотлетнего прозябания страны, ее зависимости от колониальных держав Але Ахмад видит в том, что духовенство утерало политическое лидерство в стране, подчинилось несправедливым правителям и стало орудием угнетения народа. Поскольку иранское духовенство оказалось неспособным возглавить национальное возрождение и оказать влияние на правителей и политику страны, то инициативу в этой области захватили иностранцы, подчинившие правителей Ирана и убаюкавшие их своими льстивыми речами. В качестве политической программы Але Ахмад предлагал внимательное, критическое изучение собственной истории, социальных и экономических корней отсталости и ее преодоление, чтобы выйти из постыдной роли потребителя экономических и культурных ценностей, произведенных индустриальным Западом.

Альтернативой «западничеству» у Але Ахмада выступает культурное возрождение ислама, точнее шиизма, как основы социальной, политической и культурной организации иранского общества в будущем, а возможность осуществления этого А. Ахмад видит в объединении усилий иранских интеллигентов-патриотов и духовенства с целью консолидации народных масс и направлении его усилий на экономическое и культурное возрождение своей страны. В связи с этим он писал: «Когда духовенство и интеллигенция действуют сообща, они способствуют достижению прогресса, а когда они враждуют между собой, игнорируют друг друга или участвуют в социальной борьбе поодиночке, то, с точки зрения общественного развития, мы имеем потери, неудачи и откат назад». Умер Але Ахмад в 1968 г., в самый разгар «Белой революции», когда казалось, что все его теории себя не оправдывают, а шахский режим уже ничто не может пошатнуть.

Али Шариати родился в семье известного религиозного деятеля Мохаммеда Таги Шариати в 1933 г. Получив степень бакалавра по специальности «арабский и французский языки» в Мешхедском университете, он победил в конкурсе на получение стипендии для продолжения учебы за границей и в 1955 г. уехал учиться во Францию. Здесь он активно участвовал в политической деятельности иранских студентов и эмигрантов, вступив в Движение за свободу Ирана и в Конфедерацию иранских студентов. Свои философские и политические исследования он начал с того, на чем остановился Але Ахмад, т. е. с критики секуляризованной иранской интеллигенции, выступающей против усиления роли религии в жизни иранского общества. Он любил повторять мысль о том, что «Европа отказалась от религии и пошла вперед, мы же отказались от религии и покатались назад».

«Борьба против религии в Иране, — писал А. Шариати, — сильно отличается от противодействия образованных европейцев своей религии. Оппозиция европейских интеллектуалов церкви исходила из их собственного опыта и знания истории религии и церкви. Оппозиция иранских интеллектуалов своей религии скорее напоминает слепое следование европейцам в этом вопросе. Наши современные образованные люди не знают ни ислама, ни его истории. Но зато они знают европейские языки, легко переводят суждения европейцев об их собственной религии и затем распространяют эти суждения на ислам».

Говоря о коммунизме, он, в отличие от Але Ахмада, который отрицательно относился лишь к его сталинской модели, осуждал его как концепцию, когда писал, что «стремление к равенству и социальной справедливости, особенно возросшее в эпоху промышленной революции, привело человечество к восстанию, результатом которого стал коммунизм. Однако коммунизм представляет собой такую же фанатичную и жестокую власть, которой обладала средневековая церковь, только без бога. И хотя она имеет своих пап, но они правят не от имени бога, а от имени пролетариата».

А. Шариати, так же как и Але Ахмад, считал, что наиболее эффективным оружием в борьбе с империализмом и с распространением западной культуры является ислам. При этом он пытался «навести мосты» между шиизмом и суннизмом. Так, в своей работе «Мохаммед — последний пророк» он утверждал, что и Абу Бекр и Омар — первые мусульманские халифы — были очень близки Мухаммеду, и последний всегда одобрял то, как они проповедовали ислам. Кроме того, он указывал на выборность первых халифов как на проявление демократии в исламе. Естественно, что все это не могло добавить ему популярности у ортодоксального шиитского духовенства.

А. Шариати предложил новую форму социально-политической организации иранцев Хосниёе эршад, в которой наряду с религиозными деятелями могли состоять и светские представители. Это стимулировало вступление в борьбу с шахским режимом под исламскими лозунгами значительной части иранской интеллигенции, особенно ее левого крыла, разочаровавшегося в социалистических и коммунистических идеалах. Своим идейным руководителем А. Шариати считала, пожалуй, самая боевая организация иранской молодежи, сражавшаяся против шахского режима, «Моджахедин хальке Иран», в последующем вставшая на антихомейнистские позиции.

Умер А. Шариати в изгнании в Лондоне в 1977 г.

Таким образом, очевидно, что исламская революция в Иране была подготовлена всем ходом развития политического процесса в Иране в XX столетии. Политическая мысль в этой стране также в основном работала в направлении обоснования необходимости активного использования ис-

ламского фактора и культурных традиций иранского народа для возрождения иранского государства как передовой и влиятельной державы.

Конечно, устои шахского режима в Иране подтачивали не только происламские силы. В этой связи следует вспомнить, прежде всего, коммунистическую Народную партию Ирана, которая немало сделала для свержения шахского режима и дискредитации идей «Белой революции». С другой стороны, далеко не все духовенство в Иране, включая самых авторитетных религиозных деятелей, разделяло идею необходимости активного участия духовенства в политической жизни страны, а тем более — непосредственного управления государством высшими религиозными авторитетами. Известно, что, кроме Хомейни, ни один из великих аятолл, возглавляющих шиитскую общину, не поддержал его намерение насильственно свергнуть шаха и провозгласить исламскую республику. Широкую поддержку он получил лишь в среде среднего духовенства и со стороны своих многочисленных учеников, которые в последующем взяли на себя основной груз ответственности за создание и развитие новых государственных институтов. И сегодня многие из них занимают высшие посты в иранском государстве. Это руководитель ИРИ С. Хаменеи, бывший президент страны М. Хатами, бывший президент, а ныне глава влиятельнейшего Совета по определению целесообразности и председатель Совета экспертов Х. Рафсанджани и некоторые другие высшие государственные чиновники.

Что касается высших религиозных авторитетов, то они дистанцируются от деятельности правительства, проживают вне Тегерана, в основном в нескольких крупных религиозных центрах, прежде всего в Куме и Мешхеде, и, как и прежде, в основном занимаются теологическими исследованиями, далекими от практических нужд современного иранского государства.

Связано это с тем, что Хомейни за годы своего изгнания разработал новую концепцию, получившую название «Велаяте факих» (правление высшего религиозного авторитета), которая шла вразрез с устоявшимися шиитскими представлениями о роли религии в государстве и обществе. Дело в том, что, согласно шиитским представлениям, после исчезновения или сокрытия в IX веке двенадцатого праведного имама Махди шиитской общине предстоит пройти через тяжелые испытания, в которых на протяжении нескольких столетий будут проверяться религиозные и моральные качества верующих. При этом государственное управление и общественные нравы в целом будут деградировать, а безверие все более усиливаться. Только когда бедствия народа дойдут до крайней степени, явится Махди и, воздав праведникам и грешникам, установит справедливое правление, и на земле наступят всеобщее счастье и благоденствие.

Опираясь на эту догму, в течение столетий шиитское духовенство в Иране всегда старалось оставаться в стороне от проблем государствен-

ного управления, и хотя всегда использовало возможность для того, чтобы критиковать светскую власть и довольно часто возглавляло массы во время их социального протеста против угнетения со стороны власти предрешающих, оно никогда не ставило вопрос о власти и никогда не подвергало сомнению то, что управление государством является делом светских властей, оставляя себе контроль за духовной жизнью иранского общества.

Хомейни совершил своеобразную революцию в шиизме. В своей книге «Исламское правление», в основу которой легли лекции, прочитанные им слушателям шиитских семинаров в Неджефе в 60–70-х гг., он поставил вопрос о необходимости и неизбежности исламского правления как в Иране, так и в других мусульманских государствах. Его аргументация сводилась к тому, что никто лучше духовенства не знает проблем и чаяний широких народных масс и ничто лучше Корана и шариата не отвечает на вопрос о том, как установить в государстве справедливое правление в интересах всего народа. Что же касается ожидания Махди, то этот процесс может затянуться надолго, но даже когда его пришествие состоится, он вряд ли одобрит деятельность тех духовных лиц, которые предавались созерцательности и отказывались бороться за справедливость и лучшую жизнь для своего народа, поскольку праведные имамы никогда не одобряли бездействия и невмешательства в происходящие события и даже шли на смерть, как имам Хусейн, борясь с тиранами и узурпаторами власти.

В среде высшего духовенства Ирана новую концепцию одобрило явное меньшинство. Однако убежденность самого Хомейни в правильности этих идей, его авторитет как «марджа-е таклид» и многочисленные ученики и приверженцы как среди низшего и среднего духовенства, так и среди широких масс иранского населения позволили за короткий срок превратить эти идеи в знамя антишахской революции, завершившейся свержением последнего шаха и приходом к власти Хомейни и его сторонников.

В то же время нельзя сказать, что Хомейни в этот период являлся единственным носителем и распространителем политической мысли в Иране. В разные годы идеи политического ислама развивали такие известные шиитские теологи, как аятоллы Бехешти, Монтазери, Моттахари, а также два непосредственных участника революции, авторитет которых на отдельных ее этапах был ничуть не ниже, а иногда и выше, чем у Хомейни, но видение которыми целей и задач исламской революции существенно отличалось от хомейнистских представлений. Речь идет об аятоллах Талегани и Шариате Мадари, которые считали, что после победы революции духовенство не должно узурпировать власть, что иранский народ сам должен избрать в правительство людей, которым он доверяет, что духовенство должно оставить за собой лишь контрольные функции

за деятельностью государственных органов. Однако вскоре после победы революции Хомейни удалось нейтрализовать этих авторитетных богословов, а вскоре вслед за этим последовала смерть обоих.

После становления исламского режима в Иране среди правящего духовенства стали вновь появляться различные мнения о целях и задачах исламского государства. Пока был жив Хомейни, эти противоречия не проявлялись, а споры по этому поводу носили теоретический характер. Хомейни был скор на расправу и подвергал опале даже ближайших своих соратников, если видел, что они начинают выходить из-под его контроля. Так было, например, с аятоллой Монтазери, которого Хомейни вначале официально назначил своим преемником на посту рахбара, а потом сам же лишил своей благосклонности и выслал из столицы в Кум. Однако после смерти имама идеологические и политические разногласия по поводу дальнейшего пути развития проявили себя с новой силой, и среди сторонников Хомейни выделилась группа так называемых прагматиков во главе с президентом А.Х. Рафсанджани, которые высказались за необходимость прекращения революционных методов руководства страной и переход к плановой созидательной политике и экономике.

Одновременно с этим в политической мысли Ирана также выделилось два направления, теоретическое обоснование которых связано, в частности, с именами двух иранцев — Резы Давари Ардакани и Абдолкарима Соруша.

До революции оба они занимались весьма прозаическими делами. Первый преподавал в Тегеранском университете историю современной философии, второй — занимался фармацевтикой. Однако после революции оба с головой окунулись в политику и идеологию, став ревностными сторонниками нового режима.

Давари стал членом Иранской академии наук, редактором журнала «Наме фарханг» — органа министерства культуры и исламской ориентации, неоднократно представлял Иран на различных международных форумах. Соруш стал членом Высшего совета культурной революции, органа, который, в частности, пересматривал все программы начальной, средней и высшей школ Ирана, членом Иранской академии наук, профессором философии Тегеранского университета. После смерти Хомейни они неформально возглавили две идеологические школы, которые адекватны раслоению, произошедшему в политическом руководстве Ирана.

Давари считает, что Запад — это самостоятельное вредное для человечества явление, которое противопоставило себя всему основному миру и основано на индивидуальном и коллективном эгоизме, бездуховности и безбожии. Отвергая накопленные человечеством духовные ценности, сформулированные в истинной религии, каковой является ислам, Запад стремится исключительно к удовлетворению материальных запросов человека или к тому, что он называет модернизмом. «Модернизм, — пишет

Давари, — это дерево, которое выращено на Западе и стремится распространиться повсеместно. Многие годы мы жили под одной из отмирающих и увядающих ветвей этого дерева, в его иссушающей тени. Эта ветвь все еще висит над нашими головами, и хотя мы стремимся вернуться к исламу, тень от этой ветви все еще не исчезла над нашими головами. Ни мы, ни она не оставят добровольно друг друга. Так что же мы должны сделать с этой ветвью?»

Ответ Давари состоит в том, что надо не только срубить ветвь, о которой идет речь, но и вырвать само дерево. Возможность этого он видит через формирование интеллектуального превосходства над Западом, что позволит подавить его в этой важнейшей сфере человеческого бытия. Он отрицает западную демократию, как основанную на разделении политики и религии, и предлагает стремиться к свободному обмену мнениями в рамках религиозного общества.

Давари считает, что бесполезно осуждать и бороться с отдельными представителями Запада, а надо направить все силы для борьбы с «западничеством» как таковым. Он отрицает возможность позитивного воздействия на Запад через культурный обмен, считая, что материализм и безбожие, царящие на Западе, обрекают западное общество на нигилизм и неминуемую погибель.

Что касается Абдолькасема Соруша, то он явно разделяет взгляды иранских прагматиков в политическом руководстве страны и пытается дать им идеологическое обоснование.

В своих работах он пишет, что интеллект — это всеобщее достояние всего человечества, философия космополитична, а знания не знают границ. Время и место не влияют на ценность и правильность тех или иных идей.

Он критикует Давари за то, что тот делит людей исключительно по принципу, находятся ли они полностью на стороне Запада или полностью его отрицают. В противовес этому он считает, что Запад не есть какое-то замкнутое пространство, он отрицает наличие таких явлений, как «западная философия», «западное искусство», «западная культура», «западное развитие». С его точки зрения, бессмысленно бороться с Западом как таковым, а можно только противостоять отдельным, исповедующим западное превосходство индивидуумам. Соруш считает, что далеко не все, что приходит с Запада, является деструктивным. Каждый может воспринимать западные идеи, политику и технологии, не нанося себе при этом никакого вреда. В отличие от Давари, Соруш уверен в необходимости культурных обменов. Он утверждает, что даже в исламском Иране люди находятся под влиянием трех культур — культуры доисламского Ирана, исламской культуры и культуры западной, и призывает к их интеграции, а не стремиться поставить одну из них в привилегированное положение.

Несомненно, что идеологические и политические позиции иранских прагматиков усилились после избрания на пост президента страны Сейеда Мохаммада Хатами, который лично занялся идеологическим обоснованием своей реформаторской линии как в области внутренней, так и внешней политики. Однако после избрания на пост президента ИРИ М. Ахмадинежада позиции прагматиков и реформаторов ослабли, так как за годы их правления, несмотря на начавшийся процесс либерализации в общественной и политической жизни страны, не удалось добиться высоких экономических показателей, ожидавшихся от нового курса иранским населением. Таким образом, на настоящий момент чаша весов вновь перевесила в пользу консерваторов.

Литература

Базиленко И. В. Бахаизм. История вероучения (середина XIX — начало XX в.). М., 1994.

Диалог цивилизаций: исторический опыт и перспективы XXI века. Российско-иранский международный научный симпозиум. М., 2002.

Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М., 1998.

Иванов М. С. Бабидские восстания в Иране. М., 1939.

Кляшторина В. Б. Иран 60–80-х годов. От культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. М., 1990.

Манучихри Аббас. Политическая система Ирана. С.-Пб., 2007.

Талипов Н. А. Общественная мысль в Иране в XIX — начале XX в. М., 1988.

Boroujerdi Mehrzad. Iranian intellectuals and the West. New York, 1996.

Pahlavi Mohammed Reza. The White Revolution of Iran. Tehran, 1967.

Е. В. Дунаева

ГЕНДЕРНАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАНЕ И ИСЛАМСКИЙ МОДЕРНИЗМ

За годы существования исламской республики в Иране произошли глубокие социально-экономические и политические преобразования, приведшие к укреплению социального статуса женщин и, как следствие, изменению гендерной ситуации. Вопреки существующим убеждениям, что роль женщины в исламском обществе якобы ограничена рамками семьи, а она сама полностью подчинена мужчине, реалии ИРИ свидетельствуют о том, что в условиях исламского режима могут быть обеспечены рост образовательного уровня женщин, подъем их общественной активности, повышение влияния во внутрисемейных отношениях, расширение участия в культурной, экономической и политической жизни.

В ходе революции иранки, принимая широкое участие в антишахских демонстрациях и акциях протеста, заявили о себе как о значимой социальной силе. Женщины попытались расширить и закрепить свои права на участие в общественно-политической жизни, выступая против угнетения, неравенства, беззакония, царивших в обществе. Они поддержали исламскую республику и самоотверженно защищали ее в тылу и на фронтах в годы ирано-иракской войны. Роль женщин в период становления исламского государства была высоко оценена имамом Хомейни. Его слова: «Перестройка страны нуждается в правильном подходе к женщинам и их месту в обществе»¹ — стали директивой новому руководству и по сей день остаются базой, формирующей взаимоотношения власти и этой социальной группы, составляющей половину населения страны.

С самого начала революционных событий женский вопрос стал одним из центральных для исламского политического движения. Религиозные лидеры неоднократно отмечали, что «с точки зрения ислама, мужчины и женщины пользуются равными правами во всех делах человеческого общества. Если женщина обладает необходимыми физическими данными, желанием и временем, она может заниматься любыми общественными делами»². В то же время преобладающий подход к решению гендерного воп-

роса в первые послереволюционные годы был основан на положениях, изложенных одним из идеологов фундаментализма аятоллой М. Моттахари в его работе «Права женщин». Жестко критикуя феминистское движение на Западе и подчеркивая, что физиологические различия мужчины и женщины обуславливают их разные социальные роли и объясняют невозможность равенства их прав, женскую проблему он сводил исключительно к сфере семейных отношений. Кратко его точку зрения можно выразить следующим образом: «Женщина, обеспечивая семейное счастье, уже одним этим способствует развитию общества»³.

Его подход несколько отличался от традиционных представлений о правах женщин. Акцентируя внимание на роли женщины как жены и матери, он и его последователи не исключали для нее возможности получения наравне с мужчинами гражданских прав и возможностей социально-культурного развития, поясняя, что обязанности, связанные с воспитанием достойных членов общества, может выполнять лишь хорошо образованная и социально активная мусульманка.

Некоторые представители высшего шиитского духовенства высказывали и другие взгляды на роль и место женщин в исламском обществе. Так, аятолла С. М. Талегани заявлял о равенстве прав мужчин и женщин, подчеркивая, что новое толкование аятов Корана, в которых говорится о правах женщин, и пересмотр норм фикха согласно реалиям современности сможет способствовать решению проблем женского равноправия. Этот религиозный деятель, которого можно отнести к радикальным исламским реформаторам, исходил из того, что ислам — это религия, которая предоставляет женщинам возможность участия в общественной жизни и гарантирует им свободу выбора. Женщина сама должна решать свою судьбу. Взгляды Талегани на проблему прав женщины недостаточно систематизированы и не обобщены в едином труде. В своих высказываниях он наметил лишь общие подходы к решению этого вопроса. Так, он впервые поднял тему необязательности ношения хиджаба, поскольку был убежден в том, что такую одежду нельзя навязывать всем представительницам женского пола, особенно немусульманкам. В этом вопросе право выбора должно оставаться за женщиной⁴.

Значительное место вопросу о правах женщин уделил представитель светских исламистов левого толка А. Шариати, который призывал полностью изменить существующий в исламе подход к этой проблеме и снять все ограничители на пути развития женщины⁵. Его можно рассматривать как основоположника идеологии исламского модернизма в гендерном вопросе.

Конституция ИРИ законодательно оформила статус мусульманки, провозгласив, что все граждане, независимо от пола, располагают гуманитарными, политическими, экономическими, социальными и культурными

правами с учетом соблюдения исламских норм, а правительство обязано гарантировать соблюдение прав женщин во всех сферах, создавать благоприятные условия для развития личности женщины и возрождения ее материальных и духовных прав⁶. Предоставление женщинам основных гражданских прав и свобод в ИРИ может рассматриваться, с точки зрения представителей школы традиционного ислама, как революционный шаг. Стоит напомнить, что в начале 60-х гг. разработка закона о предоставлении выборных прав женщинам в рамках «Белой революции» вызвала бурю негодования среди духовенства и недовольство традиционных слоев общества. Шах вынес обсуждение этого вопроса на общенациональный референдум в 1963 г., по итогам которого и был принят закон об участии женщин в выборах. Развитие Ирана по пути модернизации в 60–70-х гг. способствовало постепенному изменению стереотипов сознания и укрепило общественное положение женщин. При обсуждении основного закона ИРИ большая часть духовенства поддержала вынесенную на обсуждение статью о правах женщин.

Параллельно с Конституцией положение женщин регулирует Гражданский кодекс ИРИ, в основе которого лежат мусульманское законодательство и шариатские нормы, закрепляющие традиционный, средневековый подход к вопросу прав женщин. В 2005 г. Высший совет культурной революции принял «Хартию прав и обязанностей женщин в условиях исламского режима», основные положения которой вошли в Закон о правах и обязанностях женщин, одобренный парламентом страны в 2006 г. Эти документы детально регламентируют вопросы, связанные с правами женщин в семейной, социально-экономической и финансовой сферах. В перспективном плане развития ИРИ на 20 лет один из разделов посвящен укреплению роли женщин в социальной жизни и реализации их законных прав. В настоящее время в меджлисе страны обсуждается проект нового Закона о семье. Эти документы отражают существование двух противоположных подходов к роли и месту женщин в обществе, проявившихся в ходе революции, что оказывает влияние на гендерную политику находящихся у власти правительств.

Первое послереволюционное десятилетие стало самым трудным периодом для иранских женщин. Были введены многочисленные запреты и ограничения, за невыполнение которых применялись суровые наказания вплоть до смертной казни. Одним из первых актов новой власти была отмена Закона о семье, принятого в 1967 г. и предоставляющего женщинам право на развод. В 1980 г. был восстановлен институт временного брака.

В годы ирано-иракской войны духовенство было вынуждено допустить женщин к более широкому участию в социально-экономической сфере и даже привлекало их к прохождению военной службы в спецподразделениях КСИРА. Женщинам предоставили возможность участия в по-

литической жизни страны. При Партии исламской республики было создано женское подразделение. Женщина была избрана в Центральный совет партии «Исламская коалиция», в которой также существовало женское отделение. Четыре места были отданы женщинам в меджлисах 1-го и 2-го созывов.

К концу 80-х гг. с приходом к власти прагматиков, а во второй половине 90-х гг. — реформаторов усилилось внимание государства к вопросам гендерной политики. Были сняты отдельные запреты, возможности развития женщин значительно расширились. При президенте страны был введен специальный пост советника по женским вопросам. Аналогичные посты были учреждены и при руководителях целого ряда министерств. В 90-х гг. было принято немало законов и правительственных решений, направленных на улучшение положения женщин, в защиту их гражданских и политических прав.

Проведенная после революции 1979 г. исламизация системы образования открыла для девочек из традиционных семей более широкий доступ в школы и университеты. В результате за последние 30 лет уровень грамотности среди женского населения страны увеличился с 35,5 до 80%, а среди городских женщин этот показатель достиг 88%. В настоящее время почти 100% девочек посещают начальную школу, а число учащихся женщин в возрастной группе 15–24 года достигает 97%⁷. Наибольшие изменения за последние годы произошли в области высшего образования. Девушки составляют 60% поступающих в высшие учебные заведения, а среди студентов их доля составляет почти 50%. Если в первые годы после революции обучение по целому ряду специальностей было закрыто для женщин, то постановлением Высшего совета культурной революции от 1989 г. был снят целый ряд ограничений. Был принят закон, разрешающий девушкам выезжать на учебу за рубеж. Такой массовый прорыв иранок в систему высшего образования объясняется их стремлением выйти за рамки семьи, почувствовать себя более свободными и независимыми, следствием чего становится осознание своей социальной значимости и рост общественной и экономической активности.

Рост культурно-образовательного потенциала иранок в последние десятилетия привел к росту их общественной активности. К 2006/07 г. было зарегистрировано 980 неправительственных женских организаций. Женщинам обеспечены широкие возможности для занятий различными видами спорта. Иранки вносят значительный вклад в культурную жизнь страны.

За прошедшие три десятилетия значительно расширились возможности участия женщин в экономической сфере. Хотя, согласно статистическим данным, только 16,7% женщин в возрасте старше 10 лет заняты в экономике страны, процент трудящихся женщин постоянно увеличивается⁸. Более 40% всех работающих сосредоточены в сфере услуг, 32% — в про-

мышленности и 26,5% — в сельском хозяйстве. Женщины стали активно заниматься предпринимательством. Более 25% работающих женщин являются государственными служащими. Они традиционно заняты в сфере образования и здравоохранения. Так, среди всех врачей-специалистов 40% составляют женщины, а их доля среди врачей общего профиля доходит до 49%. Женщины составляют 50% занятых в системе высшего образования страны⁹. Значительно увеличилось число женщин, занятых в научных исследованиях и высокотехнологичных производствах. Обращает на себя внимание тот факт, что среди работающих женщин почти 36% имеют высшее образование.

Важным новым моментом в практике ИРИ стало участие женщин в органах судебной власти и даже назначение женщин на судебские должности, что абсолютно не допускалось религиозными правоведами как не соответствующее исламской традиции. В настоящее время более 460 женщин занимают различные должности в системе правосудия.

Женщины ИРИ активизировали свое присутствие и на политической арене. Исследования, проведенные иранскими аналитиками, показали, что женщины испытывают большую, нежели мужчины, ответственность, участвуя в выборных кампаниях и общественных мероприятиях. Женщины более серьезно относятся к реализации своего права голоса. По данным министерства внутренних дел страны, принимают участие в голосовании 65% женщин и 62% мужчин¹⁰.

Если избранные в первый парламент женщины играли исключительно представительскую роль в меджлисе, то начиная с 5-го меджлиса, среди депутатов которого насчитывалось 14 женщин, они заявляют о себе как представителях интересов женского электората. В последних трех меджлисах депутатки формируют женскую фракцию, которая разрабатывает программу улучшения социального и материального положения женщин, и инициируют законы, закрепляющие женские права. Так, только за последние годы в парламенте страны были утверждены законы о сокращении рабочего времени для женщин, имеющих детей, увеличении отпуска по родам и для кормления ребенка, о сокращении возраста для выхода на пенсию женщин-матерей, о поддержке женщин, которые являются главой семьи, о пересчете мехрийе (выкуп за невесту) согласно уровню цен и другие.

Женщины активно работают в местных исламских советах. В 2006 г. на выборах в советы 3-го созыва было зарегистрировано более 7 тыс. кандидатов, из которых были избраны 1490 женщин, что составляет около 10% всех депутатов¹¹.

Со второй половины 90-х гг. резко возросло участие женщин в работе политических партий и организаций. Особую активность проявили члены партии «Партнерство» при подготовке президентских выборов 1997 г., что во многом обеспечило победу президента-реформатора М. Хатами.

В стране активно действуют политические организации по защите прав женщин: Общество женщин исламской революции, общество «Зейнаб», Общество женщин — сторонников мусульманского обновления и другие.

Значительный рост уровня образования женщин и расширение их вовлеченности в экономическую и общественно-политическую жизнь страны повлекли за собой изменения гендерной ситуации и поставили перед иранским обществом новые проблемы.

Обеспокоенность клерикалов и консервативно настроенных слоев в стране вызывает наблюдаемый в последнее десятилетие активный приток женщин в систему высшего образования. Причем их наплыв сюда, измеряемый 60% от абитуриентов мужского пола, — не предел. По словам министра здравоохранения М. Вахид Дастджерди, если не поставить под контроль этот процесс, то количество абитуриенток достигнет 70%¹². Опасность такого положения некоторые эксперты видят в том, что женщины проявляют себя более дисциплинированными, организованными и с лучшими знаниями выходят на рынок труда. В условиях постоянно возрастающего уровня безработицы они могут дестабилизировать ситуацию на рынке труда, отнимая рабочие места у мужчин, образовательный ценз которых окажется ниже. Поскольку в иранском обществе обязанность содержать семью возлагается на мужчин, то увеличение уровня безработицы среди представителей мужского пола может стать предпосылкой к возникновению кризисной ситуации в привычной системе социальных и гендерных отношений.

Стремление женщин продолжать учебу в системе высшего образования может привести к появлению разрыва в уровнях образовательного ценза мужчин и женщин и ограничит для женщин возможности выбора партнера и создания семьи. Традиционно ориентированные круги, большая часть духовенства, некоторые социологи прямо увязывают ослабление семейных связей, распад семьи и крушение семейных ценностей с возрастанием уровня женского образования и видят в нем прямую угрозу традиционной культуре, господствующей в иранском обществе.

Активизировало обсуждение проблем дальнейшего развития образования женщин и обнародование результатов всеобщей переписи населения, проводившейся в 2006 г. Особое внимание привлекло повышение такого демографического показателя, как средний возраст вступающих в брак, который, согласно последним данным, составляет в Иране для женщин около 25 лет. Практически он сравнялся с возрастом вступления в брак мужчин. 20 лет назад девушки выходили замуж, в основном, до достижения 20-летнего возраста, мужчины создавали семью в 23,5 лет. Руководитель статистического центра страны, анализируя социально-демографическую ситуацию в ИРИ, подтверждает, что в дальнейшем может наблюдаться повышение среднего возраста женщин, вступающих в брак ввиду их стремления к образованию и трудоустройству¹³.

Вызывает беспокойство общества и тот факт, что активное участие женщин в социально-экономической и культурной жизни приводит и к сокращению численности детей в семье. На 2006 г. средняя семья насчитывала 4,03 чел., а 20 лет назад этот показатель составлял 5,11. Учитывая, что темпы прироста населения страны с 1996 по 2006 г. составили 1,61% в год, а 20–30 лет назад прирост населения находился на уровне 3,9%, такое резкое сокращение показателя вызывает определенные опасения в том, что наметившаяся тенденция может привести в будущем к сокращению общей численности населения страны, а соответственно и трудовых ресурсов.

Особую тревогу по этим поводам высказывают представители традиционного духовенства. Под их нажимом разрабатываются программы «возвращения женщин в семью», которые включают в себя предоставление девушкам ограниченной доли мест при поступлении в университеты, прием абитуриенток только по месту жительства родителей, разработку укороченных программ для обучения женщин в системе высшего образования. Некоторые шиитские авторитеты призывают в целях повышения нравственных устоев общества провести повторную исламизацию в системе высшего образования и ввести раздельное обучение.

В последние годы был поставлен на обсуждение общества институт временного брака, как соответствующий шариату. В поддержку временных браков выступили и некоторые высшие религиозные деятели страны, увидев в них способ приобщения молодежи к семейной жизни. Член общества борющегося духовенства, бывший министр внутренних дел М. Пурмохаммади, выступая на конференции «Хиджаб: ответственность и полномочия исламского государства», заявил о необходимости возрождения существующей в исламе традиции временных браков, видя в них средство противостояния возрастающей безнравственности молодежи в вопросах взаимоотношения полов¹⁴.

На сайтах Интернета и в СМИ развернулась широкая дискуссия, в ходе которой высказывались различные мнения по этому вопросу. Ряд психологов, специалистов по семейным вопросам, выступили против распространения таких браков, считая, что они могут, наоборот, нанести психологический ущерб молодежи и снизить возможность для женщин обзавестись постоянной семьей. Свое отрицательное мнение выразили и некоторые женские организации¹⁵. В то же время активистки женского движения, например, дочь А.А. Хашеми Рафсанджани Фаезе Хашеми, поддержали эту идею, полагая, что «поскольку исламское общество не принимает дружеских отношений между девушками и юношами, то институт временного брака может быть полезен для девушек, так как даст им возможность осознать свою роль и свои права в семье»¹⁶. Сторонниками этого института высказываются мнения о том, что распространение временных браков будет способствовать снижению преступности на сексуальной поч-

ве. По этому вопросу нет единства и среди представителей духовенства. Как сторонники, так и противники пытаются найти доводы за и против в истории раннего исламского общества.

По существу же, такая кампания вызывает сомнения среди всех представителей иранского общества, поскольку совершается попытка канонизировать ситуации, которые исторически и в Иране, и в большей части исламского мира рассматривались лишь как исключения, вызванные специфическими обстоятельствами, и в настоящее время не являются общепотребительными в практике взаимоотношения полов. Ведь брак в таком случае может заключаться не по любви, а по стечению обстоятельств, на время, рожденные же в нем дети могут стать препятствием для его расторжения, поскольку о его долговременности его речи по определению не идет. Такой брак может породить дополнительные проблемы, от которых могут пострадать все субъекты такого супружества.

В то время как в стране продолжают дискуссии о моральных и психологических моментах, о необходимости изменения подходов к оценке такого явления в условиях модернизации общества, депутаты меджлиса в рамках обсуждения Закона о семье уже приняли решение об обязательной регистрации временных браков в случае рождения детей в целях закрепления прав матери и ребенка и высказались за внесение информации о заключении временного брака в документы, удостоверяющие личность супругов¹⁷.

При этом законодатели, очевидно, упустили из виду, что за рамками остается вопрос о нравственной стороне такой трактовки брачных отношений, если только правовое регулирование этого института не преследует цели, например, предотвратить распространение внебрачных связей, рассматриваемых как нарушение моральных ценностей исламского общества.

Такие поспешные действия не отвечают устремлениям самих женщин, готовых активно бороться за искоренение любых форм дискриминации по отношению к ним. Они уверены в том, что высокий образовательный ценз женского населения, так же как их активное присутствие на социальной арене — свидетельство успешного развития общества. В последние годы женщины все активнее заявляют о необходимости более широкого участия во властных структурах и готовности подняться на высший уровень принятия решений. В период президента-реформатора М. Хатами впервые иранка была назначена на пост вице-президента и руководителя Организации по охране окружающей среды. Это был первый прорыв женщин в структуры власти.

Выборные кампании последних лет показали рост политической активности женщин. В период подготовки парламентских выборов 2008 г. активисты женских движений двух основных политических фракций об-

развалили коалиции и поставили на обсуждение вопрос «Почему кандидаты половины населения страны (мужчины) занимают более 90% депутатских кресел, и что мешает женщинам активно участвовать в работе политических партий и организаций» — и требовали выделения 30% депутатских мест кандидатам от женской половины общества. На практике же их фракция в 8-м меджлисе сократилась с 12 до 8 депутатов, что составляет лишь 4% всех депутатов парламента страны. Причем большинство голосов удалось получить кандидаткам лишь в Тегеране, Исфагане и Мешхеде, т. е. в крупных городах страны. Это говорит о прямой связи между более высоким уровнем развития населения и его психологической готовностью к восприятию женщины как равноправного партнера в обществе.

В ходе подготовки президентской кампании 2009 г. женщины отстаивали свое право баллотироваться на пост президента¹⁸. Они сумели вынести этот вопрос на общественное обсуждение и добились определенных успехов. И хотя впервые в истории ИРИ секретарь Наблюдательного совета подтвердил, что женщины-кандидаты могут быть допущены к участию, ни одна не получила вотума доверия этого органа. Активистки женского движения пытались и ранее принять участие в президентских кампаниях. Одной из первых предприняла попытки выдвинуть свою кандидатуру дочь аятоллы Талегани А. Талегани в 2001 г. Однако в те годы Наблюдательный совет даже не ставил на рассмотрение такую возможность.

В ходе последней предвыборной кампании остро встал вопрос и о необходимости включения женщин в состав правительства. Такие возможности активно обсуждались в СМИ, на предвыборных митингах и заседаниях партий и организаций. В этом большая заслуга активисток женских движений, которые образовали исламскую женскую коалицию, выступившую с обращением ко всем кандидатам по этому вопросу. Четыре претендента на президентское кресло заявляли о готовности поддержать требования женщин.

Вновь избранный президент М. Ахмадинежад не смог проигнорировать необычайно возросшую активность женского электората и их настойчивые заявления о том, что иранки готовы перейти от этапа представительного присутствия в органах власти к этапу реального участия в работе властных структур, и проявил готовность включить трех женщин в состав кабинета. Такое решение президента было неоднозначно встречено как иранским обществом в целом, так и религиозными авторитетами. Марджа-от таклиды Кума — аятолла Сафи Гольпаегани и аятолла Мокарем Ширази — выступили с обращениями, резко критикующими введение женщин в правительство, и заявили о том, что не признают новый состав кабинета законным. Сомнения относительно возможности включения женщин в правительство были высказаны некоторыми депутатами

меджлиса во время обсуждения предложенных кандидатур и представителями различных партий. Однако рекомендации религиозного лидера депутатам меджлиса одобрить внесенные президентом кандидатуры можно рассматривать как его косвенное одобрение этих инициатив президента.

Утверждение М. Вахид Дагджерди на пост министра здравоохранения страны — это результат многолетней борьбы иранских женщин за осуществление своих политических и гражданских прав. По словам руководителя женского общества «Зейнаб» и лидера женских групп консервативного фланга М. Бехрузи, «вотум доверия женщине, вынесенный меджлисом, отражает изменения в самом иранском обществе. Впервые предложение поставить женщину во главе министерства было сделано активистками женских движений президенту-реформатору М. Хатами в тот момент, когда он вторично выдвинул свою кандидатуру. Однако он оказался не готовым пойти на такой риск. Возможно, Хатами не был уверен в том, что женщина сможет добиться каких-либо успехов, занимая министерский пост. А может быть, считал, что общественное мнение в стране еще не готово принять женщину на посту министра»¹⁹. Несмотря на то что лидер движения реформаторов отказался вручить министерский портфель женщине, дабы не обострять и без того сильное противостояние с традиционными структурами, тем не менее, в период работы 6-го и 7-го правительств оказывалась широкая поддержка женским инициативам, что и создало базу по укреплению положения женщин в обществе и привело по прошествии 8 лет к определенным изменениям гендерной ситуации, проявляющимся в признании прогрессивными слоями возможности участия женщин в высших органах власти.

В настоящее время в ИРИ, несмотря на значительное внимание, проявляемое к женщинам, и признание их заслуг в революционном движении и общественной жизни, проявляется двойственный подход к пониманию места женщины в обществе. С одной стороны, укрепилось осознание того, что женщина обладает достаточными знаниями и практическим опытом, роль женщины в обеспечении доходов семьи постоянно возрастает и она может быть равноправным партнером мужчины во всех сферах деятельности. С другой стороны, продолжает господствовать точка зрения, признающая за женщинами право на участие лишь в семейных делах и в сфере воспитания детей, базирующаяся на сохраняющихся религиозных, исторических, культурных и политических традициях.

Традиционный подход к женщине сохраняется не только в политической сфере. Он также проявляется в вопросах трудоустройства, где возможности женщин по сравнению с мужчинами значительно ограничены и существует дискриминация женщин в таких вопросах, как соблюдение условий труда, карьерный рост, уровень зарплаты. Существуют определенные ограничения для женщин в выборе рода занятий. Право женщины

на работу может быть оспорено ее мужем. Женщина связана значительными ограничениями в личной и семейной жизни. Например, даже вопросы получения паспорта, посещения родственников, выезда за границу она не может решить без участия отца или мужа.

В последние годы в обществе усилилось осознание того, что основным препятствием на пути дальнейшей реализации прав и свобод женщин, ликвидации любых форм ее дискриминации остаются нормы шариатского права и исторические традиции страны. Традиционный подход к роли женщины исключительно как жены и матери закреплен в Гражданском кодексе страны, что создает значительные препятствия на пути борьбы женщин против дискриминации. В последние десятилетия четко проявилось несоответствие законов, регулирующих семейную и социальную жизнь женщины, той роли, которую она реально играет в обществе. Этот факт признается не только передовыми слоями общества, правоведами, социологами, но и прогрессивно настроенным духовенством.

В настоящее время в исламской мысли по вопросу о правах женщин сохраняются три основных направления: традиционное, религиозно-реформистское и новаторское (неофундаменталистское). К представителям первого можно отнести аятолл Джанати, Систани, Мокаррема Ширази, Гольпаегани, Хуи. В целом они выступают за сохранение исламских догм в отношении женщин и допускают лишь возможность внесения некоторых изменений в нормы, регулирующие права женщин. Религиозно-реформаторское направление или исламский модернизм представляют великие аятоллы Санеи, Мусави Ардебиле. К числу его сторонников относился великий аятолла Монтазери. Некоторые представители исламской интеллигенции причисляют М. Кадивара к последователям этого направления²⁰. Эти религиозные деятели и правоведа выступают за пересмотр традиционных толкований коранических текстов и предлагают переосмыслить его с учетом парадигм современности. Отдельные представители исламского модернизма видят возможность наделить женщин правом на иджтихад.

Представители третьего течения — носители нового мышления в исламе (ноуандиши-йе дини), к числу которых относят А.К. Соруша и М. Шабастари, — предлагают полностью отказаться от некоторых догм, определяющих положение женщины в исламском обществе. Согласно их убеждениям, многие традиционные нормы были установлены в период раннеисламского общества. Изменение реалий жизни влечет за собой и изменение норм. Однако они считают, что «при выработке новых положений необходимо сохранить ту божественную идею и дух истины, которые были изначально вложены самим Пророком»²¹.

Тема «Положение женщины и новые религиозные смыслы» все чаще обсуждается на страницах печати, во время конференций и круглых столов. Потребности современной жизни и процессы модернизации обще-

ства диктуют необходимость пересмотра норм исламского права. Примеры тому уже есть. В 7-м меджлисе был поднят вопрос о пересмотре доли женщин при разделе наследства, 8-й меджлис утвердил закон, разрешающий женщинам наследовать землю, а Наблюдательный совет утвердил такое решение, хотя это вызвало недовольство некоторых религиозных деятелей. Назначение женщин судьями, пусть лишь на уровне семейных судов, допуск их к участию в президентских избирательных кампаниях — свидетельство отхода от традиционных догм. Активистки женских движений готовы идти дальше по этому пути. В настоящий момент на обсуждение поставлено еще несколько важных, с точки зрения женщин, проблем: многоженство, наследственные права, возмещение компенсации в случае нанесения ущерба женщине, равенство женщин и мужчин при даче свидетельских показаний, необходимость воспитания детей в случае развода родителей или смерти отца в семье матери и другие.

Однако даже предоставление женщинам прав не всегда означает возможность их реализации. Представители прогрессивно мыслящего духовенства, правоведы, философы, активисты женских организаций понимают, что их первостепенной задачей должно стать изменение господствующих в стране взглядов, основанных на мужском шовинизме (мардансалари). Борьба женщин против любых форм дискриминации в семье и обществе может привести к успеху, если будет поддержана большинством членов общества. Очевидно, что дальнейшее социально-экономическое развитие страны по пути модернизации, подъем образовательного уровня и культуры, развитие демократического процесса приведут к изменению гендерных стереотипов в обществе и создадут условия, при которых женщина будет восприниматься как равноправный партнер во всех сферах жизни.

Примечания

¹ Третий взгляд. № 42, 01.06.1996.

² www.iranmania.com. Хомейни о женщинах.

³ См.: Махиде Мафи. Зан аз дидгах-е руханияюн. — Каргозаран. Махнаме-йе сийасат. 7 дей. 1387, с. 2.

⁴ Там же.

⁵ Аида Саадат. Эслам дар сз руйкард. — Каргозаран. Махнаме-йе сийасат, с. 12.

⁶ Конституция ИРИ. Ст. 21, 22.

⁷ Саршомари-йе оуми-йе нофус ва маскан. Сал-е 1385. — www.amar.sci.ir, www.unicef.org.

⁸ www.amar.sci.ir. — Иран дар аине-йе амар.

⁹ www.amar.sci.ir — Statistical pocketbook 1386. www.iranwomen.com.

¹⁰ www.iranwomen.org/amar.

¹¹ www.iranwomen.org/amar.

¹² www.bbc.co.uk/persian/iran. 11.01.2011.

¹³ Элхам Арман. Офог-е талаи-йе джамиат-е Иран. — Виженаме-йе пайан-е сал-е рузнаме-йе Иран. 1385, с. 61.

¹⁴ Iran News, 23.06.2007.

¹⁵ www.asriran.com.; Iran News, 26.06.2007.

¹⁶ Шарг, 28.08.2010.

¹⁷ www.womenpress.ir. 20.12.2010.

¹⁸ Согласно Закону о выборах президента ИРИ, президентом страны может быть только мужчина (реджал). Однако арабский термин «реджал» имеет в персидском языке и второе значение — политический деятель. Именно это значение и было использовано правоведами для обоснования возможности женщинам претендовать на пост президента.

¹⁹ Эттемед, 14.09.2009.

²⁰ См.: Анда Саадат. Эслам дар сз руйкард, с. 13.

²¹ Мумиванд Б. Диндаран ва мас'але-йе занан. — Каргозаран. Махнаме-йе сийасат. 7 дей. 1387, с. 8.

М. С. Каменева

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ УСТОИ ИРАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Иранскому обществу, как и многим другим восточным обществам, присущи ценности духовно-нравственного характера, которые передаются из поколения в поколение и часто претерпевают лишь весьма незначительные изменения в процессе исторического развития. Уважение к монаршей власти и духовенству, чинопочитание, уважение к старшему по возрасту, по уровню образования, своеобразие взаимоотношений на семейном уровне — это те из них, которые являются предметом нашего анализа, поскольку находят отражение в современном персидском языке, в его лексико-грамматической системе в виде так называемых формул вежливости. Формулы вежливости следует отнести к социально-языковым явлениям, так как они, с одной стороны, находятся в тесной взаимосвязи с достаточно четко выраженной социальной дифференциацией иранского общества и входят в той или иной степени в нормы социально-нравственного поведения иранцев. С другой стороны, они представляют собой совокупность языковых средств (грамматических, лексических, фразеологических), служащих для передачи субъективного отношения говорящего/пишущего к адресату, т. е. почтительности, уважения и т. д., а также объективно существующих социальных отношений в обществе¹.

Формулы вежливости, получившие широкое распространение в современном персидском языке, не являются лишь его характерной особенностью. Такого рода социально-языковые явления свойственны также японскому, монгольскому, отдельным индийским языкам². Если провести сравнение с этой точки зрения персидского и русского языков, то бросается в глаза простота средств выражения вежливости в последнем на современном этапе его развития.

Разветвленная система гонорифических форм персидского языка является результатом его бытования в течение длительного времени в классо-

во неоднородном обществе, члены которого использовали их в процессе общения. Социальное неравенство членов иранского общества и наличие в нем различных феодальных пережитков породило стилистическое использование лексико-грамматических синонимов, называемых нами формулами вежливости.

Формулы вежливости, как уже было отмечено выше, относятся к числу явлений в современном персидском языке, которые тесно связаны с духовной культурой иранского народа, нравственными устоями и социальной дифференциацией современного иранского общества. Поэтому изменение тенденций развития общества, в случае Ирана — политического строя, повлияло также и на языковое развитие в стране. Это выразилось, в том числе, в демократизации персидского языка, то есть в определенном его упрощении. Языковая демократизация коснулась и формул вежливости. Если до исламской революции их использование в виде лексико-грамматических синонимов во многих случаях было достаточно жестко социально детерминировано, то на современном этапе развития персидского языка, т. е. в послереволюционный период, субъективный фактор, т. е. отношение говорящего/пишущего к адресату, в значительной степени выступает на первый план.

Более чем 2500-летнее существование монархии на территории современного Ирана в персидском языке получило воплощение в функционировании в отношении ее представителей целого ряда устойчивых правил, фактически перешедших в языковую норму. Во-первых, имеется в виду, что до революции 1979 г. в случае, если речь шла о представителях царствующей в Иране фамилии (имеется в виду династия Пехлеви) — шахе, шахине, их детях и даже братьях и сестрах, то в знак объективного уважения к их высокому социальному положению глагол, относящийся к ним в предложении, ставился практически во всех стилях речи во множественном числе «an a'lahazrat hozur dashtand, sherkat/tagdim farmudand», что соответствует русскому «Его/Ее Величество присутствовали, принимали участие, вручали» и т. п. Во-вторых, в текстах, повествовавших о монаршей фамилии, никогда не использовалось местоимение «u» — «он, она» или же даже их вежливо окрашенные субституты. Они также существуют в языке и имеют ярко выраженную стилистическую окраску, как, например, «ishan», что соответствует русскому «они (в значении он, она) изволили сказать, изволили отметить» и т. д. Однако в этой ситуации использовались специальные слова-заменители с соответствующими значениями — «moazzam/on/lah» — «он, высокоуважаемый», «moazzam/on/laha» — «она, высокоуважаемая», «an a'lahazrat» — «он, то величество», «an o'lyahazrat» — «она, то величество» соответственно о шахе и шахине, «an shahanshah», «an padeshah» — «он, тот шах». Почти ко всем этим словосочетаниям прибегали и при обращении к этим ли-

цам, заменяя ими местоимение «Вы». Нередко к части из них добавлялись экспрессивно окрашенные слова типа «mobarak» — «благословенный» и «homayuni» — «августейший, благословенный», что в результате давало «a'lahazrate mobarake homayuni» — «он, Вы, благословенное, августейшее величество». В-третьих, достаточно разветвленная система титулов современного персидского языка также получила отражение в анализируемом нами социально окрашенном пласте персидской лексики. К числу титулов, которые активно использовались по отношению к представителям царствующей фамилии, следует отнести такие как «a'lahazrate homayune shahanshah» и «a'lahazrate homayuni» — «Ваше, Его августейшее, шахское величество» (к шаху), «o'lyahazrat» — «Ваше, Ее величество» (к шахине), «valahazrat» — «Ваше, Его, Ее высочество» (к наследникам престола, причем как мужского, так и женского рода). К этим титулам можно добавить также «hazrate/sarkare eliye hanum» + имя — «высокоуважаемая, высокочтимая» + имя (к шахине), «valahazrate zhahzade/shahdoxt» + имя — «Его/Ее высочество принц/принцесса» + имя (к принцу, принцессе). В-четвертых, в ситуациях, связанных с шахом, шахиней, их детьми и монаршими родственниками, никогда не встречался нейтрально окрашенный глагол «goftan» со значением «говорить, сказать», а только его вежливый синоним «farmudan» со значением «изволить говорить, изволить сказать». Он же входил в обязательном порядке в состав так называемых сложных глаголов, теряя свое собственное значение и лишь выполняя вспомогательную функцию, а именно придавал этим сложным глаголам экспрессивно-вежливый оттенок, не меняя при этом основного значения, заключенного в них, как, например, нейтральный «sherkat kardān» — «участвовать» и вежливо окрашенный «sherkat farmudan» — «изволить принять участие». Наконец, в определенных ситуациях по отношению к членам царствующей фамилии, в первую очередь к шаху и шахине, использовались особые предлоги, сложные по своей структуре. В их состав входили слова высокого стиля, как, например, «pishgah» — «место перед шахским тронem, канцелярия шаха или меджлиса» или «hedmat» — «услужение, услуга, одолжение», которые в сочетании с простым предлогом, как правило, соответствующим русским аналогам, указывающим на нахождение предмета где-либо или его перемещение в каком-либо направлении, превращались в особые вежливые конструкции — вежливые предлоги. Они в обязательном порядке использовались в ситуациях, связанных с шахом и шахиней, например, в описании церемоний, связанных с приемом высокопоставленных гостей — «dar/be pishgahe shahanshah tashrif dashtand/tashrif avordand» — «находились в распоряжении шаха/прибыли к шаху», и многих других.

В 1979 г. в результате свершившейся исламской революции в Иране была ликвидирована монархия и установлена исламская республика.

Руководство страной перешло от династии Пехлеви к мусульманскому духовенству. Серьезные социально-политические сдвиги, изменившие устои иранского общества, отразились на проводимой в стране языковой политике, а следовательно, коснулись и собственно персидского языка, выразившись в его демократизации, в том числе и в сфере формул вежливости. Прежде всего, это затронуло те ситуации, которые были связаны с высшим эшелонам власти. С одной стороны, после исламской революции в иранском обществе не осталось подобной царствующей фамилии социальной группы, в отношении которой продолжали бы использоваться особые устоявшиеся языковые обороты, превратившиеся в процессе языкового функционирования в языковую норму. С другой стороны, можно было бы предположить, что ее место могло бы занять мусульманское духовенство, однако и оно такой группой не стало. Анализ языкового материала показывает, что языковая норма, связанная с использованием по отношению к представителям духовенства формул вежливости, крайне неустойчива и в значительной степени зависит от субъективного фактора, т. е. личности говорящего/пишущего и конкретной ситуации общения. Наиболее жестко она соблюдается, когда речь идет о лидере исламской революции (рахбаре). Так, в текстах об аятолле Хаменеи глагол всегда стоит во множественном числе, например, «rahbare moazzame enqelab xatarneshan saxtand» — «высококочтимый лидер исламской революции заявили», «maqame moazzame rahrabi sader farmudand» — «высококочтимый лидер изволили сказать» и т. д. В других случаях, таким образом, глагол-сказуемое может стоять как в единственном, так и во множественном числе, т. е. можно встретить как «аятолла заявил», так и «аятолла заявили», как, например, «ayatollah Hashemi Rafsanjani ezhar dasht» — «аятолла Хашеми Рафсанджани заявил» и «ayatollah Mottahari movafeq nabudand» — «аятолла Моттахари были не согласны». Что касается вежливых субститутов или эквивалентов местоимений, то никаких новых и выходящих за рамки обычной вежливости выражений пока в языке не было отмечено. Наиболее употребимым в данной ситуации является стандартно вежливое «ishan» — «они» (в значении «он»), эквивалентное русскому «они высказались», «они заметили», при этом речь идет об одном человеке; встречается также вежливое, принадлежащее книжно-письменному стилю местоимение «vey» — «он, она». Интерес представляет также использование в функции вежливого эквивалента местоимения 3-го л. ед. числа слова «moazzam/on/lah» — «высокоуважаемый», который до революции также использовался по отношению к царствующим особам и высокопоставленным лицам. В подобранном нами языковом материале он встретился в отношении одного из аятолл — аятоллы Ахмади Миянджи. Вместе с тем, продолжает четко прослеживаться

тенденция использования вежливого эквивалента местоимения «an hazrat» — «тот святой, он», когда речь идет о пророке Мухаммаде. В целом же, как нам представляется, выбор между местоимением и его вежливым субститутом зависит в значительной степени и от экспрессивной окрашенности текста.

Что касается титулов, то как до 1979 г., так и после исламской революции их употребление в языке перед именами и фамилиями представителей духовенства обязательно. К ним относятся «ayatollah» — «аятолла» и «hojatoleslam» — «ходжатолэслам» — титулы, даваемые крупнейшим мусульманским теологам, «sayyed» — «сейд», «sheyx» — «шейх», а также «hazrat» — «хазрат», используемые перед именами мусульманских святых и духовных лиц.

Обращаясь к функционированию стилистически нейтрально окрашенного глагола «goftan» — «говорить, сказать» и экспрессивно-вежливого «farmudan» — «изволить говорить, сказать», следует отметить, что в данном случае отсутствует устойчивая норма их употребления; они в одинаковой степени используются в ситуациях, связанных с представителями мусульманского духовенства³.

Таким образом, анализ языкового материала в различных социально-коммуникативных ситуациях показывает, что в современном персидском языке отсутствует твердая языковая норма функционирования формул вежливости в отношении представителей иранского духовенства в сравнении с их использованием в адрес членов правившей до 1979 г. в стране династии Пехлеви. Исключения представляют лишь языковые ситуации, связанные с духовным лидером Ирана. Следует подчеркнуть, что как в прошлом существовали, так и в настоящее время также существуют и иные социально-коммуникативные ситуации, когда имеют значение возрастные и образовательные характеристики, половые различия, а также социальный статус участников, относящихся к различным слоям иранского общества. Процессы демократизации не коснулись их в плане изменения или сокращения использования в этих случаях формул вежливости. Вежливые эквиваленты местоимений, особые вежливо окрашенные предлоги, нарушение согласования подлежащего и сказуемого, богатая глагольная фразеология продолжают активно функционировать в такого рода ситуациях, четко дифференцируясь по стилям, среди которых следует, прежде всего, выделить сниженно-скромный и возвышенно-уважительный.

В целом же хотелось бы сказать, что использование в современном персидском языке так называемых формул вежливости служит одной цели — обслуживанию отмеченных выше социально-коммуникативных ситуаций, в основе которых лежат духовно-нравственные традиции иранского общества.

Примечания

¹ Анализ формул вежливости дан по материалам канд. дисс. М. С. Узиной (Каменево) «Социально-стилистическая дифференциация современного персидского языка (на материале формул вежливости)». М., 1975.

² Об этом см.: Алпатов В. М. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973; Сыромятников Н. А. Становление новояпонского языка. М., 1965; Раднаагийн Жагварал. Почтительные слова монгольского языка. Автореф. дисс. на соискание учен. степ. канд. филол. наук. М., 1973; Хохлова Л. В. Социолингвистический анализ форм вежливости в языке раджастхани. — Народы Азии и Африки. 1973, № 2.

³ Языковой материал подобран по материалам современной иранской прессы: газеты «Эттелаат», «Иран», «Джомхурие эслами», «Эттемаде мелли» 2008–2010 гг.

И. Ф. Сафаргалиев

ПАКИСТАНСКИЙ СУФИЙ ГУЛАМ ХАБИБ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

После распада Советского Союза и образования Содружества Независимых Государств (СНГ) на территории постсоветского пространства стали интенсивно идти процессы возрождения религиозного самосознания верующих, в том числе мусульман. В рамках этой тенденции во вновь образованные страны Центральной Азии, а также на российский Северный Кавказ и в Поволжье стал «возвращаться» широко распространенный до насильственного насаждения идеологии воинственного атеизма исламский мистицизм (суфизм, *тасаввуф*) как веками доказавшая свою эффективность исламская аскетическая духовная практика.

Одним из довольно широко распространенных суфийских орденов в «мусульманских анклавах» Российской империи был *тарикат Накибандийя*, который после распада СССР стал постепенно восстанавливать былую силу и влияние. В результате контактов между мусульманами государств СНГ и стран Ближнего и Среднего Востока адепты и лидеры суфийских братств дальнего зарубежья, в том числе и *тариката Накибандийя*, стали приносить свою лепту в процесс возрождения исламской духовной традиции *тасаввуфа* на постсоветском пространстве¹.

В этом смысле не явилась исключением и такая страна, как Пакистан, где суфизм получил очень широкое распространение, имеет вековые традиции и укоренился во всех слоях общества. В этом исламском государстве широко представлены и различные духовные школы *накибандийского* тариката. Одну из них — *Накибандийя-Муджадидийя* — возглавлял в прошлом веке и широко распространил в Пакистане и за его пределами известный мусульманский проповедник *пир* Гулам Хабиб (1904–1986) из селения Чаквал.

Для того чтобы наглядно и кратко описать историю этого суфийского течения, имеет смысл отобразить «цепь» его духовной преемственности (т. н. *силсила*). Первым в ней представлен, как и во всех *тарикатах*, Пророк Мухаммад (С. А. С.). Затем следует его ближайший сподвижник Абу

Бакр Ас-Сиддик и далее по цепочке: Салман Аль-Фариси (Мадани) — Аль-Имам аль-Касим (Медина) — Джафар Ас-Сиддик (Медина) — Баязид Бистами (Бистам) — Абу Аль-Хасан Харкани (Харкан) — Абу Аль-Касим Джурджани (Джурджан) — Абу 'Али аль-Фармиди (Машад) — Юсуф Хамдани (Туркестан) — Абдул Халик Гидждувани (Бухара) — Мухаммад Ариф Ригвари (Таджикистан) — Махмуд Инжир Фагнави (Бухара) — Мухаммад Баба Самасси (Бухара) — Бахауддин Накшбанд (Бухара) — Аляутдин Аттар (Хассар) — Якуб Чархи (Душанбе) — Убайдуллах Ахрар (Самарканд) — Мухаммад Захид (Хассар) — Дарвиш Мухаммад (Шахр-е-Сабз) — Мухаммад Амкаки (Бухара) — Махаммад Бакибиллах (Дели) — Ахмад Сирхинди Муджаддид Альф Ассани (Сирхинд) — Мухаммад Масум (Сирхинд) — Мухаммад Сайфулдин (Сирхинд) — Мухаммад Мухсин (Дели) — Саид Нур Мухаммад Бадауни (Дели) — Мирза Мазхар Джан Джанан (Дели) — Шах Гулам Али (Дели) — Шах Абу Саид (Дели) — Шах Ахмед Саид Дехлеви (Медина) — Дост Мухаммад Кандхари (Мусазай) — Мухаммад Усман Дамани (Мусазай) — Мухаммад Сирадждудин (Мусазай) — Мухаммад Фазал Али Курейши (Мискинпур) — Мухаммад Абул Малик Сиддики (Ханевал) — Гулам Хабиб (Чаквал)².

Из приведенной *сильсия*, даже если не вдаваться в исторические подробности, видно, что данная духовная традиция сформировалась — и на протяжении длительного периода времени развивалась — на территории Средней Азии. Затем центр суфийского ордена, начиная с Мухаммада Бакибиллаха, переместился на Индо-Пакистанский субконтинент, где это направление получило дальнейшее развитие при Ахмаде Сирхинди, которому был присвоен титул Обновителя Тысячелетия.

Последним умершим шейхом в цепи преемственности этого ответвления (*турук Накшбандийи-Муджадидийи*) был *Хваджа Пир* Гулам Хабиб.

Во что же конкретно, в ритуальном смысле, вылилась духовная практика *Накшбандийи-Муджадидийи* в представленной выше цепочке преемственности традиции? В настоящее время она включает в себя, помимо обязательного следования предписаниям *Шариата* и *Сунны* Пророка Мухаммада (*С. А. С.*), а также широко освещавшимся в литературе³ основополагающим принципам *тариката Накшбандийя*, следующие элементы, входящие в т. н. *вазифа*:

1) *вукуфи-калби* — постоянное, в любое время и в любом состоянии поминание Всевышнего;

2) ежедневная медитация-*муракаба* длительностью от 15 мин. до нескольких часов в зависимости от состояния «продвинутости» адепта. При этом следует отметить, что в данной *турук тариката Накшбандийя-Муджадидийя* 35 видов (уроков) этого упражнения, которые один за другим в целях избавления от конкретных низменных качеств души и приближения к Всевышнему постепенно даются наставником-*муришдом*

ученику-муриду. Известные мусульманские теологи вывели их на основании принципов, заложенных в Коране и *Сунне*. Так, в уроках с 1-го по 7-й акцент делается на предписанном конкретным *аятом* Корана поминании (*зикре*) имени «Аллах». 8-й и 9-й уроки состоят из многократного произнесения (повторения) рекомендованной *Сунной* Пророка (*С. А. С.*) формулы *тахлия* («*Ля иляха илля Ллах*» — «Нет Бога, кроме Аллаха»). Начиная с 10-го урока и далее упор делается на предписанном Кораном *фикре* (размышлении), когда ученик сосредотачивается на милости и благодати Всевышнего, нисходящей на его сердце;

3) ежедневная двухсоткратная теомнемия (*зикр*) славословия Пророку Мухаммаду (*С. А. С.*) по специальной формуле (*Аллахумма салли аля сейидина Мухаммадин ва аля али сейидина Мухаммадин ва барик ва салим*);

4) ежедневная двухсоткратная теомнемия (*зикр*) формулы испрашивания прощения грехов у Всевышнего — *истигфара* (*Астагфируллаха Рабби мин кули замбин ва атубу илейх*);

5) ежедневное чтение (желательно вслух) в подлиннике Корана (минимум одной страницы священного текста, максимум — одного *джуза*, или 1/30 его части);

6) связь, или *рабита*, с шейхом-наставником путем личного общения, в переписке, мысленно⁴.

После смерти Гулама Хабиба его последователи, отдавая дань великим духовным наставникам *тариката Накшбандийя*, многие из которых были выходцами из Средней Азии, стали постепенно «возвращать» на постсоветское пространство этот мистический путь, заметно утративший свои позиции в обществе за десятилетия религиозного безвременья в Советском Союзе⁵. В этой связи его личность и наследие в Пакистане и других странах мира, а также неизвестная широкому кругу исследователей деятельность его великих предшественников в суфийском ордена *Накшбандийя-Муджадидийя* и активных последователей в настоящее время, на мой взгляд, заслуживают более пристального исследовательского внимания.

Итак, *Мурид-э-Алем Хазрат Маулана Пир Гулам Хабиб Накшбанди*, как его уважительно именуют в мусульманской среде, родился в 1904 г. в пакистанском селении Кораддхи (район Хушаб, провинция Пенджаб).

Во времена его детства в Пакистане не существовало столько школ и медресе, как в настоящее время. Поэтому ему пришлось заниматься в индивидуальном порядке, и он начал свое образование в родном селении с заучивания наизусть Корана. Этому он обучался у *Кари Камруддина*, а знания по мусульманскому вероучению получал у *Хазрата Мауланы Хусайна Али*, *Хазрата Мауланы Убайдуллаха Синдди*, *Шейха-уль-Хадиса Хазрата Мауланы Саида Амира* и *Шейха-ат-Тафсира Хазрата Мауланы Ахмада Али Лахори*.

Его инициация в суфийский орден *Накибандийя-Муджадидийя* произошла следующим образом. Когда он получал знания по хадисам у *шейха-ул-хадиса Хазрата Мауланы Саида Амира Сахиба*, тот обычно рассказывал истории о жизни исламских религиозных авторитетов — *улама*. Один из этих ярких рассказов был о *Хазрате Хвадже* Абдул Малике Сиддики, *муридом* которого в *тарикате Накибандийя-Муджадидийя* и был повествующий. Услышав о знаменитом шейхе, Гулам Хабиб попросил своего учителя познакомить его с ним. Встретившись с Абдул Маликом Сиддики, Гулам Хабиб попросил принять его в свои ученики — *муриды*. Тот взял у него *баяд* (клятву верности наставнику) и дал *вазифа* — задание (выполнять специальные упражнения *тариката Накибандийя-Муджадидийя* для начинающего). Несколько дней, проведенных в компании наставника-*мурида*, оставили неизгладимый след в душе Гулама Хабиба. Он проникся сильной привязанностью к своему шейху, которая вкупе с выполнением его предписаний привела к тому, что Гулам Хабиб через несколько лет получил *хилафат* (право на наставничество) и сам стал полноправным шейхом тариката *Накибандийя-Муджадидийя*. В результате этой нелегкой миссии со временем он достиг такого уровня, что пакистанские улемы дали ему титул «*мурида-э-алема*» (наставника всемирного масштаба). В немалой степени причиной этого было то, что у него было большое количество последователей по всему миру, а также в связи с его многочисленными поездками за рубеж с миссией религиозного призыва — *таблига*. *Хазрат Пир* Гулам Хабиб *Сахаб*, по свидетельству очевидцев, был действительно незаурядной личностью своего времени. Те, кто встречался с ним, обычно впоследствии оставляли такие отзывы: «Я никогда в жизни не встречал более великого *пира* (наставника)»; «Это самый простой, искренний и скромный человек, которого когда-либо я видел»; «Это самый прекрасный человек, какого я знал в жизни» и др.

Современники вспоминали: «Лицо его было настолько наполнено светом (*нуром*), что взглянувший на него немедленно вспоминал о Всевышнем. Он безоговорочно следовал во всем предписаниям *Шариата* и *Сунны*. Он на практике делал то, к чему призывал остальных. У него были лучшие черты характера и совершенные манеры, что редко встречается в наши дни. Он очень внимательно относился к гигиене и соблюдал чистоту во всем. Его зубы были блестяще-белые и они были его собственные. Его одежда и тело всегда были чистыми и благоухающими. От него никогда не исходил дурной запах. Он никогда не грубил и не сердился ни на кого в ответ.

Он был блестящим оратором. Его лекции и проповеди были основаны только на Коране и *Хадисах*. Он обычно любил слушать, читать Коран и наставлять с помощью него. Он знал Священное Писание мусульман наизусть — был *хафизом*. У него было исключительное знание и понимание

Корана и *Хадисов*. Многие великие улемы также признавали это как факт. Люди, которые побывали в его компании, убеждались в том, что он — величайший шейх современности»⁶.

Гулам Хабиб 48 лет своей жизни посвятил исламскому образованию и призыву. Его первой и основной целью было содействие строительству мечетей и учреждению религиозных учебных заведений — *медресе* и *мактабов*. Гулам Хабиб стремился использовать любую возможность для пропаганды своих духовных воззрений. Он часто говорил: «Страдания, которые испытали мусульмане на Индо-Пакистанском субконтиненте под гнетом британцев, никакая другая нация не смогла бы вынести. Англичане, используя свою власть и могущество, взрастили лжепророков, сторонников запрещенных нововведений в исламе, мусульманских лжеученых, которые возлюбили известность, славу и богатство. Британцы очень постарались отвлечь мусульман от истины, уничтожить Ислам как религию и в корне изжить исламскую традицию. Праведники сильно пострадали во времена их правления. После войны 1857 г. *улама* (религиозные ученые) и *аулия* (мусульманские праведники), которые сильно переживали за плачевное состояние веры в людях, осознали тщетность попыток вооруженного противостояния с Великобританией. Поэтому для того, чтобы защитить веру и истинное знание исламской религии, они стали создавать исламские образовательные учреждения. Так был создан всемирно известный университет *Дар-аль-улум Деобанд*, и эффект от этого ощутили не только на Индо-Пакистанском субконтиненте, но и во всем исламском мире в целом. Район, в котором я вырос и провел свою юность, был насквозь пропитан не имеющими отношения к истинному исламу псевдомусульманскими преданиями и суевериями. Поэтому я сделал учреждение медресе и мактабов своей основной жизненной миссией, так как «тьма» религиозного невежества может быть ликвидирована только с помощью обучения в медресе»⁷.

В качестве первого шага для реализации своей цели Гулам Хабиб в 1951 г. переехал на постоянное место жительства в пакистанское селение Чаквал, где, начав работу в качестве имама местной мечети и преподавателя медресе, постепенно привлек в ряды своих сторонников жителей всей округи.

Со временем растущий авторитет Гулама Хабиба позволил ему основать в Пакистане целую сеть популярных в народе мусульманских учебных заведений. Количество его последователей из года в год увеличивалось, и влияние суфийского шейха в исламских кругах стало распространяться далеко за пределы Пакистана. *Мушидом-э-Алемом* (наставником мирового масштаба), как его стали именовать пакистанские улемы, в рамках духовной традиции *тариката Накшбандийя-Муджадидийя* было воспитано много учеников, более двадцати из которых стали

авторитетными суфийскими наставниками в Пакистане, Великобритании и США⁸. Вместе со своими учениками они составляют то непрерываемое наследие, которое оставил суфий Гулам Хабиб потомкам. Среди его выдающихся воспитанников — *Хазрат Хафиз Ахмад Зульфикар Накибанди Муджаддиди* (Джанг, Пакистан). Именно к нему перешла цепь духовной преемственности *тариката*.

Данная статья носит информационный характер, освещая одну из сторон деятельности современных суфийских орденов.

Примечания

¹ См., например: Бабаджанов Б. Возрождение деятельности суфийских групп в Узбекистане // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования). СПб., 2001, с. 331–355.

² www.tasawwuf.org

³ Хисматуллин А. А. Суфийская ритуальная практика (на примере братства Накшбандийя). СПб., 1996.

⁴ www.tasawwuf.org

⁵ Travelling Across Central Asia. Zulfiqar Ahmed Naqshbandi Mujaddedi. Translated by Mohammad Aslam (ex-Senior sub Editor Pakistan Times). Hardback, 360 pages. Maktuba-Tul-Faqeer.

⁶ www.khanaqah-e-naqshband.com

⁷ www.central-mosque.com

⁸ www.pirghulamhabibcom/khulafa.htm

А. Л. Барковский

СОВРЕМЕННЫЕ ИСЛАМСКИЕ ПОДХОДЫ К МОДЕРНИЗАЦИИ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время на повестке дня ряда афро-азиатских государств четко обозначилась задача перевода местной экономики на рельсы рыночного хозяйствования. Это требует не только более полного и эффективно встраивания данной экономики в систему мировой торговли, мирового движения капитала, международного разделения труда, но также освоения технико-организационных форм современного бизнеса.

Решение этой задачи происходит в условиях, когда окончательно не вышли из кризисного состояния те страны, которые еще в 50–60-х гг. XX в. пытались модернизировать экономику, копируя опыт индустриально развитого Запада. Провал таких попыток побуждает многих государственных деятелей, а также представителей научной и общественной мысли афро-азиатского мира к поиску новых стратегических решений проблем экономической модернизации.

В этих условиях на мусульманском Востоке заметно активизировалась разработка проектов обновленческих преобразований, базирующихся на использовании не только западного опыта по части организации и технологии бизнеса, но также форм и нормативов предпринимательской деятельности, исторически сложившихся в мире ислама, при одновременной опоре на «генеральные исламские ценности». Предметом особенно бурных, в том числе, внутримусульманских дискуссий явилась проблематика, касавшаяся радикального обновления технологии, организационно-правовых, а также во многом этических основ коммерческой деятельности на основе использования таких базовых финансовых инструментов современной торговли, как фьючерсы и опционы.

Как известно, фьючерс представляет собой стандартизированный биржевой контракт, обязывающий одну из соответственно договорившихся сторон купить, а другую продать в будущем периоде указанный в конт-

ракте базовый актив по установленной цене (курсу фьючерса). Эта цена выплачивается в день поставки товара.

Опцион — срочный контракт. Его специфика определяется тем, что одна сторона, занимающая длинную позицию, вносит определенную плату и получает право на выполнение или невыполнение условий данного контракта к оговоренной дате (опцион европейского типа) или на аналогичные действия в любой момент в течение указанного в контракте периода (опцион американского типа); вторая сторона, занимающая короткую позицию, обязана подчиняться решениям первой стороны¹.

Если придерживаться формальной стороны дебатов о фьючерсах и опционах, то численный перевес в настоящее время имеют противники такого нововведения. Новую коммерческую практику принимает в штыки консервативно настроенная часть мусульманских духовных лиц; под их влиянием пребывают многочисленные массы простого верующего люда.

Немалое значение для такого противостояния проектам перестройки торговли на современный лад имеет священная для мусульман память о Мухаммаде, о том, что провозвестник ислама в молодости сам занимался торговлей и считал торговое дело занятием благопристойным, богоугодным и выгодным².

Между тем использование технологии торгового бизнеса в тех ее организационно-правовых формах, которые практикуются в индустриально развитых западных государствах, вступает в явное противоречие с правилами торговли, изложенными в исламском праве (фикх), равно как с традиционной для ислама формой организации торговой деятельности и, наконец, этикой взаимоотношений покупателя и продавца.

Применительно к фьючерсам и опционам все это дает себя знать в сделках, которые признаются фикхом незаконными, недозволенными и, стало быть, греховными на том первоочередном основании, что:

— в основе извлечения прибыли находится фактор риска и неопределенности;

— в качестве продавца товара выступает лицо, не являющееся его собственником;

— в систему организации торговли, в процедуру купли-продажи, а также заключения и аннулирования введены правила, отклоняющиеся от традиционно-исламских принципов и установлений.

И противники, и сторонники применения фьючерсов, а также опционов тем или иным образом принимают в расчет многовековое наследие ислама. Речь идет о том, что еще в эпоху Средневековья именно в мусульманском мире были выдвинуты новаторские для того времени идеи, касавшиеся торгового обмена и разделения труда, ценообразования и сто-

имости товара, этических аспектов купли-продажи и т. п. Это произошло благодаря таким видным мыслителям, как Шибани (705–804), Ибн Таймийя (1262–1328), Ибн Халдун (1332–1406) и др.

К эпохе Средневековья относится опыт делового партнерства, сложившийся в результате мусульманского участия в средиземноморской торговле. По мнению видного французского ученого Ф. Броделя, практика такого партнерства (оно было известно у мусульман под разными названиями — кирад, мукарада, мудараба) была освоена европейцами в виде комменды³. Речь идет о партнерстве, которое базировалось на деловом сотрудничестве тех, кто располагал денежными средствами, и тех, кто пускал их в торговый оборот. Получаемая в результате прибыль делилась с учетом вложенных в торговое предприятие средств и труда. В случае неудачи все потери приходились на долю того, кто участвовал в данном предприятии своими деньгами.

На мысль о том, что средневековая Европа многое заимствовала у мусульманского мира в ходе средиземноморской торговли, полагал Ф. Бродель, наводит наличие в европейских языках терминов арабского происхождения. Среди них — таможни (douanes), склад (magasin), левантинские каботажные суда (mahones), торговый двор (fondouk), продажа на срок с немедленной перепродажей (mohatra).

В ходе многовековой истории на мусульманском Востоке сложились и были узаконены фикхом свои правила торговли. Акт купли-продажи является юридически значимым, законным и действительным, когда продавец является собственником продаваемого товара, когда точно определена его цена, когда объект продажи незамедлительно передается продавцом покупателю⁴. Недопустимо произвольное аннулирование торговой сделки⁵.

В соответствии с кораническим запретом «лихвы» (риба), традиционно отождествляемой с ростовщичеством и спекуляцией, продавец не должен запрашивать за товар слишком высокую цену. Он обязан «спускать с цены сколь возможно более». В свою очередь, покупателю не следует много и долго торговаться, ему рекомендуется «давать запрашиваемую цену, если средства его это позволяют». Воспрещается пользоваться «бедным или стесненным положением кого-либо, чтобы купить от него товар дешевле действительной ценности или продать товар ему дороже, убедившись, что в нем нуждаются»⁶.

Время продажи четко определено: оно длится от рассвета до вечерней зари. Не советуется приходить на базар раньше определенного срока и находиться там после закрытия других лавок, после призыва к вечерней молитве, чтобы продавать свои товары дороже и «в ущерб благочестивым своим братьям-мусульманам».

Торговая сделка между покупателем и продавцом традиционно закрепляется чтением формулы юридического акта (сига). Продающий го-

ворит: «Продал товар на такую-то сумму». Покупатель отвечает: «Купил товар на такую-то сумму». При этом торговля осуществляется за деньги, или товар, или в кредит. При покупке товара в кредит указывается срок возврата долга. Если должник скончался до истечения срока возврата своего долга, должниками становятся наследники покойного. В случае, когда должник не в состоянии возвратить долг, назначенный в срок, этот срок может продлеваться, чтобы дать возможность должнику расплатиться. Продавать товары в кредит по завышенной цене запрещено, но если продавец говорит сам, что повысил цену и называет ее, а покупатель соглашается купить товар на таких условиях, сделка считается законной⁷.

Согласно фикху, аннулирование сделки разрешается в случае, если:

— стороны не покинули места, где был совершен акт купли-продажи товара;

— в торговой сделке обнаружен обман;

— в акте купли-продажи оговаривалось, что обе стороны (или одна из них) вправе расторгнуть их договор;

— при заключении сделки продавец или покупатель поставили какое-либо условие, без выполнения которого сделка является недействительной;

— при заключении договора продавец описывает товар, который покупатель не видит сам, но позже обнаруживается, что его описание не соответствует действительности;

— покупатель заключил сделку с продавцом, по которой обязался взять у него товар за наличные деньги, но не представил их в течение трех дней, продавец имеет право расторгнуть сделку, так как покупатель не ставил условий об отсрочке платы за товар и т. д.

Произвольное аннулирование торговой сделки фикхом не допускается. Для этого должны быть веские основания. Среди таковых — явные и скрытые дефекты товара. Однако покупатель может и не расторгать сделки, но потребовать за дефект определенную сумму. Из-за некачественности купленного товара покупатель не вправе поднимать вопрос о расторжении торгового договора, если:

— при покупке знал о дефекте товара;

— заведомо согласился купить товар с дефектом;

— при покупке товара заявил, что в случае обнаружения дефекта не будет предъявлять иск и требовать суммы за дефектность.

Данную сумму покупатель вправе требовать, если:

— товар был использован после покупки;

— дефект товара был обнаружен по истечении срока действия торговой сделки;

— покупатель после заключения торгового соглашения аннулировал право возврата товара продавцу⁸.

Согласно фикху, от тех, кто занимается торговлей, требуется быть совершеннолетним, находиться в здравом уме, знать правила торговли, не выделять мусульман среди покупателей.

В исламе традиционно придается большое значение промериванию личных и профессиональных качеств коммерсанта по шкале «благочестивой дозволенности» и «законности», с одной стороны, «запретной греховности» и «незаконности» — с другой.

Н.Е. Торнау, составивший себе имя солидными трудами по фикху еще во времена Российской империи, особо подчеркивал, что «мусульманин, не исполняющий в точности хотя бы внешних обрядов религии, считается неблагочестивым, ненадежным лицом. Он через это лишается в мусульманской среде доверия, не допускается, например, к свидетельству, к опекунству и т. д.». Недостойными доверия считаются лица, занимающиеся запрещенной, не одобряемой шариатом деятельностью, преданные пьянству, развратной жизни, ростовщичеству, клеветничеству и т. д. А потому «более чем странным должно казаться мусульманам, когда лица, лишены доверия в их обществе и как бы некоторых гражданских качеств, признаются в христианских обществах лицами, заслуживающими полного доверия и уважения»⁹.

Главные добродетели в отношении правоверного с Богом традиционно включают в себя искренность в вере (ихлас), богобоязненность (таква), упование на Бога (таваккуль), стойкость/терпение (сабр) в отстаивании дела Божьего, признательность Всевышнему (шукр).

Что касается добродетелей в отношении с другими людьми и самими собой, то важнейшие из них — справедливость (даже по отношению к неверным и врагам) (адль, кыст); доброта/милость ко всем тварям Божьим (ихсан, рахма, рифк); почтение и доброта к родителям (бирр аль-валядейн), доброта к родственникам и соседям; особое милосердие к бедным и неимущим, сиротам; великодушие и прощение (афу, сафх); скромность, правдивость, верность, трудолюбие, стремление к знанию. Среди пороков особое значение придавалось ростовщичеству, порицалось обмеривание, обвешивание при торговле, осуждались спекулятивные манипуляции с ценами¹⁰.

В свете тех событий, которые в настоящее время связаны с подъемом движения за «возрождение ислама» во многих афро-азиатских странах, вполне закономерным является то большое значение, которое повсеместно придается исламской этике, в том числе — ее культивированию в сфере торговли. В наибольшей мере это удастся тогда, когда дело касается коммерсантов, действующих на внутреннем рынке.

Тем временем в защиту новых правил и способов коммерческой деятельности решительно выступает мусульманская бизнес-элита, стремящаяся укрепить свои позиции в системе внешней торговли и мирохозяйственных связей.

С конца XX в. эти выступления получают немалую поддержку со стороны либерально настроенной части интеллектуальной элиты, представленной учеными, которые специализируются в области изучения экономики, работая у себя на родине, других восточных странах или за рубежом, в том числе в США, Канаде, Западной Европе.

Все эти ученые решительно настаивают на том, что в условиях глобализации можно и должно получать немалые выгоды от международного разделения труда и от экономического обмена в мировом масштабе. А потому не следует медлить с использованием тех финансовых инструментов современного бизнеса, которые способствуют возрастанию предпринимательских доходов. Одновременно оговаривается необходимость мер, призванных по возможности нейтрализовать и блокировать негативную реакцию приверженцев традиционно-исламских методов торговой и предпринимательской деятельности на любые нововведения в сфере экономической жизни.

А потому в той или иной мере принимаются в расчет не только многовековые традиции мусульманского предпринимательства, но также опыт преломления этих традиций в деятельности исламских банков.

Характеризуя данные банки как «новое явление в экономической жизни современного мира» на исходе XX в., в качестве их родового признака А. О. Филоник определил «отказ от взимания процентов по вкладам».

Справедливости ради следует отметить еще один признак — наличие специального фонда. Он формировался за счет сумм, которые проходили по статье взимания исламского налога — закята в форме соответствующих отчислений с банковских счетов. Средства фонда расходовались исключительно на благотворительные цели, предусмотренные шариатом. Еще на этапе своего становления исламские банки, по заключению А. О. Филоника, сумели стать «весьма важной составной частью финансовых систем арабских нефтеэкспортирующих государств, и в этом качестве смогли оказать определенное воздействие на характер и порядок функционирования этих систем». Однако они занимали в мировой банковской практике «достаточно скромное место»¹¹.

Со временем позиции исламских банков заметно усилились, чему немало способствовало то, что, занимаясь, в отличие от коммерческих банков, также торговыми операциями, они использовали методы и приемы работы, которые по форме, отчасти и по существу, сохраняли преемственность с отдельными традициями мусульманского предпринимательства прошлого времени.

При осуществлении исламскими банками торговых операций наиболее широко применялись и применяются в настоящее время технологии, известные как мудараба, мурабаха и салам.

Как финансовая технология мудараба основывается на контракте, по которому весь капитал предоставляется банком, в то время как другая сторона (мудариб) ведет бизнес, т. е. прилагает личные усилия и тратит свое время для выполнения данного контракта. Пропорциональное распределение прибыли от деловой сделки определяется взаимным соглашением. Но потери, в случае их возникновения, приходится на долю банка, если только они не были вызваны халатностью или нарушением условий договора мударибом¹².

Технология мурабаха используется главным образом для финансирования торговли. В этом случае осуществляется договор купли-продажи по цене, согласованной участниками этой сделки, но включающей в себя надбавку продавца к стоимости товара. С точки зрения современного применения данной технологии, примечателен, в частности, опыт исламского банка Дубай, связанный с практикой аккредитивов. Операция мурабаха представляет собой ряд следующих процедур:

- клиент открывает в банке аккредитив для ввоза товаров из-за границы. Он делает это посредством подачи заявления, где дается необходимая информация;

- после тщательной проверки заявления банк открывает аккредитив на имя клиента и высылает копии корреспондирующему банку за границу и экспортеру;

- клиент подтверждает намерение купить товары и обговаривает с экспортером цену товаров, а также условия его поставки;

- экспортер организует вывоз товаров и отправляет документы корреспондирующему банку за границу. Вслед за поставкой товара корреспондирующий банк уведомляет в данном случае банк Дубай и пересылает соответствующие документы;

- после подтверждения банком того, что он получил присланные ему товары, а также документы, банк подписывает Договор купли-продажи с клиентом¹³.

Многими исламскими банками стран Ближнего и Среднего Востока технология мурабаха используется для финансирования покупок автомобилей, т. е. таких товаров, которые могут быть объектом залога. Физические лица подают заявление в банк с запросом о покупке авто. Клиенты обещают купить машину на позднем этапе. Банк выдает инвойс продавцу, который регистрирует авто на имя банка. Продавец передает необходимый документ банку и получает оплату. После получения соответствующей гарантии банк продает машину покупателю с оформлением регистрации на его имя и с условием последующих выплат в виде отсроченных взносов. Гарантия может ставить в качестве условия возможность залога машины банку. Кроме того, мурабаха схожим образом применяется для покупки земли и зданий¹⁴.

Функции исламского банка как торгового учреждения более всего связаны с технологией салам, или бай' ас-салам, которая воплощается в продаже товара с отсроченной поставкой против наличного платежа¹⁵.

Согласно договору по типу салам, банк выделяет своему клиенту-коммерсанту сумму, равную стоимости товара. В свою очередь этот клиент обязуется поставить данный товар к согласованному сроку в соответствии с обговоренной сторонами спецификацией. Таким образом, банк выступает своего рода заказчиком, а другая сторона — исполнителем (подрядчиком).

В свете финансовых технологий, уже освоенных исламскими банками к настоящему времени, решение проблемы фьючерсов и опционов будет означать преодоление одного из тех барьеров, которые препятствуют не только экономической модернизации стран мусульманского Востока, но также прорыву крупного мусульманского капитала к новым, более устойчивым позициям в системе мирохозяйственных связей.

Примечательной фигурой среди теоретиков инновационных подходов к проблеме кардинальной модернизации технологии мусульманского бизнеса и его организационно-правовых основ является Мухаммад Хашим Камали¹⁶.

Одним из мощных препятствий на пути экономического роста и успешного развития форм современного рыночного хозяйствования на мусульманском Востоке он видит неспособность большинства живущих там людей осознать ту роль, которая в современных условиях принадлежит интеллекту и человеческому разуму в деле освоения новых, нетрадиционных инструментов предпринимательства¹⁷. А потому необходимо, чтобы «независимые юристы» взяли на себя задачу формирования в мусульманской среде нового взгляда на экономику, на механизм ее современного функционирования, обратившись к иджитхаду — исламскому принципу самостоятельного суждения по вопросам, напрямую не получившим освещения в первоисточниках ислама — в Коране и Сунне¹⁸.

Фьючерсные контракты и опционы, отметил Мухаммад Хашим Камали, могут способствовать более упорядоченному функционированию местного рынка, вводя в него элементы рационального планирования, обеспечивая определенную подстраховку предпринимательского риска, благоприятствуя реализации ценовой политики «золотой середины».

Тем-то практически важен уже имеющийся на Западе опыт использования фьючерсов и опционов, что в условиях рыночной экономики любой хозяйствующий субъект не огражден от рисков, обусловленных, в частности, колебанием цен на рынке.

Данный опыт, отмечалось далее, имеет определенное значение для рационализации бизнеса по причине своеобразной специализации участ-

ников фьючерсных операций. Помимо тех, кто фигурирует там в качестве бизнесменов и менеджеров, которые заняты в сфере реального производства и которым невыгодно принимать на себя риски, возникающие при ценовых колебаниях, действуют лица, готовые взять на себя подобные риски, надеясь извлечь доход при возможном повышении цен в будущем.

По утверждению Мухаммада Хашима Камали, укоренение практики использования фьючерсов и опционов может находиться в основе политики сбалансированного сдерживания экстремальных кризисных ситуаций, обусловленных либо стремительным падением цен, либо, наоборот, их безудержным ростом. Реализация такой политики имеет особое значение для аграрного сектора, доминирующего в экономике подавляющего большинства афро-азиатских стран, для сравнительно стабильного поддержания доходов фермеров и сельскохозяйственных рабочих.

Сославшись на успешный опыт одиннадцати американских фьючерсных бирж, одной канадской, а также других, находящихся в таких крупных городах, как Лондон, Гонконг, Токио, Париж, Сингапур, Куала-Лумпур, Сидней и Джакарта, Мухаммад Хашим Камали сформулировал ряд установочных положений, нацеленных на признание биржевой деятельности в качестве дозволенной и законной в свете ислама.

Прежде всего он обратил внимание на то, что возможность риска и спекуляций при реализации фьючерсных сделок и опционов объективно уменьшается тем, что данная процедура поставлена в жесткие организационно-нормативные рамки. Так, при заключении соответствующего контракта в качестве биржевого партнера выступает специальный институт в виде клиринговой палаты, каждый желающий совершать операции с фьючерсами должен открыть в ней позицию. Сделки могут заключаться лишь в пределах тех сумм, которые имеются у соответствующего лица в клиринговой палате. Тем самым существенно минимизируется риск как таковой, что вполне согласовывается с важнейшей установкой исламского права на соблюдение публичного интереса (масляха).

Полагая, что весьма некорректно обращаться к временам Средневековья с тем, чтобы найти там некое подобие современных форм коммерческой деятельности, Мухаммад Хашим Камали оговорил необходимость приведения исламского права (фикха) в соответствие с реалиями современной жизни с помощью иджитхада¹⁹, т. е. рационального поиска решений по вопросам, оставленным в первоисточниках ислама — в Коране и Сунне — без точных детализированных правил.

По его мнению, не должен абсолютизироваться, как это делают противники фьючерсных сделок и опционов, хадис, согласно которому Пророк однажды высказался относительно недопустимости торговой сделки

в том случае, если продавец не имеет при себе продаваемого товара. Понимание данного хадиса, отмечалось далее, в каждом конкретном случае зависит от того, будет ли делаться упор на профилактике возможного мошенничества со стороны продавца, или же на том, что в принципе данная сделка могла быть как таковая.

Государственные законодательства ряда мусульманских стран Ближнего Востока, подчеркивает Мухаммад Хашим Камали, не ограничивают основные права участников торговых сделок, последовательно преодолевая некоторые ограничения, которые традиционно накладывает на эти сделки исламское право. Так, закон Дубая о контракте (1971 г., ст. 36, 37), а также Гражданский кодекс Объединенных Арабских Эмиратов (1985 г., ст. 126) предоставляют сторонам контракта право вводить в него любую статью при условии, что данная статья не противоречит общественному порядку и морали²⁰.

Оговорив весьма емкое наполнение такой категории, как гарар (букв. риск), в применении к торговым сделкам, Мухаммад Хашим Камали счел нужным подчеркнуть, что не следует смешивать подпадающий под эту категорию предпринимательский риск в условиях свойственной рыночной экономике неопределенности экономической ситуации с заведомым мошенничеством и спекуляцией²¹.

Делу исламского узаконения фьючерсов и опционов, отметил Мухаммад Хашим Камали, вправе служить коранический принцип дозволения (ибахах), согласно которому разрешено все, что напрямую и непосредственно не запрещено Кораном или Сунной²². Как гласит Коран, «не говорите о том, что описывают ваши языки — лживо». «Это — дозволено, это — запрещено», — то ведь Аллах прощающ, милостлив!» (16:116).

Той же цели может служить опора на то, что ислам ориентирован на облегчение человеческой жизни и деятельности (таисир)²³. Ведь согласно Корану, Аллах хочет для людей облегчения и не хочет затруднения (2:185).

Наконец, подчеркивает Мухаммад Хашим Камали, мусульманскими юристами традиционно признаётся свобода заключения контрактов (хуррият ат-таакид), хотя некоторые из них квалифицируются в качестве дозволенных, другие — как запретные²⁴.

В заключение следует отметить, что Мухаммад Хашим Камали имеет немало противников в мире ислама, но вместе с тем — сторонников вовлечения этого мира в систему рыночного хозяйствования и соответственного освоения его финансового инструментария. Во втором случае очевидно стремление соотнесения мирового опыта с местными, прежде всего исламскими традиционными нормативами при их соответственно обновленной интерпретации.

Примечания

¹ См. подробнее: Воронцовский А. В. Современная теория рынка капитала. М., 2010, с. 289, 395, 709, 713. Длинная позиция — позиция той стороны опциона, которая имеет право выбора исполнения или неисполнения данного контракта, или же позиция стороны фьючерса, обладающей правом на покупку базового актива. Противоположная сторона в обоих контрактах занимает короткую позицию.

² См. подробнее: Керимов Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб., 2007, с. 278.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 2. Игры обмена. М., 2006, с. 569.

⁴ Торнау Н. Е. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850, с. 175–187.

⁵ Керимов Г. М. Указ. соч., с. 277.

⁶ Торнау Н. Е. Указ. соч., с. 187–188.

⁷ Керимов Г. М. Указ. соч., с. 272–273.

⁸ Там же, с. 275.

⁹ Торнау Н. Е. Особенности мусульманского права. СПб., 1892, с. 13–14.

¹⁰ Об этом подробнее см.: Ефремова Н. В., Ибрагим Т. К. Жизнь пророка Мухаммада. М., 2009, с. 36–37.

¹¹ Филоник А. О. Исламские банки и возможности становления исламской экономики/Ближний Восток и современность (выпуск 4). М., 1997, с. 76.

¹² См. подробнее: Беккин Р. И. Исламская экономика. Краткий курс. М., 2008, с. 100; Kettel B. Islamic Finance in a Nutshell. L., 2010, с. 25.

¹³ Там же, с. 33–35.

¹⁴ Там же, с. 35.

¹⁵ Беккин Р. И. Указ. соч., с. 107.

¹⁶ Уроженец Афганистана (родился в 1944 г.), выпускник юридического факультета Кабульского университета, одно время занимался там преподавательской работой. Затем исполнял должность прокурора и министра юстиции в правительстве Афганистана, после чего защитил докторскую диссертацию в Лондонском университете, где специализировался в области изучения исламского права и Ближнего Востока. Последующая научно-преподавательская деятельность Мухаммада Хашима Камали была связана с Университетом Мак Гилла в Канаде, а с 1985 г. — с Международным исламским университетом, где он является профессором права. Среди его многочисленных трудов — монографии «Принципы исламской юриспруденции» (Кембридж, 1991), «Свобода мысли в исламе» (Куала-Лумпур, 1997), «Исламское коммерческое право. Анализ фьючерсов и опционов» (Кембридж, 2000).

¹⁷ Islamic Commercial Law. An Analysis of Futures and Options. Mohammad Hashim Kamali. Cambridge, 2003, с. 78.

¹⁸ Там же, с. XI.

¹⁹ Там же, с. 82.

²⁰ Там же, с. 138.

²¹ Там же, с. 86.

²² Там же, с. 66–67.

²³ Там же, с. 70.

²⁴ Там же, с. 74.

Раздел V

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И ТЕРРОРИЗМ**

О. И. Жигалина

КУРДСКИЙ ВОПРОС В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ АЗИИ КАК ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Некоторые особенности современной геополитической ситуации в Западной Азии

Социальные взрывы в Тунисе, Египте, Ливии и в меньшей степени в Иордании, Йемене, Алжире, Марокко, Бахрейне и в других странах красноречиво показывают, что их население выступает против правления лидеров, деятельность которых уже не отвечает велению времени, требует реформ и обновления. При этом Соединенные Штаты, как правило, выступают на стороне оппозиции, предлагая свою помощь. Они не упускают из-под контроля и ситуацию в Западной Азии, где не прекращается террористическая деятельность, способная стать причиной возникновения в регионе социального взрыва. США стараются поддержать здесь проамериканские и выступающие против радикального исламизма силы. Союзниками Соединенных Штатов с их демократическими ценностями и защитой прав человека остаются курды, стремящиеся к обретению собственной государственности, и Израиль.

Вместе с тем, события последних лет в ряде стран Востока и Запада показали, что исламские духовные ценности трудносовместимы с западной концепцией индивидуальных прав, выражающейся в защите демократии и прав человека, свободе самовыражения и СМИ, равноправии полов, прав меньшинств и пр. Долгое время некоторая часть населения мусульманского мира испытывала социально-экономические трудности, заставлявшие его искать на Западе выход из тяжелого положения и несправедливости. В числе мигрантов оказались и курды, составившие в странах Запада и США обширную диаспору, пытающуюся оказывать влияние и на политические процессы в этническом Курдистане. При этом курды, как и другое население исламского мира, отдают приоритет своим национальным корням и традициям.

Американские правящие круги полагали, что посредником, способным соединить Запад и мусульманский мир, станет Турция. В особеннос-

ти после 11 сентября 2001 г. Вашингтон стал рассчитывать на то, что Партия справедливости и развития (ПСР) сможет сыграть роль, аналогичную европейским христианско-демократическим партиям. Однако, как только ПСР достаточно окрепла, турецкая внутренняя и внешняя политика стали претерпевать изменения: страна стала дрейфовать к возрождению османизма. По мнению некоторых аналитиков, новые конституционные реформы показали снижение роли секуляризма и повышение значимости ислама в социальной и политической жизни Турции¹.

Несмотря на то что Турция является стратегическим партнером США и членом НАТО, находящаяся у власти ПСР в своей внутренней и внешней политике использует антиамериканскую и антиизраильскую риторику. Ее позиция определяется сближением со странами, некогда входившими в состав распавшейся после Первой мировой войны Османской империи. Теперь ПСР и гюленисты полагают, что османское правление было «лучшей управленческой системой и лучшим представительством ислама». Этим якобы объясняется их стремление к возврату османизма. По мнению некоторых политологов, даже гюленисты будто бы верят, что «Господь избрал турок, а не арабов или других мусульманских наций» для представительства ислама. Они открывают исламские школы в немусульманских странах, а в мусульманских государствах проводят курс на упрочение позиций их направления ислама².

Государства мусульманского мира активно взаимодействуют между собой, несмотря на имеющиеся противоречия, придерживаясь прагматизма. Так, например, Турция не отказывается, как США, от связей с Ираном, хотя она, так же как и большинство суннитских государств, не хочет регионального усиления шиитского Ирана. ИРИ, например, имеет сложные отношения с Саудовской Аравией и рядом других стран. Но она поддерживает широкие торгово-экономические отношения с Турцией, на которые не повлияли американские санкции. В последующие пять лет предполагается расширить турецко-иранскую торговлю до 30 млрд. долл.³

Кроме того, турецкие правящие круги выражают антиизраильскую позицию в вопросе ближневосточного урегулирования, а премьер-министр якобы поддерживает ХАМАС⁴.

Важную роль в борьбе Турции и Ирана против американского регионального арбитража в Западной Азии играет неурегулированная в обеих странах курдская проблема. Хотя турецкие правящие круги и заявляют о либерализации своей политики в курдском вопросе — использовании курдского языка в школах, развитии курдской культуры и СМИ, реализации в Турецком Курдистане некоторых экономических проектов, — его политический аспект сопряжен со множеством проблем, не поддающихся пока решению турецкого руководства. Вместе с тем, в Турции во взаимоотношениях с курдами становятся популярными идеи османизма⁵, ре-

лизация которых, по-видимому, может способствовать поиску сближения позиций властей и курдской оппозиции.

Имея общие или близкие позиции по ряду международных проблем, в числе которых и курдский вопрос, Турция и Иран стремятся к региональному лидерству и осуществляют свои интересы в Иракском Курдистане. Поддерживая благоприятные политические, торговые и экономические отношения с Курдистанским регионом Ирака, они солидарны по вопросу создания курдского государства, выражая негативное отношение к идее его образования⁶. В реализации своих интересов в Северном Ираке Турция в определенной степени опирается на туркоманское меньшинство Киркука⁷, а Иран стремится создать себе опору среди иракских шиитов. Независимо от этих стран и Сирии Соединенные Штаты осуществляют социальную, политическую и военную поддержку курдов и, по мнению некоторых политологов, «будут использовать их как карту в осуществлении собственных интересов»⁸. Эти обстоятельства требуют от Соединенных Штатов создания для себя новой ролевой модели в мусульманском мире.

Геополитический аспект проблемы независимого Курдистана

Социально-экономические и этнополитические проблемы создают в этническом Курдистане предпосылки для социального взрыва, которым могут воспользоваться курдские националисты для начала процесса формирования курдского государства. Иракский Курдистан, получивший при поддержке США закрепленный в Постоянной конституции страны «специальный» статус и обладающий хорошо тренированными и оснащенными новейшей боевой техникой вооруженными формированиями, хорошей инфраструктурой и новыми аэродромами, может стать его этнополитическим центром. Эта идея согласуется с интересами США в Западной Азии, поскольку курдское государство при определенных обстоятельствах может стать важным плацдармом для продолжения американского плана Большого Ближнего Востока, предусматривающего захват контроля над огромной территорией, простирающейся от Израиля до Пакистана, от Туниса до Южного Кавказа⁹.

Здесь уместно вспомнить опубликованную в 2006 г. американским полковником Р. Петерсом карту перекроенного Ближнего и Среднего Востока, на которой отмечено новообразованное государство Курдистан, в состав которого включены территории Иракского, Иранского и Турецкого Курдистана. Эта задача определяет и «курдскую» политику Соединенных Штатов, заинтересованных в закреплении своих позиций в богатом нефтью и газом районе, а также являющемся «воротами» на Кавказ и Сред-

нюю Азию. Заинтересованность США в укреплении своих позиций в Турецком Курдистане, граничащем с Арменией, и в Иранском Курдистане, имеющем общую границу с Азербайджаном, связана с их стремлением захватить контроль над добычей нефти и газа и их транспортировкой в этой части Западной Азии. Известно, что Международный консорциум еще в 1995 г. принял решение о строительстве нефтепроводов по двум направлениям: первый пролегает по Закавказью (Баку — Супса, черноморский порт Грузии); второй — через территорию Турецкого Курдистана к средиземноморскому порту Джейхан. Эти программы рассчитаны на 40 лет. Отрезок трубопровода, проходящий по земле турецких курдов, имеет межрегиональное значение, соединяя Средиземноморье с Каспием и внутренними районами Евразии.

Кроме того, если будет построен газопровод, соединяющий азербайджанское месторождение Шах-Дениз с турецким городом Эрзерумом (через который уже проходит газопровод, связывающий Турцию и Иран), Соединенные Штаты, обеспечив себе позиции в Восточной Анатолии с помощью курдов, смогут контролировать поставки энергоносителей из Центральной Азии в Турцию.

Перекройка традиционных границ государств Западной Азии задевает не только интересы Турции, Ирана, но и Армении и Азербайджана. Так, турецкие военные, обучающиеся в Военном колледже НАТО в Риме, уже заявили свой протест относительно сокращенной территории Турции на карте генерала Р. Петерса. После этого начальник Генерального штаба Турции генерал Бююканич выразил «решительный протест» председателю Комитета начальников штабов США¹⁰. Некоторые армянские аналитики выражают алармистские настроения, подчеркивающие, что «американский проект “Новый Большой Ближний Восток” — это смерть для Армении и ее стратегических союзников, и только объединенные усилия России, Ирана и Армении способны провалить планы США. По крайней мере, в отдельно взятом регионе планируемого “Нового Большого Ближнего Востока”»¹¹.

Вместе с тем высказываются и противоположные мнения, согласно которым Турция, избавившись по американским планам от нестабильного в политическом и военном отношении Турецкого Курдистана, сможет сосредоточить свои усилия на экономическом развитии оставшейся части государства. Некоторые политологи не без основания подчеркивают, что если Армения выступает против перекройки границ, то Азербайджан, как им представляется, поддержит план расчленения Ирана, поскольку часть его территории, населенной азербайджанцами, может быть к нему присоединена. При этом Россия отсекается от Южного Кавказа и Центральной Азии¹².

Свои интересы в этой части Западной Азии Вашингтон строит на основе укрепления стратегического партнерства с иракскими курдами, меч-

тающими о создании собственного государства. Не случайно курды настаивают на определении внутренних границ Курдистанского региона и борются за включение нефтеносного района Киркука в состав автономного региона. Курдское руководство стремится реализовать положение ст. 140 Постоянной конституции Ирака, согласно которой следует провести перепись населения и через референдум решить проблему Киркука.

Позиция Вашингтона по этому вопросу очевидна. Он поддерживает реализацию ст. 140 иракской конституции, касающейся проблемы установления внутренних границ, а также ст. 142, связанную с вопросом конституционных поправок. Американское руководство выражает готовность помочь курдам в разрешении старых конфликтов, проведении переписи и референдума по проблеме Киркука.

Борьбу курдов за независимый Курдистан поддерживает и Израиль, проводящий в отношении иракских курдов согласованную с американской позицией политику. Он установил с Курдистанским регионом политические и экономические отношения; в Эрбиле функционирует посольство Израиля. Были заключены с курдами экономические, военные контракты и соглашения по безопасности, а также контракты о добыче нефти с крупными израильскими нефтяными компаниями.

Курды рассматривают свое самоопределение в Северном Ираке в том числе и через призму израильских интересов в регионе, направленных на свержение режимов в Тегеране и Дамаске. По мнению некоторых аналитиков, действия Израиля в Иракском Курдистане могли бы привести его к эффективной политике свержения иранского режима с помощью привлечения к реализации этой задачи вооруженных формирований оппозиции иранских курдов¹³.

Несмотря на полномасштабные политические, торговые и экономические отношения Турции и Ирана с Курдистанским регионом Ирака, руководство этих стран, как говорилось выше, не поддерживает идею создания курдского независимого государства. Еще в 1992 г. в Анкаре состоялось заседание министров иностранных дел Турции, Ирана и Сирии, на котором было принято решение отстаивать принцип территориальной целостности.

Хотя Турция и является близким союзником и стратегическим партнером США, позиции этих государств по вопросу создания курдского государства не совпадают. Позиция турецкого руководства определяется его озабоченностью сохранить территориальную целостность страны, экономическую стабильность и стремлением не допустить усиления США и Израиля в Восточной Анатолии, а также на Кавказе (особенно в Азербайджане и Грузии). Турция противится тому, чтобы США и Израиль использовали курдский фактор как препятствие для осуществления турецких интересов на Кавказе и в Прикаспии.

Если принимать во внимание карту Р. Петерса, то отторжение Турецкого Курдистана существенно ослабит геополитическое значение Турции в Западной Азии и не будет содействовать осуществлению ее стратегических планов в отношении Центральной Азии, Кавказа и России. Курдское государство, состоящее из двух или трех частей этнического Курдистана, будет граничить с Арменией, окруженной расширенным Азербайджаном и Грузией. В перспективе американские исследователи не исключают и объединения курдского государства с Арменией, которое окончательно отбросит Турцию от Кавказа и Средней Азии и существенно ослабит российские позиции на Кавказе¹⁴.

Американская политика, направленная на поощрение националистических настроений курдов этнического Курдистана, угрожает Ирану дестабилизацией и распадом по этническим «квартирам». Особенно это касается Иранского Курдистана и Азербайджана (а также Белуджистана), где сохраняется военно-политическая напряженность. Создание курдского независимого государства за счет отторжения Иранского Курдистана чревато не только потерей Ираном существенной части своей территории, населенной курдами и азербайджанцами, но и ущемлением его интересов в Закавказье, Средней Азии и на Каспии. С проблемами Каспийского региона связаны вопросы сооружения транскаспийских газопроводов, которые поставляли бы туркменский природный газ в западном направлении, в обход территории как Ирана, так и России. Сооружение транскаспийских трубопроводов в рамках проекта «Набукко» соответствует, однако, интересам иракских курдов, поскольку позволит им участвовать в их наполнении курдистанским газом. В 2010 г. в Иракском Курдистане было открыто новое месторождение природного газа. И это существенно усиливает его экономическую значимость.

Рост националистических настроений в Турецком и Иракском Курдистане не может устроить Иран, поскольку любая дестабилизация обстановки и вспышка национализма может распространиться и на Иранский Курдистан. В связи с этим иранское руководство проводит политику подавления националистических проявлений курдской оппозиции в стране, а также преследует своих курдских оппонентов даже за пределами ИРИ¹⁵.

Однако некоторые представители политических кругов иракских курдов считают, что проблема передела границ региона не является фактором «стабилизации или дестабилизации»¹⁶. Вместе с тем передел границ Западной Азии способен вытеснить Россию с Кавказа, из Центральной Азии, ослабить ее влияние в зоне Каспия, а также создаст условия для невозможности возвращения ее позиций в Ираке и зоне Персидского залива.

После принятия в Ираке Постоянной конституции в 2005 г. и оформления Курдистанского региона Ирака в качестве субъекта нового федера-

тивного иракского государства Российская Федерация установила с ним политические отношения. В 2007 г. в его столице Эрбиле было открыто Российское Генеральное консульство; начались попытки торгово-экономического сотрудничества. Однако российские предприниматели считают пока ненадежными условия в Иракском Курдистане для развертывания российского бизнеса, в особенности в деле транспортировки газа и его добычи, как из-за общей нестабильной обстановки в Ираке в целом, так и разногласий между курдским руководством и центральными властями.

Таким образом, налицо поляризация интересов международных и региональных политических сил по вопросу трансформации традиционной конфигурации региона Западной Азии. В глобальной борьбе за контроль над энергоносителями и их транспортировкой курдские вооруженные формирования и заинтересованность курдов создать свое независимое государство могут быть использованы как средство для осуществления американского проекта Большого Ближнего Востока. Несмотря на то что курды могут осуществить свою мечту, проамериканское государство Курдистан станет первым этапом реализации «больших планов» в отношении Кавказа и Центральной Азии. Турция и Иран стремятся препятствовать этому процессу, поддерживая латентность внутривосточных конфликтов, в частности в Курдистанском регионе Ирака. Особенно иракские курды опасаются того, что вывод американских войск из Ирака, намеченный на конец 2011 г., внесет смуту в стране и вызовет обострение внутривосточных конфликтов в Иракском Курдистане и нестабильность во всем Ираке.

Проблема курдского самоопределения в Ираке

Оккупация Ирака коалиционной армией и свержение диктаторского режима С. Хусейна в 2003 г. стали судьбоносными событиями в истории курдов этнического Курдистана, разделенного после Первой мировой войны границами четырех государств (Турции, Ирана, Сирии и Ирака). Оставаясь жителями этих государств, курды, однако, всегда стремились к самоопределению курдских ареалов либо в форме автономии в рамках стран проживания, либо созданию курдского национального государства на территории одной или всех частей разделенного этнического Курдистана. Этот вопрос широко обсуждался курдской общественностью как в этническом Курдистане, так и в обширной диаспоре непосредственно после падения режима С. Хусейна.

Некоторая часть курдской общественности предлагала отделить Иракский Курдистан от Ирака и придать ему независимый статус государства. Они аргументировали тем, что курды не хотели оставаться в составе иракского государства, режим которого угнетал их. Они считали неприемлемым, чтобы иракские арабы или любой иракский парламент решал судь-

бу курдского народа, и рассчитывали на поддержку этого статуса Западом, если он отстаивает демократические ценности и принципы.

Известный курдский общественно-политический деятель К. Миравдели еще в 2003 г. выдвинул проект курдского демократического государства путем создания федеративного Курдистана через отделение Иракского Курдистана от Ирака и присоединения к нему курдских ареалов Турции, Ирана и Сирии. Он настаивал на том, чтобы парламент Иракского Курдистана принял резолюцию, обязывающую коалиционные силы решить статус курдского региона на основе принципов самоопределения. К. Миравдели считал целесообразным застолбить федеративный статус региона в новой иракской конституции с правом на самоопределение курдских районов. К. Миравдели предлагал объединить обе администрации (М. Барзани и Дж. Талабани) и создать единый орган управления курдским федеральным регионом, в который должны войти Киркук с его нефтеносными полями, богатые нефтью окрестности г. Мосула, Синджар на западе от него, Ханекин близ границы с Ираном. Это должно быть узаконено, по его мнению, соответствующей резолюцией ООН. В течение одного года курдам следовало провести референдум и решить, хотят ли они оставаться частью иракского государства или жить в независимом курдском государстве¹⁷.

Руководство Курдского автономного района выдвинуло программу постепенной реализации программы курдского самоопределения. Программинимум ограничивалась закреплением тех преимуществ, которые были достигнуты в течение 12-летнего существования курдской автономии на территории Иракского Курдистана, подконтрольной Демократической партии Курдистана (ДПК), возглавляемой М. Барзани, и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК), руководимым Дж. Талабани. Они выступили за закрепление автономного статуса Курдского региона в новой иракской конституции. В рамках программы-максимум курдские лидеры не исключали осуществление и более глобальных замыслов, связанных с переводом автономного статуса Иракского Курдистана при определенных обстоятельствах на более высокий (независимый) уровень, в который должны войти упомянутые выше населенные курдами районы Ирака.

В 2005 г. в Курдистанском регионе как субъекте иракской федерации были созданы органы регионального управления, Региональное правительство, избран президент, которым стал Масуд Барзани, отстаивавший конституционный статус региона. Во время выборов 30 декабря 2005 г. состоялся неофициальный референдум, показавший, что большинство курдского населения выступает за независимость Иракского Курдистана. В то же время К. Миравдели, ратовавший за создание курдского государства и баллотировавшийся также на пост президента Курдистана, не набрал необходимого количества голосов.

Однако ни мощнейшая опора иракских курдов на поддержку Соединенных Штатов, ни слабый центр и нестабильность в Ираке, ни внутриполитическое и экономическое положение Курдистана и пр. не позволяли курдскому руководству говорить о своем стремлении к независимости. Напротив, М. Барзани всегда подчеркивал в своих выступлениях и снова подтвердил в ноябре 2010 г. мысль о том, что Курдистанский регион является частью иракского государства¹⁸. Вместе с тем в своей заключительной речи на 13-м съезде ДПК, состоявшемся в декабре 2010 г., М. Барзани сказал, что курды как нация имеют право на самоопределение. Это со всей серьезностью было воспринято иракскими политическими кругами.

Между тем в Курдистанском регионе существуют сложные внутриполитические конфликты, способные стать причиной социального взрыва не только в Курдистане, но и в Ираке в целом. Одни из них имеют характер противоречий между коалицией ДПК и ПСК и движением Горран, возникшим в 2006 г. от отколовшейся от ПСК фракции. Другие являются этнополитическими конфликтами. Это вопрос о спорных территориях, в числе которых находится и проблема Киркука, имеющая не только этнополитический, но и этноконфессиональный характер.

Проблема Киркука как фактор нестабильности

Проблема Киркука представляет собой не только сложный территориальный, но и межэтнический конфликт. В его решении заинтересованы не только Багдад и Эрбиль, но также население города и провинции Киркук, в которых, кроме курдов, проживают поддерживаемые Турцией туркоманы, арабы и ассирийцы (христиане). Все они оспаривают право курдов на включение Киркука в состав Курдистанского региона Ирака. Решение этой проблемы требует осторожности и гибкости, поскольку неадекватный подход может взорвать не только Иракский Курдистан, но и весь Ирак с его межэтническими и межконфессиональными противоречиями.

Курды настаивают на решении этой проблемы в рамках принятого законодательства. Еще в 2008 г., накануне муниципальных выборов, премьер-министр Регионального правительства Курдистана Н. Барзани заявил в Дубае, что курды готовы на разделение властных функций между представителями различных национальностей в Киркуке. В то же время он высказал пожелание, чтобы ООН выступила посредником в урегулировании проблемы. Однако курдские СМИ заявили, что курды уже сделали немало уступок Багдаду и затягивание урегулирования проблемы Киркука не идет на пользу ни Эрбилю, ни Багдаду¹⁹.

Отношения между иракским правительством и курдским руководством были весьма напряженными в 2008 г., вылившиеся в вооруженные стычки между курдскими вооруженными формированиями и иракской арми-

ей в районе Ханекина, граничащем с провинцией Диала. Иракские войска пытались продвинуться в этот спорный район. Американцы погасили военные действия. Для них проблема Киркука очевидна. США вряд ли упустят этот нефтеносный район из-под своего контроля. Посетивший Киркук в январе 2009 г. вице-президент США Дж. Байден заявил, что курдам, арабам и туркоманам следует прекратить распри.

Во время формирования местных органов управления в Киркуке заместитель губернатора, арабский суннит, сказал, что американские посредники все равно выступают на стороне курдов. Другой заместитель губернатора высказал мнение, что решение проблемы находится в договоренности между курдами и арабами. Наиболее пессимистичным он считал путь вооруженного решения между курдами и центральным правительством²⁰.

Провинция Киркук обладает 13% иракской нефти²¹. В связи с этим Турция, Иран и Сирия считают, что включение Киркука в состав Курдистанского региона создает основу для провозглашения независимости Курдистана²². Это придает проблеме Киркука и международный оттенок.

При этом тогдашний премьер-министр Ирака ал-Малики заявил, что в конституции записан принцип федерализма. Однако правительство ратовало за централизацию и предоставление больших полномочий центру. Это, очевидно, вызвало негативную реакцию в Курдистане, настаивавшем на децентрализации и усилении роли местного управления.

Между тем иракская армия попыталась создать «военный пояс» вокруг города с целью сокращения контактов его жителей с провинциями Эрбиль и Сулеймания, а также снижения присутствия в нем курдов²³. Это было сделано с целью предотвращения столкновений между курдами и туркоманами. В январе 2009 г. 12-я армия вступила в Киркук.

Однако против развертывания иракской армии в Киркуке выступила курдская милиция и правительство Курдистанского региона, которое обратилось к главнокомандующему американских вооруженных сил в Ираке с просьбой воспрепятствовать этому. После этого центральное правительство приказало курдской милиции покинуть Киркук. Оно заявило, что желает сохранить в нем положение, которое было до апреля 2003 г.²⁴

Задача иракской армии состояла также в том, чтобы уменьшить курдское влияние не только в Киркуке, но также в провинциях Диала и Мосул. В этой связи курды армейских подразделений, участвовавших в этой акции, были направлены в Тикрит, а их место якобы заняли туркоманы и арабы-сунниты²⁵. Все это свидетельствовало о том, что Багдад принимал меры для того, чтобы оставить Киркук под своим контролем и воспрепятствовать процессу укрепления американских позиций в Северном Ираке с помощью курдов, настаивавших на реализации ст. 140 иракской конституции.

Некоторые зарубежные аналитики предполагали, что кризис власти, который может возникнуть после вывода американских войск, спро-

воирует борьбу за власть между курдами и арабами. При этом курдское руководство осуждало ал-Малики за неуступчивость и задержку решения спорного вопроса о нефтяных контрактах и пр. Поэтому курды активизировались с целью создания условий для преодоления кризиса власти после парламентских выборов, прошедших в марте 2010 г.

В процессе выборов вопрос о Киркуке снова встал во главу угла. Для отстаивания интересов Курдистанского региона курды создали Коалиционный Курдский блок, что принесло им 57 мест в парламенте. В дальнейшем они приняли активное участие в переговорах со всеми иракскими фракциями с целью формирования нового правительства и выхода из затянувшегося почти на 8 месяцев кризиса власти. Курдская коалиция разработала программу действий, сформулированную в докладе из 19 пунктов, ставшем основой для переговоров с другими фракциями, а также содержащем условия вступления курдов в любую будущую правительственную коалицию. Очевидно, в числе прочих требований курды настаивали на реализации ст. 140 иракской конституции, способной разрешить среди других территориальных конфликтов и проблему Киркука. Они требовали урегулирования вопросов добычи нефти и газа, статуса пешмерга, предоставления курдам ключевых постов в будущем иракском парламенте и др.

Стабильная ситуация в Иракском Курдистане и участие его руководства в политическом процессе в целом способствует укреплению значимости Курдистанского региона во внутренней и внешней политике Ирака, что находится в прямой заинтересованности США. В переговорном процессе между различными политическими фракциями, участвовавшими в парламентских выборах, М. Барзани, при одобрении Вашингтона, удалось добиться подписания соглашения, ставшего платформой для переговоров по вопросу формирования нового иракского парламента. Это явилось началом выхода Ирака из 8-месячного кризиса власти. Соглашение, по словам М. Барзани, основано на дружбе и уважении всех этносов, сект и религий. Он также отметил, что отношения между Эрбилем и Багдадом будут основываться исключительно согласно конституции страны.

Примечательно, что курды пошли даже на компромисс и поддержали ал-Малики, главу фракции «Государство закона», на посту премьер-министра, который ранее не поддерживал усилия курдского руководства в деле реализации ст. 140. Однако заинтересованность ал-Малики получить наибольшее число парламентских мест и начать процесс формирования нового правительства заставила его изменить свое отношение к вопросу решения спорных территорий. Он пообещал курдам продвинуть решение этого вопроса и заявил, что не будет препятствовать им в проведении референдума по проблеме Киркука. В Мосуле, Киркуке и Диале ал-Малики якобы заявил, что готов реализовать ст. 140 иракской конституции о проведении референдума для решения проблемы Киркука.

Президент США Б. Обама поблагодарил М. Барзани за его усилия в деле решения сложной политической проблемы и подтвердил, что Соединенные Штаты продолжают оказывать помощь Ираку и Курдистанскому региону. Кроме того, в январе 2011 г. президента Курдистана М. Барзани посетил генерал Л. Остин, командующий американскими вооруженными силами в Ираке. Они обсудили проблемы безопасности и политического развития Ирака. Л. Остин отметил, что совместное патрулирование неблагонадежных, с точки зрения безопасности, районов Курдистана продолжится объединенными силами американской и иракской армий, а также силами пешмерга. И это никак не связывалось с планами вывода американских войск из Ирака²⁶.

Это свидетельствует о том, что Соединенные Штаты не собираются ослаблять свои позиции в Северном Ираке. Несмотря на совпадение интересов американцев и курдов, формирование курдского государства является весьма сложным и труднореализуемым предприятием, связанным с внедрением в судьбу не только населения Восточной Анатолии и Северо-Западного Ирана, но и почти всех государств региона. Эта проблема не сможет оказаться бескровной.

Проблема межэтнических и межконфессиональных отношений в Иракском Курдистане

Курдистанский регион Ирака представляет собой сложный этнополитический ареал со множеством внутренних проблем и конфликтов. Хотя большинство его населения составляют курды, на его территории проживают представители различных национальностей (арабы, туркоманы, ассирийцы, турки, армяне, евреи и др.). Кроме мусульман (суннитов и шиитов) здесь проживают христиане, езиды и адепты некоторых других конфессий. В связи с этим курдистанское руководство старается проводить политику уважения прав этнических и религиозных меньшинств. Так, например, Курдистан стал убежищем для иракских христиан. Для их расселения в Эрбиле был построен специальный квартал.

Однако проблема межнациональных отношений является одной из наиболее острых в Курдистанском регионе, способной при определенных обстоятельствах привести к нестабильности курдского ареала.

В начале 2011 г. сложная обстановка сохранялась в Киркуке из-за противостояния арабского и туркоманского населения с курдами. Арабское население города и провинции Таамим обвинило действовавшие в регионе курдские органы безопасности «Асайиш» и курдские вооруженные формирования (пешмерга) в проведении произвольных арестов и содержании задержанных в секретных тюрьмах. 17 января в Киркуке состоялся многотысячный митинг арабского населения. Его участники протестовали против действий местной, преимущественно курдской администрации, потребова-

ли от центрального правительства принять меры по урегулированию «продолжающегося кризиса в провинции», призвав багдадские власти «извлечь уроки» из того, что произошло в Тунисе, заявив, что арабы Киркука пойдут таким же путем, если требования о выводе курдских силовиков из провинции не будут выполнены. В то же время курдские политики назвали арабские угрозы «разжиганием национальной розни». Они призвали к «усилению сил пешмерга в спорных районах для защиты курдского населения»²⁷.

Еще одним источником напряженности в межнациональных отношениях является обострение водной проблемы. Так, недостаточное количество атмосферных осадков и понижение уровня воды в плотине «Дукан» обострило отношения между арабами и курдами за право пользования водными ресурсами. Суть конфликта состояла в том, что крестьяне-арабы обвинили курдов в ущемлении их прав на пользование водой плотины «Дукан». Она была построена в 1955 г. на территории Иракского Курдистана в 75 км от Киркука. Арабы считают, что курды перекрывают плотину в зимний период, когда катастрофически не хватает воды для орошения, в то время как количество осадков, выпадающих в этой местности, крайне мало. Редкие дожди ведут к понижению уровня воды в плотине. Все это в конечном итоге приводит к столкновениям. Арабские фермеры настаивают на том, чтобы центральное правительство взяло ситуацию под свой контроль и обеспечило равномерное и достаточное распределение воды от плотины. Они считают, что курды сократили водоснабжение, чтобы заставить арабов покинуть территории пахотных земель. Представители министерства водных ресурсов утверждают, что закрытие плотины на зимний период является обычной практикой и не должно вызывать у населения беспокойство, так как это делается для сбережения воды на весенний период. В министерстве подчеркнули, что жалобы фермеров-арабов не имеют под собой оснований. В настоящее время между центральным правительством и местными органами нет должной координации действий по урегулированию вопроса о плотине. В связи с этим жители Киркука получают вдвое меньше необходимой для орошения воды. Поэтому остается очень высокой вероятность возникновения новых этнических конфликтов за право пользования водными ресурсами.

Действия Регионального правительства Курдистана направлены на сглаживание межэтнических противоречий.

Некоторые аспекты политической жизни Иракского Курдистана

2011 г. являлся предвыборным годом избрания нового президента Курдистанского региона Ирака. В связи с этим была усилена критика находящейся у власти курдистанской коалиции, президента М. Барзани и мето-

дов его управления. Политической альтернативой Курдистанскому альянсу ДПК — ПСК выступало движение Горран (Перемены), имевшее 25 мест в региональном и 8 мест в иракском парламентах. Его сторонники обвиняли М. Барзани в авторитаризме, притеснении журналистов и свободных СМИ, боязни критики местной власти и т. д. М. Барзани, со своей стороны, критиковал непартийную прессу (не аффилированную с ДПК и ПСК) в создании информационного хаоса и распространении дезинформации. Оппозиционеры с этим были не согласны, заявляя, что партийная пресса находится в руках части политической элиты, которая не ограничивает себя в свободе и заинтересована в замалчивании альтернативных мнений. В результате 90% всех курдских СМИ в регионе подчинено ДПК и ПСК, которые ими руководят. В особенности дискуссия разгорелась по вопросу формирования в Курдистане «нового человека». Руководство региона полагает, что «растление» личности в Курдистане является «преступлением против нации». Его оппоненты считают, что это является результатом «курдской политической практики и модели управления». Они подчеркивают, что курды еще не утратили способности бороться против несправедливости, злоупотребления властью или тех, кто покорно следует указаниям партий. Они выступают за возрождение культуры сопротивления и против плохого имиджа Курдистана, изображаемого якобы некоторыми СМИ, пытающимися будто бы дискредитировать «имидж курдистанского эксперимента». Оппоненты обвиняют представителей региональной власти в использовании двойных стандартов: за рубежом они якобы говорят о демократичности курдистанского эксперимента, ссылаясь на независимые СМИ, а будучи в Курдистане, напротив, обвиняют независимых журналистов и интеллектуалов в дискредитации политического эксперимента курдского самоуправления²⁸.

Таким образом, в Иракском Курдистане наблюдается активная политическая борьба. Особенно активизировались политические силы, оппозиционные существующей власти, выступающие за обновление властных структур за счет искоренения партийного принципа руководства, ее «элитарности и трибальности».

Критика власти и требования ее обновления усилились, очевидно, не без влияния событий на Ближнем Востоке. К этому население подтолкнули и некоторые решения 13-го съезда ДПК, на котором М. Барзани, президент Курдистана и председатель ДПК, заявил, что он готовит себе преемника в лице своего внука²⁹. Его заместителем в партии является его племянник Нечирван, до недавнего времени занимавший пост премьер-министра. Сын Масуда Барзани, Масрур, возглавляет разведывательную организацию «Парастин», а другие его сыновья работают в партии. Семья Барзани имеет прочные позиции в партии и во властных структурах. Так, Дильшад, брат Масуда, является представителем ДПК в Германии, а другие его четыре брата работают в Бюро ДПК при президенте Курдистана³⁰.

Некоторые авторы отмечают внутрисемейную борьбу за контроль над финансовыми потоками между реформаторами в лице Нечирвана и консерваторами в лице Масрура. В течение 2010 г. оппозиционные партии, включая движение Горран, требовали прозрачности всех нефтяных контрактов, заключенных с иностранными компаниями. Однако эта информация осталась неизвестной, что, по мнению некоторых аналитиков, способствует измышлениям независимых курдских СМИ относительно использования семьей Барзани части прибыли и перевода ее на заграничные счета³¹.

Это стало причиной протестных акций за достоинство и демократию, начавшихся в г. Сулеймании. Протестующие заявляли, что власть семьи Барзани удерживается за счет денег, и она не покинет своего места бескровно, но может уйти и мирно. Собравшись на площади Свободы, они требовали независимой правовой системы (власти закона), прозрачности и всеобщих выборов³². Этот протест, по их мнению, был «результатом множества хронических проблем, не решаемых коррумпированной ДПК», не сумевшей преодолеть проблемы безработицы и бедности.

Для разгона демонстрантов были направлены силы безопасности ДПК и ПСК. В результате столкновений было якобы убито 3 курда и 150 ранено³³. Организаторы выступлений пытались их расширить за счет привлечения к участию студентов Сулейманийского университета.

Курдское население было шокировано тем, что выступления оппозиции были подавлены силовыми методами, что дало ей повод сравнивать правление М. Барзани с режимами С. Хусейна и М. Каддафи, которые не хотели уходить бескровно. В то же время она ассоциировала волнения в Сулеймании с аналогичными событиями в Египте, Тунисе и Ливии³⁴. А действия властей квалифицировались как «опасный образец курдской политической культуры». По мнению некоторых аналитиков, «правлящие круги не готовы взять на себя ответственность относительно требований маргинализированной части населения» Курдистана. При этом протестующие используют ненасильственные методы борьбы, такие как в Египте и Тунисе, свидетельствующие о «высокой морали движений против ориентированных на Макиавелли авторитарных режимов»³⁵.

Традиционно северо-восток Курдистанского региона находился под контролем ПСК. В связи с этим волнения в этом районе против засилья семьи Барзани во властных структурах, по-видимому, являются попыткой расколоть альянс ДПК — ПСК на основе передела финансовых потоков. Провоцирование дестабилизации ставит под сомнение позитивное развитие Курдистанского региона Ирака.

Как известно, в 90-е годы противостояние этих партий вылилось в вооруженное столкновение между ДПК и ПСК, которое было прекращено при американском посредничестве. Однако теперь организаторы протес-

тов выступают за ненасильственные методы борьбы и стараются вовлечь в нее курдскую молодежь, которой они ставят в пример М. Ганди и его лозунг «Ненасилие — оружие силы». Именно дух Ганди, по их мнению, должен вывести молодежь на улицы³⁶.

В нынешней геополитической ситуации действия курдской оппозиции вряд ли могут считаться конструктивными, поскольку за время существования Курдистанского региона в составе иракской федерации курдское руководство было гарантом его стабильности. Вместе с тем социальная суть курдистанского общества претерпела незначительные изменения, оставаясь в значительной степени консервативной. Прислушиваясь к советам своих старших наставников, курдская молодежь вряд ли изменит традиции следования своим признанным вождям. Тем более что оппозиция не выдвигает нового лидера, роль которого в истории курдского народа может сравниться с именем Масуда Барзани и его семьи.

Итак, как следует из изложенного, под влиянием событий на Ближнем Востоке в курдском общественном мнении этнического Курдистана актуализируется проблема независимого курдского государства. Его создание совпадает с заинтересованностью США и противоречит интересам Ирана, Турции и Сирии, а также касается интересов Армении, Азербайджана и отчасти России. Она имеет не только политический, но и экономический аспект и может обострить существующие в курдских ареалах этнического Курдистана латентные этнотерриториальные и межэтнические конфликты. Осложнению ситуации служат и политические противоречия между различными политическими течениями в Иракском Курдистане, где активизировалась оппозиция существующей в Курдистанском регионе власти. Она выступила против засилья семьи Барзани в структурах власти, против методов правления М. Барзани, за обновление системы управления, законодательной реформы и прозрачности оборота финансовых средств от продажи нефти и т. д. Однако расшатывание внутривнутриполитической ситуации в регионе чревато возникновением сложного затяжного этнополитического конфликта, в который могут быть втянуты не только региональные, но и международные силы, заинтересованные в контроле над нефтяными и газовыми месторождениями этнического Курдистана и средствами их транспортировки.

Примечания

¹ The Structure of the Muslim Nations in the Middle East: The Role of Turkey in the Region. — <http://www.kurdishaspect.com/doc020211AM.html>

² America has lost its Power in the Middle East. No one will Listen to America any more. — <http://www.Kurdishaspect.com/doc021111AM.html>

³ Там же.

⁴ The Structure of the Muslim Nations in the Middle East: The Role of Turkey in the Region. — <http://www.kurdiaspect.com/doc020211AM.html>

⁵ Ozoglu H. Kurdish Notables and the Ottoman State. N.Y., 2004.

⁶ Свистунова И. А. Иракский фактор во внешней политике Турецкой республики. М., 2006.

⁷ Мосаки Н. Иракские туркоманы во взаимодействии различных политических сил и Турция. — Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI в. М., 2006.

⁸ America has Lost ...

⁹ Достоинно ответить на надвигающиеся вызовы. — http://www.kurdistan.ru/2011/02/06/articles-8899_Dostoyno_jtvetit_na.html

¹⁰ Достоинно ответить на надвигающиеся вызовы. — http://www.kurdistan.ru/2011/02/06/articles-8899_Dostoyno_otvetit_na.html

¹¹ Достоинно ответить на надвигающиеся вызовы. — http://kurdistan.ru/2011/02/06/articles-8899_Dostoyno_otvetit_na_.html

¹² Достоинно ответить на надвигающиеся вызовы...

¹³ Another approach to reclaim Kirkuk, disputed areas back. — <http://www.kurdiaspect.com/doc090710BB.html>

¹⁴ Olson R. The Kurdish Question and Geopolitic and Geostratigic Changes in the Middle East afer the Gulf War. — Journal of South Eastern and Middle East Studies, vol. VII, № 4, Summer 1994, с. 44–67.

¹⁵ Koohi-Kamali F. The Political Development of the Kurds in Iran. Pastoral Nationalism. N. Y., 2006.

¹⁶ Хошави Б. Курдистан: перспективы курдской государственности. — Курдский вопрос на рубеже тысячелетий. М., 2004, с. 40.

¹⁷ Miravdeli K. American policy in Iraq: the dialect of occupation and liberation. — <http://www.mywebpage.netcape.com/KO%20News/1-7-03-opinion-kamal-us-policy-in-irg-1...>

¹⁸ Iraqi Kurdistan leader Massoud Barzani. — <http://www.peyamner.com/details.aspx?1=4&id=210682>

¹⁹ Kirkuk out of content and character!"No a referendum, but a solution". — <http://www.kurdishaspect.com/doc060708AA.html>

²⁰ Ethnic tension in Kirkuk turn U. S. military into mediator. — <http://www.kurdishaspect.com/doc030909ND.html>

²¹ Middle East Times, 18.02.2009.

²² Rising Arab-Kurdish Tensions over Kirkuk Will Complicate U.S. Withdrawal from Iraq. — <http://www.kurdishaspect.com/doc022509RM.html>

²³ Kurdish Globe, January 22, 2009.

²⁴ Trouble in northern Iraq: Thousands of troops flood Kirkuk in crackdown on Kurds. — <http://www.kurdishaspect.com/doc020609WT.html>

²⁵ Там же.

²⁶ President Barzani meets US General Lloyd Austin, Commander of US forces in Iraq. — <http://www.peyamner.com> 12.01.2011.

²⁷ Юрченко В. П. Военно-политическая обстановка в Ираке (январь 2011 г.). — <http://www.kurdistan.ru> 2011–02–08

²⁸ What did Kurdistan Regional President say? — <http://www.kurdishaspect.com/doc010511FV.html>

²⁹ The Tangled Web that Keeps Massoud Barzani in Power. — <http://www.kurdishaspect.com/doc022711MA.html>

³⁰ Gunter M. M. The Kurdish Predicament in Iraq. A political Analysis. L., 1999, c. 17.

³¹ The Tangled Web...

³² Там же.

³³ The City of Sulaymaniah, Sad, Depressed and Uncertain. — <http://www.kurdishaspect.com/doc022411MA.html>

³⁴ The Nangle Web...

³⁵ Post-ideological Revolutions: Right versus Might. — <http://www.kurdishaspect.com/doc022711HA.html>

³⁶ Там же.

К. В. Вертяев

«КУРДИЗМ» КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Острота и актуальность современного курдского вопроса на Ближнем Востоке стоит особняком среди прочих важных политических проблем этого региона. Проживающие на стыке четырех сопредельных государств, курды до сих пор остаются крупнейшей нацией в мире, не имеющей собственного государства. Острота курдского вопроса в современных геополитических условиях и, особенно, в свете политических изменений в странах Ближнего Востока и Северной Африки заставляет современных политологов обращаться к исторической перспективе возникновения и развития этой проблемы. Сейчас его актуальность неразрывно связана еще и с кризисом стабильности наций-государств, когда происходит трансформация смыслового различия, отделяющего современные понятия нации, государства, центральной государственной власти и национально-освободительных движений. Это сопоставление происходит наряду с живучестью убеждения, что только лишь независимые государства способны обеспечить нациям и народам процветание, благополучие, безопасность, а также гордость и международное признание.

В этой связи многими международными аналитиками гипотетическая возможность создания независимого Курдистана¹ рассматривается через призму различных геополитических интересов в ближневосточном регионе. В самой же Турции идея независимого Курдистана неизбежно вызывает вполне однозначные и ожидаемые чувства о недопустимости сепаратизма и отделения от Турции юго-восточных провинций. Возможность признания де-факто и де-юре независимого Курдистана на севере Ирака в границах Курдского автономного региона (КАР) в нынешних геополитических условиях также вызывает категорическое неприятие Анкары, которая рассматривает независимое государство курдов как возможный плацдарм для дальнейшего расширения границ такого независимого образования за счет юго-восточных провин-

ций своего соседа. Насколько оправданы подобные страхи властей Турции — вопрос неоднозначный.

Политическая модернизация, проводящаяся сейчас в Турции усилиями правящей уже более восьми лет Партии справедливости и развития (ПСР), подразумевает превращение Турции в государство — лидера Ближнего Востока. Одной из важных целей политической модернизации является существенный пересмотр некоторых базовых внутривластных идеологических установок кемалистской Турции, которые зиждились на непоколебимом тезисе: «одно государство — одна национальность». Это достаточно одиозное положение до сих пор закреплено 66-й статьей ныне действующей турецкой конституции образца 1982 года. Ожидания Турции в отношении европейской интеграции неизменно наталкиваются на необходимость внесения изменений в основной закон, включая изменения подходов к принципу национального строительства, о чем особенно настаивают сторонники оппозиционной Партии мира и демократии (ПМД), представляющей интересы курдских националистов, идейно близких Абдулле Оджалану.

Для современной политической жизни страны фигура Оджалана крайне противоречивая. С одной стороны, множеством стран сам Оджалан и его партия признаны террористами. Но с другой — Оджалан, как политическая фигура, активно позиционируется сейчас многочисленными сторонниками Партии рабочих Курдистана (ПРК)² как инициатор мирных шагов по демократическому решению курдского вопроса и со всей очевидностью стремится стать легитимной политической фигурой в жизни страны.

В частности, сторонники курдской автономии в лице Партии мира и демократии, представляющей сторонников Оджалана в легальном политическом секторе, акцентируют достаточно спорный аспект вступления Турции в ЕС, вызывающий категорическое неприятие Анкары, который касается положений о создании регионального правительства в этнически обособленном ареале, что подразумевает существенную автономизацию курдского региона Турции. Однако, в отличие от схожих политических структур в странах Западной Европы, в Турции нет в настоящий момент устоявшегося легитимного основания для создания подобных органов власти в курдской периферии, как, например, в Стране Басков в Испании. Более того, именно положение о региональном правительстве вызывает крайнее недовольство Анкары и является одним из главных препятствий для вступления Турции в ЕС. По сути, во внутривластном багаже Турции в настоящее время нет политиков административных и правовых принципов решения курдского вопроса, кроме единственного унитаристского принципа неделимости турецкой нации, зафиксированной в указанной статье конституции.

Как известно, правительство Р. Эрдогана уже предприняло две попытки изменить конституцию страны: в октябре 2007 г. и в сентябре 2010 г.

Однако курдские националисты сочли эти меры, связанные в основном с реформированием полномочий суда и изменением сроков президентства, половинчатыми, политически ангажированными и не учитывающими интересы курдского народа в Турции. Таким образом, борьба за отмену дискриминационных положений конституции страны становится важным политическим ресурсом курдских националистов на всеобщих парламентских выборах, которые пройдут в июне 2011 г. Примечательно, что из-за высокого десятипроцентного барьера представители ПМД, вступив в коалицию с двумя другими менее заметными прокурдскими партиями и образовав «курдский блок», будут бороться за депутатские места в качестве независимых кандидатов, отказавшись участвовать партийным списком.

Выборы в меджлис в июне 2011 г. помимо прочего свидетельствуют еще и о «ренессансе» политических интересов различных этноконфессиональных групп, акцентирующих фактор «мультикультурности» современной Турции. Так, в качестве независимых кандидатов в парламент страны баллотируются представители иудейских и несторианских общин. Кроме того, в Тунжели (Дерсиме) была создана организация дерсимских армян, которые на протяжении всего республиканского периода по разным причинам вынуждены были скрывать свое армянское происхождение.

Что же касается зародившегося еще в начале XX века, еще на заре младотурецкой революции, курдского национального движения Турции, то оно становится объектом пристального исследования современных политологов, в том числе и с точки зрения того, насколько явление курдского национализма (или как его называют в Турции — «курдизма») вписывалось в политическую систему Османской империи в период ее распада, а также в республиканскую политическую историю.

Большинство современных ученых — турецких, курдских и западных, таких как Х. Озглу, Б. Шимшир, Т.З. Экинджи, М. Акйол, Н. Кутлай, Д. Макдауэлл, М. Ван Бруйнессен, Дж. Клейн, Мальмисаниж и В. Жвайдех — относят зарождение курдского национального движения в Османской империи к самому началу XX века, давая, таким образом, благоприятную возможность понять место и роль национальных устремлений курдов в становлении современного турецкого государства в спектре различных научных подходов к этой проблеме.

Важной особенностью такой научной политической дискуссии является формирование в среде курдских национальных элит Турции собственных научных взглядов и интересов, что в целом способствует созданию атмосферы плюрализма в турецком обществе. И если раньше многие исследователи курдского вопроса в Турции связывали «курдизм» исключительно с террористической деятельностью Партии рабочих Курдистана по принципу «Курдский вопрос = ГТРК», «ПРК = террор»³, а другая

часть пыталась объяснить феномен курдского вопроса исключительно социально-экономической неразвитостью района компактного проживания курдов⁴, то сейчас в современных научных кругах страны наблюдается стремление максимально объективно осветить все непростые вопросы, связанные с характером межэтнических отношений в стране на фоне взаимодействия различных групп, элит и политических сил. Это тем более актуально, что в современных турецких реалиях курдский вопрос становится своеобразным политическим козырем, элементом политической борьбы и пиара различных партий и политических сил, стремящихся привлечь курдов на свою сторону, предлагая свои рецепты решения закоренелого конфликта, а по сути, занимаясь политической агитацией в среде компактного проживания курдского народа. В целом можно сказать, что сейчас в Турции сама дискуссия по курдскому вопросу с участием ученых, журналистов, а также функционеров различных политических партий страны, причем иногда с диаметрально противоположными идеологиями, служит позитивной цели предотвращения межнационального недоверия в обществе.

Анализируя специфику зарождения курдского национального движения в Османской империи с использованием разновекторных научных подходов, мы должны учитывать, что эти подходы могут определяться как национальной идеологией, так и любой другой политической идеологией, которая стремится быть национальной (турецкой, курдской, армянской, ассирийской — какой угодно). Поэтому тот или иной ученый, опираясь на научный аппарат и стремясь к максимальной объективности изложения научных исторических фактов и данных, в случае возникновения двусмысленности в трактовках исторической реальности всегда будет принимать ту сторону, в объективности которой у него есть меньше всего оснований сомневаться по причине ее очевидности. В плоскости этих противоречий лежит, например, подход современных политических элит Турции к вопросу геноцида армян 1915 года — теме, которая является неотделимым элементом политической культуры армянского народа, но при этом сам тезис об осуществленном геноциде армян является в настоящий момент неприемлемым в рамках турецкой политической культуры.

Сложность признания курдского национального элемента в политической культуре страны заключается в том, что единство нации под знаменем туркизма остается главной политической доктриной целого ряда партий Турции и в первую очередь таких, как Партия националистического действия (ПНД) и Народно-республиканская партия (НРП), сторонники которой демонстрируют устойчивую приверженность заветам Ататюрка.

На всеобщих парламентских выборах в Турции основными политическими силами уже традиционно выступают сторонники умеренного исламизма из Партии справедливости и развития и последователи политичес-

кой парадигмы кемализма из НРП, которые в этих выборах участвовали в коалиции с Демократической левой партией, образуя своеобразный социал-демократический «антисламистский» блок. Позиции турецких ультранационалистов из ПНД также очень сильны, и они без проблем преодолели десятипроцентный барьер. Еще до официального старта политической кампании было очевидно, что у курдских националистов из Партии мира и демократии нет шансов оказаться в меджлисе. Представители ПМД и сторонники еще двух мелких прокурдских партий приняли решение баллотироваться в качестве независимых кандидатов, поскольку десятипроцентный избирательный барьер (самый высокий в Европе) не позволял им оказаться в парламенте. В середине апреля 2011 г. центральная избирательная комиссия наложила запрет на участие восьми курдских кандидатов в выборах в меджлис по той причине, что против них в свое время были выдвинуты судебные обвинения. Этот шаг вызвал шквал протеста курдского населения как на юго-востоке страны, так и в Стамбуле, а также в других крупных городах. Вопрос разрешился вмешательством президента Абдуллы Гюля.

Особенностью политической агитации курдских националистов на юго-востоке страны всегда была демонстрация политики неподчинения властям Турции. В частности, примером такого неподчинения стала установка в 2011 г. в Диярбакыре во время празднования Ноуруза так называемых «палаток демократического решения» — импровизированных сцен, с которых транслировались выступления Абдуллы Оджалана и велась политическая агитация сторонников ПРК. Празднование Ноуруза у курдов Турции традиционно приобретает на юго-востоке острое политическое звучание. Помимо своего традиционного смысла, как праздник Нового года, Ноуруз уже пару десятилетий активно позиционируется как праздник курдского национального единства, который выражается в пусть и символической, но достаточно артикулированной форме провозглашения «самостийности» курдов Турции. Традиционно Ноуруз связывается с культом рождения нового солнца — символа Курдистана, в честь которого во время народных гуляний разводятся костры, связанные с поклонением возрождающемуся светилу. Праздник Ноуруз занимает особое место в политической культуре курдов Турции, по сути, являясь своеобразной демонстрацией курдской самобытности и национального единства. Празднование Ноуруза уже традиционно используется политическим крылом сторонников нелегальной в Турции Партии рабочих Курдистана для активного ведения политической агитации, которая декларативно направлена на реформу конституции, придания политической жизни страны более плюралистического характера.

В начале 90-х гг. прошлого века празднование Ноуруза в восточных районах страны нередко заканчивалось ожесточенными столкновениями

с силами правопорядка и армейскими частями. Теперь, с молчаливого согласия властей Турции, в юго-восточных провинциях используются транспаранты с символикой ПРК и портретами Оджалана, а также иные формы неконвенционального политического участия, характерного в целом для политической культуры курдов Турции. Другой отличительной чертой стала практика проведения пятничных молитв сторонников курдской автономии не в мечетях, как обычно, а на открытом воздухе. Так, в Диярбакыре по инициативе Партии мира и демократии собравшиеся — около 4 тысяч человек — совершили намаз на площади Дахкаб, где в 1925 г. были повешены лидер курдских повстанцев Шейх Сайд и его сподвижники. После намаза курдские депутаты попытались на площади установить палатку «демократического решения курдского вопроса», однако полиция запретила им сделать это, вынеся с площади приготовленные для установки шатра прутья. Создание этих импровизированных «палаток демократического решения» курдского вопроса означает, по сути, создание информационно пропагандистских и агитационных точек, с которых сторонники Оджалана должны по идее беспрепятственно вести свою политическую агитацию.

Реальная опасность эскалации сепаратизма курдов Турции возможна в том случае, если в рамках политической культуры двух народов — турок и курдов — не найдется общих политических интересов и иных точек соприкосновения. Между тем все предпосылки для курдо-турецкого единства имеются. С одной стороны, даже члены радикальной ПРК уже давно не настаивают на необходимости отделения от Турции «Северного Курдистана» и создания своего независимого государства. Связано это с тем, что сторонники Оджалана, помимо Турции, из всех сопредельных государств обладают весьма незначительной поддержкой только лишь среди курдов Сирии. Политические элиты Южного Курдистана (Северный Ирак) отчетливо отдадут себе отчет, что попытка создания независимого Курдистана приведет к острому конфликту с арабами в соперничестве за нефтеносный район Киркука, а наглядный пример Южного Судана, когда провозглашение независимости не разрешило, а только усугубило борьбу за углеводородные ресурсы, заставляет действовать южно-курдистанские элиты, с этой точки зрения, крайне осторожно. Что же касается юго-востока Турции, то сепаратистские настроения здесь сейчас достаточно велики, а политическая агитация курдских националистов, проводимая зачастую в неконвенциональной (нелегальной) форме, является отличительным феноменом политической культуры курдов Турции.

Произошедшие в конце апреля 2011 г. массовые столкновения в Сирии во многом озаботили спецслужбы Турции, которые опасаются, что волнения могут перекинуться и на сопредельные турецкие территории. Воспользовавшись этим, Абдулла Оджалан через своих адвокатов сделал целый ряд

угрожающих выпадов в адрес турецкого правительства, заявив, что после выборов в июне ПРК готова с новой силой начать вооруженную борьбу, если автономистские требования курдов Турции не будут удовлетворены.

Различие политических культур турок и курдов Турции — один из основных водоразделов, определяющий границы политических интересов национальных элит. Так, в декабре 2010 г. турецкий центр стратегических исследований «Метрополь» проводил опрос среди 1504 респондентов из 31 провинции Турции, среди которых был задан вопрос о самом предпочтительном политическом лидере своей партии. 40,6% респондентов назвали имя Р. Эрдогана (ПСР); 22,5% — Кемалю Кылычдароглу (НРП); 8,6% — Девлета Бахчели (ПНД), а в пользу руководителя ПМД Селахеттина Демирташа высказались всего 0,9%. Молодой адвокат С. Демирташ, ставший во главе ПМД, существенно проигрывал политическим тяжеловесам вроде Эрдогана и Бахчели, поэтому руководство партии приняло решение избрать нового председателя партии. Им к концу апреля 2011 г. был избран шестидесятичетырехлетний депутат меджлиса от провинции Хаккяри Хамит Гейлани. Большинство же «отцов-основателей» курдской политической партии, вроде известной на Западе правозащитницы Лейлы Заны, Хатиба Диджле, находящегося на момент написания этой статьи в тюрьме, или лишенного права заниматься политической деятельностью Ахмета Тюрка, — имели сроки заключения по обвинению в связи с террористами из ПРК. В этой связи всеобщая амнистия, которая должна подразумевать снятие за сроком давности ограничений, связанных с участием курдских националистов в политической жизни Турции, является одним из главных политических лозунгов курдских националистов.

Феномен Партии мира и демократии заключается в том, что она была создана до официального закрытия Конституционным судом Турции прежней основной прокурдской партии — Партии демократического сообщества (ПДС). ПМД успела принять участие в муниципальных выборах 2009 г., когда получила менее 1% голосов. После закрытия ПДС в декабре 2009 г. ПМД приняла в свои ряды основных сторонников курдских националистов, став своеобразной преемницей курдской политической партии, которая с 1993 г. под разными названиями участвует в политической жизни страны. ПМД декларирует верность традициям демократии, мультикультурализма, относя себя к левым партиям. Невозможность преодоления 10%-ного барьера для прохождения сторонников «курдского блока» в меджлис заставила курдских националистов выступить в качестве независимых кандидатов.

Еще одной немаловажной особенностью политической стратегии курдских националистов на предстоящих выборах стало выдвижение этнических турок и умеренных исламистов в качестве кандидатов в депутаты

от ПМД. Немаловажным фактором политической актуализации курдского элемента является открытие представительства ПМД в Вашингтоне 5 мая 2011 г., в котором приняли участие нынешний и прежний лидер курдской партии Турции — С. Демирташ и А. Тюрк. Для современной политической культуры Турции характерна установка на недопустимость превращения партии курдов в традиционную политическую партию, которая бы стала неотделимым элементом политической культуры современной Турции. Фактически партия ведет свое начало с 1993 г., когда курдские националисты в коалиции с социал-демократами впервые оказались в меджлисе. Несмотря на многочисленные запреты своей деятельности, партия меняла свое название, а после очередного запрета в 2009 г. ее сторонники вошли в состав наиболее близкой по духу Партии мира и демократии.

Так, в середине января 2011 г. представители турецкой жандармерии провели обыск в квартире, арестовав мэра Игдира Мехмета Нури Гюнеша в связи с обвинениями в связях с ПРК. По сообщению турецкого сайта Haberaktuel, бывший руководитель игдирского филиала распущенной решением КС Турции ПДС Сулейман Калкан объявил голодовку против этого решения. Он выразил озабоченность заявлением пресс-секретаря турецкого правительства о том, что «курды путем выборов взяли Игдир и укрепились на границе с Арменией». Калкан отметил, что власти так быстро арестовали и бросили в тюрьмы избранных мэра Игдира и его однопартийцев, что это напомнило военный переворот. Он предупредил правящую Партию справедливости и развития, что курды не потерпят террора и насилия в своем отношении. «На данный момент в тюрьмах находятся тысячи курдских детей. Мы выражаем свой протест в связи с политикой геноцида, осуществляемой в отношении курдов партией Эрдогана», — заявил Сулейман Калкан.

Представители ПМД получили 36 мест в меджлисе на последних общенациональных выборах в июне 2011 года. Эта фракция, скорее всего, будет называться не фракцией ПМД, а «курдской фракцией», в которую, помимо представителей ПМД, возможно, войдут представители Партии демократического участия (КАДЕП, председатель — Серафеттин Элчи) и Партия прав и свобод (ХАК-ПАР). Политической платформой всех трех партий является политика мультикультурализма, признание автономного статуса курдского региона и введение преподавания на курдском языке для тех, кто считает этот язык своим родным. Под таковым подразумевается курманджи, который в Турции является вторым по широте использования после турецкого.

Насколько велика в этих условиях гипотетическая возможность сецессии курдов Турции в отдельное государство? Если рассматривать курдов как единую национальную группу, имеющую внутри себя определенные лингвистические, культурные и религиозные различия, то территория наци-

ональных притязаний курдов, т. н. «Большой Курдистан» — достаточно обширная страна, охватывающая разновеликие части смежных государств — Турции, Ирана, Ирака и Сирии. Эта страна, если следовать трактовкам теории национализма Бенедикта Андерсона, трансформируется в сознании активных сторонников курдской национальной самобытности в так называемый «воображаемый Курдистан» — довольно пестрый этнографический регион, расположенный на стыке четырех сопредельных государств. Примечательно, что в Турции парламентские и муниципальные выборы становятся важным элементом демонстрации подобной «самостийности» курдов. Примечательно, что наиболее радикальные курдские националисты нередко предпочитают называть юго-восточную Анатолию «Северным Курдистаном», а основной политической интригой этих выборов считают, в отличие от всей Турции, не противостояние умеренных исламистов из ПСР со сторонниками кемализма и турецкого национализма, а борьбу курдских националистов со сторонниками Эрдогана в борьбе за представительство в меджлисе. Такой расклад свидетельствует, что в представлениях части националистически настроенных курдских элит понятие родины трансформируется в воображаемое понятие «Северный Курдистан». В целом можно сказать, что демонстрация подобной оппозиционности центральной власти в Анкаре является элементом политической культуры курдов Турции, которая в целом реализуется в контексте политической агитации за культурную и административную самостоятельность.

По сути, сторонники Оджалана в настоящее время апеллируют к созданию собственного регионального правительства со своими органами власти, отличными от тех, которые установлены в рамках нынешней Конституции. Находящийся в тюрьме Оджалан через своих адвокатов дал понять, что подобные органы власти будут функционировать под патронажем так называемого Конгресса демократического сообщества, во главе которого в настоящее время находится бывший руководитель запрещенной Партии демократического сообщества Ахмет Тюрк и бывший депутат меджлиса Айсель Тутлук, которые были лишены Конституционным судом права заниматься политической деятельностью. Другие же представители курдских политических элит выступают за федеративное устройство Турции. Председатель Партии демократического участия Серафетин Элчи считает, что федеративная форма предпочтительнее в отличие от иных форм децентрализации власти в Турции.

Попытку создания подобной т. н. «демократической автономии» и демонстрируют в настоящее время курдские сторонники Оджалана. Так, мэр Диярбакыра под «демократической автономией» подразумевает фактический переход к федеративной форме правления и создание в нескольких регионах Турции, включая и турецкий Курдистан, своего регионального правительства.

Подходы к «воображаемости» тех или иных национальных сообществ, демонстрирующих стойкое единство всех своих членов, представляющих этнические или культурно обособленные группы в границах государств, в которых они не являются титульной нацией, характерны и для европейской политической культуры, когда тезис о «воображаемых нациях» распространяется на такие квазиполитические образования, как, например, Страна Басков в Испании или Турецкая Республика Северного Кипра. Признание права на национальное единение в рамках воображаемого сообщества остается важной привилегией гражданского демократического государства, что достаточно очевидно зафиксировано в законодательстве ЕС, касающемся вопросов регионального правительства в этнически обособленных автономиях или их административных этнических образованиях в границах одной страны.

Примечания

¹ Основываясь на своей теории «воображаемых сообществ», английский социолог Бенедикт Андерсон рассматривает нацию как социально сконструированное сообщество, воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть, независимо от того, знают они друг друга лично или нет. Нация, как воображаемое сообщество, не может быть основана на повседневном общении всех его участников, но при этом все его участники удерживают в своем сознании ментальный образ своего сходства. Нация всегда воображается по дихотомии «мы — они», т. е. подразумевает существование других наций. Будучи марксистом (во всяком случае, в момент написания своей книги), Андерсон, по сути, утверждает, что национализм есть форма измененного сознания членов данного сообщества, вызванная социально-экономическими предпосылками. Для Андерсона такой предпосылкой развития национализма как политического явления было распространение книгопечатания в конце XVIII века в Европе, как наиболее приспособленной формы для ведения националистической агитации в среде малых народов. Современные средства коммуникации, включая Интернет, только закрепили в сознании граждан тезис о национальной самобытности, разделяемый большинством указанной группы.

² В ряде СМИ Партия рабочих Курдистана именуется как Рабочая партия Курдистана, что является некорректным переводом с курдского языка названия этой организации. — Прим. автора.

³ Altan Tan. Kurt sorunu. Istanbul. 2010, с. 19.

⁴ См., например: Ahmet Ozer. Modernlesme ve Guneydogu. Istanbul, 1998.

И. Н. Серенко

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАКИСТАНСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

В современном мире наибольшую угрозу всеобщей безопасности представляет международный терроризм. Первоочередная роль в борьбе с этим глобальным злом должна отводиться всей системе образовательных институтов, включающей в себя как традиционную, так и современную компоненты.

Национальная система образования в Исламской Республике Пакистан — государстве, оказавшемся в эпицентре борьбы с международным терроризмом, претерпевает заметные трансформационные изменения в соответствии с новой Национальной политикой государства в области образования (2009). Она направлена на воспитание подрастающего поколения в духе терпимости и ненасилия на основе планетарной этики, способной вывести человечество на путь межкультурного взаимопонимания и взаимодействия, на выработку у него антитеррористического иммунитета к этой глобальной эпидемии «чумы XXI века».

Реформой, в частности, предусматривается воспитание подрастающего поколения с учетом исламских и общечеловеческих ценностей, формирование у него «приверженности демократическим и нравственным ценностям, осознания им фундаментальных прав человека, открытости новым идеям, развитие чувства персональной ответственности и необходимости участия в созидательной деятельности на благо общества»; отмечается, что у пакистанской молодежи «необходимо формировать чувство патриотизма и принадлежности к пакистанской нации, вырабатывать такие понятия, как толерантность, социальная справедливость, демократия, региональная и местная культура и история, основанные на краугольной идеологии, провозглашенной конституцией Исламской Республики Пакистан». При этом достижение единства пакистанской нации, как указывается в материалах реформы, видится в формировании у подрастающего

поколения «взаимоуважения к различным верованиям, религиям, культурному и этническому многообразию»¹.

Этот процесс сбалансированного реформаторства вызывает отчаянное противодействие со стороны исламистов, выступающих за создание теократического государства в Пакистане и усматривающих в современной системе образования одну из главных угроз своей идеологии, лежащей в основе достижения поставленной ими цели. Исламистам фактически удалось провалить реформу религиозного образования в стране (2001–2009). Используя террористические методы, они пытаются парализовать функционирование всей национальной системы образования.

В частности, по данным министерства внутренних дел Пакистана, в период с июля 2007 г. по июль 2010 г. в результате непрекращающихся по всей стране террористических атак исламистов с использованием боевиков-смертников погибло 3433 человека². Неудивительно, что в мировом рейтинге стран с наивысшей террористической угрозой Пакистан сместил соседний Афганистан в 2010 г. на третье место, поднявшись по этому показателю на второе место³.

Чуть ли не ежедневно в Пакистане продолжают звучать взрывы «живых бомб», направленные на различные государственные и международные учреждения, включая и образовательные. Именно последние рассматриваются исламистами в качестве основной угрозы распространяемой ими экстремистской идеологии.

Стоит вспомнить, что первая волна террора в Исламской Республике Пакистан с использованием боевиков-смертников прокатилась по всей стране после разрушительного по своим последствиям взрыва исламизма, связанного с драматическими событиями в столичном комплексе Красной мечети, когда руководители этого столичного учебно-религиозного комплекса Абдул Азиз и Абдул Рашид при непосредственной поддержке исламистской сети Талибан — «Аль-Каида» первыми сумели организовать массовые антиправительственные выступления радикально настроенных преподавателей и студентов медресе с требованием о введении шариатского правления в Пакистане (3–10 июля 2007 г.)⁴.

С тех пор подобные теракты фактически стали составной частью повседневной жизни пакистанцев. На сегодняшний день в арсенале исламистов, по их собственному признанию, находится от 2800 до 3000 «живых бомб», готовых взорваться по первому приказу⁵.

События 20 октября 2009 г. в столице страны Исламабаде потрясли не только Пакистан, но и все мировое сообщество. Они содрогнулись от взрывов боевиков-смертников, нацеленных уже на студентов престижного столичного Международного исламского университета (МИУ), пользующегося широкой известностью и авторитетом во всем мусульманском мире.

Ретроспективный анализ позволяет проследить непосредственную взаимосвязь между этими двумя отдаленными по времени событиями в пакистанской столице: антиправительственными выступлениями радикально настроенных преподавателей и студентов из учебно-религиозного комплекса Красной мечети, выдвинувших требование о введении шариятского правления в Пакистане, и двойным терактом исламистов-смертников в Международном исламском университете. Они свидетельствуют о процессе внутриконфессионального противостояния умеренных и экстремистски настроенных мусульман этой страны.

Укрепление позиций исламистов и их идеологии не в последнюю очередь связано с провалом реформы религиозного образования, которая предусматривала обновление его содержания и постепенную интеграцию религиозных учебных заведений в общий поток школ для ликвидации идеологической базы и материальной инфраструктуры религиозного экстремизма и радикализма. Попытка пакистанского руководства переложить бремя модернизации религиозных учебных заведений на силовые структуры, в частности на министерство внутренних дел, как это обозначено в новой Национальной политике в области образования, свидетельствует об осознании государством угрозы растущей радикализации пакистанского общества.

Здесь наблюдаются первые подвижки. Так, между Всепакистанской Ассоциацией медресе (в нее входят Духовные управления религиозного образования всех пяти теологических школ страны) и министерством внутренних дел Пакистана 7 октября 2010 г. было подписано соглашение о введении в учебные планы религиозных школ предметов общеобразовательного цикла, как это в принципе уже ранее предусматривалось реформой религиозного образования⁶. Дело осталось лишь за практической реализацией достигнутых договоренностей.

Подводя итоги этой неудавшейся реформы, Федеральное ведомство образования было вынуждено признать, что только 507 из 15 148 медресе, функционирующих в стране, подпали под ее реализацию. При этом современные компьютерные технологии были внедрены лишь в 30 медресе. В них на контрактной основе продолжают работать всего 950 преподавателей. На реализацию данной реформы было израсходовано 333 млн. рупий. Остальные средства (5 млрд. 426 млн. рупий) так и не были использованы из-за отказа большинства медресе принимать в ней участие. В целом количество студентов, обучающихся в различных медресе страны, превысило 2 млн. человек. Это составляет 5% от общего числа учащихся общеобразовательной школы (34 млн. учеников). При этом преподавательский состав медресе достигает 55 тыс. человек⁷.

Опыт Пакистана свидетельствует о том, что покончить с проблемой терроризма одними силовыми методами невозможно. Они могут привести лишь к временному успеху. Нельзя отрицать, что нанесение точечных уда-

ров и проведение широкомасштабных военных операций в определенной степени помогли пакистанскому руководству снизить уровень исламистской активности в стране. Однако для окончательной победы в этой схватке необходима кропотливая работа по искоренению идеологических корней, подпитывающих терроризм, создание благоприятных социально-экономических условий для основной массы пакистанских граждан. По признанию премьер-министра Пакистана Ю. Р. Гилани, силовые действия обеспечивают лишь 10% успеха в деле борьбы с экстремизмом и терроризмом, остающиеся же 90% достигаются за счет социально-экономических мер⁸.

В действительности традиционные мусульманские учебные заведения Пакистана являются альтернативой современной общеобразовательной системе, не справляющейся самостоятельно с предоставлением образовательных услуг населению. Компенсируя в определенной мере отсутствие доступа к ней малоимущей части пакистанского общества, они одновременно выполняют и своего рода роль институтов по социальной защите обездоленных детей и подростков, которые получают здесь помимо знаний (преимущественно теологических) еще и бесплатное питание, проживание и одежду. Это определяет социальную значимость и важность религиозных учебных заведений для пакистанского общества, детерминирует перспективу их развития.

Проблема состоит в высокой степени политизации пакистанских медресе. Так, по последним данным (2009 г.), около 59% медресе подконтрольны различным происламским политическим партиям и группировкам⁹.

Результаты выборочного социологического опроса, проведенного в марте 2009 г. учеными Исламабадского института мира среди руководителей медресе различного богословского толка, показали, что 57% респондентов расценивают войну с терроризмом как направленную исключительно против ислама и мусульман. Кроме того, 77% высказались против участия Пакистана в международной кампании по борьбе с терроризмом. При этом представители богословской школы «Деобанди» выразили мнение о том, что Пакистан не должен бороться с терроризмом «под давлением Запада». В ходе опроса была также выявлена причастность отдельных медресе к джихадистской деятельности (18%)¹⁰.

Вполне очевидно, что атака террористов-смертников на студентов МИУ является вызовом исламистов не только пакистанскому государству, но и всему мусульманскому сообществу, вступившему, по справедливой оценке российского пакистановеда В. Я. Белокрыницкого, «в период возрождения традиционализма, в рамках которого должна по идее сформироваться собственная, незападная модель модернизации», затрагивающая все государственные и общественные институты, в том числе и образовательные¹¹.

Именно на примере Международного исламского университета, входящего в первую тройку крупнейших университетов страны, наиболее ярко

прослеживается процесс трансформации традиционного исламского образования в современную образовательную модель, синтезирующую в себе положительный опыт традиционной исламской педагогики и мировых инновационных образовательных методик. Автору данной статьи, кстати, удалось убедиться в этом во время посещения МИУ в составе делегации российских парламентариев, ученых и журналистов (июль 2004 г.).

На состоявшейся в рамках визита встрече членов российской делегации с профессорско-преподавательским составом университета затрагивался широкий спектр вопросов: состояние и перспективы развития религиозного образования, возможности его интеграции в современную систему образования, роль воспитания и образования в формировании молодого поколения нового типа, способного к диалогу и толерантности, пути и методы борьбы с проявлениями радикализма и экстремизма у молодежи и т. д. Развернувшаяся по данным проблемам двусторонняя дискуссия, заинтересованность и открытость пакистанской стороны в обсуждении порой очень непростых и острых вопросов свидетельствовали о достаточно высоком уровне профессиональной подготовки педагогических кадров университета, осознании ими необходимости образовательной трансформации с учетом традиционных ценностей и достижений мировой науки.

Следует сказать, что МИУ был основан в 1980 г. в период правления М. Зия-уль-Хака (1977–1988), инициировавшего исламизацию всех сфер жизнедеятельности пакистанского общества, включая его образовательные институты. Именно в стенах МИУ, наряду с академической деятельностью, велась в то время активная разработка теоретических обоснований исламизации образования и научных знаний не только для Пакистана, но и для всей мусульманской уммы. Статус международного данный университет получил в 1985 г.

В настоящее время обучение студентов осуществляется на арабском и английском языках (по 92 традиционным и современным специальностям). Всего на 9 факультетах и 42 учебных отделениях университета насчитывается 19 656 студентов. Из них 9430 составляют девушки. Количество иностранных студентов, прибывших из 45 стран мира, превышает 1500 человек. Большая часть из них приехала на учебу из Китая (800 человек), а также из различных стран Африканского континента. Есть студенты из США и ряда европейских стран. Профессорско-преподавательский состав университета насчитывает 550 человек, из них 156 преподавателей имеют ученые степени. За последнее время МИУ значительно расширил свои международные связи. Им заключены двусторонние соглашения о взаимном сотрудничестве с 14 ведущими университетами мира. Такие договоренности были, например, подписаны с малайзийским Международным исламским университетом (Куала-Лумпур), крупнейшим египетским центром исламского образования университетом Аль-Азхар (Каир) и т. д.

В данный момент в университете на контрактной основе работает значительное количество иностранцев (26 преподавателей из Каирского университета, три специалиста из Судана и др.)¹².

Начиная с 2000 г. в университете, помимо функционировавших ранее факультетов (шариата, арабского языка, исламоведения, экономики, менеджмента, иностранных языков и литературы), стали открываться новые факультеты: общественных наук (отделения педагогики, политологии, международных отношений), а также прикладных наук (отделение информатики и информационных технологий).

Студенческая жизнь в университете организована в строгом соответствии с нормами и установками ислама: изоляция полов в быту и учебе (осуществляется раздельное обучение юношей и девушек, имеется два удаленных друг от друга студенческих городка — мужской и женский); обязательное соблюдение всеми ритуальной практики (ежедневной пятикратной молитвы, поста и т. д.).

Университет занимает огромную территорию в восточной части столицы. Он обладает солидной научно-технической базой, оснащен современными компьютерами, мониторинговой системой видеонаблюдения. При университете функционируют Международный институт исламской экономики, Центр технического образования, Институт изучения ислама, Академия по подготовке имамов, Академия шариата. Университетом осуществляется большая издательская работа и распространение исламской литературы на многих языках мира, в том числе и на русском языке¹³.

Можно сказать, что модернизация учебно-воспитательного процесса в Международном исламском университете позволила создать на его базе современную модель мусульманского образования, которая определяет будущее Пакистана как умеренного исламского государства, стремящегося к постепенной интеграции в мировое поликультурное пространство. Вполне понятно, что это полностью расходится с планами исламистов, выступающих за создание в Пакистане теократического государства.

Волна обрушенного ими на учебные заведения современной системы образования террора является тому лишним доказательством. Так, с введением в 2008 г. пакистанскими талибами запрета на женское образование в подконтрольных им северных территориях, граничащих с Афганистаном, более тысячи школ были закрыты или перестали принимать на учебу девочек. Около 300 школ, в основном женских, в дистрикте Малаканд бывшей Северо-Западной пограничной провинции вообще были разрушены, сожжены и выведены из строя. В целом более 120 тыс. девочек из-за боязни расправы перестали посещать учебные заведения¹⁴.

Под прицелом исламистов продолжают оставаться и высшие учебные заведения страны. Так, в результате очередного теракта, совершенного уже в Карачинском университете (декабрь 2010 г.), погибли 5 человек.

Ранения различной степени тяжести получили 15 пострадавших. Взрывное устройство, заложенное в университетской столовой для сотрудников и студентов вуза, было активировано с мобильного телефона¹⁵.

Идет физическое устранение профессорско-преподавательского состава, осуществляющего, по мнению исламистов, антиталибскую, прозападную пропаганду среди подрастающего поколения страны. Так, только в одной провинции Белуджистан в период с января 2008 г. по октябрь 2010 г. от рук боевиков, по данным правозащитных организаций, погибли 22 педагога. Стоит привести и недавнее убийство видного религиозного деятеля, вице-канцлера Сватского исламского университета в г. Мардан Мухаммада Фарук Хана (2 октября 2010 г.), открывшего реабилитационный центр для 175 подростков-смертников, которых удалось выволочь из тренировочных лагерей исламистов¹⁶. В них дети (в возрасте от 7 лет и старше), судя по их признаниям, опубликованным в пакистанской прессе, подвергались не только идеологической индоктринации, но и психотропной обработке с целью дальнейшего использования в качестве «живых бомб»¹⁷. По данным пакистанской разведки, в 2009 г. на территории только одного округа Сват в тренировочных лагерях по подготовке смертников находилось до 15 тыс. подростков в возрасте старше 11 лет. Налаженный при этом исламистами бизнес по торговле «живым товаром» стал для них к тому же и дополнительным источником доходов (по некоторым данным, прибыль за поштучную продажу подростков-смертников составляет от 7000 до 14 000 долл.)¹⁸.

Стоит признать, что, погрузив страну в пучину террора, исламистам на какое-то время удалось парализовать образовательную систему государства. Она практически перестала функционировать. Так, после двойного теракта в МИУ и в связи с небезосновательно сохранявшейся повышенной угрозой террористических атак (например, убийство министра образования провинции Белуджистан Шафика Ахмед Хана в Кветте 25 октября 2009 г.), во всех населенных пунктах страны были закрыты детские сады, школы, колледжи и университеты¹⁹. Однако все это носило временный характер.

Последующие события показали, что вызову, брошенному исламистами образовательной трансформации в Пакистане, противостоит хотя и недостаточно зрелое, но демократическое гражданское общество, заинтересованное в сохранении своего государства, в его продвижении по пути прогресса и интеграции в мировое поликультурное пространство, основой которого является современная система образования, выстроенная с учетом мусульманской культурной традиции и мирового педагогического опыта.

Таким образом, национальная система образования в Пакистане претерпевает заметные трансформационные изменения: в инфраструктуре, содержании обучения и воспитания, с целью соотнесения ее с международными стандартами и интеграции в мировое образовательное пространство. И никакое противодействие со стороны исламистов, усмат-

ривающих в ней угрозу своему существованию, уже не способно остановить этот эволюционный процесс. Верится, что пакистанское общество, уставшее от чудовищных природных катаклизмов (землетрясение 2005 г., наводнение 2010 г.), от продолжающегося исламистского террора, все же прошло проверку на прочность, закалилось в выпавших на его долю испытаниях и готово к дальнейшему созиданию, а не разрушению своего многострадального государства.

Нельзя не сказать, что постигшие страну природные катаклизмы нанесли непоправимый урон ее и без того слаборазвитой образовательной инфраструктуре, которая так и не смогла за весь период независимого развития справиться с провозглашенной государством задачей по предоставлению базовых знаний всему населению. По последним данным, из 40 млн. детей школьного возраста (от 5 до 14 лет) только 18 млн. учащихся охвачены школой. Остальные 22 млн. детей вообще не имеют доступа к образованию из-за отсутствия должной инфраструктуры либо вынуждены оставить учебу еще на начальной ступени из-за тяжелого материального положения и необходимости с детства зарабатывать себе на жизнь. Неудивительно, что по уровню грамотности граждан (54%) Пакистан замыкает предпоследнюю десятку наименее грамотных наций планеты, занимая 166-е место по данному показателю среди 177 стран мира²⁰.

Настигшая страну водная стихия 2010 г. полностью или частично разрушила более 7 тыс. учебных заведений, расположенных в различных районах всех четырех пакистанских провинций: Панджаб, Синд, Белуджистан, Хайбер-Пахтунхва. Более 5 тыс. школ было выделено государством под временное проживание пострадавшим от наводнений жителям. Вполне понятно, что возобновить в них учебно-воспитательный процесс в ближайшей перспективе будет довольно проблематично. В целом от наводнений в той или иной степени пострадало более 8,6 млн. несовершеннолетних пакистанцев в возрасте до 18 лет²¹.

Остается надеяться, что на фоне постигших Пакистан экологических катастроф не менее беспощадная и разрушительная по своей сущности стихия исламистского террора все же будет остановлена и трансформация пакистанской образовательной системы должна сыграть в этом не последнюю роль.

Примечания

¹ National Education Policy (2009). Ministry of Education, Government of Pakistan. Islamabad, 2009, с. 17–18.

² Tushar Ranjan Mohanty. Collective Suicide (South Asia Intelligence Review. Vol. 9, № 5, August 9, 2010)/<http://www.cgi-bin/readmsg.id>.

³ Dawn, 19.11.2010.

⁴ Об этом подробнее см., например: Топычканов П. Исламисты свили гнездо под боком у пакистанских властей (<http://www.carnegie.ru/rus/pubs/media/76412.htm>); Белокреницкий В.Я. Пакистан между военными и мечетью (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/08-07-07b.htm>); Белокреницкий В.Я. Пакистан: мечеть взята, что дальше? (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/16-07-07.htm>); Москаленко В.Н., Топычканов П.В. Пакистан после «Красной мечети» (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/24-08-07.htm>); Мохов О. Исламисты погибли за Исламабад // Время новостей, 11.07.07, с. 5; Степанов А. Мины и минареты // Российская газета, 13.07.07, с. 3, 12; Пахомов Е. Светский торг // Время новостей, 23.07.07, с. 5 и др.

⁵ Tushar Ranjan Mohanty. Там же.

⁶ Dawn, 08.10.2010.

⁷ Dawn, 16.06.09.

⁸ Пресс-релиз Посольства РФ в Исламской Республике Пакистан. Исламабад, 19.02.2010.

⁹ Qandeel Siddique. Weapons of mass instruction? A preliminary exploration of the link between madrassas in Pakistan and militancy. Norwegian Defence Research Establishment (FFI), 2009, с. 12.

¹⁰ Там же, с. 18.

¹¹ Белокреницкий В.Я. Пакистан между военными и мечетью (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/08-07-07b.htm>).

¹² Dawn, 07.10.10.

¹³ Об истории создания Международного исламского университета более подробно см.: Серенко И.Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан. М., 2006, с. 62–68.

¹⁴ Dawn, 05.12.09; Dawn, 22.01.10.

¹⁵ Dawn, 05.12.09.

¹⁶ Dawn, 13.12.10; 03.10.10.

¹⁷ Dawn, 28.07.09; Dawn, 28.12.09.

¹⁸ Tushar Ranjan Mohanty. An Education in Terror (South Asia Intelligence Review Vol. 9, № 15, October 18. 2010)/<http://www.cgi-bin/readmsg.id>.

¹⁹ Dawn, 26.10.09.

²⁰ Dawn, 02.09.2010.

²¹ Dawn, 02.09.2010.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАНЕ

Исламская Республика Иран (ИРИ) за последние шесть лет не раз подвергалась террористическим атакам. Они были разными — как по методам их проведения, так и по организациям, их осуществившим. Примечательно, что до 2005 г. несколько лет наблюдалось практически полное отсутствие террористических актов. Но с 2005 г. террористическая активность в стране резко усилилась. При этом она сосредоточилась в нескольких регионах страны — провинции Хузестан (на границе с Ираком), провинции Систан и Белуджистан (на границе с Пакистаном), провинции Курдистан (на границе с Турцией) (рис. 1). Следует добавить, что эти регионы в большинстве своем населены этническими меньшинствами, Хузестан — арабами, Систан и Белуджистан — белуджами, а Курдистан — курдами.

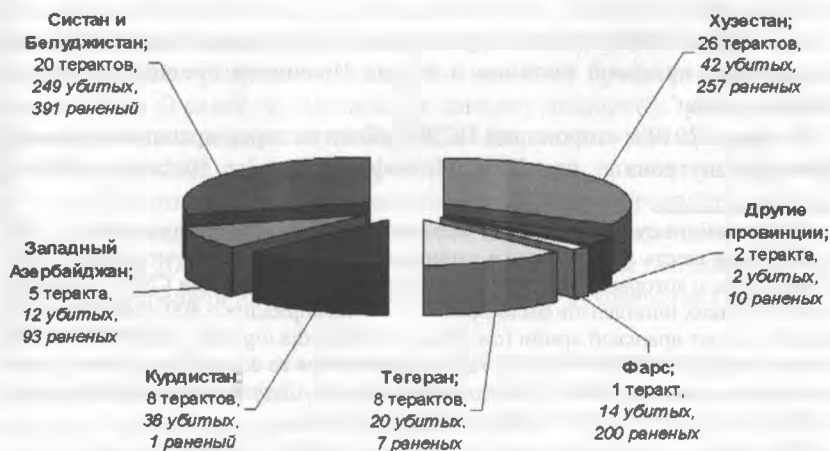

Рис. 1. Терракты в ИРИ с 2005 по 2010 г.

Из 68 террористических актов, произошедших в Иране с начала 2005 г., можно выделить девять вооруженных нападений, восемь заказ-

ных убийств и одно покушение на убийство, 45 взрывов, минимум шесть случаев* взятия людей в заложники и похищения человека с целью выкупа.

Вооруженные нападения

16 августа 2005 г. вооруженный человек, сторонник Партии свободной жизни Курдистана (ПСЖК), напал на полицейский участок в городе Мариван провинции Курдистан. В результате инцидента был убит один офицер полиции, еще один получил ранение.

В течение апреля 2006 г. в провинции Курдистан членами ПСЖК в результате трех нападений было убито минимум 24 сотрудника Корпуса стражей исламской революции (КСИР**)¹.

1 февраля 2007 г. вооруженные бандиты устроили засаду полицейскому патрулю в городе Захедан — столице провинции Систан и Белуджистан. Полицейская машина, патрулировавшая улицы, была окружена двумя автомобилями, из которых были произведены выстрелы. В результате погибло четверо полицейских.

Два полицейских было убито и четверо взяты в заложники в результате нападения неизвестных в районе Негор провинции Систан и Белуджистан 28 февраля 2007 г.²

26 января 2009 г. в засаду в районе города Сараван (Систан и Белуджистан), граничащего с Пакистаном, попало 12 полицейских. Все они были убиты³.

19 октября 2009 г. боевики группировки «Джундалла» застрелили двух сотрудников иранской полиции в городе Ираншахр провинции Систан и Белуджистан⁴.

В апреле 2010 г. сторонники ПСЖК убили четырех иранских военных. Министр внутренних дел ИРИ Мостафа Мохаммад Наджар сообщил,

* Нет достоверных данных о количестве захваченных заложников в ИРИ за последние шесть лет, поэтому в данном исследовании будут учитываться только те случаи, о которых есть упоминание в научных статьях или СМИ. Хотя, скорее всего, таких инцидентов было больше. Есть информация о 400 убитых «Джундаллой» солдат иранской армии (см.: <http://en.wikipedia.org/wiki/Jundallah>). Но эти данные кажутся необъективными, так как приводятся со ссылкой на статью, опубликованную в начале 2006 г., когда деятельность «Джундаллы» на территории Ирана была не такой интенсивной, как впоследствии.

** Корпус стражей исламской революции (КСИР) является главной составляющей компонентой вооруженных сил ИРИ. Он был создан по инициативе лидера иранской революции имама Хомейни вскоре после падения шахского режима в 1979 г. Главные задачи КСИР: защита существующего в Иране исламского строя, решительная борьба с врагами исламской революции, отражение совместно с армией иностранной агрессии.

что за последние полгода в Иранском Курдистане ликвидированы семь экстремистских групп, выявлены и задержаны 30 террористов⁵.

16 сентября 2010 г. иранские службы сообщили об удачном завершении операции по освобождению заложников, захваченных боевиками «Джундаллы». В ходе операции был убит один из шести заложников, а также трое боевиков. До этого боевики напали на автобус между городами Ираншахр и Чабахар провинции Систан и Белуджистан и захватили в заложники пятерых военнослужащих и банковского клерка. Они угрожали убить заложников, если иранские власти не освободят находящихся в тюрьмах активистов группировки. Власти Ирана отклонили это требование⁶.

В начале октября 2010 г. неизвестные открыли стрельбу по полицейскому патрулю в городе Сенендедж — столице провинции Курдистан. Пять человек погибли, четверо из которых — сотрудники правоохранительных органов. Еще девять человек, среди которых пять офицеров полиции и четверо гражданских лиц, получили ранения⁷.

Заказные убийства и покушения на убийство

2 августа 2005 г. в Тегеране был убит сотрудник тегеранской прокуратуры, судья Масуд Могаддас. Он был застрелен двумя мотоциклистами, проезжавшими мимо в тот момент, когда выходил из своего офиса. Могаддас председательствовал на судебном разбирательстве, посвященном диссидентскому журналисту Акбару Ганджи, которого суд приговорил к 6-летнему заключению, а до этого вынес семь обвинительных приговоров иранским диссидентам, которые выступали за реформы в ИРИ в начале 2000-х гг. Его убийство могло иметь связь с его профессиональной деятельностью. О своей причастности к данному инциденту заявила группа «Вооруженная молодежь партизан-федаев (партизаны-шахиды)».

28 августа 2005 г. была предпринята попытка вооруженного покушения на главу одного из окружных судов города Караджа (провинция Тегеран) судью Мохаммада Резу Агазадеха. В результате инцидента судья был ранен⁸.

3 октября 2007 г. в городе Хаш провинции Систан и Белуджистан террористы застрелили представителя религиозного духовенства Ирана Мехди Тавакколи⁹.

18 октября 2008 г. в северо-западной области Чалдоран провинции Западный Азербайджан был убит сотрудник КСИР Мохсен Мослеми. В случившемся иранские власти подозревают ПСЖК¹⁰.

12 января 2010 г. в Тегеране от взрыва бомбы погиб 50-летний иранский ученый-физик Масуд Али Мохаммади. Взрыв произошел в 8 часов утра по местному времени в районе Гейтарие на севере Тегерана. Сработало дистанционное взрывное устройство, закрепленное на припаркованном рядом с домом ученого мотоцикле. Взрывной волной были выбиты стекла зданий,

расположенных в радиусе 100 метров от места происшествия. По разным данным, ученый был членом «Басидж»* либо поддерживал реформаторов¹¹.

18 января 2010 г. был убит прокурор города Хоя (провинция Западный Азербайджан). Ответственность за убийство взяла на себя ПСЖК¹².

13 сентября 2010 г. в результате вооруженного нападения был убит активный сторонник президента Махмуда Ахмадинежада, имам пятничной мечети города Сенендеджа провинции Курдистан Борхан Али Рухани¹³.

17 сентября 2010 г. в результате покушения погиб член Совета экспертов ИРИ от Курдистана Мохаммад Шейхольэслам. Жертвами экстремистов стали также два представителя судебной власти ИРИ¹⁴.

29 ноября 2010 г. в Тегеране было совершено покушение на двух ученых-ядерщиков. Один из них — профессор Маджид Шахрияри — погиб, другой — профессор Феридун Аббаси — ранен, пострадали также супруги ученых. Оба профессора преподавали в университете имени шахида Бехешти и были членами Общества ядерщиков Ирана¹⁵.

Взрывы

Семь бомб было взорвано в Иране 12 июня 2005 г. В результате этого инцидента было убито 11 и ранено 89 человек. Бомбы были взорваны в двух городах: Тегеране, где был убит один и ранено четыре человека, и Ахвазе, где погибло 10 и было ранено 85 человек. Ответственность за взрывы взяли на себя организации: Арабское движение борьбы за освобождение Ахваза; Арабские смертники Хузестана; Арабский народный демократический фронт; Полки вооруженного возрождения Ахваза¹⁶.

17 августа 2005 г. в городе Сардашт (провинция Западный Азербайджан на границе с Ираком) рядом с полицейским патрулем была взорвана мина. В результате взрыва один человек погиб и пятеро получили ранение. Официальный Тегеран обвинил в совершении теракта ПСЖК.

Две бомбы, лежащие в мусорных контейнерах, взорвались с интервалом в пять минут напротив одного из торговых центров в Ахвазе (столица провинции Хузестан) 15 октября 2005 г. Инцидент случился сразу же после наступления сумерек, когда люди покупали еду во время месяца Рамадана. Взрыв причинил огромный ущерб машинам и магазинам поблизости. В результате было убито шесть и ранено по крайней мере 102 человека. К концу 2005 г. иранская полиция арестовала более 30 человек, обвиненных в причастности к взрывам.

* Басидж («Нироуйе Мокавемат-и Басидж» — «Мобилизация сил сопротивления») — иранская полувоенная милиция из добровольцев, основанная аятоллой Хомейни в ноябре 1979 г.

24 января 2006 г. в Ахвазе было взорвано две бомбы. В результате инцидентов было убито 9 и ранено 46 человек. Первой сдетонировала бомба около государственного агентства охраны окружающей среды, вторая бомба взорвалась через 40 минут у здания банка. В этот день в город собирался приехать президент М. Ахмадинежад, но его приезд был отменен из-за плохой погоды. Ответственность за теракты опять взяло на себя Арабское движение борьбы за освобождение Ахваза, заявив, что «данные взрывы были мстью за кровь наших мучеников и знаком нашего отращения к террористу Ахмадинежаду, который собирался осквернить землю Ахваза своим визитом»¹⁷. Через несколько дней полиция арестовала около 50 подозреваемых в осуществлении теракта¹⁸.

8 мая 2006 г. была взорвана бомба в городе Керманшах — столице одноименной провинции. В результате было ранено пять человек. Ответственность взяла на себя ПСЖК¹⁹.

Утром 14 февраля 2007 г. группа неизвестных атаковала и взорвала автобус с сотрудниками КСИР в провинции Систан и Белуджистан. Погибли 18 и ранены 31 человек. Атака была хорошо спланирована: группа мотоциклистов вынудила автобус остановиться возле заранее подготовленной заминированной машины, стоявшей на обочине, и обстреляла его из автоматического оружия. Когда сотрудники КСИР начали выбегать из автобуса, произошел взрыв²⁰.

12 апреля 2008 г. произошел взрыв в мечети города Шираз (провинция Фарс). Этот теракт унес жизни 14 человек, более 200 получили ранения. Ответственность за инцидент никто на себя не взял, хотя иранские власти обвинили в причастности к теракту «Иранский монархический комитет»*, три представителя которого были арестованы в Иране и в ноябре 2008 г. приговорены к смертной казни²¹.

19 июля 2008 г. в Тегеране был подорван военный конвой КСИР. В результате инцидента погибли, по крайней мере, 16 и множество человек были ранены. Ответственность за организацию теракта никто на себя не взял²².

29 декабря 2008 г. в 7–30 утра в городе Сараван провинции Систан и Белуджистан около отделения полиции террористом-смертником было приведено в действие взрывное устройство, в результате чего было убито два и ранено 20 полицейских. Ответственность за теракт взяла на себя «Джундалла», представители которой сообщили, что данная акция пер-

* «Иранский монархический комитет», или «Монархический совет Ирана» (Anjoman-e Padeshahi-e Iran [перс.], Iran Monarchy Committee или Kingdom Assembly of Iran), по данным Википедии — военизированная монархическая организация, состоящая из сторонников свергнутой династии Пехлеви, целью которой является свержение существующего в Иране политического строя и восстановления монархического правления (см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Kingdom_Assembly_of_Iran).

воначально предназначалась для атаки на духовное училище в городе Забол²³.

28 мая 2009 г. 25 человек погибли в результате взрыва в мечети имама Али ибн Абу Талиба в Захедане — столице Систана и Белуджистана. В момент взрыва в мечети проходил вечерний намаз. Сразу же после взрыва в течение нескольких дней были осуждены и повешены за причастность к теракту три человека. Представители правоохранительных органов заявили, что они признались в нелегальной доставке в Иран взрывчатки и передаче ее исполнителям теракта (хотя они находились в тюрьме еще до теракта)²⁴.

31 мая 2009 г. на самолете, который должен был совершить рейс из Ахваза, столицы провинции Хузестан, в Тегеран, была обнаружена самодельная бомба, которую через 15 минут после взлета нашел обслуживающий персонал. Самолет немедленно вернулся в аэропорт Ахваза и саперы обезвредили взрывное устройство²⁵.

18 октября 2009 г. большой теракт произошел в городе Сарбазе (провинция Систан и Белуджистан). Террорист-смертник проник в зал, где проходило региональное совещание старейшин шиитской и суннитской общин с участием высшего командования КСИР, и привел в действие взрывное устройство. В результате погибли 42 человека, в том числе 15 высших чинов Корпуса стражей исламской революции. Около 50 человек получили ранения. Среди погибших были заместитель командующего сухопутными войсками КСИР генерал Нурали Шуштари и командующий пограничным военным округом провинции Систан и Белуджистан генерал Мохаммад-заде, а также лидеры племен. Через несколько дней власти Пакистана выдали Ирану 18 экстремистов из группировки «Джундалла», причастных к этому теракту, среди которых был брат лидера «Джундаллы» Абдулы Реги Мохаммед Риги²⁶.

15 июля 2010 г. в результате двойного теракта-самоубийства в Большой мечети Захедана погибло 27 человек, еще не менее 160 человек получили ранения. Среди погибших оказались как мирные жители, так и офицеры КСИР. В заявлении «Джундаллы» подчеркивалось, что смертниками, взорвавшими себя в Захедане, были родственники казненного Абдольмалека Риги и его брата Мохаммеда Риги²⁷. Впоследствии в связи с данным терактом иранскими спецслужбами было арестовано 40 человек²⁸.

22 сентября 2010 г. в толпе зрителей на военном параде в городе Махабаде (провинция Западный Азербайджан) взорвалась бомба, спрятанная в сумке. Погибли 12 человек, еще 93 были ранены. Через несколько дней КСИР заявил, что уничтожил организаторов этого теракта²⁹.

15 декабря 2010 г. во время праздника Ашура в шиитской мечети иранского города Чахбахар (провинция Систан и Белуджистан, произошло два взрыва. В результате погибло 39 человек, включая новорожденного ребен-

ка, 95 человек оказались ранены. Ответственность за теракт взяла на себя «Джундалла»³⁰.

В период с 2005 по 2010 г. в ИРИ произошло еще несколько взрывов бомб. Например, четыре ребенка было ранено в результате ряда взрывов в Захедане 5 января 2005 г.; несколько взрывов прогремело рядом с нефтяным полем в Ахвазе 1 октября 2005 г. (в целом в Хузестане за 2005–2006 гг. прогремело 25 взрывов), объатыми пламенем оказались три нефтяные вышки; 7 мая 2006 г. был взорван вход в офис реформаторской газеты «Этемаде мели» в Тегеране, по счастливой случайности никто не пострадал; две бомбы были взорваны в Керманшахе 8 мая 2006 г., шесть человек получили ранения и т. п.³¹

Случаи похищения людей

В конце июня 2005 г. «Джундалла» похитила Шехаба Мансури, сотрудника министерства информации Ирана. Организация выступила с обращением к официальным властям Ирана о том, что Мансури будет убит, если государство не выпустит из тюрем сторонников этой организации. Группировка дала официальному Тегерану три недели на рассмотрение ее требований. 12 июля 2005 г. «Джундалла» распространила видеофильм, демонстрирующий казнь Шехаба Мансури³².

В 2006 г. боевики «Джундаллы» захватили в заложники более 20 военнослужащих КСИР и иранских чиновников³³. Их судьба неизвестна.

4 декабря 2008 г. в Иране было официально объявлено о том, что боевики «Джундаллы» казнили 16 иранских заложников. Абдольмалек Риги, лидер «Джундаллы», заявил, что заложники могли быть освобождены только в том случае, если из тюрем Ирана были бы выпущены все белуджи, брошенные туда по политическим обвинениям. Власти Ирана немедленно отклонили такое требование. Все заложники были военнослужащими сил правопорядка, проходившими действительную воинскую службу в гарнизоне города Саравана (провинция Систан и Белуджистан). Примерно полгода назад гарнизон был атакован силами боевиков «Джундаллы», которые захватили в заложники 16 военнослужащих. Обычно в таких случаях «Джундалла» переправляет захваченных заложников в Пакистан, где у нее имеются свои базы с надлежащей инфраструктурой. Примерно раз в две-три недели заложников расстреливали по двое, причем все это происходило перед объективами телекамер. В начале декабря стало ясно, что никого из заложников уже не осталось в живых. Один из заложников был освобожден, но это заслуга его родственников, выплативших «Джундалле» большой денежный выкуп³⁴.

В октябре 2010 г. боевики «Джундаллы» захватили в заложники сотрудника Организации по атомной энергии Ирана Амира Хоссейна Ширани³⁵.

Террористические организации, действующие на территории Ирана

Группы, которые совершали террористические акты на территории ИРИ в последние годы, никак не проявляли себя до 2005 г. Оказалось, что это совершенно новые террористические организации, которые пришли на место «Организации моджахедов иранского народа» (ОМИН*). Нужно остановиться на них подробнее.

«Джунуд Аллах, мождахеда ас-Сунна [Солдаты Аллаха, моджахеда Сунны]», или «Джундалла» (Junud Allah Organization for the Sunni Mujahideen in Iran) — организация, действующая в провинции Систан и Белуджистан и заявившая о себе, взяв в заложники и убив Шехаба Мансури, сотрудника министерства информации Ирана. Затем она захватила еще более 20 заложников, большинство из которых были расстреляны. Как было отмечено выше, организация требовала от официальных властей освободить из иранских тюрем своих сторонников. В дальнейшем она продолжала осуществлять теракты на территории Ирана. Есть данные, что она получает помощь со стороны США и Саудовской Аравии³⁶.

Партия свободной жизни Курдистана (ПСЖК) (Party of Free Life of Kurdistan, Partiya Jiyana Azad a Kurdistanê [РЯК]) — организация, действующая в провинциях Курдистан и Западный Азербайджан, является этнической террористической группой и выступает за независимость курдского населения Ирана. Группа взяла ответственность за серию нападений на иранских военнослужащих.

Арабское движение борьбы за освобождение Ахваза (The Arab Struggle Movement for Liberating Ahvaz) — организация, действующая в провинции Хузестан, является этнической террористической группой, выступающей за независимость арабского меньшинства в Иране, большинство

* «Организации моджахедов иранского народа» (ОМИН) — экстремистская организация левого толка, созданная в 60-х гг. прошлого века студентами и выпускниками Тегеранского университета. Ее члены вели в Иране вооруженную борьбу с шахским режимом и первоначально поддержали исламскую революцию 1979 года. Однако позже ОМИН обвинила духовенство в узурпации власти и развернула масштабную террористическую деятельность против Исламской Республики. Жертвами организованных ОМИН терактов стали десятки иранских политических и религиозных деятелей, в том числе бывший президент Ирана Али Раджаи. Основные силы ОМИН в течение нескольких лет базировались в Иранском Курдистане, однако были почти полностью разгромлены уже к середине 80-х гг. XX в. После этого руководство организации перебралось в страны Западной Европы, а остатки ее формирований — в соседний Ирак, где тесно сотрудничали с режимом Саддама Хусейна, откуда осуществляли террористическую деятельность на территории Ирана. В 2002 г. ОМИН начала сворачивать свою деятельность на территории Ирана из-за опасения ударов США по ее базам в Ираке. С 2003 г. информации ни об одном теракте моджахедов в ИРИ нет.

членов сосредоточено в Ахвазе — столице Хузестана. Группа взяла ответственность за две смертоносные атаки в Ахвазе: 12 июля 2005 г., когда было убито 10 и ранено 75 человек, и 24 января 2006 г., когда было убито 9 и ранено 46 человек. С января 2006 г. организация не брала на себя ответственности за совершенные в Иране теракты.

«Арабские смертники Хузестана» (Arab Martyrs of Khuzestan) — одна из четырех групп, взявших на себя ответственность за террористический акт в Ахвазе 12 июля 2005 г. Роль, которую играло данное движение в произошедших в Ахвазе событиях, не вполне ясна. Больше организация о себе не упоминала.

«Арабский народный демократический фронт» (The Arab People's Democratic Front (APDF)), базирующаяся в Лондоне, — сепаратистски настроенная марксистская организация, выступающая за независимость Хузестана. Главное ее требование — «марксистское арабское государство для народа Хузестана». Группа принимала активное участие в массовых волнениях в Хузестане в апреле 2005 г. Также организация принимала активное участие в подготовке терактов в Ахвазе 12 июля 2005 г. После показа интервью пресс-секретаря APDF Иран приостановил работу офиса «Аль-Джазиры» в стране³⁷.

«Группа военного возрождения Ахваза» (Afwaj al-Nahdah al-Musallahah Al-Ahwaz, The Armed Renaissance Group of Ahvaz) упоминается только в связи с терактом в Ахвазе 12 июля 2005 г. Других данных о данной организации нет.

«Вооруженная молодежь партизан-федаев [партизаны-шахиды]», (The Armed Youth of Cherikha-ye Fadayee [self-sacrificing guerillas]). Группировка заявила о себе, взяв на себя ответственность за убийство 2 августа 2005 г. в Тегеране сотрудника тегеранской прокуратуры, судьи Масуда Могаддаса. Больше эта организация о себе не заявляла³⁸.

Ответ иранских властей на совершенные теракты

Иранские власти ответили многочисленными арестами и смертными казнями в этнических регионах страны³⁹. В течение лишь одного ноября 2008 г. в Иране по подозрению в террористической деятельности были арестованы 972 белуджа⁴⁰.

9 мая 2010 г. в тюрьме Эвин в Тегеране были приведены в исполнение смертные приговоры, вынесенные пятерым членам ПСЖК. Они были обвинены в терроризме и закладке бомб в государственных учреждениях и в различных районах Тегерана. В ответ на эти действия в четверг 13 мая почти весь Иранский Курдистан охватила забастовка. Она сопровождалась повсеместным трауром и явилась ответом на призыв оппозиционных центральной власти курдских политических организаций. В провин-

ции в этот день закрылись магазины и ремесленные мастерские в городах и деревнях. К ним присоединились учебные заведения всех уровней. Движение транспорта в городах было парализовано. Сообщалось, что власти ввели в Курдистане военное положение⁴¹. 4 сентября 2010 г. в Иране были повешены еще пять курдов, обвиняемых в подрывной деятельности.

14 июля 2010 г. в Захедане были повешены 14 боевиков «Джундаллы», в том числе Абдолхамид Риги, брат Абдольмалека Риги, лидера террористической организации, который был казнен ранее — 20 июня 2010 г.⁴²

В борьбе с сепаратистами иранская армия не гнушалась действиями за пределами страны. Например, для зачистки местности от террористов иранские вооруженные силы 23 июня 2010 г. атаковали границу с Северным Ираком, где, как предполагается, базируются члены Курдской рабочей партии. Главный удар иранская армия нанесла по окрестностям Кандильских гор⁴³.

В конце октября 2009 г. в Пакистане в населенном пункте Машкель (близ пакистано-иранской границы) за незаконное нахождение на территории Пакистана были арестованы 11 сотрудников КСИР. Это произошло менее чем через неделю после двойного теракта в городе Сарбазе (провинция Систан и Белуджистан), в результате которого были убиты 42 человека⁴⁴.

В этой борьбе иранские вооруженные силы несли потери. 20 сентября 2010 г. на юго-востоке страны в районе Носратабада северо-западнее Захедана в столкновениях с террористами были убиты четверо сотрудников спецслужб, в том числе бригадный генерал Мохаммад Сар-Гользай⁴⁵.

Но были и большие достижения. 23 февраля 2010 г. иранскими спецслужбами был арестован лидер «Джундаллы» Абдольмалека Риги. Он и его помощник воспользовались услугами авиакомпании «Кыргызстан», осуществляющей прямые рейсы из Дубая в Бишкек (билеты на этот рейс, по данным иранских СМИ, были приобретены ими на другое имя и по фальшивым документам). Два истребителя иранских ВВС вынудили этот самолет приземлиться в городе Бендер Аббас, находящемся на юге Ирана. На борт самолета поднялись не менее четырех сотрудников иранских спецслужб в черных масках, которые вывели из самолета Риги и его помощника.

Через несколько дней по иранскому телевидению была показана запись признания Риги, где он говорил о сотрудничестве с ЦРУ. 20 июня 2010 г. смертный приговор Риги был приведен в исполнение. Это вызвало всплеск активности «Джундаллы»⁴⁶.

В апреле 2010 г. силы безопасности ликвидировали террористическую группировку, связанную с религиозными экстремистами, которая планировала, по мнению спецслужб, совершить серию диверсий в провинции Курдистан и за ее пределами. У боевиков были изъяты документы, свиде-

тельствующие об их принадлежности к религиозно-экстремистскому движению, а также значительное количество оружия и боеприпасов⁴⁷.

Сообщения об арестах или уничтожении боевиков террористических организаций поступали из Ирана достаточно часто. Например, в августе 2010 г. силы безопасности ИРИ на северо-западе Ирана в ходе военной операции уничтожили 26 курдских боевиков, связанных с ПСЖК. Также в этом месяце на юго-востоке страны в провинции Систан и Белуджистан была обезврежена вооруженная группировка из четырех человек, связанная с «Джундаллой»⁴⁸.

Статистика террористической активности на территории Ирана

Если подсчитать количество терактов с 2005 по 2010 г. по иранским провинциям, то в провинции Систан и Белуджистан произошло 20 терактов, убитыми оказались 249, ранеными 391 человек; в провинции Хузестан было совершено 26 террористических актов, погибло 42, ранено 257 человек; в провинции Фарс в результате одного теракта погибло 14 и ранено около 200 человек. В Тегеране было осуществлено восемь терактов (20 погибших, семь раненых); в провинции Западный Азербайджан пять терактов (12 убитых, 93 раненых); в Курдистане — восемь терактов (38 погибших, один раненый). На остальные иранские провинции пришлось два теракта (двое погибших, 10 раненых) (рис. 1). Всего за пять лет жертвами терактов в ИРИ стали минимум 370 человек, минимум 959 человек были ранены.

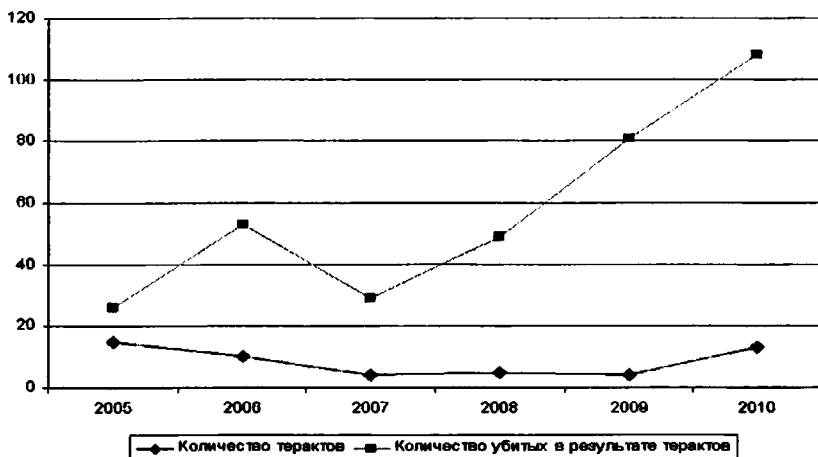

Рис. 2. Количество терактов и количество убитых в результате терактов в ИРИ с 2005 по 2010 г.

В общей сложности с 2005 по 2010 г. в Иране произошло минимум 68 упомянутых в СМИ террористических актов. Особенностью их осуществления является то, что при небольшом количестве инцидентов наблюдается значительное число жертв, причем с 2007 г. идет постоянное увеличение убитых в результате насильственных действий террористических групп (рис. 2).

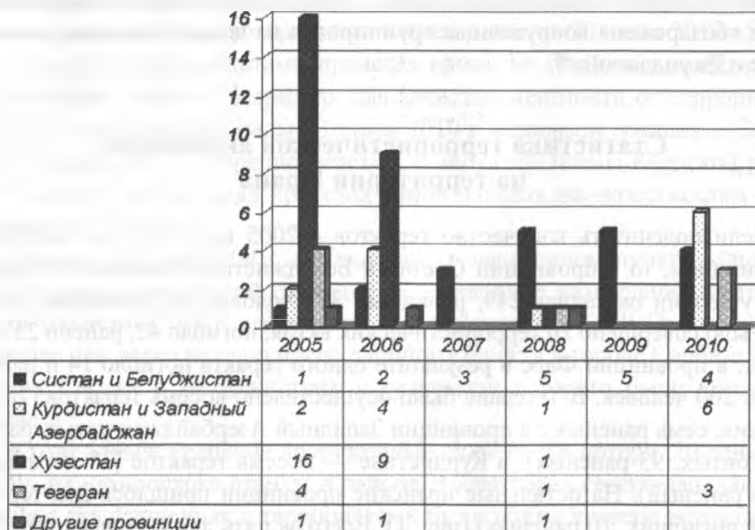

Рис. 3. Количество терактов в ИРИ с 2005 по 2010 г., распределенное по годам и провинциям

Одной из особенностей террористической активности в современном Иране является ее этническая составляющая. Подавляющее большинство терактов произошло в провинциях страны, где проживают этнические меньшинства. Как видно из рис. 3, наиболее взрывоопасной остается провинция Систан и Белуджистан. Начиная с 2007 г. террористическая активность «Джундаллы» начала возрастать, что можно проследить не столько по количеству совершенных ею терактов, сколько по числу убитых от ее рук военнослужащих ИРИ и гражданского населения (рис. 4). Преобладающей формой терактов «Джундаллы» были взрывы бомб и вооруженные нападения.

Другую динамику можно наблюдать в Курдистане и Западном Азербайджане, где действовала Партия свободной жизни Курдистана. После активной деятельности в 2005 и 2006 гг. она практически никак себя не проявляла в следующие три года, и только в 2010 г. ее акции приобрели достаточно интенсивный характер (рис. 3, 4). Наиболее распространенными формами террористических действий были вооруженные нападения на военнослужащих ИРИ.

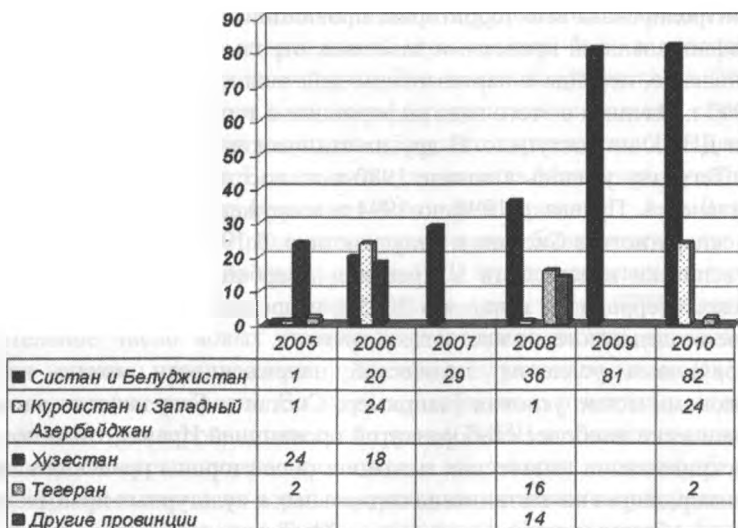

Рис. 4. Количество убитых в результате терактов в ИРИ с 2005 по 2010 г., распределенное по годам и провинциям

Успешными можно назвать действия иранских властей в Хузестане, где с 2007 г. не наблюдается ни одной жертвы теракта, хотя в 2005 г. и 2006 г. действия террористов в этой провинции были очень интенсивными (рис. 3, 4). Преобладающей формой терактов были взрывы бомб.

Тегеран и как город, и как одноименная провинция оставался единственным регионом этнического большинства, где произошло более одного террористического акта. Преобладающей формой террористической активности были заказные убийства и покушения на убийство.

Причины усиления террористической активности в Иране

Период с 2005 по 2010 г. можно назвать временем преобладания этнического терроризма на территории Ирана. Проблема этнического сепаратизма достаточно остро стояла перед Ираном на протяжении всего XX в. После исламской революции 1978–1979 гг. напряженность наблюдалась практически на всех этнических окраинах страны. Самыми интенсивными акции протеста были в Иранском Курдистане. Сразу же после победы исламской революции все крупные города провинции были захвачены отрядами Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК). В конце 1979 г. в нее были введены части армии и КСИР, которые, несмотря на ожесточенную борьбу против курдов, долгое время (до 1982 г.) не мог-

ли контролировать всю территорию провинции⁴⁹. После захвата провинции официальными иранскими властями, отряды ДПИК продолжили сопротивление, перейдя к партизанским действиям, которые продолжались до 1997 г. Начиная с этого года информации о террористической деятельности ДПИК не поступало. В других этнических провинциях официально Тегерану удалось в начале 1980-х гг. восстановить относительную стабильность. Правда, с 1990 по 1994 г. вооруженную активность проявляли сепаратисты в Систане и Белуджистане. В 1996 г. наблюдались большие всплески недовольств в Иранском Азербайджане. Новый этап этнического терроризма начался в 2005 г. и продолжается, как показывает данное исследование, до настоящего времени.

Причинами усиления этнической напряженности можно назвать как экономические условия (например, Систан и Белуджистан является экономически наиболее слаборазвитой провинцией Ирана), так и политику дискриминации этнических меньшинств со стороны иранских властей (например, запрет на отстаивание социальных и культурных прав, включая право на образование на родном языке⁵⁰). Также необходимо учитывать историческую традицию этнического сепаратизма на окраинах Ирана.

Нельзя сбрасывать со счетов и фактор иностранного вмешательства. В организации совершенных террористических актов официальный Тегеран часто обвинял спецслужбы США и Великобритании. Это утверждение до некоторой степени подтверждается независимыми источниками. Например, английская Индепендент пишет о том, что спецназ Великобритании в настоящее время действует в Юго-Восточном Иране⁵¹. А американская телекомпания ABC News 3 апреля 2007 г. сообщила, что с 2005 г. американская разведка координировала действия группировки «Джундалла», ответственной за совершение ряда терактов на иранской территории. Телекомпания утверждала, что США осуществляли финансирование «Джундаллы» из неподконтрольных президенту и Конгрессу США фондов. Деньги передавались лидеру группировки Абдольмалеку Риги через иранских эмигрантов, обладающих связями в странах Европы и Персидского залива⁵². По мнению некоторых экспертов, в 2008 г. администрации Джорджа Буша удалось добиться от Конгресса согласия на выделение 400 миллионов долларов для «Джундаллы» и других антииранских террористических групп⁵³.

Основные тенденции террористической активности в Иране

Несмотря на усиление в последние годы террористической активности в ИРИ, ее доля в региональном контексте остается незначительной. Например, за один ноябрь 2008 г. в Ираке от рук террористов погибло 340 человек⁵⁴, что сопоставимо с количеством жертв в Иране за весь период

с 2005 по 2010 г. Конечно, влияние одного террористического акта на политическую ситуацию в определенной стране может быть в десятки раз сильнее, чем сотни терактов в другой. Это доказала деятельность ОМИН в начале 80-х гг. прошлого века, когда в результате нескольких терактов от ее рук погибли десятки депутатов иранского парламента и членов правительства, председатель Верховного суда аятолла Мохаммед Хусейн Бехешти, премьер-министр Мохаммед Бахонар и президент Али Раджаи. Но нельзя сказать, что в Иране за последнее время были схожие случаи.

В целом за последние шесть лет в ИРИ прослеживалось несколько тенденций. Во-первых, в последние годы на территории ИРИ появилось значительное число новых этнических террористических организаций, которые успешно противостояли иранским вооруженным силам. Их количество может еще возрасти. Во-вторых, необходимо отметить разнообразие действий этих террористических групп (ОМИН в последние годы своей активности ограничивалась ракетными обстрелами военных объектов ИРИ), что проявлялось во взрывах, организации заказных убийств, в вооруженных нападениях и во взятии заложников. Скорее всего, в будущем применение различных террористических методов сохранится. В-третьих, за 2005–2010 гг. при относительно небольшом количестве терактов наблюдалось значительное число жертв. Эти акции, как правило, были очень хорошо спланированы, что может указывать на помощь в их проведении спецслужб иностранных государств. Можно прогнозировать дальнейшее увеличение жертв терактов, на что указывает динамика последних четырех лет, когда число убитых в результате террористических действий каждый год значительно возрастало. Все эти тенденции говорят о том, что в ближайшее время Ирану не удастся полностью избавиться от террористической угрозы. Более того, есть большая вероятность, что она еще больше возрастет.

Примечания

¹ Brandon J. Tehran faces growing Kurdish opposition // The Washington Times. 3 April 2006/<http://www.washingtontimes.com/news/2006/apr/3/20060403-125601-8453r/?page=1>

² Terrorism Incident database 1968–2007 (TID) // Memorial Institute for the Prevention of Terrorism. 2005, 2007 // <http://www.terrorisminfo.mipt.org/incidentcalendar.asp>

³ Сажин В. И. Иран: январь 2009 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 18 февраля 2009 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

⁴ Сажин В. И. Иран: октябрь 2009 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 27 ноября 2009 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

⁵ Сажин В. И. Иран: апрель 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 28 мая 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

- ⁶ Сажин В. И. Иран: сентябрь 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 12 ноября 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ⁷ Сажин В. И. Иран: октябрь 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 10 декабря 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ⁸ Terrorism Incident database 1968–2007 (TID) // Memorial Institute for the Prevention of Terrorism. 2005 // <http://www.terrorisminfo.mipt.org/incidentcalendar.asp>
- ⁹ Солдатов А. Иран: теракты или подрывные акции // Исследовательский центр Agentura.Ru. 2007 // <http://www.agentura.ru/dossier/iran/subversive/>
- ¹⁰ Global Terrorism Database // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. 2010 // <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=200810180002>
- ¹¹ Сажин В. И. Иран: январь 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 27 февраля 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ¹² В Иране убит прокурор города Хой // Вести.RU. 18.01.2010/<http://vesti.vgtrk.com/doc.html?id=336448&tid=70213>
- ¹³ Сажин В. И. Иран: сентябрь 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 12 ноября 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Сажин В. И. Иран: ноябрь 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 11 января 2011 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ¹⁶ Elias D. Previously unknown Arab group claims responsibility for weekend bombings in Iran's Ahvaz. 2005 // <http://www.encyclopedia.com/doc/1P1-109975722.html>
- ¹⁷ Terrorism Incident database 1968–2007 (TID) // Memorial Institute for the Prevention of Terrorism. 2005 // <http://www.terrorisminfo.mipt.org/incidentcalendar.asp>
- ¹⁸ Там же, 2005, 2006.
- ¹⁹ PJAK // Wikipedia/http://en.wikipedia.org/wiki/PJAK#cite_note-20
- ²⁰ Солдатов А. Иран: теракты или подрывные акции // Исследовательский центр Agentura.Ru. 2007 // <http://www.agentura.ru/dossier/iran/subversive/>
- ²¹ Iran executes five political prisoners // Amnesty International report. 12 May 2010 // <http://www.amnesty.org.au/news/comments/23014/>
- ²² Coughlin C. Iranian military convoy rocked by mystery explosion // Telegraph. 25 Jul 2008 // <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/2455428/Iranian-military-convoy-rocked-by-mystery-explosion.html>
- ²³ Global Terrorism Database // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. 2010 // <http://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=200812290024>
- ²⁴ Ответственность за взрыв в Иране взяла на себя «Армия Аллаха» // NEWSru.co.il. 29 мая 2009 г./<http://www.newsru.co.il/mideast/29may2009/jund912.html>
- ²⁵ Террористы подложили бомбу в иранский самолет // NEWSru.co.il. 31 мая 2009 г./<http://www.newsru.co.il/mideast/31may2009/iran8003.html>
- ²⁶ Сажин В. И. Иран: октябрь 2009 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 27 ноября 2009 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ²⁷ Варганян А. М. Терракт в Захедане в контексте угроз внешней безопасности Ирана // Институт Ближнего Востока. 04 августа 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

- ²⁸ Сажин В. И. Иран: август 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 09 октября 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ²⁹ Сажин В. И. Иран: сентябрь 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 12 ноября 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ³⁰ Iran suicide bombing: Chabahar mosque hit by attack // BBC News. 15 December 2010/<http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-11997679>
- ³¹ Terrorism Incident database 1968–2007 (TID) // Memorial Institute for the Prevention of Terrorism. 2005, 2006 // <http://www.terrorisminfo.mipt.org/incidentcalendar.asp>
- ³² Там же, 2005.
- ³³ Amnesty International report (AIR). Iran. 2007 // <http://report2007.amnesty.org/rus/Regions/Middle-East-and-North-Africa/Iran>
- ³⁴ Месамед В. И. Иран: белуджская «Джундалла» набирает обороты // Институт Ближнего Востока. 13 декабря 2008 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ³⁵ Сажин В. И. Иран: октябрь 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 27 ноября 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ³⁶ Месамед В. И. Иран: белуджская «Джундалла» набирает обороты // Институт Ближнего Востока. 13 декабря 2008 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ³⁷ Солдатов А. Иран: теракты или подрывные акции // Исследовательский центр Agentura.Ru. 2007 // <http://www.agentura.ru/dossier/iran/subversive/>
- ³⁸ Terrorism Incident database 1968–2007 (TID) // Memorial Institute for the Prevention of Terrorism. 2007 // <http://www.terrorisminfo.mipt.org/incidentcalendar.asp>
- ³⁹ Amnesty International report (AIR). Iran. 2008 // <http://thereport.amnesty.org/rus/regions/middle-east-and-north-africa/iran>
- ⁴⁰ Месамед В. И. Иран: белуджская «Джундалла» набирает обороты // Институт Ближнего Востока. 13 декабря 2008 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ⁴¹ Сажин В. И. Иран: май 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 01 июля 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ⁴² В Иране повешены несколько боевиков суннитской группировки «Джундоллах» // NEWSru.co.il. 14 июля 2009 г./<http://www.newsru.co.il/mideast/14jul2009/jun8003.html>
- ⁴³ Сажин В. И. Иран: июнь 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 30 июля 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ⁴⁴ 11 боевиков элитного подразделения КСИР арестованы на территории Пакистана // NEWSru.co.il. 26 октября 2009 г./ <http://www.newsru.co.il/mideast/26oct2009/ksir502.html>
- ⁴⁵ Иранский генерал был убит в столкновении с «боевиками» // NEWSru.co.il. 20 сентября 2008 г./http://www.newsru.co.il/mideast/20sep2008/general_127.html
- ⁴⁶ В Иране казнен лидер организации «Джундалла» А. Риги, задержанный по пути в Бишкек // ЦентрАзия. 20.06.2010/<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1277052420>
- ⁴⁷ Сажин В. И. Иран: апрель 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 28 мая 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ⁴⁸ Сажин В. И. Иран: август 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 09 октября 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

⁴⁹ Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М., 1996, с. 230.

⁵⁰ Amnesty International report (AIR). Iran. 2009 // http://thereport.amnesty.org/sites/default/files/AIR2010_AZ_RU.pdf#page=117

⁵¹ Fisk R. Playing the Iranian Game: War of Humiliation // Counterpunch. April 2, 2007 // <http://www.counterpunch.org/fisk04022007.html>

⁵² Солдатов А. Иран: теракты или подрывные акции // Исследовательский центр Agentura.Ru. 2007 // <http://www.agentura.ru/dossier/iran/subversive/>

⁵³ Сажин В.И. Иран: июнь 2010 года. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 30 июля 2010 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

⁵⁴ Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (ноябрь 2008 года) // Институт Ближнего Востока. 07 декабря 2008 // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

Раздел VI

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРЦИИ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА

Н. Г. Куреев

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВЯЩЕЙ В ТУРЦИИ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Этой теме было посвящено выступление премьер-министра Турции Р. Эрдогана перед парламентской группой правящей Партии справедливости и развития 4 января 2011 г. Прежде всего лидер партии напомнил, что Турция, как и другие страны, пережила год самого большого, глобального экономического кризиса. Несмотря на это, за 9 месяцев 2010 г. экономический рост составил примерно 8,9% против запланированных 6,8%. ВВП по итогам прошедшего года составил 730 млрд. долл. либо больше против 742 млрд. долл. в 2008 г. Инфляция в 2010 г. исчислялась в 6,4% против запланированных 7,5%. Объем экспорта вместо плана в 111,7 млрд. долл. достиг 113 млрд. долл. Изменилась структура экспорта — теперь первое место вместо готовой одежды занимают сухопутные транспортные средства. В целом страна вышла из мирового экономического кризиса, «партия начинает готовиться к парламентским выборам, намеченным на июнь текущего года», причем в своих экономических планах ПСР ориентируется не столько на всеобщие выборы 2016 г., сколько на долгосрочную задачу, — успешно отметить 100-летие Республики в 2023 г.

Обратившись к проблеме образования, Р. Эрдоган напомнил, что когда ПСР пришла к власти, в стране действовало 76 университетов; теперь их насчитывается 156 и турецкая молодежь может получить университетское образование не только в Стамбуле или Анкаре, но и в самых отдаленных городах страны — Муше, Ыгдыре и др. С декабря увеличена стипендия в университетах — до 150 лир (немногим более 100 долл.). Подробно перечислил премьер и перемены в социальной сфере — в здравоохранении, жилищном строительстве, энерго- и газоснабжении, коммуникациях. Обеспечивается равноправие независимо от этнической и религиозной принадлежности, при этом Т. Эрдоган неоднократно возвращался к обеспечению конституционных прав для цыганского населения страны. «Благополучие Турции, ее счастье, ее надежды и энтузиазм возросли. Все

это не ограничивается только пределами самой Турции, мы укрепили позиции Турции в Европе, во всем мире. Всему миру мы представили Турцию заново, как яркую звезду, как возвысившуюся экономику, как зону спокойствия и стабильности». Р. Эрдоган напомнил, что именно обещала партия при создании — «...мы обещали, что не будет ни этнической, ни местнической, ни религиозной предпочтительности», ПСР объединяет всех — «турок, курдов, лазов, черкесов, грузин, абхазов, цыган, и всех других», этническое многообразие «составляет богатство страны». Одновременно было заявлено, что «есть только одно знамя, одна нация, одна родина, одно государство... Расы, племена, их связи, цвета, языки, верования могут различаться и вызывать уважение... Нация же объединяет эти различия и эти связи, возвышается над ними». В конечном счете, «как бы ни различались между собой люди, все они рабы божьи». Ранее «некоторые матери в этой стране не могли разговаривать со своими детьми на родном языке, но мы предприняли серьезные шаги, чтобы обеспечить свободное пользование различными языками и наречиями. Мы начали 24-часовое вещание на курдском и арабском языках на государственном телевидении». Премьер сообщил, что уже два года реализуется и обсуждается Проект Национального Единства и Братства, правда, не все его приняли. В заключение лидер ПСР заверил, что партия сделает все, чтобы позаботиться о каждом из 73 млн. жителей страны¹. СМИ сообщали и о ближайших экономических планах правящей партии; был опубликован Документ по промышленной стратегии Турции на 2011–2014 гг., оценивающий возможности турецкой промышленности по повышению ее конкурентоспособности и эффективности, увеличению производства за счет расширения экспорта и развития технологии. Что касается долгосрочной стратегии развития, то к столетию республики она предусматривает ежегодный рост экономики на 7%, увеличение доли промышленности до 30%, а капиталовложений — с нынешних 19 до 27%².

К этой информации можно присовокупить и новогоднее выступление министра иностранных дел Ахмеда Давутоглу перед приглашенными на совещание в Анкару 180 послами Турции за рубежом. А. Давутоглу заявил на этой, уже третьей такого рода ежегодной встрече с послами, что надеется на благоприятное развитие международной обстановки и что в таком случае Турция при создании системы международной безопасности станет одним из ее краеугольных камней. «У нас есть на это право, есть опыт, есть и достаточно сил для этого». Он заявил, что Турция после окончания холодной войны намерена в XXI веке занять место в ряду учредителей регионального и мирового порядка. «Мы против всех видов поляризации, будь это поляризация Север — Юг или Восток — Запад»; «у Турции нет намерения кем либо управлять». Ориентация — на внутреннее развитие, на совместное развитие, на равноправие³.

Как бы обобщая высказывания властей страны об очевидном возвышении ее авторитета не только на региональном, но и на глобальном уровне, Р.Т. Эрдоган напомнил в американском еженедельнике «Ньюсуик», что в последние периоды существования Османской империи европейские лидеры называли ее «большим человеком Европы». Теперь же Турция — и об этом свидетельствует заголовок статьи — «здоровый человек Европы»; благодаря своим экономическим и политическим успехам она стала в ряд с новыми глобальными игроками, такими как Бразилия, Индия. Ныне даже в статусе кандидата в члены ЕС Турция со своей крупной и наиболее быстро развивающейся экономикой оказывает благотворное воздействие на экономическое развитие и политическую стабильность в ЕС, и это будет продолжаться в 2011 г. Более того, при приближении к 2050 г. Турция станет второй по величине экономикой Европы, причем она «обладает крупными энергоресурсами», в которых так остро нуждается Европа.

Как полагает Р. Эрдоган, дело не только в экономике. От Балкан до Кавказа Турция проводит внешнюю политику, ориентируемую на будущее. Ее цель — «ноль проблем, неограниченная торговля». С 61 страной Турция имеет безвизовый режим. Что касается вступления в ЕС, «Турция — не покорный проситель у дверей ЕС». Либеральной и демократической Европе следует ждать углубления реформ в Турции. Но и наоборот, у Европы, кроме Турции, нет подлинной альтернативы. Для укрепления своей мощи ЕС ощущает потребность в Турции прежде всего на глобальном уровне — для того чтобы оставаться Союзом «более сильным, более богатым, более обширным, более надежным»⁴.

Нынешняя власть в Турции заявляет о своей уверенности и способности в ближайшие годы вывести страну по многим показателям, не только экономическим, на уровень мировых лидеров. Такие заявления понятны в связи с планируемыми на июнь 2011 г. очередными выборами в ВНСТ, поэтому к теме успехов ПСР активно обращаются турецкие СМИ. С пафосом оценивает рост влияния Турции в ближневосточном регионе М. А. Биранд: «Впервые Турции везет. Экономика сильна и становится еще сильнее. Частный сектор преодолел себя и требует новых рынков. Что бы там ни говорили, и экономически и политически положение страны стабильно. В результате в своей внешней политике она выбралась из скорлупы, отказалась от прежних заячьих страхов, начала искать свой путь в регионе, используя географические преимущества, историческое наследие, собственную культуру, религиозный фактор и экономический вес... Своей операцией с судном “Мави Мармара” Эрдоган покорил регион... В основе всего этого — усилия по созданию в регионе собственной сферы экономического и политического влияния». Автор статьи, вместе с тем, напоминает, что помимо экономических успехов и стабильности в стране требуется и другое, очень важное: «...в ваших руках должна быть также

и палка. Если ваши вооруженные силы слабы, вы со своими идеями “мягкой силы” можете отправляться, знаете куда. Турецкие вооруженные силы слабы в своем нынешнем состоянии, они конфликтуют с властью, озабочены своими ранами и все прикидывают, принять новый режим или не принять. И по своему вооружению они не соответствуют возможным сценариям в регионе». Если Турция намерена упрочить свое влияние в регионе, подчеркивает Биранд, она должна немедленно открыть новую страницу в истории своих вооруженных сил, которым следует договориться с властью, уйти из политики, заняться перевооружением⁵.

Вместе с тем, некоторые явления в политической жизни Турции на рубеже 2010–2011 гг. свидетельствуют о сохранении серьезных проблем, которые могут воспрепятствовать осуществлению в полной мере вышеуказанных надежд. К. Гюрсель в своей статье «Разорванная Турция», комментируя вышеуказанное выступление А. Давутоглу, отмечает, что «сегодня Турция более разорвана по сравнению с тем временем, когда Хантингтон писал об этом же в своей книге о конфликте цивилизаций. Разрывов этих много — курдский вопрос, алевиты, поляризация между светскостью и исламом, и даже завуалированный разрыв между прежней правящей элитой и нынешней»⁶. В том же номере «Миллиет» тему «раздела Турции» поднимает Доган Хепер. Он пишет, что Турция «со своим 73-миллионным населением и своей предприимчивостью могла бы стать супердержавой в своем регионе и в мире. Но ей говорят “стоп” и стремятся навязать новый Севр» (автор имеет в виду курдскую проблему). «И дело вовсе не в родном языке, никто не против этого. Суть озвучена на Конгрессе Демократической Автономии. Вы говорите одно, они — другое: второй язык, т. е. двуязычие, самоидентификация курдов, отдельный меджлис, отдельные флаг и другие символы, собственно курдские имена, собственная оборона, отдельное название — Курдский автономный район, независимое правительство и т. д. Иными словами, если не сейчас, то на ближайшее время планируется независимость. И все это сегодня стремятся навязать Турции». Автор статьи пишет, что в ответ на широкую реакцию по поводу всего этого пребывающий в тюрьме А. Оджалан заявляет, что «...мы не стремимся к отдельному государству и отдельному флагу». «Но тогда что означает заявление Конгресса Демократической Автономии? Турция не может жить под страхом раздела. Наши братья курдского происхождения, верные Анкаре, живут там как пленники, молчаливо борясь за свою жизнь», это следует остановить и усилиями гражданских властей немедленно создать «временную коалицию», чтобы в короткое время покончить со сложившейся ситуацией⁷.

Действительно, внутривнутриполитическая обстановка в конце 2010 — начале 2011 гг. свидетельствует, что как правящая власть, представленная с 2002 г. происламской Партией справедливости и развития, так и значительная часть традиционно светских кругов страны далеки от взаимопонимания в оконча-

тельном определении пути развития республики и способов решения внутренних проблем, прежде всего курдской. Это показали и события, связанные с празднованием 29 октября 2010 г. в Турции национального праздника — 87-й годовщины провозглашения Республики и одновременно — избрания Мустафы Кемаля (Ататюрка) президентом Турецкой Республики.

Официальные торжества традиционно начались в столице государства перед Мавзолеем Ататюрка. Это величественное здание утром посетили все: и руководство страны во главе с президентом А. Гюлем и премьер-министром Р.Т. Эрдоганом, и лидеры политических партий, и руководство Вооруженных Сил во главе с начальником Генерального штаба. Правда, как заметили СМИ, политические лидеры-соперники подчас отводили глаза друг от друга, чтобы не подойти и не пожать руку.

А на официальный прием в президентском дворце не прибыли представители военной верхушки во главе с начальником Генштаба армейским генералом Ышыком Кошанером, не было и лидера оппозиционной Народно-республиканской партии К. Кылычдароглу; также не отозвался на приглашение Х. Джиндорук, в свое время — председатель Великого Народного Собрания Турции. Премьер-министр Р.Т. Эрдоган обратил на это внимание окружающих, отметив, что «...президентский дворец — место официального приема, и представителям Вооруженных Сил следовало быть здесь, а не устраивать свой прием в Доме Армии». Как бы в ответ на это Х. Джиндорук заявил, что он осознанно не ответил на приглашение, поскольку считает, что президент А. Гюль действует не как глава Республики, а как дублер главы правящей партии⁸. В ряде аналогичных случаев не обнаружилось должного взаимопонимания и у провинциальных властей. На праздничном приеме у губернатора Эрзинджана, по сообщению газеты «Радикал», женам председателя муниципалитета и руководителя местного отделения правящей партии ПСР, пришедшим в платках, хозяин приема предложил подняться в зал, который был этажом выше зала общего приема, где женщины были без платков. Некоторое время спустя он поднялся наверх и поздравил с праздником всех, кто там был.

Что это — свидетельство сохранения раскола в правящей элите страны? С одной стороны, имеется традиционно влиятельная, но ныне оказавшаяся в оппозиции светская политическая верхушка, представленная и генералитетом. Эта часть элиты, недавно находившаяся у власти, исходит из кемалистских принципов построения общества, одним из которых значится светскость; ее конкретное понятие формулируется в текстах конституций, содержащих неизменное положение о «вечном» сохранении т. н. «революционных законов». Они перечислены в прежних конституционных текстах и в ныне действующей Конституции 1982 г. в статье 174: «Никакое положение Конституции не должно рассматриваться и истолковываться таким образом, что Конституции противоречат действующие

в день принятия Конституции всенародным голосованием положения нижеуказанных законов о реформе, направленных на достижение турецким обществом уровня современной цивилизации и отстаивание светского характера Турецкой Республики:

- 1) Закон об унификации образования — № 430 от 3 марта 1340 года (1924 года) (т. е. о светском характере образования. — *Н. К.*);
- 2) Закон о головных уборах № 671 от 25 ноября 1341 года (1925 года);
- 3) Закон о запрещении дервишеских орденов и обителей, упразднении ряда сторожек при гробницах дервишеских званий — № 677 от 30 ноября 1341 года (1925 года);
- 4) положение Закона об актах гражданского состояния — № 743 от 17 февраля 1926 года о регистрации брака государственными служащими и положение статьи 110 названного Закона;
- 5) Закон о принятии международной системы мер — № 1288 от 20 мая 1928 года;
- 6) Закон о принятии и применении турецкого алфавита — № 1353 от 1 ноября 1928 года;
- 7) Закон об упразднении обращений и титулов, подобных «эфенди», «бей», «паша», — № 2590 от 26 ноября 1934 года;
- 8) Закон о недопустимости ношения некоторых видов одежды № 2596 от 3 декабря 1934 года⁹.

С другой стороны, это новые (начиная с 2002 г.) власти страны, постоянно получавшие на парламентских выборах поддержку большинства избирателей (не менее 60%) и контролирующие с тех пор парламент, формирующие правительство и частично судебную власть.

Партии в ВНСТ	
Партия справедливости и развития	334
Народно-республиканская партия	101
Партия националистического движения	72
Партия мира и демократии	20
Независимые	7
Демократическая левая партия	6
Партия Турции	1
Всего (из 550)	541

Источник: http://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/milletvekillerimiz_sd.dagilim (данные на 05.02.2011)

Лидеры ПСР претендуют на построение в стране, как они заявляют, нового, демократического общества, причем на принципах полного отделения религии от государства, свободы отправления веры в условиях построения нового гражданского общества. При этом произошли значительные перемены и в другом направлении — ограничено участие военной верхушки в политике и прежде всего в политическом руководстве страны, в Совете национальной безопасности, и эта перемена приветствовалась большинством турецкого общества и западными союзниками. Более того, на немалое число военных высшего ранга, включая отставных генералов, наброшены некие судебские сети, именуемые заговорами «Эргеникон» и «Молот». Эти «сети» — набор предположений, подозрений, официально предъявленных обвинений, в них подозреваемые и обвиняемые уже не один год весьма прочно запутаны в них и конца этим судебным разбирательствам пока не видно. Тем не менее подозреваемые и некоторые осужденные стараются выбраться из таких «сетей» и оправдаться, и, насколько это возможно, протестуют, апеллируют к общественности, в среде которой есть немало их защитников.

Правда, не всегда идет речь о поддержке военной верхушки большинством общества. Сразу же следует оговориться, что поводы к протестам во время переворотов турецкие военные давали — и при перевороте 1960 г. и особенно при перевороте 1980 г. Основные и весьма жестокие удары наносились ими все же по левым силам, поскольку популярной была ссылка на «угрозу коммунизма». Тогда исламизм в этом смысле занимал второе место. Произошел также и некий завуалированный переворот 1997 г., названный впоследствии «мерами 28 февраля», когда генеральское большинство в Совете национальной безопасности «мирно» принудило тогдашнее правительство во главе с исламистом Н. Эрбаканом уйти в отставку, сумев привлечь к этому президента страны С. Демиреля. Сейчас в некоторых турецких СМИ совершенные военным руководством перевороты и его действия именуются фашистскими.

Новая (с конца 2002 г.) власть, используя периодические парламентские и местные выборы, через предлагаемое ею новое законодательство ведет неторопливый и, как правило, осторожный поиск мер, каковые могут быть инструментами их новаторства и общественно-политического обновленчества. Речь идет, прежде всего, о новом толковании таких понятий, как светскость, секуляризм, гражданское общество и др., пересмотре государственной идеологии, при переоценке множества давних и недавних событий, действий прежних властей, прежде всего военных, включая таких жестоких, как казнь через повешение осенью 1961 г. премьер-министра А. Мендереса. Более того, после принятия на всенародном референдуме 12 сентября 2010 г. предложенных властью (и одобренных ЕС) поправок в действующую конституцию, руководство страны заявило, что при всех

таких поправках эта конституция остается продуктом военного переворота 12 сентября 1980 г., и оно предложит новую конституцию, полностью демократическую, если, как оно надеется, его поддержит на будущих парламентских выборах в июне 2011 г. большинство избирателей.

При этом некоторые спорные вопросы кажутся представителям власти фактически согласованными. Так считает, например, Председатель Совета по высшему образованию проф. Озджан, когда говорит о том, что теперь «можно носить или не носить» головной платок студенткам. Он заявил корреспонденту правительственной газеты «Ени шафак»: «По нашему мнению, вопрос закрыт и мы в это уже не вмешиваемся. Это дело касается политиков, пусть они им занимаются. Мы решили университетскую сторону дела и пришли к консенсусу — в университетах ношение головного платка свободно... По-моему, все решено»¹⁰.

Что касается всемерно популяризируемого властью понятия «гражданское общество», то, в представлении умеренных исламистов, оно будет отлично от европейского. В турецких СМИ можно встретить предположения, что наряду с имеющимися традиционными институтами гражданского общества — партиями, профсоюзами, всевозможными конфедерациями, ассоциациями и союзами, важной составляющей гражданского общества, по мнению ПСР, могут оказаться религиозные ордена, джемааты и т. п. Такие духовно свободные, независимые от государства (но не от своего шейха) религиозные образования и сообщества давно действуют в стране, и некоторые из них чрезвычайно влиятельны, имеют свои СМИ, более того, они активно помогали ПСР прийти к власти. При этом постороннему наблюдателю трудно понять, как они могут легально существовать, если действует один из упомянутых выше кемалистских законов — закон о запрете тарикатов.

Как известно, такие явления религиозного «орденства» и даже сектантства встречались и встречаются в разных странах и разных религиях (католический орден иезуитов в прошлом, современная японская секта Аум Синрике, действовавшая и в России, заполучив там на некоторое время «души» даже в высших эшелонах власти; при этом в США, Канаде, Евросоюзе и других странах она причислена к числу террористических групп). Эти организации пытаются тайно, иногда путем поборов, с помощью накопленных немалых финансовых средств, как можно глубже внедриться в разные слои общества какой-либо страны, стать популярными, сохранив при этом закрытость своей структуры и «непопулярные» истинные цели и виды своей деятельности. Они начинают с провозглашения привлекательных лозунгов и обещаний, а затем трансформируются в секты с «двойным дном», активно влияющие на политическую жизнь страны.

В Турции лидером в этом смысле можно рассматривать джемаат Ф. Гюлена. Какова истинная структура этой общины, в соответствии с ка-

ким законом она действует в Турции и как отражена в справочниках, ежегодниках, статистике — выяснить трудно даже в турецких поисковиках Интернета. Один турецкий автор, который близко ознакомился с деятельностью этого джемаата, в 2002 г. был убит неизвестным преступником. Он писал в своей книге, что по финансовым возможностям джемаат Гюлена способен «купить почти каждого и почти все». О благотворительности джемаата, о школах Гюлена по всему миру — в странах Европы, Азии (включая СНГ), Африки — можно узнать много, и об этом с гордостью сообщают СМИ и сайты, финансируемые самим джемаатом. Но найти официальные, предусмотренные законодательством данные, отчеты об источниках финансирования джемаата, всех его расходах и т. п. невозможно. Каков устав джемаата, кто его члены, с какими фондами и вакуфами он связан? В его роскошных изданиях мы находим чаще всего лишь хвалебные высказывания о величии, исключительности личности Гюлена, причем в такого рода восхвалениях активно участвуют не только некоторые турецкие авторы, но подчас и российские востоковеды. Кстати, появились сообщения, что т. н. «платформа Абант», давно известная как детище сторонников Гюлена и «отметившаяся» в Российской Федерации, займется и подготовкой предложений по новой конституции. Здесь уместно поставить вопрос, не станет ли прежнее гражданское общество Турции с таким своим прежним изъяном, как засилье военщины с ее военными переворотами, уже новым «гражданским обществом», в котором будет присутствовать тоталитарный диктат орденов и джемаатов с их миллиардами и полубогами-шейхами?

В связи с этим встает вопрос о судьбе крупнейшего проекта кемалистов 20-х гг., связанного с религией — Управления по делам религии (УДР), ставшего светской заменой института шейхульислама, который веками ведал всеми вопросами государственной религии — ислама — в Османской империи. Это учреждение упомянуто статьей 136-й в действующей конституции (управление «входит в структуру органов администрации, осуществляет свои обязанности в соответствии с принципами лаицизма») как одно из государственных учреждений при Совете министров Турции. Соответствующий закон предусматривает деятельность УДР по вопросам веры, богослужения, нравственности, религиозного просвещения общества, управления культовыми учреждениями. Согласно отчету управления за 2009 г., оно располагает обширной сетью религиозных кадров, формально — государственных служащих (около тысячи человек в центральных органах и свыше 80 тыс. в провинциальных подразделениях — это муфтии, проповедники, имам-хатибы, муэдзины и др.), мечетей, учебных заведений, курсов как в самой Турции, так и в качестве советников и атташе за рубежом — в США, Европе, Российской Федерации, Азербайджане, государствах Центральной Азии и др. странах. Всего за рубежом

работает 1350 человек персонала этого управления; это также собственная издательская деятельность, включая выпуск нескольких периодических изданий, и сеть книжных магазинов¹¹. Более ранние данные свидетельствуют, что УДР сумело построить к концу XX в. в странах Западной Европы 1200 «своих» мечетей, на организованных им курсах Корана и религиозных знаний училось 55 тыс. турецких детей. Общества, контролируемые этим управлением, помимо религиозной деятельности, вели обучение кройке и шитью, компьютеру, иностранным и турецкому языкам и другим знаниям. Их представители навещают больницы, тюрьмы, нуждающихся в уходе на дому, «оказывают турецким гражданам, оказавшимся в трудном положении, моральную и психологическую помощь», все виды похоронных услуг.

Действует также созданный при Зарубежной службе УДР отдел по межрелигиозному диалогу, в программах его деятельности — организация и участие во встречах и дискуссиях с представителями других религий по проблемам межрелигиозного и мультикультурного сотрудничества. Своей важной задачей за рубежом УДР считает также публикацию различных изданий, книг — не только религиозных, но и научных, художественных, популярных, для детей, периодики, кассет, дисков и дискет, произведений искусства по религиозной тематике, истории ислама в Турции. Уже тогда было издано тиражом около 4,5 млн. произведений на 15 языках, включая западные, тюркские, арабский, русский, грузинский и др. Управление выпускает в Европе ежемесячный журнал на турецком языке «Диянет Аврупа», сопровождает его электронным аналогом в Интернете¹².

Можно ожидать, что это управление при нынешней власти «умеренного ислама» подвергнется изменениям, если даже и останется как госучреждение в той системе религиозных координат, которые ныне складываются. Поскольку религиозная деятельность в стране ныне тесно переплелась с политическим исламом всех оттенков, стала реальностью страны, фактически джемааты и другие религиозные и религиозно-политические сообщества с их фондами и вакуфами уже во многом если и не подменяют деятельность УДР, то дополняют и действуют вполне независимо. У них есть свои кружки, информационно-пропагандистские службы, включая Интернет, влиятельные СМИ, популяризируемые теневые лидеры.

Поскольку эта организация уже утратила свою «государственную монополию» в религиозных делах страны, она рискует оказаться в распоряжении некоторых влиятельных джемаатов и политиков-ислаμισов. Один из депутатов парламента от НРП М. Озюрек обратил внимание на то, что на прошедшем 12 сентября 2010 г. референдуме по поводу принятия поправок, предложенных ПСР к действующей конституции, имамы — служащие УДР открыто вели кампанию в поддержку партии власти. Одновременно он выразил удивление по поводу значительного увеличения

бюджета этого учреждения; его размеры превысили вместе взятые бюджеты министерств энергетики, иностранных дел и промышленности¹³.

Внимание СМИ к судьбе УДР заметно возросло после смены властями в ноябре 2010 г. председателя этого учреждения. Вместо Али Бардакоглу им стал проф. Мехмет Гёрмез. Одной из возможных причин замены якобы явилось заявление Бардакоглу газете «Джумхуриет» о том, что головной платок не является обязательным для мусульманки и эту проблему пусть решают политики; «...мы ведаем религией, и при решении законодательных вопросов запрашивать управление противоречит светскости. Мы не можем осознать, как может быть независимым институт, 100-тысячный персонал которого получает государственное жалование. Он должен существовать на свои источники»¹⁴.

Светские оппоненты умеренных исламистов, отмечая очередную годовщину провозглашения 29 октября 1923 г. Турецкой Республики, не готовы согласиться с утверждениями о некоей ущербности созданной кемалистами республики. Так, Оздемир Индже в газете «Хюрриет» по поводу утверждения на одном из каналов турецкого ТВ профессора-богослова о том, что республиканский режим в Турции оказался несостоятельным и что понятие «республика» еще не означает демократия — «есть Исламская республика Иран, есть Ливийская Джамахирия» и т. д., в ответ приводит перечисленные нами выше законы, которые еще при М. Кемале установили светские демократические принципы и законодательно являются неприкосновенными. Он напоминает, что против светскости шла постоянная борьба. «Если эти статьи не выполнялись, виновными следует считать тех руководителей страны, которые приходили к власти начиная с 1950 г. и до настоящего времени, причем более всего виновата власть ПСР». «Да, эта республика ранена, обессилена, подвергнута нападкам... Над ней, над республиканизмом, республиканцами издеваются, их унижают»¹⁵.

Такова нынешняя картина некоторых внутренних тенденций развития страны, инициируемых партией умеренного ислама, и во многом остающаяся неясной хотя бы потому, что власти постоянно говорят о несовершенности действующей конституции и о необходимости принятия новой. В то же время лидеры ПСР убеждают общественность страны, что они верны памяти Ататюрка, его принципам, его заветам, верны светскости — так, как они ее понимают. Об этом, в частности, написал президент Турции в почетной книге памяти во время упомянутого выше посещения Мавзолея Ататюрка, отметив при этом, что «турецкий народ полон решимости сохранять фундаментальные ценности Республики и продолжать ее демократическое развитие».

Что касается тенденций во внешней политике Турции и прежде всего отношений с главным союзником по НАТО — США, то в этом контексте представляет интерес опубликованная в ноябре в турецких СМИ статья

видного и авторитетного турецкого журналиста Мехмеда Али Биранда, который после посещения США писал о «большом разочаровании» президента США Б. Обамы тем, что премьер-министр Турции «не изменил своего отношения к Ирану» и не прекратил «в высшей степени жесткие заявления» в адрес Израиля. Сейчас, писал автор, Турция «совсем непопулярна в Белом доме», хотя «в первые дни своего президентства Обама оказывал предпочтение Турции», говорил об «образцовом союзе», «стратегическом сотрудничестве». Однако политика, проводимая Турцией в отношении Ирана и Израиля, привела к расколу в этих отношениях. Появились оценки — «утраченный прежний друг», «натовский союзник, которому нельзя доверять», «зациклившаяся на себе страна». Но Обама, убежден автор статьи, несмотря на раздражение и недовольство, не отказывается от «проекта Турция», не намерен рвать связи с ее руководством и будет сохранять их, «особенно ожидая окончания выборов в июне 2011 г.». «Госдеп рассержен, но традиционно считает Турцию близким другом, тем более что оказывал поддержку ПСР в первые годы, когда она шла к власти. Что касается Пентагона, «он молчит, он вычеркнул Турцию не сейчас, а тогда, когда было принято тезкере» (речь идет об отказе Турции пропустить американские войска в Ирак через турецкую территорию). «Сохраняются отношения холодные, на расстоянии. Короче — для Анкары в Вашингтоне двери закрыты»¹⁶.

Но, как известно, пришел январь 2011 г., а с ним и события в арабском мире, в Египте; стало очевидно, что США будет трудно обойтись без участия Турции при обсуждении вопросов безопасности США и их союзников в арабском мире и конкретно — в Египте. Так, газета «Радикал» сообщала, что по инициативе Б. Обамы 30 января состоялась его беседа по телефону с Р. Эрдоганом, при этом американский президент особо отметил важность такой беседы с «руководителем демократической Турции». Было особенно подчеркнуто совместное пожелание руководству Египта «избегать применения крайних мер против населения, ибо это приведет к дальнейшему обострению обстановки в регионе» и даже к «глубокой дестабилизации в регионе»¹⁷. Очевидно, что опасения, высказанные М. А. Бирандом по поводу того, что США намерены «подвесить» свои отношения с турецким руководством, преувеличены.

Что же касается сотрудничества Турции с ЕС, прежде всего возможности ее принятия в эту организацию, то нынешняя власть ПСР подчеркивает, что такое стремление не означает полной идеологической, духовной интеграции Турции в западное общество. В принципе такая обособленность в форме некой восточной либо исламской цивилизации понятна — западное общество не всегда является образцом и мерилom для мусульманского мира в вопросах справедливости, демократизма и моральных устоев. Как очевидно, руководство ЕС не намерено прекращать соответс-

твующие переговоры с Турцией. На конференции «Турция в Европе», прошедшей в начале ноября в Стамбуле, это подтвердил Д. Кон-Бендит, сопредседатель «зеленых» в Европарламенте. Он заявил, что не теряет надежды на то, что застопорившиеся переговоры с Анкарой удастся реанимировать, и готов лично содействовать этому, хотя сегодня «создается впечатление, что Европа этот самый процесс блокирует». «Сегодня те, кто выступает за прием Турции в ЕС, в меньшинстве... Полагаю, что европейцам пора открыть глаза и осознать наконец роль Турции сегодня — и политическую, и дипломатическую, и экономическую... Полагаю, что жизнь скоро докажет нам: Европе нужна Турция, и наоборот... Когда осознаешь масштаб стоящих перед всеми нами задач, скажем, урегулирование ближневосточного конфликта, ситуации вокруг Ирана, становится яснее, что Турции нужна поддержка Евросоюза, а также США, чтобы продолжать играть столь заметную роль в регионе». Касаясь проблемы ношения хиджаба, Кон-Бендит отметил, что «турецкие женщины их не носят, они носят платки... Полвека назад их носили и француженки, жившие в сельской местности. Турчанки не закрывают лицо, они закрывают волосы. Вопрос в другом: Турция — светское государство? Ответ можно будет получить на стартующих в следующем году дебатах по новой конституции»¹⁸.

Такого рода высказывания не повлияли на позицию ЕС; в обнародованном в начале ноября 2010 г. очередном годовом докладе Европейской комиссии о перспективах процесса расширения Евросоюза отмечено, что ситуация с Турцией по-прежнему остается непростой, Евросоюз пока не готов принять ее в свои ряды. Комиссар по вопросам расширения Евросоюза Ш. Фюле соглашается, «что Турция продолжила свои реформы, в частности конституционную, очень многое изменилось, но никто не может быть удовлетворен нынешними темпами переговоров»¹⁹.

В Турции по поводу этого доклада Еврокомиссии выступил министр по связям с Европой Э. Багыш; по его мнению, раньше в вину Турции вменялись нераскрытые преступления. Однако сейчас, после всех усилий Анкары — референдума по поправкам к конституции, улучшения отношений с разными этническими и религиозными группами населения, приверженности реформам, которых требует членство в ЕС, — «после всего этого в докладе то и дело мелькают положительные отзывы о деятельности Анкары...». «За 8 последних лет Турция столько сделала, реализовала столько реформ! Благодаря этой работе соблюдение прав человека, экономика и общее благосостояние в Турции намного улучшились. В то же время это помогло Турции продвинуться вперед и на ее пути к порогу ЕС мы стали ближе»²⁰.

Критично высказался по поводу упомянутого доклада премьер-министр Турции Р. Эрдоган. Он обвинил Евросоюз в том, что тот тормозит

процесс принятия его страны в ЕС, на ходу меняя правила вступления, и заявил, что турки раздражены долгим ожиданием у ворот Европы, которое длится уже 50 лет. «Турция платит высокую цену и принимает тяжелые законопроекты, но в итоге правительство и общественность оказываются в неудобном и все более обидном положении»²¹. В связи с этим газета «Миллиет» писала: «Нам нравится обвинять европейскую сторону в серьезном ослаблении отношений между Турцией и ЕС. И эти обвинения не беспочвенны, обелять европейцев мы не намерены. Но можно спорить и с утверждением, что Турция своевременно и в полном объеме выполнила обязательства, взятые на переговорах. Не выполнять обязательства и при этом сердиться на ЕС — значит сердиться на доктора, который прописал горькое лекарство»²².

Европу не меньше беспокоят «домашние» проблемы Турции. Несмотря на заявления лидеров ПСР о равноправном взаимодействии цивилизаций, о готовности к интеграции, к совместимости, у некоторых турецких мигрантов в Европе наблюдается другое стремление — приехать на заработки в Европу со «своим уставом» (что понятно, когда речь идет о временном пребывании), спустя некоторое время с этим уставом не вернуться обратно домой, а расположиться с ним в новом европейском доме уже навсегда, причем европейскую цивилизацию постепенно преобразовать в «свою», восточную — на принципах ислама и того гражданского общества, которое следует формировать в Турции. В принципе такая обособленность в форме некой восточной либо исламской цивилизации понятна. Но какова реакция на такого рода устремления, например, немцев — ведь турецких мигрантов в Германии насчитывается не менее 2–3 млн.?

Исследователи проблемы турецкой эмиграции в Западную Европу Фарук Шен и Седеф Корай еще в 90-е гг. затронули деликатную тему о пределах цивилизационного компромисса двух культур — исламской и христианской. Они отметили, что «турецкая, в известном смысле исламская культура сегодня заявляет о себе в Европе во всех сферах. Там имеются турецкие газеты, каналы ТВ на турецком языке, центры по образованию, исламские школы, спортивные общества, турецкие магазины и предприятия, политические организации...» Авторы признают, что наибольшего влияния добились исламистские организации, подчеркнув, что среди действующих в Европе таких организаций наибольшим влиянием пользуется «Милли гёрюш»²³.

Ныне, уже в XXI веке, президент Германии Кристиан Вульф в своем выступлении в турецком меджлисе 18 октября 2010 г. признал, что ислам стал частью Германии²⁴. При том, что, по данным турецкой печати в Германии, 34,4% детей моложе пяти лет являются детьми эмигрантов. Доля детей эмигрантов в возрасте до 10 лет — 32,7%, доля эмигрантов моложе 35 лет составляет 27,3%. «В целом все это означает, что пятая часть

населения Германии представлена эмигрантами»²⁵. Такая статистика инициирует в Германии принятие мер по «совместимости» — этот термин стал достаточно популярным в Германии при обсуждении на различных уровнях вопросов мультикультуры и интеллектуальной интеграции турок в германское общество. Например, с 1 января 2012 г. в земле Северный Рейн — Вестфалия вступит в силу закон о реализации такой программы совместимости, даже учрежден «меджлис совместимости». Этими же вопросами занято и правительство Баварии. Идут дискуссии, в которых участвуют партии, обсуждаются успехи и неудачи совместимости²⁶. Власти некоторых германских земель пытаются найти способы «совместимости культур» и на уровне школьного обучения. Например, таким инструментом совместимости назван справочник соответствующих проблемных тем в школах²⁷. В нем представлены сведения об исламе, его обрядах, платке, упоминаются «конфликты, выдаваемые за религиозные — антисемитизм, исламизм». Они выделены в раздел «радикальные и политические идеологии». В справочнике отмечается, что замалчивание проблемы увеличивает опасность радикализации и изолированности религии. Особенно подчеркивается необходимость для самих мусульман противодействия тем мусульманам, которые выступают как сторонники изоляции ислама²⁸. Мусульманские педагоги выступают с предложением увязать школьное преподавание ислама с курсами ислама в мечетях²⁹. Ввести преподавание в школах уроков ислама предлагают «зеленые».

О готовности включиться в организацию межрелигиозного диалога и возможности расширения в университетах Германии курсов лекций по исламоведению заявляют ученые многих университетов Германии. Заместитель ректора университета Гете во Франкфурте проф. М. Л. Бахманн заявил, что «в Европе с момента своего возникновения феномен ислама оказал влияние на историю европейской мысли»; «при своей важности и актуальности проблем он должен занять у нас свое место»³⁰. С инициативой оказать финансовую поддержку этому процессу выступил фонд «Меркатор». Его руководство заявило, что «диалог религий — это задача человечества, осознающего свою глобальную ответственность». Один из университетских профессоров Германии, специалист по исламу, заявил, что организация этим фондом лекций даст возможность исследовать на научном уровне богатство и историческое разнообразие религиозной культуры ислама³¹.

Тесно увязана с проблемой «совместимости» в Германии другая проблема — преследование эмигрантов местными радикалами-националистами. Чаще всего об этом с тревогой информирует своих читателей крупнейший в Германии сайт турецких эмигрантов «Милли гёрюш». Прошло то время, когда владельцы этого сайта могли вести активную исламистскую пропаганду, предоставлять место своим активистам, повествовать

об успехах своего движения, рекламировать боевые выступления, призывы к шариату Н. Эрбакана и его тогдашних сподвижников на конгрессах, устраиваемых в Европе. Тогда, в 90-е годы, в ряде стран Европы турецкие общины и мечети нередко оказывались под подозрением полиции. Так в Нидерландах в ноябре 2000 г. была проведена операция «Молния», когда в различных городах страны имели место обыски в домах. Были задержаны 23 человека, большинство — турки, обнаружено оружие, ручные гранаты, наркотики и большие суммы денег. Полиция заявила, что задержанные подозреваются в наркоторговле, сборе хараджа и похищении людей.

Как прежде, так и поныне, несмотря на свой преклонный возраст и пребывания в больнице, Неджметтин Эрбакан считается лидером «Милли гёрюш»; также он руководитель небольшой партии Саадет, которая, как и ПСР, возникла после раскола в 2001 г. единой исламистской партии Фазилет. Тема успешного, победоносного исламизма, представленного в Европе в 90-х гг. XX в. организацией «Милли гёрюш», в первое десятилетие XXI в. снята с повестки дня этой организации, ныне она выступает против огульного обвинения мусульман в Германии, в Европе в терроризме, призывает к защите мусульман, в том числе турок, от преследования со стороны местных националистов. Особенно часто публикуются на немецком сайте «Милли гёрюш» помимо призывов к поискам совместимости тревожные сообщения о поджогах мечетей, жилищ мусульман³².

Со своей стороны, немецкие правые утверждают, что правовое равенство ислама не соответствует конституции Германии, ибо в ней отражены традиции христианства, являющегося краеугольным камнем германского общества, и выходит, что «христианской морали и образу жизни в будущем будет отказано во влиянии на сердца, сознание и социальные решения»; поэтому требование сохранять исламскую религию на равных правах с христианской следует расценивать как «чрезвычайно ошибочный путь. Никким образом ислам не должен иметь статус религиозного общества, равного христианской церкви, о правовом равенстве ислама и христианской церкви может утверждать только несведущий в конституционном праве человек»³³.

Согласно опросу, проведенному среди населения институтом Алленсбаха, якобы большинство немцев воспринимают мусульман-эмигрантов как тяжелую ношу для страны; 55% немцев убеждены, что мусульманские эмигранты приносят стране не столько экономические выгоды, сколько социальный и материальный ущерб. Только 20% участников опроса, напротив, убеждены, что мусульманские эмигранты полезны для Германии.

В соседней с Германией Австрии возник дипломатический скандал в связи с заявлениями турецкого посла в Вене Кадри Тезджана, раскритиковавшего австрийскую «политику совместимости», по которой турок

в Австрии принуждают жить якобы в подобии гетто. «Когда турки пытаются найти себе жилье, их направляют в один и тот же квартал». Он потребовал от министра внутренних дел Австрии не вмешиваться в процессы «совместимости», упрекнув ее в нелиберальных действиях. В ответ австрийские власти заявили о том, что не подобает гостю-дипломату вмешиваться во внутренние дела страны. Посол был приглашен в австрийский МИД, а правая партия потребовала разорвать отношения с Турцией³⁴.

Вернувшись к упомянутому выше выступлению президента Германии Кристиана Вульфа, добавим, что он говорил в турецком парламенте также и о том, что, со своей стороны, Турция равным образом должна принять христианство как часть Турции³⁵. Одна из немецких газет писала в этой связи, что Вульф, будучи в Турции, смог жестко подчеркнуть, что «жизнь проживающих в Стамбуле и Анатолии христиан далека от безопасности. Как раньше, так и сейчас религиозная свобода в Турции остается лишь на бумаге». В начале XX в. в стране проживало 20% христиан, сегодня мусульман в Турции 99%. Если Анкара намерена сблизиться с Европой, ей следует остановить изгнание христианского меньшинства³⁶. О провале политики мультикультурализма в Германии заявила и канцлер А. Меркель. В 2006 г. именно по ее инициативе был учрежден Совет совместимости. Как очевидно, все копя по поводу толерантности, мультикультурализма, совместимости ломаются в Германии, Австрии; можно вспомнить о мечетях в Швейцарии и в других странах. Что же касается внутренней жизни в самой Турции, то там нет дискуссий такого характера и в таком объеме, во всяком случае их не найти в турецкой печати. Проблема совместимости сводится там к курдской проблеме. Прошлые истории с убийствами христиан вспоминаются редко, поэтому о победной поступи мультикультурализма в самой Турции пока говорить не приходится. Ныне третья либо вторая по величине партия Турции — националистическая провела демонстративно на востоке Анатолии обряд пятничного моления в мечети Фетхие (ранее армянский храм) в Ани, близ границы с Арменией. Ее лидер Девлет Бахчели в присутствии двух тысяч сторонников напомнил о сельджукском султани Альпарслане, который в 1071 г. одержал победу над византийцами. Соответствующая фотография появилась крупным планом в турецких СМИ³⁷.

Конечно, не такие, а иные, адекватные жесты с турецкой стороны, общества, партий могут способствовать построению в Европе мультикультурного общества с участием Турции — например, когда (и если) начнет более масштабный приток в страну, уже как члена ЕС, переселенцев другой, например, христианской культуры; когда христианам не только Турции (их очень мало), но и паломникам из Европы (да и всего мира) будут доступны для молитвы прежние византийские, армянские храмы, храм Святой Софии в Стамбуле. Безусловно, такого рода решительные,

смелые шаги будут с удовлетворением восприняты всей мировой ответственностью и ускорят процесс приема Турции в ЕС.

В заключение — о всеобщих парламентских выборах, которые предполагается провести 12 июня 2011 г. К ним будет допущено 24 политические партии, большинство из которых либо небольшие партии, не сумевшие ранее пройти в меджлис, либо совсем новые. Не исключается возможность создания предвыборных блоков. Пока можно констатировать, что правящая ПСР — партия «умеренного ислама» — сохраняет шансы на победу прежде всего благодаря тому, что обещает представить турецкому обществу совершенно новую и подлинно демократическую конституцию. Несомненно, многим жителям Турции улыбается перспектива видеть свою страну лидером региона, добрым соседом других стран региона — и ближних, и дальних, включая, разумеется, и Россию. Обозреватель газеты «Миллиет» Семих Идиз пишет, что для всех, кто жаждет в регионе демократии, Турция становится привлекательной страной, и не нужно быть астрологом, чтобы предположить, что ситуация должна радовать штаб ПСР. Но этот факт «налагает на правительство Эрдогана ответственность за то, чтобы одновременно такой же режим с точки зрения демократии, прав человека и справедливости был установлен в его собственном доме»³⁸.

P.S. Парламентские выборы в Турции, как и планировалось, состоялись 12 июня 2011 года. Они вновь принесли победу правящей ПСР.

Партия справедливости и развития	327
Народно-республиканская партия	135
Партия националистического движения	52
Партия мира и демократии	29
Независимые	7
Всего	550

Источник: http://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/milletvekillerimiz_sd.dagilim

ПСР получила около 50% голосов и смогла сформировать однопартийное правительство, а Эрдоган возглавил его уже в третий раз. Но так называемого конституционного большинства — двух третей депутатских мандатов партии получить не удалось, и ей придется искать поддержки других политических сил для запуска реформ, и в частности принятия новой конституции. Эрдоган обещает гражданскую конституцию, но не уточняет детали, кроме намерения включить в нее положение о президентской республике, что позволит ему еще на два срока остаться у власти — уже в ка-

честве президента. Это беспокоит оппозицию, маловероятно, что в этом вопросе ПСР получит поддержку главного оппозиционера — Народно-республиканской партии. Курдская проблема остается еще одной заботой премьер-министра. Партия «Мира и демократии», получившая 29 мест в парламенте, среди прочего требует автономии для курдов.

Представляя 8 июля депутатам ВНСТ программу нового правительства ПСР, премьер-министр вновь напомнил об успехах, достигнутых в политике, социальной жизни, экономике в годы пребывания у власти ПСР. Программа правительства — продолжение прежних программ со времени первого правительства ПСР, до 2015 г. будут завершены прежние планы и начаты новые.

Как считает премьер, демократические подходы ПСР «за 9 лет нарушили косность в праве, экономике, социальной сфере, внешней политике». Сегодня в Турции политическая деятельность стала шире, экономика — объемнее, социальная сфера — более эффективнее. Власти не уходили от проблем, а решали их — при поддержке меджлиса. Диалог в меджлисе, поиски согласия, сотрудничества — все это будет продолжено. Эрдоган особо отметил, что «самые большие усилия по модернизации совершены в республике после начала процесса присоединения к ЕС» и этот процесс будет продолжен, несмотря на «необъективный подход» к нему некоторых членов ЕС. «Мы продолжаем нашу деятельность в этом направлении, верим, что отношения с ЕС будут доведены до необходимого статуса, время работает на нас, как необходимость создано министерство по делам ЕС».

В докладе главы нового правительства подтверждена готовность укреплять демократические институты, главная цель 3-го периода — обеспечить полный переход к современной демократии. Основное для этого условие и «самое наше большое пожелание от ВНСТ — подготовить новую конституцию». Правительство и ПСР настроено решительно, как партия ПСР стремится учесть требования всех слоев общества. Ожидания новой конституции таковы, что «делают невозможным дальнейшую отсрочку ее принятия», все партии говорили об этом на выборах. Поэтому предстоящий период должен стать периодом новой конституции. «ВНСТ, учредивший республику, возглавивший нашу национальную борьбу, обладает всеми полномочиями и авторитетом, чтобы подготовить новую конституцию. Мы верим, что новая конституция будет не разделять, а сближать нас, станет инструментом не давления на общество, а свободы в нем. Она будет обеспечивать права каждого, плюрализм, действие всех элементов демократического правового государства». Будут продолжены поиски решения языковых, религиозных, этнических проблем. Развивая успехи в экономике, Турция намерена в 2023 г. занять место в первой десятке стран с развитой экономикой.

По мнению Эрдогана, в период правления ПСР «были предприняты шаги по полному прекращению политики ассимиляции», власти «решительно настроены полностью с этим покончить, ко всем этническим группам, мусульманам и немусульманам, суннитам или алевитам, с платком на голове или без него, бедным или богатым, женщинам или мужчинам мы относимся одинаково. Наша цель — обеспечить каждому самые приемлемые условия существования исходя из принципов основных прав и свобод». Также «предприняты очень важные шаги в решении курдского вопроса», отменено чрезвычайное положение в регионе, введено свободное пользование курдским языком и его изучение, «наше братство упрочилось и мы полны решимости продолжить реформы, мы дети одной нации, одной истории, разделявшие вместе и горести и радости».

Премьер-министр пообещал осуществлять деятельность правящей партии «в атмосфере диалога и сотрудничества прежде всего с нашими партийными оппонентами, с организациями гражданского общества, со всеми заинтересованными группами».

Оценив должным образом итоги выборов и победу ПСР, спустя полтора месяца после этого военное руководство страны, назначенное всего год назад, сочло необходимым уйти со своих постов. Речь шла о начальнике турецкого генштаба, а также главнокомандующих сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами. Свой жест генералы объяснили несогласием с тем, что «под арестом находятся 250 офицеров, включая нескольких генералов и адмиралов», обвиненных в подготовке государственного переворота. Старая гвардия умыла руки, пишут турецкие аналитики. Военные, совершившие с 60-х гг. три переворота, на этот раз не нашли других аргументов, кроме отставки. Военные обвиняют Партию справедливости и развития и ее лидеров в исламизации Турции. Власти это отрицают, зато утверждают, что располагают данными об антиправительственном заговоре среди офицеров. Правящая Партия справедливости и развития никогда не чувствовала себя такой сильной после третьей подряд победы на выборах. Отставка была принята и на смену пришли другие генералы, которые готовы служить власти ПСР. Обозреватели сочли, что после такого ухода в отставку планы турецкого премьер-министра по изменению конституции обретают реальность. «Еще совсем недавно отставка командования могла привести к серьезному кризису. На этот раз всё разрешилось за несколько часов. Можно отметить и такое новшество, затронувшее уже новое военное руководство страны. 30 августа в день очередного празднования годовщины победы над интервентами поздравления принимал не начальник генштаба, как это было прежде — впервые эти поздравления принимал уже президент А. Гюль в качестве верховного главнокомандующего страны.

Среди многочисленных комментариев и внутри страны и на Западе итогов выборов прозвучал в происламской газете «Заман» и голос авторитетного богослова Али Булача. Судя по его уверенному тону, свой третий срок ПСР проведет в благоприятной для исламистов обстановке, когда в регионе, к которому принадлежит Турция, происходят качественные перемены во власти и когда в Турции вновь победили умеренные исламисты, соответственно пришла пора менять конституцию так, как это предложит ПСР и поддержат сторонники ислама. Обе темы кажутся не связанными, но в действительности они близки. Ибо когда во всем регионе камни сдвигаются со своих мест, различные социальные группы (по признакам религий, течений, этносов, классов) свое совместное проживание смогут обеспечить только на условиях принятия нового общественного соглашения. При этом необходим пересмотр некоторых идеологических позиций мусульман, но подлинно серьезная трудность исходит от светских прозападных кругов. ...Наши сторонники сотрудничества с ЕС считают совершенно излишними разговоры о согласии, договоренности и т. п., ибо, по их мнению, ЕС уже все, что нужно, обдумал, все сформулировал, и все отражено в документах. Все, что от нас требуется — поступать как они. Но со времен Танзимата мы постоянно все заимствуем у Запада, почему же — а) мы не можем решить ни одной нашей проблемы и оказываемся на обочине, б) почему никак не можем избавиться от зависимости, разрыв между нами и Западом увеличивается? ...Когда мы думаем над новой конституцией, дадим необходимые советы религиозникам — не прибегать к догмам; вместе с тем и сторонникам светскости следовало бы оставить привычку навязывать обществу свои идеологии в качестве догм. ...Необходимо особо остановиться на привычке такого мышления. Проблема в том, что наши светские интеллектуалы не признают всего...³⁹

Ныне свою приверженность к политическому исламу ПСР и его лидеры публично подчеркивают все чаще, в отличие от первого года пребывания у власти. Премьер-министр, например, выдвинул тезис — «ныне Турция — светское государство при власти исламистов». Но неизбежно возникает вопрос — о какой светскости идет речь — той ли, которая трактовалась в текстах прежних конституций, или правящая партия предложит новое понятие светскости? Кстати, вновь открыто признается, что корнями эта партия связана с радикальным исламистским политическим движением «Милли гёрюш», возглавляемым многие годы Н. Эрбаканом. Это было продемонстрировано и в дни похорон этого влиятельного политического деятеля после ухода его из жизни 27 февраля 2011 г. (в возрасте 85 лет). Семью покойного лично посетили президент страны А. Гюль и премьер-министр Р. Т. Эрдоган, который по этому случаю прервал на время свою поездку в Европу. Гюль при этом напомнил, что он входил в состав правительства Эрбакана в 1997 г. В официозе ПСР некто

Ю. Зия Джёмерт написал, что именно Эрбакан вновь легализовал политический ислам — «Все мы вышли из его пальто. У нас была одна проблема, одна тяжба. Неджметтин Эрбакан умело вывел ее на политическую сцену»⁴⁰.

Примечания

¹ http://www.akparti.org.tr/basbakan-erdoganin-ak-parti-grup-toplantisinda-yaptigi-kon_7738.html.

² Milliyet, 06.01.2011.

³ <http://www.radikal.com.tr/03/01/2011>.

⁴ <http://www.yenisafak.com.tr/18.01.2011>.

⁵ <http://www.yenisafak.com.tr/18.01.2011>; Milliyet 02.02.2011.

⁶ Milliyet, 06. 01. 2011.

⁷ Milliyet, 06.01.2011.

⁸ Hürriyet, 29.10.2010.

⁹ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası — Конституция Турецкой Республики. Ankara, 2004, с. 209.

¹⁰ <http://yenisafak.com.tr/10.11.2010>. Однако реакция в СМИ показывает, что не все с этим согласны. См. заметку Аббаса Гючлю в «Миллиет» от 2 февраля 2011 г.

¹¹ <http://www.diyagnet.gov.tr/>

¹² <http://www.diyagnet.gov.tr/tanitim>.

¹³ <http://www.milliyet.com.tr/diyanetin-butcesi-3-bakanligin-butcesinden-fazla/siyaset/sondakika/10.11.2010>.

¹⁴ <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6221176,00.html> 11.11.2010.

¹⁵ Hürriyet, 29.10.2010.

¹⁶ <http://www.milliyet.com.tr/24.11.2010/24> Kasım 2010.

¹⁷ <http://www.radikal.com.tr/30.01.2011>. Вскоре на встрече с парламентской группой ПСР Р. Эрдоган открыто заявил, что «ни одна власть не удержится вопреки желанию народа». В только начинающейся в Турции предвыборной борьбе лидеры оппозиционных партий не упускают возможность, ссылаясь на события в арабских странах, предъявить обвинения лидерам ПСР. Одни обвинили Эрдогана в склонности к тирании, подражании султанам, другие — в игнорировании интересов курдского народа и т. п. <http://www.milliyet.com.tr/> — /02.02.2011.

¹⁸ <http://ru.euronews.net/2010/11/08/turkey>.

¹⁹ <http://ru.euronews.net/2010/11/10/turkey>.

²⁰ <http://ru.euronews.net/2010/11/10/turkey>.

²¹ <http://ru.euronews.net/2010/11/10/turkey>.

²² <http://www.milliyet.com.tr/24.11.2010>.

²³ Şen F., Koray S. Türkiye' dın Avrupa Topluluğu' na zGöç hareketleri. Köln, 1993, с. 128–132.

²⁴ <http://www.dw-world.de/dw/19.10.2010>.

²⁵ <http://www.eurozaman.com/.de> 05.11.2010.

- ²⁶ <http://www.eurozaman.com/12.11.2010>.
- ²⁷ <http://www.igmg.de/tr//2011/01/17>.
- ²⁸ <http://www.igmg.de/tr/14/01/2010>.
- ²⁹ <http://www.igmg.de/tr/01/01/2011>.
- ³⁰ <http://www.igmg.de/tr/Там же, 29 Eylül 2010>.
- ³¹ <http://www.igmg.de/tr/13/12/2010>.
- ³² <http://www.igmg.de/tr/haberler//2010/10/13/; 02/11/2010>.
- ³³ <http://www.igmg.de/tr//2010/10/13/01/10/2010>.
- ³⁴ <http://www.hurriyet.com.tr/10/11/2010>.
- ³⁵ <http://www.dw-world.de/dw/19.10.2010>.
- ³⁶ Deutsche Welle Türkiye, 20.10.2010.
- ³⁷ Milliyet.com.tr/2010/10/02.
- ³⁸ Milliyet, 05.02.2011.
- ³⁹ <http://www.zaman.com.tr 14.07.2011>.
- ⁴⁰ <http://www.yenisafak.com.tr/Politika/?t=28.02.2011>.

Н. И. Черниченкина

ПОЗИЦИИ ПСР В МЕЖПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ В ТУРЦИИ

В основе многих политических событий, произошедших в Турецкой Республике за последние 50 лет, просматривается наследие военных переворотов. За эти годы военные четыре раза меняли правительство (в 1960 г., 1971 г., 1980 г. и 1997 г.), что традиционно ограничивало возможности гражданских властей. Однако после победы на парламентских выборах в 2002 г. исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) ситуация стала постепенно меняться. На фоне беспрецедентного усиления авторитета ПСР и ее лидера премьер-министра Р.Т. Эрдогана влияние военных как политической силы существенно снизилось¹. Эта тенденция периодически вызывала конфликты в натянутых отношениях сторон. После несостоявшегося военного переворота 2007 г. высшие военные чины инициировали судебное расследование, направленное на закрытие ПСР. Когда же и эта попытка не удалась, оперативное управление Генерального штаба предприняло план действий против религиозного фундаментализма, который также провалился как дискредитирующий правительство. Противостояние военных и гражданских политических деятелей положило начало всенародному обсуждению роли военных и опекунской бюрократии (государственных элит) в политике². В этом смысле референдум 2010 г. предоставил реальную возможность гражданам политикам продемонстрировать, насколько серьезно они относятся к изменению действующей конституции³. Шестой по счету за всю политическую историю государства, этот референдум уже знаменовал важную веху на пути демократического развития Турции⁴.

Исходя из того что вмешательство военных в политику противоречит демократическим нормам развития государства, референдум представляет собой кульминацию борьбы между гражданскими инициативами и милитаризованной политической линией. Предложенный правящей Партией справедливости и развития (ПСР) пакет конституционных поправок направлен на то, чтобы внести изменения в действующую

щую конституцию, принятую в 1982 г. под эгидой военного режима. Конституция рассматривалась как одно из основных препятствий на пути дальнейшей демократизации Турции и неоднократно становилась объектом критики со стороны почти всех политических и общественных действующих сил. Вследствие чего к настоящему времени изменению подверглось более одной трети оригинального текста конституции. Всего текст конституции менялся шестнадцать раз, причем девять раз изменения вносились правящей умеренно исламистской ПСР во главе с премьер-министром Реджеп Тайипом Эрдоганом в период между 2002 и 2007 гг. В 2010 г. ПСР в десятый раз разработала пакет изменений, состоящий из 26 конституционных поправок, судьба которых должна была решиться путем простого голосования на всенародном референдуме. Своевременное изменение конституции Турции требовалось не только для соответствия требованиям, предъявляемым со стороны ЕС, но и для окончательного укрепления позиций правящей партии внутри страны.

В то время как ПСР агитировала за принятие конституционных поправок, оппозиционные Народно-республиканская (НРП) и Партия националистического действия (ПНД) вели активную кампанию против. По итогам референдума победила ПСР — 58% явившихся на голосование избирателей поддержали поправки.

Пакет конституционных поправок состоит из статей, которые можно распределить в соответствии с разделами существующей конституции: «судебная система» (9 поправок); «фундаментальные права и обязанности» (7 поправок); «исполнительная власть» (3 поправки); «законодательная власть» (2 поправки); «общие положения» (1 поправка); «финансово-экономические положения» (1 поправка). Одно только это численное представление показывает, что основной вопрос пакета конституционных поправок 2010 г. — перестройка судебной системы⁵.

Еще одна статья должна была усложнить процедуру закрытия политических партий, но не смогла набрать при обсуждении в ВНСТ необходимых для ее вынесения на референдум 330 голосов и, следовательно, была изъята. Кроме этого, не оправдался прогноз экспертов правящей партии на поддержку в этом вопросе других парламентских партий, которые подверглись запрету после военного переворота 1980 г. В частности, против поправки об усложнении процедуры закрытия политических партий неожиданно для многих проголосовала ПНД, которая сама серьезно пострадала в результате закрытия после военного переворота.

Две другие статьи касаются изменений принципов формирования судебных органов высшей инстанции. Прежде всего, речь идет о расширении состава Конституционного суда с 11 до 17 членов, а также Верхов-

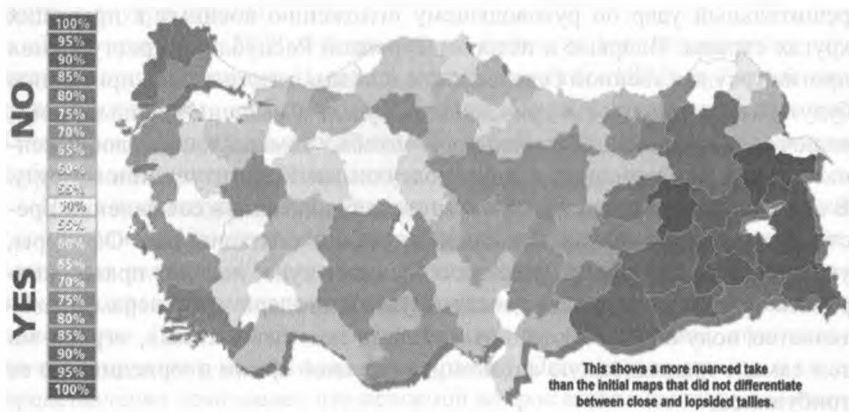
ного комитета судей и государственных обвинителей с 7 до 22 членов⁶. Примечательно, что расширение состава этих важных ведомств будет проходить за счет кандидатов из числа рядовых судей и адвокатов, не связанных корпоративными узами с приверженцами лаицизма и элитой судебного корпуса страны, негативно настроенных против ПСР и ее реформ. Отныне трех кандидатов в Конституционный суд будет назначать парламент. Это значит, что данную прерогативу получает правящая партия, имеющая большинство в высшем законодательном органе страны. Остальных членов в Конституционный суд утверждает президент — также представитель ПСР. Концентрируя власть в руках высшего руководства ПСР — премьер-министра Эрдогана и президента Абдуллаха Гюля, — партия нарушила основной принцип разделения трех властей и одновременно гарантировала себе проведение необходимых законов в парламенте.

Кроме того, ПСР при помощи конституционных поправок нанесла решительный удар по руководящему положению военных в правящих кругах страны. Впервые в истории Турецкой Республики преступления против государственной безопасности или конституционных принципов будут рассматриваться в гражданских судах, а высшие военные чины, включая начальника Генерального штаба, командующих вооруженных сил и жандармерии, станут подсудными Конституционному суду. В юрисдикции военных судов останутся обвиняемые в совершении преступлений, относящихся к военной службе и обязанностям. Офицеры, уволенные со службы по решению военного суда, получают право оспаривать эти решения в гражданском суде. Благодаря этим мерам правительство получило возможность отдавать под суд военных, ограничив тем самым традиционную автономию турецкой армии и юрисдикцию ее трибуналов.

Кроме того, в тридцатую годовщину военного переворота 12 сентября 1980 г. была отменена «временная статья 15» существующей конституции, предоставлявшая юридический иммунитет лидерам переворота, а также тем гражданским и военным чиновникам, которые служили при военном режиме. Голосование, позволившее привлечь организаторов переворота к суду, рассматривается правящей партией и ее сторонниками как акт исторической справедливости. Более подробно о конституционных изменениях см. в приложении к статье⁷.

Несмотря на одержанную победу, премьер Р.Т. Эрдоган не может не принимать в расчет противников реформ, число которых, по сравнению с референдумом 2007 г., выросло с 31 до 42%. Против конституционных поправок проголосовало население всего западного и южного побережья страны, начиная с самой западной точки Турции — города Эдирне (73%), вплоть до Хатая (52%) у сирийской границы. В самых

развитых прибрежных районах Средиземного, Эгейского и Мраморного морей традиционно проживает большинство электората оппозиционных Народно-Республиканской партии (НРП) и Партии националистического действия. Неудивительно, что наибольшее число протестов конституционных изменений поступило именно из этих районов (свое «нет» поправкам заявили 74% избирателей Кырklarели, 69% избирателей Мугла и 65% электората от Текирдага). Отдельными «островками» оппозиции в «море» сторонников принятия поправок выглядят важный промышленный центр страны г. Эскишехир и провинция Тунджели. Последний отличается от прочих районов Турции тем, что большинство его населения составляют алевиты, считающиеся сторонниками секуляризма. Кроме того, призывы голосовать «против», исходившие от лидера НРП Кемалья Кылычдароглу, выходца из Тунджели, дали высокий результат в 81% голосов⁸.

Источник: www.referandum.ntvmsnbc.com

Стамбул и Анкара с небольшим перевесом проголосовали в пользу поправок, это, в свою очередь, связано с численным превосходством бедных районов этих городов над богатыми. К примеру, население таких элитных районов Стамбула, как Кадыкей и Бешикташ, или района Чанкая Анкары высказалось «против», в то время как кварталы, где проживает малообеспеченное население с низким уровнем образования, поддержали реформы. Результат голосования объясняется тем, что среднестатистический избиратель в Турции — это религиозный небогатый человек, не имеющий высшего образования⁹. Поэтому весьма показательным является тот факт, что рост голосов, отданных в пользу поправок, обратно пропорционален уровню образованности электората (см. табл. 1).

**Соотношение результатов голосования
с уровнем образования участников (в%)**

Уровень образования	Проголосовали «за» (в%)	Проголосовали «против» (в%)
Выпускники вузов	41,7	58,3
Выпускники техникумов и училищ	41,4	58,6
Выпускники колледжей	47,9	52,1
Окончившие среднюю школу	47,9	52,1
Окончившие начальные классы	62	38
Не ходили в школу	65,1	34,9

Источник: <http://www.bagimsizgundem.com/egitim-durumuna-gore-referandum-tercihleri.html>

Большая часть населения провинций Центральной Анатолии, как, впрочем, и Черноморского региона, поддержала поправки. Второй по размерам территории, но первый по численности населения район Центральной Анатолии традиционно имеет особое значение на любых выборах. (Второй по величине после Восточной Анатолии район Центральной Анатолии охватывает площадь в 151 000 км², что составляет 19% территории страны. По результатам переписи 2010 г. численность населения этого района составляет 11 млн. чел.) Избиратели этого региона представляют основные ценности турецкого общества.

Чтобы добиться положительного результата на референдуме, Эрдоган приложил немало усилий. Так, помимо вложения значительного политического капитала в кампанию по проведению митингов в более чем одной трети провинций Турции, участия в многочисленных интервью СМИ, он лично руководил организацией ПСР по подготовке к референдуму. Кроме того, дата проведения референдума, совпавшая по времени с тридцатой годовщиной крупномасштабного военного переворота 1980 г., позволила премьеру максимально использовать его главный политический аргумент, который заключался в том, что развитие демократии в Турции требует изменения конституции 1982 г. Стараясь произвести впечатление на избирателей, Эрдоган в своих выступлениях цитировал громкие слова из предвыборной речи бывшего премьер-министра Аднана Мендереса: «Хватит. Настало время нации говорить»¹⁰. Но лидер ПСР зашел так далеко, что приравнял голосовавших против поправок с поддерживающими военные перевороты, и предложил исключить их из состава правительства. Хотя сразу после голосования Эрдоган взял свои слова назад, ска-

зав, что явно погорячился с комментариями, его заявление усилило трение в отношениях с оппозицией.

Пока никто из оппозиции не превзошел Эрдогана по организационным и коммуникационным способностям, а харизма премьер-министра вызывает к нему неугасающий интерес со стороны СМИ, которые обеспечивают ему высокий рейтинг популярности. Кроме того, ПСР и ее председатель продолжают извлекать для себя пользу из общественной памяти, сохранившей образы неэффективного управления экономикой и общего хозяйственного упадка 2000-х гг., которые контрастируют с усиленным экономическим подъемом Турции эпохи Эрдогана. Хотя в обществе сохраняется некоторая обеспокоенность относительно того, что высокие темпы роста в значительной степени зависят от массивного притока краткосрочных средств, привлекаемых под высокий процент, а также от выгодного государству курса турецкой лиры, преуспевший за последние восемь лет турецкий бизнес с энтузиазмом поддерживает ПСР. Использование партией тезиса об исламистском наследии также удачно резонирует с религиозными ценностями обеспеченных консервативных групп избирателей, которые в свое время финансировали победу на выборах А. Мендереса (Демократическая Партия), Сулеймана Демиреля (Партия Справедливости) и Тургуту Озала (Партия Отечества).

ПСР является олицетворением перемен и обладает поддержкой большинства. За восемь лет пребывания у власти партия провела ряд реформ в экономической и правовой сфере, по курдскому вопросу и правам человека и вела активную внешнюю политику. Хотя в 2007 г. оппозиции удалось обвинить Эрдогана в подрыве светских устоев государства за то, что он отменил запрет на ношение хиджабов в вузах, и обратиться в КС, который оштрафовал партию, то теперь такое положение дел не предвидится возможным. ПСР постепенно удалось избавиться от основных противников: нейтрализация военной элиты началась с арестов по делу «Эргенекон» и продолжилась во время референдума, равно как и подчинение законодательной власти.

Так, в ходе предшествующей референдуму кампании ПСР сосредоточилась на необходимости преодоления традиционной политической поляризации и вовремя отреагировала на потребности изменений в обществе. Партия выстроила свою политическую платформу вокруг дихотомии «демократия против опекунской бюрократии». Подобная стратегия оказалась весьма эффективной, благодаря чему ПСР удалось мобилизовать поддержку избирателей различных убеждений — как своих традиционных сторонников, так и части оппозиции.

Представляется, что для формирования своих будущих политических подходов ПСР извлекла важные уроки из опыта референдума 2010 г. Тот факт, что ПСР уже восемь лет находится у власти, наводит на мысль о том,

что ее председателю известна магическая формула, сделавшая партию устойчивой к апелляции, которая обычно имеет место быть, когда правительство долгое время не меняется. Следовательно, если не произойдет резкого спада в экономике Турции, можно ожидать, что доминирование Эрдогана на политической сцене сохранится и в третьем сроке — рекорд, который со времен правления Демократической партии еще ни одна партия не смогла побить. (Придя к власти в результате победы на выборах в 1950 г., ДП руководила Турцией десять лет.)

Кроме того, по данным опросов, почти половина избирателей не была достаточно информирована о характере принимаемых конституционных поправках и тех последствиях, к которым они могут привести. Для рядового гражданина Турецкой Республики, который вряд ли внимательно читал поправок к конституции, непросто разобраться в том, что стоит за изменением состава Конституционного суда или Верховного комитета судей и государственных обвинителей, что означает система омбудсмана, учрежденная для разрешения проблем между населением и государственными учреждениями. Для него более понятен смысл упрочения прав женщин, детей, право на защиту личных данных и снятие запрета на всеобщие забастовки. На это и рассчитывали архитекторы конституционных изменений, которым удалось завуалировать антивоенную направленность поправок демократическими свободами.

Отказавшись от сотрудничества с правящей партией по вопросу изменения конституции, оппозиционные партии непреднамеренно сыграли на руку ПСР и Эрдогану. Во время своих кампаний ни одна из них не привела убедительных аргументов против содержания пакета конституционных поправок. Оппозиционные партии основали свою кампанию на критике восьмилетнего правления ПСР и использования ею референдума в качестве репетиции всеобщих выборов в 2011 г. Таким образом, они призывали голосовать «против» не потому, что они были против конкретных мер, предлагавшихся в поправках, а потому, что выступали против самой ПСР. Принятие пакета конституционных поправок показало, что стратегия оппозиции оказалась несостоятельной.

Главная в лагере оппозиции и одновременно старейшая партия в Турецкой Республике — НРП — традиционно представляет высший средний класс, получивших образование на Западе светских турок, которые обеспокоены исламизацией и которых волнует повестка дня правительства. К референдуму эта партия подошла с новым руководством. Сменивший в мае 2010 г. Дениза Байкала Кемаль Кылычдароглу составил новый имидж партии — более близкий простому народу. Для партии его образ связывался с надеждами на изменения, развитие и шансом прийти к власти. Тем не менее, Кылычдароглу с самого начала был весьма ограничен в своих действиях по отношению к референдуму, так как Дениз Байкал,

еще будучи председателем НРП, объявил, что партия проголосует «против». Несмотря на то что многие наблюдатели советовали НРП проголосовать «за» поправки, что соответствовало бы ее новой программе, направленной на изменения, руководство партии решило сохранить ранее заявленную позицию. Возможно, это решение сократило возможности Кылычдароглу по изменению политической платформы партии. Кылычдароглу утверждал, что принятие предлагаемых конституционных поправок ликвидирует независимую судебную власть и породит судеустройство, угодное правящей ПСР. Однако он не сделал этот аргумент центральным в своей кампании. Вместо этого, он сосредоточился на критике общей линии политики ПСР. Стратегия НРП заключалась в том, чтобы превратить референдум в вотум доверия правительства. Новое руководство партии дистанцировало себя от риторики партии времен Байкала, для которой была характерна идея защиты светских ценностей Турецкой Республики. Вместо этого оно намеревалось охватить недовольных правительством избирателей, критикуя социально-экономическую политику ПСР и «демократическое открытие», инициированное Эрдоганом и направленное на послабления для курдов в культурной и лингвистической сферах. Кылычдароглу сделал несколько заявлений, отклонявшихся от традиционной политики НРП: во-первых, он обещал снять запрет на ношение платка, когда его партия придет к власти¹¹; во-вторых, по его мнению, для турецкого государства нормально вести переговоры с лидером Рабочей партии Курдистана (РПК) Абдуллой Оджаланом¹²; в-третьих, если боевики РПК сложат оружие, то может быть рассмотрен вопрос об их амнистии¹³. Эти неожиданные заявления породили надежды на то, что НРП внесет существенные изменения в свою традиционно статичную политику лаицизма. Но Кылычдароглу не удалось отстоять свои обещания, так как он подвергся жесткой критике внутри своей партии. Кроме того, он не предложил четкой стратегии по достижению заявленных целей, что сделало его заявления неэффективными. Он не смог убедить электорат других партий в истинности своих намерений. Ему, казалось, не удалось заручиться необходимым уровнем поддержки в своей партии для осуществления фундаментальных изменений в политической платформе¹⁴.

Несмотря на то что НРП организовала самое большое количество общественных митингов по всей стране и, вторя ПСР, пропагандировала демократическое развитие, ей не удалось обеспечить тот уровень поддержки населения, на который она рассчитывала, чтобы бросить серьезный вызов правящей партии. Итоги референдума существенно не сказались на общем количестве полученных НРП голосов. Нетрадиционные заявления Кылычдароглу не отдалили от него его приверженцев, но в то же время и не привлекли на его сторону избирателей других партий. Хотя референдум не позволил НРП расширить избирательную базу, тот факт, что пар-

тия не теряет голоса, как это было при ее предыдущем лидере, уже является положительным результатом. Под руководством Кылычдароглу партия при желании может добиться большего, если, конечно, будет более активна в курдских районах и Центральной Анатолии.

Тем не менее, референдум обеспечил другие преимущества НРП. В частности, в ходе активной кампании по внедрению новых идей партии Кылычдароглу установил контакт с различными слоями турецкого общества. Как ведущая партия в оппозиции ПСР НРП может стать альтернативным вариантом для избирателей со стороны ПНД и Партии Мира и Демократии (ПМД). Исходя из того что ПНД состояла в одном политическом лагере с НРП и использовала аналогичные аргументы, можно ожидать сближения значительной части избирателей этих партий. Если Кылычдароглу удастся реализовать заявленные задачи, он может превратить НРП в серьезную альтернативу для избирателей ПНД и ПМД.

Еще одной партией, выступившей против конституционных поправок, была Партия Националистического Действия. ПНД посчитала очевидным значение референдума в процессе демократизации, так как ее избиратели традиционно занимали сторону демократических мер в противовес опекунской бюрократии. Вместо этого партия рассматривала референдум как возможность ослабить ПСР.

Чтобы оценить повеление (действия) избирателей Партии национального действия (ПНД) и их предпочтения, необходимо проанализировать трансформацию, которую пережила партия с 1990-х гг. Электоральную базу партии формируют две группы, которые в зависимости от политического контекста времени могут вступать во взаимные противоречия: консервативные националисты Центральной Анатолии и светские националисты западных районов Турции. В то время как избиратели партии в Центральной Анатолии ближе к ПСР, на западе ПНД делит свой электорат с НРП.

Хотя у партии есть общие знаменатели с ПСР и НРП — консерватизм и секуляризм соответственно, в основе ее политической платформы лежит националистическая риторика с упором на эмоциональную составляющую: страх террора и разделения страны. Когда подобные страхи преобладают над консервативными и светскими убеждениями ее избирателей, ПНД способна забрать голоса у ПСР и НРП. Когда же националистические страхи отступают перед лицом светской и консервативной повестки дня, ПСР и НРП отбирают голоса у ПНД.

Референдум стал непростым испытанием для ПНД, так как он выявил более сильную, чем национализм, политическую динамику. Когда на повестке дня оказалась дихотомия «демократия против опекунской бюрократии», ПНД стало непросто удержать своих светских и консервативных избирателей, при сохранении националистической платформы. Позиционирование с лагерем противников референдума разочаровывает избира-

телей партии в Центральной Анатолии. В то время как поддержка референдума, наоборот, осложняет отношения ПНД с ее электоральной базой в прибрежных районах на западе и юге Турции. Столкнувшись с подобным выбором, руководство ПНД приняло решение формулировать вопрос в соответствии с националистической риторикой, чтобы не попасть в лагерь «опекунской бюрократии». В конце концов ПНД предпочла поддержать своих западных избирателей и заняла сторону противников конституционных поправок, используя националистический аргумент, что предлагаемые в них меры разделят страну. Выбор ПНД объясняется изменениями, произошедшими в партии с 1999 г., когда она получила почти 18% голосов и прошла в парламент Турции. Так как выборы 1999 г. были проведены в контексте реставрации политического климата после захвата лидера Рабочей партии Курдистана (РПК) Абдуллы Оджалана, ПНД удалось сыграть на волне вспыхнувших националистических настроений. В результате партия получила наибольшую поддержку со стороны населения городов Центральной Анатолии, где преобладают националистические и консервативные настроения. Однако, будучи в составе правительства, партия не удовлетворила ни националистов, ни консерваторов. В ходе выборов 2002 г., последовавших за экономическим кризисом, партия уступила значительную часть голосов своих избирателей в пользу ПСР и не смогла преодолеть 10%-ный порог, чтобы войти в состав парламента. Безусловно, стабильность поддержки, оказываемой консервативными и националистическими группами, будет зависеть от эффективности деятельности лидеров ПНД.

В результате произошедших в эти годы экономических и политических изменений, таких как рост экономического потенциала Турции, ее интегрирование в глобальную систему и усиление общих демократических стандартов, избиратели ПНД пережили трансформацию идентичности. На всеобщих выборах 2002 г. и 2007 г., а также местных выборах 2004 г. и 2009 г. поддержка ПСР увеличилась, а ПНД, наоборот, сократилась. Так, реакционный и закрытый национализм времен холодной войны сменился более открытой активной националистической перспективой. Но ПНД не удалось подстроиться под эти изменения. Чем больше партия выстраивала свою политическую позицию вокруг оборонительного (реакционного) национализма, тем больше голосов она уступала ПСР. Эта тенденция хорошо просматривается на примере политики «демократического открытия». По словам лидера ПНД Девлета Бахчели, планы правительства носят сепаратистский характер и угрожают существованию Турецкой Республики.

Так, электорат Центральной Анатолии счел ПСР более удачным представителем их интересов в правительстве. В свою очередь, партия не стала менять политическую платформу, чтобы лучше соответствовать требованиям населения Центральной Анатолии. Вместо этого она стала искать

для себя новую электоральную базу, которую обрела в лице реакционно настроенных групп избирателей прибрежных районов запада и юга Турции. Среди факторов, вызвавших националистическую реакцию в указанных районах, были политизация курдского движения, форсированная миграция с востока на запад и захват Оджалана.

Во время выборов 2007 г. сдвиг базы ПНД из Центральной Анатолии в прибрежные районы достиг своего апогея. Хотя ПНД положительно отреагировала на необходимость перемен в 1999 г., к 2007 г. ее обращение (послание) приняло негативный оттенок, так как основывалось на страхе сепаратизма. Исходя из того что курдский вопрос еще долгое время не получит своего разрешения, руководство партии решило, что может рассчитывать на реакционно-националистические чувства избирателей прибрежных районов, которые казались ему более надежными. Поэтому в ходе референдума ПНД сделала ставку именно на эту категорию электората.

Ценой объединения со своим историческим соперником НРП ПНД изменила свою кампанию, выстраивая ее на оппозиционной ПСР платформе. Хотя в пакете конституционных поправок не содержалось ни одного пункта по курдскому вопросу, ПНД объясняла свои возражения исходя из националистических аргументов. Партия заявила, что референдум был частью разрушительного плана ПСР, начавшегося с т. н. «демократического открытия», и что страна будет разделена, если поправки будут поддержаны большинством голосов. Пренебрегая содержанием пакета поправок, ПНД намеревалась представить референдум как платформу по передаче радикального националистического послания, направленного на обслуживание сепаратистских тенденций в стране¹⁵.

Тем не менее, ПНД более других партий пострадала от исхода референдума. Основанная на осуждении политики «демократического открытия» и сопровождавшаяся националистической риторикой, кампания «против» стоила ПНД голосов избирателей Центральной Анатолии. После референдума внутрипартийные споры дошли до того, что местные филиалы партии призвали ее руководство к ответственности за поражение¹⁶.

Результаты референдума показали, что, несмотря на националистическую риторику и угрозы сепаратизма, избиратели нашли дихотомию «демократия против опекунской бюрократии» более актуальной и проголосовали положительно. Ясно, что обещание демократизации оказалось более мощным политическим инструментом, чем страх сепаратизма. Этот результат демонстрирует, что ПСР смогла сместить приоритеты избирателей Центральной Анатолии, до которых ПНД не удалось «достучаться». Наибольшую опасность для ПНД представляет полная утрата избирателей в Центральной Анатолии. Результаты референдума и последовавшие дискуссии усилили дифференциацию между руководством партии и ее базой в Центральной Анатолии в отношении таких понятий, как «идеализм» (основная

концепция ПНД. — *Н. Ч.*) и «национализм». Вместо того чтобы пересмотреть свою программу в соответствии с трансформацией взглядов избирателей, ПНД, вероятно, продолжит следовать националистической линии в прибрежных районах. Оценивая результаты референдума, Девлет Бахчели заявил: «С принятием конституционных поправок Турция вступила в мрачную эпоху, полную жизненных рисков и опасностей»¹⁷. По поводу прогнозов на будущее Турции в его сообщении говорилось следующее: «Каждый день напряженность в Турции усиливается. Поляризация общества доходит до огромных размеров. Демократический режим перерос в арену всеобщего столкновения. Турция находится на грани раскола. Если эти опасные развития продолжатся, то поддерживающие нас колонны полностью рухнут».

Генеральный секретарь партии Джихан Пачаджи, отвечая на критику, что партия теряет своих традиционных избирателей, заметил: «В Османие, откуда родом председатель нашей партии, двое из четырех парламентариев состоят в ПНД. В Эрзуруме, который считается оплотом правящей партии, у нас есть один парламентарий. В Йозгате один из парламентариев — из нашей партии. В Чоруме у нас нет представителей среди пяти парламентариев, но у нас есть четыре из Аданы, Мерсина, Манисы и Айдына, трое парламентариев проголосовали “против”. Маниса, Балыкесир, Адана и Ушак, губернаторы которых являются членами ПНД, также проголосовали “против”»¹⁸. Учитывая то, что генеральный секретарь сделал акцент на успешную деятельность партии в прибрежных районах, подтверждает слабость партии в центре страны.

Такая стратегия может превратить ПНД в партию с исключительно националистической повесткой дня. Сегодня национализм и озабоченность по поводу сохранения светского образа жизни кажутся совместимыми в прибрежных районах, что приводит к местной конкуренции ПНД и НРП. Но если местному электорату придется делать выбор между этими партиями, ПНД может столкнуться с той же дилеммой, которую она пережила во время кампании по проведению референдума. Будущее ПНД будет зависеть от дальнейших действий ее руководства. Сегодня ПНД проигрывает на фоне усиления НРП. В результате смены лидера НРП поддержка партии возросла, в то время как ПНД теряет своих приверженцев. В предстоящих выборах 2011 г. ПНД будет бороться с НРП, чтобы преодолеть 10%-ный порог голосов. Опасаясь недобрать необходимое число голосов, партия может проводить бескомпромиссную политику по курдскому вопросу и в результате завести его в тупик.

В свою очередь, курдская Партия мира и демократии (ПМД) выстроила стратегию, которая не учитывала значения дихотомии «опекунская бюрократия против демократического правления». Партия могла бы интерпретировать поправки как часть более широкого процесса демократизации в Турции, который ПМД активно поддерживает последние годы.

Но вместо этого она выбрала узкую платформу, призывая к бойкоту референдума. Свою позицию партия аргументировала тем, что предлагаемые реформы оказались неполными и не удовлетворяют ее требованиям, которые заключались в следующем: прекращение военных операций против Рабочей партии Курдистана (РПК), освобождение курдских политзаключенных и значительное сокращение существующего в настоящее время в стране 10%-ного избирательного порога (курды выступают за 3%-ный избирательный порог). В ответ на призывы ПМД бойкотировать голосование от 70% до 90% населения курдских районов не приняли участие в референдуме. В двух селах Диарбекира — Шекерверене и Бозчалы на голосование не пришел никто. Из-за низкой явки избирателей в этих районах (например, 9% в Хаккари) может сложиться ложное впечатление, что конституционные поправки получили массовую поддержку. Так, «за» поправки отдали 96% населения Агры, 94% — Хаккари и 95% — Батмана¹⁹. Последнее обстоятельство объясняется тем, что в референдуме принимало участие не курдское, а турецкое население этих регионов. Партия отстаивала позицию, при которой такие вопросы, как борьба за демократизацию Турции и решение курдской проблемы, не были взаимосвязаны. Можно утверждать, что ПМД отказалась от националистической повестки в пользу локальных этнических вопросов. Через бойкот партия подчеркнула актуальность курдского вопроса в Турции и продемонстрировала свою способность представлять политическое руководство курдского населения. Таким образом, партия доказала, что она по-прежнему представляет собой политическую силу, с которой необходимо считаться.

В итоге результаты референдума выявили несколько общественных тенденций. Популярность Эрдогана и его партии у населения Турецкой Республики подтвердилась. Референдум стал очередным триумфом премьер-министра Турции, последним в серии политических побед, одержанных им с 1994 г., когда он был впервые избран губернатором Стамбула от Партии Благоденствия. С тех пор Эрдоган дважды одерживал верх на парламентских выборах и также два раза — на муниципальных. Пока ПСР остается единственной политической партией, представленной на западе, востоке, севере, юге и в центре ТР. Так что на сегодняшний день только она может получить голоса от каждого региона Турции. НРП получает голоса только в прибрежных и более развитых районах, но даже там она делит голоса с ПНД и ПСР. Голосование по поводу принятия конституционных поправок увеличило шансы действующего правительства на победу в предстоящих выборах 2011 г. Предыдущие годы демонстрировали снижение рейтинга ПСР с 46,6% в 2007 г. до 38,8% в 2009 г.²⁰ Воплощение в жизнь предложенного ПСР сценария будет зависеть от того, начнет ли правительство работу над новой конституцией или сосредоточится на выборочных реформах, направленных на дальней-

шее усиление его власти, таких как введение президентской формы правления. Последний вариант развития событий может привести к усилению авторитаризма, чего так опасается оппозиция.

Вестернизированная светская элита Турции считает, что нынешнее правительство использует проблемы вступления в ЕС, демократизации, гражданского контроля над вооруженными силами для того, чтобы ослабить светскую систему в Турции. По их мнению, за фасадом демократизации скрывается исламская повестка дня. Именно поэтому они не любят, когда ПСР начинает поднимать вопрос членства в ЕС. Они не верят в то, что исламисты хотят видеть Турцию частью ЕС. Именно поэтому в Турции сложилась парадоксальная ситуация, в которой современные и западноориентированные турки все чаще обращаются против ЕС и США. Они считают, что Запад, не вникая в насущные проблемы Турции, способствует закреплению за ней статуса умеренного исламского государства, который можно использовать в качестве демонстрационной модели для всего исламского мира.

Обратное происходит среди консервативных, более религиозных слоев турецкого общества. Они поддерживают демократические реформы, нынешнее правительство и демократию. Так, ситуация в корне изменилась. Налицо светские элиты, обеспокоенные изменениями, которые они рассматривают как ослабление секуляризации и исламизацию страны. А также традиционные консервативные слои общества, выступающие за изменения и демократизацию. В сравнении с поддерживающими оппозицию, сторонники ПСР настроены «проевропейски».

Что касается НРП, то она столкнулась с серьезной дилеммой: партия либо сохранит свою ультранационалистическую платформу и станет маргинальной, либо обратит большее внимание на требования избирателей Центральной Анатолии. Последний вариант осложняется прочностью в этом регионе позиций других партий — ПСР и ПНД. Последняя уже заявила о сохранении своей политической программы. ПМД, ограничив себя узкой платформой этнических вопросов, будет непросто преодолеть 10%-ный порог голосов для прохождения в Парламент во время выборов 2011 г.²¹

После объявления результатов референдума Р.Т. Эрдоган заявил, что Турецкая Республика пересекла историческую границу на пути к передовой демократии и главенству закона. Однако совсем не демократическими мерами власти побуждали население выполнить гражданский долг. Так, те, кто не пришел на референдум без уважительной причины, должны были заплатить штраф в размере 22 тур. лир²². Для состоятельных граждан эта сумма незначительна, а малоимущим было проще отдать не деньги, а свой голос Партии, обещающей им долгожданную справедливость и развитие. Власти г. Трабзон поступили по-другому: они отказались от введения штрафов в пользу сокращения проектов по поддержке проектов малого бизнеса.

В отличие от прошлого, политический контекст, в котором Р. Т. Эрдоган выразил свою поддержку демократическим ценностям, коренным образом изменился. Если в кемалистскую эпоху движение к демократии и светскости сопровождалось отказом от ислама, то с точки зрения Эрдогана необходимо не только развивать демократию, но и углублять исламские культурные корни и идентичность в соответствии с потребностями современного турецкого общества. Есть еще один немаловажный аспект — баланс между демократией и безопасностью страны. В условиях своеобразной ответственности Турции как государства, объединившего своими рамками представителей различных этносов, культур и религий, власти могут допустить ту степень демократизации, которая не будет угрожать целостности и безопасности страны и соответствует политическому курсу правительства. Возможно, этим объясняется замечание Эрдогана о том, что «демократия — как трамвай. Когда ты доехал до своей остановки, ты выходишь».

Примечания

¹ О роли армии на Ближнем Востоке см.: Ахмедов В. Армия и политический ислам на Ближнем Востоке // www.iimes.ru/rus/stat/2006/26-12-06b.html

² Опекунский подход предполагает сосредоточение власти в исполнительных и административных органах, в то время как законодательная власть остается относительно бесправной, а независимость судебной власти не реализуется.

³ Ete H., Yılmaz N., Üstün K. Turkey's Constitutional Referendum of 2010 and Insights for the General Elections of 2011//SETA. Policy Report. February, 2011. Report № 5, с. 8.

⁴ Конституцию 1921 г. сменила новая в 1924 г. При сохранявшемся до 1950 г. однопартийном режиме (под эгидой Народно-республиканской партии. — *Н. Ч.*), конституция также претерпевала изменения после каждого съезда партии. Вслед за военными переворотами, произошедшими соответственно в 1960, 1971 и 1980 гг., вместе с основным законом пересматривалась и вся политическая система Турции. Однако, несмотря на то что конституция Турецкой Республики с первых лет своего существования неоднократно менялась, первые два референдума были проведены только после военных переворотов 1960 и 1980 гг. Последующие три референдума (в 1987, 1988 и 2007 гг.) были направлены на изменение конституции 1982 г.

⁵ http://www.tepav.org.tr/upload/files/1284468699-0.2010_Proposed_Constitutional_Amendments_to_the_1982_Constitution_of_Turkey.pdf

⁶ <http://www.hurriyetdailynews.com/videos/justiceministryreferendum.pdf>

⁷ Тезисы к изменениям статей конституции 1982 г.

Общие положения

• Статья 10, посвященная равенству перед законом, гласит: «Мужчины и женщины имеют равные права. Государство обязано обеспечить применение этого равноправия на практике». В соответствии с принятыми поправками в статью был

добавлен новый параграф: «Меры, принятые в отношении детей, пожилых лиц и инвалидов, вдовых супругов и сирот лиц, погибших на войне или при исполнении служебных обязанностей, а также нетрудоспособного населения и ветеранов, не могут считаться отрицающими принцип равноправия».

Фундаментальные права и обязанности

- В предлагаемом пакете имеются два новых положения: право на защиту личных данных и права детей. В соответствии с новой редакцией Статьи 20, «Каждый имеет право получать информацию о данных, касающихся его или ее, иметь доступ или требовать внести поправки или уничтожить эти данные и получать информацию об использовании этих данных в соответствии с предусмотренными целями». Предлагаемая статья разрешает обработку личных данных на основаниях, предусмотренных законодательством, или с согласия субъекта данных.

- Дополнительные меры защиты предоставлены в отношении прав семей и детей. Все дети будут иметь прямое право на непосредственное общение со своими матерями и отцами и на продолжение отношений с ними (изменение Статьи 41). Предлагаемое положение звучит следующим образом: «Каждый ребенок имеет право на достаточную защиту и заботу и право иметь и поддерживать личные и прямые отношения со своими родителями, если обратное не в его/ее наилучших интересах». С этой новой категорией прав составители конституции также налагают на государство обязанность принимать меры для защиты ребенка от всех видов плохого обращения и жестокости.

- Еще одним новшеством в области фундаментальных прав и свобод является создание института «омбудсмана», или «государственного ревизора» (Статья 74). Созданный под руководством ВНСТ институт омбудсмана будет действовать в качестве посредника между государством и гражданами и рассматривать жалобы на работу администрации. Главный омбудсмен будет избираться членами ВНСТ на четыре года.

- В соответствии со Статьей 23, озаглавленной «Свобода проживания и перемещения»: «Свобода гражданина покинуть страну может быть ограничена из-за гражданских обязательств или уголовного расследования или обвинения». Предлагаемая поправка изменяет это положение: «Свобода гражданина покинуть страну может быть ограничена только решением суда, основанном на уголовном расследовании или обвинении». Отныне жителям Турецкой Республики нельзя будет запрещать покидать страну на основании неисполнения их гражданских обязательств. Здесь необходимо подчеркнуть, что термин «гражданские обязательства» относится к «обязательствам по уплате налогов» и «гражданской повинности» в соответствии с конституцией 1982 г.

- Три предложенные статьи в разделе «Фундаментальные права и обязанности» относятся к трудовым отношениям и условиям труда. Мы можем резюмировать новые и измененные положения следующим образом: во-первых, с удалением соответствующего параграфа из Статьи 51 существующей конституции становится возможным одновременное членство более чем в одном профсоюзе в одной и той же отрасли. Во-вторых, проект предоставляет государственным служащим и прочим государственным работникам право заключать коллективные договоры. В соответствии с предлагаемой поправкой, однако, в случае возникновения спора между ними и Правительством, стороны могут обратиться в Арбитражную комиссию государст-

венных служащих, решения которой будут окончательными и будут иметь силу коллективного договора. В-третьих, проект пересматривает право на забастовку. С одной стороны, профсоюз больше не несет ответственность за какой-либо материальный ущерб, причиненный на рабочем месте, являющийся результатом умышленного халатного поведения работников и профсоюза во время забастовки. С другой стороны, «политически мотивированные забастовки и локауты», «забастовки и локауты из солидарности», «захват рабочих мест», «преднамеренное снижение темпа работы», а также другие формы причинения помех не запрещаются.

Финансово-экономические положения

- Для предоставления консультаций правительству при определении экономической и социальной политики учреждается Экономико-социальный совет. Состоящий из представителей союзов, объединений и конфедераций, он получает конституционную защиту (изменение статьи 166).

Исполнительная власть

- Первая предложенная поправка в отношении органов исполнительной власти направлена на усиление принципа главенства закона путем расширения рамок судебного контроля над администрацией. Согласно параграфу 2 Статьи 125: «Постановления президента Республики в рамках его или ее компетенции и решения Верховного военного суда находятся вне рамок судебного контроля». Теперь проект снимает этот юридический иммунитет и открывает решения Верховного военного суда, касающиеся увольнения из вооруженных сил, судебному контролю. Другое изменение в этой статье касается рамок судебного контроля. Изначально первое предложение параграфа 4 Статьи 125 предусматривало, что: «Судебная власть ограничена подтверждением соответствия действий и постановлений администрации закону», а пакет конституционных поправок 2010 г. предусматривает, что: «...и ни при каких условиях не может использоваться как контроль целесообразности».

- Поправка к Статье 128 тесно связана с поправкой к Статье 53, позволяющей государственным служащим или иным государственным работникам заключать коллективные договора. Параграф 2 Статьи 128 предусматривает, что: «Квалификация государственных служащих и других государственных работников, процедуры из назначения, обязанности и полномочия, их права и ответственность, зарплаты и пособия и прочие вопросы, относящиеся к их статусу, регулируются законом». Проект добавляет к этому предложению следующее предложение: «... без ущерба положениям коллективного договора, касающимся финансовых и социальных прав».

- Последнее изменение, относящееся к исполнительной власти, также служит усилению принципа главенства закона. Параграф 3 Статьи 129 предоставляет судебный иммунитет дисциплинарным решениям в форме «предупреждения» и «выговора». Предлагаемая поправка снимает это исключение.

Законодательная власть:

- По условиям статьи 84, озаглавленной «Утрата членства», депутат, чьи действия по решению Конституционного суда привели к роспуску его партии, терял членство в партии. Отныне депутаты будут оставаться в ВНСТ в качестве независимых членов в течение всего срока, на который они были избраны, даже если их партии были закрыты.

- Вторая статья в пакете, относящаяся к законодательной власти, касается длительности работы Совета ВНСТ. Согласно существующему положению: «В тече-

ние одного законодательного срока проводятся двое выборов в Совет ВНСТ. Срок занятия должности лицами, выбранными в первом круге, составляет два года, а срок занятия должности лицами, выбранными во втором круге, составляет три года». С принятием на референдуме пакета конституционных поправок 2007 г. период деятельности ВНСТ сократился с пяти до четырех лет. Таким образом, стало необходимым соответственно скорректировать период работы Совет ВНСТ. Предлагаемое положение решает эту проблему, устанавливая, что срок занятия должности в Совете ВНСТ, выбранным в первом круге, составляет два года, а срок занятия должности лицами, выбранными во втором круге, продолжается до окончания законодательного периода.

Судебная система

Положения, касающиеся Конституционного суда:

- Размер и состав Конституционного суда будут изменены. Количество членов высшего суда страны будет увеличено с 11 до 17, а членов будут избирать и назначать Парламент и президент. По конституции 1982 г. только президент мог назначать членов Конституционного суда (изменение Статьи 146).

- Члены суда будут выбираться на срок 12 лет или пока не достигнут возраста 65 лет. Конституция 1982 г. не устанавливала срок, но предусматривала отставку членов суда по достижении ими возраста 65 лет (изменение Статьи 147).

- Предлагаемый пакет конституционных поправок вводит институт «конституционной жалобы», который предоставляет физическим лицам прямой доступ к Конституционному суду. В соответствии с предложением, по существу лицу необходимо выполнить три условия, для того, чтобы получить возможность обращения в Конституционный суд: (а) Лицо может обратиться в Конституционный суд на основании того, что одно из его или ее фундаментальных прав и свобод нарушены государственными органами; (б) Нарушенное право или свобода, гарантированное Конституцией, должно быть указано в Европейской конвенции о правах человека; (с) Перед подачей индивидуального заявления должны быть использованы обычные средства судебной защиты. В соответствии с существующим положением, Конституционный суд действует в качестве Верховного суда и имеет полномочия судить высокопоставленных должностных лиц, включая Президента, членов Совета министров и судей и обвинителей высоких судов (изменение статьи 148).

- Будет установлен кворум Конституционного суда, необходимый для его созыва, а минимальное количество голосов, требуемое для закрытия политической партии или аннулирования конституционных поправок, изменено с двух третей на три пятых (изменение Статьи 149).

Изменения, касающиеся Верховного комитета судей и государственных обвинителей:

- Верховный комитет судей и обвинителей будет реструктурирован и включит в себя 22 постоянных и 12 запасных судей. Девятнадцать членов будут назначаться, четыре из них — президентом. Суд будет также действовать тремя отдельными департаментами и будет иметь право инициировать расследования в отношении судей и обвинителей (изменение Статьи 159).

Изменения в военной судебной системе:

- Решения Верховного военного совета, приводящие к увольнению офицеров из турецких вооруженных сил, можно будет оспаривать в суде. Однако поправ-

ка исключает решения Верховного военного совета, которые вынуждают военных увольняться в связи с процедурами продвижения по службе и отсутствием срока службы. В соответствии с действующим законодательством решения Верховного военного совета об увольнении офицеров из вооруженных сил не могут быть обжалованы в суде (изменение Статьи 125).

- Службы правосудия и надзор за обвинителями в отношении их административных обязанностей будут осуществляться инспекторами министерства юстиции (изменение Статьи 144).

- Гражданским судам будет разрешено привлекать к судебной ответственности военнослужащих, а военным судам не будет разрешено привлекать к судебной ответственности гражданских лиц в мирное время (изменение Статьи 145).

- Организация и деятельность военного Верховного апелляционного суда будут реструктурированы (изменение Статьи 156).

- Деятельность Верховного военного административного суда будет основываться на принципе свободы судов, а не на принципе «необходимости воинского долга» (изменение Статьи 157).

- Статья, запрещающая обвинение лидеров переворота 1980 г., была отменена (аннулирование Статьи 15).

⁸ Данные почерпнуты из отчетов Секретариата ЕС по делам Турции. Закон № 5982, содержащий поправки к конституции. См.: <http://www.ysk.gov.tr/ysk/ReferandumSecimSonucServ?bilmece1=>. Retrieved 2010-09-13.

⁹ Mehmet Taşçı H., Oksuzler O. Income Differentials and Education in Turkey: Evidence from Individual Level Data // International Research Journal of Finance and Economics. — Issue 51 (2010), с. 122, 124.

¹⁰ <http://www.tumgazeteler.com/?a=6278486>.

¹¹ Hurriyet Daily News. 1.07.2010.

¹² Taraf. 26.08.2010.

¹³ Zaman. 27.08.2010.

¹⁴ SETA Policy Report. February, 2011. Report № 5. — P. 14.

¹⁵ Там же. — P. 11.

¹⁶ Там же. — P. 19.

¹⁷ Ortadogu. 12.09.2010.

¹⁸ MHP kaleleri çokmedi,” *Osmaniye*, September 14, 2010 <http://www.osmaniye.biz.tr/haber/siyaset/mhp-kaleleri-cokmedi.html>.

¹⁹ <http://referandum.ntvmsnbc.com>.

²⁰ http://www.gazetevan.com/SIYASET/6391-Referandumda-oy-kullanmamanin-cezasi-var-mi_-Ne-Kadar_.html, <http://www.milliyet.com.tr/oy-kullanmayana-22-tl-ceza/referandum/sondakika/11.09.2010/1287664/default.htm>.

²¹ SETA Policy Report. February, 2011. Report № 5. — P. 20–21.

²² http://www.gazetevan.com/SIYASET/6391-Referandumda-oy-kullanmamanin-cezasi-var-mi_-Ne-Kadar_.html, <http://www.milliyet.com.tr/oy-kullanmayana-22-tl-ceza/referandum/sondakika/11.09.2010/1287664/default.htm>.

В. И. Шлыков

АВТОРИТАРНЫЙ ХАРАКТЕР ПАРТИЙНЫХ СТРУКТУР В ТУРЦИИ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ

Политическое развитие Турецкой Республики в 2000-х гг. демонстрирует завидную стабильность по сравнению с 1990-ми. Это является результатом очередного перехода Турции к системе доминантной политической партии. Весьма непросто дать прогноз о том насколько длительным будет это состояние, так как политические процессы в стране имеют весьма большую динамику, а предпочтения электората демонстрируют высокую степень волатильности. В условиях существующей многопартийной системы ни одной из ранее единолично находившихся у власти доминантных политических партий (Демократическая партия А. Мендереса, Партия справедливости С. Демиреля и Партия Отечества Т. Озала) не удалось преодолеть десятилетний рубеж. Однако в случае с Партией справедливости и развития (ПСР) эта «традиция», кажется, будет нарушена: результаты референдума по пакету конституционных поправок, состоявшегося 12 сентября 2010 г., продемонстрировали сохранение высокого уровня поддержки ПСР со стороны избирателей. Отсутствие на сегодняшний день реального по политической мощи конкурента, ибо ни Народно-республиканская партия (НРП) после скандального ухода ее харизматичного лидера Дениза Байкала и с появлением на месте Генерального председателя достаточно среднего и уравновешенного Кемала Кылычдароглу, ни Партия националистического действия (ПНД) во главе с Денизом Бахчели, даже объединив свои силы, не способны противостоять ПСР, — означает, что Реджеп Эрдоган сможет сохранить свою власть, вновь победив на парламентских выборах, намеченных на 12 июня 2011 г. Данные опросов, проводимых с декабря 2010 г. Турецким центром стратегических и социальных исследований Metropoll, свидетельствуют, что ПСР может вновь получить около 40% голосов и остаться доминантной партией.

Учитывая ту ведущую роль, которую играют партии в политических процессах, развитии страны и обеспечении ее стабильности, необходимо

понимание того, чем являются политические партии в Турции. Поэтому большой интерес представляет исследование внутривнутрипартийных структур, взаимоотношений между центральными и периферийными партийными органами, между лидером и партийным аппаратом, между лидером и рядовыми членами. Короче говоря, важно знакомство с «внутренней кухней». С этой точки зрения наиболее репрезентативны две ведущие на сегодняшний момент партии — Партия справедливости и развития и Народно-республиканская партия, которые и стали предметом нашего анализа.

Авторитаризм в рамках партийных структур признаётся наиболее характерной чертой всех политических партий в Турции. При этом отсутствует его единая форма, а в зависимости от политической физиономии партий существуют его разные проявления, различающиеся степенью авторитарности. Основной его признак — наличие концентрации власти на центральном уровне, что является одной из широко признанных характеристик партийных организаций в Турции. Ряд авторов, объясняя данный феномен, описывают его то как «проявление олигархических тенденций», то как «наличие высоко дисциплинированного партийного руководства (лидерства)», то как «присутствие чрезмерно централизованных структур», и подчеркивают, что на макроуровне причинами данного феномена являются политическая культура Турции и институциональная структура партий¹. Однако для понимания существа авторитарных партийных структур недостаточно знание только особенностей политической культуры Турции. Огромное значение имеет характер властных отношений между акторами центра и периферии, т. е. причины более низкого уровня. Так, сравнение иерархических структур НРП и ПСР, их принципов внутривнутрипартийной ротации, а также механизмов стимулирования членов партии показывает, что НРП близка к «олигархическому авторитаризму», а ПСР представляет авторитаризм в чистом виде, т. е. это т. н. «вождистская» партия. В первом случае руководство партии, апеллируя к необходимости сплочения и угрозе маргинализации партии, вынуждает периферийных акторов отказаться от выдвижения своих требований и подчиниться решениям сверху. Во втором случае локальные партийные активисты остаются индифферентными к поведению авторитарной структуры партии вследствие получения позитивных сигналов морального и материального характера, которые поощряют их идеологическую приверженность и лояльность лидеру партии.

Существует широкое понимание того, что в большинстве случаев политические партии в Турции обладают скорее характеристиками т. н. кадровых партий, которые контролируются элитными группами партийных активистов, чем т. н. массовыми партиями, основанными на тщательно соблюдаемой системе регистрации членства². Кроме того, с принятием конституционных поправок в 1971 г. основным источником денежных

поступлений для политических партий стали государственные субсидии³, сделавшие партии похожими на партийный блок (картель), лидеры которого используют публичное финансирование и расширенные государственные функции, чтобы сдерживать конкуренцию за власть. В понятиях электоральных стратегий некоторые турецкие партии демонстрируют черты «всеядных» партий, главной целью которых является максимизация электоральной поддержки, но не через аккумуляцию интересов, а главным образом вокруг избирательных кампаний через создание привлекательного имиджа кандидатов, что весьма похоже на торговую рекламу какого-либо товара.

Всё вышеуказанное подразумевает наличие характеристик централизованных партийных структур, в которых контроль над партией концентрируется в руках партийных лидеров⁴. Однако авторитаризм, существующий в рамках партий, формируется не только в результате централизации партии. Имеются две важные особенности, которые делают авторитарную партийную структуру отличной от просто централизованной партийной структуры. Во-первых, это — исключение периферийных акторов, в дополнение к централизации контрольных функций, из механизма принятия важных решений в сравнении с их включенностью в политический процесс. В этом смысле партийный авторитаризм может рассматриваться как имеющий значение, противостоящее понятию внутрипартийной демократии, поскольку важнейшей чертой централизованной партии является концентрация руководства в руках нескольких лиц или единственной влиятельной фигуры⁵. Во-вторых, авторитаризм придает особое значение понятию власти. Властные отношения влекут за собой возникновение связей взаимозависимости между акторами.

Другими словами, власть не есть что-то, принадлежащее лидеру партии. Скорее лидер партии имеет власть над партийным активистом потому, что система разделяемых ценностей, навыки и представления последнего — это то, что позволяет лидеру партии влиять на него. В этом отношении в партийном авторитаризме власть становится относительной.

В большинстве случаев наблюдаемый в рамках авторитарных партийных структур пример является наличием олигархического контроля над партийной организацией со стороны ее лидеров. Для того чтобы структура рассматривалась как олигархическая, необходимо, чтобы руководство, во-первых, находилось в руках меньшинства; во-вторых, было нелегитимным; и в-третьих, организовано таким образом, чтобы желания большинства не влияли на решения меньшинства⁶. Понятие «легитимность» рассматривается здесь в веберовском понимании, означая, что «власть является легитимной тогда и только тогда, когда народ, являющийся объектом этой власти, ее признаёт»⁷.

Турецкая политическая культура оказывает значительное влияние на развитие авторитаризма внутри политических партий Турции. Создание первой политической партии новой Турции — Народно-республиканской — было аналогичным появлению первых политических партий в авторитарных режимах Среднего Востока. Оно находит свой источник в «протесте против иностранных врагов и абсолютизма, имея меньше отношения к захвату власти, чем к определению границ и созданию новых режимов»⁸, т. е. в действиях, активно контролируемых элитой, состоящей из офицеров и гражданских чиновников. После провозглашения Республики в 1923 г., те же самые кадры элиты, возглавляемые Мустафой Кемалем, основали НРП, которая стала политическим инструментом, призванным служить общему интересу общества и предназначенным стимулировать модернизацию в социально-политической жизни. Хотя конкурентная демократия западного типа была важной целью для элиты, в начальный период существования вновь созданной Республики имели место колебания в отношении введения многопартийной системы в Турции. Ататюрк принимал в принципе конкуренцию партий, но только если она не пойдет слишком далеко, другими словами, если она не приведет к доминированию групповых интересов за счет общих, т. е. государственных⁹. Таким образом, НРП в одиночку играла роль создания ответственной, хотя и не быстро реагирующей, политической системы в Турции¹⁰. Доминантная позиция партийной элиты стала консолидированной для того, чтобы защищать общий интерес, который был выражен в основных принципах Республики, известных как «шесть стрел» и символизировавших, по мнению Э. Озбудуна, позитивистскую точку зрения и являвшихся прагматическим инструментом для прогресса и цивилизации¹¹.

После перехода в 1946 г. к эпохе многопартийности вновь созданная Демократическая партия (ДП) положила конец периоду однопартийного правления НРП, одержав победу на выборах 14 мая 1950 г. Несмотря на то что ДП унаследовала авторитарную организационную структуру НРП, ей не удалось унаследовать также функцию представления общего, т. е. общегосударственного интереса. ДП была рождена в рамках фрагментарного периферийного общества при отсутствии сильных социальных групп, облегчавших развитие группового представительства. Партии, которые возникнут позже, также создавались автономными от социальных групп¹². Вместо этого имело место представление партикуляристских интересов, а именно клиентелизм, который в Турции рос одновременно с ростом политического участия. Как утверждает известный турецкий политолог Гюнеш-Аята, «трудно подкопаться к утверждениям о том, что клиентелизм играл функциональную роль в развитии политической борьбы, партийной

политики и политического участия»¹³. ДП в 1950-х гг., ее наследница — Партия справедливости в 1960-х гг. развили широкую сеть клиентелистских отношений между партийными функционерами центрального и периферийного уровня.

Неспособность представлять общегосударственные интересы дорого обошлась политическим партиям Турции. Военные, возложившие на себя роль защитников общегосударственных интересов, неоднократно вмешивались в политический процесс в ходе военных переворотов 1960, 1971 и 1980 гг., приведших сначала к приостановке деятельности политических партий, а затем и к их полному закрытию. И всё же подобное закрытие не приводило ни к чему большему, чем косметические изменения в названии и эмблеме любой партии. Организационный же базис партий почти не изменялся, поскольку те же самые местные партийные лидеры через сохранившиеся и не подвергшиеся изменениям клиентелистские сети вновь возводили партии на прежнем основании. Жаждавшие власти партийные лидеры из центра позднее использовали эти клиентелистские сети для консолидации своих позиций внутри партий.

* * *

Порядок создания и внутренняя организационная структура политических партий в Турции регулируются Законом о политических партиях¹⁴. До середины 1960-х гг. деятельность политических партий регламентировалась Законом об ассоциациях. В 1965 г. в рамках Конституции 1961 г. был принят первый закон о политических партиях. Ныне действующий закон является продуктом Конституции 1982 г., которая была введена в действие в результате военного переворота 1980 г. Ряд авторов-правоведов критикуют этот закон и утверждают, что именно он является причиной, по которой партийные организации не могут демонстрировать здорового развития в Турции. Обычно подчеркивается, что закон усиливает иерархическую модель партии и оставляет слишком мало пространства для внутрипартийной демократии¹⁵. И всё же воздействие закона на партийный авторитаризм должно пониматься вместе с главными особенностями турецкой политической культуры. Когда обязательные к выполнению правовые нормы объединяются с основными характеристиками партийной системы, основанной скорее на клиентелистских сетях, чем на представительстве социальных групп, становится гораздо сложнее говорить о внутрипартийной демократии.

Влияние Закона о политических партиях на партийный авторитаризм проявляется тройко: во-первых, он делает партии зависимыми от государственного финансирования, т. е. от субсидий государства, и создает эффект картелизации. Поскольку правительственным партиям принадлежат

полномочия по распределению и использованию государственных ресурсов, то предположение о том, что правящие партии обладают самым широким доступом к государственным финансовым ресурсам и денежным пожертвованиям от групп, становится убедительнее. Картелизация в этом смысле укрепляет «государственность» таких партий, препятствует развитию альтернативного выбора у избирателей и подрывает равенство партий в условиях конкурентной демократии¹⁶. Эти обстоятельства, в свою очередь, усиливают сами антидемократические структуры политических партий, поскольку лидеры партий проявляют склонность меньше заботиться о своей ответственности перед членами партии, чем извлечению выгоды из государственных ресурсов.

Вторым негативным следствием Закона является то, что он способствует развитию в политических партиях непрозрачности процесса отбора кандидатов для участия в выборах различных степеней. В демократической системе селекция кандидатов на выборные должности представляется одной из главных и определяющих функций политической партии, и то, как она проводится, является важным индикатором степени развития демократии в рамках партии¹⁷. Текущая практика фактически во всех политических партиях в Турции заключается в том, чтобы иметь кандидатов, отобранных центральным исполнительным комитетом, где вес лидера партии является преобладающим. Согласно закону, именно центральному комитету партии принадлежит право решать, проводить ли «праймериз» на локальном уровне или же использовать метод централизованного голосования при определении списка кандидатов в депутаты межджлиса¹⁸. В этом отношении многие партии отдают предпочтение централизованной селекции кандидатов, основываясь на решении центральных органов партии, которое ограничивает права местных партийных активистов на участие в процессе выработки и принятия решения организацией. Таким образом, закон оставляет наиболее важную функцию политических партий, какой является отбор кандидатов в руках лидера партии.

В-третьих, закон регулирует все организационные характеристики партий, создание стандартизированной модели, включающей порядок проведения партийных съездов и избрания членов исполнительных комитетов на национальном, провинциальном, уездном и окружном уровнях. Он определяет функции отделений партии и устанавливает порядок проведения внутрипартийных выборов всех уровней. В этом отношении закон ограничивает альтернативные модели организационных структур партий, поощряя развитие единственной иерархической модели партии, которой должны следовать все политические партии¹⁹.

Благодаря включению положений о государственном финансировании партий и как следствие развитию процессов картелизации, ограничениям процесса отбора кандидатов и признанию в качестве единственной моде-

ли партии иерархической структуры Закон о политических партиях создает институциональные предпосылки для обретения партией авторитарного характера. Однако периферийные партийные акторы (функционеры) все еще сохраняют свою ключевую роль в формировании авторитарных структур на микроуровне, поскольку именно они интерпретируют в антидемократическом духе институциональные предпосылки закона и действуют избирательно, имея в виду свои интересы, а также стремление укрепить свои позиции внутри партии.

* * *

Одна из главных целей руководящих органов партий и в первую очередь их лидеров заключается в необходимости консолидировать свою власть в рамках партийных организаций²⁰. Утверждение, что «лидер партии обладает властью», является лишенным содержания до тех пор, пока не определено, «над кем». Поэтому власть здесь следует рассматривать как принадлежность социального отношения, а не как атрибут руководителя (актора)²¹. В рамках партийного авторитаризма лидер партии обладает властью над партийными активистами только потому, что их ценности, восприятия и квалификация позволяют ему влиять на них.

Для того чтобы обеспечить реализацию целей достижения власти, партийные лидеры должны обращаться к представлениям и мотивациям периферийных функционеров и рядовых членов, заинтересовывать их путем распределения т. н. организационных стимулов или поощрений. На практике обычно используются три основных вида стимулов для членов партийных организаций: материальные стимулы; солидарные стимулы, дающие престиж, статус или общественное признание; целевые стимулы, приобретаемые через достижение некоторых целей, относимых к самой организации²². Материальные, целевые и солидарные стимулы могут рассматриваться в качестве позитивных стимулов в форме вещественных и невещественных наград, предложенных тем, кто действует в групповых интересах. В дополнение к позитивным стимулам определенную роль в авторитарных партийных структурах играют негативные стимулы в форме угрозы или применения наказания по отношению к тем, кто отказывается нести распределенную долю издержек группового действия. Или, образно говоря, «не следует генеральной линии»²³.

Материальные стимулы формируют базис клиентелистских сетей в Турции, усиливая авторитаризм внутри партийных структур. Эти стимулы являются, говоря словами итальянского политолога А. Панебьянко, «селективными стимулами, конкретными организационными преимуществами, распределяемыми партийными лидерами в варьируемых размерах только среди некоторых периферийных функционеров и активистов»²⁴.

В Турции материальные стимулы обычно распределяются между локальными руководителями окружных организаций. Отбор делегатов и локальных партийных руководителей — обычно это председатели организаций — на окружных партийных конференциях представляют два важных примера того, как работают для этих целей материальные стимулы.

В работе уездной партийной конференции (*ilçe kongresi*) может участвовать максимум 400 избранных делегатов. Согласно Закону о политических партиях, отбор делегатов проводится среди зарегистрированных членов партии, и любой член теоретически может быть назначен ответственным за организацию проведения выборного процесса в любом населенном пункте на территории уезда²⁵. Другими словами, закон не требует проведения формальных выборов делегатов на окружные партийные конференции и оставляет другие организационные детали процесса отбора на усмотрение партийных уставов. На практике процесс отбора делегатов обычно проводится под контролем руководящего ядра уездной партийной организации, которое фактически выступает агентом центрального руководства партии и действует в соответствии с характером материальных стимулов, которые получают низовые партийные функционеры. Так, в каждом уезде лицо, назначенное организовать проведение процедуры отбора делегатов, в большинстве случаев является членом локальной клиентелистской сети и стремится подобрать делегатов, лояльно настроенных или благожелательно относящихся к местному партийному «голове». Один из членов уездной партийной организации так разъяснил содержание этой проблемы: «По существу, именно руководитель уездной организации партии является тем лицом, которое определяет делегатов на конференцию. Для того чтобы гарантировать голоса делегатов, до начала работы конференции с ними проводится определенная “организационная” работа: для них проводят различные мероприятия, организуют встречи с “нужными” людьми, приглашают на обеды и банкеты. В ходе конференций, поскольку непосредственный процесс выборов контролируется уездными избирательными комиссиями, выборы проходят в соответствии с партийными уставами и Законом о политических партиях. Поэтому именно процесс, предшествующий проведению конференций, может вызвать проблемы»²⁶.

Другой пример того, как работают материальные стимулы, можно наблюдать на процессе «избрания» членов исполнительного комитета уездных и провинциальных партийных организаций, которые, в соответствии с законом, должны избираться на местных конференциях²⁷. А на практике все обычно происходит по-иному: сначала их назначает центральный комитет партии, а затем уже избирают на конференции. Таким образом, в период между назначением и избранием местного партийного руководителя назначенный местный руководитель («назначенец») подбирает делегатов, чьи голоса на конференции ему будут гарантированы.

В качестве иллюстрации можно привести свидетельство председателя одной провинциальной партийной организации о том, как он достиг своего нынешнего положения:

«После того как мой предшественник на посту руководителя провинциальной организации партии объявил о выставлении своей кандидатуры на предстоящих парламентских выборах, пять зарегистрированных членов партии заявили о своем желании занять освобождающееся место председателя организации. Я был одним из них. В центральном комитете партии с нами провели собеседование, и впоследствии меня назначили на это место»²⁸. Как показывает этот пример, партийное руководство в центре определяет свои собственные методы отбора «надежных» местных функционеров на руководящие посты, а «не пускает это дело на самотек» и не оставляет решение этого вопроса не только рядовым членам партии, но и нижестоящим партийным руководителям. Периферийные руководители-назначенцы гарантируют власть и лояльность авторитету центрального партийного руководства благодаря предоставлению различного рода материальных стимулов. Вот еще один пример: заместитель уездного руководителя объяснил, как он занял свой нынешний пост: «Это было решение председателя уездной организации назначить меня на пост своего заместителя. Он искал того, кто обладал наибольшим опытом в ведении организационных и административных вопросов, и выбрал меня»²⁹.

Данные примеры раскрывают существо основанных на материальных стимулах отношений между руководителями центра и периферии. И все-таки для лидеров партий раздача материальных стимулов и поощрений дело весьма дорогостоящее, а кроме того, далеко не у всех партий в одинаковой степени имеется доступ к материальным ресурсам (т. е. политическим назначениям, государственным субсидиям и дотациям). В отличие от правительственных партий партии, находящиеся в оппозиции, имеют, естественно, ограниченные возможности для того, чтобы обеспечивать и генерировать внутреннюю поддержку, основанную на распределении материальных стимулов³⁰. В этом случае партийные лидеры вынуждены прибегать к использованию различных стратегий и тактических приемов для того, чтобы справляться с потенциальными нежелательными реакциями, поступающими от членов партии с периферии, находящихся за пределами клиентелистской сети. Партийные «вожди» или обращаются к использованию негативных стимулов в виде различного рода «страшилок», чтобы подавить голоса «недовольных», или же к применению солидарных и целевых стимулов и мер поощрения для того, чтобы обеспечить индифферентность местных членов партии по отношению к авторитаризму руководства и сохранение лояльности лидеру партии.

В этом смысле НРП и ПСР в понятиях их структуры стимулов представляют собой в Турции два противоположных примера. Руководство

НРП, возглавляющее оппозицию в межджиесе, после парламентских выборов 2007 г. в Турции получило неодобрительную реакцию периферийных партийных руководителей и членов партии, недовольных результатами, полученными под руководством Дениза Байкала. Это была реакция на «несбывшиеся надежды и ожидания». Руководство, в свою очередь, прибегло к репрессиям посредством использования негативных стимулов. Поскольку ПСР является правящей партией, то уровень материальных стимулов, распределенных среди местных партийных лидеров, значительно выше, чем у НРП. С другой стороны, непростимулированная материально остальная часть членов сохраняет индифферентное отношение к авторитарной структуре партии вследствие получения другого типа позитивных стимулов: солидарных и целевых. Таким образом, различия в структуре мер стимулирования этих двух партий, вытекающие из их несходных возможностей, порождают различные модели партийного авторитаризма: олигархического и чисто авторитарного, «вождистского».

* * *

Два первых лидера НРП Кемаль Ататюрк и Исмет Инёню были харизматическими личностями, сохранявшими сильный контроль над организацией партии на уровне центра. Однако постоянные поражения НРП на парламентских и муниципальных выборах с 1950 до 1961 г., а также процессы в сфере внутренней политики и сдвиги в настроениях электората привели к крупным изменениям внутри партии, способствуя развитию внутрипартийной демократии. В этой связи поражение на выборах 1965 г. было особенно важным, поскольку оно побуждало к разворачиванию дискуссий внутри партии вокруг вопроса о причинах поражения и о путях их устранения³¹. Уход Исмета Инёню с поста генерального председателя партии и лидерство Бюлента Эджевита в 1970-х гг. усилило позиции и значение периферийных партийных организаций в процессах выработки и принятия решений, смещая полюс влияния от центра к периферии³².

Военный переворот 1980 г. имел катастрофические последствия для НРП, как и для всех политических партий эпохи 70-х гг. Все партии были закрыты, а их лидеры были отлучены от политики и лишены права заниматься политической деятельностью сроком на 10 лет. В 1983 г. была создана новая партия под названием Партия социальной демократии (*Sosyal Demokrasi Partisi — SODEP*), ориентировавшаяся на электорат запрещенной НРП. Ее возглавил сын Исмета Инёню, профессор-физик Эрдал Инёню. Позднее партия объединилась с Народнической партией (*Halkçi Parti — HP*) и стала называться Социал-демократической народнической партией (*Sosyal Halkçi Partisi — SHP*). Б. Эджевит не принимал участия в этих событиях. После 1987 г. он возглавил собственную Демократичес-

кую левую партию (*Demokratik Sol Parti — DSP*), в которой он ограничил права периферийных организаций³³.

9 сентября 1992 г. вслед за отменой запрета на имена ранее существовавших политических партий, НРП была вновь воссоздана. Ее новым лидером был избран Дениз Байкал, победивший в конкурентной борьбе за пост генерального председателя Эрала Тунджера. Дениз Байкал не являлся новичком в турецкой политике, еще в далеком 1974 г. он был министром финансов в коалиционном правительстве Б. Эджевита и Н. Эрбакана и уже тогда демонстрировал свою амбициозность и стремление к власти в НРП, конкурируя с Б. Эджевитом, тоже харизматичным лидером, находившимся во второй половине 1970-х гг. на пике своей популярности. В свое время, будучи в СДНП, Д. Байкал не оставлял своих стремлений к лидерству, возглавив внутривнутрипартийную оппозицию Э. Инёню. Он не чуждался и интриг, мастером которых проявил себя, борясь еще с Б. Эджевитом. В 1995 г. НРП объединилась с социал-демократами. После того как Д. Байкала, наконец, избрали генеральным председателем НРП и в этом качестве он пробыл с небольшими перерывами, в 1995 г. и 1999–2000 гг., 15 лет и 8 месяцев, он вступает в борьбу за единоличное лидерство, маргинализируя роль периферийных организаций партии в процессах выработки и принятия решений по широкому кругу вопросов, касающихся и селекции кандидатов на различные посты, и содержания дискуссий по программным установкам и вопросам идеологии. С тех пор, как только возникал какой-либо вопрос к Байкалу и его ближайшему окружению, руководящему партией, в отношении «сомневающихся» применялись жесткие санкции партийного контроля и поиск компромата. Это привело к тому, что среди членов НРП в периферийных организациях падало доверие к своему партийному руководству, породившему нелегитимный олигархический авторитаризм внутри НРП. Анализ материалов 32-го съезда НРП, состоявшегося в апреле 2008 г., проливает свет на понимание того, как подобный авторитаризм существует внутри партии.

Процесс отбора делегатов на съезд должен был происходить уже после поражения на парламентских выборах 22 июля 2007 г., когда ряд руководителей провинциальных и уездных организаций выразили свое неудовольствие курсом центрального руководства, возглавляемого Д. Байкалом, и проводимой им политикой. Один из наиболее репрезентативных обзоров общественного мнения о парламентских выборах показал, что среди электората НРП процент тех, кто признаёт потребность в новой партии и потребность в новом лидере для решения проблем Турции, составляет 34,8 и 59,6% соответственно³⁴. Поэтому среди избирателей налицо было недоверие к лидерству Д. Байкала и его ближайшим помощникам. Вслед за всплеском этого недоверия электората противники Байкала внутри

НРП попытались создать новую оппозиционную фракцию во главе с мэром Стамбульского уезда Шишли Мустафой Сарыгюлем, который после парламентских выборов начал выступать с заявлениями в СМИ о своих намерениях стать следующим лидером НРП и резко обвинял руководство Байкала за неудачу партии на выборах³⁵. Он попытался собрать вокруг себя всех оппозиционно настроенных членов НРП и организовал проведение закулисных встреч с руководителями уездных и провинциальных организаций, роль которых в партии ранее была маргинализирована. Но попытка «поднять партию с колен» была пресечена ближайшим окружением Д. Байкала, и вскоре по решению дисциплинарного комитета НРП Мустафа Сарыгюль был исключен из партии.

Руководящие органы периферийных организаций, выступавших против решений центральных партийных органов, также пострадали за свои оппозиционные взгляды, будучи еще больше изолированы внутри партии. Одним из примеров этого могут служить события в провинциальной партийной организации Стамбула, где вскоре после парламентских выборов ее председатель и работники аппарата были смещены со своих постов. Причиной для быстрой чистки среди провинциальных лидеров партии в Стамбуле было стратегическое значение стамбульской организации для НРП. Ее влияние на предстоящий съезд партии было значительно больше, чем других провинциальных организаций, где число делегатов, представляющих каждую провинцию, было прямо пропорционально результатам парламентских выборов³⁶. Один из делегатов стамбульской партийной конференции объяснил это следующим образом: «Результаты провинциальной конференции Стамбула будут на 90 процентов совпадать с результатами национального конгресса. Одна шестая от общей численности делегатов, которые проголосуют за лидера НРП на съезде, избирается здесь»³⁷.

Поэтому центральные органы партии волевым решением назначили нового председателя в стамбульской провинциальной организации НРП, который путем создания своей собственной команды сторонников из числа лояльных нынешнему лидеру лиц гарантировал бы переизбрание Байкала лидером партии на будущем съезде. В итоге за три месяца до созыва национального конгресса провинциальная конференция в Стамбуле не пошла дальше утверждения формального избрания «назначенца» партийного руководства на пост председателя. Закулисная обработка делегатов принесла свои плоды: в результате большинство делегатов выразили свою поддержку вновь назначенному председателю в письменном виде еще до начала работы провинциальной конференции³⁸.

Стамбульская провинциальная организация НРП не единственная, кто стал объектом радикальных перемен и кадровых чисток. Провинциальная организация в Измире, которая обеспечила солидную поддержку

НРП в 2002 г. и в меньшей степени в 2007 г., представляет другой пример принудительного подчинения авторитарным установкам и политике центрального руководства в лице Д. Байкала и его окружения. После парламентских выборов 2007 г. сопротивление, оказываемое руководством партийной организации Измира решениям, спускаемым сверху центральными органами партии, привело к принятию жестких кадровых решений и роспуску прежнего состава руководящих органов. И вновь, как и в случае Стамбула, было продавлено назначение новых «надежных кадров», лояльных Д. Байкалу. Вновь назначенный председатель перетряхнул состав функционеров не только в провинциальном аппарате, но также затронул многих кадровых работников уездных организаций. Дело дошло до того, что руководство ряда уездных партийных организаций, ставшее объектом маргинализации, провело митинг под лозунгом «Наша единственная вина в том, что мы были вместе с НРП», который широко освещался в местных СМИ³⁹.

Результатом кадровых перемещений в партии стало то, что делегаты, которые должны были избирать лидера НРП на общенациональном конгрессе, сами были выбраны из числа вновь назначенных, но не избранных в соответствии с Уставом НРП, периферийных руководящих структур, симпатизировавших действующему центральному руководству. Более того, на состоявшемся в Анкаре 26–27 апреля 32-м съезде НРП Дениз Байкал не только был переизбран лидером партии, но являлся также единственным кандидатом, номинированным на выборы лидера. Три других кандидата не смогли заручиться поддержкой 253 делегатов, требуемых для регистрации их участия в выборах лидера партии⁴⁰. В то же время 28 апреля 2008 г. кандидатуру Байкала на пост лидера НРП поддержали 1016 делегатов из 1213. Таким образом, многомесячная «организационная» работа принесла свои желанные плоды: Д. Байкал вновь сохранил в своих руках власть в НРП⁴¹. Его уход с поста лидера 10 мая 2010 г. был связан с сексуальным скандалом. Хотя и здесь он попытался спустить его на тормозах, затушить разгоревшиеся страсти и удержаться на своем месте, но слишком много у него оказалось недоброжелателей и конкурентов. С 22 мая 2010 г. новым лидером партии стал Кемаль Кылычдароглу, или как его называют в НРП — «второй Кемаль», имея в виду основателя партии Кемалья Ататюрка.

Принимая во внимание, что НРП является оппозиционной партией и возможности для организационных стимулов у нее значительно ограничены, объяснение поведению как простых членов НРП, так и ее функционеров может быть то, что все они являются носителями сильных идеологических мотиваций. Многие члены партии не испытывают доверия партийному руководству, но в большей степени верят в партийную идеологию.

Теперь несколько слов о правящей ныне ПСР. Первоначально лидерство Реджепа Тайипа Эрдогана имело мишенью единоличное правление Эрбакана и использовалось как предлог для создания Партии справедливости и развития (ПСР), а в день провозглашения создания ПСР он даже обещал, что в новой партии никогда не будет диктаторского правления, процитировав знаменитое высказывание Вольтера об уважении чужого мнения⁴². Однако достаточно быстро Эрдоган последовал традиционной линии поведения лидеров турецких политических партий, радикально изменив партийный Устав в течение менее двух лет. Вместе с изменениями в партийном Уставе он превратился в единственного непререкаемого авторитета при назначении руководства партии. На съездах было запрещено представлять альтернативные списки. Право избирать членов Центрального исполнительного комитета (ЦИК) — высшего органа партии — было отнято у Руководящего совета и передано самому Эрдогану⁴³. В партии широко используются все виды стимулирования и поощрения ее функционеров и даже простых членов. Особенно это ярко было продемонстрировано в ходе избирательной кампании по выборам в муниципальные органы власти в марте 2009 г. Турецкие СМИ много писали о прямом подкупе со стороны ПСР избирателей в Тунджели, когда среди них распределялись товары длительного пользования, уголь для отопления и т. п.⁴⁴

Говоря о перспективах умеренных исламистов, следует обратить внимание на то, что в 2007 г. Отдел по выборам при руководстве ПСР провел социологическое исследование руководящих кадров партии, начиная от округов (*belde*) до уездов (*ilçe*) и крупнейших городских единиц (*şehir*). Из 2682 человек, ответивших на анкету, только 11,5% были старше 55 лет. Функционеры в возрасте от 25 до 34 лет составляют 9,8%, от 35 до 44 лет — 39,7% и от 45 до 54 лет — 38,9%. Эти данные ясно показывают, что ПСР способна привлечь очень молодую группу новых политиков в члены партии. Это фактически подчеркивает причины, почему партия выражает желание снизить возраст для права быть избранным — с 30 до 25 лет. Ясно, что электоральная политика должна отвечать на возрастной фактор, поскольку 43% избирателей являются лица в возрасте до 25 лет⁴⁵.

* * *

Нестабильность политических партий на местном, провинциальном и парламентском уровнях вследствие неэффективного функционирования внутрипартийной демократии осложняется двумя другими факторами. Во-первых, политические партии функционируют главным образом как клиентелистские сети, через которые распределяются выгоды, блага

и преимущества, извлекаемые вследствие пребывания у власти вне зависимости от ее уровня⁴⁶. В этом контексте оппозиционная партия может рассматриваться лишь как конкурирующая клиентелистская сеть, стремящаяся к приходу во власть.

После каждых выборов депутатов меджлиса осаждают избиратели, чтобы продемонстрировать свои мандаты лиц, поддержавших партию, которая получила самое большое количество голосов на выборах⁴⁷. Их первой просьба касается получения работы на государство, поскольку хотя такая работа и оплачивается низко, но дает гарантированную занятость и много побочных выгод. В свое время премьер-министр Тургут Озал утверждал, что низкий уровень зарплаты чиновников не имеет значения, поскольку «мои чиновники знают, как устраиваться». Как следствие, в глазах избирателей получение места чиновника в госучреждении является лучшей наградой⁴⁸.

Вакуум, образовавшийся в результате ликвидации после военного переворота 12 сентября 1980 г. старых клиентелистских сетей, породил новые вызовы. Прежнее культурное противостояние центра и периферии, которое Шериф Мардин назвал в свое время «ключом к турецкой политике»⁴⁹, начало дробиться, с одной стороны, на дополнительные религиозные и этнические избирательные блоки, а с другой стороны, на различные патронажные сети, выстраиваемые вокруг кровных связей и земляческих уз. Как отмечает У. Хэйл, «...распространяющиеся тенденции усиливаются доминантной ролью, которую играет клиентелизм, в большей степени, чем идеологическое или политическое выравнивание в формировании и сохранении политических структур»⁵⁰.

В целом у партий отсутствует сколько-нибудь существенная внутрипартийная демократия. Лидеры, совершающие крупные ошибки в ходе выборов или будучи в правительстве, выживают. Коррупция не приводит к политическому краху, о чем свидетельствует пример Тансу Чиллер. Новые идеи не возникают внутри партий, где не поощряются дискуссии. Политической культурой партий правит скорее подчинение, чем дух соревнования. Ни одна из ведущих партий не демонстрирует желания позволить социально-экономическим группам играть какую-либо существенную роль в публичном процессе принятия решений. Итак, по мнению профессора М. Хепера, «в наиболее влиятельных политических партиях Турции внутрипартийной демократии не существует»⁵¹. Родственной характерной чертой, наблюдаемой как у НРП и партий правого центра, так и у умеренных консервативных исламистов, а именно так позиционирует себя ПСР, является традиция безусловной лояльности харизматическому лидеру, которого считают подлинным выразителем движения и нации. Среди партий, придерживающихся этой традиции, насчитывается очень ограниченное число случаев, когда преемственность лидера реша-

лась голосами партийных делегатов. Лидеры доминируют во всех партиях и бывают нетолерантны не только к выражению разногласий, но также и к конструктивной критике.

* * *

Партийный авторитаризм укоренен на макроуровне в политическую культуру Турции и институциональную структуру. Периферийные партийные функционеры и активисты обязаны подчиняться решениям, принятым лидерами партий, как по вопросам селекции кандидатов на различные выборные посты на местном и общенациональном уровнях, так и по вопросам формирования политического курса в рамках внутривнутриполитического процесса, даже если данные решения противоречат их интересам. Партийный авторитаризм в политической жизни современной Турции, как это видно на примере двух ведущих партий — НРП и ПСР, существует в двух видах, олигархическом и вождистском. При этом поражения на парламентских выборах и пребывания в оппозиции в условиях олигархического авторитаризма могут инициировать в партии процесс в пользу перемен в системе стимулов. Например, после поражения на выборах в июле 2007 г. легитимность лидера НРП пошатнулась в глазах активистов и периферийных функционеров партии. С другой стороны, поскольку партия находится в оппозиции, то в распоряжении руководства НРП нет достаточных материальных ресурсов, чтобы контролировать поддержку внутри партии. Неудовлетворенные партийной элитой в лице руководящей верхушки периферийные партийные функционеры и активисты имеют повод бросить вызов авторитаризму. Таким образом, теоретически существует возможность ослабления олигархического авторитаризма и расширения внутривнутрипартийной демократии. Однако случай НРП показывает, что партийные функционеры, инициировавшие вызов высшему руководству, стали объектом маргинализации, будучи смещены со своих властных позиций в партии.

В отличие от олигархического авторитаризма вождистская его разновидность не содержит в себе предпосылок к проведению перемен. Подчинение партийных функционеров и активистов или покупается материальными стимулами и поощрениями, или поддерживается солидарными и целевыми стимулами, что укрепляет приверженность к лидеру партии. Это можно наблюдать на примере ПСР. Длительное пребывание у власти обеспечило партии значительный доступ к материальным ресурсам, которые направляются периферийным отделениям партии и функционерам, что не создает никаких предпосылок для мотивации бросать вызов авторитаризму в партии.

Примечания

¹ См.: Turan I. *Political Parties and the Party System in Post-1983 Turkey // State, Democracy and the Military Turkey in the 1980s*. N. Y., 1988, с. 63–80; Özbudun E. *Parties and Party System // Contemporary Turkish Politics: Challenges to Democratic Consolidation*. L., 2000, с. 73–103.

² См.: Дюверже М. *Политические партии*. М., 2005, с. 114–121; Bekta A. *Demokratikleşme Sürecinde Liderler Oligarşisi, CHP ve AP (1961–1980)*. İstanbul, 1993; Özbudun E. *Parties and Party System...*, с. 73–104.

³ Özbudun E. *The Institutional Decline of Parties in Turkey // Political Parties and Democracy*. Baltimore, 2002, с. 245.

⁴ Kirchheimer O. *The Transformation of the Western European Party Systems // Political Parties and Political Development*. Princeton, 1966, с. 177–200.

⁵ См.: Kenneth J. *Conceptual Framework for the Comparative Analysis of Political Parties*. Beverly Hills, 1970, с. 108–109.

⁶ Leach D.K. *The Iron Law of What Again? Conceptualizing Oligarchy across Organizational Forms // Sociological Theory*, Vol. 23. № 3 (2005), с. 329.

⁷ Там же.

⁸ См.: Rustow D.A. *The Development of Parties in Turkey // Political Parties and Political Development*. Princeton, 1966, с. 112.

⁹ Dodd C.H. *Atatürk and Political Parties // Political Parties and Democracy in Turkey*. L., 1991, с. 24–42.

¹⁰ Karpat K. *The Republican People's Party 1923–1945 // Political Parties and Democracy in Turkey*. L., 1991, с. 42–64.

¹¹ См.: Özbudun E. *The Nature of the Kemalist Regime // Atatürk: Founder of a Modern State*. L., с. 79–102.

¹² Heper M. *State Tradition in Turkey*. Walkington, 1985, с. 100.

¹³ Güneş-Ayata A. *Class and Clientelism in the Republican People's Party // Turkish State, Turkish Society*. L. — N. Y., 1990, с. 160.

¹⁴ *Siyasi Partiler Kanunu*, № 2820.

¹⁵ См.: Gençkaya Ö.F. *The Turkish Constitutional Court and Dissolution of Political Parties: Comparative Perspectives // Prof. Dr. Suna Kili'ye Armağan*. İstanbul, 1998, с. 165–184; *Siyasi Partilerde Reform*. İstanbul, 2000; Hakyemez Y., Akgün B. *Limitations on the Freedom of Political Parties in Turkey and the Jurisdiction of the European Court of Human Rights // Mediterranean Politics*, Vol. 7, № 2 (2002), с. 54–78.

¹⁶ Gençkaya Ö.F. *Siyasetin Finansmanı ve Siyasi Partiler // Asomedyä* (October 2002).

¹⁷ Jupp J. *Political Parties*. L., 1968, с. 58.

¹⁸ Ст. 37 «Закона о политических партиях» оставляет право выбора способа селекции кандидатов за Уставами политических партий [*Siyasi Partiler Kanunu // <http://www.anayasa.gen.tr/2820sk.htm>*].

¹⁹ См.: *Siyasi Partiler Kanunu*. İkinci kısım. Madde 8–60.

²⁰ Panebianco A. *Political Parties: Organization and Power*. Cambridge, 1988, с. 7.

²¹ См.: Emerson R.M. *Power-Dependence Relations // American Sociological Review*, Vol. 27, № 1 (1962), с. 32.

²² Данные типы стимулов основываются на широко известной в политологической литературе классификации организационных стимулов в партиях Кларка-Уилсона. См.: Clark P. B., Wilson J. Q. *Incentive Systems: A Theory of Organization* // *Administrative Science Quarterly*, Vol. 6, № 2 (1961), с. 129–166.

²³ Подробное рассмотрение системы позитивных и негативных стимулов и поощрений см.: Olson M. *The Logic of Collective Action, Public Goods, and the Theory of Groups*. Cambridge (Mass.), 1965.

²⁴ Panebianco A. Указ. соч., с. 9.

²⁵ *Siyasi Partiler Kanunu, madde 20*.

²⁶ Беседа автора с местным партийным функционером во время пребывания в Анкаре 20 апреля 2006 г.

²⁷ Ст. 21/9 «Закона о политических партиях» определяет, что председатель и исполком уездной организации партии избираются на уездной конференции. Порядок их избрания, условия, ведущие к их смещению провинциальным комитетом или же центральным исполнительным комитетом, и порядок образования временного исполкома определяются партийным уставом. Ст. 19/5 устанавливает аналогичную процедуру для избрания председателя и руководящих органов провинциальной партийной организации.

²⁸ Беседа автора с местным партийным функционером во время пребывания в Анкаре 20 апреля 2006 г.

²⁹ Беседа автора с местным партийным функционером во время пребывания в Анкаре 21 апреля 2006 г.

³⁰ Bolleyer N. *Inside the Cartel Party: Party Organization in Government and Opposition* // *Political Studies*, Vol. 57, № 3 (2009), с. 559–579.

³¹ Güneş-Ayata A., Ayata S. *Center-Left Parties in Turkey* // *Turkish Studies*, Vol. 8, № 2 (2007), с. 227.

³² Там же, с. 228.

³³ Там же, с. 228.

³⁴ Авторитетная социологическая компания «КОНДА» в течение шести месяцев провела восемь опросов, в которых участвовали 25 000 респондентов, и опубликовала свой отчет за неделю до парламентских выборов 22 июля 2007 г. под названием «Что определило содержание избирательных урн?» [Sandığın İçindekini ne Belirledi? // www.konda.com.tr].

³⁵ Çelik M. *Muhalliflerden Sert çıkış: Siyaseti Bırak* // *Milliyet*, July 25, 2007.

³⁶ Согласно ст. 53 Устава НРП, в состав делегатов съезда входят представители, избранные на провинциальных конференциях, и число избранных представителей от каждой провинции в два раза больше числа депутатов меджлиса от этой провинции [Cumhuriyet Halk Partisi Tüzüğü // <http://www.chp.org.tr>].

³⁷ Soykan T. *Parti İçin Demokrasiyi CHP'de Ara ki Bulasın!* // *Radikal*, 28/01/2008.

³⁸ Там же.

³⁹ *CHP Ege Örgütleri Ayaklandı* // *Yeniasır Gazetesi*, 5/10/2007.

⁴⁰ В соответствии со ст. 55/11 Устава НРП для внесения в список кандидатов на пост генерального председателя партии требуются подписи не менее 20% общего числа делегатов съезда [См.: Cumhuriyet Halk Partisi Tüzüğü // <http://www.chp.org.tr>].

⁴¹ Öymen A. *Gizli Oylamanın Temelindeki 'Apaçık Oylama* // *Radikal*, 29/04/2008.

⁴² См. статью Т. Эрдогана в газете «Заман» [Liderlik Sultası Yok // Zaman, 15/08/2001].

⁴³ См.: Ak Parti'de Tüm Yetkiler Tayip Edoğan'da Toplandı // Zaman, 02/02/2003.

⁴⁴ См.: Milliyet, 08/02/2009.

⁴⁵ Taşkın Y. AKP's Move to Conquer the Centre-Right... // Turkish Studies, Vol. 9, № 1, March, 2008, с. 60.

⁴⁶ О роли патрон-клиентелистских сетей см.: Sayari S. Political Patronage in Turkey // Patrons and Clients in Mediterranean Societies. L., 1977. с. 103–113; Güneş-Ayata A. Roots and Trends of Clientelism in Turkey // Democracy, Clientelism, and Civil Society. Boulder, 1994. с. 49–63.

⁴⁷ Интервью председателя ВНСТ Бюлента Арынча газете «Миллиет» [Milliyet, 09/03/2003].

⁴⁸ Kalaycıoğlu E. Turkish Dynamics Bridge Across Troubled Lands. N. Y., 2005, с. 138.

⁴⁹ Mardin Ş. Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics // Daedalus, Vol. 102, № 3, с. 57.

⁵⁰ Hale W. Democracy and the Party System in Turkey // The Turkish Transformation: New Century — New Challenges. Walkington, с. 183.

⁵¹ См.: Heper. The Consolidation of Democracy versus Democratization in Turkey // Turkish Studies, Vol. 3, № 1, Spring 2002, с.138–146.

П. В. Шлыков

ВОЕННАЯ ЭЛИТА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ТУРЦИИ 2000-х гг.: СМЕНА ПАРАДИГМЫ?

Социально-политические процессы в странах Ближнего и Среднего Востока после завоевания ими политической независимости и начала строительства национальных государств объективно способствовали усилению роли военных в политической сфере. Это в прямом смысле стало одной из отличительных черт новейшей истории ближневосточного региона в целом. Наиболее существенные изменения в содержании и структуре политической власти в этих странах происходили в большинстве случаев при прямом использовании или активном участии национальных вооруженных сил. Военные свергали монархов и президентов, распускали парламенты и политические партии, формировали правительства и т. д. Фактически они составляли «стратегическую элиту», если следовать терминологии американского социолога Сьюзан Келлер, т. е. «особую социальную группу, чьи решения, суждения и действия имеют важные и определяющие последствия для многих членов общества»¹.

Процесс политического развития Турецкой Республики в этом плане чрезвычайно показателен и репрезентативен. Турция — страна, где на протяжении XX в. вооруженные силы играли доминирующую роль в политической жизни. В начале XX столетия младотурецкая и кемалистская революции положили начало активной роли военной элиты в усилении централизованного государственного правления для решения сложных социальных проблем и обеспечения ускоренного преодоления экономической отсталости. А после окончания Второй мировой войны и перехода страны к многопартийности военная элита, вопреки желанию многих политиков «поубавить спеси гордому офицерству»², не только не оставляет свои позиции «стратегической элиты», но и заметно укрепляет свой политический вес.

Особое значение имеют институциональные и правовые основы политического влияния военной элиты. Во времена Ататюрка начальник Генер-

рального штаба был подчинен непосредственно президенту. После 1945 г. Исмет Инёню в рамках мер по «углублению демократии» понизил статус начальника Генштаба, подчинив его министру обороны. Но предпринимая этот шаг, который покончил со следами особого положения офицеров внутри государства, он не принизил почетного статуса военной профессии³. Тем не менее, заговорщическая деятельность в армии против возможного злоупотребления политической властью началась именно в период президентства Инёню⁴. В результате этого «турецкого эксперимента в демократии» (Фероз Ахмад)⁵ роль армии в политике не ослабла, а возросла.

Конституция 1961 г., принятая после военного переворота 27 мая 1960 г., повысила де-юре статус Генштаба и де-факто степень его автономности, выведя из подчинения министру обороны и переподчинив его непосредственно главе правительства. В рамках иерархии государственного протокола начальник Генштаба занял четвертое место после президента, премьера и председателя меджлиса⁶. По Конституции 1961 г. в качестве консультативного органа при правительстве был создан Совет национальной безопасности (СНБ), включавший ключевых министров и высшее командование ВС. СНБ стал важнейшей площадкой для регулярных контактов гражданского и военного руководства, где армия излагает свою позицию по наиболее острым вопросам в сфере политики. 4 января 1961 г. был принят знаменитый Закон № 211 «Устав внутренней службы ВС Турции», определивший главную обязанность армии как «защиту и сохранение Турецкого Отечества и Турецкой Республики» (ст. 35)⁷.

Поэтому у турецких военных никогда не было сомнений в отношении своего права на вмешательство: будь то военный переворот или же предъявление «меморандума», они всегда ссылались на «Устав внутренней службы». В 1960 г. это была статья 34 Закона № 2771 от 1935 г.⁸, а в 1980 г. — ее новая редакция (ст. 35 Закона № 211)⁹. «По закону наша задача охранять и оберегать режим, когда с ним что-то случается. Мы не являемся врагами ни политики, ни политиков. Мы лишь стражи режима. Вооруженные силы находятся выше любых политических движений и вне их», — комментировал эту статью уже после своей отставки с поста начальника Генштаба Хильми Озкёк¹⁰. Однако после 1983 г. военная элита стала менее склонна прибегать к угрозе силой, предпочитая использовать более тонкие методы и средства, чтобы гарантировать политику правительства в тех границах, которые виделись ей допустимыми.

В 1980-х — первой половине 1990-х гг., после возвращения к гражданскому правлению, Генштаб редко вмешивался в политику правительства. Генералы предпочитали давать рекомендации. «Переворот перестал быть

“выходом”, — отмечает генерал Озжék. — Лучший выход — доведение до общественности мнения начальника Генштаба»¹¹. В тех сферах, где военная элита играет ключевую роль в детальном формулировании политики, она стремится использовать официальные каналы в рамках госаппарата, самым важным из которых является СНБ.

Действующая Конституция 1982 г., принятая в условиях прямого военного правления, сохраняла основные принципы своих предшественниц¹², при этом она серьезно повысила статус СНБ. Он перестал быть просто консультативным органом — впредь кабинет министров при рассмотрении государственных вопросов должен был отдавать приоритет рекомендациям СНБ (ст. 118)¹³. Вступивший в силу в 1983 г. Закон № 2945 «О СНБ и Секретариате СНБ» еще больше усилил роль СНБ, превратив его в важнейший инструмент влияния военной элиты на политическую жизнь страны¹⁴. Закон предоставил генеральному секретарю СНБ право неограниченного доступа к любому гражданскому органу управления для мониторинга реализации рекомендаций, представленных СНБ кабинету министров¹⁵.

Рабочий орган СНБ — его секретариат, в задачу которого входила подготовка и разработка под руководством генерального секретаря директивных и рабочих документов СНБ и составление различного рода справок для его членов. На пост генсека СНБ всегда назначался действующий полный генерал или адмирал, а в составе секретариата СНБ (более 400 человек) доминировали действующие и отставные офицеры, которые и могли определять повестку дня заседаний СНБ и задавать вектор дискуссии. Все это превратило СНБ в достаточно влиятельный инструмент формулирования политики правительства в сфере безопасности (в широком смысле)¹⁶.

Армия могла также отслеживать действия гражданских властей, участвуя в деятельности ряда других правительственных органов, таких как Коллегия судов госбезопасности, Совет по высшему образованию или же Высший совет по радио и телевидению. Кроме того, установилась практика еженедельных встреч с премьер-министром и президентом, где на высшем уровне начальник Генштаба мог довести озабоченность армии до сведения политического руководства страны.

Еще одним источником влияния военной элиты является Организация взаимопомощи армии, или ОЯК (*Ordu Yardımlaşma Kurumu — ОУЯК*). Созданная после военного переворота 27 мая 1960 г.¹⁷ по инициативе Комитета национального единства (КНЕ) с целью «избавления кадрового состава армии от беспокойства в отношении своего будущего и обеспечения его морального и материального спокойствия»¹⁸ ОЯК призвана была помочь офицерам, утратившим при режиме Баяра-Мендереса былой высокий социальный статус. ОЯК начала функциониро-

вать как пенсионный фонд и фонд взаимопомощи кадрового состава ВС Турции, обеспечивающий своим членам помимо предусмотренных Конституцией целый ряд дополнительных социальных гарантий. Источниками формирования фондов ОЯК, у истоков которого стояли такие крупные бизнесмены, как Вехби Коч и Кязым Ташкент, стали ежемесячные 10%-ные отчисления из жалованья действующих офицеров, унтер-офицеров и некоторых категорий гражданских служащих. Постепенно ОЯК расширяла сферу своей деятельности, принимая на себя функции механизма накопления капитала для экономического развития страны, и стала «выступать одновременно и как организация, управляющая пенсионным фондом, и как структура, осуществляющая инвестиции предпринимательского капитала»¹⁹.

Вплоть до 2001 г. деятельность ОЯК (благодаря положениям специального Закона № 205) была непрозрачной, а ее финансовая структура оставалась закрытой. Никакой информации о своей деятельности ОЯК не предоставляла. Лишь в 2001 г. в связи с требованиями ЕС о конкуренции и прозрачности компаний был обнародован «Отчет о деятельности Группы», поразивший турецкую общественность своими финансово-экономическими показателями. Газеты того времени пестрели громкими заголовками «С кризисом она [ОЯК. — П. Ш.] выросла», «Тактика борьбы создала чудо», «Турция для ОЯК становится тесной»²⁰. ОЯК напрямую контролирует 29 компаний и в 60 принимает долевое участие, ее интересы простираются от промышленности, финансов и строительства до сферы услуг и внешней торговли (крупный металлургический холдинг АТАЭР (*ATAER Holding A. Ş.*), компания ОЯК «Рено» (*OYAK Renault Otomobil Fabrikaları A. Ş.*), транспортная компания «Омсан» (*OMSAN Lojistik A. Ş.*), телекомпания «ОЯК Телеком» (*OYAK Telekomünikasyon Hizmetleri A. Ş.*) и целый ряд других, включая дочерние компании в ряде европейских стран). На предприятиях, принадлежащих ОЯК, занято свыше 29 тыс. человек, а сама группа ОЯК является третьим по объему активов холдингом в Турции, уступая лишь холдингам Коч (*Koç Holding A. Ş.*) и Сабанджи (*Hacı Ömer Sabancı Holding A. Ş.*). В 2009 г. объем продаж компаний группы ОЯК составил 19,1 млрд. тур. лир, объем активов — 28,3 млрд. тур. лир, а чистая прибыль, несмотря на мировой финансовый кризис, — 1 млрд. 187 млн. тур. лир, снизившись, правда, по сравнению с 1 млрд. 911 млн. тур. лир в 2008 г.²¹ Ведущие позиции в руководстве ОЯК принадлежат представителям военной элиты. Так, Совет представителей (около 100 человек), контролирующей деятельность ОЯК, целиком состоит из военных, из 40 членов Генерального совета лишь 9 являются гражданскими лицами. Аналогичное соотношение и в Руководящем совете ОЯК (5 человек): его председатель Йылдырым Тюркер является корпусным генералом запаса, а еще два

члена — действующими дивизионными генералами. В Ревизионной комиссии из 10 членов пятеро являются действующими генералами, а еще один — генералом запаса.

В распоряжении армии имеется также ряд неформальных каналов для трансляции своих проблем и зондирования настроений как в обществе в целом, так и среди невоенной элиты. Это и частные контакты между влиятельными генералами и министрами, и публичные заявления «в официальном качестве» для СМИ. Хотя подобные высказывания и комментарии часто кажутся спонтанными, непосредственными, они никогда не являются выражением личного мнения и неизменно заранее одобрены начальником Генштаба²². При этом круг лиц, которые могут высказываться «от лица армии» в СМИ, очень ограничен и включает только высшее командование ВС.

Начало 2000-х гг. ознаменовало новый этап в деятельности СНБ. Административные реформы правительств Абдуллаха Гюля и Реджепа Эрдогана января — июля 2003 г. отменяли обязательное условие того, чтобы генеральный секретарь СНБ был действующим генералом (первый гражданский генсек был назначен в октябре 2004 г.), так же как и его право неограниченного доступа в любую гражданскую организацию или орган власти с целью мониторинга выполнения рекомендаций СНБ, а фактически — осуществления контроля за работой государственного аппарата²³. Правила, касающиеся назначений в секретариат, были сделаны более прозрачными, что привело к увеличению доли гражданских служащих и сокращению персонала СНБ на 25%. Самым же наглядным свидетельством намерений руководства ПСР в отношении военной элиты явилось изменение регулярности заседаний СНБ: из ежемесячных они стали проводиться раз в два месяца, что существенно осложнило использование СНБ в качестве инструмента давления на гражданское правительство.

В это же время, с активизацией процесса вступления Турции в Евросоюз и последним десятилетием относительной политической стабильности, стало изменяться и отношение общества к политической активности военной элиты²⁴.

В этом смысле показателен один из популярных лозунгов массовых демонстраций апреля — мая 2007 г. — «Нет шариату — нет военным переворотам». При этом значительная часть турецкого общества (как либерально, так и консервативно настроенные круги) не готова полностью поддержать вытеснение военной элиты из сферы политики. При очевидном росте доверия к политической системе и демократическим институтам, широкой поддержке реформаторских инициатив правительства, необходимость в военной элите как гаранте стабильности и безопасности — на уровне общественного сознания — пока не отпала. Однако,

как показывает ход общественной дискуссии последних лет, существует понимание того, что охранительный характер воздействия военной элиты на модернизацию и реформы в конечном итоге может стать одной из основных причин торможения и стагнации общественного развития. Все это ставит перед обществом вопрос, насколько оно готово консолидироваться вокруг существующей политической элиты и идеи низведения армии, а соответственно и военной элиты до «инструментального уровня», а также насколько сама военная элита готова принять на себя роль защитника государства лишь от внешних угроз и смириться с подчинением политическому руководству страны.

В последние 10–15 лет в среде военной элиты возникли две условные группировки. С одной стороны — консервативное крыло («ястребы»), объединяющее большинство членов военной корпорации, с другой — их оппоненты — сторонники перемен, генералы умеренно либеральных взглядов («голуби»). Консервативное большинство выступает за сохранение политической системы, основные параметры которой были заложены во времена Кемала Ататюрка, — секуляризм, унитаризм, приоритет принудительно-силовых методов управления над политическими. Идеология этой группы своими корнями уходит в начало XX столетия — время распада Османской империи и крушения надежд на реставрацию былого имперского величия, когда на повестке дня с особой остротой стоял вопрос о физическом выживании турецкой нации, а стране угрожала полная потеря государственного суверенитета. В подобных условиях обоснованность централизации власти и ресурсов не вызывала вопросов.

Либеральное меньшинство, наоборот, ратует за превращение армии в одного из главных защитников модернизации турецкого общества и государства (несмотря на то, что эти процессы ведут к серьезным реформам внутри самих вооруженных сил и сокращению влияния военных на политическую жизнь)²⁵. В этих условиях роль армии в общественной жизни должна претерпеть существенные изменения, стать более восприимчивой к политическим и экономическим реформам, однако это требует и серьезной перестройки в сознании военной элиты.

Надо учитывать, что в Турции существует ряд внутривнутриполитических проблем, решение которых требует вмешательства военных. Прежде всего, это эскалация волнений, развязанных на юго-востоке Турции в 1984 г. Рабочей партией Курдистана (РПК) (к началу 1990-х гг. борьба переросла в гражданскую войну низкой интенсивности, а основная ответственность за борьбу с РПК перешла к регулярной армии, и фактически большая часть юго-восточной Турции стала управляться военными). Поэтому вопрос стратегии обеспечения национальной безопасности и сохранения территориальной целостности для военной элиты Турции оказывается приоритетным.

Насколько далеко правительство может зайти в своих реформах, в том числе и в области расширения гражданских свобод, чтобы это не ставило под угрозу национальные интересы (и насколько армия может поддерживать эти реформаторские инициативы или, по крайней мере, им не противостоять) — вот вопрос, который определяет уровень политической активности военной элиты в настоящее время.

Важно отметить, что обе условные группировки военной элиты едины в своем видении конечной цели эволюции государственно-политической и общественной системы страны — превращение Турции в современное европеизированное государство. Разница между «консерваторами» и «либералами» лежит в плоскости принятия или непринятия реформ как таковых, вернее, готовности идти на риск в их осуществлении. Либеральная группа военной элиты считает, что Турция готова к продолжению и углублению модернизации государства и общества, завершению демократизации политической системы, выступает за большее доверие к публичной политике и ее субъектам, считает возможным сведение роли армии во внутренней политике к минимуму. В то же время консервативное крыло военной элиты сохраняет свое настороженное отношение как к демократии, так и к публичной политике, не считает ее субъектов достаточно твердыми и последовательными в отстаивании государственных интересов, а главное — уверено в необходимости сохранения присутствия армии во внутренней политике (в том числе и для поддержания «заданного Ататюрком» направления общественно-политической модернизации Турции).

Либеральная группа военной элиты долгое время ассоциировалась с генералом Хильми Озкёком (начальником Генштаба в 2002–2006 гг.) и его сторонниками, выступающими за расширение интеграции Турции в мировое политико-экономическое сообщество и вступление страны в ЕС. В качестве оптимальной стратегии сохранения достижений кемалистской революции они предлагали продолжение структурных преобразований, а не просто поддержание существующего внутривнутриполитического порядка. На этом была основана их последовательная поддержка «пакетных реформ» первой половины 2000-х гг., направленных на приведение турецких законов в соответствие с европейскими нормами и стандартами (Копенгагенские критерии). Именно Хильми Озкёк публично заявил, что военная элита «всегда будет поддерживать вступление в ЕС и проводимые правительством реформы»²⁶. С его точки зрения, конфликты, подобные тому, что существуют между Турцией и Грецией из-за Эгейского моря, после серьезных шагов в сторону евроинтеграции могут быть решены «в течение недели», а само по себе движение за вступление в ЕС — есть «требование турецкого народа»²⁷, которое будет способствовать развитию Турции как социального государства, ускорению экономического

роста, повышению жизненных стандартов и качества жизни. По мнению Озкёка, вступление Турции в ЕС будет также способствовать снижению уровня внутривнутриполитической напряженности в стране, поскольку в этих условиях «общественная поддержка таких организаций, как РПК, резко снизится»²⁸.

В свою очередь, консервативно настроенная часть военной элиты исходит из наличия значительной политико-идеологической фрагментации турецкого общества, напряженных и даже антагонистических отношений между разными социальными слоями и этноконфессиональными группами. По ее мнению, проведение глубоких преобразований, затрагивающих все слои населения, при отсутствии «активной страховки» со стороны армии может привести к социальной катастрофе. Для «консерваторов» понятие «защита государства» трактуется не просто как защита государственных границ, а как отстаивание национальных интересов внутри страны и за ее пределами. При этом главную задачу армии они видят в сохранении достижений кемалистской революции — поддержании стабильности режима²⁹. Изменения, по их мнению, должны осуществляться в рамках существующих структур.

Различны позиции либералов и консерваторов и по вопросу вступления Турции в ЕС. Если первые видят в евроинтеграции залог продолжения модернизации и готовы принять практически все требования Брюсселя, то вторые скептически настроены в отношении многих из них, особенно тех, которые касаются прав религиозных и этнических меньшинств. Показательно интервью генерала Хюсейна Кырыкоглу, которое он дал в 2005 г. Бывший начальник Генштаба (1998–2002 гг.) увязал угрозу усиления курдского национализма с продвижением Турции на пути к членству в ЕС: «Брюссель постоянно твердит “курды, курдская нация... образование на курдском языке”... Однако, если курдский станет языком преподавания в школах, что тогда будет служить сохранению национального единства страны? В этом случае существующая структура турецкого общества просто распадётся. А подобным требованиям нет конца. Если пойти на уступки, то вслед за первым шагом навстречу придется делать еще и еще. Сегодня они говорят, что курды должны признаваться в Конституции в качестве одной из национальностей, населяющих Турцию. За этим последуют требования предоставить им автономию, превратить страну в федеративное государство и т. д. А все это значит, что Турция в конечном итоге просто развалится»³⁰.

Существование внутри военной элиты групп, придерживающихся противоположных взглядов на фундаментальные вопросы внутривнутриполитического развития страны, носит латентный характер и не приводит к открытому внутривнутриэлитному конфликту, но вынуждает руководство турецкой армии проводить сбалансированную кадровую политику, уравни-

новешивая на руководящих постах представителей либерального крыла сторонниками «жесткой линии». Так, когда в 2002 г. консервативные турецкие генералы не смогли воспрепятствовать назначению Хильми Озкёка на пост начальника Генерального штаба, генерал Кыврыкоглу назначил на ключевую должность командующего сухопутными войсками генерала-«ястреба» Айтача Ялмана (на тот момент возглавлявшего жандармерию, а в 2008 г. обвиненного в подготовке заговора против правительства ПСР) и фактически отправил в отставку более либеральную фигуру — генерала Эдипа Башера³¹. Этим шагом Кыврыкоглу, покидавший высший военный пост, намеревался уравновесить реформаторские инициативы Хильми Озкёка и его лояльное отношение к политическому истеблишменту. Он не скрывал, что в его представлении взгляды Озкёка «слишком близки гражданским политикам»³², что делало нового начальника Генштаба недостаточно твердым в борьбе с исламистами. Тем самым высветилось главное противоречие между двумя группами военной элиты — разные подходы к выстраиванию отношений армии и гражданской власти. В свою очередь Озкёк публично отвечал, что «история покажет», какая линия и «тактика была более верной и действенной» в борьбе с главными угрозами национальной безопасности — курдским сепаратизмом и радикальным исламом³³.

Превалирование консервативных взглядов и незначительная доля сторонников реформ внутри армейской элиты — все это не выглядит неожиданным, если принять во внимание жесткие принципы внутрикорпоративной солидарности и особую атмосферу в высшем армейском руководстве, не поощряющую плюрализма мнений. Члены военной элиты фактически изолированы от внешнего мира. Начиная с учебы в военных училищах они пребывают в специфическом социальном окружении, которое не только отдаляет их от гражданской жизни, но и формирует особую психологию поведения и самоидентификации — установку на то, что военная корпорация должна сохранять свою закрытость, относиться с недоверием к гражданской бюрократии и политикам и всегда занимать жесткую позицию в отношении «рискованных» политических инициатив.

После отставки многие генералы и кадровые офицеры уходят в политику, бизнес, на дипломатическую службу и в различные аналитические структуры, становятся колумнистами общенациональных газет и занимают руководящие должности в СМИ, но при этом остаются членами военной корпорации (причем даже по формальным критериям — они продолжают жить на казенных квартирах³⁴, пользоваться армейской социальной инфраструктурой и т. д.). Отставники не исключаются из военной элиты, оставаясь ее полноправными членами и сохраняя свое влияние, а благодаря новым позициям в гражданской жизни осуществляют связь воен-

ной элиты с миром политики и бизнеса, что является свидетельством ее вхождения в состав правящего класса Турции. В этом также заключается особое положение военной элиты среди других «отраслевых» правящих элит (ведущих политиков, крупных бизнесменов и руководителей национальных СМИ): ее представители могут войти в любую из этих внутри-элитных группировок, в то время как границы военной элиты являются непроницаемыми.

Десятилетие относительной экономической и политической стабильности, укрепление демократических институтов и рост активности гражданского общества ставят на повестку дня пересмотр устоявшейся парадигмы военно-гражданских отношений. Причем этот вопрос одинаково остро стоит как перед ястребами-консерваторами, так и либеральными членами военной элиты, поскольку параметры этой модели, по-видимому, задаются уже не армией, а самим обществом. Прежняя парадигма колебательной конфронтации между политическим классом и военной элитой постепенно уступает место новой, более компромиссной.

Наиболее красноречивым показателем того, что военная элита переживает серьезную трансформацию, а ее политическая роль за последнее время сильно изменилась — это, вероятно, позиция, занятая армейским руководством в отношении дела Эргенекон.

Когда в середине 2006 г. еще только пошли первые разговоры о возможном участии ряда армейских руководителей в подготовке военного переворота, возглавлявший в то время Генштаб генерал Хильми Озкёк публично заявил, что по решению суда он готов давать показания в отношении подозреваемых в заговоре, кем бы они ни были (что впоследствии он и сделал в рамках закрытых процессов с участием государственных обвинителей). Когда в 2008 г. начались первые аресты среди высокопоставленных отставных военных, обвиняемых в подготовке антиправительственных выступлений и заговоров, Генштаб никак не заступился за «своих», а Яшар Бююкканыт продолжил тактику своего предшественника — сотрудничество со следствием не прекратилось, и вскоре последовала вторая волна арестов без каких-либо протестов со стороны высшего руководства армии, что в прежние времена было трудно себе даже представить.

Аналогичный процесс продолжился и при генерале Башбуге. Уже при нем следствием были раскрыты планы подготовки трех антиправительственных заговоров: «План действий по борьбе с реакцией» (*İrticayla Mücadele Eylem Planı*)³⁵, «План клетка» (*Kafes Planı*)³⁶ и, наконец, операция «Кувалда» (*Balyoz*)³⁷, ставшие достоянием широкой общественности благодаря публикациям Мехмеда Барансу в независимой газете «Тараф». Все это свидетельствовало о том, что «ястребы» не утратили вкуса к военным переворотам.

События 2009–2010 гг. серьезно подпортили общественный образ вооруженных сил и в очередной раз поставили под вопрос обоснованность политических амбиций военной элиты. Это во многом объясняет, почему правительство Турции 4 февраля 2010 г. пошло на отмену «Протокола о безопасности, общественном порядке и взаимопомощи» (*EMASYA — Emniyet, Asayiş, Yardımlaşma Protokolü*), подписанного еще в 1997 г. вслед за отстранением от власти правительства Неджметтина Эрбакана и долгое время вызывавшего ожесточенные споры. Этот документ, санкционировавший «при необходимости» установление режима военного правления в беспокойных провинциях, фактически подводил правовую базу под возможный военный переворот³⁸.

Сдвиги в поведении военной элиты, переосмысление роли армии в политике и содержания военно-гражданских отношений в Турции показывают снижение влияния консервативного генералитета, теряющего свои преобладающие позиции в военной элите. Линия на тесное сотрудничество с гражданской властью и содействие судебному расследованию дела Эргенекон, которой придерживались все три последних начальника Генерального штаба, — это показатель того, что часть военной элиты, придерживающаяся реалистических взглядов, стремится всеми средствами оттеснить консервативный военный истеблишмент на второй план, создав благоприятные условия для дальнейшей эволюции позиции армии и военно-гражданских отношений в стране.

Анализируя линию поведения трех руководителей Генерального штаба, можно уже говорить о проявлении определенной тенденции в действиях высшей военной элиты. Если генерал Хильми Озкёк изначально считался либералом, то его преемники, Яшар Бююканыт и Илькер Башбуг, относились к числу «ястребов». Однако, оказавшись у руля Генштаба, они вынуждены были отказаться от своей прежней позиции в отношении гражданского правительства (в данном случае правительства ПСР) и «наступить на горло своей песне». Если генерал Бююканыт еще пытался активно вмешиваться в политику (его резкие выступления и интервью, «интернет-ультиматум» и митинги «в защиту республики»), то Илькер Башбуг подобной активности уже не проявлял. По всей видимости, и новый начальник Генштаба, которым в августе 2010 г. стал командующий сухопутными силами Ышык Кошанер, продолжит линию своих предшественников.

Как пишет известный политический обозреватель Али Биранд, тонко чувствующий общественные настроения, «армии нужно понять, что прежние времена уже прошли... сейчас ей уже не избежать контроля гражданских властей и СМИ... и в своих действиях она уже не может этого не учитывать»³⁹. Действительно, если в 2007 г. за публикацию информации о предотвращенном военном перевороте либеральный журнал «Нокта»⁴⁰ заплатил тем, что прекратил свое существование (на следующий же

день после выхода скандального номера в редакции журнала прошли обыски, а его журналисты подверглись репрессиям⁴¹), то в 2009 г. вслед за аналогичными публикациями в газете «Тараф» обыски стали проводиться уже на квартирах попавших под подозрение отставных офицеров и генералов, а репрессиям подверглись бывшие военачальники.

* * *

Существующую в Турции модель взаимоотношений общества и военной элиты невозможно осмыслить и понять в отрыве от специфического социального контекста. Возникшая при младотурках традиция тесных военно-государственных связей продолжилась и в период Республики, предоставив вооруженным силам исключительную роль в общественной жизни. Армия стала устойчиво восприниматься не только защитницей Республики, но и стражем светского характера государства и шести принципов кемализма. Героический образ армии и ее комплиментарное отображение в СМИ и учебниках по национальной истории, наличие внешних военных угроз в регионе — все это в комплексе облегчило заметное присутствие военных в политической сфере.

Скандалы последних лет («Эргенекон», «Кувалда», «Даглыджа»⁴² и т. д.) серьезно испортили репутацию армии и подорвали авторитет военной элиты, но все это не имеет столь большого значения, как реформы, на проведении которых настаивает Брюссель. Именно эти преобразования, которые ПСР сделала одним из приоритетных направлений своей политики⁴³, постепенно подтачивают влияние военной элиты на общественную и политическую жизнь в стране⁴⁴. Вот почему позиция генералитета, на словах поддерживающего вступление Турции в Евросоюз, по этому вопросу довольно амбивалентна.

Вместе с тем, чем больше турецкое общество способно контролировать свои фобии относительно внешних и внутренних угроз социально-политической стабильности, чем больше оно доверяет политической власти и верит в эффективность турецкой демократии, тем настойчивее становятся требования деполитизировать военную элиту и сузить возможности политического маневрирования для армии, подчинив ее гражданской власти. Тенденция к такой трансформации неизбежно затрагивает и саму природу военно-гражданских отношений в Турции. Более того, реалистически мыслящая часть военной элиты, высшее руководство армии, по-видимому, прекрасно осознает императивы текущего момента и готово сократить свою политическую активность, если этим удастся сохранить высокий авторитет вооруженных сил и лояльность к ним со стороны населения.

Насколько необратимыми являются процессы снижения политического влияния военной элиты, покажут предстоящие парламентские выборы, намеченные на 2011 г. Если по их результатам ПСР сохранит свое положение «доминантной партии», то наступление на позиции, скорее всего, будет продолжено. Косвенное подтверждение тому — кадровые чистки высшего руководства армии в августе 2010 г.⁴⁵ В случае же, если к власти придет коалиционное правительство, этот процесс может повернуться вспять, и военная элита постарается вернуть утраченное влияние. А пока в Турции полным ходом идет запущенная правительством ПСР долгосрочная программа по дискредитации военной элиты — открываются новые уголовные дела, выдаются ордера на аресты все новых фигурантов «антиправительственных заговоров». И хотя многие, если не большинство, из инициированных против видных представителей военной элиты судебных процессов на сегодняшний день имеют довольно туманные перспективы, в качестве инструмента подрыва авторитета «старых» генералов и армии как государственного института, пользующегося наибольшим доверием населения, они доказывают свою эффективность.

Примечания

¹ Keller S. *Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society*. N.-Y., 1969, с. 21.

Подход американского социолога Сьюзан Келлер к изучению элит интересен тем, что в числе главных критериев выделения элиты она считает характер принимаемых решений и функциональность. Для нее важен не род деятельности элиты, а ее масштаб — т. е. на скольких членов общества она оказывает влияние и каким образом. Келлер делит элиты на стратегические и сегментарные. По ее мысли, для современного общества характерна именно «стратегическая элитизация» — дробление и специализация правящих кругов. Элита стратегическая, т. е. чрезвычайно важная для поддержания общественной структуры, является таковой, потому что выполняет стратегическую функцию. Прочие сегментарные элиты отличимы от масс только тем, что функция каждого их члена важнее, чем функция рядового обывателя [Keller S. *Beyond the Ruling Class...*, с. 4, 21, 260].

Другой известный американский политолог Роберт Дэвид Патнэм причислял к стратегической элите высших гражданских чиновников, директоров важнейших промышленных предприятий, лидеров массовых организаций, высших военных чинов и ведущих профессионалов [Putnam R. *The Comparative study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.-J., 1976, с. 14].

² Высказывание премьер-министра Аднана Мендереса [Цит. по: Данилов В. И. Политическая борьба в Турции. 50-е — начало 80-х годов XX в. М., 1985, с. 30–31].

³ Как пишет Али Биранд, приводя слова турецких генералов: «Мы не находимся в полном подчинении у гражданских политиков как в Западной Евро-

пе или Америке. По сравнению с ними мы более независимы и влиятельны» [Birand M. A. Emret Komutanım. İstanbul, 1987, с. 414].

⁴ См.: Ipekçi A., Coşar Ö. İhtilalin İç Yüzü. İstanbul, 1965, с. 11–28.

⁵ См.: Ahmad F. The Turkish experiment in democracy 1950–1975. Boulder, 1977.

⁶ İba Ş. Ordu, devlet, siyaset. İstanbul, 1998, с. 190–192.

⁷ Resmi Gazete, 10/1/1961, Sayı: 10703.

⁸ Ordu Dahili Hizmet Kanun (10/6/1935 Tarihli ve 2771 Sayılı) // Resmi Gazete, 15/6/1935 Sayı: 3029; Düstur, Tertip 3, Cilt 16, s. 602.

⁹ Türk Silahlı Kuvvetleri İç Hizmet Kanunu (4/1/1961 Tarihli ve 211 Sayılı) // Resmi Gazete, 10/1/1961 Sayı: 10703; Düstur, Tertip 4, Cilt 1, с. 1008.

¹⁰ Milliyet, 10.04.2007.

¹¹ Milliyet, 10.04.2007. Методы, используемые для трансляции этих рекомендаций, варьируются в зависимости от политической конъюнктуры, природы и характера осознаваемых угроз, их важности или неотложности, а также возможной ответной реакции гражданской администрации.

¹² Ее преамбула гласила, что она была «сформулирована в соответствии с концепцией национализма, а также реформами и принципами, провозглашенными основателем Турецкой Республики Ататюрком, бессмертным лидером и не имеющим равных героем». Неизменяемая с 1924 г. ст. 2 провозглашала Турецкую Республику «демократическим, светским государством, основанным на нормах прав; опирающимся на концепцию общественного спокойствия, национальной солидарности и справедливости, уважающее права человека; верное национализму Ататюрка» [Türkiye Cumhuriyeti Anayasası (2709 Sayılı ve 7/11/1982 Tarihli Kanun) // Resmi Gazete, 9/11/1982, Sayı 17863; Türkiye Cumhuriyeti Anayasaları. 3. Baskı. İstanbul, 1987, с. 193–322].

¹³ «Совет министров рассматривает в первую очередь решения СНБ относительно мер, которые он считает необходимыми для сохранения, существования и независимости государства, целостности и неделимости страны, обеспечения мира и безопасности общества» [Там же].

¹⁴ См.: Resmi Gazete, № 18218 от 9.11.1983.

¹⁵ См.: Resmi Gazete, № 18218, 11.11.1983.

¹⁶ Вплоть до 2003 г. заседания СНБ под председательством президента проводились один раз в месяц. Кроме президента в заседаниях участвовали премьер-министр, главы МИДа, МВД и Минобороны, а армию представляли начальник Генштаба, командующие сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами, а также командующий жандармерией. Теоретически это означало, что соотношение сил внутри СНБ было поделено поровну между гражданскими и военными. Однако в действительности численное соотношение внутри СНБ почти не имело практического значения, поскольку обсуждаемые вопросы никогда не ставились на голосование. Члены СНБ обсуждали сюжеты, включенные в повестку дня, а затем по вопросам, получившим общее одобрение, президент формулировал итоговое заявление, которое затем представлялось правительству [Jenkins G. Continuity and change: prospects for civil-military relations in Turkey // International Affairs, vol. 83, 2007, n. 2, с. 344].

¹⁷ Ordu Yardımlaşma Kurumu Kanunu (205 Sayılı ve 3/1/1961 Tarihli) // Resmi Gazete, 9/1/1961, Sayı: 10702; Düstur, Tertip 4, Cilt 1, с. 982.

¹⁸ Yeni Şafak, 21/06/2007.

¹⁹ OYAK 2009 Faaliyet Raporu. Ankara, 28 Şubat 2010, с. 2.

²⁰ Цит. по: Yeni Şafak, 21/06/2007.

²¹ OYAK 2009 Faaliyet Raporu. Ankara, 28 Şubat 2010, с. 2

²² Jenkins G. Указ. соч., с. 345.

²³ Resmi Gazete, 18.01.2003.

²⁴ По результатам социологических исследований середины 2000-х гг., если среди возможных ответов на вопрос о наиболее авторитетном государственном институте в списке не фигурировала армия, подавляющее большинство респондентов отвечало, что наибольшей поддержкой у них пользуется действующее правительство [«İçinde ordu olmayan soru: En güvenilir hükümdettir» // Hürriyet, 09/09/2005].

Кроме того, индикатором изменений в отношении общества к военной элите стали публичные выступления известных медийных интеллектуалов, общественных деятелей, руководителей турецких НПО с критикой политизированности армии.

²⁵ Подобная позиция — это следствие не только затянувшегося процесса вступления Турции в Евросоюз и проведения требуемых Брюсселем законодательных реформ, но и интеграции страны в глобальное политико-экономическое пространство (эти процессы привели к тому, что национальная экономика оказалась в гораздо большей зависимости от внутривнутриполитической стабильности и внешней инвестиционной привлекательности).

²⁶ Özkök: AB Üyeliği için Ön Şartımız Yok // Zaman, 19/10/2003.

²⁷ Özkök: AB yolu hata kaldırmaz //Radikal, 30/10/2004.

²⁸ Özkök'ün Röportajı // Bila F. Komutanlar Cephesi. İstanbul, 2007, с. 221.

²⁹ Harris G. S. The Role of the Military in Turkish Politics Part I // The Middle East Journal, Vol. 19, № 1 (Winter 1965), с. 59.

³⁰ Bila F. Sorun TSK Değil AB'nin Çifte Tutumu // Milliyet, 31/12/2005.

³¹ Küçüksahin Ş. General Kıvrıkoğlu'nun Röportajı // Hürriyet, 10/03/2008.

³² Küçüksahin Ş. General Kıvrıkoğlu'nun Röportajı // Hürriyet, 10/03/2008.

³³ Özkök'ten Anında Cevap // Hürriyet, 11/03/2008.

³⁴ Пожалуй, редким исключением стало решение Хильми Озкёка после отставки с поста начальника Генерального штаба в 2006 г. отказаться от полагавшейся ему военной резиденции и поселиться в частном доме на берегу Эгейского моря.

³⁵ Taraf, 12/06/2009.

³⁶ Taraf, 19/11/2009; Today's Zaman, 23/02/2010.

³⁷ Taraf, 20/01/2010.

³⁸ Yeni Şafak, 25/01/2010; Yeni Şafak, 26/01/2010.

³⁹ Hürriyet, 05/05/2010.

⁴⁰ Nokta, 29/03/2007; İçinden iki darbe girişimi geçen günlük // Radikal, 29/03/2007.

⁴¹ См.: <http://www.haber7.com/haber/20070413/Noktada-camdan-bakmak-bile-yasak.php>

⁴² В 2009 г. газета «Тараф» опубликовала серию разоблачительных материалов об инциденте в Даглыджа (пограничном с Ираком районе), где летом 2007 г. посты регулярной армии были атакованы террористами из РПК [Üç yıl sonra Dağlıca'da MİT farkı // Taraf, 09/05/2010; Dağlıca gerçekleri — 2 // Taraf, 04/11/2009; Dağlıca gerçekleri — 3 // Taraf, 05/11/2009; Dağlıca gerçekleri — 4 // Taraf, 06/11/2009]. Рас-

крытые изданием факты о том, что высшее командование было заранее предупреждено о готовящемся теракте, но не предприняло должных мер по обеспечению безопасности, вызвали бурю негодования в обществе и новую волну критики дееспособности существующей армии.

⁴³ Несмотря на очевидное замедление переговорного процесса о вступлении Турции в ЕС, усилия политического руководства страны в реализации «европейского проекта» едва ли ослабевают. Так, в конце декабря 2008 г. была принята «Новая национальная программа гармонизации с ЕС», в январе 2009 г. был учрежден пост ответственного за переговоры с ЕС в ранге государственного министра. В мае 2009 г. из правительства были выведены консервативные министры, а во главе МИД был поставлен личный советник Эрдогана по внешней политике профессор Ахмет Давутоглу, автор концепции «стратегической глубины», суть которой — в возврате влияния Турции на бывший «османский мир» и превращение ее в региональную супердержаву [подробнее см.: Шлыков В. И. Турция на пути в Евросоюз: надежды и разочарования Анкары // <http://www.perspektivy.info/oikumena/vector/>].

⁴⁴ Очень показательна одна из последних инициатив правительства Реджепа Эрдогана. В рамках «программы по вступлению в ЕС» 5 апреля 2010 г. в Конституционную комиссию ВНСТ был представлен пакет из 26 конституционных поправок, касающихся в первую очередь судебной системы. Впоследствии этот «пакет», призванный, в том числе, существенно ослабить военную элиту, был одобрен на общенациональном референдуме 12 сентября 2010 г. (более 58% голосов «за»). Согласно правительственным поправкам, изменился состав Высшего совета судей и прокуроров — органа, ответственного за назначение старших членов судов; право назначения большей части судей КС стало прерогативой президента. Усложнилась процедура наложения судебного запрета на деятельность политических партий (ЕС неоднократно критиковал действующий в Турции закон, с помощью которого под запрет попали около 20 партий). Однако главное, пожалуй, состояло в том, что новые нормы разрешили судить в гражданских судах военных за преступления против государственной безопасности и конституционного порядка. В результате начальник Генштаба и другие высшие военные чины оказались под юрисдикцией гражданского суда. Теоретически неприкосновенности, в частности, лишались и организаторы военного переворота 12 сентября 1980 г.

⁴⁵ Так, на заседании Высшего военного совета 1–4 августа 2010 г. генерал Хасан Ыгсыз, которого Илькер Башбуг продвигал на пост командующего сухопутными силами, был отправлен в отставку. 11 генералов, чьи имена фигурировали в деле «Кувалда», не получили ожидаемых повышений и были переведены на другие должности. Были заменены командующие армиями и видами ВС [Radikal, 4/08/10]. Досрочно ушел в отставку с поста начальника Высшего военно-морского училища дивизионный адмирал Тюркер Эртюрк (тем самым количество генералов и адмиралов, вынужденно вышедших в отставку в период правления ПСР, достигло 11) [Zaman, 10/08/10; Hürriyet, 27/08/10; No jobs for the boys // The Economist, 12/08/10].

В. В. Александров

ДЕЛО ЭРГЕНЕКОНА¹ КАК НОВЫЙ ФАКТОР ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ТУРЦИИ

Впервые название «Эргенекон» стало известно широкой турецкой общественности в 1997 г. Оно прозвучало в ходе популярной телепрограммы турецкого телеведущего и журналиста Джана Дюндара из уст другого известного публициста и общественного деятеля Турции Эрола Мютерджимлера. Он пересказал слова одного высокопоставленного военного, генерала армии в отставке Мемдуха Унлютюрка: «Эргенекон, в котором я состою, это организация, которая стоит над Генштабом, над правительственными учреждениями, над бюрократией, над всеми. Эта организация была создана ЦРУ и Пентагоном после переворота 27 мая 1960 г. Люди, которые состоят в ней, служат здесь. Но они делают это не во вред своей стране, а с мыслью: “Мы спасаем Родину”. Та часть генералов, которые в Америке прошли курсы партизанской и контрпартизанской борьбы и получили специальное образование, по возвращении в Турцию становятся членами Эргенекона».

2 марта 2001 г. стамбульским отделением полиции по борьбе с оргпреступностью были задержаны журналисты Тунджай Гюней и Умит Огузтан в связи с делом о контрабанде автомобилей. В ходе обысков в их домах и на рабочих местах было найдено значительное количество документов, связанных с организацией «Эргенекон», ее созданием, формированием и структурой. На допросе в полиции Т. Гюней дал подробнейшие показания о деятельности организации. По его информации, Эргенекон объединял группу военных и гражданских лиц и был составной частью организации «Türk Mukavemet Teşkilatı»². Первоначально задачей Эргенекона была борьба с коммунизмом, диверсиями на территории Турции и организация партизанских действий против СССР в случае его конфликта с НАТО. Однако впоследствии задачей организации стала борьба с любым внутренним врагом, который представляет угрозу для Турции. Тот же Гюней показал, что в организацию входят 12 высокопоставленных лиц, которые являются и ее руководителями. По его словам, Вели Кючюк являлся «рупором организации» и осуществлял связь с правительством. Сам Гюней был его помощником. Кроме Вели Кючюка

в организации состояли также Догу Перинчек, Умит Огузтан, Аднан Акфырат, Левент Темиз. Гюней также заявил, что организация имеет тесные связи с мафией, СМИ, представителями бизнеса и торговли, деятелями культуры. В частности, в организации состояли такие мафиозные лидеры, как Седат Пекер, Али Ясак (известный также как Дрей Али), Сами Хоштан, Махмут Йылдырым (известный как Йешилкод). Организация была связана с такими известными СМИ, как газета «Джумхуриет», журнал «Просвещение», телеканал «Национальный канал». Эргенекон был связан с такими общественными организациями, как «Кемалистское движение», «Национальный союз молодежи», «Общество ататюрковской мысли». Также Эргенекон был связан с такими экстремистскими организациями и партиями, как «Хезболла», Рабочая партия Курдистана и ДНKP/C³. В тот момент делу о тайной организации не дали хода, а в отношении Гюнея и Огузтана было заведено уголовное дело по статье «мошенничество». Вплоть до 2007 г. по делу об Эргенеконе не предпринималось никаких следственных мероприятий.

Развитие конфликта

В июне 2007 г. в командование жандармских войск Трабзонского вилайета поступил анонимный звонок. Звонивший сообщил, что в квартале Чакмак муниципалитета Умрание в одноэтажном здании по указанному адресу находятся ручные гранаты и взрывчатка. Неизвестный также указал, что взрывчатка была спрятана Мехмедом Демирташем, а приобрел ее неизвестный унтер-офицер. Сообщение передали в Стамбул, в местное командование жандармских войск. 12 июня, когда было установлено точное местонахождение указанного здания, в соответствии с ордером, выданным 3-м гражданским судом Умрание, был проведен обыск. В доме были обнаружены ручные гранаты, взрывные устройства и взрывчатка.

Мехмет Демирташ и его племянник Али Йигит были задержаны. По их объяснениям, гранаты и взрывчатка принадлежали отставному унтер-офицеру Октаю Йылдырыму. Он также был задержан. Вскоре выяснилось, что гранаты, обнаруженные в Умрание, и гранаты, которыми забросали в 2006 г. представительство газеты «Джумхуриет», принадлежат к одной серии. После этого дело было передано на рассмотрение судьи по особо важным делам Зекерии Оза.

Мехмет Демирташ отказался давать дальнейшие показания, воспользовавшись своим конституционным правом. Йылдырым же отверг все обвинения в свой адрес. Однако Йигит признался, что бомбы принадлежат Йылдырыму, который временно проживал в доме Демирташа. Он рассказал, что приехал в Умрание по приглашению своего дяди и помогал ему работать в овощной лавке. К его дяде часто приходили знакомые, одним из которых был Йылдырым. Часто они с Демирташем разговаривали на-

едине. В признательных показаниях Йигита имеется указание на высказывание его дяди относительно общества Кувай-Миллий⁴. На его вопрос о том, что это за организация, Демирташ ответил, что именно она защищает интересы государства, а также, что настоящими руководителями Турции являются теневые лидеры. Также он утверждал, что существует связь между отставными унтер офицером Махмудом Озтюркком, капитаном Музаффером Текином⁵ и его дядей. По словам Йигита, о гранатах и взрывчатке он ничего не знал и обнаружил их случайно вместе со своим отцом 3–4 месяца назад. Несмотря на то что его отец, Шевки Йигит, настаивал на немедленном обращении в полицию, сам Али испугался и не сообщил.

Спустя некоторое время после задержания подозреваемых в их защиту выступил Музаффер Текин. В частности, он заявил, что найденные гранаты были непригодными к боевому применению и, возможно, оказались в руках Йылдырыма случайно. На гранатах были обнаружены отпечатки пальцев Йылдырыма, а через несколько дней по подозрению в причастности к делу были задержаны и Текин с Озтюркком. После обысков в их квартирах и на рабочих местах в руках следователей оказались документы, свидетельствовавшие об их связи с Эргенеконом. Аресты подозреваемых продолжались до 23 июня, всего было арестовано 15 человек. Среди них была также известная журналистка Айше Асуман Оздемир и майор в отставке Зекерия Озтюрк. Музаффер Текин на допросе признался, что документы о политике в области национальной безопасности он получал от некоего Фикрета Емека.

20 июня 2007 г. был задержан также и один из предполагаемых спонсоров организации, бизнесмен Куддуси Оккыр. Однако в тюрьме его здоровье значительно ухудшилось, и в конце апреля 2008 г. он был срочно госпитализирован с диагнозом «пневмония и острая почечная недостаточность». 10 мая 2008 г. ему поставили диагноз «рак легких, метастазы мозга и костей». По настоянию суда ему изменили меру наказания, чтобы провести лечение, однако 6 июня 2008 г. он скончался.

26 июня 2007 г. началась вторая волна арестов по этому громкому делу. В городе Ескишехир был арестован Ф. Емек. Он оказался наиболее важной фигурой из всех задержанных. Во время обыска в его доме были найдены 11 кг взрывчатки, снайперская винтовка и 10 ручных гранат. Номера на гранатах совпали с номерами на тех гранатах, которыми в 2006 г. попытались взорвать редакцию газеты «Джумхуриет». Кроме того, были обнаружены документы о подготовке теракта в Ескишехире рядом со зданием, в котором находилось командование местными воинскими частями, а также планы организации покушений на различных религиозных, общественных и политических деятелей с целью нагнетания напряженности в стране.

В июле началась третья волна арестов, которые проходили в основном в Стамбуле и Анкаре. Всего было арестовано 13 человек. Наиболее

важными для следствия задержанными были Генеральный секретарь общества Кувай-Миллийе Бекир Озтюрк, писатель Эргюн Пойраз, владелец консалтингового агентства SESAR (Центр исследования стратегий, социальных экономических и политических исследований) Исмаил Йылдыз⁶.

В течение почти 8 месяцев республиканский прокурор Зекерия Оз проводил расследование и допросы арестованных, а также опрашивал многочисленных свидетелей и подозреваемых. По результатам расследования была подготовлена очередная крупномасштабная полицейская операция, которая состоялась 22 февраля 2008 г. (В турецких СМИ она получила название «4-й волны».) В течение дня в 6 различных провинциях проводились аресты. Всего было арестовано 33 человека. Наиболее важными персонами для следствия стали генерал-лейтенант в отставке Вели Кючюк, адвокат Кемаль Керинчиз⁷, пресс-секретарь Константинопольской патриархии Севги Эренерол, журналист Гюлер Кёмюрджю, почетный председатель общества Кувай-Миллийе полковник генштаба в отставке Мехмет Фикри Карадаг, Али Ясак и Сами Хоштан⁸.

Переломным моментом в деле стала очередная (5-я по счету) волна арестов, которая прошла 22 марта 2008 г. Так же как и в предыдущий раз, аресты проводились в основном в Стамбуле и Анкаре в течение всего дня. В ходе операции было арестовано всего 13 человек. Наибольшую важность для следствия представляли следующие арестованные: глава Рабочей партии Турции (РПТ) Турции Догу Перинчек, секретарь РПТ Нусрет Сенем, генеральный редактор журнала «Просвещение»⁹ Серхан Боллук, бывший ректор Стамбульского университета Кемаль Алемдароглу, директор «Национального канала» Ферит Ильсевер, главный редактор газеты «Джумхуриет» Ильхан Сельчук. Из офисов «Национального канала», Рабочей партии Турции, журнала «Просвещение» были изъяты документы и компьютеры. Также в офисе журнала обнаружили несколько единиц огнестрельного оружия.

Данной операции предшествовало заявление Генерального прокурора Абдурахмана Ялчинкая о рассмотрении дела о закрытии правящей партии. Некоторые комментаторы увязали аресты 22 марта с этим заявлением, однако официальные лица поспешили опровергнуть этот факт. Представитель прокуратуры Айкут Дженгиз Энгин выступил с заявлением, в котором опроверг такую возможность. Один из обвиняемых — Сенем Нусрет — 26 ноября 2008 г. на перекрестном допросе с Эргюном Пойразом заявил, что против Омера Эминагаоглу, председателя Турецкого союза судей и прокуроров (YARSAV), который готовил процессуальные документы по вопросу о закрытии ПСР, в скором времени будут опубликованы компрометирующие материалы.

Следующая волна арестов (6-я) состоялась 1 июля 2008 г. В ходе этой спецоперации были арестованы 21 человек. Из них наиболее важными фигурами для следствия стали: представитель «Джумхуриет» в Анкаре,

журналист Мустафа Балбай, писатель-публицист Эрол Мютерджимлер, глава Анкарской торговой палаты Синан Айгюн, генерал армии в отставке Хюршит Толон, генерал армии в отставке Шенер Эруйгур. Двое обвиняемых, бывший депутат от АКП Турхан Чёмез и бывший начальник Отдела разведывательной информации жандармских войск, генерал в отставке Левент Эрсёз, до начала операции покинули Турцию. При этом государственный обвинитель в лице З. Оза заявил в обвинении, что Эрсёз, «возможно, скрывается в России и, возможно, даже не без помощи российских спецслужб, которые делают это по совету А. Дугина». Однако 15 января 2009 г. Эрсёз был схвачен в одной из анкарских больниц, где он скрывался под вымышленной фамилией под видом больного.

Ранее, 29 марта, журнал «Нокта» опубликовал дневники бывшего командующего турецкими ВМС, адмирала флота Оздена Орнека. После этого турецкая полиция изъяла жесткие диски, на которых были записаны дневники, и журнал вынужден был прекратить работу. В своих дневниках О. Орнек рассказал, что в 2003 и 2004 гг. высокопоставленные военные, среди которых был и Ш. Эруйгур, планировали военные перевороты (под кодовыми названиями «Сарыкыз» («Блондинка») и «Айышыгы» («Лунный свет»), однако они не состоялись, так как тогдашний начальник генштаба Хильми Озкёк¹⁰ был против. 7 июля 2008 г. в турецких СМИ появились сообщения о том, что среди бумаг арестованного Ш. Эруйгура также был найден план переворота под кодовым названием «Эльдивен» («Перчатки»). Эти сообщения вызвали бурное обсуждение в турецком обществе. 14 июля, чтобы рассеять все сомнения, снова выступил представитель прокуратуры Айкут Дженгиз Энгин и опроверг эти сообщения. Однако в текст обвинения все же были включены слова о подготовке переворотов.

Следующая 7-я волна арестов прошла 23 июля того же 2008 г. В ее ходе было арестовано 6 человек. Почти все они были тем или иным образом связаны с Рабочей партией Турции, «Национальным каналом», а также различными газетами. Наиболее важным арестованным стал полковник в отставке Ариф Доган. Во время обыска в доме, принадлежавшем ему, были найдены автоматы Калашникова, ручные гранаты и патроны.

18 сентября 2008 г. прошла 8-я волна арестов. Было задержано 19 человек, среди них — бывший председатель общественной организации «Очаги идеалистов» Левент Темиз, известный криминальный авторитет Сейхан Сойлу, также известный как «Сиси», 5 сержантов действующей турецкой армии и 1 курсант военного училища. Эта волна арестов привлекла внимание общественности тем, что впервые в качестве обвиняемых были привлечены действующие, а не отставные военные.

21 сентября 2008 г. прошла 9-я волна арестов. Аресты проводились одновременно в Стамбуле, Измире, Анкаре. Всего было арестовано 16 человек. Среди них наиболее важными для следствия были бывший владелец

телеканала «Хабертюрк», журналист Тунджай Озкан¹¹, бывший директор стамбульского отдела госбезопасности по борьбе с организованной преступностью Али Сердар Сачан¹², бывший глава муниципалитета Эсенюрт Гюрбюз Чапан, участник общественного движения «Сколько нас?» Эврим Байкара¹³, а также сотрудники телеканала «Хабертюрк».

10-я и последняя на сегодняшний день волна арестов прокатилась по Турции вскоре после Нового года, 7 января 2009 г. В ходе нее было арестовано 40 человек. Среди арестованных наиболее известными персонами являются — писатель Ялчин Кючюк, бывший председатель Совета высшего образования Кемаль Гюрюз, бывший генеральный секретарь Совета национальной безопасности Тунджер Кылыч, бывший сотрудник департамента специальных операций Ибрагим Шахин, бывший советник Генерального штаба по правовым вопросам, генерал в отставке Эрдал Шенель, генерал армии в отставке Кемаль Явуз, генеральный секретарь Партии независимой республики и по совместительству журналист Энгин Айдын, а также Барыш Далан¹⁴. Кроме того, прошел обыск в доме скрывшегося от следствия подполковника в отставке Мустафы Дёнмеза. В ходе обыска было обнаружено большое количество взрывчатки, оружия и боеприпасов к нему, а также документы о планах организации «Эргенекон».

После анализа документов, которые попали в руки полиции в ходе 10-й волны арестов и обысков, в различных районах Анкары были обнаружены тайники с оружием. Была проведена серия из 10 розыскных мероприятий, однако оружие было найдено только в двух районах — в районе Гельбаши в Анкаре и в городе-спутнике Анкары Синджан-Йеникент. Серийные номера также совпали с номерами оружия, использованного в терактах 2006 г. Однако сторонних наблюдателей насторожила одна деталь: извлеченное из-под земли оружие выглядело так, будто его поместили в тайник за несколько часов до обнаружения.

Вести дело было поручено группе из 3-х стамбульских прокуроров, которую возглавил Зекерия Оз. 14 июля 2008 г., после того как комиссия из 3-х республиканских судей сформулировала текст обвинения, материалы дела были заверены и одобрены ответственными судьями и переданы на рассмотрение в стамбульский суд № 13 по расследованию тяжких преступлений. Первое заседание по делу прошло 20 октября 2008 г. в окружном суде г. Силиври (пригород Стамбула).

Установлены связи Эргенекона и следующих гражданских организаций:

1. Общество Кувай-Миллийе.
2. Движение сотрудничества патриотических сил.
3. Великий союз юристов.
4. Общество «Св. София».
5. Международный совет Дедов Морозов.
6. Общество поддержки вооруженных сил.

7. Общество великого сотрудничества.
8. Национальные общество промышленников и предпринимателей.
9. Общество «Передовая молодежь».

Установлены связи Эргенекона и следующих террористических организаций:

1. В обвинении указывается, что, согласно захваченным документам, В. Кючюк и У. Огузтан, вместо ликвидации РПК, предлагали усилить сотрудничество с А. Оджаланом, организовать на базе его организации собственные террористические группы, которые могли бы управлять ситуацией в криминальном мире. Также предлагалось создать на базе существующих подразделений РПК сеть разведчиков и осведомителей, с помощью которой турецкая разведка могла бы играть на равных с мощнейшими разведками мира. В обвинении говорится о том, что лидеры Эргенекона хотели установить личный контроль над РПК и использовать ее по своему усмотрению. В обвинении указывается, что таким образом лидеры Эргенекона пытались создать в Турции атмосферу напряженности и усилить конфликт между турками и курдами, создать в стране ситуацию управляемого хаоса. Зафиксирован также тот факт, что Д. Перинчек часто посещал тренировочные лагеря курдских боевиков в Сирии в долине Бекаа. По мнению судей, таким образом он устанавливал контакты с «международным терроризмом» и являлся посредником или же передаточным звеном между лидерами организации и «террористической закулисы».

2. На основании обнаруженных документов установлены связи Эргенекона с «Хезболлой» и ДНКР/С. На основании документов, изъятых из офисов «Национального канала», установлено, что его создателями являлись В. Кючюк и один из эмиссаров «Хезболлы» в Турции Теоман Коман. Серийные номера гранат, обнаруженных в Умрание и использованных «Хезболлой» в своих акциях на территории Турции, совпадают.

3. В обвинении говорится о связи Эргенекона с тайной военизированной организацией «Тюрк Интикам Тугайы» (Турецкая бригада мстителей) под руководством Семиха Туфана Гюльалтая, которая поставила своей целью уничтожение врагов Турции внутри страны.

4. Подтверждена связь Эргенекона с ОПГ из Карагюмрюка (т. н. «Карагюмрюкские»). Лидер данной организованной преступной группировки Нури Эргин 2 сентября 2008 г. признался, что получил от В. Кючюка заказ на ликвидацию одного из руководителей Сабанджи-холдинга Оздемира Сабанджи.

5. Установлено, что члены Эргенекона планировали следующие акции устрашения:

5.1. Убийство членов Конституционного суда (план акции найден при обыске в офисе Рабочей партии).

5.2. Покушение в 2005 г. на начальника ГШ Яшара Бююканыта (план акции найден там же в электронном варианте).

5.3. Покушение на Эрдогана или же на главу разведывательного отдела Управления госбезопасности Рамазана Акйюрека¹⁵ (признательное показание одного из членов «Тюрк Интикам Тугайы»).

5.4. В обвинении, кроме того, говорится, что планировались покушения на лидеров алавитской федерации, прокурдской партии ПДО, Орхана Памука, писателя газеты «Йенишафак» Фехми Кору, а также глав различных муниципалитетов Турции.

По ходу расследования в деле появлялось все больше и больше доказательств. Количество свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и вещественных доказательств постоянно увеличивалось. В итоге по обвинению в участии в заговоре было задержано более 150 человек, из них 58 предъявлены обвинения, и еще около 100 было арестовано по подозрению в соучастии. Всех наиболее важных подозреваемых можно условно разделить на 4 группы: отставные военные, журналисты и писатели, общественные и политические деятели, мафиозные лидеры.

К первой группе можно отнести следующих важных обвиняемых — генерал-лейтенант в отставке Вели Кючюк, генерал армии в отставке Хюршит Толон, генерал армии в отставке Шенер Эруйгур, Генеральный секретарь общества Куваи-Миллийе, полковник генштаба в отставке Мехмет Фикри Карадаг, полковник в отставке Хасан Атилла Угур, майоры в отставке Фикрет Эмек и Мехмет Зекерия Озтюрк¹⁶, капитаны в отставке Музаффер Текин и Гази Гюдер, унтер-офицеры в отставке Октай Йылдырым и Махмут Озтюрк.

Ко второй группе можно отнести следующих обвиняемых — известный писатель и независимый журналист Ергюн Пойраз, директор «Национального канала» Ферит Ильсевер, главный редактор газеты «Джумхуриет» (рупор светских сил) Ильхан Сельчук, представитель «Джумхуриет» в Анкаре, журналист Мустафа Балбай, писатель Эрол Мютерджимлер.

К третьей группе условно относятся — глава Рабочей партии Турции (РПТ) Турции Догу Перинчек, секретарь РПТ Нусрет Сенем, пресс-секретарь Константинопольской патриархии Севги Еренерол, адвокат Кемль Керинчиз, бывший ректор Стамбульского университета Кемаль Алемдароглу, глава Анкарской торговой палаты Синан Айгюн.

К четвертой группе относятся — Сами Хоштан, Али Ясак, Сейхан Сойлу, также известный как «Сиси».

Следует отметить, что высокопоставленные турецкие военные оказали моральную поддержку арестованным. После вступления в должность нового начальника ГШ Илькера Башбуга одним из первых его публичных шагов было посещение арестованных Х. Толона и Ш. Эруйгура.

Были задержаны и гражданские лица, связь которых с заговорщиками все еще устанавливается, а также некоторые родственники осужденных. Большая часть подозреваемых — курсанты военных училищ.

Дело вызвало широкий резонанс в турецком обществе. Многие турецкие журналисты связывали начало процесса с рассмотрением дела о закрытии правящей Партии справедливости и развития, видя в этом своеобразный отпор военным со стороны ПСР. Вместе с тем, по слухам, некоторые сведения о деятельности возможных заговорщиков были предоставлены турецкой стороне ЦРУ с разрешения правительства США.

Официальное обвинение сводится к следующим пунктам:

1. Создание вооруженной террористической организации.
2. Покушение на основы государства.
3. Участие в вооруженной террористической организации.
4. Посоничество вооруженной террористической организации.
5. Попытка свержения государственного строя.
6. Попытка организации всенародного восстания против существующего правительства.
7. Незаконное хранение и использование взрывчатых веществ.
8. Попытка нападения на конституционный суд и организация взрыва в редакции газеты «Джумхуриет».
9. Попытка получить доступ к документам государственной важности, связанным с национальной безопасностью страны.
10. Кража личных данных.
11. Призывы к акциям вооруженного неповиновения властям.
12. Разжигание в народных массах национальной розни и ненависти.

Вместе с тем следует отметить, что, по-видимому, в деле перекрещивается несколько сюжетных линий. Главный обвиняемый по делу Эргенекона В. Кючюк, в общем-то, не отрицает существования организации, однако отказывается признавать ее террористической. Многие обвиняемые на процессе выступили с критикой действий судьи З. Озя, обвинив его в разглашении судебной тайны, в скрытой передаче своим знакомым журналистам информации о процессе, и отказались давать какие-либо показания. Некоторые обвиняемые по данному делу утверждают на суде, что организация получила название «Эргенекон» по ошибке или по недоразумению журналистов. На самом деле, утверждают они, название организации — «Гладио» или «Контргерилла»¹⁷. Еще больше вопросов и подозрений порождает то, что большая часть свидетельств и доказательств находится на электронных носителях (флэш-картах, жестких дисках) и была представлена суду с нарушением процессуальных норм турецкого законодательства.

Кроме того, действительно невозможно до конца исключить политический подтекст некоторых действий властей. Дело было использовано для давления на политических противников АКП перед выборами глав

муниципалитетов. Например, непосредственно перед выборами в органы местного самоуправления Турции были распространены слухи о возможной причастности лидера крупнейшей оппозиционной партии (НРП) Дениза Байкала к Эргенекону.

Можно предположить, что под руководством националистически настроенных офицеров-атаюркистов данная организация действительно слилась с криминалом и частным бизнесом. По всей вероятности, она вышла из-под контроля своих заокеанских создателей и начала представлять определенную угрозу для реализации их собственных планов в отношении региона Большого Ближнего Востока. Можно в дополнение к этому еще отметить, что один из главных источников информации об организации Т. Гюней постоянно проживает в Канаде. В целом в ликвидации турецкого крыла «Контргериллы» — «Эргенекона» могут быть заинтересованы как США, так и ЕС. Они могут преследовать свои собственные цели:

1. Уничтожение мощной влиятельной группы, способной повернуть вспять некоторые политические процессы в Турции. Это необходимо для ослабления влияния турецких военных, которые сдерживают процесс федерализации Турции и разделения ее на несколько автономных регионов.

Такое разделение, в свою очередь, необходимо для реализации планов по раздроблению ближневосточного региона на несколько более мелких государств (это выгодно и США, и ЕС).

2. Препятствовать наметившемуся сближению России и Турции и усилить свое собственное.

3. Создать обстановку нестабильности, вражды в обществе, частично, а возможно, и полного свертывания гражданских прав и свобод, и отложить, таким образом, принятие Турции в ЕС на неопределенно долгий срок (что выгодно ЕС).

Эргенекон и Россия

В обвинении, сформулированном прокурорской группой, говорится о том, что у нескольких обвиняемых имелись более или менее тесные связи с Россией. В частности, судьям стало известно, что Д. Перинчек много раз бывал в России. Другой обвиняемый, бывший ректор Стамбульского университета К. Алемдароглу, подписал договор о сотрудничестве с Московским государственным университетом (с ИСАА МГУ. — *В. А.*). Известно, что Ш. Эруйгур публично высказывался о необходимости для Турции выйти из НАТО, стать полноправным членом ШОС и создать военный союз с Россией и Ираном. Турецкие СМИ заявляли, что один из обвиняемых, начальник Отдела разведывательной информации жандармских войск Левент Эрсе́з, по данным следствия, скрывается в России. Впоследствии выяснилось, что он скрывался под видом больного в од-

ной из частных клиник в Анкаре. Это, по мнению судей, свидетельствует о том, что в деле может присутствовать «русский след», однако говорить о нем за недостаточностью доказательств пока еще рано. Также утверждается, что российская разведка, по рекомендации А. Дугина, пытается активно воздействовать на события, происходящие в Турции. Правда, ссылки на источник этой информации турецкая сторона не дает.

Следует также отметить, что эта тема получила свое развитие в СМИ. Так, в газете «Заман», которая принадлежит правящей партии АКП, появилась статья, озаглавленная «Переворот сторонников России и Эрженекон»¹⁸. Там открытым текстом говорится о том, что турецкое отделение «Гладио» перешло под контроль сторонников сближения с Россией. Автор (Ихсан Дагы) задается таким риторическим вопросом: разве можно безучастно наблюдать за тем, что армия страны, которая вот уже на протяжении более 50 лет находится в западной системе безопасности, переходит в руки клики «Русакон» (Rusçu), сторонников сближения с Россией (Rus yanlısı), выступающих против сотрудничества с НАТО, ЕС, США?! И продолжает (с экспрессией), что, к счастью, «Русакон» не удалось выполнить свой зловещий план. Однако автор делает важный вывод: Эрженекон — всего лишь неофициальное продолжение официальной организации, т. е. НАТО. Для того чтобы полностью избавиться от Эрженекона, по логике автора, надо распустить НАТО. Однако этого в ближайшее время не произойдет. Автор делает такой вывод: судя по тому, что военные, хотя и в значительной мере срослись с государственным капиталом, все-таки не оставляют попыток спланировать военный переворот. Следовательно, в будущем Турция может ожидать появления групп, стремящихся к сближению не только с Россией, но и с Америкой.

Следует отметить, что в последующем турецкое обвинение, по-видимому, осознав всю нелепость подобного утверждения, отказалось от версии, указывающей на причастность А. Дугина к деятельности Эрженекона. Одновременно с этим прекратились и разговоры о «русском следе» в этом деле.

Итоги расследования и их влияние на расклад политических сил

Важным элементом дела оказались дневники одного из арестованных, отставного адмирала О. Орнека, в которых говорится о подготовке переворотов в 2003–2004 гг. В частности, он сообщает о подготовке т. н. плана «Балйоз» («Кувалда») в 2004 г. Согласно плану, связанные с Эрженеконом и подконтрольные военным гражданские организации должны были подорвать политическую стабильность Турции с помощью целого ряда провокаций, террористических актов и общественных выступлений. О. Орнек предлагал использовать это как предлог для военного вмешательства, однако руководство генерального штаба его не поддержало.

Воспользовавшись дневниками О. Орнека, турецкое правительство в августе 2010 г. перед выборами нового начальника ГШ шантажировало военное руководство. В частности, предлагалось отпустить арестованных по делу военнослужащих в обмен на возможность независимо от ГШ выбрать новых главнокомандующих.

Изначально занять армейские посты, освобождающиеся в связи с уходом в отставку прежних военачальников, должны были подходящие по званию старшие офицеры. В частности, вначале на должность командующего сухопутными войсками предлагался генерал Хасан Игсиз. Но его кандидатура отпала из-за якобы имевшей место причастности к заговору. Военные согласились на условия правительства, отказавшись выдвигать кандидатуры замешанных в заговоре генералов.

В итоге новым начальником ГШ стал Ышык Кошанер, а командующим сухопутными войсками — Эрдал Джейланоглу. Их кандидатуры были выдвинуты Р. Т. Эрдоганом и А. Гюлем.

События 2007–2008 гг. и начало расследования по делу Эргенекон продемонстрировали, что в Турции при поддержке внешних сил (ЕС и США) начался демонтаж системы влияния военных на политическую жизнь страны.

Примечателен тот факт, что среди арестованных по делу об Эргенеконе есть несколько десятков курсантов военных училищ и молодых офицеров. Это может косвенным образом свидетельствовать о том, что офицерство и армия в целом расколоты, как и в 60-х и 70-х гг., на (условно) консервативные силы и сторонников «радикального» вмешательства военных в политическую жизнь страны.

Примечания

¹ Название «Эргенекон» в турецких СМИ было интерпретировано как сокровенное место, убежище прародителей тюрков. Однако это неверно. Эргенекон происходит от монгольского названия Эргунэ-Кун, связанного с легендой о происхождении монголов. Так называлась горная долина, где спаслись от врагов легендарные предки монголов. Данный район соотносится с долиной реки Аргунь, вытекающей из озера Далай-нор. Персидский летописец XIII–XIV вв. Рашид-ад-Дин записал эту легенду со слов бежавших перед монголами тюрков (См.: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2, М.-Л., 1952, с. 9). Впоследствии, под воздействием фонетических законов турецкого языка, Эргунэ-Кун трансформировался в Эргенекон.

² Это специальная военизированная организация, созданная в 60-х гг. XX в. в обстановке секретности турецким Генеральным штабом с целью защиты тюрков-киприотов. Однако первый президент Турецкой Республики Северного Кипра Рауф Денкташ опроверг эти данные.

³ Революционная партия народного спасения — Devrimci Halk Kurtuluş Partisi/ Cephesi.

⁴ Это была первая тайная военно-политическая организация, которая организовала сопротивление оккупационным войскам Антанты на территории Турции после 1918 г. Организация объединяла в основном бывших османских офицеров, а также служащих разведки, не согласных с капитуляцией перед противником. В руках ее членов находилось большое количество легкого стрелкового вооружения, которое использовалось в партизанских действиях против английских, французских, итальянских и греческих войск, находившихся на территории Анатолии по условиям Мудросского перемирия 1918 г.

⁵ Музаффер Текин задержан в 2006 г. по подозрению в причастности к нападению на офис «Джумхуриет», но позднее отпущен за недостаточностью обвинения.

⁶ В его доме обнаружили компромат на членов правительства от партии АКП. Обнаруженные материалы вскрыли порочные связи одного из министров правительства АКП (который около 20 раз совершал хадж) и молодых девушек, которых с ним знакомили его советники. Кроме того, были найдены документы, подписанные нынешним мэром Анкары, а в тот момент — депутатом от АКП Мелихом Гекчеком (за ним закрепились репутация казнокрады и взяточника) об оказании Йылдызом консалтинговых услуг партии АКП в 2003 г. на сумму 354 млрд. турецких лир.

⁷ Председатель турецкого союза юристов. Следствие полагает, что он обеспечивал законодательную и юридическую поддержку всем неонационалистским акциям, направленным против армян. В частности, он организовал нападки на армянского журналиста Гранта Динка в Стамбуле, после чего тот был убит, а также принимал участие в организации судебного процесса против Орхана Памука за то, что он признал факт геноцида армян в 1915 г.

⁸ Он проходил также по делу о происшествии в районе Сусурлук в окрестностях Бурсы. Суть произошедшего заключалась в том, что случайно в результате ДТП вскрылась связь депутатов меджлиса от Партии верного пути и мафиозных структур. В 2000 г. ему было предъявлено обвинение в сбыте и хранении наркотических веществ. Он отсидел 4 года, но в 2004 г. вышел на свободу.

⁹ Этот журнал был организован Д. Перинчеком.

¹⁰ Ходили неподтвержденные слухи, что он симпатизировал АКП.

¹¹ Он известен также серией публицистических работ по истории турецкой разведки и т. н. «Глубокого государства» — т. е. некоего теневого правительства со своим собственным аппаратом принуждения.

¹² Это тот самый полицейский, который в 2001 г. допрашивал Тунджа Гюнея. Его обвиняют в сокрытии информации, представляющей опасность для государства, в замалчивании и укрывательстве участников Эргенекона.

¹³ Движение борется за сохранение светского государства и продолжение политики секуляризма.

¹⁴ Его отец — Бедреттин Далан, известный общественный деятель Турции, бывший мэр Стамбула, ректор частного стамбульского университета Йедитепе, основатель частного благотворительного фонда «Истэк». В помещениях фонда и университета были проведены обыски, в результате которых было найдено оружие. Ему также были предъявлены обвинения в связи с участием в организации Эргенекона, однако арестовать его не смогли, поскольку он уехал в США. Недавно он сделал громкое заявление, суть которого заключается в том, что причины организации данного процесса — это осуществление американского проекта Большо-

го Ближнего Востока. В том же заявлении он призвал руководство турецких ВС к прямому диалогу с «еврейским» лобби внутри США.

¹⁵ Некоторые турецкие журналисты считают, что этот «силовик» и сфабриковал дело Эргенекон, причем сделал это по указанию Ф. Гюлена.

¹⁶ Именно его Тунджай Гюней называл в качестве передаточного звена и посредника между ЦРУ и американским разведывательным сообществом и руководством Эргенекона.

¹⁷ Это натовская структура, которая была создана во всех странах — участницах блока с целью вести антикоммунистические действия внутри страны в мирное время и устраивать диверсии в случае войны с СССР.

¹⁸ Zaman, 13.01.2009.

Раздел VII

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ СТРАНАМИ РЕГИОНА И СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

А. В. Болдырев

КОНВЕНЦИЯ МОНТРЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

Проливы, соединяющие Черное море со Средиземным морем, всегда имели огромное политическое, экономическое и военное значения для международного судоходства. В 1936 г. в швейцарском городе Монтрё была подписана Конвенция, создавшая правовую базу, по сегодняшний день регулирующую транспортные потоки через Босфор и Дарданеллы. Целью Конвенции было обеспечить политическое равновесие в Черноморском регионе и упорядочить судоходство в Проливах и Мраморном море. Ввиду этого из 29 статей Конвенции 16 относятся к военным кораблям (ВКР), 6 — к гражданским судам, а из 4 Приложений к Конвенции — 3 носят военный характер. В Конвенции зафиксировано *особое* положение черноморских государств (ЧМГ), имеющих право в мирное время проводить ВКР без ограничений (за исключением авианосцев) при соблюдении определенных условий. Проход нечерноморских военных кораблей (НЧВКР) в мирное время ограничен тоннажем и временем пребывания в Черном море. В военное время проход кораблей нечерноморских государств (НЧМГ) запрещается, а режим Проливов полностью зависит от Турции.

В отношении торгового мореплавания зафиксировано право свободного прохода через Проливы *всех* государств независимо от флага и груза, символические тарифы за санитарный контроль и отсутствие контроля над коммерческим судоходством. Таким образом, преимущественно военный характер Конвенции Монтрё привел к тому, что экономический раздел данного документа оказался гораздо менее разработан, по сравнению с детально прописанными военными статьями конвенции. Однако недостатки Конвенции Монтрё в этом отношении стали ясны гораздо позже.

К началу 1920-х гг. РСФСР и Турция находились во многом в одинаковом положении: обе страны устали от 10-летнего периода войн и внутренних смут, обе жаждали мира, обе желали выхода из международной изоляции, у обоих начинался процесс становления новой государствен-

ности. Это предопределило тесное сближение двух молодых республик на первом этапе, закончившееся подписанием 16 марта 1921 г. договора о дружбе и братстве¹. Однако уже на тот момент их цели в Черноморском регионе были различны. Если для РСФСР главным условием безопасности было закрыть Проливы для *всех* ВКР (т. е. добиться для Черного моря статуса «закрытого моря»), то Турция, с трудом отстоявшая свое право на существование, стремилась обеспечить неприкосновенность территории в своих этнографических границах². Ввиду этого Турецкая Республика не связывала свою безопасность не только с регионом Черного моря, но даже непосредственно с зоной Босфора и Дарданелл, согласившись в итоге на их демилитаризацию. В результате 24 апреля 1923 г. в швейцарской Лозанне между Турцией и странами Антанты с их союзниками был подписан мирный договор, означавший для Турции окончание Первой мировой войны. Страна добилась международного признания, однако ее суверенитет в зоне Проливов был сильно ограничен. Кроме демилитаризации Босфора и Дарданелл Турция была вынуждена передать Проливы под международный контроль, а также предоставить НЧВКР доступ в Черное море без серьезных ограничений³.

Тем не менее, именно тот факт, что в Лозанне великие державы (прежде всего Великобритания) сумели реализовать свою давнюю мечту — свободу военного мореплавания в Проливах, предопределило недолговечное существование Лозаннской конвенции. Турция, для которой вопрос ее национальной безопасности вплоть до конца XX в. оставался первостепенным, не могла долго терпеть положение, при котором ее историческая столица — Стамбул и сравнительно небольшая территория могли оказаться под ударом с моря даже в том случае, если сама она не вела войны. В этом отношении она могла опереться на поддержку Советского Союза, заинтересованного в ограничении военного транзита через Проливы со стороны НЧМГ. В итоге, когда 11 апреля 1936 г. Турция направила ноту участникам Лозанны о пересмотре Конвенции о Проливах, СССР (с небольшими оговорками) поддержал турецкую инициативу⁴.

На конференции в Монтрё, проходившей 22 июня — 21 июля 1936 г., вновь обозначилось несоответствие советской и турецкой позиций. Советская сторона по-прежнему рассматривала Черное море как «закрытое озеро» с небольшими исключениями. Турция же, все более осознавая ключевое для себя значение Проливов, готова была за ремилитаризацию Босфора и Дарданелл пойти на значительные уступки главному на тот момент советскому геополитическому противнику — Великобритании. В итоге основная борьба на конференции развернулась между СССР и Англией, в ходе которой советской делегации удалось добиться права на свободный проход через Проливы черноморских военных кораблей (ЧВКР) при существенном ограничении военного транзита со стороны НЧМГ⁵. Эконо-

мические статьи Лозанны вошли в Конвенцию Монтрё с незначительными изменениями. Советская сторона исходила из реалий: совместная советско-турецкая оборона Проливов была невозможна, поскольку ни западные державы, ни сама Турция не были согласны с тем, чтобы допустить СССР к контролю над стратегическим узлом Восточного Средиземноморья. В этих условиях оптимальным вариантом оставалось передать «ключи» от Проливов в руки Турции, крайне заинтересованной в дружеских отношениях с Советским Союзом, ограничив ее права (до некоторой степени) международным контролем.

Конвенция о режиме Проливов была подписана 20 июля 1936 г. Конвенцию подписали Турция, СССР, Великобритания, Франция, Югославия, Болгария, Греция, Румыния и Япония. В 1938 г. к Конвенции присоединилась Италия, в 1951 г. из нее вышла Япония. Конвенция Монтрё состояла из преамбулы, 5 разделов, 29 статей, 4 приложений и 1 протокола. Экономические статьи Лозаннской конвенции вошли в Конвенцию Монтрё с незначительными изменениями. Подтверждалась свобода торгового мореплавания через Проливы для всех стран в мирное и военное время с соблюдением правил, установленных в ст. 2–7. ВКР нечерноморских стран были ограничены в мирное время при проходе через Проливы классом (типом кораблей) и общим тоннажем (ст. 14). Был запрещен проход через Проливы подводных лодок неприбрежных государств (в Конвенции отсутствовала статья о подобном праве). Во время одновременного пребывания в Черном море нечерноморские государства были также ограничены общим тоннажем (не превышающим 45 тыс. тонн) и временем пребывания в Черноморском бассейне — не более 3 недель (ст. 18, п. 1, b; п. 2). Черноморские государства *не были ограничены общим тоннажем своих ВМС в Черном море*. Они также получили право проводить через Проливы ВКР и подводные лодки любого класса (за исключением авианосцев) и в любом количестве при соблюдении условий, определенных конвенцией в ст. 11–12. Были также установлены порядок и сроки предупреждения турецкого правительства о любом предстоящем проходе через Проливы военных судов (ст. 13). В военное время, если сама Турция не вела войны, правила прохода торговых военных кораблей оставались прежними. При этом запрещался проход через Проливы ВКР воюющей страны (ст. 19). В случае же если Турция находилась в состоянии войны или считала, что по отношению к ней существует военная угроза, проход ВКР любой страны зависел исключительно от воли турецкого правительства (ст. 20–21)⁶. Комиссия по Проливам упразднялась, ее функции переходили к правительству Турции. При этом некоторые элементы международного контроля над Проливами сохранялись, поскольку Турция обязана была предоставлять державам, подписавшим Конвенцию, ежегодные отчеты о состоянии торгового и военного мореплавания в Проливах (ст. 24). Тур-

ция также получала право немедленно ремилитаризовать зону Проливов (протокол, ст. 1). Конвенция заключалась сроком на 20 лет с автоматическим продлением при отсутствии денонсации за 2 года до истечения этого срока (ст. 28) и вступала в силу после ее ратификации всеми участниками Конвенции, включая Турцию (ст. 26)⁷.

Таким образом, Конвенция Монтрё стала шагом вперед не только в обеспечении безопасности Черноморского региона, *но по признанию прав черноморских стран в вопросе о Проливах*. СССР, добившись почти закрытого статуса Черного моря, превращался в сильнейшую черноморскую державу. Тем не менее, именно Турция, восстановившая свой суверенитет над зоной Проливов, более всего выиграла от режима Проливов. Отныне она превращалась почти в единственного контролера режима Черноморских проливов, а ее права на регулирование Босфора и Дарданелл в период войны стали неограниченны. В результате режим Проливов в определенной степени стал зависеть от политики Анкары. В условиях постоянно ухудшающейся международной обстановки это позволяло Республике избежать вовлечения в мировой конфликт, что на тот момент составляло главную цель турецкой дипломатии. По выражению итальянского историка М. Тоскано, победу, одержанную СССР после долгой дуэли с Лондоном, держала в своих руках Турция⁸. В дальнейшем именно это обстоятельство привело к ухудшению советско-турецких отношений.

Сближение Турции с западными державами во второй половине 1930-х гг. оказало в целом неблагоприятное влияние на ее взаимоотношения с СССР. Так, вскоре после конференции в Монтрё Турция фактически сорвала заключение с СССР договора о совместной обороне Проливов⁹. Это показывает, что, предлагая СССР в конце 1934 г. военно-политический союз, Турция рассчитывала обеспечить советскую поддержку своей инициативе о созыве конференции для пересмотра существующего режима Проливов. После заключения Конвенции Монтрё для турецкой дипломатии главной задачей стал вопрос о защите территории страны со стороны Средиземного моря, в результате чего необходимость тесной военной кооперации с СССР временно отпала.

В 1937 г. Турция совместно с СССР, Великобританией, Францией и другими державами подписала Нионское соглашение об обеспечении безопасности торгового судоходства в Средиземном море от пиратских действий «неизвестных подводных лодок»¹⁰. Интересен тот факт, что турецкая делегация заранее оговорила участие Турции в соглашении только в том случае, если упомянутые незаконные действия будут происходить в турецких территориальных водах¹¹. Таким образом, свое участие в Средиземноморской коллективной безопасности Турция ограничила зоной Дарданелл и Эгейского архипелага. Особую опасность для Турции представляла экспансия Италии в Средиземноморье. Последняя в 1935 г. нача-

ла войну с Эфиопией. Частично Турции удалось нейтрализовать итальянскую угрозу. В ответ на ряд услуг Анкары (закрытие турецкого посольства в Аддис-Абебе, невмешательство Турции в итало-эфиопский конфликт) Италия в мае 1938 г. присоединилась к Конвенции Монтрё¹².

Между тем советское направление по-прежнему оставалось неизменным фактором в турецкой внешней политике. В конце 1938 г., после двух лет взаимного «охлаждения», в политике СССР и Турции вновь наметились тенденции к сближению. Во-первых, сменилось руководство турецкого МИД. Вместо Т.Р. Араса, противника принципа коллективной безопасности, видевшего спасение мира в нейтралитете каждой страны (он получил назначение в Лондон), внешнеполитическое ведомство Турции возглавил Ш. Сараджоглу, исходивший из необходимости союза западных стран, СССР и Турции по поддержанию мира на Балканах и в Восточном Средиземноморье¹³. Во-вторых, не оправдались ожидания Турции путем заключения отдельных договоров с Италией (договор 1928 г. о нейтралитете; соглашение 1932 г. о морских границах) стабилизировать ситуацию в районе Балкан. Оккупация Италией в 1938 г. Албании вместе с постепенным германским проникновением в Румынию создавали угрожающую ситуацию для Стамбула и Проливов в случае оккупации Италией и Германией Греции и Болгарии. В результате турецкое правительство с готовностью откликнулось на предложение СССР начать консультации о заключении союзного пакта о взаимопомощи против агрессии.

29 апреля — 5 мая 1939 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкин провел в Анкаре ряд встреч с И. Инёню, возглавившего Турцию после смерти в 1938 г. К. Ататюрка, министром иностранных дел Ш. Сараджоглу и генеральным секретарем МИД Н. Менемеджоглу. В ходе консультаций обе стороны выразили принципиальное согласие на заключение пакта о взаимопомощи. Ключевое значение этого соглашения вновь должно было состоять в совместной обороне Проливов¹⁴. При этом если одна часть турецкого руководства желала ограничиться сотрудничеством с СССР только зоной Проливов, то другая часть допускала возможность распространения действия советско-турецкого соглашения на Черное море и даже на Балканы¹⁵. Таким образом, советско-турецкий договор предполагалось заключить по аналогии с намечавшимся в то время турецко-английским пактом о взаимопомощи в Средиземноморье.

В начале августа 1939 г. между СССР и Турцией была достигнута принципиальная договоренность о начале переговоров по заключению двустороннего пакта о сотрудничестве в Проливах, Черном море и Средиземноморье. При этом сама Турция рассчитывала, что ее ответственность будет ограничена зоной Проливов и турецкими территориальными водами в Восточном Средиземноморье¹⁶. Таким образом, безопасность

Черного моря вновь отодвигалась на второй план. Тем не менее, заключение советско-турецкого союзного пакта, англо-франко-турецкого и англо-франко-советского договоров о взаимопомощи могло создать эффективную систему противодействия итало-германской агрессии в Европе, на Балканах и в Средиземноморье. Неудача советско-англо-французских переговоров о заключении союзного договора и советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. не стали препятствием для продолжения советско-турецких переговоров. Об этом свидетельствуют длительные переговоры Ш. Сараджоглу в Москве, продолжавшиеся с 25 сентября по 16 октября 1939 г. Это показывает, что СССР был заинтересован в переговорах не меньше Турции, сознавая временный характер «союзных» отношений с Германией и прекрасно понимая значение южного фланга в будущей войне. В то же время подписание пакта Риббентропа — Молотова сузило базу переговоров, исключив из сферы действия договора Балканы (включая Европейскую Турцию) и участие Турции в войне на стороне антигерманского блока¹⁷. Последнее было неприемлемо для Турции, поскольку означало ее отказ от союзных обязательств по отношению к Англии и Франции в Средиземноморье. В то же время помощь СССР Турции подразумевалась только в случае нападения на Турцию со стороны Черного моря и в Проливах. При этом СССР продолжал добиваться совместной с Турцией обороны Проливов¹⁸. Все это сделало бесперспективным для Турции подписание договора с СССР, поскольку данный договор, лишая ее англо-французской помощи в Средиземноморье, не обеспечивал безопасности турецкой территории со стороны Балкан. Быстрое подписание после неудачных переговоров в Москве англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи (19 октября 1939 г.) свидетельствовало о том, что после подписания советско-германского пакта Турция была готова к подобному варианту развития событий¹⁹. Договор гарантировал Турции помощь в случае нападения на нее какой-либо европейской державы или конфликта в Средиземноморье и обязывал Турцию предоставить помощь своим союзникам в Средиземном море при аналогичных обстоятельствах²⁰. При этом, согласно дополнительному протоколу, Турция не могла быть втянута в какую-либо военную акцию, *направленную против СССР*²¹.

Таким образом, подписав договор с Великобританией и Францией, Турция гарантировала безопасность своей территории и Проливов со стороны Средиземного моря. Со стороны Черного моря Босфор и Дарданеллы были гарантированы, по крайней мере, их международно-правовым статусом. Турция могла рассчитывать, что в условиях военного времени СССР не поставит вопрос о ревизии Конвенции о Проливах 1936 г. Тем не менее, вовлечение Турции в орбиту английского влияния (после поражения Франции в 1940 г. договор 1939 г. из англо-франко-турецкого превратился

в англо-турецкий), неудачная попытка сближения с Турцией на основе союзного пакта и, наконец, общее недовольство руководства СССР Конвенцией Монтрё, учитывающей, по его мнению, интересы СССР не в полной мере, подвигли советскую сторону на пересмотр своей позиции в отношении военной части Монтрё²², пока в неофициальной форме.

О советско-германских переговорах осенью 1940 г. известно достаточно много²³. В связи с этим следует остановиться на тех пунктах переговоров, которые касаются проблемы Проливов. В октябре 1940 г. Германия предложила СССР присоединиться к только что образованному Тройственному пакту («ось» Рим — Берлин — Токио). В ходе переговоров 12–13 ноября 1940 г. между министром иностранных дел Германии И. Риббентропом и главой советского правительства, народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым германское руководство предложило СССР помощь держав «оси» в ревизии Конвенции Монтрё. Имелось в виду предоставление советскому флоту права неограниченного прохода через Проливы в любое время. При этом *для нечерноморских государств Проливы должны были стать закрытыми*²⁴. В конечном итоге, не высказав конкретных соображений по этому вопросу, В.М. Молотов вернулся в Москву. 17 ноября 1940 г. он информировал о германских предложениях посла СССР в Лондоне И.И. Майского, высказав сомнения в искренности германской стороны. В.М. Молотов также выразил опасение, что целью Германии является желание включить Турцию в орбиту своего влияния²⁵. При этом В.М. Молотов подчеркнул, что «режим Проливов может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за счет ее (выделено мной. — А. Б.)»²⁶. Тем не менее, советское руководство обозначило свои интересы в вопросе о Проливах, выразив желание создать там на постоянной основе военно-морскую базу (ВМБ)²⁷. Реакции Германии на советские предложения не последовало. Более того, в ноябре 1940 г. и в марте 1941 г. германская сторона дважды информировала Турцию о советских претензиях в отношении Проливов²⁸. В ноябре 1941 г. в Германии окончательно определились с направлением главного удара. 18 декабря 1941 г. была подписана Директива № 1 (план «Барбаросса») о подготовке к войне с СССР. Ввиду этого дальнейшая игра по вовлечению СССР в Тройственный пакт выглядела бессмысленно.

Таким образом, берлинская «комбинация» недвусмысленным образом свидетельствовала о желании Германии дискредитировать советское руководство не только в глазах Великобритании (предотвратив, таким образом, возможное англо-советское сближение), но и в глазах Турции, обеспечив тем самым если не дружбу, то благожелательный нейтралитет южного соседа СССР в предстоящей войне. Тем не менее, планы Германии реализовались не полностью. При всё возрастающем недоверии друг к другу СССР и Турции удалось не сорваться на почве взаимных обвинений.

25 марта 1941 г. была подписана советско-турецкая декларация о взаимном нейтралитете в случае войны. После нападения Германии на Советский Союз декларация была подтверждена англо-советской гарантией существующего режима Черноморских проливов.

Таким образом, оценивая советско-турецкие отношения во второй половине 1930-х гг., следует прийти к выводу, что в этот период Анкара исходила из необходимости обеспечить безопасность Европейской Турции (Стамбула. — А. Б.) и сохранить Конвенцию 1936 г. о Проливах. Ввиду этого черноморское направление временно отошло на второй план, ключевое значение приобрели проблемы Средиземноморья, а на повестку дня встала необходимость укрепления отношений с Великобританией и Францией. В конечном итоге Турция желала избежать вовлечения в мировой конфликт путем заключения коллективных договоров о взаимопомощи (неудивительно поэтому, что единственным поводом для вступления в войну для Турции было вторжение в Проливы). С этой точки зрения балансирование между англо-французским блоком, странами «оси» и СССР являлось в то время единственно возможной для Анкары политикой. Однако эта же политика объективно вела к осложнениям в советско-турецких отношениях. СССР был неудовлетворен недостаточно «закрытым» статусом Черного моря. Это усугублялось усилившимся со второй половины 1930-х гг. прозападным направлением в политике Турции — гаранта режима Черноморских проливов. В этих условиях взаимные противоречия могли быть смягчены частичной ревизией военных статей Конвенции Монтрё (путем отдельного советско-турецкого соглашения) или *постоянным* учетом Турцией интересов СССР в вопросе о Проливах. Однако политика балансирования, проводимая Анкарой, исключала такую возможность. Вероятно, твердое следование Турцией положениям Монтрё в период войны смягчило бы советско-турецкие противоречия. Но неоднократный пропуск турецким правительством в 1941–1944 гг. германских ВКР в Черное море (под торговым флагом)²⁹ стал одной из причин официальной постановки СССР после войны вопроса о ревизии Конвенции Монтрё³⁰.

Система договоров, заключенных Турцией с основными воюющими державами (англо-турецкий договор 1939 г.; советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете 1925 г.; германо-турецкий пакт о ненападении 1941 г.), позволила Анкаре остаться в стороне от мирового конфликта. В то же время отказ Турции вступить в антигитлеровскую коалицию вплоть до конца войны (формальное вступление Турции в войну состоялось лишь 23 февраля 1945 г.) поставил Турцию после войны в состояние относительной международной изоляции. В результате СССР решил избавиться от зависимости от Турции в отношении режима Проливов и поставить его под совместный советско-турецкий контроль. Само предложение о пересмотре Конвенции Монтрё поступило на Тегеранской конферен-

ции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.)³¹ от премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Британский премьер заявил, что отказ Турции вступить в войну может повлечь за собой изменение позиции Англии в отношении Конвенции Монтрё вплоть до согласия на ее пересмотр в рамках двусторонних советско-турецких переговоров³². Таким образом, У. Черчилль декларировал готовность Англии признать право СССР иметь *свободный и неограниченный доступ в Проливы*. Советская сторона, поддержав английскую инициативу, тем не менее, предложила переключиться на более актуальные вопросы³³. Столь сдержанное отношение говорит о том, что СССР были понятны причины, по которым английский премьер-министр сделал свое предложение — заставить Турцию вступить в войну, предотвратив тем самым появление советских войск на Балканах. Само советское руководство, начиная с конца 1943 г., все менее было настроено на вступление Турции в войну, поскольку стремительное наступление советских войск в южном направлении делало это невыгодным. В июле 1944 г. И. В. Сталин рекомендовал У. Черчиллю отказаться от попыток вовлечь Турцию в войну. При этом руководитель советского государства подчеркнул, что нейтралитет Турции исключает ее полноценное участие в послевоенном устройстве мира³⁴. Такая позиция подразумевала выдвижение Турции после войны ряда претензий, которых за предшествующий период (особенно за период войны) накопилось немало. Судя по всему, понимало это и британское правительство. Во всяком случае, со стороны Великобритании позиция к Турции постепенно менялась на более благожелательную. На Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.)³⁵ Англия настаивала на том, чтобы дать Турции время для вступления в войну, чтобы тем самым включить ее в процесс послевоенного диалога³⁶. Это могло означать, что постепенно Великобритания «охладевала» к идее изменения режима Проливов в благоприятную для СССР сторону. Тем не менее, на конференции в Ялте Англия поддержала выдвинутые СССР предложения о пересмотре Конвенции Монтрё. Было принято решение разработать конкретные предложения на будущем совещании в Лондоне министров иностранных дел СССР, Великобритании и США³⁷.

Ввиду этого СССР решил воспользоваться сложившейся ситуацией, урегулировать необходимые вопросы в рамках двусторонних переговоров с Турцией и поставить Великобританию и США на будущем совещании глав МИД перед свершившимся фактом. Это свидетельствует о том, что советское правительство явно не надеялось на серьезную поддержку Лондоном конкретных советских предложений. Формой пересмотра советско-турецких соглашений была избрана денонсация СССР 19 марта 1945 г. советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете 1925 г.³⁸ Разработка же нового договора подразумевала изменение Конвенции Монтрё, предоставление СССР военно-морской базы в Проливах, право СССР

на их совместную с Турцией оборону и признание, что регулирование режима Черноморских проливов является сферой ответственности СССР и Турции. Дополнительным требованием к Турции были территориальные претензии СССР на пограничные с Арменией и Грузией турецкие земли, переданные ей согласно договору 1921 г. (заявление В. М. Молотова послу Турецкой Республики в Москве С. Сарперу от 7 июня 1945 г.)³⁹. 18 июня 1945 г. С. Сарпер заявил о согласии турецкого правительства рассмотреть советские требования при условии, что в рамках обсуждаемого проекта нового договора СССР снимет территориальные требования Турции в отношении Карса, Ардагана и Артвина (приграничные пункты Турции на границе с Грузией и Арменией)⁴⁰. В ответ со стороны советского правительства последовал отказ. Это было явной ошибкой руководства СССР. Требование территориальных уступок отвлекало советскую дипломатию от решения проблемы Проливов, делало еще более призрачной поддержку СССР в его переговорах с Турцией со стороны западных держав (в Ялте было принято решение о гарантии территориальной неприкосновенности Турции), и, наконец, делало практически невозможным подписание нового союзного договора.

Ход дальнейших переговоров подтвердил это. 11 июля 1945 г. Турция отказалась рассматривать советские требования в рамках двусторонних переговоров. Таким образом, вопрос о совместном советско-турецком контроле над Проливами был вынесен на международный уровень и стал предметом обсуждения на Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.)⁴¹. 22 июля 1945 г. советский проект пересмотра Конвенции Монтрё был представлен на рассмотрение глав союзных правительств. Советская делегация учла негативный опыт переговоров с турецким правительством и заявила, что в случае категорического отказа Турции принять территориальные претензии СССР советская сторона готова заключить с Турцией соглашение *только в отношении Проливов*⁴². Тем не менее, У. Черчилль (информированный ранее турками о советских требованиях) дал ясно понять, что советский документ идет гораздо дальше того, что может предложить СССР Великобритании. Попытки И. В. Сталина и В. М. Молотова указать на то, что опыт прошедшей войны показал опасность для СССР чрезмерной зависимости от Турции в отношении режима Проливов, не возымели успеха. У. Черчилль был готов согласиться на советский контроль в Проливах только с участием Великобритании и США⁴³. Это отбрасывало СССР к временам Лозанны. Кроме того, это не соответствовало и духу самого Монтрё, поскольку США не являлось государством, подписавшим Конвенцию 1936 г. По сути, такая инициатива могла привести к установлению контроля США и Великобритании над Черноморскими проливами и международными внутренними водными путями Восточной Европы⁴⁴. Советская сторона предпочла свернуть дискуссию.

Итоговым документом по Проливам стала резолюция о необходимости ревизии Конвенции Монтрё, предусматривающая отдельные консультации каждой из сторон с турецким правительством⁴⁵. В условиях отсутствия согласованной позиции держав по поднятой проблеме это заранее обрекало саму идею пересмотра Конвенции на неудачу. Положение могло быть изменено только в том случае, если бы СССР отказался от заранее невыполнимых требований. На это указывает нота США Турции от 2 ноября 1945 г. Согласно этой ноте, СССР не мог претендовать на приграничные турецкие территории и совместный с Турцией контроль над Проливами. Однако черноморским государствам предоставлялся «на вечные времена» морской (торговый) и военный транзит через Проливы *с закрытием Босфора и Дарданелл для ВКР неприбрежных стран*. Исключения допускались только в *особых случаях* в виде согласия самих ЧМГ или по решению ООН⁴⁶. Это была *реальная* основа для переговоров. Турция была согласна вести диалог с СССР в рамках американского проекта (заявление премьер-министра Турции Ш. Сараджоглу 5 декабря 1945 г.⁴⁷). При этом положение СССР *как сильнейшей черноморской державы* и его членство в Совете Безопасности ООН практически полностью гарантировали Черное море от проникновения НЧВКР, по крайней мере в мирное время. Тем не менее, эта возможность была упущена, прежде всего из-за желания советской стороны добиться реализации своих целей в полном объеме⁴⁸.

Попытки СССР изменить Конвенцию Монтрё в более благоприятную для себя сторону имели под собой серьезные основания. Ни одна из держав не отрицала фактов нарушения Турцией своего нейтралитета в период войны и обоснованность советских требований о поправках в действующую Конвенцию о Проливах. При этом следует иметь в виду, что политика Англии в этом вопросе носила двойственный характер и зависела от того курса, который правительство Великобритании в каждом конкретном случае проводило в отношении Турции. Резюмируя послевоенную историю Монтрё (конец обмену мнениями между державами и Турцией по вопросу о Проливах был положен нотами СССР и Турции от 24 сентября и 18 октября 1946 г.⁴⁹), следует прийти к выводу, что попытка СССР решить вопрос о советско-турецком контроле над Проливами была изначально обречена на поражение. Реальной основой для переговоров могла стать американская нота, которая лишала антисоветскую коалицию поддержки ее главного участника — США. Таким образом, причины непонятного упорства СССР в реализации явно невыполнимых требований следует искать не в объективных, а в *субъективных* причинах, главной из которой являлась переоценка советским руководством возможностей СССР после победы над Германией⁵⁰.

Лишь через семь лет (поле смерти И. В. Сталина) стало возможным восстановление доверительных отношений между СССР и Турцией.

30 мая 1945 г. СССР отказался от территориальных претензий к Турции, признав также, что Конвенция Монтрё отвечает интересам безопасности двух стран (заявление министра иностранных дел СССР В. М. Молотова⁵¹ послу Турции в Москве Ф. Хозару⁵²). Это дало в дальнейшем мощный импульс культурному и экономическому сотрудничеству СССР и Турции, который начался в 1960-х гг.

В 1950–1960-х гг. Черноморские проливы не становились причиной для обострения советско-турецких отношений. Несмотря на известную обеспокоенность СССР периодическим заходом ВКР НАТО в турецкие порты (в 1952 г. Турция вступила в Североатлантический блок), претензий к Турции по поводу соблюдения Конвенции Монтрё не возникало. Более того, несмотря на запрет авианосцам (АВН) проходить через Проливы⁵³, Турция в 1970-х гг. фактически приравняла советские АВН к противолодочным ВКР, предусмотренных Конвенцией 1936 г. Это не вызвало протеста у НАТО, что показывает, что в 1970–1980-х гг. между СССР, Турцией и ее союзниками по НАТО сложился своеобразный консенсус в отношении ревизии некоторых военных статей Монтрё⁵⁴.

На современном этапе наметилось три аспекта российско-турецких отношений, связанных с Конвенцией Монтрё: 1) вопросы торгового судоходства через Проливы, 2) проблема обходных нефтепроводов, 3) военные аспекты режима Босфора и Дарданелл.

I. Вопросы торгового судоходства через Проливы

На момент принятия Конвенции Монтрё главной задачей было решение вопроса о проходе через Проливы ВКР СССР и западных держав. Ограничение коммерческого судоходства не предусматривалось вообще. Между тем развал СССР уменьшил возможности России экспортировать нефтепродукты, сделав Проливы, по сути, единственным водным путем, связывающим Россию со странами Средиземноморья. Это предопределило исключительную заинтересованность России в бесперебойном проходе ее торговых кораблей, прежде всего нефтеналивных танкеров, через Босфор и Дарданеллы. В то же время в 1980–1990-х гг. турецкое правительство предприняло меры по пересмотру пропускного режима Проливов⁵⁵. Это диктовалось, в первую очередь, объективными обстоятельствами. В 1990-х гг. грузопоток через них резко возрос, что было связано с транзитом товаров из Западной и Центральной Европы по дунайской речной системе и далее через Проливы. Это резко усилило аварийность в зоне Босфора и Дарданелл. В большинстве случаев из-за нежелания капитанов, вопреки Правилам судоходства от 1982 г., привлекать турецких лоцманов и буксиры, даже когда это было необходимо, приводило к анархии в движении грузов⁵⁶.

Все это в итоге заставило турецкое правительство принять меры с целью обеспечения безопасности движения в зоне Босфора и Дарданелл, при этом особое внимание было уделено кораблям с опасными грузами и сверхкрупным судам. В январе 1994 г. подготовив предложения относительно безопасности Черноморских проливов, Турция внесла их в комитет ММО (Международной морской организации ООН) по безопасности на море (КБМ). После длительной дискуссии и внесения ряда изменений на сессии комитета (16–25 мая 1994 г.) турецкие предложения были приняты. Комитет радикально переработал предложенный Анкарой проект новых правил судоходства, исключив из него положения, противоречащие Конвенции Монтрё, и обязав Турцию привести Регламент в соответствие с правилами ММО. *Регламент о судоходстве в зоне Турецких проливов и Мраморного моря* вступил в действие 1 июля 1994 г.

Отныне для танкеров длиной более 200 м проход через Проливы был установлен только в дневное время. Капитаны других крупных судов (150 м и более) перед проходом через Босфор и Дарданеллы должны были предоставлять Администрации (Секретариат по морским делам при премьер-министре Турции) необходимую информацию о судне и грузах для принятия мер по обеспечению безопасности людей и окружающей среды. Капитаны судов, везущие ядовитые вещества или отходы, должны были получить разрешение на это от турецкого министерства окружающей среды. Корабли с ядерными двигателями или везущие ядерные вещества и отходы должны были накануне прохода через Проливы получить разрешение на проход в соответствии с правилами Администрации. Суда, везущие особо крупные опасные грузы (508 т и более), должны были за сутки до входа в Босфор известить власти порта о необходимости присутствия на борту лоцмана. Крупные суда с опасными грузами не должны были входить в Проливы одновременно. Скорость движения в Проливах по сравнению с Правилами 1982 г. для всех судов осталась прежней⁵⁷.

Таким образом, внося изменения в порядок судоходства через Черноморские проливы, турецкие власти ввели ограничения на свободу прохода через Проливы крупнотоннажных судов⁵⁸. Это касалось, прежде всего, кораблей с опасными грузами (нефтью и нефтепродуктами), что вызвало протест со стороны стран, заинтересованных в свободе судоходства через Проливы, — Греции, Кипра и, прежде всего, России.

Уже 24 марта 1994 г. на заседании КБМ российская делегация заявила, что представленный Турцией текст нового Регламента противоречит Конвенции Монтрё 1936 г. и некоторым международным правилам⁵⁹. Российский МИД заявил в меморандуме от 30 июня 1994 г., что военно-морские силы и торговые суда России при проходе через Проливы будут выполнять лишь те положения Регламента, которые не противоречат международному праву и решениям международных организаций⁶⁰.

В итоге Турции пришлось скорректировать свою позицию относительно введения новых Правил судоходства в Проливах. Это показывает, что в связи с ускоренным вводом в действие Регламента Турция не реализовала в полной мере требования КБМ. На ноябрьской Ассамблее ММО в 1997 г. Турция заявила о своей готовности пересмотреть Регламент 1994 г. с учетом мнения ряда стран, включая Россию. 6 ноября 1998 г. в Анкаре был опубликован измененный текст *Национального регламента судоходства в проливной зоне*. Одновременно был упразднен действующий Регламент 1994 г. Новый Регламент уже не содержит некоторых положений, затрудняющих проход крупных нефтеналивных танкеров, но сохраняет за турецкими властями право в определенных случаях приостанавливать движение через Проливы танкеров и крупнотоннажных судов (ст. 20–21, 26)⁶¹.

Дискуссии по поводу принятия Турцией Регламента о судоходстве в 1994 г. показали, что в турецкой и российской трактовках контрольных функций Турции в Проливах имеются разночтения. Со стороны Турции было продемонстрировано желание усилить свой контроль в Проливах, стараясь при этом не выходить чрезмерно за рамки Конвенции Монтрё. В значительной степени это было связано с небезграничной пропускной возможностью Черноморских проливов и реальными основаниями для Турции беспокоиться за безопасность своей территории из-за участившихся аварий. По мнению России, режим Проливов определяется, в том числе, и их международным статусом, в рамках которого делегирование Турции суверенитета над Проливами не означает предоставления ей права вносить изменения в режим судоходства без предварительного обсуждения этого вопроса с остальными участниками Конвенции Монтрё. Компромиссный вариант нового Регламента до некоторой степени смягчил проблему транспортировки российской нефти, однако дальнейшая политика Турции по ограничению транзита нефти через Проливы в 1998–2004 гг. показала, что на самом деле ситуация осталась далекой от завершения.

II. Проблема обходных нефтепроводов

На современном этапе Проливы стали не только важной водной артерией в мировой торговле, но и серьезным фактором в перспективных планах по сооружению трубопроводов для прокачки нефти в страны Европы. В 1990-х гг. значительно увеличились объемы поставки нефти из Казахстана и с Каспийского моря. В результате в ноябре 1999 г. в Стамбуле президентами Турции, США, Азербайджана и Грузии было подписано соглашение о строительстве нефтепровода (НФП) Баку — Тбилиси — Джейхан (Турция) (БТД). Данный проект был направлен на то, чтобы уменьшить

привязку Турции к российским нефтепроводам, а также (что немаловажно) снизить нагрузку на Черноморские проливы. 13 июля 2006 г. нефтепровод Баку — Джейхан был сдан в эксплуатацию.

Таким образом, политика Анкары, помимо стремления диверсифицировать пути транспортировки энергоресурсов, объясняется желанием усилить значение Турции как транзитной страны. Это позволяет обеспечить полную загрузку нефтепровода Баку — Джейхан и облегчает поставки нефти в страны Европы, поскольку в этом случае каспийская нефть потечет сразу к побережью Средиземного моря (минуя Черное). Ключевую роль в этом должны сыграть НПФ БТД и порт Джейхан, расположенный на средиземноморском побережье Турции и способный замкнуть на себе нефть из Баку, Киркука (Ирак) и Самсуна (черноморский порт Турции).

Переориентация транзита нефти не вполне соответствует российским интересам, поскольку в отличие от трубопровода, который жестко привязывает Россию к турецкому рынку, морской транзит позволяет транспортировать нефть в любую точку мира. Босфор и Дарданеллы играют здесь особую роль, во-первых, позволяя России получать дополнительную прибыль за транзит азербайджанской и казахстанской нефти и, во-вторых, являясь удобным путем на западные рынки⁶². Переориентация своего нефтетранзита на Балтику для России также невыгодна ввиду ограниченных возможностей местных терминалов и низкой пропускной способности Балтийских проливов⁶³.

В 2004 г. Турция предложила России проект компромиссного НПФ Самсун — Джейхан, который, обеспечивая загрузку НПФ Баку — Новороссийск, перенаправлял через турецкую территорию до 60–70 млн. тонн нефти (приблизительно от трети до половины ежегодного нефтепотока через Босфор и Дарданеллы). Корректировка Турцией Конвенции Монтрё в сторону ужесточения режима Проливов для судов с опасными грузами привела к тому, что в августе 2009 г. Россия была вынуждена принять турецкое предложение (хотя раньше правительство РФ отказывалось от него)⁶⁴.

Таким образом, в современных условиях (при явной неразработанности экономического блока Монтрё) Конвенция о режиме Проливов 1936 г. становится для Турции эффективным инструментом для изменения путей транспортировки нефти. Тем не менее, проблемы остаются. Так, порт Джейхан оборудован по последнему слову техники. Однако пока неясно, способен ли он эффективно и *без сбоев* принимать нефть сразу из трех крупнейших нефтепроводов. Нельзя также забывать, что Россия не отказывается от использования Проливов, которые, с географической точки зрения, являются для нее более удобным путем доставки энергоресурсов⁶⁵.

III. Военные аспекты режима Босфора и Дарданелл

При принятии правил судоходства в 1994 и 1998 гг. статьи, касающиеся прохода военных кораблей через Проливы, не затрагивались. Турция заинтересована в сохранении военного режима Конвенции, позволяющего ей достаточно свободно толковать правила прохода военных кораблей через Проливы. Ввиду этого Анкара старается соблюдать постановления военных статей Монтрё. Об этом говорит политика Турции на Черном море в период грузино-югоосетинского конфликта в августе-сентябре 2008 г., которую следует признать вполне соответствующей «духу Монтрё». Об этом говорят:

1. Та осторожность, с которой Турция отнеслась к просьбе правительства США о пропуске американских военных кораблей с грузом гуманитарной помощи через Проливы. Помимо чисто политических соображений (нежелание быть втянутой в конфликт между Россией и НАТО в связи с характером перевозимых грузов), турецкое правительство исходило из ст. 25, где декларировано, что положения Конвенции Монтрё не должны наносить ущерба какой-либо из стран, ее подписавших⁶⁶.

2. Тот факт, что политика Турции на Черном море в качестве государства — члена альянса не носила провокационного характера по отношению к России. Нарращивание в период августовского кризиса черноморской группировки НАТО и участие в ней Турции осуществлялось в рамках ежегодных учений альянса в Черном море, а разрешение на проход кораблей НАТО через Босфор и Дарданеллы было дано Турцией за два месяца до грузино-югоосетинского конфликта.

3. Отсутствие формальных протестов России к условиям прохода и пребывания кораблей НАТО в Черноморском бассейне, а также вывод из Черного моря «Постоянной морской группы НАТО № 1» после трехнедельного пребывания. Это говорит о том, что проход через Проливы и условия пребывания в Черном море боевых кораблей неприбрежных стран осуществлялся в соответствии со ст. 13, 14, 18 Конвенции Монтрё⁶⁷.

Таким образом, Турция добилась того, что исполнение ею союзнических обязательств в отношении НАТО не нанесло ущерба ее взаимоотношениям с Россией⁶⁸. За последнее время внешняя политика Турции в рамках взаимоотношений Россия — Турция — НАТО приобретает все более *равновекторный* характер. Об этом говорит стремление России и Турции решать вопросы безопасности на Черном море совместными усилиями при помощи существующих черноморских организаций — Черноморская группа ВМС «Блэксифор», программа «Черноморская гармония», сотрудничество в рамках Организации Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС)⁶⁹. В 2006 г., участвуя в средиземноморской программе НАТО «Активные усилия» (организована в 2001 г. для борьбы с терро-

ризмом и пр.), Российская Федерация и Турция наложили вето на предложение США о распространении этой программы на Черное море⁷⁰. Причиной этого послужили опасения двух государств возможной ревизии Конвенции в случае усиления позиций США на Черном море.

Таким образом, Конвенция Монтрё сыграла во многом ключевую и одновременно сложную роль в российско-турецких отношениях. Объяснялось это тем, что взгляды двух этих государств на Конвенцию 1936 г. были разными. Так, СССР, несмотря на официальные идеологические доктрины, являлся наследником геополитической традиции Российской империи, что выражалось в формуле: «Черное море — это закрытое советско-турецкое озеро». Выработка турецкой внешнеполитической концепции происходила сложнее. Прошло немало лет, прежде чем Турция из *проливного государства* превратилась в *черноморскую державу* (этот процесс мы наблюдаем последние десять лет). В самом же начале республиканского периода Турция, с трудом отстояв свое право на существование, рассматривала Конвенцию Монтрё прежде всего как *расширение зоны своей национальной безопасности*. Безопасность самого Черного моря в связи с этим отодвигалась на второй план, а ключевую роль приобретала политика лавирования между ведущими державами. Это исключало возможность совместного с СССР контроля над Проливами, поскольку грозило Турции частичной потерей суверенитета, а также ставило вопрос *о ее компетентности как регулятора Проливов*. Вот почему сопротивление турецкой дипломатии советским требованиям в 1945–1946 гг. носило столь принципиальный характер, а отказ СССР от своих планов привел в итоге к нормализации советско-турецких отношений.

Россия и Турция не заинтересованы в ревизии военных статей Конвенции Монтрё, гарантирующих им преобладание в Черноморском регионе, и выступают с рядом инициатив, ограничивающих роль НАТО в Черном море. Что же касается экономического раздела Монтрё, то именно его слабая проработанность не исключает возможность поднятия вопроса о пересмотре экономических статей Конвенции 1936 г. Это не соответствует желанию России, но в определенной степени отвечает интересам Турции, поскольку свобода торгового мореплавания создает для нее много проблем. В то же время многие в Турции опасаются, что пересмотр Монтрё может в итоге поставить вопрос о суверенитете Турции над Черноморскими проливами⁷¹. К тому же за последние пятнадцать лет Турция доказала, что может ограничить свободу судоходства через Проливы, не выходя чрезмерно за рамки Конвенции. Всё это позволяет сделать вывод, что в ближайшее время вопрос о пересмотре экономических статей Конвенции Монтрё не будет поставлен на повестку дня.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВН — авианосцы
ВКР — военные корабли
ВМБ — военно-морская база
ВМС — военно-морские силы
КБМ — комитет по безопасности на море ММО ООН
ММО — Международная морская организация ООН
НФП БТД — нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан
НЧВКР — нечерноморские военные корабли
НЧМГ — нечерноморские государства
ЧВКР — черноморские военные корабли
ЧМГ — черноморские государства
ЧФ СССР — Черноморский флот СССР

Примечания

¹ См.: Договор между Россией и Турцией 16 марта 1921 г. Приложение // Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. М., 2006, с. 215–220.

² Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999, с. 376.

³ Конвенция касательно режима проливов. Лозанна. 24 июля 1923 года // Международные отношения и внешняя политика СССР. Сборник документов (1871–1957). М., 1957, с. 84–87. Несмотря на то что советский представитель на конференции в Лозанне Н. И. Иорданский подписал Лозаннскую конвенцию о режиме в Проливах, СССР не ратифицировал ее. Возможно, что, ознакомившись более внимательно с представленным проектом, руководство СССР решило не связывать себя и при первой возможности поставить вопрос о пересмотре конвенции.

⁴ Россия и черноморские проливы, с. 405.

⁵ Так, советской и британской делегациями была достигнута договоренность об ограничении общего тоннажа НЧВКР до 30 тыс. тонн и доведения его до максимального уровня в 45 тыс. тонн в случае увеличения численности Черноморского флота СССР (ЧФ СССР). Советская сторона также добилась права прохода ЧВКР через Проливы без ограничений, но с предварительным оповещением Турции. Последнее было принципиальным требованием Анкары, опасавшейся возросшей с конца 1920-х гг. мощи ЧФ СССР. Уступки, сделанные англичанам, были непринципиальны и заключались в открытии Проливов для НЧВКР в том случае, если последние шли в Черное море с гуманитарными целями (оказание помощи жертве агрессии). Однако и в этом случае требовалось согласие *всех* ЧМГ, что делало Черное море практически закрытым.

Интересен и тот факт, что на конференции поддержку СССР относительно предоставления ЧМГ права свободного прохода через Проливы оказали ближайшая на тот момент союзница Великобритании — Франция, а также Румыния, Болгария и Югославия. Именно эти страны выступили совместно с СССР про-

тив британского проекта (поддержанного Турцией) о равных правах ВМС ЧМГ и НЧМГ в отношении прохода через Проливы. Это создавало не только прямую угрозу для СССР, но потенциальную опасность для прибрежных к Черному морю балканских стран. Позиция Франции объяснялась желанием обеспечить на случай войны постоянное морское сообщение с черноморскими государствами, связанными с Францией союзными договорами, — СССР, Югославией и Румынией. Это показывает, что на конференции в Монтрё расклад сил определялся не сложившимися коалициями (Великобритания — Франция, СССР — Турция), а существовавшими на тот момент геополитическими интересами.

⁶ При этом положениями ст. 21 (абзацы 3 и 4) предусматривалось, что в случае, если большинство стран — участниц Конвенции Монтрё сочтет действия Турции необоснованными, последняя должна отказаться от применения ст. 20.

⁷ Конвенция о режиме Проливов 20 июля 1936 г. Монтрё (Швейцария). Приложение // Турция между Европой и Азией. М., 2001, с. 520–526.

⁸ Россия и черноморские проливы, с. 235.

⁹ Поцхверия Б. М. Турция между двумя мировыми войнами. М., 1992, с. 224–228. Формой отказа Турции от дальнейших переговоров с СССР послужил «откровенный» разговор министра иностранных дел Турции Т. Р. Араса с главой британского внешнеполитического ведомства А. Иденом в октябре 1936 г. В ходе этой беседы британская сторона получила полную информацию о предмете советско-турецкого диалога. Естественно, что после этого английская дипломатия направила усилия на то, чтобы предотвратить заключение советско-турецкого соглашения, что «вынудило» Турцию отказаться от него.

¹⁰ Соглашение о коллективных мерах борьбы с пиратскими действиями в Средиземном море было подписано 14 сентября 1937 г. в Нионе (Швейцария). Оно предусматривало борьбу против подводных лодок Германии и Италии, которые после военного мятежа генерала Ф. Франко в Испании (17–18 июля 1937 г.) приступили к блокаде Испанской республики. Инициатива заключения соглашения принадлежала Великобритании и Франции, поскольку пиратские действия итало-германского подводного флота наносили ущерб английским и французским судоходным компаниям. Пресечения этих действий также настойчиво требовала английская и французская общественность. Соглашение было подписано представителями СССР, Турции, Великобритании, Франции, Греции, Югославии, Румынии, Болгарии и Египта. Государства, подписавшие Нионское соглашение, обязались защищать своими военно-морскими силами торговые суда «всех стран, не участвующих в войне в Испании». Военно-морским флотам Великобритании и Франции поручалось обеспечение безопасности мореходства в Средиземном море вплоть до Дарданелл (далее начиналась зона ответственности Турции). Соглашение устанавливало также специальный порядок плавания в Средиземном море подводных лодок и торговых судов договаривающихся стран. В результате выполнения Нионского соглашения нападения на торговые суда в Средиземном море почти полностью прекратились.

¹¹ СССР и Турция. 1917–1979 гг. М., 1979, с. 144.

¹² Решение Италии было принципиально важно для Турции, поскольку ее территория в случае итало-турецкого конфликта легко могла оказаться под ударом итальянских военно-морских сил (ВМС), базой которых могли стать Додеканезские о-ва, расположенные вблизи турецкого побережья.

¹³ Знаком желания турецкой стороны к сближению с Советским Союзом стала информация, полученная советским посольством в Анкаре от Ш. Сараджоглу о германском предложении Турции заключить двусторонний договор о Проливах. Таким образом, зеркально повторилась ситуация октября 1936 г.

¹⁴ Лаврова Т. В. Черноморские проливы. Исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1999, с. 31–35.

¹⁵ СССР и Турция, с. 152.

¹⁶ Там же, с. 154.

¹⁷ Лаврова Т. В. Указ. соч., с. 45.

¹⁸ Гасанлы Дж. СССР — Турция. Полигон холодной войны. Баку, 2005, с. 50.

¹⁹ Накануне поездки Ш. Сараджоглу в Москву Турция 19 сентября 1939 г. парафировала англо-франко-турецкий договор о взаимопомощи.

²⁰ Поцхверия Б. М. Указ. соч., с. 75.

²¹ Там же, с. 76.

²² «Монтрё» — краткое название конвенции о Проливах 1936 г., нередко употребляемое в исследованиях по проблеме Черноморских проливов в новейшее время. Для краткости это выражение будет периодически применяться и в настоящей статье.

²³ См. например: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон, 1989; Лаврова Т. В. Указ. соч., с. 52–64.

²⁴ Поцхверия Б. М. СССР и Турция в годы Второй мировой войны // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. М., 2010, с. 357.

²⁵ Опасения В. М. Молотова были небеспочвенны. По данным армянского исследователя Р. С. Корхмазяна, для Германии вопрос о войне с Турцией в течение осени 1940 г. оставался открытым. Только в ноябре 1940 г. решено было отказаться от южного варианта войны против СССР (через Кавказ и Малую Азию). См.: Киреев Н. Г. Глава 11. Советский Союз и Турция (1941–1945) // СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М., 2010, с. 387.

²⁶ СССР и Турция, с. 165.

²⁷ Поцхверия Б. М. СССР и Турция в годы Второй мировой войны, с. 358. Местом будущей советской морской базы был избран турецкий порт Зонгулдак в Юго-Западном Причерноморье, находящийся в шаговой доступности от Босфора.

²⁸ СССР и Турция, с. 167–168.

²⁹ Турцией была нарушена ст. 19 (абзац 2), запрещающая пропуск через Проливы ВКР воюющей страны (за исключением оказания помощи государству, ставшему жертвой агрессии, согласно договору о взаимопомощи). Была нарушена также ст. 25, в которой отмечалось, что ни одно из постановлений Конвенции не должно наносить ущерба какой-либо из держав, ее подписавших. Действия Турции вытекали из оценки критического положения Советского Союза на первом этапе войны, а также ввиду присутствия германских войск в Болгарии и Греции. Все это, конечно, не снимает ответственности Турции за нарушение положений Конвенции Монтрё в период войны.

³⁰ Подробное о фактах пропуска Турцией германских ВКР во время Великой Отечественной войны см.: Киреев Н. Г. История Турции. М., 2007, с. 243–244;

Пощверия Б. М. СССР и Турция в годы Второй мировой войны, с. 360–361; Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М., 1948, с. 225.

³¹ Конференция в Тегеране была призвана разработать окончательную стратегию борьбы против Германии и ее союзников. Основным вопросом было открытие Второго фронта в Западной Европе (во Франции). На конференции были также намечены контуры послевоенного устройства мира, отвергнута т. н. «балканская стратегия» Великобритании (открытие Второго фронта на Балканах), было достигнуто определенное единство взглядов по вопросам обеспечения безопасности и прочного мира.

³² Документ № 57. Запись 2-го заседания глав правительств. 29 ноября 1943 г.; Документ № 62. Запись 4-го заседания глав правительств. 1 декабря 1943 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. 28 ноября — 1 декабря 1943 г. М., 1978, с. 127, 158.

³³ Там же, с. 141.

³⁴ И. В. Сталин — У. Черчиллю, 15 июля 1944 г. // Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1989, с. 278.

³⁵ Ялтинская (Крымская) конференция согласовала основные позиции СССР, Великобритании и США по послевоенному устройству мира.

³⁶ По предложению У. Черчилля на конференции было решено, что последней датой для объявления войны Германии является 1 марта 1945 г. После объявления Турцией войны Германии (23 февраля 1945 г.) Турция от имени держав-победительниц официально получила приглашение на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско.

³⁷ Документ № 19. Запись заседания глав правительств. 10 февраля 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборники документов. Т. 3. Крымская конференция руководителей трех союзных держав. 4–11 февраля 1945 г. М., 1979, с. 216–217.

³⁸ Формально срок договора истек 18 декабря 1945 г.

³⁹ Лаврова Т. В. Указ. соч., с. 77–78.

⁴⁰ Согласно заявлению С. Сарпера, точка зрения турецкого правительства по вопросу заключения нового договора состояла в следующем. Как минимум Турция предлагала заменить денонсированный договор договором такого же характера. Как максимум можно было заключить союзный договор, который предусматривал бы союз между Турцией и СССР против агрессии какой-либо европейской или средиземноморской державы. В случае войны СССР с какой-либо европейской державой Турция брала на себя обязательства не пропускать через Проливы сухопутные и морские силы этой державы. С. Сарпер также отметил, что Конвенция Монтрё может быть пересмотрена в будущем на международной конференции, где СССР и Турция будут выступать *с единой позицией, как союзники* (выделено мной. — А. Б.). См.: Родионов А. А. Турция: перекресток судеб. Воспоминания посла. М., с. 22.

⁴¹ Конференция держав-победительниц проходила в Потсдаме (пригороде Берлина) и была посвящена определению дальнейших шагов по послевоенному уст-

ройству Европы. Потсдамская конференция стала последней встречей «большой тройки» — руководителей СССР, Великобритании и США.

⁴² Документ № 13. Запись 6-го заседания глав правительств. 22 июля 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник договоров. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав. 17 июля — 2 августа 1945 г. М., 1980, с. 145.

⁴³ Документ № 16. Запись 7-го заседания глав правительств. 23 июля 1945 г. Предложение Г. Трумэна от 22 июля 1945 г. о военной и торговой нейтрализации Проливов // Там же, с. 1, 159–161.

⁴⁴ Лаврова Т. В. Указ. соч., с. 87.

⁴⁵ Протокол Берлинской конференции трех великих держав. 1 августа 1945 г. XVI. Черноморские проливы // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник договоров. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав. 17 июля — 2 августа 1945 г., с. 477.

⁴⁶ Лаврова Т. В. Указ. соч., с. 89–90.

⁴⁷ В 1942–1946 гг. Ш. Сараджоглу возглавлял правительство Турции.

⁴⁸ Советская нота турецкому правительству от 7 августа 1946 г. свидетельствовала, что требования СССР в вопросе о Проливах остались неизменными: свобода торгового и военного мореплавания через Проливы (последнее только для ЧВКР), запрет допуска НЧВКР в Черное море, кроме особых случаев (каких именно — не уточнялось); передача обороны Проливов в компетенцию СССР и Турции; контроль над режимом Босфора и Дарданелл переходил под ответственность Турции и черноморских государств. См.: Миллер А. Ф. Указ. соч., с. 224.

⁴⁹ Нота МИД СССР от 24 сентября 1946 г. была ответом на турецкую ноту от 22 августа 1946 г. В этой ноте правительство Турции заявляло, что требование СССР о совместной обороне Проливов затрагивает суверенитет Турции и угрожает ее безопасности. В ответной ноте правительство СССР утверждало, что требования СССР, имеющего на Черном море самую протяженную границу, вытекают из его жизненных интересов, а также соответствуют интересам безопасности черноморских стран, в том числе и самой Турции. При этом не исключено, что руководство СССР все же оставляло возможность для продолжения советско-турецкого диалога. Об этом говорит отсутствие в сентябрьской ноте 1946 г. *прямых обвинений* Турции в нарушении конвенций о закрытом режиме Проливов в период Первой мировой войны (пропуск в октябре 1914 г. в Черное море германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау») и не столь резкий тон обвинений в конце ноты в отношении политики Турции на Черном море в 1941–1944 гг. См.: В Министерстве иностранных дел СССР. О Черноморских проливах («Известия», № 229 (9145), 28 сентября 1946 г.) // Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. М., 1952, с. 193–202. Последним ответом Турции на советские ноты по вопросу о Черноморских проливах явилась пространная нота от 18 октября 1946 г. В этом документе, как и в остальных, отвергались претензии и упреки, высказанные советской стороной относительно случаев неисполнения турецким правительством своих функций по контролю над режимом Проливов в годы войны. СССР оставил эту ноту без ответа. Советское правительство не потребовало также созыва кон-

ференции по пересмотру Конвенции Монтрё, а когда наступил срок окончания ее действия, не сообщило об аннулировании конвенции. Таким образом, Конвенция Монтрё действует до сих пор.

⁵⁰ Данные об этом приводятся в исследовании Т. В. Лавровой на основе книги Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» (М., 1991). При этом Т. В. Лаврова обращает внимание на возможную субъективность оценок Ф. Чуева. Учитывая это, мы приводим выдержки из разговоров Ф. Чуева с В. М. Молотовым. Далее по книге: «Отвечая на вопросы Чуева, В. М. Молотов говорил: “Предъявили в конце войны туркам контроль над Дарданеллами, турки не пошли на это, и союзники не поддерживали. Это была наша ошибка”» (31.07.1972, 15.08.1975). И далее: «Я ставил вопрос о контроле над проливами стороны нас и Турции. Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили. Я поставил этот вопрос в 1945 г., после окончания войны. Проливы должны быть под охраной Советского Союза и Турции. Это было несвоевременное, неосуществимое дело. Сталина я считаю замечательным политиком, но у него тоже были свои ошибки» (24.07.1978). «Были у нас претензии на турецкие земли. Грузинские выступили ... Неловко это было» (28.08.1982). «В последние годы Сталин немножко стал зазнаваться, и мне во внешней политике приходилось требовать то, что Милюков требовал — Дарданеллы! Сталин: “Давай нажимай! В порядке совместного владения”. Я ему: “Не дадут”. — “А ты потребуй!”» (30.09.1981). См.: Лаврова Т. В. Указ. соч., с. 103–104.

⁵¹ В 1953–1955 гг. В. М. Молотов вновь возглавил советское внешнеполитическое ведомство.

⁵² Лаврова Т. В. Указ. соч., с. 104.

⁵³ Конвенция о режиме Проливов 20 июля 1936 г., Монтрё (Швейцария). Приложение II, В, п. 2 // Турция между Европой и Азией, с. 530.

⁵⁴ В 1970–80-х гг. произошло фактическое оформление негласной поправки к Конвенции Монтрё, разрешающей проход АВН через Проливы. Это объяснялось: 1) нежеланием Турции осложнять отношения с СССР, а также прецедентным правом, которое использовалось турецким правительством в случае отсутствия в Конвенции четких формулировок по тому или иному вопросу; 2) развитием военно-морских вооружений, не предусмотренных Конвенцией 1936 г.; 3) заинтересованностью США в сохранении существующих постановлений Монтрё, поскольку это позволяло американскому правительству (при помощи Турции) оказывать влияние на положение дел в Черном море.

⁵⁵ Первые попытки ограничить коммерческий транзит через Проливы были предприняты турецким правительством еще в 1920-х гг.

⁵⁶ Напряженную ситуацию на Босфоре в конце 1970-х — начале 1980-х гг., связанную с оживленным и хаотичным движением судов, отмечал посол СССР в Турции в 1974–1983 гг. А. А. Родионов. См.: Родионов А. А. Турция: перекресток судеб. Воспоминания посла, с. 107–108.

⁵⁷ Maritime Traffic Regulations for the Turkish Straits and the Marmara Regulations // Turkey Almanac. Ankara, 1995, с. 172–185.

⁵⁸ Таким образом, Регламент о судоходстве, принятый Турцией 1 июня 1994 г., касался уже *всех* торговых судов, следующих через Проливы (ранее ограничения касались, главным образом, турецкого торгового флота).

⁵⁹ Ст. 21 (абзацы 3 и 4) и ст. 24 Конвенции Монтрё сохраняют некоторые элементы международного контроля над военным и торговым судоходством в Проливах.

⁶⁰ <http://www.ia-centr.ru/archive/comments/&486.html?id=665>. Турецкий регламент 1994 г. противоречил первым трем статьям Конвенции Монтрё, предусматривающих свободу торгового судоходства через Проливы, и элементам международного контроля над Босфором и Дарданеллами в 24-й статье Конвенции. Согласно же ст. 29 пересмотр постановлений Монтрё может осуществляться только на международной конференции стран, подписавших Конвенцию (ст. 29).

⁶¹ <http://www.nefte.ru/trubo/trubo32.htm>.

⁶² Следует также отметить, что старый маршрут Баку — Новороссийск (и далее морским путем через Проливы) более экономичен даже с учетом ремонта этого трубопровода.

⁶³ Тем не менее, Россия предприняла усилия, чтобы частично разгрузить Проливы и избавиться от односторонней привязки к ним. 15 марта 2007 г. Россией, Болгарией и Грецией было заключено соглашение о строительстве нефтепровода Бургас — Александруполис (Трансбалканский НФП). Подробнее о поиске путей транспортировки нефти, альтернативных транзиту через Проливы, см.: Болдырев А. В. Черноморские проливы во внешней политике Турции и России в 1992–2008 гг. // Ближний Восток и современность. № 40. М., 2009.

⁶⁴ Бингол Х. Ф. Россия и Турция: энергия сотрудничества. Взаимодействие в сфере энергетической политики. М., 2010, с. 58.

⁶⁵ Одной из последних инициатив Турции в рамках Черноморского сотрудничества стало заявление турецкой делегации на заседании Парламентской Ассамблеи стран Организации Черноморского Экономического Сотрудничества (ПА-ОЧЭС), состоявшегося в конце ноября 2009 г., об объявлении Черного моря зоной экологического пространства. Заявление это является продолжением политики Турции по изменению путей транзита энергоресурсов, а следовательно, затрагивает интересы России.

⁶⁶ Конвенция о режиме Проливов 20 июля 1936 г., Монтрё (Швейцария) // Турция между Европой и Азией, с. 257.

⁶⁷ Там же, с. 523–524.

⁶⁸ Подробнее о значении Конвенции Монтрё в период грузино-югоосетинского конфликта см.: Болдырев А. В. Политика Турции на Черном море в период грузино-югоосетинского конфликта (август–сентябрь 2008 г.) // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. М., 2010.

⁶⁹ Подробнее о деятельности ОЧЭС, а также внешне- и внутривосточной ситуации в Черноморском регионе см.: Безопасность России. Черноморский регион. М., 1997.

⁷⁰ Оган С. Влияние внутривосточных факторов на формирование российского направления в турецкой внешней политике в условиях глобализации (1991–2007). 23.00.04. Политические проблемы международных отношений глобального развития (политические науки). Дисс. канд. полит. наук. М., 2009, с. 169.

⁷¹ Эту ситуацию довольно точно охарактеризовал турецкий политолог Менсур Актю. «Пересмотр во многом в техническом плане устаревшей конвенции, — подчеркивает М. Актю, — может вызвать нежелательные и неожиданные для обеих стран (России и Турции. — А. Б.) последствия. Турция, недовольная

ст. 2 (свобода торгового судоходства через Проливы. — *А. Б.*), может добиться ограничения свободы прохода через Проливы для судов иностранных государств, но будет вынуждена передать полученное в 1936 г. право регулировать условия прохода Международной морской организации (ММО). Принимая во внимание динамику развития международного права после Второй мировой войны, представляется весьма высокой и вероятностью беспокоящей Россию отмены ограничений по типу, вооружению и тоннажу военных кораблей. Другими словами, *любые* (выделено мной. — *А. Б.*) изменения Конвенции Монре́ неизбежно несут ущерб интересам и России, и Турции. Вот поэтому между двумя странами существует общность интересов, пусть вслух о ней и не говорят. Ее нужно бережно хранить». См.: Акгюн М. Черноморские проливы — незримые связи // Российско-турецкие отношения. История, современное состояние и перспектива. М., 2004, с. 45.

Е. И. Уразова

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ В АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

В российско-турецких экономических связях в последние десятилетия центральное место принадлежит сотрудничеству в энергетике, которая, в силу недостаточно развитой местной ресурсной и производственной базы, остается одним из наиболее слабых звеньев турецкой экономики. Одним из показателей отставания Турции в этой области может служить низкий уровень среднедушевого потребления электроэнергии: в 2003 г. он составлял 1656 кВт/ч против 2456 кВт/ч в среднем в мире, а по сравнению с развитыми странами лишь 20%¹.

Начало энергетическому сотрудничеству наших стран было положено в 70-х гг. и получило дальнейшее развитие в 80-е и последующие годы. Российско-турецкое экономическое сотрудничество, развернувшееся в 70-е гг., было увязано с выполнением турецкой государственной программы промышленного строительства. Тогда в Турции при участии и техническом содействии Советского Союза был построен нефтеперерабатывающий завод в Алиага (под Измиром), создавались тепловые и гидроэлектростанции, линии электропередач, осуществлялись поставки электроэнергии. Энергетическое сотрудничество наших стран приобрело новое направление в 80-е гг., после прихода к власти Партии Отечества, которое возглавил Т. Озал. Этот выдающийся турецкий лидер, до того как стать политиком, несколько лет проработал в Управлении электрификации Турции и хорошо понимал важность для своей страны, небогатой углеводородным сырьем, обеспеченности энергоресурсами как первостепенного фактора догоняющей модернизации. Одним из первых шагов возглавленного им правительства было заключение соглашения с Советским Союзом о строительстве ветки трансъевропейского газопровода в Турцию для поставки природного газа. Эти поставки существенно возросли в середине текущего десятилетия после ввода в эксплуатацию газопровода «Голубой поток». Благодаря этому в последние десятилетия произошло значительное расширение товарооборота, получили развитие новые

направления российско-турецкого сотрудничества, что изменило не только его количественные показатели, но и качественное содержание. Но, как и прежде, в его основе оставалась энергетика.

В ходе визита в Турцию в декабре 2004 г. президента В. В. Путина была принята Декларация о дальнейшем расширении многопланового сотрудничества и укреплении дружбы между Россией и Турцией в целях создания масштабного и прочного партнерства. Тогда же на рассмотрение турецкой стороны был предложен пакет экономических проектов, в которых Россия могла бы участвовать и осуществлять, как отмечалось турецкой прессой, «стратегическое сотрудничество во всех областях»². Содержание пакета было главным образом связано с продолжением энергетического сотрудничества и его развитием как по традиционным направлениям (прокладка трубопроводов, строительство и реконструкция ГЭС, ТЭЦ и др. объектов), так и с выдвижением новых перспективных проектов. Наиболее важным было предложенное Россией и принятое турецким руководством участие в инвестиционных программах Турции, связанных с созданием атомной энергетики.

Следует сказать, что в Турции до сих пор не строились атомные станции, хотя вопрос о необходимости использования атомной энергии обсуждается в стране уже на протяжении более полувека. Еще в 1956 г. была создана комиссия по атомной энергии. В 1957 г. Турция вступила в МАГАТЭ. Вскоре в стране были созданы учебные и исследовательские центры по изучению атомной проблематики в Стамбуле (1962 г.) и в Анкаре (1967 г.). Строительство первой АЭС намечалось осуществить в период второго пятилетнего плана (1968–1972), в котором говорилось, что «будут изучаться возможности использования атомной энергии и осуществляться работы по созданию атомных электростанций»³. В период с 1967 по 1970 г. велись работы по технико-экономическому обоснованию проекта АЭС. С самого начала ее предполагалось создать на побережье Средиземного моря. Для этого была выбрана площадка в Аккую (уезд Гюльнар) рядом с административным центром и портом г. Мерсин, где должно было начаться строительство АЭС мощностью 300–400 тыс. МВт с вводом в строй в 1977 г. Одновременно разрабатывался проект второй АЭС мощностью 750 тыс. МВт, которую предполагалось сдать в эксплуатацию в 1987 г.⁴ Но оба эти проекта в силу разных причин, но прежде всего — отсутствия у Турции как необходимых для этого производственных возможностей, так и финансовых средств, — не были реализованы. В 1977 г. был объявлен международный тендер по АЭС Аккую, в котором приняли участие иностранные компании, но контрактные переговоры были прерваны, так как Турция во второй половине 70-х гг. в результате мирового энергетического кризиса и резкого повышения цен на нефть оказалась неплатежеспособной. В 4-м пятилетнем

плане (1979–1983) вновь говорилось о необходимости продолжать работы по созданию АЭС Аккую с тем, чтобы ввести ее в эксплуатацию в 1985 г., но реализовать эту установку также не удалось. Позже выдвигались новые сроки строительства, турецкая сторона изучала предложения по данному проекту, поступающие от местных и иностранных компаний, проводились тендеры (в 1983 и 1996 гг.), заключались контракты, но дело этим ограничивалось. Конкурентная борьба за турецкий ядерный рынок для ведущих энергетических компаний мира — США, Канады, Франции, Японии, Германии и др. — оставалась безуспешной. Это объяснялось нестабильностью экономического и политического положения в Турции в последние десятилетия XX в., а также тем, что выдвигавшиеся турецкой стороной условия, связанные как с обеспечением финансирования, так и с другими моментами строительства, оснащения и эксплуатации АЭС, вывозом радиоактивных отходов и т. д., были для западных компаний из-за высоких расходов и серьезных рисков неприемлемы. А для турецких властей заметным фактором в 80–90-х г. XX в., объяснявших их нерешительность относительно строительства АЭС, были негативный общественный настрой к данному атомному проекту, растущее протестное движение «зеленых», с которыми в сложной внутриполитической обстановке нельзя было не считаться. В начале текущего века, когда у власти находилось коалиционное правительство во главе с Б. Эджевитом, в связи с истечением срока лицензии проект АЭС Аккую был отменен и вместо него выдвинут проект создания АЭС в Синопе на Черноморском побережье. Но после прихода к власти правительства Партии справедливости и развития (ПСР), которая заявила о своих намерениях уделять первостепенное значение развитию энергетики, в том числе атомной, проект АЭС Аккую был возобновлен. Но и тогда проект АЭС оставался объектом общественной дискуссии. Платформа ее противников базировалась на двух основных аргументах: во-первых, слишком большие риски для окружающей среды и населения региона, во-вторых, высокая стоимость проекта⁵. К этому времени негативное общественное мнение по отношению к атомной энергетике в Турции еще более возросло после аварии на Чернобыльской АЭС, последствия которой частично затронули турецкую территорию. Страна продолжала использовать традиционные источники энергоносителей — местное и во все более возрастающей степени импортное углеводородное сырье. По данным на начало 2006 г., ее потребности в энергоресурсах обеспечивались на 38% нефтью, на 27% — лигнитом и каменным углем, на 23% — природным газом и на 12% — возобновляемыми источниками, преимущественно гидроэнергией⁶. Но если в 1970 г. потребляемое энергосырье обеспечивалось на 79% их внутренними источниками, то уже в 2004 г. — лишь на 27,8%⁷. Соответственно возрастали валют-

ные затраты по импорту углеводородов, особенно после скачка мировых цен на нефть после 2002 г.

Импорт в Турцию минерального топлива и минеральных масел*

2002 г.		2006 г.		2008 г.	
Млн. долл.	Уд. вес во всем импорте, %	Млн. долл.	Уд. вес во всем импорте, %	Млн. долл.	Уд. вес во всем импорте, %
9,204	17,9	28,859	20,4	48281	20,7

*Все виды углеводородного сырья и полуфабрикатов.

Источник: ТООБ. Ekonomik Rapor 2003. Ankara, 2004, с. 100, Ekonomik Rapor 2008, Ankara, 2009, с. 185.

По сравнению с 2002 г. валютные затраты Турции на импорт углеводородов в 2006 г. возросли в 3,1 раза, а в 2008 г. — в 5,2 раза, а их доля в стоимости всего импорта превысила 20%.

Чтобы как-то ограничить возрастание импортной зависимости, в Турции, по примеру многих государств Евросоюза и Ближнего Востока, стало уделяться повышенное внимание использованию возобновляемых источников энергии — гидро- и геотермической, солнечной, ветряной, энергии биомассы и др., потенциал которых в стране весьма значителен. Но, как показали подсчеты, даже если бы удалось с их помощью поднять производство электроэнергии, это не смягчило бы остроту проблемы энергоснабжения страны, учитывая существующие потребности и их прогнозируемый рост, связанный с быстрым развитием экономики и социальной сферы. Согласно опубликованным тогда оценкам, спрос на электроэнергию, равный в 2005 г. 160 млрд. кВт/ч, в 2020 г. достигнет 500 млрд. кВт/ч при ежегодном приросте в 7,9%, или же 405 млрд. кВт/ч при среднегодовом приросте в 6,8%⁸. Кроме того, учитывались и получившие к тому времени распространение прогнозы о том, что при нынешних масштабах потребления углеводородного сырья его запасы уже в обозримом будущем иссякнут. Анкальская торговая палата даже обнародовала оценки, согласно которым запасы нефти будут исчерпаны через 40 лет, а запасы природного газа — через 62 года⁹.

Ограниченность запасов ископаемого топлива, как и возросшие цены на него, ориентируют в настоящее время и развитые и развивающиеся страны на переход к широкому использованию как возобновляемых энергоисточников, так и ядерной энергии. Тем более что достигнут серьезный прогресс в техническом обеспечении безопасности работы атомных реакторов. Существенными моментами является и то, что вырабатываемая АЭС электроэнергия на 60–70% дешевле по сравнению с ТЭЦ, работаю-

цами на нефти и газе, и на 20–30% — работающими на угле, а также создание в последние годы в России и ряде других стран с развитой ядерной энергетикой модифицированных атомных реакторов на быстрых нейтронах, позволяющих сжигать 99% атомного топлива, при том, что одна заправка этим топливом может обеспечить работу АЭС в течение 60 лет. Тем самым должно быть существенно облегчено решение проблемы утилизации и хранения радиоактивных отходов, а энергия АЭС станет более чистой благодаря «сжиганию» в реакторах радиоактивных изотопов.

Вопросы, связанные с энергообеспечением в целом и использованием для этого ядерной энергетике, превращаются в середине 10-х гг. текущего века в одну из актуальных тем, обсуждаемых и в турецком парламенте, и в СМИ. Наряду с остротой проблемы энергоснабжения и роста зависимости от импорта энергоресурсов, к этому Турцию подталкивает высокий уровень развития ядерной энергетике во многих странах Евросоюза, а также наличие уже сооруженных или строящихся АЭС в соседних и сопредельных странах. Об этом говорилось, в частности, в статье турецкого публициста Ибрагима Кыбырлы, который, выступая в поддержку правительственных планов развития атомной энергетике, отмечал, что «ныне в 32 странах мира активно работают 239 АЭС, только в странах Евросоюза 32% потребностей в электричестве обеспечивается ее генерацией АЭС, а в мировом производстве электроэнергии этот показатель равен 18%»¹⁰. Создание атомных электростанций, по его словам, «обеспечит поступление дешевой электроэнергии и устранение ее дефицита, сокращение зависимости от ввоза топлива и облегчение бремени платежного баланса вследствие экономии валютных резервов»¹¹. Первоначально правительством ПСР была поставлена задача создать в стране 5 АЭС — 2 в регионе Восточного Черноморья и 3 — в Средиземноморском регионе¹². На 2007 г. было намечено приступить к строительству первого, а затем второго энергоблоков в Аккую, с тем чтобы уже в 2014 г. сдать АЭС в эксплуатацию и довести долю атомной энергетике до 10% в общем производстве электроэнергии, что приблизило бы Турцию к уровню потребления электроэнергии АЭС в странах Евросоюза¹³. Считалось, что продолжение строительства АЭС в последующий период 2016–2020 гг. поднимет долю АЭС в общей выработке электроэнергии до 14%¹⁴. Но эти планы, как вскоре оказалось, были далеки от реальных возможностей, а наступавший мировой финансово-экономический кризис еще более отодвинул сроки их реализации. 9 ноября 2007 г. турецким парламентом был принят закон № 5710 «О сооружении и эксплуатации АЭС и о продаже электроэнергии». Его обоснованием были необходимость диверсификации источников электроэнергии и снижение энергетической зависимости страны. Закон предусматривал привлечение к строительству АЭС зарубежных компаний, но при условии, что компания-подрядчик возьмет на себя не только со-

оружие АЭС, но и обеспечит для этого требуемые инвестиции и будет осуществлять его эксплуатацию. Началась подготовка к тендеру на строительство АЭС Аккую, который был назначен на 24 марта 2008 г. Предварительно заявки на участие в нем поступили от 13 местных и зарубежных компаний. Российская компания выступила на нем в лице смешанного консорциума «Интер РАО АЭС» с долей в 85% акционерного капитала и турецкой фирмы «Park Teknik» (15% капитала). Ею были предложены условия, отвечавшие не только требованиям турецкого законодательства, но и предоставлявшие турецкой стороне ряд дополнительных выгод, что практически исключило конкуренцию других компаний, в числе которых были американские «General Electric» и «Westinghouse Electric», канадская «AECL», южнокорейская «KEPCO». Российско-турецкий консорциум был объявлен победителем тендера, получив право на сооружение АЭС Аккую. С этим решением не согласились другие компании, требовавшие переноса торгов на новый срок. Результаты тендера были также опротестованы Союзом палат турецких архитекторов и инженеров, как якобы проведенные в нарушение существующих правил. Возглавляющий Союз Мехмет Сараджи обратился в Госсовет (высший административный суд Турции) с иском об отмене решения тендера как недействительного, ссылаясь на то, что были нарушены статьи 5, 7, 10 регламента проведения торгов, касающиеся выделения места для строительства АЭС и принципа формирования цены на производство электроэнергии. Иск был поддержан Госсоветом, решение состоявшегося тендера было приостановлено и предложено провести новый тендер. Но его сроки так и не были объявлены, так как это потребовало бы дополнительного времени и, по существу ничего не меняя, затянуло бы решение вопроса. Турецкое руководство устраивал результат тендера, по результатам которого право на строительство АЭС Аккую получил российско-турецкий консорциум. По заявлению министра энергетики и природных ресурсов Турции Танера Йылдыза, «турецкие власти решительно настроены на строительство АЭС, которого они добивались в течение последних 40 лет»¹⁵. По его же словам, «возможно, что решение о строительстве АЭС будет принято не на основе тендера — частично он может быть реализован с государственным участием»¹⁶. Дальнейший ход событий это подтвердил. Решение вопросов, связанных со строительством АЭС Аккую и его условий, достигалось непосредственно высшим руководством двух государств и ведомствами по атомной энергетике. Во время рабочего визита В. В. Путина 6 августа 2009 г. в Анкару госкорпорация «Росатом» и «Турецкое агентство по атомной энергии» (ТАЕК) подписали два важных соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Подобные соглашения Турция ранее заключила с США и ведущими странами ЕС, компании которых принимали в прошлом участие в турецких тенде-

рах по АЭС. В первом из соглашений была заложена правовая база российско-турецкого атомного взаимодействия по практически всем направлениям мирного сотрудничества в данной сфере, включая:

- научные исследования и разработки в области использования атомной энергии в мирных целях;

- проектирование, строительство, ввод в эксплуатацию и модернизацию; испытание и техническое обслуживание, а также вывод из эксплуатации энергетических и исследовательских реакторов;

- поставку ядерных материалов, а также предоставление услуг ядерного топливного цикла;

- разведку и разработку урановых месторождений;

- разработку, проектирование и производство компонентов и материалов, необходимых для использования в энергетических и исследовательских реакторах, включая регулирование деятельности в области ядерной и радиационной безопасности;

- ядерную безопасность, радиационную защиту, защиту окружающей среды, разработку планов действия в аварийных ситуациях и обращение с радиоактивными отходами;

- учет, контроль над ядерными материалами и физическую защиту ядерных и радиоактивных материалов, установок и радиоактивных источников;

- производство и применение изотопов.

Во втором соглашении говорилось об оперативном оповещении о ядерной аварии, об информации о ядерных установках. Оба соглашения заключены на 10 лет с последующей автоматической пролонгацией по истечении каждых 5 лет¹⁷. Этими соглашениями были заложены основы для развития сотрудничества России и Турции в ядерной отрасли.

14 января 2010 г., по итогам переговоров в Москве премьер-министров В. В. Путина и Р. Т. Эрдогана, министр энергетики Турции Танер Йылдыз и вице-премьер РФ И. И. Сечин подписали совместное заявление о взаимодействии в сооружении АЭС Аккую.

Российская сторона предложила построить в Аккую 4 энергоблока общей мощностью 4,8 тыс. МВт (по 1,2 тыс. МВт каждый) на основе проекта «АЭС-2006» — российской атомной станции с улучшенными технико-экономическими показателями, повышенной экологической защитой и усиленными характеристиками безопасности. Технология проекта была одобрена Турецким Агентством по атомной энергии.

Выступая на состоявшейся после этого пресс-конференции, В. В. Путин отметил следующие основные преимущества соглашения по данному проекту: Россия предлагает заказчикам АЭС Аккую полный комплекс услуг: кредитные ресурсы, оборудование, возможность участия местных компаний в выполнении общестроительной части; Россия поставяет

ядерное топливо и может забирать отработанное топливо для его утилизации. Комплексные услуги, по его словам, дают возможность России предлагать цены, гораздо более выгодные, чем у конкурентов¹⁸.

Принятые главами двух правительств решения были подтверждены на состоявшемся в Москве в марте 2010 г. заседании двусторонней правительственной комиссии. Проходившие переговоры экспертов двух стран по выработке текста окончательного документа и конкретных условий соглашения и, в частности, встретившееся с наибольшими трудностями согласование цены на электроэнергию будущей АЭС закончились лишь в начале мая, накануне официального визита в Турцию президента РФ Д. А. Медведева. Подготовленный документ получил одобрение правительств двух стран. 12 мая 2010 г. в Анкаре президентом Д. А. Медведевым и премьер-министром Р.Т. Эрдоганом было подписано межправительственное «Соглашение о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации АЭС на площадке Аккую в Турецкой Республике». По его условиям стоимость проекта составляет 20 млрд. долл.; срок окупаемости — 15–20 лет, срок эксплуатации — 60 лет. АЭС останется в собственности России; электроэнергия будет продаваться по цене в 0,1235 долл. за один кВт/ч с возможным повышением до 0,1538 долл. По этой цене 70% электроэнергии с двух первых блоков и 30% с третьего и четвертого блоков будет закупать турецкая компания «Tefas», остальную энергию АЭС будет реализовывать самостоятельно¹⁹. Комментируя подписанное соглашение, глава госкорпорации «Росатом» С. Кириенко особо отметил тот факт, что впервые Россия станет владельцем АЭС за рубежом. По его словам, ведутся переговоры о привлечении к участию в проекте иностранных инвесторов.

Соглашением предусмотрено создание в течение трех месяцев после его вступления в силу акционерного общества «Проектная компания», которая является владельцем АЭС. Первоначально 100% ее акций будет принадлежать прямо или косвенно организациям, уполномоченным российской стороной. Впоследствии общее количество таких акций не должно быть меньше 51%²⁰. Генеральным подрядчиком компании является ЗАО «Атомстройэкспорт», которое на этапе строительства будет привлекать для поставки необходимых товаров, услуг и выполнения работ турецкие фирмы и рабочую силу, а также обеспечивать бесплатное обучение турецких специалистов для эксплуатации будущей АЭС. В октябре 2010 г. состоялись переговоры российской и турецкой делегаций по вопросу о создании в Турции производства некоторых компонентов оборудования для АЭС. Предусмотрено также создание и эксплуатация в Турции мощностей по производству ядерного топлива с передачей российской стороной соответствующих технологий. Речь в данном случае, по-видимому, может идти не только о его ввозе, но и о использовании имеющих-

ся в Турции запасов урана, которые на начало текущего века оценивались в 8400 т. Кроме того, в недрах Турции имеется торий — его запасы оцениваются в 380 тыс. т²¹. В последние годы в стране ведутся активные работы по выявлению новых месторождений урана.

Во всех отношениях чрезвычайно выгодное для Турции соглашение от 12 мая 2010 г. было крайне негативно встречено противниками строительства АЭС. Единым фронтом выступили политическая оппозиция (включая влиятельную НРП) и западные иностранные компании, местные «зеленые» и противники российско-турецкого сотрудничества. Накануне ратификации соглашения в турецком парламенте, которая состоялась 15 июля 2010 г. и 19 июля была утверждена президентом А. Гюлем, в стране имела место попытка организовать протестную кампанию против строительства Россией АЭС Аккую, направленная на ее срыв. Соглашение от 12 мая было представлено как якобы противоречащее национальным интересам Турции. Одновременно активисты платформы «Мерсин против АЭС» и организация «Гринпис» провели в разных регионах страны мероприятия, целью которых была дискредитация не только заключенного соглашения, но и самого факта российско-турецкого сотрудничества в атомной энергетике²². В связи с этим министр энергетики и природных ресурсов Турции Т. Йылдыз в своем выступлении, незадолго до заседания парламента, на котором должен был рассматриваться этот вопрос, отметив важность строительства АЭС Аккую, заявил, что «силы, выступающие против этого проекта, управляются извне», и подтвердил намерение правительства в короткие сроки приступить к реализации данного проекта²³.

Ратификация соглашения в Госдуме РФ состоялась 29 ноября 2010 г., а в декабре развернулась организационная подготовка к выполнению проекта. В условиях изменения в неблагоприятную сторону финансовых возможностей России в связи с наступлением мирового кризиса сроки начала строительства АЭС с ноября 2010 г., как это раньше намечалось, были перенесены на 2013 г. Соответственно, были сдвинуты и сроки выполнения работ. Первый энергоблок планируется запустить в 2018 г. (первоначально — в 2016 г.), остальные три блока — с интервалом в год. Четвертый блок должен быть сдан в эксплуатацию в 2021 г. вместо первоначально намеченного 2019 г. В декабре 2010 г. ЗАО «Атомстройэкспорт» — генеральный подрядчик по строительству АЭС Аккую — провел в Турции масштабное совещание, на которое были приглашены представители промышленных предприятий и объединений турецкого бизнеса. Были заслушаны доклады и обсуждены вопросы, касающиеся достижений и возможностей России в атомной энергетике по созданию АЭС как в своей стране, так и в целом ряде стран мира, а также особенностей проекта АЭС Аккую, тех требований, которым должны отвечать участвующие в строи-

ке местные поставщики и субподрядчики²⁴. Привлечение к строительству АЭС Аккую турецких подрядных компаний, по словам гендиректора «Росатома» А. Локшина, может составить 25–30% в осуществлении строительных работ и может возрасти в их ходе²⁵. В соответствии с турецким законодательством была создана и зарегистрирована прибывшим в Турцию вице-премьером И. И. Сечиным «Проектная компания»; получен сертификат «Акционерным обществом по генерации электроэнергии АЭС Аккую».

Подводя итог вышеизложенному, следует считать несомненным успехом заключение российско-турецких соглашений по сотрудничеству в атомной энергетике и созданию первой в Турции АЭС. Оно послужит в предстоящие годы дальнейшему расширению и обогащению содержания российско-турецкого сотрудничества. Достигнутое соглашение выгодно обеим странам: для России обеспечивается выход на новый рынок для товаров и услуг одной из ее наиболее высокотехнологичных отраслей — атомной энергетике. Турция получит перспективный источник энергоснабжения, а привлечение к участию в строительстве АЭС турецких предпринимателей создаст дополнительный импульс повышению уровня и диверсификации национальной промышленности. Будут созданы новые предприятия и рабочие места, пополнятся ряды высококвалифицированных специалистов. Возрастет геополитическая роль Турции как регионального энергетического центра. Проект АЭС Аккую, наряду с другими энергетическими проектами, которые уже выполняются или в ближайшие годы будут выполняться в Турции при участии российских компаний (в сфере энергетике — это строительство нефтепровода Самсун — Джейхан, газопроводов «Голубой поток-2» и «Южный поток» и др.), станет важным вкладом в развитие регионального сотрудничества.

Примечания

¹ Eren A. *Türkiye Ekonomisi*. Ankara, 2006, с. 331.

² Sabah, 07.12.04.

³ DPT. *Kalkınma Planı. İkinci beş yıl 1968–1972*. Ankara, 1967, с. 559.

⁴ DPT. *Dördüncü beş yıllık kalkınma planı 1979–1983*. Ankara, с. 403, 408.

⁵ *Hürriyet*, 09.12.07.

⁶ *Zaman*, 26.01.06.

⁷ Eren A. Указ. соч., с. 335.

⁸ *The New Anatolian*, 06.04.05.

⁹ Там же.

¹⁰ *Zaman*, 26.01.06.

¹¹ Там же.

¹² *Istanbul Ticaret*, 14.01.06.

- ¹³ Zaman, 26.01.06.
- ¹⁴ The New Anatolian, 06.04.05.
- ¹⁵ Время новостей, 11.11.09.
- ¹⁶ Время новостей, 23.11.09.
- ¹⁷ <http://www.gerkramak.org/210/07/07>
- ¹⁸ <http://www.atominfo.ru/>
- ¹⁹ Коммерсант, 13.05.10.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Тасер М. Turkiye Ekonomisi. Ankara, 2003, с. 34.
- ²² <http://www.gerkramak./210/07/07>
- ²³ Там же.
- ²⁴ http://www.energy-exrerts.ru/news_203/html
- ²⁵ <http://www.energyland.inta/news/tek/atom/6120>

И. И. Иванова

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Турецко-американские отношения являются важной составляющей внешней политики двух стран. Тот факт, что первый заокеанский визит президент США Б. Обама совершил в Турцию в апреле 2009 г., продемонстрировал значение этой страны для США.

Вместе с тем, в последнее время эти отношения переживают серьезный кризис, в основе чего лежат проблемы подходов Турции к Израилю и Ирану. Двусторонние отношения между Израилем и Турцией, двумя союзниками США, можно сказать, рухнули из-за положения палестинцев, живущих в Газе. Кульминацией стал гнев Анкары после того, как израильские силы 31 мая 2010 г., пытаясь остановить караван судов, следующий на прорыв блокады Газы, убили девять граждан Турции. После гневных заявлений премьер-министра Турции Реджепа Эрдогана, обвинившего Израиль в терроризме, в Вашингтоне задалась вопросами о направленности турецкой внешней политики. Эти вопросы стали еще острее после того, как Турция проголосовала в ООН против новых антииранских санкций.

Анкара отозвала посла из Тель-Авива и сократила военное сотрудничество, существующее между странами десятки лет, потребовав от Израиля официальных извинений за убийство своих граждан и выплаты компенсаций семьям погибших. Глава МИД Турции пригрозил Израилю, что если выдвинутые требования не будут выполнены, Анкара пойдет на разрыв дипломатических отношений. Израильское правительство ответило отказом.

Эксперты полагали, что такое развитие событий невыгодно Вашингтону, для которого обе страны — главные военные и стратегические союзники на Ближнем Востоке, поэтому президент Б. Обама не допустит разрыва дипломатических отношений.

По словам главы центра стратегических исследований Турции (USAD) Джема Огуза, президент Б. Обама, возможно, окажет давление на Б. Нетаньяху по вопросам, которые важны для перемирия в регионе, в числе которых — конфликт с Турцией.

Наравне с прогрессом в палестино-израильских переговорах, по мнению британского аналитика по Ближнему Востоку Кирстен Шульц, президент Б. Обама постарается снять напряженность между странами, которые являются главными союзниками США в регионе. «Речь идет не только о двусторонних отношениях между Турцией и Израилем, но и о связях этих стран с США. Обе страны являются частью большого треугольника Израиль — США — Турция, и так как США являются его частью, они не позволят ему распасться», — подчеркнула Шульц. По ее мнению, в краткосрочной перспективе отношения Турции и Израиля будут снижаться, учитывая требования Турции и отказ правительства Б. Нетаньяху их выполнить, но США не допустят, чтобы это привело к окончательному разрыву. К. Шульц полагает, что прогресс в решении конфликта с Турцией, возможно, будет продвигаться быстрее, чем проблема с поселениями, которые в Вашингтоне рассматривают как одно из препятствий в мирном процессе, потому что в целом Израиль только выигрывает от стратегического альянса с Анкарой.

Мнение К. Шульц разделяет Хью Поуп, глава программы по изучению турецкой политики и Кипра Международной кризисной группы (International Crisis Group). По его утверждению, «у США два главных союзника в регионе, которые имеют разные свойства, но одинаково важны — Турция и Израиль. Безусловно, Обама попытается положить конец этим трениям».

Скандал в отношениях двух союзников может привести к негативным последствиям на Ближнем Востоке, где и так нет прогресса в перемирии.

Турецкий аналитик Джем Огуз также полагает, что раскол турецко-израильского альянса невыгоден региону как в целом, так и особенно самим странам. «Израиль, возможно, потеряет больше, но и Турция может лишиться многого», — считает эксперт.

По мнению главы израильско-палестинского центра исследований и информации Джерсона Баскина, Израиль для разрешения кризиса, возможно, согласится на сотрудничество с Комиссией ООН по правам человека в расследовании инцидента с гуманитарным конвоем, но извинения просить не будет. «Это будет разумным для Израиля шагом, чтобы положить конец сложившейся ситуации. Отношения Израиля и Турции не будут разорваны полностью», — подчеркнул Баскин. По его словам, даже если дипломатические контакты будут прекращены, то экономические отношения сохранятся ввиду трехмиллиардного товарооборота¹.

Обозреватель «Jerusalem Post» Х. Кейнон пишет, что до прихода к власти в 2002 г. Р. Эрдогана Турция отделяла двусторонние связи с Израилем от проблематики израильско-палестинского конфликта. Эрдоган уничтожил это разделение, сделав двусторонние отношения заложником глобального конфликта.

Интересно, что даже после того как Израиль дал согласие на сотрудничество с комиссией ООН по расследованию инцидента с флотилией, изра-

ильского посла вызвали в турецкий МИД, чтобы сделать выговор за слова министра обороны Израила Э. Барака о том, что Турция может выдать Ирану и Сирии чувствительную информацию военного и разведывательного характера.

Замечание Э. Барака было вызвано назначением на пост главы турецкой разведки Х. Фидана. «В последние недели главой турецкого Моссада назначен человек, который поддерживает Иран. В руках у турок много наших секретов, и нам не дает покоя мысль о том, что эти секреты могли быть раскрыты иранцам», — сказал Барак². Турецкая пресса назвала это заявление попыткой дискредитировать правительство Р. Эрдогана.

Однако вызов израильского посла в Анкаре, указывает Кейнон, показывает, что Барак «наступил на открытую рану» и что при всех разговорах об отходе от Запада и сближении с Сирией и Ираном Анкара по-прежнему дорожит своими отношениями с Западом и прекрасно понимает, что Сирия и Иран — плохая замена НАТО, США и ЕС.

Израильский обозреватель подчеркивает, что израильско-турецко-американские отношения часто описывают как треугольник. Но если в «золотые дни» отношений в конце 90-х гг. и в первые три года нового века Турция рассматривала Израиль в качестве двери в Вашингтон, то после операции «Литой свинец» и нападков Р. Эрдогана на Ш. Переса в Давосе в 2009 г. Израиль все больше рассматривал Вашингтон в качестве инструмента для улучшения отношений с Турцией.

И вот теперь, после событий конца мая 2010 г. и турецкого голосования в ООН в пользу Ирана, треугольник снова перекосялся, и США говорят Анкаре: «Если хотите видеть наше расположение, улучшите отношения с Израилем. Любую турецкую риторику, любое снижение требований для улучшения отношений с Израилем следует рассматривать через призму этого треугольника с креном в новую сторону»³.

Далее, ссылаясь на высказывания турецких политологов, хотелось бы дать комментарии событий.

Турция изменяется и трансформируется, пишет турецкий обозреватель М. А. Биранд. Сегодняшняя внешняя политика этой страны значительно отличается от той, которую она проводила 10–15 лет назад. Раньше эта политика носила однонаправленный характер. Условия, созданные в годы холодной войны, предусматривали выравнивание политического курса по требованиям Вашингтона. Для Турции основными приоритетами были США и Европа. От США поступали оружие, кредиты. Европа была главным рынком, а Ближний Восток с его очагами напряженности казался опасным. Турция предпочитала не вмешиваться в ближневосточные дела, она поддерживала отношения с арабскими странами, отправляла немного помощи палестинцам, а Израилю говорила: «Вы не заходите слишком далеко, и мы будем продолжать с вами отношения»⁴.

С приходом к власти Партии справедливости и развития внешняя политика Турции претерпела значительные изменения, особенно по вопросам Ирана и Палестины. Изменилась и международная ситуация. М. А. Биранд утверждает, что определились идеологическая и прагматическая политика лидера партии, премьер-министра Р. Т. Эрдогана.

И сейчас Запад не может осознать тот факт, что Турция, не советуясь с ним, проводит прямо противоположную политику по Ирану и Израилю, которым он придает большое значение. Запад трактует это как «изменение оси». Вместе с тем, как подчеркивает Биранд, «мы должны со всей серьезностью воспринимать исходящую из внешнего мира критику, полную сомнений и озабоченностей. Если Эрдоган и Давутоглу действительно не готовы “менять ось”, им не избежать более чувствительных действий. Если не предупредить неправильное понимание, силы, которые хотят “подставить подножку” руководству ПСР, быстро начнут организовываться. Они уйдут в засаду и будут ждать. И в конечном итоге по счету заплатит не только ПСР, но и вся Турция»⁵.

В конце августа 2010 г., во время визита в Турцию группы американских конгрессменов, высказывались следующие предположения: «Надежность Турции как союзника поставлена под вопрос»; «голосование Турции против проекта резолюции СБ ООН в отношении санкции против Ирана вызвала ситуацию шока в конгрессе»; «проведение правительством Эрдогана методической политики в отношении Израиля породило в конгрессе сомнения и озабоченность, и Турция потеряла здесь многих друзей»⁶.

Становится очевидным, что Турция в значительной степени утратила доверие в американском конгрессе. Вместе с тем, по мнению турецкого политолога С. Кохена, политика американской администрации в отношении Турции отличается от поведения американского Конгресса. В сущности, очевидно, что и администрация Обамы испытывает беспокойство в отношении позиции правительства Р. Эрдогана по вопросам Израиля и Ирана, но вместе с тем, «чтобы не потерять Турцию, она демонстрирует более прагматичное и конструктивное поведение». Она прекрасно осознает, что имеется ряд других вопросов и сфер сотрудничества, где США и Турция разделяют общие интересы и схожие подходы. И в данной ситуации турецкая дипломатия прилагает усилия по «ремонту» турецко-американских отношений. Так, целью визита в Вашингтон советника министерства иностранных дел Турции Ф. Синирлиоглу стало всестороннее объяснение позиции Анкары по вопросам, затрагивающим обе страны. В сущности, подчеркивает Кохен, и администрация Обамы, и правительство Эрдогана намерены развивать отношения, несмотря на возникающие затруднения. Другой турецкий аналитик С. Идиз считает, что основная проблема в двусторонних отношениях исходит из американского конгресса. Для разрешения сложившихся трудностей, по его мнению, необходимо, чтобы ад-

министрация Б. Обамы оказала давление на конгресс. Однако если этого и удастся добиться, «вразумить» конгресс не всегда возможно⁷.

Анкаре надо также стараться напрямую убеждать конгресс для этого — приглашать как можно большее число американских конгрессменов в Турцию и проводить широкий обмен мнениями. Однако, как подчеркивает турецкий исследователь, для того чтобы изменить негативное мнение по вопросу «надежности» Турции в американском конгрессе и других политических кругах, необходимо, чтобы турецкое руководство провело некоторые корректировки в своих внешнеполитических подходах и формах. Без них окажутся недостаточными и «туры убеждения» и «ремонт отношений»⁸.

Делегация МИД Турции во главе с Фирудином Синирлиоглу вернулась из США удовлетворенной итогами проведенных переговоров. Дипломатические источники сообщили, что турецкая сторона рассчитывала установить более тесный диалог с американским руководством и, прежде всего, с Конгрессом США.

Как отмечал телеканал TRT, на отношения между Турцией и США в последнее время «бросили тень» такие события, как неодобрение Турцией введения санкций против Ирана и нападение Израиля на гуманитарное судно «Мави Мармара»; утверждалось о смещении внешнеполитического вектора Турции. «Недоразумения, возникшие в турецко-американских отношениях, были устранены во время визита турецкой делегации в Вашингтон. Американское руководство дало понять, что многие вопросы и, прежде всего, свои требования, касающиеся военной сферы, Турция должна обсудить с представителями Конгресса».

Теперь Анкара будет вступать в диалог с Конгрессом США не только в те периоды, когда на рассмотрение конгрессменов выносятся законопроекты об армянском геноциде. Дипломатические источники привлекают внимание к тому, что в ноябре 2011 г. состав одной трети Сената США изменится и Вашингтон будет занят выборами. Следовательно, до января 2012 г. новый законопроект по этому вопросу на рассмотрение сената, скорее всего, вынесен не будет.

Те же источники обращают внимание на то, что к армянским и греческим лоббистским структурам могут присоединиться и еврейские, отмечая, что в позициях различных еврейских организаций существуют расхождения. Ф. Синирлиоглу провел встречи с некоторыми их представителями. Возможно, с еврейскими лоббистами будут установлены контакты и во время заседания Генассамблеи ООН. Дипломатические источники заявляют, что от диалога уклоняться не нужно, поскольку он помогает снять подозрения и недоразумения.

Как заявил Фирудин Синирлиоглу во время поездки в США, Турция намерена помириться с Израилем, а инцидент с «Флотилией свободы» был «ссорой друзей», — отмечала газета «Заман»⁹. По мнению газеты, оказыва-

ется, вся акция с отправкой «гуманитарной флотилии» в сектор Газа не связана с отношениями Турции с Израилем или еврейским народом, а лишь с израильским правительством. Синирлиоглу также попросил американских коллег помочь в восстановлении отношений между Турцией и Израилем. «В Турции есть надежда, что отношения с Израилем восстановятся и что это — взаимный интерес обеих сторон, а также США», — указал он.

На переговорах во всех деталях были обсуждены вопросы Ирана, Ирака, Израиля, Афганистана, борьбы с терроризмом, Балканского полуострова, Кипра, ЕС, НАТО, турецко-армянских взаимоотношений и другие не менее важные вопросы¹⁰. Вместе с тем все усилия американской администрации посадить за стол переговоров президентов Турции и Израиля не увенчались успехом.

Президент Израиля Шимон Перес заявил, что Израиль, несмотря на пережитый кризис, желает иметь с Турцией дружеские отношения. Президент Турции А. Гюль указал, что нормализация отношений зависит от дальнейших действий Израиля. Оба президента изложили свои взгляды на турецко-израильские отношения в телеэфире канала CNN.

Президент Турции, напомнив, что израильские военнослужащие при нападении на турецкое гуманитарное судно «Мави Мармара» убили 9 человек, заявил, что кризис в отношениях обусловили действия израильской стороны. «Мы не против Израиля, но имеем право на критику его политики», — сказал А. Гюль. Отвечая на вопрос о его отказе провести в Нью-Йорке переговоры с Ш. Пересом, Гюль заявил, что руководители Израиля пытаются оправдать свои ошибки, выдвигая необоснованные обвинения в адрес Турции. «Как я могу игнорировать тот факт, что были убиты граждане моей страны? Мы обладаем тысячелетней традицией государственности. Как же я могу забыть то, что произошло?».

Президент А. Гюль заявил, что Турция не раз оказывала Израилю помощь, потребовав от ХАМАС, чтобы он сложил оружие, прекратил ракетные обстрелы израильских территорий и дал согласие на существование в соседстве с Израилем в случае создания независимого палестинского государства.

Президент Израиля Ш. Перес, в свою очередь, заявил, что не считает ошибкой нападение на «Мави Мармара». Перес напомнил, что он хотел провести переговоры с Гюлем. «Насколько я понимаю, от меня требовали, чтобы я в первую очередь принес извинения. Это меня крайне удивило», — указал он. В то же время Перес отметил, что тем не менее политика Израиля в отношении Турции не изменилась. «Израиль — друг Турции, мы стремимся к сохранению дружбы», — заявил он¹¹.

США все больше выражают озабоченность позицией Анкары, и в основе этой озабоченности, в первую очередь, турецко-израильские отношения, а на втором месте — проблема Ирана. Как пишет турецкая газета «Мил-

лиет», «каждый негативный шаг Турции в отношении Израиля напрямую влияет на турецко-американские отношения. Всех беспокоит, напрягает и портит имидж страны». «Большая часть рассерженных выступает в американском конгрессе, прессе и некоторых общественных организациях. Еврейское лобби, на протяжении долгих лет оказывавшее поддержку Турции, сейчас может изменить свой подход. В такой ситуации администрация Обамы оказалась в трудном положении. Белый дом и госдепартамент пытаются придать отношениям с Турцией новое направление и определить сущность политического курса Эрдогана — Давутоглу»¹². Таким образом, американская администрация стремится с пониманием выстраивать отношения с Анкарой и смягчить ее отношения с Израилем. При этом приводятся следующие доводы: «Разрыв отношений с Израилем значительно увеличит напряженность в регионе. А такая ситуация не может устраивать ни Турцию, ни США. Необходимо смягчить отношения»¹³.

Анкара при этом повторяет свою позицию. «Они убили 9 наших людей в международных водах. Они должны принести извинения и выплатить компенсацию. Не сделав этого, нельзя ждать от нас обратного хода». По мнению Биранда, «если рассматривать последние события, можно утверждать, что такой ход не очень блестящий». Например, несостоявшаяся встреча президентов Гюля и Переса в Нью-Йорке мир воспринял как шаг, при котором Турция поставила предварительные условия. А между тем американская администрация очень хотела этой встречи.

Турция отказала в проходе через ее территорию боеприпасов, которые Израиль закупил у Азербайджана. Заявление Эрдогана о том, что никакое оружие и боеприпасы Израилю никогда не поступят через Турцию, показывает всю сложность отношений. И это все беспокоит Вашингтон и даже раздражает. По выражению компетентных лиц, пристально следящих за ходом событий, «турецко-американские отношения начали терять свой вкус и становятся бесцветными»¹⁴.

Вместе с тем, подчеркивает Биранд, турецкое руководство осознает такой опасный ход событий и считает, что пришло время медленного смягчения отношений. И президент Гюль, и премьер-министр Эрдоган, и министерство иностранных дел во главе с Давутоглу стараются не нанести большой вред этим отношениям. Самым важным и правильным решением стало решение руководства ПСР отвергнуть требования о том, чтобы погибшим участникам придать статус «шахитов» (т. е. мучеников, павших за веру)¹⁵. Может быть, отношения с Израилем и не вернуться на прежний уровень, но Турция не станет врагом Израиля, и в Анкаре все хорошо понимают, что продолжительные трения с этой страной принесут большой ущерб.

Для Турции важна отмена блокады Газы или, по крайней мере, ее смягчение, а продвижение в мирных переговорах поможет разрешить застой в турецко-израильских отношениях.

Рассматривая иранский фактор в турецко-американских отношениях, можно утверждать, что в 2010 г. он имел для них достаточно негативное влияние. Известно, что Турция как временный член Совета Безопасности ООН проголосовала против санкций ООН в отношении Ирана. Действительно, еще ранее было известно, что Турция и США расходятся в своих взглядах по Ирану. В марте 2010 г. заместитель госсекретаря США по проблемам Европы и Евразии Ф. Гордон заявил следующее: «По вопросу Ирана мировое сообщество было скоординировано в отношении тегеранского руководства. Однако Турция время от времени дает другие послания. Мы знаем, что Турция разделяет нашу озабоченность по возможному созданию Ираном ядерного оружия, и поддерживаем ее усилия поисков разрешения иранской ядерной программы дипломатическими путями. Однако поиски решения проблемы мирными дипломатическими путями могут навредить нашим целям»¹⁶.

В мае 2010 г., когда США достигли договоренности с постоянными членами Совета безопасности ООН в отношении введения санкций против Ирана, Турция и Бразилия заключили соглашение с иранским правительством в отношении урана, и министр иностранных дел Турции А. Давутоглу подчеркнул, что теперь нет необходимости в санкциях. Однако западные страны так не считали. В своем выступлении 18 мая на комиссии по иностранным делам госсекретарь США Х. Клинтон заявила следующее: «В вопросе противодействия Ирану мировому сообществу и поисков решения мы выделяем искренние инициативы Турции и Бразилии, но побуждаем мировое сообщество подготовить действенный пакет акций»¹⁷.

9 июня 2010 г. Турция как временный член Совета безопасности ООН проголосовала против санкций в отношении Ирана, несмотря на личный звонок Б. Обамы Р. Т. Эрдогану и его просьбу поддержать резолюцию СБ ООН. Проголосовав против, Турция еще больше усложнила турецко-американские отношения, натянутые в последнее время антиизраильской риторикой.

Американский эксперт Мишель Верд подчеркивал следующее: «Отрицательный голос Турции и Бразилии — шаг назад. У Турции был выбор — просто воздержаться. Америка не хочет воспрепятствовать турецким усилиям в ядерной программе Ирана или оставить ее вне решения этой проблемы. Напротив, Турция — важный американский партнер в этом регионе, но, проголосовав против санкций, Турция и Бразилия отделили себя от всего мира, поддержавшего этот проект. Турция должна лучше продумать свою позицию в отношении Ирана и должна быть в более тесных связях со своими западными союзниками»¹⁸.

24 сентября 2010 г. президенты Турции и США А. Гюль и Б. Обама «на ходу» провели в Нью-Йорке встречу. В тот же день газета «Нью-Йорк Таймс» посвятила одну из своих статей нынешнему этапу турецко-амери-

канских отношений. В ней отмечалось, что «США обеспокоены турецко-иранскими и турецко-израильскими отношениями, Вашингтону начинают мешать активные внешнеполитические шаги Анкары. Финансирование ядерной программы Ирана осуществляется посредством турецких банков. Это, наряду с ухудшением отношений с Ираном, наносит ущерб усилиям США по установлению мира на Ближнем Востоке»¹⁹.

В статье акцентировалось заявление президента Турции, озвученное на 65-й сессии Генеральной ассамблеи ООН: «Если вы посмотрите на все вопросы, которые имеют важное значение для современного мира, то увидите, что они ставят Турцию в более выгодное положение. ... Турция была известна как “больной человек” Европы, а в настоящее время Турция является единственным “здоровым человеком” Европы». По его словам, Анкара вместе с международным сообществом, в частности Бразилией, будет продолжать прилагать усилия, направленные на теплые турецко-иранские экономические отношения. «Если от Турции требуют не иметь каких-либо торговых и экономических связей с Ираном, это было бы несправедливо по отношению к Турции», — заявил он.

В этом плане президент Турции пошел еще дальше, и 5 октября, выступая в Трапезундской торгово-промышленной палате, призвал турецких бизнесменов увеличить товарооборот с Ираном: «Те, кто не в курсе, могут возмущаться нашими торговыми связями с Ираном, однако турецко-иранская торговля имеет для нас важное значение».

Напомним, что сегодня Иран является вторым (после России) крупным партнером Турции в энергетической сфере, товарооборот между двумя странами составляет 11 млрд. долл., планируется его довести до 20–30 млрд. долл., а также осуществлять торговлю друг с другом в национальной валюте и создать на турецко-иранской границе свободную торговую зону²⁰.

Несмотря на это, 26 сентября 2010 г., выступая в Колумбийском университете Нью-Йорка, А. Гюль заявил, что Турция всегда будет выступать надежным союзником США. Многие посчитали это как клятву в верности США, однако очень скоро поняли, что это отнюдь не так.

Турция начинает проводить все более и более самостоятельную внешнюю политику, стремясь избавиться от статуса «младшего партнера» США, присущего ей в ходе всей холодной войны. Чтобы выразить свое недовольство нынешним состоянием турецко-американских (а также турецко-иранских, турецко-израильских, турецко-российских) отношений и сдержать Турцию, США прибегают к различным средствам. В частности, в последнее время США в различных международных инстанциях постоянно голосуют против выгодных Турции резолюций, а также принимают в собственной стране антитурецкие резолюции.

29 сентября 2010 г. Совет ООН по правам человека 30-ю голосами «за» и 1 «против» принял резолюцию, осуждающую нападение Израиля на на-

правляющуюся в Газу «Флотилию свободы». Из результатов голосования стало ясно, что против этой резолюции, предложенной 57 странами — членами Организации «Исламская конференция» (ОИК), проголосовали только США. Турецкая пресса озаглавила материалы об этом следующим образом: «Только США проголосовали против Турции».

Фактически так США защищают Израиль от нападков международного сообщества и ограничивают возможности Турции в деле привлечения Израиля к ответственности в связи с инцидентом с «Флотилией свободы».

Сдерживающими мерами США в отношении Турции являются также курдский, кипрский и армянский факторы. Отмечается, что когда обостряются турецко-американские отношения, в США каждый раз вспоминают также эти вопросы.

Из всего вышесказанного следует, что турецко-американские отношения в 2010 г. переживали не лучшие времена. Сегодня Турция причисляется к странам с преобладанием антиамериканских настроений (около 70%). После резкого ухудшения турецко-израильских отношений США вынуждены были сделать выбор между этими странами. И несмотря на то что Турция — единственная мусульманская страна — член НАТО, США отдали предпочтение Израилю.

С другой стороны, нужно заметить, что для США весьма важно сотрудничество с Турцией в Афганистане. Турецкие миротворческие силы занимают лидирующие позиции в вопросе подготовки афганских солдат и полицейских. В связи с этим 8 октября в Анкаре Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен выразил благодарность Р. Эрдогану. Кстати, в начале октября, после многолетнего перерыва, заместителем генсека НАТО стал турецкий дипломат, главный советник (уже бывший) президента Турции по внешним вопросам Хусейн Дириез²¹.

Центр глобальных отношений Нью-Йоркского университета провел исследование возможного политического и экономического развития Турции до 2020 года, где указал три возможных сценария развития этой страны.

В исследовании принимали участие специалисты различных академических дисциплин из разных стран. Целью инициативы стало определение наиболее благоприятного развития отношений США с этой страной. Директор центра проф. М. Оппенгейм подчеркнул, что из всех стран, по которым проводилось подобного рода исследование, Турция стала наиболее «трудной темой, и потребовалось много времени, чтобы достичь единства взглядов академиков по возможным сценариям»²².

В первом сценарии указывалась вероятность превращения Турции в нелиберальную исламскую страну. Согласно этому сценарию, в Турции политикой будет управлять Партия справедливости и развития (ПСР), и политические свободы и свобода печати не будут осуществляться, про-

явит себя тайная политика ПСР; вероятное членство в ЕС не окажет влияния на внутреннюю политику Турции, которая будет определяться внутренней динамикой.

Второй сценарий выстроен на основе идеологии секуляризации, которая также не является либеральной. Речь идет о господстве сторонников радикальной секуляризации, военных и элиты. Правительство сформировано из коалиции НРП (Народно-республиканской партии) и ННП (Националистическо-народной партии), ПСР уходит с политической арены, и в Турции набирают силу ультранационалистические эмоции. По этому сценарию возможное членство в ЕС не сыграет позитивной роли во внутренней политике.

По последнему сценарию, в Турции возможно создание плюралистической демократии. Предусматривается укрепление демократии в стране, конкуренция между партиями на высшем уровне. Народно-республиканская партия обновляет себя. По данному сценарию, гражданское общество активно и возможное членство в ЕС «пусть и маловероятно, но станет важным внешним фактором»²³.

Вместе с тем, в конце 2010 г. появились признаки того, что в турецко-американских отношениях, по мнению М. А. Биранда, началась «тонкая регулировка». И одним из свидетельств этого приводится заявление президента Б. Обамы, данное турецкой газете «Хьюриет», в котором он подчеркнул: «Наши отношения прочные, могут быть некоторые разногласия, но они несущественные»²⁴. Можно полагать, что администрация Обамы готовится воспринимать Турцию с большим пониманием. И об этом свидетельствует визит в Турцию представительной американской делегации, целью которой стало «трансформировать ход турецко-американских отношений и понять Турцию»²⁵. В состав делегации, которую возглавила бывший госсекретарь США М. Олбрайт, вошли лица, к мнению которых прислушиваются при выработке внешнеполитических направлений, а именно: отставные послы, представители гражданских общественных организаций, академики (такие как М. Абрамович, Н. Баркей) и представители американского Института мира. Все они придают большое значение Турции, хорошо знают регион, и самое главное — близки к администрации Обамы.

Их встречи с турецкими политиками, в частности с бывшим министром иностранных дел Турции И. Тюркменом, были в высшей степени плодотворны. Биранд следующим образом резюмирует итоги переговоров: турецко-американские отношения утратили прежний статус беспрекословного повиновения «старшему брату». Часть американских политиков признает, что Турция играет важную роль в регионе, однако многие вашингтонские политики еще не усвоили эту истину.

Не стоит вопрос о том, чтобы в США отказались или отвернулись от Партии справедливости и развития. Американский истеблишмент до-

пускает в будущем расхождения во взглядах и даже серьезные разногласия, но считает, что в конце пути обе стороны «встретятся в одном лагере».

В Вашингтоне также понимают, что необходимо изменить общую линию поведения. Конечно, не приветствуются отношения Турции с Ираном, ХАМАС, Суданом и Сирией, но считается, что нужно это «проглотить и принять».

Американское руководство осознает, что прежнее понятие «стратегическое сотрудничество» полностью потеряло свое значение и вместо него необходимо искать «другой лозунг».

Признается, что Турция не столько «отходит от своей оси, сколько ищет для себя новое место и подход».

Однако, наряду с тем, в Вашингтоне согласны, что Турция не меняет «ось» своей политики; часто повторяется тезис о том, что Анкара должна точно объяснять свои действия.

Был сделан акцент и на том, что хотя Турция и должна менять свою линию поведения по вопросам Ирана и Израиля, необходимо добиться ситуации, при которой «США будут разделять с Турцией политические направления»²⁶.

По мнению турецкого политолога, цель визита столь представительной делегации — добиться того, чтобы «Турция была понята в Вашингтоне. И причина этого в том, что в США недостаточно хорошо понимают, что Турция вовсе не смещает свою ось»²⁷.

Тот факт, что на саммите НАТО в Лиссабоне Турция поддержала американский проект по созданию противоракетной системы обороны (ПРО) в Европе, «успокоил тех, кто делал особый акцент на турецко-американских отношениях». Таким образом, Турция вместе с США одобрила новую стратегическую концепцию НАТО. Директор турецкой программы Вашингтонского института С. Чагаптай указал, что «кризис был предотвращен у самого порога»²⁸.

По мнению бывшего американского посла в Турции Р. Вильсона, между Турцией и США существует крепкое партнерство по вопросам Афганистана, Ирака, борьбы с террористической организацией Рабочая партия Курдистана, однако озабоченность порождает «взлеты и падения» в этих отношениях. Американский дипломат утверждает следующее: «Турецко-американские отношения всегда были запутанными и трудными. Иногда этих трудностей было больше, чем необходимо. На протяжении последних 10 лет в наших отношениях проявлялись взлеты и падения. Важно, чтобы лидеры двух стран были в близких контактах. И таким образом, как всегда, мы урегулируем наши трудности и проблемы»²⁹.

Заместитель госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Ф. Гордон подчеркивает: «В наших встречах с турецким руководством мы пришли к выводу, что Турция продолжает свои тесные связи с США,

Западом и ЕС... Связи, которые США проводят с Турцией по вопросам важных внешнеполитических проблем на самом высшем уровне, несравнимы ни с какой другой страной в мире³⁰.

Можно утверждать, что, несмотря на наметившуюся тенденцию к выравниванию турецко-американских отношений на Ближнем Востоке, в обозримом будущем в этих отношениях ожидается немало «взлетов и падений». При этом американское руководство будет вынуждено учитывать новые тенденции турецкого внешнеполитического курса, поскольку Турция продолжает оставаться главным партнером США в этом нестабильном регионе.

Примечания

¹ www.inosmi.ru/usa/2010.00707.

² Jerusalem Post, 07.08.2010.

³ Там же.

⁴ Milliyet, 23.09.2010.

⁵ Там же.

⁶ Milliyet, 24.08.2010.

⁷ Milliyet, 23.08.2010.

⁸ Milliyet, 24.08.2010.

⁹ Zaman, 29.08.2010.

¹⁰ [www.elections-ices.org/russian news 6670](http://www.elections-ices.org/russian%20news/6670).

¹¹ <http://azc.az/news>.

¹² Milliyet, 01.10.2010.

¹³ Там же.

¹⁴ Milliyet, 01.10.2010.

¹⁵ Там же.

¹⁶ [www.turkeshactionalert.com. news/1030–2010](http://www.turkeshactionalert.com/news/1030-2010).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ [www.analitika at.ua/news/2010–10–28–2835 277](http://www.analitika.at.ua/news/2010-10-28-2835%20277).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Milliyet, 14.01.2011.

²³ Там же.

²⁴ Hürriyet, 23.12.2010; Milliyet, 24.12.2010.

²⁵ Milliyet, 24.12.2010.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ [www.turkeshactionalert.com/news/1030–2010](http://www.turkeshactionalert.com/news/1030-2010).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

*Л. М. Кулагина,
В. М. Ахмедов*

ИРАН И «НАРОДНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

Развитие революционного процесса в Арабском мире, начавшееся в декабре 2010 г. и получившее мощное продолжение в 2011 г., значительно меняет сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке.

События в Тунисе, Египте, Ливии затронули в первую очередь арабские страны севера Африки. Народные выступления в Сирии, Иордании, Йемене, на Бахрейне оказали прямое воздействие на ход событий на всем Ближнем Востоке. Они затронули острейшие проблемы, связанные с созданием палестинского государства, безопасностью Израиля, поставками нефти из Персидского залива. В то же время эти процессы непосредственно связаны с ролью Ирана в регионе.

В Иране в целом позитивно были восприняты события в Арабском мире. В стране прошли многотысячные митинги и демонстрации в поддержку арабских революционных движений, на которых выступили рахбар Али Хаменеи и президент М. Ахмадинежад. Складывающаяся в регионе обстановка, по мнению иранских руководителей, способствовала осуществлению далекоидущих внутренних и внешнеполитических планов Ирана. В частности, мировая общественность, отвлеченная арабскими событиями, не так строго следила за осуществлением иранской ядерной программы. Существенно снижался риск нанесения Израилем военного удара по иранским ядерным объектам. Используя сложившуюся обстановку, Иран стремился укрепить свои позиции в регионе, что являлось одним из важных направлений его внешней политики на протяжении последних лет.

После возврата к власти в ИРИ в 2005 г. «консерваторов», Иран вместе со своими арабскими союзниками в регионе проводил активную политику по укреплению своего влияния на Ближнем Востоке. Эта политическая линия ИРИ нашла свое отражение в Ираке, где было сформировано правительство подконтрольное Тегерану, во время войны в Ливане летом 2006 г., в ходе событий в Бейруте весной 2008 г., когда «Хизбалла» факти-

чески взяла власть в свои руки, во время войны в Газе зимой 2009 г. Несмотря на некоторое ослабление позиций «консерваторов» после выборов президента в 2009 г., их представители не потеряли своего влияния в армии, спецслужбах и госструктурах. Иран, используя ошибки арабских лидеров и межарабские разногласия, наличие там шиитского меньшинства как предлог для вмешательства, добился определенных результатов в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене.

Предпринимавшиеся американской администрацией в течение последних трех десятилетий попытки изменить систему власти в ИРИ и сдерживать рост иранского влияния на Ближнем Востоке (политика сдерживания в отношении ИРИ, систематическое международное давление, экономические санкции и т. п.) не принесли желаемых результатов.

Деятельность Ирана на Ближнем Востоке определялась рядом важных факторов, оказывавших существенное влияние на его политику. Это поддержка Ираном ливанской «Хизбаллы», которую он использовал для укрепления своего влияния в Ливане, а также в качестве инструмента сдерживания агрессивных устремлений Израиля. Иран был вовлечен в межпалестинские и палестино-израильский конфликты. Он оказывал международную поддержку и помощь палестинскому «Хамас». Иран считал, что ближневосточные проблемы должны разрешаться, прежде всего, самими странами региона. С учетом международной обстановки он выступал за активное включение России и Китая в процесс урегулирования ближневосточных проблем наравне с США и ЕС.

С другой стороны, американскую администрацию беспокоил рост исламского сопротивления интересам США и Израиля в регионе, который они связывали прежде всего, с поддержкой Ирана. Отсюда важную задачу американцы видели в нейтрализации влияния Ирана в регионе, подрыве иранской ядерной программы. Наряду с этим США стремились сохранить свои монопольные позиции в политической сфере Ближнего Востока, а также на энергетических рынках и рынках вооружений региона.

Заявленные ранее американской администрацией Б. Обамы изменения в подходах к определению ближневосточных политических проблем с трудом находили свое практическое воплощение. Декларированный Б. Обамой отказ США от прямой вооруженной конфронтации со своими оппонентами на Ближнем Востоке весьма скептически воспринимался даже союзниками США, в том числе в ближневосточных странах региона. И этот скепсис полностью оправдался во время военной операции сил НАТО в Ливии против режима Каддафи. Многие в регионе полагали, что на деле США заинтересованы в сохранении нестабильной ситуации на Ближнем Востоке. Штаты стремились сместить акцент ближневосточного конфликта с арабо-израильского противостояния на арабо-иранскую

вражду с тем, чтобы ослабить позиции ИРИ в регионе, сделать Иран более уступчивым в вопросах ядерной программы, смягчить позиции арабомусульманских стран в отношении Израиля. В этой связи США выступили инициатором введения в 2010 г. новых более жестких экономических и политических санкций против Ирана, оказав при этом давление на Россию и Китай, которые также присоединились к санкциям.

Несмотря на санкции, Иран стремился расширять свои внешнеполитические связи, используя обстановку, сложившуюся в регионе в результате так называемой «арабской весны». Иран активизировал свою внешнюю политику. К определенным успехам Ирана можно отнести возобновление отношений между Каиром и Тегераном. Египет — одна из крупнейших и авторитетных стран в Арабском мире. ИРИ всегда стремилась нормализовать связи с Каиром. В течение более 30 лет, после исламской революции в Иране, ирано-египетские отношения носили в основном враждебный характер. Только после победы в Египте революции 25 января 2011 г. были приняты серьезные шаги по восстановлению отношений между Каиром и Тегераном с целью придания им характера широких экономических и политических связей и сотрудничества в разрешении прежних проблем в двусторонних отношениях и региональных конфликтов. Главным подтверждением этой новой политики Египта являлся ряд следующих факторов. Новые власти Египта разрешили выезд представителям «Хамас» с территории сектора Газы через Каир в Иран, который был заблокирован во времена правления Мубарака. Каир дал разрешение на проход через Суэцкий канал иранским военным кораблям в сирийский порт Латакию, несмотря на протесты Израиля и США. Изменился тон официальной египетской риторики в отношении ливанской «Хизбаллы» с жесткого на более спокойный.

Нормализация ирано-египетских отношений означала не только отход Каира от лагеря «умеренных» арабских стран, созданного США в противовес Ирану, Сирии, «Хизбалле» и «Хамас», но и то, что внешняя политика ИРИ в арабских странах получила дополнительное признание и легитимацию. Это создавало серьезную брешь в политике антииранской мобилизации арабских стран, которую проводили монархии Персидского залива, нередко используя для этого конфессиональные противоречия между суннитами и шиитами, что на практике вело к расколу региона на два лагеря — суннитский и шиитский. Примером подобной политики стало развитие последних событий в Ливане и на Бахрейне. В то же время на пути нормализации ирано-египетских отношений остается немало преград. Это, прежде всего, проблемы ближневосточного урегулирования, ядерная программа Тегерана, безопасность в Персидском заливе. Существует много противоречий в отношениях Египта и ИРИ, накопившихся за последние годы. Действительно, за последние три десятилетия эти отношения развивались неровно. В них то появлялись признаки сбли-

жения, которые достигли своего пика при правлении Хатами, то резкого охлаждения после войны в Ливане 2006 г.

Процесс идущих изменений в арабских странах нельзя рассматривать в отрыве от результатов постоянной конфронтации между ИРИ и арабскими монархиями Персидского залива, с одной стороны, и между Ираном и международным сообществом — с другой. В то время как Египет и другие арабские страны претерпели глубокие политические изменения, монархии Персидского залива пытаются сохранить статус-кво в своих странах и в этих целях предпринимают соответствующие меры на международной и региональной арене. Это свидетельствует об ограниченности видения арабскими монархиями стратегических перспектив в условиях быстрой трансформации политических процессов в регионе. Показательным в этом отношении являются события на Бахрейне, где против правящего суннитского режима выступило шиитское большинство населения страны. Эти выступления были жестоко подавлены силами ССАГПЗ в составе войск Саудовской Аравии и султаната Оман. Для иранских руководителей вмешательство объединенных войск ССАГПЗ в дела Бахрейна было неожиданно. Иран полагал, что внутренние разногласия среди членов ССАГПЗ помешают им выступить столь решительно с единой позицией. Тегеран осудил вмешательство арабских стран в бахрейнские дела. Более того, президент ИРИ М. Ахмадинежад потребовал от КСА извиниться за военное вмешательство на Бахрейне. Отношения между Эр-Риядом и Тегераном серьезно осложнились. Иран явно недооценил тот факт, что арабы считают Бахрейн исключительно зоной своего влияния. Арабские монархии опасались, что Иран может воспользоваться их потенциальной слабостью в результате развития арабских революционных движений и использовать это обстоятельство для укрепления своих позиций в регионе.

Арабские монархии Персидского залива были столь озабочены защитой правящих в них режимов в связи с арабскими революциями, что не задумываясь поддержали западные санкции и вмешательство в Ливию в обмен на признание Западом их прав вмешательства в дела на Бахрейне. События, которые происходят сегодня на линии Египет, Палестина, Израиль, Ливан, Сирия, Ирак, тесно связаны с ситуацией в Заливе. И противоборствующие стороны в Леванте и Персидском заливе тщательно следят за любыми признаками изменения ситуации, чтобы вовремя пересмотреть свои позиции и отреагировать на нее.

События в Сирии поставили Иран, «Хизбаллу» и «Хамас» в сложное положение. Волнения в Сирии, которая вопреки своим отношениям с Ираном поддержала военную операцию «заливников» на Бахрейне, показывают всю степень глубины расколов прежних союзов в регионе. Хотя Запад и осуждал Дамаск за избыточное применение силы против демонстрантов, он наряду со странами ССАГПЗ до последнего времени в целом рас-

сма­три­вал ре­жим Аса­да как ин­стру­мент осу­ществ­ле­ния гря­ду­щих из­ме­не­ний и ре­форм в Си­рии.

Си­рия бы­ла нуж­на Ира­ну по ря­ду при­чин. Бла­го­да­ря уси­лиям ре­жи­ма Б. Аса­да Ира­ну уда­лось сор­вать появ­ле­ние еди­но­го араб­ско­го фрон­та про­тив ИРИ. Да­маск служил про­вод­ни­ком по­ли­ти­ки Ира­на в Ли­ва­не. Пре­зи­дент ИРИ Ах­ма­ди­не­жад не скрывал, что впер­вые с VII ве­ка Иран по­лу­чил воз­мож­ность серь­ез­но укрепить свои по­зи­ции в Средиземноморье, в ре­зуль­та­те уси­ле­ния сво­е­го влия­ния в Си­рии и Ли­ва­не. Упо­мя­ну­тый выше про­ход воен­ных ко­раб­лей ИРИ че­рез Суэц­кий ка­нал по­зво­лил Ира­ну по­ка­зать свой флаг не толь­ко в Средиземном, но и в Красном море. Но се­го­дня по мере раз­ви­тия со­бы­тий в САР Теге­ран уже не может рас­счи­ты­вать на пре­ж­нюю под­дер­жку Да­маска в за­щи­те сво­их ин­те­ре­сов в Ли­ва­не. К тому же с уче­том си­рий­ских со­бы­тий мно­гие по­ли­ти­че­ские си­лы Ли­ва­на мо­гут из­ме­нить свое от­но­ше­ние к Ира­ну, пе­ре­смот­реть пре­ж­ний ха­рак­тер свя­зей с Теге­раном, ко­то­рый на­ря­ду с «Хиз­бал­лой» ока­зался вовле­чен в де­ло за­щи­ты сла­бе­ю­ще­го ре­жи­ма Аса­да. Иран так­же опа­сается, что сме­на ре­жи­ма в Си­рии мо­жет по­дор­вать иран­ские ин­те­ре­сы в ре­ги­оне, на­при­мер, от­ре­зать пу­ти ока­за­ния по­мо­щи ли­ван­ской «Хиз­бал­ле» и «Хамас» в Палестине, а так­же отри­ца­тель­но ска­зать­ся на его влия­нии в Ира­ке. По­это­му не­случайно иран­ские СМИ вна­ча­ле иг­но­ри­ро­вали ре­во­лю­ци­он­ные со­бы­тия в САР, ли­бо ха­рак­те­ри­зо­вали их как «а­ме­ри­ка­но­си­онист­ский за­говор». Поз­же по­яви­лось все боль­ше при­зна­ков то­го, что Иран на­чи­нает пе­ре­осмыс­ли­вать си­ту­а­цию в Си­рии, ее воз­мож­ные по­след­ствия для иран­ских по­зи­ций в ре­ги­оне. С кон­ца ию­ня 2011 г. иран­ские СМИ ста­ли пи­сать о «не­об­хо­ди­мо­сти удо­вле­тво­ре­ния за­кон­ных тре­бо­ва­ний си­рий­ско­го на­ро­да». Га­зе­та «Кей­хан» со­ве­то­вала си­рий­ско­му ру­ко­вод­ству не тя­нуть с про­ве­де­нием серь­ез­ных ре­форм, что­бы по­бе­дить «а­ме­ри­кан­ский за­говор». Иран серь­ез­но огра­ни­чил ко­ли­че­ство сво­их па­лом­ни­ков и про­сто тури­стов в САР, чис­ло ко­то­рых в 2009–2010 гг. дос­ти­га­ло 500 ты­сяч че­ло­век в год. Бы­ло бы пре­жде­вре­мен­ным го­во­рить о том, что Иран ото­шел от ре­жи­ма Аса­да, но в ко­неч­ном и­то­ге та­кую воз­мож­ность не­льзя ис­клю­чать. Иран­ская внеш­няя по­ли­ти­ка от­ли­чается за­вид­ным праг­ма­тиз­мом и хо­лод­ной рас­чет­ли­во­стью, что бы­ло ясно вид­но на при­ме­ре вза­им­дей­ствия Теге­рана с раз­лич­ны­ми по­ли­ти­че­скими си­ла­ми пост­са­дда­мов­ско­го Ира­ка. Если иран­ское ру­ко­вод­ство ре­шит, что ре­жим Аса­да близок к про­валу, то оно мо­жет очень бы­стро от­вер­нуть­ся от не­го. Мно­гие рас­че­ты Ира­на в его по­ли­ти­ке в ре­ги­оне стро­ятся, по­ми­мо си­ло­во­го фак­то­ра, в том чис­ле ядер­ной про­грам­мы, на ши­ит­ской об­щи­не, ее при­вер­жен­но­сти Ира­ну. Так, од­ним из бу­ду­щих плац­дар­мов про­дви­же­ния Ира­на в ре­ги­оне служил Ира­к, а вер­нее, раз­дел сфер влия­ния в этой стране по­сле окон­ча­тель­но­го вы­во­да от­туда а­ме­ри­кан­ских вой­ск. И в этой свя­зи Иран скор­ее пред­поч­тет не об­ост­рять от­но­ше­ний с США и Тур­ци­ей из­за ре­жи­ма Аса­да, кото­

рые могут существенно ограничить сферу его интересов в «освобожденном» Ираке. Тем более что за последние годы Иран немало инвестировал в Ирак и финансово и политически. Продвинув шиитов Ирака к власти, Иран смог укрепить свое политическое и военное присутствие в южных и центральных районах Ирака. После вывода части американских войск из Ирака в 2010 г. положение Ирана в этой стране еще более укрепилось.

Развитие и расширение арабских революционных движений в регионе активизировало политику не только ИРИ, но и Турции. Новая ближневосточная политика Турции имела целью укрепить зону турецкого влияния от Каспия до севера Африки. Неудивительно, что амбициозные планы Турции столкнулись с иранскими интересами на Ближнем Востоке.

Соперничество ИРИ и Турции не ограничивалось практическими вопросами региональной геополитики. Это также соперничество идей и идеологий. Нынешнее руководство Турции стоит на позициях умеренного ислама. Турция предлагает свою модель арабскому и всему мусульманскому миру. Об этом заявил турецкий премьер-министр Р. Т. Эрдоган после победы на выборах 12 июня 2011 г. Он подчеркнул, что Турция «хочет стать рупором всех мусульман». Для иранского руководства слова Р. Т. Эрдогана прямой вызов, т. к. и Иран претендует на лидерство среди мусульман.

За последние три года Турция существенно укрепила позиции в Сирии: Анкара и Дамаск подписали несколько договоров о сотрудничестве на общую сумму в 1 млрд. долл., что очень важно для сирийской экономики. Турция выступала посредником в мирных сирийско-израильских переговорах, стала участником нескольких важных политических и экономических проектов. В этих условиях САР оказалась в центре борьбы Ирана и Турции.

Сегодня Анкара явно поддерживает сирийскую оппозицию, делая ставку на будущее, считая, что режим Асада уже прошлое. Иран же пока не готов радикально изменить свою позицию в отношении режима Асада. Поэтому, если события в Сирии внезапно примут стремительный оборот (например, государственный переворот), то Тегеран может на каком-то этапе проиграть Анкаре борьбу за влияние в Сирии и в целом на Ближнем Востоке. Новый режим в САР будет рассматривать Турцию как своего друга, который поддержал революционный порыв сирийского народа, а Иран и «Хизболла» могут временно попасть в немилость новых властей САР.

Сегодня политика Ирана на Ближнем Востоке сталкивается с серьезными трудностями. Протестные выступления, вылившиеся на улицы сирийских городов летом 2009 г., раскололи иранское общество. Иранские власти пытаются консолидировать общество на основе поддержки арабских движений, объявляя их продолжением исламской революции 1979 г. Таким образом, они пытаются оправдать в глазах иранцев верность избранного властью курса и избежать новых внутренних потрясений. Однако двойственность в отношении иранских властей к революционным

движениям в Тунисе, Египте, на Бахрейне, с одной стороны, и в Сирии — с другой, может существенно подорвать авторитет режима как в глазах политической оппозиции, так и простых иранцев.

Неслучайно поэтому в Иране на фоне политических событий в регионе обострились отношения президента с парламентом и с консервативным крылом истеблишмента. Иранское руководство усиливает использование исламского фактора в обществе. Так, значительно расширяется роль Высшего совета культурной революции, созданного еще в 1984 г. Члены Совета назначаются верховным духовным лидером ИРИ. Высший совет, по мысли исламского руководства, должен превратиться в главный штаб по выработке стратегической и политической линии и осуществлять руководство всеми общественными и культурными учреждениями и центрами страны.

Несмотря на указанные трудности, с которыми сталкивается внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке, Иран вряд ли так просто уступит свои позиции в регионе. В то же время возможности Ирана вести открытую борьбу ограничены. Неблагоприятная экономическая ситуация в стране ставит иранскую экономику в жесткую зависимость от ценообразования на мировом нефтяном рынке. А введение санкций сдерживает экономические и политические маневры режима. Как было показано выше, правящая элита Ирана рассматривает революционные события в арабских странах как часть «исламского пробуждения» и пытается эксплуатировать эту парадигму в интересах укрепления своих внутренних и внешних позиций. Однако исламская идеология не стала лейтмотивом арабских восстаний, по крайней мере на первом этапе. Если же в дальнейшем к власти в арабских странах придут представители духовенства, то нет никаких гарантий, что они будут дружески настроены к Тегерану из-за конфессиональных подозрений или в силу стремлений реализовать арабский национальный интерес.

И. Е. Федорова

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИКУ ИРАНА В РЕГИОНЕ

Американский фактор на протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны определял внутривнутриполитическое, экономическое и внешнеполитическое развитие Ирана. После революции 1979–1980 гг. вектор внешней политики США изменился на прямо противоположный. Однако важнейшее место, которое Иран занимал во внешнеполитической стратегии США на Среднем Востоке, осталось прежним. Если американское правительство видело в шахе своего союзника и помогало Ирану стать державой, определяющей судьбы региона, то после революции, в связи с антиамериканской направленностью политики ИРИ, противодействие укреплению положения Ирана стало одной из важнейших внешнеполитических задач США. В центре внимания американской администрации стояли и продолжают стоять вопросы, связанные с прекращением развития ядерной программы Ирана, с минимизацией его вовлеченности в арабо-израильский конфликт, с ограничением влияния руководства Ирана в Ираке и Афганистане.

Противодействие США политике, проводимой Ираном, охватывает самый широкий спектр направлений. В первую очередь, усиление американского военного присутствия в Персидском заливе, объявление КСИР террористической организацией (что позволяет применить против нее военную силу), финансовая помощь союзникам США в регионе для закупки оружия.

Остановимся на этом последнем моменте, ярким примером которого является решение государственного департамента и Министерства обороны США о продаже оружия Саудовской Аравии, Оману, Катару, Кувейту, Бахрейну и Объединенным Арабским Эмиратам. Газета «Файнэншл Таймс» оценивает сумму запланированной сделки в 123 млрд. долл. Решение было принято в сентябре 2010 г. и предусматривало поставку в течение четырех лет различных видов вооружений, включая системы противоракетной обороны «Пэтриот» и бомбардировщики Ф-16, в страны

Персидского залива. Основная часть вооружений предназначалась для Саудовской Аравии. Антони Кордсмэн из Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне заявил, что целью Вашингтона в этой сделке было создать «новую послевоенную структуру безопасности в регионе» (имеется в виду ситуация, которая сложится после вывода американских войск из Ирака. — *И. Ф.*) для обеспечения непрерывного экспорта энергоносителей, необходимых мировой экономике. Он подчеркнул, что продажа оружия позволит повысить уровень регионального сдерживания и сократить силы США, дислоцированные на Ближнем и Среднем Востоке¹.

Представляется важным отметить, что оба министерства приняли решение, не объясняя, насколько оно отвечает интересам национальной безопасности США. Даже в Конгрессе нашлись противники этой сделки. Они утверждали, что «как администрация Буша, так и администрация Обамы раздает оружие, как праздничные конфеты, не трудясь выяснить, насколько продажа оружия отвечает интересам кого-либо другого, кроме самих производителей оружия в США»². Несмотря на критику со стороны отдельных политиков, нет сомнения в том, что Конгресс одобрит данное решение, поскольку продажа оружия в страны Залива является эффективным инструментом продвижения американской внешней политики, а страны региона обеспечивают интересы США, предоставляя американским войскам базы в регионе и поддерживая военные операции в Афганистане и Ираке.

Решение о продаже вооружений было принято в рамках широкой программы повышения военного потенциала стран региона, необходимость которой объяснялась угрозой со стороны Ирана. Эта программа, обсуждавшаяся на протяжении всего 2010 г., включала трехкратное увеличение американского контингента в Саудовской Аравии, создание беспрецедентной системы координации воздушной обороны стран Залива и совместные американо-арабские учения. В первую очередь, американское вооружение закупают Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, получившие с 2008 по 2010 г. вооружение на сумму 25 млрд. долл.³

Продажа оружия в страны Залива осуществляется наряду с планированием большого объема помощи США в создании ядерных реакторов и атомных электростанций для обеспечения внутренних потребностей названных государств. Так, ОАЭ подписали контракт на помощь США в строительстве первого ядерного реактора и тщательно разрабатывают ядерную программу, не нарушающую положения о нераспространении ядерного оружия и исключающую этапы ядерного цикла, которые могут быть использованы для получения ядерных материалов, необходимых при создании ядерной бомбы. Египет, Саудовская Аравия, Турция, Кувейт, Иордания и Йемен рассматривают аналогичные предложения США.

Еще одним важным направлением американской политики и серьезным рычагом давления на Иран стало введение экономических санкций, которые по инициативе США были одобрены Советом Безопасности ООН. Имеются в виду резолюции Совета Безопасности ООН 1696, 1737, 1747 и, наконец, последняя, принятая в июне 2010 г. резолюция 1929, которая ужесточала меры по покупке Ираном вооружения, ограничивала финансовые операции с иранскими банками, замораживала счета отдельных лиц и компаний и вводила новые правила по инспекции судов и т. д.

Какова же реакция Ирана?

Видение исторической миссии Ирана, которая заключалась в превращении его в региональную сверхдержаву, не изменилось после прихода к власти духовенства в 1979 г. (Задача эта была выдвинута еще Хомейни.) Конкретные внешнеполитические цели политики Ирана в регионе, как до, так и после революции, заключались в том, чтобы быть доминирующей державой, играющей ключевую роль в решении региональных конфликтов и определяющей послевоенное устройство Ближнего и Среднего Востока. Эта тенденция усилилась после вступления в должность в 2005 г. президента М. Ахмадинежада. Важнейшим направлением его региональной политики является всестороннее развитие и укрепление экономических и внешнеполитических связей со странами региона на основе поиска антиамериканской и антиизраильской платформы. При этом Иран официально объявляет о том, что он выступает за единство мусульманского мира и сглаживание противоречий между шиитами и суннитами в противостоянии международному терроризму и Израилю. Так спикер меджлиса Али Лариджани подчеркнул в своем выступлении во время встречи с заместителем спикера парламента Малайзии, что «шиитская идеология всегда стремилась создать единство мусульман и выступала против попыток внести разногласия между ними». Особую роль в этом процессе, по его мнению, должен играть обмен знаниями и технологиями между мусульманскими странами, обеспечивающий взаимодействие, дружеское сотрудничество и прогресс в мусульманском мире⁴.

Представляется важным отметить, что чем интенсивнее оказывается давление США на Иран, тем активнее проводится его внешняя политика. Благоприятные условия для этого создали сами США, уничтожив военными действиями в Ираке и Афганистане двух наиболее крупных антагонистов Ирана.

Говоря о региональной политике Ирана, можно выделить следующие направления: а) отношения с ближайшими союзниками Сирией и Ливаном, в рамках которых осуществляется поддержка «Хезболлы» в Ливане и ХАМАС в Палестине; б) отношения с Ираком и Афганистаном — странами, вовлеченными США в военные действия; в) отношения с Саудов-

ской Аравией и другими арабскими странами, являющимися наиболее близкими союзниками США.

...В рамках первого направления Иран добился стратегического союза с Сирией. Особое место здесь занимает визит 12 октября 2010 г. президента Сирии в Иран. Это уже восьмой по счету визит Башара Асада в Иран и пятый — за время президентства М. Ахмадинежада. В этот раз Башар Асад был награжден высокой наградой ИРИ «за защиту прав палестинского и ливанского народов и за ключевую роль в установлении стабильности и спокойствия в регионе». Переговоры касались укрепления военно-технического и экономического сотрудничества. Главы двух государств подчеркнули, что ситуация в регионе меняется в пользу стран региона, и отметили необходимость укрепления единства отдельных группировок в Ливане и усиления сопротивления региональных государств агрессии Израиля. Ахмадинежад заявил, что, несмотря на заговоры врагов мусульманских стран региона, Иран и Сирия будут укреплять связи с Ливаном, а президент Асад подробно остановился на важности предстоящего визита Ахмадинежада в Ливан. По некоторым сообщениям, обсуждалась возможность поставок вооружения в Ливан. Эта тема стала особенно актуальной после того, как Конгресс США решил воздержаться от военной помощи Ливану в размере 100 млн. долл. после приграничного конфликта с Израилем. Помимо переговоров на высшем уровне во время визита, министры иностранных дел двух стран подписали торговое соглашение.

Высшей точкой дипломатической деятельности М. Ахмадинежада осенью 2010 г. стал его визит в Ливан 23 октября. В ходе визита были подписаны 17 соглашений по сотрудничеству в нефтяном и газовом секторе, в сферах производства электроэнергии, строительной промышленности, телекоммуникаций, информационных технологий, высшего образования, а также в области науки и технологий. Президент М. Ахмадинежад и президент М. Сулейман подчеркнули наличие культурного единства народов Ирана и Ливана, необходимость развития двусторонних связей и важность сохранения союзнических отношений в борьбе против Израиля. Во время визита Ахмадинежад встретился с генеральным секретарем «Хезболль» Саидом Хасаном Насролла в иранском посольстве в Бейруте, который поблагодарил президента Ирана за постоянную поддержку исламского движения сопротивления в Ливане. Пребывание Ахмадинежада в Ливане и посещение им территорий вблизи ирано-израильской границы, а также активное участие в восстановлении селений, пострадавших во время конфликта с Израилем в 2006 г., произвели значительный пропагандистский эффект, призванный показать всему миру, что ближневосточный конфликт входит в сферу жизненно важных интересов Ирана. Американский аналитик Марк Сиройс следующим образом оценивает этот визит: «...Иран показал, что он активный игрок в этом районе мира, что он стоит за спиной

самой могущественной силы региона — “Хезболлой”. И эта реальность увеличивает озабоченность тех, кто боится, что растущая роль Ирана может дестабилизировать не только Ливан, но и весь регион»⁵.

В рамках второго направления Иран стремится укрепить свое влияние в Афганистане и Ираке, воспользовавшись тем, что недружественные ему режимы в этих двух странах были смещены при помощи США.

В Афганистане в 2001 г. руководство Ирана в определенной степени помогло в свержении режима талибов, предоставляя силам коалиции разведывательную информацию. С президентом Х. Карзаем, который неоднократно бывал в Иране, у президента Ахмадинежада складывались дружеские отношения. Иран участвовал в строительстве дорог на приграничных с ним территориях Афганистана, построил завод по сборке автомобилей, иранская электроэнергия поступает в Герат. Немалую роль сыграла регулярная (один-два раза в год) передача крупных сумм наличности иранскими дипломатами президенту Х. Карзаю⁶. Особую озабоченность Ирана вызывает необходимость приостановить наркотрафик из Афганистана по территории Ирана.

Ситуация в Ираке сейчас далека от определенности. В результате Иран укрепил свое влияние в южных и центральных районах Ирака, где преобладает шиитское население, и наладил контакты с властями Иракского Курдистана. В связи с этим важную роль сыграл недавний визит премьер-министра Ирака Нури аль Малики, пользующегося поддержкой коалиции крупных шиитских партий, в Иран, во время которого он обратился к Ахмадинежаду с просьбой помочь в восстановлении Ирака. Он подчеркнул, что стратегические отношения между Ираном и Ираком должны развиваться. «Мы обратились к Ирану с просьбой поддержать восстановление Ирака и содействовать в развитии экономического и торгового сотрудничества между нашими странами». Первоначально руководство Ирана поддерживало Ибрахими аль Джадари, прекрасно помня обвинения в террористической деятельности, которые Нури аль Малики бросал в адрес Исламской Республики. Однако, понимая, что у аль Джадари нет шансов занять руководящий пост, духовный руководитель Ирана Хаменеи убедил Моктаду ас Сафра, который в течение нескольких последних лет проживает в Куме, поддержать предложенные Нури аль Малики кандидатуры в правительство, используя 40 голосов, которые он контролирует в парламенте. Этот визит дал возможность конкуренту Нури аль Малики — Айяду Алави обвинить Иран во вмешательстве во внутренние дела Ирака, а премьера Малики — в том, что он слишком тесно связан с Ираном. Нападки на Иран постоянно присутствуют в высказываниях Айяда Алави. Например, в интервью каналу CNN он отметил: «Со всей категоричностью я могу заявить, что Иран пытается изменить политические процессы в Ираке в соответствии со своими желаниями и потребностями»⁷.

В рамках третьего направления отношения с Саудовской Аравией и другими наиболее близкими союзниками США развиваются непросто. В Ираке Саудовская Аравия поддерживает Аяда Алави и связанные с ним политические силы. В опубликованных недавно материалах сайта Викиликс содержалась информация о том, что правящие круги Саудовской Аравии обращались к Соединенным Штатам с просьбой начать военные действия против Ирана для того, чтобы свести к минимуму его влияние в регионе.

В ответ на это Иран пытается использовать весь свой многовековой опыт дипломатии, чтобы найти точки соприкосновения в отношениях с королем Абдуллой. Он не поднимает вопрос о поставках американского оружия, а старается поддерживать диалог по проблемам Ирака и Ливана. Иран пытается убедить короля Абдуллу в необходимости прекращения работы Международного трибунала, расследующего убийство бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири, созданного во многом благодаря усилиям США. По мнению иранских дипломатов, это может предотвратить осложнение обстановки в Ливане, результаты которого трудно предсказать. Пытается Иран и установить контакты с определенными кругами Саудовской Аравии на почве антиизраильских настроений. Определенные основания на это у него имеются. Недавно глава Центра стратегических исследований Саудовской Аравии заявил в интервью агентству «Аль-Джазира», что «Иран не враг, а враг Израиль»⁸. В целом, на наш взгляд, какого-либо существенного улучшения отношений с Саудовской Аравией, являющейся близким союзником США, при условии сохранения нынешнего режима в ИРИ, ожидать не приходится.

В заключение представляется возможным сказать, что, несмотря на различное видение развития двусторонних отношений с Ираном, соседи по региону не хотели бы усиления влияния Исламской Республики Иран. Наибольшие опасения вызывает развитие иранской ядерной программы, успешное завершение которой даст Ирану основания активно вмешиваться во внутренние дела сопредельных стран. С другой стороны, их пугает возможность военной операции США или Израиля против Ирана, которая может привести как к дестабилизации обстановки внутри этих стран, так и к серьезному усилению присутствия США в регионе. Иран, со своей стороны, в соответствии со своей внешнеполитической доктриной, будет и дальше активизировать политику в регионе, стараясь найти точки соприкосновения с правительствами сопредельных государств на основе антиамериканской позиции. Возможно отметить, что события января-февраля 2011 г. в странах Ближнего Востока и Северной Африки, в результате которых пошатнулись или же были смещены правительства, а лидеры крупнейших стран были вынуждены покинуть свои посты, предоставили Ирану новые возможности для распространения влияния в регионе.

Примечания

¹ Tehran Times, 1 November 2010

² <http://www.aolnews-com/world/article/cnn.com/2010/world/meast/10/13>

³ Washington Post, 31.01.2010.

⁴ Press TV, 27.01.2011.

⁵ <http://edition.probe-us-arms-sales-to-persian-gulf-lack-overs>

⁶ Речь идет о 600–700 млн. долл., передаваемых послом Ирана в Афганистане

Ф. Хусейном Малики (The Guardian, 26 October 2010).

⁷ <http://topics.edition.cnn.com/topics/Iraq>

⁸ Haaretz.com 01.11.2010.

Владимир Сажин

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ¹

В настоящее время ядерная программа Исламской Республики Иран (ИРИ) является одной из главных мировых проблем не только с точки зрения дальнейшей судьбы режима нераспространения ядерного оружия, но и безопасности Ближнего и Среднего Востока и в целом — всего мира.

Ни у кого не вызывает сомнения, что ИРИ играет одну из доминирующих ролей в важнейшем регионе планеты — на Ближнем и Среднем Востоке. Все болевые точки региона, так или иначе, сопряжены с Ираном. Все, казалось бы, сугубо внутренние проблемы отдельных частей региона, будь то этнические или религиозные, военные или экономические, проблемы беженцев и наркобизнеса, проблемы терроризма и сепаратизма, могут эффективно решаться (или не решаться) только при содействии ИРИ, которая является решающим фактором ближневосточной региональной политики.

Радикализация иранской политики при президенте Махмуде Ахмадинежаде

С приходом в 2005 г. к президентской власти нынешнего ее главы Махмуда Ахмадинежада региональная политика этой страны радикализировалась. Это касается ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, прежде всего в Афганистане, Ираке, в зоне Персидского залива, по палестинско-израильскому урегулированию, а также важного для ИРИ переговорного процесса по своей ядерной программе.

Возникает еще один вопрос: почему именно в настоящее время у клерикальной иранской «закулисы», которая реально управляла и управляет страной уже 31 год, появилась необходимость радикализировать политику и одновременно вернуться к пропагандистской риторике первых лет ис-

ламской революции? Ответ — стремление не допустить эволюции исламской революции в сторону от хомейнизма.

В этом президент Ахмадинежад чувствует поддержку мощных структур внутри страны, которые и сделали на него ставку. Это, прежде всего, радикальные группировки духовенства, исламские фонды, Корпус стражей исламской революции (КСИР) и подчиненные ему Силы сопротивления «Басидж».

К слову сказать, за пять лет своего президентства Ахмадинежад под знаменем хомейнизма вел свою собственную игру. С одной стороны, иранский президент инициировал усиление агитационно-пропагандистского религиозно-идеологического давления на иранцев в духе первых лет исламской революции, с другой — осуществлял ползучую контрреволюцию, чреватую захватом реальной власти силовыми структурами. Ахмадинежад проводил политику постепенного устранения старых революционеров — клерикалов — и замены их на молодых, беспринципных псевдореволюционеров, не получивших в свое время финансово-экономических привилегий от революции и ныне стремившихся наверстать упущенное. Это своеобразный вариант Сталина 30-х гг., нанесшего удар по старой большевистской гвардии. По таким людям, как Бухарин, Каменев, Троцкий.

Все новые выдвиженцы Ахмадинежада в большей своей части выходцы или сотрудники Корпуса стражей исламской революции — своеобразного военно-политического, финансово-экономического, религиозно-идеологического, жандармско-полицейского, разведывательно-диверсионного органа иранских силовиков. Это своеобразный аналог элитных нацистских сил СС, только более мощный. Так, ныне КСИР курирует основные отрасли экономики, ВПК, финансовые потоки.

Поэтому обретая финансовую, будем говорить, и сравнительно значимую экономическую мощь, правящая элита в лице президента пришла к выводу о том, что настало время заявить о себе как о мировом военно-политическом и идеологическом центре, как о супердержаве региона.

В этой связи представляет интерес разработанный несколько лет назад в Иране документ под названием «Двадцатилетняя перспектива». В нем указывается, что через двадцать лет Иран должен стать развитой страной и занять первое место в регионе по экономическому, научному и культурному развитию. Кроме того, в документе говорится, и на это следует обратить внимание, что «Иран станет вдохновителем исламского мира и цивилизациообразующим государством с революционной и иранской идентичностью, реализующим конструктивное и эффективное взаимодействие в международных отношениях». Таким образом, данный документ свидетельствует о том, что в исламском Иране

резко активизировалось практическое осуществление главной задачи клерикального хомейнистского режима — создание под эгидой Ирана «мировой исламской общины — уммы». Данное положение, суть которого официально закреплена в статье 11 Конституции ИРИ, имеет долговременный характер.

Здесь просматриваются три уровня долгосрочных целей политики Ирана, на реализацию которых ныне направляются основные усилия руководства страны.

Первый уровень целей связан с превращением Ирана в общемульманский центр силы. Однако это без утверждения Ирана в качестве общерегионального центра силы в зоне Ближнего и Среднего Востока не имеет реального смысла.

Второй уровень как раз и предполагает превращение исламского Ирана в региональный центр силы. Для этого иранское руководство стремится к достижению в регионе идеологического, политического, экономического и собственно военного лидерства.

Третий уровень целей расположен на «национальной территории», т. е. приоритеты политики сосредоточены на решении внутрииранских задач, в частности на консервации власти в руках военной и финансово-экономической группировки, которую сегодня условно можно назвать — «духовный лидер аятолла Хаменеи — президент Ахмадинежад», а также на обеспечении военно-политической, идеологической стабильности государства, создании независимой экономики с развитой промышленностью, в том числе военной, строительстве мощных вооруженных сил.

Вновь и вновь возникает вопрос — почему Иран так стремится к гегемонии? По всей вероятности, это результат воздействия нескольких, можно сказать, основополагающих факторов, которые подогревают амбиции Тегерана.

Первое. Геополитический фактор. Исламская Республика Иран действительно объективно играет одну из доминирующих ролей в важнейшем регионе планеты — Западной Азии, куда входят Ближний и Средний Восток, Кавказ, зона Каспийского моря, Центральная Азия.

Второе. Военно-политический фактор. Сегодня Исламская Республика Иран окружена если не врагами, то, во всяком случае, недругами или даже потенциальными противниками.

Третье, быть может, главное. Национально-психологический фактор. Нынешняя Исламская Республика Иран — наследница древнейшей мировой цивилизации, великой Персидской империи, покорившей добрую половину античного мира. В духовном, религиозном плане Иран в течение почти шести последних веков являлся центром мирового шиизма. Под влиянием этих основных исторических факторов в течение многих столетий формировался менталитет гордых и бескомпромиссных иран-

цев-шиитов, отстаивающих свои интересы в противостоянии с многочисленными неприятелями, счет которым к настоящему времени значительно возрос. В настоящее время персидская национальная психология, представляющая собой сплав великодержавного имперского национализма и шиитской избранности, стала политическим фактором. Именно здесь, кажется, и скрыта главная причина амбициозности и «ядерного упрямства» Тегерана.

Во всех иранских заявлениях по ядерной проблеме между строк читается вопрос: почему другим, например Израилю, Индии или Пакистану, можно то, что запрещено нам? Почему у них есть атомные бомбы, а у нас нет? Это, безусловно, если так можно сказать, национально-психологические комплексы. Это уязвленное национальное самолюбие. В частности, любые попытки ограничить ядерную программу ИРИ вызывают неадекватную враждебность, замешанную на национализме. Как отмечают политологи, «ядерная программа и национальная идентичность в сознании иранских лидеров слились в единое целое. Все это, конечно, комплексы. Но комплексы, которые воздействуют на политику, причем не только внутреннюю, но и внешнюю. Эти комплексы являются движущей силой сложной игры, ведущейся Ираном на международной арене с целью формирования научно-технической и технологической базы для создания условий производства ядерного оружия как основного фактора доминирования в регионе Ближнего Востока и во всем мусульманском мире.

Парадокс заключается в том, что исламские революционеры, свергнувшие шаха и разрушившие все монархические институты, ныне осуществляют именно шахскую мечту, превращая Иран в супердержаву региона, в центр «великой цивилизации», о чем в свое время писал шах Мохаммад Реза Пехлеви в амбициозной книге «К великой цивилизации». (Правда, сегодня говорят об исламской цивилизации, но не в этом суть.) Сегодня Исламская Республика Иран усилиями последователей аятоллы Хомейни плавно превращается в персидско-шиитскую империю. Она весомо заявляет о себе не только в региональном, но и в мировом масштабе. Еще в 2006 г. тогдашний главнокомандующий КСИР дивизионный генерал Яхья Рахим-Сафави потребовал от США и европейских стран признать Иран «великой региональной державой».

Сегодня Тегеран играет уже по правилам группировки Ахмадинежада. Его усилиями на Ближнем и Среднем Востоке формируется новый региональный (пока!) центр сил — Исламская Республика Иран. В потенциале — центр сил, обладающий ядерными технологиями для производства атомной бомбы. А это чревато серьезными последствиями не только для самого Ирана, но и для безопасности ближневосточного региона.

Иран — источник угроз?

Политологи, занимающиеся новейшей историей и политикой Ирана, отдавая должное опасности превращения ИРИ в ядерную державу, выделяют при этом еще несколько групп угроз, исходящих из исламского Ирана².

Первое, конечно, — ядерная программа. На протяжении ряда лет ядерная программа Исламской Республики Иран продолжает оставаться одним из запутаннейших узлов во взаимоотношениях между ведущими государствами планеты. Эта проблема, по сути, стала не только одним из главных объектов мировой политики, но и все больше превращается в ее самостоятельный субъект. Конечно, иранская ядерная программа обусловлена энергетическими и в целом экономическими потребностями, а также национальным самоутверждением иранцев. Однако дело в том, что существует множество признаков, правда, пока косвенных, которые свидетельствуют о не совсем мирном характере иранской ядерной программы. Есть несколько «но», которые вызывают беспокойство.

Во-первых, планы по созданию полного ядерного цикла и в его рамках формирование промышленной инфраструктуры по обогащению урана.

Во-вторых, строительство тяжеловодного реактора, способного нарабатывать плутоний. Как известно, ядерный боевой заряд может быть урановым или плутониевым.

В-третьих, отсутствие ответов со стороны Тегерана на вопросы МАГАТЭ по некоторым незаявленным и вызывающим настороженность аспектам деятельности ИРИ в ядерной сфере.

Ради объективности следует подчеркнуть, что ни Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), ни документы Международного агентства по атомной энергии не запрещают осуществление странами национальных ядерных программ, включающих разработки в области использования атомной энергии в мирных целях и создание промышленных объектов на их основе, в том числе в рамках полного ядерного топливного цикла. Однако косвенные признаки свидетельствуют о намерениях шиитского режима в ИРИ не останавливаться только на создании мирной атомной энергетики или проведении научных исследований в ядерной физике. В этой связи ядерная политика Ирана, его конфронтация с мировым сообществом, упорное нежелание выполнять резолюции высшего международного органа — Совета Безопасности ООН в перспективе может представить угрозу глобальной и региональной безопасности.

И дело даже не в самом Иране. Понятно, что в чисто военном плане иранская военная мощь (действительно, могучая в масштабах региона, а по некоторым показателям — и мира) по своим возможностям, прежде всего высокотехнологичным, несравнима с военной мощью США,

России, ведущих западноевропейских стран, Китая, Японии или Израиля. Не вызывает сомнений и тот факт, что в гипотетическом случае запуска с территории ИРИ ракеты с ядерной боеголовкой Иран, как государство, будет достаточно быстро уничтожен ядерными силами США (НАТО) или Израиля. И в Тегеране это отчетливо понимают. Следует отметить, что и в Израиле не все считают, что Иран, даже обладая атомной бомбой, посмеет атаковать еврейское государство³. Опасность ядерного Ирана в другом.

Во-первых, иранский пример создания национальной ядерной инфраструктуры, способной производить не только топливо для АЭС, но и оружейный уран или плутоний, может стать заразительным для более чем десятка так называемых «пороговых» стран, многие из которых являются или могут стать участниками региональных конфликтов и ввиду этого не исключают принятие политического решения о создании собственного ядерного оружия. Как следствие, сработает принцип домино. И тогда такой важный документ, как ДНЯО, можно смело выбросить в урну. А это грозит возможностью практически неконтролируемого использования ядерного оружия средними и малыми странами: по старой терминологии — «третьего мира». При таком развитии событий можно ожидать, что если не весь мир, то некоторые его регионы будут повергнуты в состояние хаоса, причем ядерного.

Во-вторых, при неконтролируемом распространении ядерного оружия, особенно в ближневосточном регионе, не исключен вариант захвата этого оружия или его компонентов («грязная бомба») террористическими группировками, что может привести к катастрофическим последствиям. Международный терроризм опаснее тем, что для его апологетов не существует ценностей (родина, страна, народ), которые являются или могли бы являться сдерживающими факторами, как, например, в противостоянии Израиль — Иран.

В-третьих, наличие ядерного оружия в Иране или даже реальной возможности его создания в достаточно сжатые сроки сделает руководство страны еще менее сговорчивым с международным сообществом и более экспансионистским по отношению к соседям по региону. Как следствие этого, иранская атомная бомба станет главным инструментом шантажа при проведении Тегераном политики по претворению в жизнь доктринальных установок и заветов аятоллы Хомейни в интерпретации президента Ахмадинежада.

Необходимо заметить, что международное сообщество не может быть удовлетворено той неконструктивной позицией, которую занимает Иран сейчас в ходе переговоров с различными контрагентами и на различных уровнях по проблеме своей ядерной программы. Эта позиция заключается в затягивании всего переговорного процесса; в попытках внести раскол

между Евросоюзом, США, Китаем и Россией; в шантажировании всех угрозами выйти из Договора по нераспространению ядерного оружия и прекратить членство в МАГАТЭ.

Вторая угроза со стороны ИРИ — поддержка международного терроризма. Явным показателем усиления влияния спецслужб на политику ИРИ в целом и на ее «особые, тайные направления» в частности явилось назначение Ахмадинежадом на пост министра обороны генерала КСИР Ахмада Вахида. Как известно, в свое время Интерпол выдал ордер на арест генерала Вахида за то, что он спланировал и осуществил в 1994 г. террористическую атаку на Центр еврейской общины AMIA (AMIA Jewish Community Center) в столице Аргентины Буэнос-Айресе.

Но все же главным регионом активных действий иранских спецслужб по спонсорству терроризму остается Ближний и Средний Восток. Тегеран оказывает реальную материальную помощь экстремистским организациям, выступающим против мира между евреями и палестинцами. На юге Ливана этим целям служит проиранская шиитская военно-политическая организация «Хезболла», действующая под эгидой Сил специального назначения «Кодс» — разведывательно-диверсионной структуры КСИР.

По некоторым данным, боевые группировки организации «Хезболла» насчитывают до 20 тыс. человек (в том числе до 150 военнослужащих иранского КСИР). Наблюдатели отмечают, что до 1000 человек входят в состав элитных подразделений боевиков. Остальные представляют собой строевые, вспомогательные и учебные подразделения. На вооружении исламистов имеются артиллерийские орудия, минометы, ракетные установки, ПТРК «Малютка» и «Фагот», безоткатные орудия, ПЗРК, зенитные установки. По словам лидера «Хезболлы» Хасана Насраллы, ныне запасы ракет увеличены до 40 тыс. единиц (во время войны 2006 г. имелось 13 тыс.). Организация имеет РЛС для отслеживания кораблей и катеров ВМС Израиля. «Хезболла» формирует подразделения морских «командос», подготовка которых осуществляется в Иране.

Иранская помощь «Хезболле» носит всеобъемлющий характер, она включает финансирование, дипломатическую и политическую поддержку, подготовку идеологических и военных кадров, поставки вооружения, военной техники, боеприпасов и снаряжения, гуманитарные поставки. При президенте-либерале Хатами в связи с некоторой коррекцией внешней политики ИРИ к началу нового столетия ежегодная финансовая помощь «Хезболле» сократилась с 60–100 до 30 млн долларов. В последние годы иранские субсидии в «Хезболлу» достигли рекордного размера — до 200 млн долларов. Подобное увеличение финансирования «Хезболлы» объясняется необходимостью для Тегерана укрепить позиции этой организации.

В настоящее время главной силой, ведущей боевые действия против Израиля в секторе Газа, является организация ХАМАС.

Финансирование организации осуществляется как со стороны некоторых арабских стран, так и Ирана. По разным данным, суммарный ежегодный бюджет движения ХАМАС составляет от 30 до 50 млн. долл.

ХАМАС — суннитская организация, поэтому ее отношения с Ираном были неоднозначны. Поддерживая политические цели ХАМАС, ее террористические акции, Тегеран расходился с ней в идеолого-конфессиональном плане. Однако политика перевесила идеологию, и уже с десятков лет Иран оказывает материально-финансовую помощь ХАМАС (деньги, оружие). Сначала по каналам Сирия — «Хезболла» — ХАМАС, а в последнее время и напрямую.

Имеются данные, что, как и в случае с «Хезболлой», иранский КСИР направляет советников и профессионалов специальных операций для подготовки и оказания помощи боевикам ХАМАС на месте, а также ведет их подготовку в третьих странах и в Иране.

Но «Хезболлой» и ХАМАС активность ИРИ на израильско-палестинском поле не исчерпывается. «Исламский джихад», «Бригады мучеников Аль-Акса» — все с одобрения Ирана пытаются не допустить движения палестинских властей навстречу Израилю.

В настоящее время на ливано-израильской границе, по мнению востоковедов-арабистов, установилось что-то вроде силового равновесия и перемирия. Стороны, понимая силу противостоящего противника, пока не стремятся к новой войне. Это явно не устраивает Тегеран. Сейчас предпринимаются усилия для активизации наиболее радикальных группировок внутри «Хезболлы» (как политических, так и военных) с целью укрепления этой организацией своих позиций в самом Ливане, в том числе и во властных структурах. Это, несомненно, создаст новые угрозы для этого района Ближнего Востока.

Конечно, сегодня можно с большой долей уверенности говорить, что Тегеран не хочет прямого столкновения ни с Израилем, ни с США. Но нынешнее руководство ИРИ стремится как бы исподтишка, чужими руками наносить ущерб «сионистскому образованию», используя ХАМАС в секторе Газа и «Хезболлу» в Ливане в качестве своего «бесконтактного» оружия.

Третья угроза со стороны Ирана заключается в санкционированном подстрекательстве к геноциду. По мнению некоторых западных наблюдателей, Иран уже совершил преступление в подстрекательстве к геноциду. В парламенте Канады были проведены слушания по этому вопросу. В результате разбирательства были получены многочисленные свидетельства и документальные доказательства в отношении санкциониро-

ванных иранским государством подстрекательствам к геноциду евреев. Президент Международной ассоциации по изучению геноцида профессор Грегори Стэнтон полагает, что с исторической точки зрения Иран уже прошел первые шесть ступеней к геноциду. (Правда, при этом не было отмечено, сколько всего имеется ступеней к этому преступлению против человечества.)

Доказательством этому может служить яростная антиизраильская риторика руководства Ирана, прежде всего президента Ахмадинежада. Всего через четыре месяца после своей первой инаугурации в августе 2005 г. в течение нескольких недель иранский президент неоднократно призывал «стереть Израиль с карты мира», вырезать из тела Ближнего Востока «сионистскую опухоль», не верить в Холокост. Свое возмущение выразили большинство стран мира, в том числе Палестинская администрация, Ватикан, а также партнеры ИРИ — Китай и Россия, не говоря уже об Израиле, США и Евросоюзе. ООН официально осудила недальновидные заявления иранского президента. Но уничтожение Израиля, как и учил имам Хомейни, было и остается основным политико-идеологическим стержнем исламского режима ИРИ.

Четвертая угроза со стороны Ирана — это вопиющие нарушения прав человека в стране. Массовые нарушения прав человека в Иране особенно проявились после спорных по своим итогам президентских выборов 12 июня 2009 г. Этот год стал временем усиления и расширения протестного движения. Одновременно ужесточились репрессии. Возросло количество арестов, задержаний, избиений, пыток, похищений людей, внезапных исчезновений, внесудебных убийств. Широкие масштабы приняли показательные суды в стиле сталинских расправ 30-х гг. Подверглись репрессиям представители религиозных меньшинств, прежде всего бахаисты.

В результате были арестованы тысячи людей. Сотни заключенных были казнены (в том числе несовершеннолетние правонарушители) — больше, чем в любой из стран мира (за исключением Китая). Всё это международные эксперты-правоведы охарактеризовали как преступление против человечества.

Как ликвидировать иранские угрозы?

Идея остановить Иран методом «кнута и пряника», применявшегося в течение многих лет — с 2003 по 2010 г., себя не оправдала. Пять принятых с 2006 по 2009 г. антииранских резолюций Совета Безопасности ООН игнорировались Тегераном. Санкции оказывали слабое влияние на поведение иранского руководства.

При этом объективно сосредоточение внимания только на одной угрозе — ядерной приводит к «затушевыванию» сути остальных трех, к от-

странению их из сферы анализа и соответственно — к возрастанию степени опасности от них. Все четыре угрозы связаны друг с другом, считает канадец Ирвин Котлер. Именно их опасное сочетание приводит к созданию «угрожающей» критической массы, способной взорвать весь Ближний Восток. Более того, концентрация внимания только на ядерном аспекте способствует укреплению военно-теократического режима (поскольку большинство иранцев поддерживают ядерную программу) и одновременно создает видимость игнорирования со стороны международной общественности оппозиционного Зеленого движения.

Многие специалисты видят выход в введении новых финансово-экономических санкций против Ирана. Санкций целенаправленных, выверенных и всеобъемлющих для минимизации всех четырех угроз, в первую очередь, конечно, ядерной.

Следует отметить, что принятая Советом Безопасности ООН 9 июня 2010 г. резолюция 1929 прописывает довольно жесткие меры против ИРИ. Кроме того, индивидуальные односторонние санкции ввели США и Евросоюз, к которым присоединились Канада, Австралия, Южная Корея, ОАЭ и другие страны.

Не прошло и полугодя, и это экономическое воздействие оказало соответствующее влияние на состояние иранской экономики. Так, госсекретарь США Хиллари Клинтон, находясь в начале ноября с визитом в Австралии, заявила, что экономические санкции против Ирана являются эффективным методом решения проблемы ядерной программы этой страны. Она отметила, что иранское правительство неприятно удивлено и обеспокоено эффектом от международных экономических санкций против ИРИ. Подчеркнув, что дипломатия не единственный способ решения проблемы ядерного досье Тегерана, Х. Клинтон, тем не менее, заявила, что ужесточение санкций является, по ее мнению, приоритетной формой давления на Иран. По крайней мере — на данный момент⁴.

Ирвин Котлер предложил также инициировать жалобы в международные организации и Международный уголовный суд на конкретных лиц в иранском руководстве, чтобы впоследствии привлечь их к ответственности за пособничество международному терроризму, за подстрекательство к геноциду (Холокост начался со слов и закончился газовыми камерами), за нарушение прав человека в своей стране.

Так что же делать? Осуществлять все более жесткие экономические санкции, принуждающие Тегеран к принятию требований Совета Безопасности ООН и МАГАТЭ, или довести дело до того момента, когда терпение Израиля и/или США будет окончательно исчерпано? Здесь рассматривают несколько вариантов развития событий.

Возможности военного удара по Ирану

Так, израильский генерал-майор запаса, бывший председатель Совета национальной безопасности Израиля Гиора Айленд в своей статье «Обсуждение военной операции против Ирана»⁵, подготовленной в конце 2009 г., рассматривает четыре возможных сценария развития обстановки вокруг Ирана в ближайшее время и соответственно четыре вероятности силового решения иранской ядерной проблемы, в том числе и со стороны Израиля.

1. Соглашение с Ираном. Шансы появления такого сценария чрезвычайно низки. При любом развитии событий по этому сценарию военная операция против ИРИ невозможна.

2. Кризис переговорного процесса с Ираном. Имеется в виду не только и не столько выход из переговорного процесса одной или двух сторон, но и в целом полное исчерпание возможностей диалога. Однако в случае мощной консолидации всех мировых сил, обеспокоенных угрозами со стороны Ирана, создания коалиции и поддержки ею кампании по полной политической и экономической изоляции Тегерана, военная операция против ИРИ также не может быть поставлена на повестку дня.

3. Ни кризиса, ни соглашения (Троцкий: «Ни мира, ни войны»). Этот сценарий предполагает продолжение нынешнего состояния: тихое и вялое развитие переговорного процесса со взлетами и падениями без явных надежд на успех. Это наиболее выгодный для Ирана сценарий, позволяющий ему под прикрытием переговорного процесса продолжать выполнение своей ядерной программы, игнорируя требования МАГАТЭ и Совбеза ООН. Данный сценарий также не предполагает условий для нанесения удара по Ирану.

4. Кризис переговорного процесса с Ираном без стабильной антииранской консолидации международного сообщества. Это, пожалуй, единственный сценарий, который дает большую свободу действий противникам ИРИ и создает возможности для проведения против нее военной операции.

Другая важная проблема — это оценка складывающейся ситуации. Если допустить, что Иран находится на пороге создания атомной бомбы или уже ее имеет, каково будет соотношение выгоды и рисков в случае приспособления к новым условиям выживания при ядерном Иране и в случае решения ядерной проблемы ИРИ силовыми методами.

Следующий момент. Сможет ли Израиль эффективно провести военную операцию без поддержки США или даже в противовес позиции Вашингтона?

Еще одна проблема. Предположим, комплекс условий диктует необходимость израильского военного удара по Ирану. В этом случае возникает пять вопросов.

Первый касается эффективности разведки. Имеет ли военное командование Израиля необходимую информацию об объектах, которые надо поразить на территории ИРИ? Сколько их? Каково их состояние? Каковы сложности и препятствия для успеха операции?

Второе. Как достичь выявленных иранских целей израильской военно-воздушной армаде? Ведь предполагается, что выполнение задач будет поручено, естественно, ВВС. Цели находятся на значительном расстоянии от баз. Необходим воздушный коридор через несколько стран. Будет ли осуществлена кооперация с ними? Получит ли Израиль разрешения на пролет? Сколько потребуются боевых машин и боеприпасов для операции? Как и где будет осуществляться дозаправка самолетов в воздухе? Сколько потребуются времени?

Третье. Важный вопрос. Какой ущерб Израиль может нанести ядерным объектам ИРИ? Достаточен ли он будет для вывода из строя иранской ядерной инфраструктуры?

Здесь возникает четвертый вопрос: сколько времени потребуется иранцам, чтобы восстановить свой разрушенный потенциал? Если слишком мало, то эффекта от военной операции не будет. Необходимо определить, каков необходимый размер ущерба для предотвращения использования иранцами ядерного оружия против Израиля.

Пятый момент. Достаточно ли высок военно-технический, моральный и интеллектуальный потенциал вооруженных сил Израиля для преодоления противодействия пассивным и активным ответным мерам иранской стороны?

Если все ответы на вопросы положительны и не препятствуют успешной военной операции против Ирана, то возникает еще один вопрос, а способно ли правительство Израиля принимать ответственные и непростые решения?

И еще. Подобная антииранская операция — это не уничтожение одиночных целей, как это было в Ираке в 1981 г. или в Сирии в 2007 г. Это совершенно другой масштаб, требующий максимального напряжения всех: и гражданских, и военных, требующий высокой степени координации планов и действий многих военных и политических структур государства, непрерывного моделирования процесса проведения операции, постоянной совместной оценки военно-политической ситуации, принятия мгновенных и абсолютно адекватных решений.

И последний вопрос, сможет ли международное сообщество выбрать между двумя самыми плохими вариантами:

- жить с иранской ядерной бомбой;
- атаковать, несмотря на множество рисков.

Этот ныне теоретический вопрос, который в ближайшем будущем может перерасти в практический. В любом случае это будет результатом

ядерной политики Исламской Республики Иран, дестабилизирующей не только Ближний и Средний Восток, но и весь мир.

Приложение

1. Сажин В.И. Иран: август 2010 г. Военно-политическая ситуация — http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
2. Сажин В.И. Иран: июль 2010 г. Военно-политическая ситуация — http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
3. Сажин В.И. Выборы президента в Иране (Взгляд изнутри и со стороны) — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/21-06-09.htm>
4. Сажин В.И. Исламская революция продолжается (К 30-летию исламской революции в Иране) — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/11-02-09a.htm>
5. Сажин В.И. Президент Ирана Ахмадинежад — портрет в политическом интерьере — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/06-06-07.htm>
6. Сажин В.И. Иран и проблемы безопасности Ближнего и Среднего Востока — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/26-12-05.htm>
7. Сажин В.И. О региональной политике Исламской Республики Иран — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/22-08-04.htm>
8. Сажин В.И. О некоторых особенностях современного международного терроризма — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/04-10-04.htm>
9. Евсеев В.В., Сажин В.И. К вопросу о силовом разрешении иранской ядерной проблемы — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/04-07-08a.htm>
10. Сатановский Е. Я. Замкнутый круг «миротворческой дипломатии» — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/08-05-08a.htm>

Примечания

¹ В подготовке статьи были использованы материалы автора, опубликованные на сайте Института Ближнего и Среднего Востока (см. Приложение).

² См.: Cotler I. Iran: A Case Study for the International Resolve. — Vision and Reality in the Middle East. Security Challenges of the 21st Century. Conference Proceedings. Meir Elran and Yoel Guzansky, Editors. Memorandum № 105. INSS. August 2010.

³ Ben-Israel I. Confronting the Non-Existential Iranian Threat. — Vision and Reality in the Middle East. Security Challenges of the 21st Century. Conference Proceedings. Meir Elran and Yoel Guzansky, Editors. Memorandum № 105. INSS. August 2010.

⁴ <http://www.zman.com/news/2010/11/08/87745.html>

⁵ Eiland G. Deliberating a Military Option against Iran. — Vision and Reality in the Middle East. Security Challenges of the 21st Century. Conference Proceedings. Meir Elran and Yoel Guzansky, Editors. Memorandum № 105. INSS. August 2010.

В. В. Евсеев

О СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ КИТАЯ И ИРАНА

Ирано-китайские отношения своими корнями уходят в глубокую древность. Активные экономические контакты между двумя странами были установлены еще во II в. до н.э. Тогда же начались и дипломатические отношения между двумя странами, начало которых можно отнести к 140 году до н.э., когда посол ханьского императора Чжан Цзыян прибыл в Иран для установления контактов с правившими там парфянскими царями.

В XX в. отношения между Пекином и Тегераном складывались нелегко. Так, после образования в 1949 г. Китайской Народной Республики иранский шах Мохаммад Реза Пехлеви разорвал дипломатические отношения с Китаем, который стал оплотом коммунизма и антиамериканизма на Востоке. Однако уже в 1960-х гг., в условиях обострения советско-китайских отношений, Китай стал обращать особое внимание на Тегеран, понимая ту сдерживающую роль, которую Иран играл в процессе усиления советского влияния на Ближнем и Среднем Востоке. В Иране и Китае стали искать возможности по восстановлению межгосударственного сотрудничества, несмотря на серьезные идеологические противоречия. Как следствие, в 1971 г. между Китаем и Ираном были установлены официальные дипломатические отношения.

После падения шахского режима в 1979 г. отношения между странами еще более укрепились. В частности, во время ирано-иракской войны Китай активно помогал Ирану, рассматривая его как противовес не только советскому, но и американскому влиянию в регионе. Уже в 1984 г. на межгосударственном уровне была создана Совместная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. В июне 1985 г. спикер иранского меджлиса Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, будущий президент Исламской Республики Иран, посетил Пекин, где подписал соглашение о сотрудничестве с Китаем в области ракетных технологий. В 1989 г. президент ИРИ, а ныне духовный лидер страны Али Хаменеи также совершил визит в Пекин, обсудив с руководством КНР перспективы развития ирано-китайс-

ких отношений¹. Али Акбар Хашеми-Рафсанджани в качестве президента ИРИ посетил Китай в 1992 году, а Мохаммад Хатами — в 2000 г. В результате последнего визита было подписано пять документов, охватывающих такие сферы сотрудничества, как добыча, переработка и экспорт в КНР иранской нефти, горнорудная промышленность, взаимная защита капиталовложений, туризм, культура, наука и образование.

Ответный официальный визит в ИРИ председателя КНР Цзян Цзэминя состоялся в 2002 г. и стал вторым визитом после 1979 г. высшего должностного лица Китая в эту страну. Этим был устранен наблюдавшийся ранее дисбаланс в контактах на высшем уровне. Официальный визит китайского лидера завершился подписанием шести соглашений в нефтегазовой, почтовой, телекоммуникационной отраслях, в сфере информационных технологий, а также соглашений об избежании двойного налогообложения, о морских перевозках, о запланированных на 2003–2005 гг. двусторонних культурных обменах, а также об учреждении совместного совета по вопросам торговли².

Особый интерес Иран проявлял к Синьцзян-Уйгурскому автономному району Китая, значительную часть населения которого составляют мусульмане. Не случайно, что этот район в июне 2000 г. посетил президент ИРИ Мохаммад Хатами. А в июне 2002 г. между руководством иранской провинции Хузестан и китайской провинцией Шаньдун был заключен меморандум о взаимопонимании, предусматривающий сотрудничество в сфере сельского хозяйства, промышленного производства и развития современных технологий.

В условиях усиления влияния США в регионе, особенно после падения режима Саддама Хусейна в 2003 г., Тегеран стал искать максимальной поддержки со стороны Пекина, постоянно подчеркивая общность позиций стран по важнейшим международным проблемам. В частности, обе страны решительно выступили против любых проявлений терроризма. Схожие позиции наблюдались и по проблеме ближневосточного урегулирования. Так, ИРИ и КНР осудили насильственные действия Израиля в отношении палестинского населения и призвали к полному выполнению соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. Но это не привело к ухудшению китайско-израильских отношений.

Установив во второй половине 1980-х гг. тесные отношения с Ираном, Китай стал создавать на его территории инфраструктуру ракетной промышленности³. Одновременно стало развиваться и сотрудничество в ядерной области, что позволило ИРИ освоить технологии конверсии урана, а также получить из КНР две «подкритичные» сборки, миниатюрный источник нейтронов мощностью 27 кВт и исследовательский тяжеловодный реактор нулевой мощности. Из указанного наибольшую опасность для ядерного распространения представляли технологии конверсии урана, позволявшие

получать гексафторид урана, необходимый при центрифужном способе его обогащения. В то же время, по-видимому, китайской стороной были переданы уже устаревшие технологии, что отразилось на качестве производимого ядерного материала. Это создало серьезную техническую проблему⁴ в 2010 г., когда иранские специалисты приступили к процессу дообогащения урана до 19,8% по изотопу урану-235 (такой уран еще считается низкообогащенным) под формальным предлогом производства ядерного топлива для Тегеранского исследовательского реактора.

Ирано-китайские договоренности в ядерной сфере вызвали жесткое противодействие со стороны США. КНР было сделано предупреждение о недопустимости подобного сотрудничества с Ираном ввиду предполагаемого осуществления им военной ядерной программы. В 1999 г. под давлением США ирано-китайское сотрудничество в ядерной сфере было приостановлено. Тем не менее в начале 2002 г. Вашингтон ввел санкции против трех китайских компаний, обвиненных в поставках в ИРИ веществ и материалов, которые могли быть использованы при производстве оружия массового уничтожения.

В 1990-х гг. иранское руководство рассматривало Китай в качестве одного из ведущих партнеров по военному и военно-техническому сотрудничеству. Объем поставок китайского оружия и военной техники в Иран в период 1987–2002 гг. составил 4,4 млрд. долл. В частности, Китаем было поставлено 18 истребителей типа J-7М (аналог российского МиГ-21), 100 ракет к противокорабельным комплексам YJ-1 и YJ-2 корабельного и берегового базирования, 80 противокорабельных ракет (ПКР) С-802⁵, девять военно-транспортных самолетов Y-12 (аналог советского военно-транспортного самолета Ан-12), а также ПКР С-801, артиллерийские орудия калибра 155 мм и средние танки Т-59. Одновременно Пекин передал Тегерану ряд современных технологий в сфере создания тактических и оперативно-тактических ракет, артиллерийских систем, боевых кораблей и катеров⁶. По некоторым данным, это способствовало разработке двухступенчатой твердотопливной ракеты «Саджилъ» (Sejil)⁷ с максимальной дальностью полета свыше 2 тыс. км.

В отличие от во многом надуманного российско-иранского сотрудничества, взаимоотношения ИРИ и КНР в ракетной сфере развивались достаточно успешно. Об этом, в частности, свидетельствует разработка в ИРИ при участии китайских и северокорейских специалистов баллистической ракеты малой дальности Nazeat⁸. Кроме этого, в начале 2000-х гг. Ирану удалось закупить в Китае рентгеновские приборы проверки качества сборки ракетных двигателей, высокоточные станки по производству элементов гиросtabilизированных платформ, мобильные системы контроля телеметрии ракет, а также другие компоненты ракетной техники и соответствующие приборы.

Тем не менее в условиях все усиливающегося американо-иранского противостояния Пекин не смог сохранить активное взаимодействие с Тегераном не только в ядерной, но и ракетной сферах. В результате такое сотрудничество стало постепенно сворачиваться. Однако, как будет показано ниже, это не сказалось на сотрудничестве в других сферах.

Современное состояние китайско-иранских отношений

В настоящее время Китай, наряду с Японией, Турцией, Южной Кореей, ОАЭ и Индией, является одним из ведущих торговых партнеров Ирана. В 2009 г. китайско-иранский товарооборот превысил 21 млрд. долл. Иран обеспечивает 11% китайских потребностей в импорте нефти. В июле 2009 г. такие поставки составили 454 тыс. баррелей сырой нефти в день, что позволяло ему занимать третье место в списке крупнейших поставщиков энергоносителей в эту страну после Анголы (734 тыс. баррелей в день) и Саудовской Аравии (718 тыс. баррелей)⁹.

Одна из острейших проблем КНР обусловлена достаточно ограниченными собственными запасами нефти и природного газа. По мере же развития экономики, которая во многом еще движется по экстенсивному пути, эта проблема будет все более обостряться. Уже сейчас китайский импорт нефти превышает 90 млн. т, а к 2020 г. ожидается его увеличение до 200 млн. т. Аналогичная ситуация наблюдается и на рынке природного газа¹⁰: к 2020 г. планируется увеличение спроса на это сырье до 190–220 млрд. м³ в год. Один из путей решения собственной энергетической проблемы руководство КНР видело в существенном расширении экспорта углеводородов из ИРИ. С этой целью Китай в 2004 г. подписал с Ираном два долгосрочных контракта в энергетической сфере:

— в марте китайская государственная нефтеторговая компания Zhuhai Zhenrong Corp. заключила 25-летнее соглашение на импорт из Ирана природного газа на сумму порядка 20 млрд. долл.¹¹;

— в октябре китайская государственная нефтяная компания «Синопек» (SINOPEC Engineering Inc.) подписала контракт на импорт в течение 25 лет из месторождения Ядаваран¹² 385 млрд. м³ природного газа, а также 150 тыс. баррелей сырой нефти в день¹³.

Позднее от поставок иранского природного газа КНР временно отказалась, по-видимому, заменив его аналогичным сырьем из Центральной Азии. В отношении же иранской нефти переговоры продолжились, что позволило в августе 2008 г. подписать между министерством нефти ИРИ и китайской государственной нефтяной компанией «Синопек» контракт на разработку первой очереди месторождения Ядаваран. Предполагается освоение этого месторождения в три этапа, после чего компания «Синопек» сможет выйти на уровень добычи 300 тыс. баррелей сырой нефти

в день. Помимо этого, с 2001 г. компания «Синопек» разрабатывает нефтяное месторождение Заварех-каншане, расположенное в 200 км от Тегерана¹⁴.

В январе 2009 г. было подписано китайско-иранское соглашение на разработку месторождения Северный Азадеган. Стоимость этого контракта составила 2 млрд. долл.

Рассматривался вопрос о ежегодных поставках в Китай 20 млн. тонн сжиженного природного газа (в пересчете это составит порядка 30,8 млрд. м³ газа) из иранского месторождения Северный Парс. Соответствующее соглашение между Министерством нефти ИРИ и китайской компанией «Синук» было подписано, но оно требовало утверждения со стороны Высшего экономического совета ИРИ. Против такого соглашения выступили как местные власти, так и ряд депутатов меджлиса, которые предложили весь добываемый здесь природный газ направлять на удовлетворение внутреннего спроса, а для экспорта в Китай использовать газовое месторождение Южный Парс¹⁵. По-видимому, такое решение и было принято, так как в середине 2009 г. Иранская нефтяная национальная компания подписала контракт на сумму 4,7 млрд. долл. с Китайской национальной нефтяной компанией (China National Petroleum Corporation — CNPC) на разработку некоторой части месторождения «Южный Парс». В рамках проекта предполагается ежедневная добыча порядка 50 млн. м³ газа. Данный контракт был заключен после того, как Иран продлил тендер 2004 г. на участие в освоении 11-й фазы рассматриваемого месторождения, а французская компания Total, как и ряд других западных компаний, по сути, отказалась от участия в этом проекте.

В это же время консорциум китайских компаний подписал контракт стоимостью 2,2 млрд. долл. на производство морских и наземных буровых установок и строительство в Иране морских сооружений.

В некотором будущем возможно продление до КНР планирующегося газопровода «Мир»¹⁶ (Иран — Пакистан — Индия). Перспективы сооружения последнего неясны ввиду активного противодействия этому проекту со стороны Вашингтона и отсутствия у Пакистана значительных финансовых средств. Как следствие, индийские представители не приняли участия в нескольких раундах переговоров по этому вопросу. Кроме этого, Иран не хочет отвечать за безопасность транспортировки газа вне собственной территории, поэтому настаивает на оплате газа при пересечении ирано-пакистанской границы. В этом случае неизбежно возникают серьезные экономические риски, обусловленные внутривосточной нестабильностью в Пакистане.

В качестве альтернативы указанному проекту рассматривается строительство газопровода Иран — Пакистан — Китай. Именно поэтому Исламабад начал с Пекином переговоры о закупке технических средств и оборудования, необходимых для прокладки газопровода до китайской

границы. Теперь многое зависит от готовности КНР вложить в этот проект 2,5 млрд. долл.

Осуществление вышеприведенных контрактов не только привлекает значительные китайские инвестиции в разведку, добычу и транспортировку иранских энергоресурсов, которые, по мнению заместителя министра нефти ИРИ Хоссейна Ширази, уже составили 40 млрд. долл.¹⁷, но и позволяет развивать нефтехимическую и газовую инфраструктуру страны.

Следует заметить, что одно из условий продвижения КНР на энергетическом рынке Ирана состояло в осуществлении военно-технического сотрудничества, которое продолжалось до конца 1990-х гг. По данным американской стороны, достаточно часто проданное ИРИ китайское оружие затем контрабандным путем доставлялось различным радикальным группировкам на Ближнем и Среднем Востоке. И только в октябре 1997 г., во время официального визита в США председателя КНР Цзян Цзэминя, Белому дому пообещали прекратить китайско-иранское сотрудничество в этой сфере¹⁸.

Особый интерес представляет китайско-иранское сотрудничество в космической сфере. Так, 2 декабря 2004 г. состоялся визит в Китай директора Космического агентства ИРИ Х. Шафти. В рамках визита прошли его переговоры с руководством Национального космического агентства КНР, а также было организовано посещение иранской делегацией ряда объектов аэрокосмической инфраструктуры Китая. По итогам переговоров между аэрокосмическими ведомствами двух стран был подписан меморандум о взаимопонимании, предусматривающий развитие сотрудничества в области космических технологий и научных исследований. Стороны подтвердили также намерение продолжить сотрудничество в реализации совместных международных космических программ. Активизируя сотрудничество с КНР, иранцы были намерены, помимо технических задач, решить проблему подготовки национальных кадров для аэрокосмической промышленности. Итогом китайско-иранского сотрудничества в космической сфере стал запуск в сентябре 2008 г. с помощью китайской ракеты совместного ИСЗ Environment-1.

В условиях все усиливающейся международной изоляции Тегерана китайская экономика представляет для ИРИ, пожалуй, единственный источник крупных инвестиций и современных технологий. В Пекине это отчетливо осознают и, невзирая на возможность экономических санкций со стороны США, усиленно расширяют свою экспансию на перспективный иранский рынок. При этом особое место отводится сотрудничеству в сфере транспорта. В частности, реализуется подписанный в 2003 г. «Протокол о взаимодействии в транспортной сфере», который предполагает строительство китайскими специалистами на иранской территории аэропортов, автодорог, железных дорог и портовых сооружений. Пекин уже

инвестировал в транспортную отрасль ИРИ 400 млн. долл. Одновременно с этим ведутся широкомасштабные поставки в Иран китайских грузовых автомобилей и микроавтобусов.

Сотрудничество КНР и ИРИ в сфере транспорта хорошо вписывается в реализуемую Пекином концепцию создания «Большого Китая», т. е. существенного расширения сферы своего влияния путем экономического проникновения и завоевания твердых позиций во всех близлежащих странах. В рамках этой концепции формируется азиатско-европейский трансконтинентальный коридор (новый «Шелковый путь»), который пройдет через Турцию, Иран, страны Центральной Азии и Китай. При этом предполагаются как строительство новых железных и автомобильных дорог, так и прокладка нефте- и газопроводов. Важность данного проекта для Китая исключительно велика. Это позволит, с одной стороны, исключить американский контроль за транспортировкой энергоресурсов, а с другой — укрепить собственную энергетическую безопасность.

Помимо этого, Пекин и Тегеран развивают сотрудничество в таких областях, как энергетика, строительство, судостроение, сельское хозяйство, нефтехимия, водное хозяйство и ткацкое производство. Всего в Иране сейчас работает свыше 1,2 тыс. китайских компаний и фирм. Об эффективности китайско-иранского сотрудничества в сфере энергетики говорит тот факт, что китайские компании уже построили в ИРИ две ГЭС — «Талеган» и «Мулла Садра», а также победили в конкурсе на строительство ГЭС «Рудбар». Для реализации этих проектов КНР открыла кредитную линию в размере 1 млрд. долл. Кроме этого, Китай является одним из крупнейших потребителей иранской серы, производимой при переработке природного газа.

Конечно, достаточно тесные китайско-иранские экономические связи оказывают свое влияние и на политические взаимоотношения. Тем более что по ряду важнейших общемировых вопросов (повышение роли ООН в решении мировых проблем, становление многополярного мира, реализация курса на мирное сосуществование) позиции сторон близки или совпадают. Укреплению двусторонних взаимоотношений способствовало и то, что в июле 2005 г. Иран вступил в качестве наблюдателя в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). В то же время Пекин явно не хочет ставить под удар свои взаимоотношения с Вашингтоном, степень важности которых для него существенно выше. Как следствие, активное китайско-иранское сотрудничество в чувствительных для США сферах (ядерная, военно-техническая) к началу XXI в. оказалось свернутым, в 2006–2010 гг. Пекин поддержал введение санкций против ИРИ со стороны Совета Безопасности ООН.

По-видимому, руководство ИРИ переоценило степень зависимости Китая от поставок иранской нефти, а также его стремление заменить Ев-

ропейский Союз на внутреннем иранском рынке. Подтверждением такого вывода служат итоги ноябрьского (2007 г.) визита в КНР министра обороны США Роберта Гейтса, во время которого тема Ирана была одной из основных. Возможно, именно под американским давлением в начале 2008 г. китайские банки на четыре месяца приостановили свои контакты с банками Ирана¹⁹.

К тому же Китай в срочном порядке осваивает новые нефтяные источники в Центральной Азии, Африке и Латинской Америке, чтобы как можно меньше зависеть от Ирана и всего Ближнего и Среднего Востока. Вследствие этого в июле 2009 г. произошел спад поставок иранской нефти почти в два раза при одновременном резком увеличении закупок нефти в Анголе. Указанная тенденция усилилась в первые месяцы 2010 г., когда Китай еще на 40% сократил объемы закупаемой в ИРИ нефти. В результате Иран занял уже четвертое место среди ведущих поставщиков нефти в Китай, пропустив вперед Россию²⁰. Информация о сокращении экспорта в Китай нефти была опровергнута со стороны правительства ИРИ.

По мнению сопредседателей Независимой рабочей группы, созданной американским Двухпартийным политическим центром, сенаторов Даниэля Коатса и Чарльза Робба, зависимость Китая от саудовской нефти необходимо использовать с целью ослабления взаимоотношений между Тегераном и Пекином²¹. Это позволит принять против ИРИ эффективные санкции со стороны Совета Безопасности ООН.

Не способствуют сближению с Тегераном и усиливающиеся китайско-израильские отношения. Насущная потребность в них обусловлена сохранением эмбарго ЕС и США на экспорт вооружений в Китай, которое было введено после трагических событий на площади Тяньаньмэнь (1989 г.). В этих условиях Пекин пытается восполнить недостаток современных военных технологий за счет сотрудничества с Тель-Авивом. Вследствие этого Китай выступает против принятия Ирана в члены ШОС.

В то же время не следует и недооценивать роль для Пекина китайско-иранских отношений. Так, летом 2009 г. ряд компаний, включая британскую BP Amoco и индийскую Reliance Industries²², прекратили импорт бензина в ИРИ. Это было вызвано как результатами недемократичных президентских выборов в Иране, так и последовавшими затем политическими репрессиями против оппозиции. Конфронтационный внешнеполитический курс нынешнего иранского руководства, в частности по вопросу собственной ядерной программы, только способствовал этому. На помощь ИРИ пришли китайские государственные корпорации: PetroChina International Co. (Chinaoil) и China International United Petroleum & Chemical Co. (Unipetec), которые уже в сентябре стали поставлять для иранских потребителей 30–40 тыс. баррелей бензина в сутки, составив существенную часть иранского импорта этого вида топлива²³.

Более сдержанно Китай относится и к введению новых санкций в отношении ИРИ, считая неприемлемым оказание чрезмерного давления на иранское руководство с целью решения ядерной проблемы. В октябре 2009 г. официальный представитель Министерства иностранных дел КНР Цзян Юй, отвечая на вопрос о том, намерен ли Китай поддерживать инициативы некоторых стран о введении новых санкций в отношении Ирана, заявила следующее: «Мы верны своему мнению о том, что давление — это не способ решения возникающих проблем». По ее мнению, позиция КНР заключается в том, чтобы возникающие вопросы решались «путем переговоров и средствами дипломатии»²⁴. Именно это направление считается приоритетным при решении иранской ядерной проблемы, а сами многосторонние переговоры, которые сейчас ведутся между верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон и секретарем Высшего совета национальной безопасности ИРИ Саидом Джалили в присутствии представителей «шестерки» международных посредников (пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германии), можно было бы рассматривать как процесс поиска взаимных компромиссов. Но этому мешает чрезмерно жесткая позиция Тегерана и недостаточная гибкость со стороны западных государств.

По мнению китайской стороны, дипломатические средства урегулирования иранской ядерной проблемы еще не исчерпаны. Следовательно, возможно убедить Тегеран согласиться на вывоз существенной части наработанных запасов низкообогащенного урана (НОУ) в обмен на топливо для Тегеранского исследовательского реактора.

На осень 2009 года основные разногласия наблюдались по вопросу сроков производства ядерного топлива и объемов вывозимого НОУ. Тогда Запад настаивал на сроке в один год и вывозе одновременно не менее 70% текущих запасов этого ядерного материала. Иран соглашался вывезти в два этапа только 800 кг НОУ (порядка 50% на тот момент), но хотел сразу получить необходимое ему ядерное топливо. Иранское руководство стало всячески затягивать реализацию этой выгодной сделки, несмотря на то что закупить ядерное топливо для рассматриваемого реактора ИРИ не могла ввиду соответствующих ограничений со стороны Группы ядерных поставщиков. И только в мае следующего года, пытаясь предотвратить введение против нее новых санкций со стороны Совета Безопасности ООН, согласилась вывезти часть наработанного НОУ на «ответственное хранение» в Турцию, а затем провести там его обмен на ядерное топливо. Но Запад это уже не устраивало, так как имевшиеся 2,4 тонны НОУ позволяли Ирану, в случае принятия соответствующего политического решения и устранения имеющихся технических проблем в некоторой перспективе (после наработки необходимого количества высокообогащенного

урана нужной степени обогащения), выйти на ядерное испытание вне зависимости от реализации указанного обмена. В очередной раз переговорный процесс зашел в тупик, выход из которого не смогли найти 21–22 января 2011 г. в Стамбуле. В такой ситуации, по мнению Китая, необходимо всем пересмотреть свои позиции и не драматизировать складывающуюся ситуацию.

Учитывая вышеизложенное, Китай предложил разработать реальную «дорожную карту» решения иранской ядерной проблемы и согласиться с процессом обогащения урана на территории ИРИ, но под жестким контролем со стороны Международного агентства по атомной энергии. Это позволило бы постепенно восстановить взаимное доверие конфликтующих сторон, что особенно важно в нынешней ситуации, когда Тегеран, по сути, стоит на перепутье. Учитывая внешние угрозы, ИРИ может пойти по пути создания ядерного оружия, но не надо к этому подталкивать, как это достаточно часто делают в Вашингтоне.

Другие варианты решения иранской ядерной проблемы (введение новых санкций, нанесение по ядерным объектам ракетно-ядерных ударов) в Пекине считаются либо неэффективными, либо неприемлемыми. Китайские эксперты уверены, что введение новых санкций в отношении ИРИ обязательно приведет к собственному обогащению всех запасов НОУ до 20%, что приблизит Тегеран к ядерному порогу.

Позиция Пекина по иранской ядерной проблеме существенно зависит от текущего состояния американо-китайских отношений. В условиях поставок вооружений Тайваню²⁵ и приема в Белом доме тибетского духовного лидера далай-ламы²⁶ трудно было надеяться на поддержку Китая по вопросу введения против ИРИ новых санкций со стороны Совета Безопасности ООН. Тем не менее, как считает обозреватель «The Times» Бронуэн Мэгдокс, «поддержка российской стороны загоняет Иран в угол и, возможно, убедит Китай на голосовании в Совете Безопасности ООН по поводу нового пакета санкций воздержаться, а не накладывать вето»²⁷. А Вашингтон активно способствовал этому. Так, за две недели до официального визита президента Барака Обамы в Китай, который состоялся 15–18 ноября 2009 г., в Пекин со специальной миссией были направлены Деннис Росс и Джеффри Бадер из Совета по национальной безопасности США. Цель их поездки состояла в том, чтобы убедить китайское руководство в необходимости ужесточения позиции по отношению к иранской ядерной программе. Они проинформировали Пекин, что после фактического отказа Тегерана от взаимодействия с международным сообществом по вопросу вывоза чрезмерных запасов НОУ израильское руководство стало склоняться к силовому варианту решения иранской ядерной проблемы, что может привести к хаосу на Ближнем и Среднем Востоке и прекращению, таким образом, поставок отсюда нефти. Уси-

ление же политической и экономической изоляции ИРИ может удержать Тель-Авив от принятия такого решения, что отвечает китайским национальным интересам²⁸.

По-видимому, визит высокопоставленных представителей администрации США в Пекин был успешным, так как 27 ноября 2009 г. Китай поддержал резолюцию Совета управляющих МАГАТЭ, осуждающую Тегеран за сокрытие информации о строительстве второго завода по обогащению урана вблизи г. Кум. Резолюция призвала ИРИ немедленно прекратить все работы на этом заводе, разъяснить первоначальную цель его строительства и подтвердить, что Тегераном больше не принимались решения о строительстве других ядерных объектов²⁹. Против принятия этой резолюции проголосовали только Куба, Венесуэла и Малайзия. При голосовании воздержались: Турция, Пакистан, Афганистан, Бразилия, Южно-Африканская Республика и Египет.

Таким образом, Иран занимает важное место в стратегических планах КНР, особенно связанных с обеспечением энергетической безопасности и реализацией концепции «Большого Китая». Однако осуществление этих планов, по-видимому, отложено до момента некоторой стабилизации американо-иранских отношений. В настоящее же время руководство Пекина старается сохранить с Тегераном партнерские отношения и не допустить введения против ИРИ чрезмерно жестких санкций, в первую очередь препятствующих экспорту отсюда углеводородов.

При этом следует заметить, что в отношении иранской ядерной программы Пекин, по сути, не проявляет большой активности. Причины такой политики обусловлены следующим:

- нежеланием ссориться с Западом, основным источником передовых технологий и крупных инвестиций;

- относительной территориальной удаленностью и отсутствием общей границы с ИРИ, что делает маловероятным расширение возможного американо-иранского вооруженного конфликта на китайскую территорию;

- серьезными нарушениями режима ядерного нераспространения, совершенными КНР в прошлом³⁰, и нынешним позиционированием себя как ответственного внешнеполитического игрока;

- отсутствием двустороннего сотрудничества в ядерной сфере.

КНР будет вынуждена занять более активную позицию по отношению к иранской ядерной проблеме, если под удар будут поставлены ее коренные национальные интересы, связанные с экспортом из ИРИ углеводородов. В этом случае Китай, как постоянный член Совета Безопасности ООН, может воспользоваться, хотя и не обязательно сделает это, своим правом вето в этой организации. Кроме этого, КНР, как и РФ, выступает против военного решения иранской ядерной проблемы.

Примечания

¹ Тульев М. Состояние и перспективы развития ирано-китайских отношений [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 20 ноября 2003 г. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/20-11-03.htm>.

² Там же.

³ Боронец Ю. Основы сотрудничества Ирана и Китая [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 18 мая 2005 г. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/18-05-05.htm>.

⁴ Ввиду невысокого качества исходного гексафторида урана, при дообогащении низкообогащенного урана иранские специалисты вынуждены осуществлять многократную очистку ядерного материала от легких газов и других примесей (при центрифужном способе обогащения разделение изотопов урана осуществляется по их массе). Если же Тегеран под каким-либо предлогом примет решение о производстве высокообогащенного урана, то эта проблема только усугубится.

⁵ ПКР С-802 (YJ-82) предназначена для оснащения надводных кораблей, подводных лодок, береговых батарей и самолетов. Она разработана Китайской электромеханической технологической академией (China Electro-Mechanical Technology Academy — СНЕТА), расположенной в г. Хайдянь, и впервые продемонстрирована в 1989 г. Ракетами этого типа оснащены китайские эсминцы, фрегаты и ракетные катера различных классов. Возможностью подводного запуска ракет С-802 через торпедные аппараты обладают дизель-электрические подводные лодки проекта 039 (Song Class). По китайским данным, вероятность поражения ПКР С-802 цели в условиях противодействия со стороны противника составляет 75%. При этом малая эффективная площадь рассеяния ракеты, предельно малые высоты полета, а также комплекс подавления помех затрудняют задачу ее перехвата. Высота полета этой дозвуковой ракеты на маршевом участке траектории составляет 50–120 м, на конечном участке траектории ракета снижается до высоты 5–7 м и выполняет противозенитный маневр.

⁶ Боронец Ю. Основы сотрудничества Ирана и Китая [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 18 мая 2005 г. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/18-05-05.htm>.

⁷ В Тель-Авиве считают, что первый запуск ракеты «Саджил» (Sejil) состоялся в ноябре 2007 г. Тогда иранская ракета была представлена как Ashura. Второй запуск ракеты этого типа состоялся 18 ноября 2008 г. При этом было заявлено, что ее дальность полета составила почти 2 тыс. км. Однако успешным было только третье летное испытание ракеты «Саджил», которое состоялось 20 мая 2009 г. По некоторым оценкам, современная дальность стрельбы этой ракеты при весе головной части в 1 тонну составляет 2,2 тыс. км. При уменьшении веса головной части до 500 кг дальность стрельбы может быть увеличена до 3 тыс. км. Ракета имеет взлетный вес 21,5 тонны.

⁸ 355 мм баллистическая ракета малой дальности Nazeat была принята на вооружение ИРИ в 1988 г. Тогда она имела дальность стрельбы до 90 км и массу 950 кг, включая 180-килограммовую боевую часть. На одной ПУ размещалась только одна ракета этого типа. В дальнейшем ракета Nazeat неоднократно модернизировалась, что позволило увеличить ее дальность стрельбы до 150 км, пере-

ведя, таким образом, в разряд оперативно-тактических ракет. Вполне возможно, что эта ракета уже снята с вооружения.

⁹ Сажин В. Иран: август 2009 г. [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 2 октября 2009 г. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/02-10-09a.htm>.

¹⁰ Китай рассматривает возможность строительства второй линии трубопровода Запад — Восток [Электронный ресурс] // Российское газовое сообщество. — <http://www.gazo.ru/ru/main/publication/index.shtml?id=161&offset=0>.

¹¹ Предполагалось, что начиная с 2008 года китайская компания Zhuhai Zhenrong Corp. будет приобретать в Иране ежегодно 3,9 млрд. м³ природного газа. Контракт с Ираном был подписан с учетом перспективы открытия газопровода из Синьцзян-Уйгурского автономного района в Шанхай длиной 3,9 тыс. км.

¹² Материковое нефтегазовое месторождение Ядавран находится в 70 км к юго-западу от Ахваза в непосредственной близости от ирано-иракской границы. Его подтвержденные запасы нефти составляют 18,3 млрд. баррелей, а извлекаемые запасы — 3,2 млрд. баррелей.

¹³ Узы, которые связывают Китай, Россию и Иран [Электронный ресурс] // Asia Times. 10 июня 2005 г. — <http://www.atimes.com/atimes/China/GF04Ad07.html>.

¹⁴ Иран привлекает азиатские компании [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство Iran news. — М., 28 декабря 2007 г. — http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=49818.

¹⁵ Депутаты меджлиса выступают против участия китайской компании в разработке газового месторождения Северный Парс [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство Iran news. — М., 28 ноября 2007 г. — http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=49300.

¹⁶ Протяженность газопровода «Мир» должна составить 2,7 тыс. км, из которых 1,1 тыс. км пройдет по иранской территории, порядка 1 тыс. км — по пакистанской, а 600 км — по индийской. Первоначальная стоимость сооружения газопровода составляла 7 млрд. долл. После завершения строительства газопровода Индия смогла бы получать 90 млн. м³, а Пакистан — 60 млн. м³ природного газа в сутки. Иран уже построил на своей территории участок газопровода, который соединил Асалуе с Ираншехром. До пакистанской границы осталось построить участок протяженностью всего 250 км. Под давлением США индийские власти не проявляют активности в реализации этого проекта, поэтому сейчас стала рассматриваться возможность подключения к этому проекту Китая.

¹⁷ Габуев А. Нефтеперерабатывающий завод // Коммерсантъ, 5 августа 2010 г.

¹⁸ Боронец Ю. Основы сотрудничества Ирана и Китая [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 18 мая 2005 г. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/18-05-05.htm>.

¹⁹ Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (28 января — 3 февраля 2008 года) [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 4 февраля 2008 г. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/04-02-08.htm>.

²⁰ Сажин В. Иран: март 2010 г. Военно-политическая ситуация [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 30 апреля 2010 г. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/30-04-10.htm>.

²¹ Coats D., Robb C. Meeting the Challenge. U.S. Policy towards Iranian Nuclear Development. — Independent Task Force sponsored by the Bipartisan Policy Center, 2008, с. 57.

²² По данным Министерства энергетики США, индийский экспорт бензина и нефтепродуктов на американскую территорию, который практически полностью контролируется корпорацией Reliance Industries, вырос в мае 2010 года до 2,94 млн. баррелей, тогда как в январе он находился на уровне 492 тыс. баррелей. По-видимому, это было компенсацией индийской корпорации за потерянные контракты в Иране. Однако следует учитывать, что расходы по транспортировке нефтепродуктов из Индии в США в пять раз превышают аналогичные расходы при их доставке в страны Персидского залива.

²³ Сажин В. И. Иран: экономическая ситуация: сентябрь 2009 г. [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 10 ноября 2009 г. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/10-11-09b.htm>.

²⁴ Сажин В. Иран: сентябрь 2009 г. Военно-политическая ситуация [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. М., 21 октября 2009 г. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/21-10-09b.htm>.

²⁵ В начале 2010 г. администрация США вопреки трем американо-китайским совместным заявлениям уведомила Конгресс о планах поставить Тайваню оружие и военную технику на сумму около 6,4 млрд. долл. В частности, предполагается поставить 114 ЗРК Patriot PAC-3, 60 боевых вертолетов UH-60 Black Hawk, 12 противокорабельных ракет «Гарпун», два тральщика класса «Оспри» и специальное оборудование для защиты коммуникационных сетей острова. В ответ Пекин временно прекратил все взаимные визиты, запланированные в рамках китайско-американских военных контактов, и предупредил о возможности введения санкций против тех американских компаний, которые будут участвовать в поставках оружия Тайваню.

²⁶ 18 февраля 2010 г. президент США Барак Обама, несмотря на официальный протест со стороны Китая, встретился в Белом доме с тибетским духовным лидером далай-ламой. В ходе переговоров, которые прошли при отсутствии журналистов, Барак Обама высказался за сохранение уникальной религиозной, культурной и языковой идентичности Тибета, а также в защиту прав тибетцев в Китайской Народной Республике.

²⁷ Так и произошло в июне 2010 г., когда Китай поддержал введение против ИРИ новых, достаточно серьезных санкций на основе резолюции 1929 Совета Безопасности ООН.

²⁸ Pomfret J., Warrick J. China's Backing on Iran Followed Dire Predictions. Washington Post, November 2009.

²⁹ Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию, осуждающую Иран // Независимое военное обозрение. М., 27 ноября 2009.

³⁰ Имеющиеся в настоящее время факты позволяют утверждать, что Китай оказал важную роль в создании пакистанского ядерного оружия. При этом Пекин не только помогал создавать ядерную инфраструктуру и поставлял необходимые для ядерного оружия компоненты, но и, возможно, предоставил Исламабаду требуемую техническую документацию.

О. П. Бибикова

ПРОБЛЕМА БОЛГАРО-ТУРЕЦКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СОФИЕЙ И АНКАРОЙ

Во времена социализма вопрос о наличии в Болгарии турецкого меньшинства замалчивался. Одни считали, что речь идет о болгарях, перешедших в ислам в период турецкого владычества, другие считали, что да, в Болгарии действительно проживает незначительное число этнических турок, оставшихся в стране после освобождения от османского господства. На самом деле, уже достаточно трудно отделить собственно болгарское исламизированное население от потомков этнических турок, татар, цыган и, возможно, потомков переселенцев с Кавказа в период т. н. «махаджирства»¹. Их объединяет общее самосознание, возникшее на конфессиональной почве и окрепшее в ходе последнего столетия. Мусульманская община в Болгарии очень разнообразна как в этническом (в нее входят турки, помаки, цыгане и татары), так и в религиозном отношении (турецкие мусульмане разделены на суннитов и шиитов).

До начала 90-х гг. основная часть мусульман относилась к *помакам* (помаки — болг.). Вероятно, слово «помак» происходит от болгарского слова «помагач», что переводится как «пособник», «помощник», «помогающий туркам», или от болгарского «помохамеданцы» — т. е. «исламизированные». Историки свидетельствуют, что турки относились к помакам как к мусульманам второго сорта, называя их «*ерум денлии*», т. е. «полуверные». Бытовой нигилизм со стороны православных болгар по отношению к помакам, а также другим категориям населения способствовал тому, что помаки, турки, татары и другие мусульмане заключали браки в своей среде, занимали конкретные профессиональные ниши и стремились к объединению в рамках территориальных округов.

Болгария была завоевана турками в конце XIV в. По словам Лорда Кинросса, «вступление турок в Европу не было каким-то внезапным вторжением, подобным монгольскому походу через Азию. Скорее, это был процесс постепенной инфильтрации, роковое следствие упадка и падения

Византийской империи. Этому процессу сопутствовало отсутствие, скорее по религиозным, чем по политическим причинам, единства христианских государств...»². В 1352 г. турки-османы переправились через Дарданеллы на Балканский полуостров и, воспользовавшись разобщенностью балканских племен и религиозной рознью между православными и католиками, быстро захватили значительную часть Балканского полуострова. П. А. Грязневич писал: «Несмотря на вторжение османов, православные государи и правители продолжали воевать друг с другом, обращаясь за помощью к тем же османам»³. По словам К. Э. Босворта, «свидетельством того, что интересы османов сосредоточивались теперь больше в Европе, чем в Азии, явился перенос в 1366 г. их столицы из Бурсы в Эдирне (Адрианополь)»⁴. Отметим, что эти события произошли почти за сто лет до падения Константинополя (1453 г.).

С конца X в. по всей Южной и Западной Европе стало распространяться учение богомилов⁵, выступавших против церкви. На этом учении отразилось влияние последователей зороастризма — манихеев и приверженцев маздакизма и далее — павликиан. Существует мнение, что последние были прямыми потомками армянских и сирийских колонистов-еретиков, насильственно расселенных во Фракии в конце VI–VIII вв. и в X в.⁶ Византийские власти, озабоченные не только борьбой с ересями в своих восточных провинциях, но и натиском варварских племен на Балканах, использовали колонии воинственных еретиков в качестве живого щита на границах своих владений. Основоположником этого учения в Болгарии считается священник Богомил⁷. Проповедники богомилства отрицали сам институт церкви, враждебно относились к представителям высшего духовенства, обвиняя их в приверженности к роскоши⁸, отрицая ряд церковных символов — крещение, причастие, почитание креста, икон и мощей, многочисленные церковные праздники⁹. Они критиковали церковь за призывы к участию в войнах, а также за гонения на еретиков. В Болгарии членами братств были крестьяне — самый незащищенный слой населения. После захвата болгарских территорий турками наступает новый этап: казалось бы, богомилы должны были встать на патриотические позиции и защищать страну. Но богомилство теряет свой импульс, так как их основной враг — церковь — утрачивает свою силу, свои привилегии и земли. Таким образом, предпосылки для дальнейшего распространения богомилства исчезли. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что религиозная ситуация, сложившаяся в Болгарии в XIV в., способствовала продвижению турок на Балканы. Османы активно применяли практику депортации коренного населения, что должно было ослабить сопротивление покоренного народа. Иногда переселению подвергалось население целых сел. Характерно, что переселенные в Малую Азию болгары стремились сохранить название своего национального очага. Одновременно

(с последней четверти XIV в. и до конца XVI в.) шел процесс колонизации завоеванных земель. По данным болгарских исследователей, из Малой Азии были переселены племена — примерно 200 тыс. человек во второй половине XVI в. Кроме того, османы принципиально отвергали присутствие христиан в среде господствующего класса. Сохранение своих позиций в обществе предусматривало принятие ислама. Однако и тогда османская власть стремилась нейтрализовать представителей феодальной элиты путем востребования заложников: сыновей представителей знатных болгарских родов отправляли в Стамбул или другие провинции.

Можно сказать, что болгарский этнос был обескровлен. Более того, в результате церковных реорганизаций болгары оказались лишеными собственной церкви, так как области с болгарским населением оказались разделенными между ведомствами нескольких православных патриархий — Константинопольской, Охридской и (после 1557 г.) Печской. А во второй половине XV в. все европейские территории, захваченные османами, были объединены в бейлербейство Румелия, внутри которого административной единицей стал санджак. Границы 28 санджаков, как правило, не учитывали национальную принадлежность.

После поражения Турции в войне с Россией в 1877–1878 гг. ситуация на Балканах изменилась. Согласно договору Сан-Стефано¹⁰, большая часть турецких поселенцев подлежала выселению из Болгарии. Однако некоторые из них уже достаточно выросли в болгарскую реальность и не хотели покидать обжитые места. Они стремились не обнаруживать свое турецкое происхождение, но оставались мусульманами и болгарскими гражданами. Губернатор Дунайского вилайета Мидхат-паша, который занимался выселением в Турцию колонистов, опубликовал во Франции статью, в которой обращает внимание европейской общественности на то, что в Болгарии есть автохтонное население, исповедующее ислам. Он писал: «...имеется более миллиона мусульман, которые не пришли, как обычно думают, из Азии. Это потомки тех болгар, которые перешли в ислам в эпоху завоевания и последующие годы... часть из них говорит только на болгарском языке»¹¹.

Но уже тогда было очевидно, что часть колонистов, оставшаяся на Балканах, — турки. Например, в Шумене, где стоял штаб местных жителей — турок турецкой армии и куда русские войска не пришли, большинство — стались в своих домах. В XX в. своеобразие ситуации и особенно глубоко укоренившаяся в сознании большей части славянского (православного) населения Болгарии ксенофобия по отношению к Турции привели к тому, что этническое сознание тех, кто относит себя к мусульманам, зачастую оказывается размытым. Зато конфессиональное сознание заняло основные позиции в их мироощущении. В этом нет парадокса, так как современные этнопсихологи, например, Гарри Триандис из Иллинойского университета, отмечают, что «религия и этническая составляющие в разное время могут

играть доминирующую роль. С умалением этничности возрастает роль религиозного фактора»¹².

Начиная с 1912 г. население Болгарии стало массово переходить в христианство¹³. Почти за полгода 200 тысяч болгар, некогда исповедовавших ислам, приняли крещение. Однако уже через несколько лет Васил Радославов (1854–1929)¹⁴, лидер Либеральной партии (премьер-министр Болгарии в 1886–1887, 1913–1918 гг.), в целях получения голосов среди населения и под давлением туркоязычных депутатов, добился аннулирования решения об обязательном принятии христианских имен. Это позволило части населения вернуться к исламской вере и мусульманским именам.

По официальным сведениям, на 1922 г. к мусульманам относилось себя 18% населения Болгарии — всего 740 тыс. человек. Из них 70 тыс. относилось себя к помакам. 18 октября 1925 г. между Болгарией и Турцией была подписана Конвенция об обмене населением. В период между 1925 и 1934 гг. в Турцию переселялось по 10 тыс. человек, а с 1934 г. и до начала Второй мировой войны — примерно по 1 тыс. человек ежегодно. В 1942 г. болгарские власти предписали имамам предлагать мусульманам принимать славянские имена, которые должны быть занесены в паспорта. В присланном из Софии распоряжении говорилось, что называние ребенка османским именем «нецелесообразно в связи с историческими обстоятельствами». После Второй мировой войны Болгарская конституция от 1947 г. объявила о защите прав меньшинств. По «конституции Димитрова» турки и другие нацменьшинства могли проводить обучение на родном языке и развивать национальную культуру. Последовательная работа по повышению уровня грамотности населения за короткое время привела к существенному повышению образовательного уровня турок Болгарии: в 1957 г. 97%¹⁵ турецких детей ходили в школу. В местах компактного проживания турок и болгар-мусульман были организованы краткосрочные курсы для повышения квалификации учителей-турок, курсы турецкого языка для всех желающих. Тогда же было принято решение создать в этих районах сеть детских дошкольных учреждений с тем, чтобы привлечь турчанок на производство. В этой связи началась подготовка воспитательниц-турчанок для детских садов.

В послевоенный период население Болгарии отдавало предпочтение славянским корням, что объясняется тем, что болгарские власти делали ставку на приоритетные отношения с Советским Союзом. Из этого проистекало и определенное положение Болгарии в рамках Организации Варшавского Договора¹⁶ и Совета экономической взаимопомощи. Следование в фарватере советской политики имело своим последствием копирование стиля Москвы, в том числе в национальной политике.

Несмотря на очевидную либерализацию отношения к неболгарам после освобождения Болгарии от фашистской оккупации, эмиграционный по-

ток в Турцию сохранялся вплоть до октября 1950 г. В результате национализации земель, проведенной в 1949 г., 120 тыс. болгарских турок¹⁷ эмигрировали в Турцию. Стимулировал эмиграцию и атеизм, установленный в Болгарии.

После 1951 г. эмиграция прекратилась. Одновременно начался подъем национальной культуры и уровня образованности национальных меньшинств. Следует отметить, что это были годы всеобщего патриотизма и энтузиазма. Турки, участвовавшие вместе с болгарами в партизанском движении, впервые почувствовали себя равноправными гражданами страны. В национальной политике наметились положительные перемены. Были подготовлены программы, которые должны были соответствовать чаяниям национальных меньшинств. Однако помаки, исламизированные болгары-славяне, все же чувствовали себя обособленно.

Причиной прекращения эмиграции болгарский ученый (турок по происхождению) Дженгис Хаков считает неоднозначную оценку практики переселения И. Сталиным. Ссылаясь на очевидца академика Д. Мустафаева, Хаков рассказывал, что Сталин, узнав о массовом выезде этнических турок, в присутствии Д. Мустафаева сказал: «Эту практику надо прекратить. Этих турок будем готовить в качестве кадров будущей турецкой революции». В пользу достоверности этого высказывания можно привести аналогичный подход Коминтерна к проблеме создания государства Израиль, в котором многие члены Коминтерна увидели возможность создать в будущем идеальное социалистическое государство.

До середины 60-х гг. вопрос о положении мусульман в Болгарии не вызывал беспокойства у международной общественности. Впрочем, сама постановка вопроса о правах человека в тот период еще не обрела масштабного характера. Однако именно с этого времени притеснение мусульманского населения, и прежде всего этнических турок, стало набирать темпы.

Оглядываясь в прошлое, болгарские ученые связывают коренные изменения в практике национальных отношений с приходом к власти Т. Живкова в 1954 г. Первые шаги в этом направлении были предприняты уже на пленумах ЦК БКП, состоявшихся в апреле 1956 и октябре 1958 гг. На первом пленуме был провозглашен «поворот в приобщении болгарских мусульман строительству социализма», который на деле привел к сворачиванию национальной культуры, образования, т. е. закрытия газет, театров, сокращения числа национальных школ, ограничению деятельности национальных культурных объединений.

На октябрьском пленуме (1958 г.) ЦК БКП был сделан акцент на том, что необходимо заменить термин «национальные меньшинства» на «народные группы», к которым причислить турок и цыган¹⁸.

В августе 1966 г. состоялся визит И. Башева, министра иностранных дел НРБ, в Турцию. На переговорах турецкая сторона с самого нача-

ла сосредоточила основное внимание на вопросе о положении турецкого меньшинства в Болгарии, требуя разрешения на выезд в Турцию граждан турецкого происхождения. Последовал двухлетний подготовительный период, в результате которого в марте 1968 г. в ходе официального визита Т. Живкова¹⁹ в Турцию было подписано соответствующее соглашение. В течение 1968–1978 гг. из Болгарии в Турцию выехало 114 тыс. человек.

В ноябре 1969 г. болгарское правительство приняло постановление «О дальнейшем улучшении работы с турецким населением и полном его приобщении к болгарскому народу в борьбе за социализм и коммунизм». В 1975 г. была проведена перепись населения, которая зафиксировала «отсутствие» македонцев и цыган. Из неофициальных источников известно, что тогда же Государственный Совет издал негласное постановление, в котором административным органам на местах давалось указание «настоятельно рекомендовать» болгарские имена для новорожденных независимо от их происхождения.

Изменение стиля национальной политики внутри Болгарии напрямую было связано с внешнеполитической ситуацией в регионе. В 1974 г. в связи с государственным переворотом, организованным греческой хунтой, и ее намерением присоединить Кипр к Греции, на остров были введены войска Турции. Кипр оказался разделенным на две части. Из г. Фамагуста было выселено 200 тыс. его жителей греческого происхождения.

В этот период в Болгарии широко отмечалось 1300-летие болгарской государственности. Средства массовой информации и пропаганды напомнили народу о периоде османского ига, сложных проблемах болгаро-турецких отношений. Театр, кино, телевидение возвеличивали героизм болгар и подчеркивали трагизм пятисотлетнего османского господства на Балканах. Таким образом, готовилась кампания по так называемому «Возрожденческому процессу», суть которого составляла идея ассимиляции неболгарского населения путем смены антропонимической модели личных имен. 22 ноября 1984 г. под предлогом смены паспортов «болгарам-мусульманам» в районы их компактного проживания были стянуты войска. Дороги, ведущие в эти районы, были блокированы милицией. Из Софии не выпускали иностранных журналистов.

Позднее стало известно, что кампании по «болгаризации» тюркского населения предшествовала длительная подготовка. Примерно за год до описываемых событий в ЦК БКП состоялось совещание с представителями ведомств, имевших отношение к работе с национальными меньшинствами. На заседании была зачитана записка Т. Живкова, посвященная этому вопросу. Ссылаясь на высказывание османского министра, болгарские власти хотели доказать миру, что в Болгарии нет турок, а есть только исламизированные болгары, которые «хотят вернуть себе славянские имена». Предпринятая акция рассматривалась как «спонтанно и пов-

семестно» добровольно начавшийся процесс²⁰. Ретроспективно мероприятия болгарских властей можно расценить как искоренение национального самосознания, этнической принадлежности и турецкой культуры.

В апреле 1986 г. в Болгарии было принято решение о запрете использования турецкого языка в общественных местах. Нарушителям этого решения грозил штраф. Были введены ограничения на проведение исламских обрядов (например, чтение заупокойной молитвы по Корану), ношение национальной одежды, а обрезание и вовсе запретили²¹. Бульдозерами сносили мусульманские кладбища, уничтожая надгробные плиты с арабской вязью. Пожилых женщин, привыкших носить традиционную одежду — платок, шаровары и длинную рубашку, — заставляли снимать ее прилюдно.

Не обошлось без вооруженных столкновений и даже самоубийств. Спустя несколько лет стало известно, что имели место депортации и аресты. Многих молодых турок бросили в тюрьму на острове Белена на Дунае. В их числе был Меди Доганов, впоследствии ставший лидером Движения за права и свободы, выражавшего интересы тюркского и исламизированного населения. Формально право на свободу совести пересмотру не подвергалось, хотя это скорее можно было рассматривать как временную отсрочку. Вероятно, болгарское правительство опасалось негативной реакции мусульманских государств, экономические связи с которыми приносили значительную выгоду. Власти практически заставили Мирана Толчиева, главного муфтия Болгарии, выступить с заявлением, в котором подчеркивалась нерушимость свободы совести.

Тем не менее, вопрос о «болгаризации» мусульман рассматривался Организацией «Исламская Конференция» на совещании в Карачи в 1986 г. Специальное расследование организовала «Международная амнистия». Международные слушания по этому вопросу были проведены на разных уровнях. Однако начавшиеся в Восточной Европе перемены заслонили проблему болгарских турок.

Первые шаги болгарского руководства по «переустройству» (болгарский вариант перестройки) демонстрировали попытку властей имитировать обновление мышления. Однако со стороны международных правозащитных организаций усилился нажим на Софию. В сложившихся обстоятельствах болгарское правительство, с тем чтобы не оказаться в изоляции, было вынуждено предпринять меры.

26 апреля 1989 г. Совет министров НРБ одобрил и внес на рассмотрение в Народное собрание законопроект «Об изменениях и дополнениях к Закону о паспортах для выезда за границу». 9 мая (в преддверии Парижской встречи по безопасности и сотрудничеству в Европе) Народное собрание Болгарии приняло новый закон, предусматривающий свободный выезд граждан за рубеж, а также право оставаться там на временное

или постоянное жительство, при сохранении болгарского гражданства. Кроме того, разрешалось принимать гражданство другой страны.

Уже в середине мая 1989 г. в городе Разград на северо-востоке Болгарии началась массовая подача заявлений на выезд, однако власти оказались не в состоянии удовлетворить заявки. Предполагалось, что закон войдет в силу 1 сентября, и тираж бланков новых паспортов еще не был достаточен. Власти не смогли объяснить это народу, в результате чего начались волнения, приведшие к жертвам. Среди турок и вслед за ними помаков началась паника. В некоторых районах было введено военное положение. Ряд активистов — до 200 человек — были арестованы и депортированы в Югославию и Австрию. В этой связи стоит вспомнить, что 9 апреля — дата разгона демонстрации в Тбилиси — было уже позади. Болгарские власти, принимая аналогичные меры против своего мирного населения, лишь традиционно следовали примеру «старшего брата».

29 мая 1989 г. Т. Живков выступил с заявлением по болгарскому радио и телевидению. Власти намеревались таким образом прекратить распространение слухов относительно волнений, вспыхнувших в ряде районов компактного расселения этнических турок и болгарских мусульман. Однако болгарский лидер был раздражен и не скрывал этого. Более того, к концу выступления Т. Живков распалился и заявил: «Режиссеры антиболгарской кампании раструбили, что Турция готова принять всех болгарских мусульман, которые хотят выехать из Болгарии. Поэтому я хочу от имени болгарских мусульман и от своего имени обратиться к турецким властям с предложением открыть турецкие границы для всех болгарских мусульман, которые желают выехать в Турцию временно или остаться там жить»²². Министр иностранных дел Турции заявил буквально на второй день, что границы Турции всегда открыты, особенно для тех, кто считает себя турками. «Турция принимала беженцев из Афганистана и Ирака. И нет никакого сомнения в том, что она раскроет объятия для беженцев из Болгарии»²³.

Перепадка между Анкарой и Софией активно комментировалась на страницах зарубежной печати. Болгарским дипломатам пришлось занять оборонительную позицию. Резко отрицательное отношение к ситуации высказала организация «Международная амнистия» и Комиссия по правам человека при ОБСЕ, которые провели специальные заседания и заслушали показания депортированных из Болгарии турок.

Волна эмиграции нарастала катастрофическими темпами. Всего эмигрировало 330 тыс. человек. Среди них, естественно, были не только этнические турки, но и помаки, а также представители других этнических меньшинств, исповедующих ислам.

23 июня 1989 г. Т. Живков приехал в Москву с кратким рабочим визитом. В беседе с М. С. Горбачевым Живков сетовал на то, что ежегод-

но количество турок увеличивается на 15–16 тысяч, и через 20 лет Болгарию ждет участь Кипра, т. е. разделение страны под предлогом защиты прав нацменьшинства. Исследователи отмечали, что в те годы в Болгарии сформировался «кипрский синдром», еще более обострившийся вследствие проходящих в Турции митингов и заявлений эмигрировавших из Болгарии турок.

Эмиграция имела для страны тяжелые экономические последствия. В болгарском сельском хозяйстве сложилась катастрофическая ситуация: 95% площадей, занятых под табак — важнейшей экспортной культуры страны — остались без рабочих рук. Аналогичная ситуация наблюдалась в районах разведения розы, овцеводства, где также большую часть рабочих традиционно составляли турки. Согласно некоторым оценкам, болгарские турки производили свыше трети общего объема сельскохозяйственной продукции в стране.

После отстранения Т. Живкова от власти²⁴ новое правительство страны приняло решение о восстановлении конституционных прав граждан, в том числе права выбора своего имени. Однако решения правительства в болгарском обществе были восприняты неоднозначно (сказывалась ксенофобия). После ухода в отставку Т. Живкова 10 ноября 1989 г. стало известно о том, что за год до этого обсуждался вопрос о ликвидации компактного поселения болгарских турок, расселении их по всей стране семейными группами не более 5 человек. Тем не менее, болгарский обыватель и сегодня предпочитает считать, что в массовом исходе в Турцию виновны сами болгарские турки. Даже когда Т. Живков был отдан под суд, его в первую очередь обвинили в коррупции и разбазаривании государственных средств, а потом уже в геноциде по отношению к национальным меньшинствам.

5 марта 1990 г. ратифицирован закон, по которому туркам Болгарии разрешалось восстанавливать их турецкие фамилии. До 1 марта следующего года было получено 600 тысяч соответствующих заявлений²⁵. В том же году был учрежден институт муфтия — духовного предводителя турок Болгарии. В 1991 г. была принята новая конституция, предоставляющая широкие права гражданам неболгарского происхождения, отменившая законодательный запрет на преподавание турецкого; в январе того же года был принят еще один закон, разрешающий туркам в течение 3 лет менять свои фамилии или «вычеркнуть» славянские окончания фамилий: «ов», «ова», «ев», «ева».

Рассматривая сложившуюся ситуацию ретроспективно, болгарские исследователи высказывают мнение о том, что в ее разрешении участвовали внешние силы. Автору этих строк болгарские коллеги-ученые доверительно сообщили, что на либерализацию политики по отношению к мусульманским меньшинствам повлияли экономические трудности, которые Болгария переживала после падения коммунистического режима.

Есть мнение, что взамен на это богатые мусульманские государства поддержали Болгарию финансами.

Сегодня турки и помаки компактно проживают на северо-востоке страны и в Родопском районе. В течение 1990–1995 гг. вернулось примерно 2/3 от общего числа уехавших. Однако люди с высшим образованием и специалисты сумели найти работу и устроиться в Турции.

Общая беда (утрата имущества, разделение семей, разочарование и обида на болгарские власти) сплотила турок и помаков. Пережив события 1989 г. — эмиграцию в Турцию и возвращение в Болгарию — помаки почувствовали себя изгоями. В среде последних возникла даже версия, что помаки отнюдь не славяне, а являются представителями тюркского племени, якобы поселившегося здесь еще до прихода османских завоевателей. Возвращение в Болгарию было сопряжено со многими трудностями.

В начале 1990 г. в Болгарии сформировалось Движение за права и свободы (ДПС)²⁶, позднее преобразовавшееся в партию. Заявив о том, что ДПС как партия принимает представителей всех национальностей, проживающих в Болгарии, руководству удалось обойти закон, запрещающий создание партии на этнической или конфессиональной основе²⁷. Депутат болгарского парламента Л. Корнезов заявил, что решение суда абсурдно и может иметь негативные последствия, так как «допускает противопоставления между этническими меньшинствами. Такого нет в законодательстве других стран»²⁸. Естественно, что образование ДПС вызвало полярные мнения. Одни полагали, что создание подобной организации будет способствовать соблюдению прав человека в Болгарии. Другие считали, что через ДПС «государства, доказавшие свою враждебность по отношению к Болгарии», смогут влиять на ситуацию в стране²⁹. Высказывалось мнение, что теперь «путь Болгарии в Европу лежит через Босфор».

С 1990 г. ДПС была представлена в каждом новом составе парламента. Сначала лидеры партии были очень осторожными, и чтобы избежать обвинений в поддержке исламистских и пантюркистских идей, они придерживались секулярности и проявляли умеренность в своих программных заявлениях. С 2001 г., впервые за всю историю, в состав болгарского правительства стали входить представители мусульманского меньшинства. Члены ДПС возглавили министерство сельского хозяйства, министерство по чрезвычайным ситуациям. Выдвиженцы ДПС заняли также посты заместителей и помощников министров. Более того, два человека вошли в Европарламент. Европейские аналитики, наблюдая за ситуацией в Болгарии, делают вывод о том, что «болгарские турки стали самым влиятельным меньшинством в Восточной Европе, и вступление Болгарии в ЕС делает эту общину инструментом турецкого лоббинга».

В 2005 г. в Болгарии была создана партия «Атака»³⁰. На учредительном съезде в Софии присутствовало 500 делегатов. Председателем партии

был избран известный журналист и политик Волен Сидеров³¹. Девиз партии: «Да си върнем България» (Вернем себе Болгарию!). В качестве политических принципов партия выдвинула 20 пунктов требований радикальных перемен и изменения конституции. Программные документы партии содержат несколько принципов, подчеркивающих необходимость защиты национальной государственности болгар: приоритет болгарской нации перед этническими и религиозными различиями; провозглашение православия в Болгарии официальной религией и участие представителей Болгарской Православной Церкви в законодательной деятельности парламента страны, а также во всех важных правительственных решениях, а также выход Болгарии из НАТО. «Атака» также выступает против членства Болгарии в Европейском Союзе³². В отношении Турции партия также настроена жестко и часто увязывает недопустимость влияния Турции на внутривнутриполитические процессы в Болгарии с использованием турецкого национального меньшинства в стране. «Атака» выступает против членства Турции в ЕС. Партия с опасением относится к возрастающей роли турецкого национального меньшинства Болгарии и стремится использовать прямые и косвенные средства сдерживания и нивелирования такого влияния.

7 января 2006 г. фракция партии «Атака» выдвинула законопроект о признании геноцида армян парламентом Болгарии. Однако болгарские парламентарии, учитывая важную роль турецкого капитала в стране, не поддержали инициативу В. Сидерова. «Атака» обратила внимание общественности на то, каким образом ДПС получает голоса на выборах. В 2005 и 2009 гг. ДПС получила 21 место (из 240) в болгарском парламенте. В частности, в период парламентских выборов 5 июля 2009 г. 200 манифестантов, собравшихся по инициативе «Атаки» у пограничной заставы «Капитан Андреево», протестовали против въезжавшей на территорию Болгарии из Турции колонны автобусов с теми, кто, живя в Турции, сохранил болгарское гражданство.

Деятельность ДПС все больше и больше вызывает критику болгарской общественности. В государственные органы поступают протестующие письма даже от болгарских мусульман. Под одним из них из города Якоруда (округ Благоевград) стоит подпись 1700 человек. В письме говорится, что представители ДПС ходят из дома в дом и платят родителям за то, что их дети изучают турецкий язык. Народное собрание Болгарии создало специальную комиссию, которая подготовила доклад, который подтвердил, что в ряде сел Родопского края активисты ДПС действительно (через материальную заинтересованность) склоняют болгар-мусульман отдавать своих детей в турецкие школы. Авторы доклада делают вывод о том, что таким образом насаждается турецкий менталитет и подрывается общеполитическое единство. Сегодня по всей Болгарии открылись турецкие библиотеки, которые имеют государственный статус. Как известно, тяжелая экономическая ситуация

в стране не позволяет гуманитарным учреждениям Болгарии иметь достаточное финансирование. Подобные (турецкие) библиотеки, по признанию самих библиотекарей, имеют постоянную поддержку из Анкары.

Опрошенные жители родопских сел говорили, что ДПС отправляет на учебу в Турцию молодежь, которая не имеет возможности учиться в болгарских вузах ввиду отсутствия средств. Сегодня, согласно социологическим исследованиям, каждый четвертый ребенок в Болгарии не имеет и половины необходимых учебников³³. В мусульманских семьях, где доход всего 60 левов в месяц на человека, естественно, меньше шансов дать детям нормальное образование. Так, персональные компьютеры в 2001 г. имели 5,6% болгар, 0,6% турок и 0,1% цыган³⁴. В этих условиях для мусульманских семей помощь турецких благотворительных организаций становится большим подспорьем. Однако дети, изучающие турецкий язык (вместо европейского — английского или французского, что было бы логично в связи со вступлением Болгарии в ЕС), будут ориентированы на Турцию и не смогут конкурировать со своими сверстниками-болгарами на рынке труда. В дальнейшем это может стать препятствием к достижению более высокого социального статуса и в целом будет способствовать консервации мусульманского сообщества в Болгарии.

Режиссер фильма «Новото робство» С. Трандафилова приводит доказательство протурецкой ориентации представителей ДПС. Камера зафиксировала присутствие солидной делегации, состоявшей из 22 членов меджлиса (турецкого парламента), которая прибыла на праздник в г. Джебел (Кърджали) 19 мая 2006 г. Местные власти приветствовали делегацию на турецком языке без перевода на государственный — болгарский. С болгарской стороны присутствовали 4 заместителя министров (все — носители мусульманских имен). В ответ на приветствия турецких гостей с речью на турецком языке выступил и глава округа Бахри Омер, выразивший верноподданнические чувства к Турции: «Сегодня 19 мая³⁵. Именно в этот день в 1919 г. наш отец Кемаль Ататюрк в городе Самсуне объявил о начале освободительного движения от иностранных оккупантов (имелись в виду греки, коренные жители малоазийского побережья. — О. Б.). Это праздник Турции, но это и наш праздник». Характерно, что когда болгарская журналистка обратилась к нему с вопросом, почему здесь, на болгарской земле, он, депутат болгарского парламента, говорит на турецком языке, который не является официальным языком страны³⁶, он повернулся к ней спиной. Точно так же поступили другие представители ДПС, являющиеся одновременно депутатами болгарского парламента. 28 мая сценарий повторился и на празднике в общине Руен (область Бургас). Причем председательствующий предварил свое выступление заявлением, что в связи с тем, что «многие присутствующие здесь говорят только на “материнском языке”, то он будет говорить по-турецки».

На прошедших 5 июля 2009 г. выборах за партию болгаротурок проголосовали 14,4% избирателей. По всей видимости, и в этот раз успех ДПС был связан с поддержкой Анкары. Известно, что мусульман всех возрастов в стране всего 12% от общего числа населения. Перепись зафиксировала отсутствие среди них помаков. Соответственно, тех, кто имеет право голоса, еще меньше. При этом в выборах принимали участие лишь 60% избирателей. Таким образом, получается, что либо электорат ДПС более организован, чем сторонники других партий, и активно пошел голосовать, либо все же имел место «выборный туризм». В феврале 2010 г. Конституционный суд постановил, что 18 358 голосов в пользу турецкой партии были сфальсифицированы³⁷. После пересчета партия потеряла одно место в парламенте. Что касается партии «Атака», то во время выборов 2009 г. она получила 9,36% голосов.

Социологические исследования, проведенные после падения коммунистического режима в Болгарии, выявили относительно высокий уровень религиозной толерантности среди так называемых традиционных религий и по отношению к ним. Однако этнопсихологи считают, что речь идет об определенной пассивности населения или политической апатии, вызванной затяжным экономическим кризисом. Действительно, в Болгарии христиане и мусульмане мирно живут рядом друг с другом. Известны факты общего для мусульман и христиан поклонения святым (например, Демир Баба Текке в Северо-Восточной Болгарии).

Вместе с тем имеет место разграничение между негативной и позитивной терпимостями (называемыми некоторыми авторами пассивной и активной). Обычно негативная терпимость выражается в позиции прагматичного невмешательства и готовности примириться с разногласиями, в то время как позитивная терпимость означает не просто толерантное отношение к людям, исповедующим другую веру, а активную позицию уважения к ценностям других. По мнению Ины Мердяновой, доктора философии, директора Центра по межрелигиозному диалогу и предотвращению конфликтов Научно-исследовательского отделения Софийского университета, «в Болгарии, по-видимому, преобладает негативная терпимость. Установившиеся между христианами и мусульманами отношения, например, точно укладываются в модель “комшилуk” (от турецкого слова комшия — «сосед»), согласно которой люди разных этнических или религиозных групп живут мирно и даже сотрудничают, находясь рядом друг с другом. Однако группы сохраняют свои структурные и культурные различия, и их границы остаются прочными и, как правило, непреодолимыми»³⁸.

По мнению болгарских политологов, в Болгарии, по существу, нет сепаратистских настроений со стороны турок, поставлена задача не раздела Болгарии, а ее полное подчинение турецким интересам, где турецкая община стала бы уже не этническим меньшинством, а государствообразую-

шим народом. Еще в декабре 2002 г. болгарское правительство приняло новый закон о религии, заменивший старый закон 1949 г. Однако межрелигиозная терпимость оставалась неустойчивой. В целом мусульманские общины остаются относительно закрытыми и сосредоточенными на своих проблемах. По мнению этнопсихологов, продолжение концентрации внимания на самих себе грозит усилением специфической ментальности «крепости», унаследованной от коммунистических времен.

В 2001 г. Ахмед Давутоглу, бывший в тот период министром иностранных дел Турции, опубликовал доклад, который можно рассматривать как провозглашение новой концепции внешней политики — «Стратегическая глубина: место Турции в международном политическом порядке». Идейный фундамент новой турецкой стратегии — геополитическая «цивилизационная трансформация» человеческого общества. Автор концепции считает, что Турции предстоит превратиться в «государство-центр» или в «базовую» цивилизационную державу. С учетом своего географического положения Анкара рассматривает себя как один из новых глобальных «постоянных факторов». Новая стратегия Анкары называется «неоосманизм», который означает восстановление контроля над бывшими территориальными владениями Османской империи путем «мягкой силы». В контексте новых процессов, начавшихся с падением коммунизма, контуры мусульманской общины стали более четкими. Мусульмане получили новые возможности для религиозного и культурного возрождения, с одной стороны, и для политической мобилизации — с другой. Однако преодолеть тот водораздел, который живковское руководство годами создавало между болгарскими мусульманами и остальными гражданами страны, оказалось трудно. Обыватель по-прежнему винит мусульман за спад в экономике, начавшийся в 1989 г. и продолжающийся до сих пор. В то же время болгарские мусульмане, пережившие стресс эмиграции, не стремятся выйти из состояния изоляции.

Примечания

¹ Махаджирство, точнее — мухаджирство. Речь идет о кампании по переселению ряда кавказских народов в Турцию, организованной царским правительством во второй половине XIX в.

² Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999, с. 45.

³ Босворт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971; Примечание П. А. Грязневича на с. 187.

⁴ Там же, с. 187.

⁵ Богомилы полагали, что материя была сотворена низшим по отношению к Богу падшим ангелом Сатанаилом. Богомилы отвергали обряды и внешние атрибуты Церкви, а из таинств они признавали только крещение, но совершали его

не водой, а возложением рук и апокрифического евангелия от Иоанна; из всех молитв у богомилов дозволялось читать лишь «Отче наш». В повседневной жизни богомилы были строгими аскетами; относясь негативно к материи, они не употребляли в пищу любые продукты, полученные в результате совокупления: мясо, яйца, а также сыр и молоко, и часто постились (Рипарелли Э. Христианские ереси вчера и сегодня. М., 2008, с. 35).

⁶ Йовков Й. Етнорелигиозна характеристика на павликяните от 15–17 вв. — Исторически преглед, 1989, № 9.

⁷ Сведения о его деятельности содержатся в «Беседе против богомилов», написанной пресвитером Козьмой во второй половине X в.

⁸ Катары считали, что все зло на земле — всякого рода притеснения, социальное неравенство — вызвано дьяволом, а так как церковь оправдывала господствующий несправедливый строй, то она являлась пособницей и соучастницей преступлений сатаны.

⁹ Богомилы критически подходили к обрядам. Например, говоря о крещении, они говорили, что масло и вода, которые используются в обряде, не имеют никакого значения, так же как хлеб и вино, под которым священники подразумевают тело и кровь. Мощи — это обычные кости, храмы строят люди, так же как и все другие здания, богородица — обычная женщина и т. д. Богомилы отрицательно относились к вину, считая, что грехопадение Адама было не в том, что он отведал запретный плод, а в том, что он выпил вина.

¹⁰ Договор Сан-Стефано — предварительный мирный договор, заключенный в местечке Сан-Стефано (западный пригород Константинополя, ныне Ешилькёй) 19 февраля (3 марта) 1878 г. между Россией и Османской империей и завершивший русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Этот договор имел огромное значение для освобождения балканских народов от османского ига. Договор признавал независимость Сербии, Черногории и Румынии, а их территория увеличивалась. Босния и Герцеговина должны были образовать автономную область. Создавалось новое автономное славянское княжество на Балканах — Болгария, которое включало этнические болгарские территории в Мёзии, Фракии и Македонии. Болгария простиралась от Дуная до Эгейского моря, от Черного моря до Охридского озера и должна была два года находиться под русским управлением, после чего получить полную автономию, выплачивая Турции номинальную дань.

¹¹ Цит. по: Из миналото на българите мохаммедани в Родопите. С., 1958, с. 60.

¹² Триандис Г. Культура и социальное поведение. М., 2007, с. 273.

¹³ Елджров С. Последният кръстоносен поход. Българската православна Църква и покръстването на българо-мохаммеданите през 1912–1913 г. — Българска историческата библиотека. № 2, С., 2000, с. 18–37.

¹⁴ Радославов Васил — болгарский государственный и политический деятель. В 1886–1901 гг. — глава правительства и министр внутренних дел. Проводил политику террора против русофилов (получил кличку «сопаджия» — палочник).

¹⁵ «Bulgaria Turks», <http://www.ingilish.com/diglossia.htm>

¹⁶ В рамках Варшавского Договора Болгария имела самую протяженную границу со страной, входящей в НАТО.

¹⁷ Турецкое меньшинство в НРБ. С., 1951, с. 57. Эмигрировавшие из Болгарии турки поселились в основном на побережье Мраморного и Эгейского морей —

в Бурсе, Стамбуле, Эскишехире, Анкаре, Коджаели, Манисе. Примечательно, что переезжающих из Болгарии в Турцию турок в самой Турции называли «болгарами» или «гяурами».

¹⁸ Характерно, что тогда же было принято секретное решение о том, чтобы рассматривать македонцев как этнических болгар. В переписи 1975 г. как македонцы они уже не фигурировали. Это решение вызвало напряжение в отношениях с Югославией.

¹⁹ Тодор Христов Живков (1911–1998) — Первый (с 1954 по 1981 гг.), затем Генеральный секретарь ЦК Болгарской компартии (по 1989 г.).

²⁰ В мае 1989 г. жители района Дулово — С. Хюсеинов, З. Мустафов, Х. Мехмедов и Р. Неджимов начали голодную забастовку с требованием восстановить их турецкие имена и прекратить этническую ассимиляцию. На следующий день к ним присоединились еще семеро из Пристое и Каолиново. Постепенно число присоединившихся к голодной забастовке возросло («Аз не съм чужденец, аз съм твой син» — «Я не чужой, я твой сын», статья Д. Горчева и Б. Скочева), http://www.epochtimes-bg.com/2009-01/2009-03-02_10.html

²¹ The Turkish Presence in Bulgaria, Ankara, 1986, с. 73.

²² Работническо дело, 30 май 1989. Впоследствии стал известен полный текст выступления Т. Живкова, который заявил: «Крайне необходимо для НРБ выселить 200 тыс, а может быть и 300 тысяч человек, принадлежащих к этой группе населения... Мы уже дали указание МВД как можно быстрее депортировать экстремистов». Цит. по: «Строго поверительно! Ассимиляторската кампания срещу турско-национално малцинство в България» (Строго доверително. Ассимиляторската кампания на турско национално малцинство в България). С., 2009.

²³ Newsweek, 12 June 1989. В 1986 г. на территорию Турции перешло около 100 тыс. иракских курдов, спасавшихся от химической атаки иракской авиации.

²⁴ После того как Т. Живков был отстранен от власти, его ближайшие сподвижники, настаивавшие на депортации мусульман из страны, обвинили своего лидера во всех преступлениях режима, в том числе в проведении кампании по насильственной ассимиляции.

²⁵ Кънев Кр. Законодателство и политика към етническите и религиозните малцинства в България. В: Кръстева, А. (съст.) Общности и идентичности в България. София, 1998, с. 67–117.

²⁶ Первоначально эта организация называлась «Движение за права и свободы турок и мусульман». См.: Поглед. С., 26 март 1990.

²⁷ К весне 1990 г. движение насчитывало в своих рядах более 100 тыс. человек. Кроме турок, помаков и др. представителей мусульманского населения, членами движения были 2 тысячи болгар славянского происхождения.

²⁸ <http://video.google.com/videoplay?doc> Конституция Болгарии, принятая Великим народным собранием Болгарии 12 июля 1991 г., запрещает создание партий на этнической или конфессиональной основе (Параграф 11: 4. <http://www.onlinebg.ru/mediawiki/index.php>). Не допускается образование политических партий на этнической, расовой или религиозной основе. Конституционный суд признал ДПС партией, созданной на этнической основе антиконституционным актом. Однако при голосовании запрет на ДПС не прошел (из 6 человек один воздержался).

²⁹ Софийские новости. С., 5–11 юли 1990.

³⁰ Название партии подчеркивает ее антитурецкую направленность и символизирует «атаку против турецкой экспансии».

³¹ В. Сидерова считают правым националистом, видящим решение задачи по поддержанию и развитию национальной болгарской государственности в отстаивании национальных интересов болгарского народа. Автор сборника статей «Българофобия».

³² 1 января 2007 г. Болгария стала членом Евросоюза.

³³ Демографско развитие на Република България. С., 2005, с. 161.

³⁴ Там же, с. 168.

³⁵ 19 мая считается днем рождения Кемала Ататюрка. Дело в том, что точный день рождения Мустафы не определен: известен лишь год — 1881. Это недоразумение связано с тем, что в то время в стране еще не был принят григорианский календарь. В этот период в Османской империи существовал мусульманский календарь, базирующийся на изменении лунных фаз. Известно лишь, что Ататюрк родился весной. Впоследствии К. Ататюрк выбрал датой своего рождения 19 мая — день начала борьбы за независимость Турции.

³⁶ Параграф 3 Конституции Болгарии (1991 г.) гласит: «Официальный язык — болгарский».

³⁷ <http://www.parliament.bg>

³⁸ <http://www.pravoslavie.ru/press/4992.htm>

ОБ АВТОРАХ

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока (ЦИСБСВ), зам. директора Института востоковедения РАН (ИВ РАН)

Акимов Александр Владимирович — доктор экономических наук, заведующий Отделом экономических исследований ИВ РАН

Мамедова Нина Михайловна — кандидат экономических наук, зав. сектором Ирана ЦИСБСВ, ведущий научный сотрудник ИВ РАН

Каменев Сергей Наумович — кандидат экономических наук, зав. сектором Пакистана ЦИСБСВ, ведущий научный сотрудник ИВ РАН

Ульченко Наталья Юрьевна — кандидат экономических наук, зав. сектором Турции, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, доцент ИСАА МГУ

Жмуйда Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Мосаки Нодари Зейналович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ

Хромова Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, сотрудник ИСАА МГУ

Масумова Нигяр Рагимовна — аспирант МГИМО (У) МИД России

Коргун Виктор Григорьевич — доктор исторических наук, зав. Сектором Афганистана, ведущий научный сотрудник ИВ РАН

Сикоев Руслан Романович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН

Арунова Марианна Рубеновна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, академик РАЕН

Нессар Омар — научный сотрудник ИВ РАН, руководитель Центра исследований современного Афганистана

Окимбеков Убайд Вафабекович — кандидат экономических наук, научный сотрудник ИВ РАН

Паничкин Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, докторант ИВ РАН, доцент Рязанского агроэкономического университета

Замараева Наталья Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Воробьев Александр Вячеславович — аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета

Омархали, Ханна — кандидат философских наук, научный сотрудник Института иранских исследований Университета имени Георга-Августа в Гёттингене, Германия (Georg-August-Universität Göttingen, Seminar für Iranistik, Germany)

Орешкова Светлана Филипповна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН

Дружиловский Сергей Борисович — кандидат исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ

Дунаева Елена Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Каменева Марина Сергеевна — кандидат филологических наук, ученый секретарь ЦИСБСВ, старший научный сотрудник ИВ РАН

Сафаргалиев Ильдар Фаатович — заместитель директора Института диаспоры и интеграции

Барковский Анатолий Леонидович — магистрант Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации (РАГС)

Жигалина Ольга Ивановна — доктор исторических наук, профессор, зав. Сектором курдоведения и региональных проблем ЦИСБСВ, главный научный сотрудник ИВ РАН

Вертяев Кирилл Валентинович — кандидат политических наук, научный сотрудник ИВ РАН

Серенко Ирина Николаевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Филин Никита Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН, преподаватель РГГУ

Киреев Николай Гаврилович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИВ РАН

Черниченкина Наталья Игоревна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИВ РАН

Шлыков Вячеслав Иванович — кандидат исторических наук, доцент ИСАА МГУ

Шлыков Павел Вячеславович — кандидат исторических наук, старший преподаватель ИСАА МГУ

Болдырев Андрей Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН

Уразова Елена Измаиловна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИВ РАН

Иванова Инесса Ильинична — кандидат исторических наук, доцент МГИМО (У) МИД России, старший научный сотрудник ИВ РАН

Кулагина Людмила Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Ахмедов Владимир Муртузович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Федорова Ирина Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Сажин Владимир Игоревич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Евсеев Валерий Валерьевич — кандидат технических наук, Координационный совет РАН по прогнозированию

Бибикова Ольга Павловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

CONTENTS

Preface	5
---------------	---

SECTION 1 MODERN STAGE OF SOCIO-ECONOMIC EVOLUTION

<i>Belokrenitsky V. Y.</i> Globalization, regionalization and divergent trajectories of the development of the Mid-West Asian states.....	12
<i>Akimov A. V.</i> Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan: perspectives of demographic transition and natural resources for life sustenance and economic development	36
<i>Mamedova N. M.</i> Efficiency of economic models (comparative analysis of Iran and Turkey)	44
<i>Kamenev S. N.</i> National calamities in Pakistan (flood) and prospects for economic development.....	56
<i>Ultchenko N. Y.</i> Political economy of modern Islam: Turkey's experience.....	68

SECTION 2 SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES

<i>Zhmuyda I. V.</i> Labor migration and its role in the economic development of Pakistan	88
<i>Mosaki N. M.</i> Kurdish migration in Turkey.....	96
<i>Hromova Y. V.</i> Problems of women's employment in urban Turkey	101

<i>Masumova N. M.</i>	
Modern trends of Turkish labor migration to the West European countries.....	110

**SECTION 3
AFGHANISTAN AND PAKISTAN:
THE TANGLED CONFLICT KNOT**

<i>Korgun V. G.</i>	
Searching for the peaceful solution of the Afghan problem	122
<i>Sikoev R. R.</i>	
Autoritarianism and Democracy in Afghanistan	128
<i>Arunova M. R.</i>	
The Afghan policy of the US president B. Obama	135
<i>Nessar, Omar</i>	
Regional routes of NATO's supplies to Afghanistan	148
<i>Okimbekov U. V.</i>	
Afghanistan electric-power industry in the post-Taliban period.....	153
<i>Panichkin Y. N. (Ryazan)</i>	
Afghanistan-Pakistan relations after the fall of the Taliban regime.....	165
<i>Zamaraeva N. A.</i>	
The rise of the Islamic extremism in Pakistan (2008–2010)	179
<i>Vorobyev A. V. (Kazan)</i>	
The interaction between Washington and Islamabad in the struggle against international terrorism in Afghanistan	202

**SECTION 4
CULTURAL-RELIGIOUS
TRADITIONS AND INNOVATIONS**

<i>Omarhali Hanna (Germany)</i>	
Historical preconditions of the formation of the Canon in the modern Yezid society	216
<i>Oreshkova S. F.</i>	
Islam and Europeanization: the Ottoman-Turkish experience in combining the two civilizational patterns of development.....	224
<i>Druzhilovskiy S. B.</i>	
The development of political thought in Iran and its effect upon the political process	231
<i>Dunaeva E. V.</i>	
The gender issue in Iran and Islamic modernism	248

<i>Kameneva M. S.</i>	
The Spiritual and moral foundations of the Iranian society and their reflection in the modern Persian language	261
<i>Safargaliyev I. F.</i>	
Pakistani sufi Ghulam Habib and his legacy.....	267
<i>Barkovsky A. L.</i>	
Contemporary Islamic approaches to modernization of the commercial activities in the beginning of the XXI century	273

**SECTION 5
ETHNO-CONFESSIONAL
ASPECTS OF POLITICS**

<i>Zhigalina O. I.</i>	
The Kurdish question as ethno-political issue in Western Asian countries.....	286
<i>Vertyaev K. V.</i>	
“Kurdism” as a phenomenon in the political culture of the today’s Turkey	304
<i>Serenko I. V.</i>	
The transformation of the Pakistani educational system as a factor in fighting terrorism.....	314
<i>Filin N. A.</i>	
The situation with terrorism in Iran	323

**SECTION 6
POLITICAL PROCESSES IN TURKEY:
THE SPECIFIC FEATURES
OF THE PRESENT STAGE**

<i>Kireev N. G.</i>	
Turkey: some current results of the policy of the Justice and Development Party.....	342
<i>Chernichenkina N. I.</i>	
Positions of the Justice and Development Party in the interparty politics	365
<i>Shlykov V. I.</i>	
The authoritarian character of the party structures in Turkey: center — periphery relations.....	384

<i>Shlykov P. V.</i> The military elite and political power in Turkey in the 2000s: a change of paradigm?	403
<i>Aleksandrov V. V.</i> “Ergenekon case” as a new factor in the domestic political struggle in Turkey.....	419

SECTION 7
REGIONAL TIES AND RELATION
WITH THE NEIGHBORING COUNTRIES

<i>Urazova E. I.</i> Perspectives of collaboration between Russia and Turkey in the sphere of nuclear energy production.....	459
<i>Ivanova I. I.</i> The Middle East in the Turkish-American relations.....	470
<i>Kulagina L. M., Ahmedov V. M.</i> Iran and the revolutionary movement in the Middle East.....	483
<i>Fedorova I. Y.</i> The Impact of American factor on the Iranian policy in the region	490
<i>Sazhin V. I.</i> The Iranian nuclear program as destabilizing factor in the Middle East.....	497
<i>Evseev V. V.</i> The strategic partnership of China and Iran.....	510
<i>Bibikova O. P.</i> The issue of Bulgarian-Turkish Muslim population in the relationship between Sofia and Ankara.....	524
Authors.....	541

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

РАЗДЕЛ I СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

В. Я. Белокреницкий

Глобализация, регионализация и расходящиеся траектории развития государств Средне-Западной Азии	12
---	----

А. В. Акимов

Турция, Иран, Афганистан, Пакистан: перспективы демографического перехода и природные ресурсы для жизнеобеспечения и экономического развития	36
---	----

Н. М. Мамедова

Эффективность экономических моделей Ирана и Турции (сравнительный анализ)	44
--	----

С. Н. Каменев

Природные катастрофы в Пакистане и перспективы экономического развития	56
---	----

Н. Ю. Ульченко

Политэкономика современного ислама: опыт Турции.....	68
--	----

РАЗДЕЛ II СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

И. В. Жмуйда

Внешняя миграция: роль в экономическом развитии Пакистана.....	88
--	----

Н. З. Мосаки

Миграция курдов в Турции	96
--------------------------------	----

<i>Ю. В. Хромова</i>	
Проблемы городской женской занятости в Турции	101
<i>Н. Р. Масумова</i>	
Современные тенденции турецкой трудовой миграции в страны Западной Европы	110

РАЗДЕЛ III АФГАНО-ПАКИСТАНСКИЙ КОНФЛИКТНЫЙ УЗЕЛ

<i>В. Г. Корзун</i>	
Поиски мирного решения афганской проблемы	122
<i>Р. Р. Сикоев</i>	
Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана.....	128
<i>М. Р. Арунова</i>	
К вопросу об афганской политике президента США Б. Обамы (2009–2011 гг.)	135
<i>Омар Нессар</i>	
Региональные сети снабжения поставок НАТО в Афганистан	148
<i>У. В. Окимбеков</i>	
Состояние афганской электроэнергетики в постталибском периоде	153
<i>Ю. Н. Паничкин (Рязань)</i>	
Отношения между Пакистаном и Афганистаном после свержения режима талибов	165
<i>Н. А. Замаева</i>	
Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг.	179
<i>А. В. Воробьев (Казань)</i>	
Взаимодействие Вашингтона и Исламабада в борьбе с международным терроризмом на территории Афганистана.....	202

РАЗДЕЛ IV КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

<i>Ханна Омархали (Германия)</i>	
Исторические предпосылки формирования Канона в современном йезидском обществе	216

<i>С. Ф. Орешкова</i>	
Ислам и европеизация: османско-турецкий опыт сочетания двух цивилизационных путей развития.....	224
<i>С. Б. Дружиловский</i>	
Развитие политической мысли в Иране и ее влияние на ход политического процесса	231
<i>Е. В. Дунаева</i>	
Гендерная ситуация в Иране и исламский модернизм	248
<i>М. С. Каменева</i>	
Духовно-нравственные устои иранского общества и их отражение в современном персидском языке	261
<i>И. Ф. Сафаргалиев</i>	
Пакистанский суфий Гулам Хабиб и его наследие	267
<i>А. Л. Барковский</i>	
Современные исламские подходы к модернизации коммерческой деятельности.....	273

РАЗДЕЛ V ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕРРОРИЗМ

<i>О. И. Жигалина</i>	
Курдский вопрос в странах Западной Азии как этнополитический конфликт	286
<i>К. В. Вертяев</i>	
«Курдизм» как феномен политической культуры современной Турции.....	304
<i>И. Н. Серенко</i>	
Трансформация пакистанской системы образования как фактор борьбы с терроризмом	314
<i>Н. А. Филин</i>	
Террористическая ситуация в Иране	323

РАЗДЕЛ VI ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРЦИИ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА

<i>Н. Г. Киреев</i>	
О некоторых направлениях деятельности правящей в Турции Партии справедливости и развития на современном этапе	342

<i>Н. И. Черниченкина</i>	
Позиции ПСР в межпартийной борьбе в Турции	365
<i>В. И. Шлыков</i>	
Авторитарный характер партийных структур в Турции: взаимоотношения центра и периферии	384
<i>П. В. Шлыков</i>	
Военная элита и политическая власть в Турции 2000-х гг.: смена парадигмы?	403
<i>В. В. Александров</i>	
Дело Эргенекона как новый фактор во внутриполитической борьбе в Турции.....	419

РАЗДЕЛ VII
ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ СТРАНАМИ РЕГИОНА
И СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

<i>А. В. Болдырев</i>	
Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений.....	434
<i>Е. И. Уразова</i>	
Перспективы сотрудничества России и Турции в атомной энергетике	459
<i>И. И. Иванова</i>	
Ближний Восток в турецко-американских отношениях.....	470
<i>Л. М. Кулагина, В. М. Ахмедов</i>	
Иран и «народные революции» на Арабском Востоке.....	483
<i>И. Е. Федорова</i>	
Влияние американского фактора на политику Ирана в регионе.....	490
<i>Владимир Сажин</i>	
Ядерная программа Ирана как фактор дестабилизации на Ближнем и Среднем Востоке	497
<i>В. В. Евсеев</i>	
О стратегическом партнерстве Китая и Ирана.....	510
<i>О. П. Бибикина</i>	
Проблема болгаро-турецкого мусульманского населения в отношениях между Софией и Анкарой	524
Об авторах.....	541

Научное издание

**Мусульманское пространство
по периметру границ Кавказа и Центральной Азии**

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Российской академии наук

Корректор Л.В. Хохлова
Верстка А.В. Ельцовой

Подписано в печать 30.01.2012. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 34,5. Уч.-изд. л. 33. Тираж 500 экз.
Заказ № 630.

Учреждение Российской академии наук
Институт востоковедения
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Зайцев
Издание подготовлено при участии Ю.В. Чудодеева

ООО Издательство «Крафт+»
129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 4
Тел.: (495) 620-36-94, 620-36-95, 926-25-48
E-mail: kraft2010@list.ru
mnogoknig2011@yandex.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
<http://www.gipp.kirov.ru>
e-mail: order@gipp.kirov.ru